

Центр политической концептологии
Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем
Южного федерального университета

Донская государственная публичная библиотека

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ РОСТОВ: книга дискуссий

Монография

Ответственный редактор В.П.Макаренко

Ростов-на-Дону
2014

УДК 141.1
ББК 87.6
М15

*Печатается по решению Ученого совета Северо-Кавказского НИИ
экономических и социальных проблем*

Рецензенты:

доктор философских наук, профессор **А.В. Лубский**;
доктор социологических наук, профессор **Т.А. Марченко**

М15 Интеллектуальный Ростов: книга дискуссий: монография / отв.
ред. В.П. Макаренко; Южный федеральный университет. – Рос-
тов-на-Дону : Издательство Южного федерального университета,
2014. – 696 с.

ISBN 978-5-9275-1304-8

В книге содержатся стенограммы дискуссий, проведенных в 2009-2013 гг. Центром политической концептологии Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем Южного федерального университета и клубом «Интеллектуальный Ростов» Донской государственной публичной библиотеки.

Книга будет полезна всем, кто интересуется современной политической и социально-философской мыслью и желает стать сознательным гражданином страны.

Публикуется в авторской редакции.

**УДК 141.1
ББК 87.6**

ISBN 978-5-9275-1304-8

© Макаренко В.П. (составление и общая редакция тома), 2014
© Донская государственная публичная библиотека, 2014
© Оформление. Макет. Издательство
Южного федерального университета, 2014

ОТ РЕДАКТОРА

Предыстория данной книги восходит прежде всего к фактам моей интеллектуальной и научной биографии. В 15 лет младшая сестра написала:

Плоские шутки, тупые остроты, -
Мысли живой ни в одном.
Словно не люди живые, а трупы
Все заселили кругом.

Презрение к рутине во всех ее формах во мне тоже сформировалось довольно рано. Стремление к живой мысли и осознание интеллектуальной мертвечины большинства людей возникло в ранней юности. Быть может, потому, что родители стремились общаться с интересными людьми. Приведу лишь один факт: соседку, которая говорила только то, что всем хорошо известно и всем поддакивала, мама прозвала «Нда-нда» (сокращение от «Ну-да, ну-да»). Отвращение к поддакиванию кому бы то ни было мне знакомо с детства. А мир книг для меня всегда был намного интереснее окружающей жизни, в которой лишь иногда попадались крупинцы человеческой оригинальности и самобытности. Когда я поступил на философский факультет, то заметил, что большинство преподавателей скучны и неинтересны. А большинство ровесников не читает ничего, кроме учебников. Под влиянием этого факта и убеждения я на студенческой скамье начал сознательно создавать десятилетние планы изучения первоисточников по философской и политической мысли. Это делалось для противодействия житейской и идейной рутине, в которой варились ровесники. Конечно, планы не удалось реализовать все и полностью. Но эта цель значима до сих пор. К ней всегда добавлялись задачи календарного характера. В 1970-1980-е гг. я изучал конкретные проблемы бюрократии, оппозиции, легитимности, теории и истории марксизма, политической философии. Результат штудий воплотился в семи

книгах, полусотне статей и одной переведенной коллективной монографии¹. Эту продукцию коллеги одобрили².

Однако далеко не всем понравились главные выводы моего первого цикла исследований: государственный аппарат – это социальный организм-паразит; советская власть на всем протяжении своего существования утверждала идею о тождестве оппозиционной и антигосударственной деятельности; эта идея популярна до сих пор, хотя является политической и научной ложью; на деле политическая оппозиция – это движение, которое стремится забрать власть из рук одной политической силы и передать ее другой политической силе; легитимность – это такое состояние государства и всех его элементов, при котором они обладают политической правотой и научной истинностью; но политическая правота и научная истинность были и останутся спорными; поэтому все государства, правительства, государственные аппараты, а также все разновидности оппозиционной, повстанческой, реформаторской и революционной деятельности являются частично легитимными; реальная политика есть практическое воплощение абсурда; когнитивное сопротивление всему миру накопленной политической лжи есть необходимое следствие политического отчуждения и элемент гражданского сопротивления.

Эти выводы послужили теоретическим и аксиологическим толчком для разработки политической концептологии, идея которой впервые пришла мне в голову в 1995 году, после изучения трудов по аналитической философии, во время подготовки к участию в международной конференции, посвященной столетию Львовско-Варшавской школы, на которой я сделал первый доклад на эту тему. Затем я опробовал идею на другой конференции. Первая публикация по политической концептоло-

¹ См.: *Макаренко В.П.* Анализ бюрократии классово-антагонистического общества в ранних работах Карла Маркса: очерк проблематики и методологии исследования. Ростов-на-Дону, изд. РГУ, 1985; *Он же.* Бюрократия и государство: ленинский анализ бюрократии царской России. Ростов-на-Дону, изд. РГУ, 1987; *Он же.* Вера, власть и бюрократия: критика социологии Макса Вебера. Ростов-на-Дону, изд. РГУ, 1988; *Он же.* Бюрократия и сталинизм. Ростов-на-Дону, изд. РГУ, 1989; *Он же.* Революция и власть. Ростов-на-Дону, Ростиздат, 1990; *Он же.* Кризис власти и политическая оппозиция // *Политика.* 1990, № 11; *Элементы теории политики.* Перевод с польского. Под ред. В.П.Макаренко. Ростов-на-Дону, изд. РГУ, 1991; *Он же.* Марксизм: идея и власть. Ростов-на-Дону, изд. РГУ, 1992; *Он же.* Политическая философия. Ростов-на-Дону, Логос, 1992; *Он же.* Власть и легитимность // *Россия-США: опыт политического развития.* Отв.ред. В.П.Макаренко, М.Н.Марченко. Ростов-на-Дону, изд. РГУ, 1993

² Положительные рецензии на книги были опубликованы в журналах «Вопросы истории», «Вопросы экономики», советское государство и право», «Рабочий класс и современный мир», «Вопросы истории КПСС», «Философские науки», «Новый мир», «Нева», «Дон», «Простор», «Родник», «Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы» и др.

гии относится к 1996 году³. С этой публикации начался второй цикл исследований.

В 1990-е гг. я получал гранты различных фондов по темам бюрократии, легитимности, метатеории политической реальности, русской власти, духовного сопротивления коммунистической системе власти в странах Восточной Европы, интересов и главных идеологий современности. Результаты грантов воплощены в статьях и книгах⁴, которые тоже получали различные оценки коллег⁵. Так впервые я осознал факт: одна и та же написанная статья и книга одновременно нравится и не нравится различным коллегам. Таков был мой путь к одному из главных принципов аналитической философии – принципу сущностной оспариваемости всех философских и политических концепций, понятий, программ, направлений деятельности государства, политических партий, их лидеров и т.д. Аналитическая философия формулирует его как всеобщий принцип изучения политической теории и политической практики. Я пришел к нему в результате изучения множества конкретных проблем. Этот принцип объясняет также содержание этой книги.

Но путь к ней длился почти двадцать лет. Для проверки исходных идей я начал писать статьи в ведущие журналы по основным отраслям философии и социальных наук («Вопросы философии», «Социс», «Полис», «Общество и экономика», «Правоведение», «Космополис» и др.), книги, а также читать лекции по политической концептологии. Все эти действия затем воплотились в первом учебном пособии на эту тему⁶. Эти издания тоже обсуждаются в научном сообществе.

³ Первая статья о политической концептологии: *Макаренко В.П. Марченко Т.А.* Политическая концептология // *Народы Содружества независимых государств накануне третьего тысячелетия: реалии и перспективы. Тезисы Международного научного конгресса.* Санкт-Петербург, 15-17 мая 1996 г. Т.3. СПб, Петрополис, 1996, с.19-21

⁴ См.: *Волков Ю.Г., Лубский А.В., Макаренко В.П.* Легитимность политической власти: методологические проблемы и российские реалии. М., Высшая школа, 1996; *Макаренко В.П.* Русская власть: теоретико-социологические проблемы. Ростов-на-Дону, изд. Северо-Кавказского научного центра высшей школы, 1998; *Он же.* Проблема общего зла: расплата за непоследовательность. М. Вузовская книга. 2000; *Он же.* Главные идеологии современности. Ростов-на-Дону, Феникс, 2000

⁵ См.: *Мигольцев А.А.* Рецензия на книгу Макаренко В.П. Русская власть (теоретико-социологические проблемы). Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 1998, 448 с. // *Социс.* 2000, № 2; *Давидович В.Е.* Рецензия на книгу Макаренко В.П. Главные идеологии современности. Ростов-на-Дону: Изд-во Феникс, 2000 // *София.* 2003, № 3; *Епанчин Ю.Л.* Слабость власти и сила класса. О книге В.П. Макаренко «Русская власть». Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 1998 // <http://maxpark.com/community/politic/content/1511467>

⁶ См.: *Макаренко В.П.* Аналитическая Политическая философия: очерки политической концептологии. М., Праксис, 2002; *Он же.* Политическая концептология: обзор повестки дня. М., 2005; *Он же.* Политическая концептология: учебное пособие. Ростов-на-Дону, Изд. ЮФУ, 2011

Лишь в нулевые годы я начал придавать идеям политической концептологии организационную форму. При кафедре политической теории Южного федерального университета возник теоретический семинар, на котором мы обсуждали проблемы политической теории и практики. Эта теоретическая и педагогическая деятельность вначале получила организационное воплощение на уровне Южного федерального университета. В 2007 г. кафедра политической теории получила грант Южного федерального университета по теме политической концептологии, в сентябре 2008 г. был создан Центр политической концептологии при кафедре политической теории. В 2010 г. Центр стал штатным научным учреждением Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем Южного федерального университета. В 2012 г. на шестом Российском политологическом конгрессе стоялось конституирование Исследовательского комитета по политической концептологии Российской ассоциации политических наук⁷. С грустью вспоминаю, что покойный ректор, профессор Владислав Георгиевич Захаревич поддержал нашу инициативу. За это ему я навсегда признателен.

Главная цель Центра политической концептологии – проведение исследований по фундаментальным проблемам развития региона, страны и мира, интеллектуальное, экспертное и организационное обеспечение дебатов по фундаментальным проблемам современного общества, информационно-аналитическая работа, разработка и внедрение инновационных проектов в сфере стратегического планирования, политических, философских и социогуманитарных наук и образования.

В соответствии с этой целью мы начали проведение научных конференций, на которые приглашали известных специалистов из ведущих научных учреждений Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Екатеринбурга, Киева и других городов. Это позволило сразу отсеять пошлые диссертационные интересы при проведении дискуссий⁸, задать им нормальную интеллектуальную и персональную планку. Здесь мы опирались на творчество Михаила Константиновича Петрова, который значительную часть своей жизни прожил в Ростове-на-Дону. Первую всероссийскую конференцию «Идеи М.К.Петрова и политическая концептология» мы провели осенью 2007 года⁹. На нее были приглашены Александр

Павлович Огурцов – выдающийся российский философ, лауреат Государственной премии РФ, крупный специалист в сфере философии науки, и Светлана Сергеевна Неретина – известный специалист в сфере средневековой философии и автор первых работ по проблемам концептологии. Оба они хорошо знали М.К.Петрова и его творчество, поддерживали его в период нравственно-политического падения, характерного для времен зрелого и перезрелого советского общества. Они были младшими друзьями Михаила Константиновича, у всех была сложная научная и житейская судьба. Иначе говоря, я считаю нравственно-политический критерий при становлении постсоветского научного сообщества, включая его ростовский вариант, важнее денег, успеха и даже интеллектуальных достоинств.

В соответствии с этим критерием мы начали приглашать на наши конференции тех и только тех авторов, которые создавали оригинальные концепции. Докторов наук и профессоров в России много, оригинальных авторов среди них единицы. Большинство норовит попасть в ногу с «велениями времени» и интеллектуально-политическими модами. Немногие отваживаются противостоять конъюнктуре. Среди отважных мы искали и ищем авторов. В 2009 г. начал выходить электронный журнал "Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований", в котором публиковались статьи коллег, стенограммы творческих мастерских, конференций и семинаров, обсуждений книг¹⁰. Так формировался портфель этой книги.

Поворотным пунктом для перевода этой деятельности на уровень города Ростова-на-Дону стал выход в книжной серии «Философия России второй половины XX века» коллективной монографии «Михаил Константинович Петров» под редакцией С.С.Неретиной¹¹. М.К.Петров – единственный из ростовских философов, который удостоился чести быть опубликованным в данной серии. Это значит, что он не состоял в интеллектуальных холуях советской власти, хотя был убежденным марксистом¹². В июне 2010 г. мы сделали презентацию указанной книги и на этой основе конституировали клуб «Интеллектуальный Ростов» при

⁷ См.: http://www.rapn.ru/in.php?part=in&gr=1625&n=35&p=0&to=research_bodies

⁸ Под пошлостью я имею в виду феномен «Диссертационной ловушки», прекрасно описанный Е.Балацким.

⁹ См.: Идеи М.К. Петрова и политическая концептология. Отв. ред.: В.П.Макаренко. – Ростов-на-Дону: 2007. – 286 с. http://polittheory.narod.ru/Library/Petrov_politconcept.pdf

¹⁰ См.: <http://politconcept.sfedu.ru>

¹¹ См.: Михаил Константинович Петров. Под ред. С.С.Неретиной. М., РОССПЭН, 2010

¹² См.: Макаренко В.П. Научно-техническая контрреволюция: идеи М.К.Петрова как источник мысли. Ростов-на-Дону, Ростиздат, 2011; Он же. Практикующие гегельянцы и социальная инерция: фрагменты политической философии М.К.Петрова. Ростов-на-Дону, МАРТ, 2013; Он же. «Решенные вопросы»: повесть М.К.Петрова «Экзамен не состоялся» // Вопросы философии. 2014, № 1

Донской государственной публичной библиотеке. С тех все наши дискуссии идут под патронатом клуба. Одновременно мы входили в информационное пространство¹³. Здесь я хотел бы сердечно поблагодарить Евгению Михайловну Колесникову, Ларису Капреловну Поповян и других сотрудников библиотеки, а также журналистов ГРТК «Дон-ТР» Ольгу Кондрашову и Ивана Афонина за дружескую поддержку всех наших акций. Печально, что среди нас нет уже Светланы Михайловны Новиковой, которая всегда нам помогала.

Не менее того я признателен Марине Александровне Боровской – ныне действующему ректору Южного федерального университета – за грантовое стимулирование нашей деятельности. Однако интеллектуальный уровень книги – заслуга наших коллег из Москвы, Киева, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга и других городов. Каждый может судить, насколько они помогают нам преодолевать интеллектуальное хуторянство в его ростовском издании.

Стало быть, появление этой книги стало возможным в результате переплетения множества биографических, интеллектуальных, теоретических, научно-организационных, географических, журнальных и библиотечных интересов и трендов. Книга состоит из стенограмм большей части дискуссий, проведенных Центром политической концептологии в рамках клуба «Интеллектуальный Ростов». К сожалению, по техническим причинам не все стенограммы сохранились. И все же книга может рассматриваться как первый том архива Центра политической концептологии и Клуба «Интеллектуальный Ростов».

Но главная моя благодарность направлена читателям и слушателям. Спасибо за духовную радость, которую Вы с нами разделяете!

В заключение скажу, что все содержащиеся в книге тексты первоначально были опубликованы в журнале «Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований». Сергей Петрович Поцелуев и Михаил Сергеевич Константинов стояли у его истоков. Самое время немного скорректировать А.С.Пушкина и сказать: «Бог помочь вам, соратники мои!»

¹³ См.: http://www.polisportal.ru/index.php?page_id=200; http://www.polisportal.ru/index.php?page_id=201; http://www.polisportal.ru/index.php?page_id=223; http://www.civisbook.ru/index.php?page_id=201&ret=192; http://www.youtube.com/watch?v=Kn0CWJXJ_I4Y; [http://www.youtube.com/watch?v=YAJft8u5rml&feature=youtube](http://www.youtube.com/watch?v=YAJft8u5rml&feature=youtube;); <http://www.youtube.com/watch?v=DWqpYZHaOal> и др.

Вся наша деятельность шла и продолжает идти при постоянной помощи Татьяны Александровны Марченко. Без нее ничего бы не произошло.

Для пояснения сути политической концептологии приведу пример. В настоящее время властвующие круги России используют советско-германскую войну для легитимизации собственной власти. Между тем почти не обсуждаются сюжеты, описанные в наконец-то опубликованном дневнике Ольги Берггольц. В блокадном Ленинграде она писала: «Нам сказали – «создайте в домах группы в помощь НКВД, чтоб вылавливать шептунов и паникеров». Еще «мероприятие»! Это вместо того, чтоб честно обратиться к народу вышестоящим людям и чтоб честно объяснить, что к чему». «Сегодня Коля закопает эти мои дневники. Все-таки в них много правды, несмотря на их ничтожность и мелкость. Если выживу – пригодятся, чтоб написать всю правду. О беспредельной вере в теорию, о жертвах во имя ее осуществления – казалось, что она осуществима. О том, как потом политика сожрала теорию, прикрываясь ее же знаменами, как шли годы немыслимой, удушающей лжи... – годы страшной лжи, годы мучительнейшего раздвоения всех мыслящих людей, которые были верны теории и видели, что на практике, в политике – все наоборот, и не могли, абсолютно не могли выступить против политики, поедающей теорию, и молчали, и мучились отчаянно, и голосовали за исключение людей, в чьей невинности были убеждены, и лгали, лгали невольно, страшно, и боялись друг друга, и не щадили себя, и дико, отчаянно пытались верить». «Я не знаю, чего во мне больше – ненависти к немцам или раздражения, бешеного, щемящего, смешанного с дикой жалостью, – к нашему правительству. Этак обоссаться! Почти вся Украина у немцев – наша сталь, наш уголь, наши люди, люди, люди!...». «Ирина рассказывала о Ленинграде, там все то же: трупы на улицах, голод, дикий артобстрел, немцы на горле. Теперь запрещено слово «дистрофия», – смерть происходит от других причин, но не от голода!». «В то же время Жданов присылает сюда телеграмму с требованием – прекратить посылку индивидуальных подарков организациями в Ленинград. Это, мол, вызывает «нехорошие политические последствия». «Правды о Ленинграде говорить нельзя (ценою наших смертей – и то не можем добиться мы правды)... «ОНИ» делают с нами что хотят». НКВД она называла «мерзейшая сволочь». «Ненавижу! Воюю за то, чтоб стереть с лица советской земли их мерзкий, антинародный переродившийся институт». «Социализм – это учет. Коммунизм – переучет. Коммунизм – это Советская власть минус

НКВД». И в заключение: «Интеллигент, в порыве патриотизма – не самодонесись»¹⁴.

Если перейти на язык Ольги Берггольц, то задача политической концептологии состоит не только в выработке методологических средств для противостояния лжи, но и в том, чтобы не дать политике в очередной раз сожрать политическую теорию. В общем виде политическая концептология есть междисциплинарный интегративный подход к анализу, пониманию и моделированию политической реальности. В современной философии науки существуют конкурирующие концепции междисциплинарности, анализа и понимания¹⁵. Поэтому методологический выбор исследователя переплетен с политическим. Пространство этого выбора сводится к альтернативе «предельная ангажированность – максимальное дистанцирование». Предельная ангажированность выражается в социальном и познавательном перфекционизме. Для его обоснования могут использоваться как повседневный сервиллизм, так и рафинированные детерминистские схемы, включая весь корпус социогуманитарных знаний при описании социальной и политической истории своего народа и страны. Эти процедуры и связанные с ними познавательные схемы являются вариантами традиционализма, экономикоцентризма, кратоцентризма и идеократии в региональном, национально-государственном, цивилизационном и мировом измерениях. Вряд ли можно указать теоретика, который был бы абсолютно свободен от данных вариантов и измерений. В большинстве случаев связь методологического и политического выбора ведет к бессознательному или осознанному редукционизму.

Эта связь не позволяет строго сформулировать и постоянно держать в поле зрения проблему максимального дистанцирования исследователя от всех перечисленных привычек, схем и процедур. Например, в настоящее время в отечественной экономической теории, социологии, политической науке и историографии используются схемы, подходы и интеллектуально-политические моды, которые длительное время господствовали в зарубежной советологии. Указанные схемы, подходы и моды не дают возможности адекватно описать процессы, происходящие в России. Из-за этого идеологические дискуссии остаются бессодержа-

¹⁴ Ольга. Запретный дневник. Дневники, письма, проза, избранные стихотворения и поэмы Ольги Берггольц. СПб, Азбука, 2011, с. 61–64, 82–83, 89, 94–95, 170, 183

¹⁵ См.: Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада. М., 1996

тельными, а культурология, социальные науки и политика в современной России являются примерами такой бессодержательности¹⁶.

Для пояснения проблемы дистанцирования воспользуюсь примером. В настоящее время в мире существует около 240 государств. Каждое из них стремится придать как можно большее значение собственным историческим и социальным процессам. Но мне еще не приходилось слышать о таких системах образования, информации и социогуманитарных исследований, которые уделяют истории, событиям и процессам своей страны ровно 1/240 часть времени и средств педагогической, журналистской и научной деятельности. Дистанцирование – это полемика с существующими формами неравенства и монополии в этой сфере. Речь идет о разработке концепций, позволяющих поставить под вопрос все формы информационного и познавательного, внутреннего и внешнего империализма. Наши дискуссии могут рассматриваться как движение в этом направлении.

¹⁶ См.: Малия М. Из-под глыб, но что?.. Очерк истории западной советологии // Отечественная история. 1997, № 5; Следзевский И.В. Эвристические возможности и пределы цивилизационного подхода // Цивилизации. Вып.4, М., 1997; Автономова Н.С. Заметки о философском языке: традиции, проблемы, перспективы // Вопросы философии. 1999, № 11

**СИСТЕМА РУССКОЙ ВЛАСТИ:
ДИССОНАНСЫ ИЛИ СОЗВУЧИЯ КОНЦЕПТОВ?**
(СТЕНОГРАММА ТВОРЧЕСКОЙ МАСТЕРСКОЙ, 28–29 МАЯ 2009 Г.)

В.П.Макаренко: Уважаемые коллеги, разрешите начать творческую мастерскую на тему «Система русской власти: диссонансы или созвучия концептов». Первоначальный вариант подзаголовка звучал иначе: «Сравнительный анализ концепций Ю.С.Пивоварова-А.И.Фурсова и В.П.Макаренко». Но по ходу согласований выяснилось: позиции Ю.С.Пивоварова и А.И.Фурсова разошлись. Поэтому мы выбрали нейтральный вариант названия. Идея творческой мастерской состоит в привлечении известных учёных для их докладов по концепциям, которые уже опубликованы и обсуждаются в научном сообществе. Эта форма работы входит в рамки гранта ЮФУ по теме «Политическая концептология». Мы проводим уже пятую конференцию. Теперь нам надо не столько заниматься самовыражением или разговорами на общие темы, сколько обсуждать конкретные авторские концепции. Поэтому главное требование к участникам – знание анализируемого и критикуемого материала.

Дебаты будут развёрнуты вокруг следующих основных вопросов:

- Каков теоретический и социальный контекст генезиса концепций
- Как авторы вычленяют объект исследования
- Какие основные понятия, метафоры, идеи и концепты вводятся для анализа
- Какие правила и закономерности поведения анализируемого объекта фиксируются концепциями
- Каковы социально-политические и теоретические следствия концепций
- Есть ли аномалии и нерешённые вопросы в структуре и следствиях концептов
- Какое влияние концепции оказывают на социально-политическую мысль России, ее отдельных регионов и сопредельных государств

Основой обсуждения сегодня и завтра будут труды присутствующего здесь Ю.С.Пивоварова – академика РАН, директора Института научной информации по общественным наукам РАН. Вместе с А.И.Фурсовым он опубликовал в «Русском историческом журнале» (Лето 1998, Том 1, № 3) работу «Русская система – генезис, структура, функционирование (тезисы и рабочие гипотезы)». А также моя книга «Русская власть: тео-

ретико-социологические проблемы» (изд. СКНЦ ВШ, 1998). Она выполнена по гранту Российского гуманитарного научного фонда (проект 95-06-17929).

В нашей мастерской принимают участие ученые, преподаватели, студенты и аспиранты Москвы, Киева, Ростова-на-Дону, Таганрога, Новочеркасска. Пару слов о регламенте: у нас классический академический способ работы – доклады (30–40 минут), выступления в дискуссиях (10–15 минут), реплики (3–5 минут). Разрешите приступить к выполнению повестки дня. Слово предоставляется ректору Южного федерального университета профессору Захаревичу В.Г.

В.Г.Захаревич: Дорогие друзья! Я помню, как ещё будучи молодым человеком прочитал древнее изречение: «То, что знают мастера, не написано в книгах мастеров». Некоторое знание невозможно выразить в словах, будь то речь или письменный источник. Второй момент по поводу вашего мастер-класса – национальный проект дает нам широкие возможности. Мы можем себе позволить приглашать выдающихся людей России для общения на эти темы. Один из них здесь находится. Насчет темы конференции я хочу сказать пару критических слов. Тема тяжелая. Если взять в качестве примера социально-экономического и другого развития японцев, то они любят начальство, любят работу, очень трудолюбивы, аккуратны и т.д. Германия – разрушенная страна, всё восстановила благодаря своей пунктуальности, хорошему отношению к труду и прочим вещам. А у нас историческая нелюбовь к начальству, выполнение любой работы спустя рукава. Если бы канцлер Гельмут Коль взял миллион немцев и приехал бы к нам в Россию и поуправлял, что бы получилось? У нас народ необычный. Какие нужно использовать необычные средства, чтоб русского человека поднять на деятельность? Это вопрос сложный. Поэтому я считаю, что актуальность темы мастерской несомненна. Желаю всем удачи в этом непростом деле!

В.П.Макаренко: Слово академику РАН, профессору Ю.С.Пивоварову.

Ю.С.Пивоваров: Спасибо, Владислав Георгиевич и Виктор Павлович – за приглашение и такие теплые слова. Но немного смешно – мы все научные работники, не более того. То, что мы сделали, узнают потом – через много лет, когда мы помрём. Многие работы, которые когда-то превозносились, уже забыты, о них никто не помнит. В любом случае огромное спасибо, я впервые в Ростове-на-Дону, в университете и в этой

библиотеке – мне очень приятно. Я постараюсь соответствовать и рассказать то, что могу.

Хочется несколько слов рассказать о своем институте. Это Институт научной информации по общественным наукам, сокращенно ИНИОН. Это часть РАН и самый большой гуманитарный институт ее структуры. Он основан в 1969 году, но ещё в 1918 году В.И. Ленин создал фундаментальную библиотеку по общественным наукам. Ленин, которого сейчас модно критиковать, был человеком вполне современным. Он хотел иметь то, что имеют американские президенты – Библиотеку Конгресса. Библиотека Конгресса США не просто библиотека – это исследовательский центр, он обслуживает деловую и политическую элиту правительства Штатов. В СССР такую библиотеку стали создавать большевики, которые в эмиграции работали в библиотеке Конгресса США. Правда, к 1936 году их всех порешили – кого в лагерь отправили, кого расстреляли просто, но как в России бывает – это никуда не исчезло, а начало перерабатываться. В конечном счёте на основе этой библиотеки решением ЦК КПСС создали институт в 1969 году. Тогда основной задачей было – говорить правду власти, что происходит за рубежом. То-есть, были люди, которые должны были сидеть и читать западные и восточные книжки и журналы, писать правду во все органы, которые принимают решения (КГБ, МИД, Совмин и т.д.), в виде текстов «для служебного пользования». Этот институт привлёк много толковых людей – поскольку это было единственное место, где не было цензуры и были самые новые книги. Надо сказать, советское правительство потратило много денег на закупку литературы и создало прекрасную библиотеку. В 1980-е годы это была лучшая библиотека по общественным наукам, она уступала только библиотеке американского Конгресса. Но в 1990 годы наступил полный провал, нет заказчика, сейчас Академия Наук переживает не лучшие времена. Однако мы по-прежнему сохранили свою работу, как мини-академия наук, имеем массу отделов – социологии, истории, философии, политологии. Мы работаем по всем дисциплинам социального знания и по всем регионам, выпускаем реферативные сборники, обзоры и библиографические базы данных, монографии и т.д. Наш институт – это такой холдинг, включает в себя библиотеку, исследовательский центр, лаборатории, издательства и т.п. Сейчас у нас более 14 млн. единиц хранения, это третья в России библиотека по количеству единиц хранения. Если кто-то будет в Москве – милости просим: метро «Профсоюзная», Нахимовский проспект 51/21. Вы, как сотрудники университета, имеете право пользо-

ваться нашими материалами, и я бы хотел сказать, что очень выгодно пользоваться нашими материалами, библиографическими изданиями, поскольку это такой моментальный снимок того, что происходит в науке – можно держать руку на пульсе. В этом смысле это вещь достаточно полезная. Вот и всё, что я хотел рассказать о нашем институте. Ещё раз спасибо за приглашение. Я думаю, мы можем начинать нашу работу. Я и моя коллега, профессор Глебова И.И. постараемся соответствовать, насколько это возможно.

Вы знаете, те книги, которые я со своими коллегами пишу, – на их основе трудно управлять обществом, они могут лишь помочь что-либо прояснить. Например, Ваш вопрос, Владислав Георгиевич, по поводу Гельмута Коля: если бы он сюда приехал, он бы не смог работать. Между прочим, до революции треть русской деловой элиты были выходцы из Германии. Как-то работали, и неплохо работали. Хотя как бывший германист могу сказать, что для меня является большой загадкой, как Германия, уничтоженная в 1945 году Советской армией, смогла всё так сделать. Они находились в гораздо большей разрухе, чем мы, все основные промышленные города были развалены, не осталось ни одного нетронутого города. Они сумели все поднять – это просто невероятно.

Вопрос из зала: А план Маршалла?

Ю.С.Пивоваров: План Маршалла, конечно, помог, но не сыграл решающую роль, там было много вещей, например, когда до 1956 года был запрет на вывоз валюты из страны – деньги должны были храниться в Германии. У них не было нефти, газа, и с углём непонятно что. Я думаю, причина кроется в немцах, в их характере. Но об этом мы можем ещё поговорить. Спасибо.

В.П.Макаренко: Слово член-корреспонденту Академии педагогических наук Украины, доктору исторических наук, профессору Василию Николаевичу Ткаченко.

В.Н.Ткаченко: Я, собственно, не активный участник сегодняшнего дискурса. Мне представляется наше собрание очень интересным. Было бы не корректно с украинской стороны вникать в анализ русской власти. Мы должны получить тот анализ, как сами русские относятся к своей истории и власти – это будет нормально. Это не значит, что мы самоустраиваемся от этого дела – это очень деликатная проблема. У нас в исторической науке до сих пор не разобрались, где кончается история и начинается политика. Мне представляется, что мы должны быть весьма корректны в оценках друг друга. Я думаю, исследователи Ростова-на-До-

ну накопили немалый материал по этому вопросу, и мы сможем продуктивно общаться. Важно выслушивать точку зрения другого, уметь представлять, что у другого может быть своя точка зрения по этому вопросу. У меня она тоже есть, как у человека, проработавшего 13 лет в государственных органах, и старавшегося выстраивать отношения между соседями – Россией, Белоруссией, Молдавией гармонично. Мы должны жить вместе дружно, но беспокоят некоторые тенденции. Вчера приехал в Ростов, как-то не спалось, и по телевизору часа в три ночи вышел на дискуссию – там Марков, Рыжов вместе с двумя журналистками обсуждали эту тему – связь между историей и политикой. И выяснили, что русская историческая наука хорошая, а вот украинская историческая наука призвана формировать из русских образ врага. Ну, сказал и сказал, но это ведь не я один только слышу, а многие, и формируется общественное мнение. Мне бы не хотелось оставлять этот вопрос просто так, в воздухе. Социологические данные показывают, что это не так. Вот опросы Центра Ю.Левады в Москве, они разрабатывают совместные методологии, чтоб не было различия в трактовках. Последние события в Грузии подогрели общественное мнение, но что характерно для Украины – как раньше 80% украинцев хорошо относилось к России – до грузинских событий, так и после них.

Нас очень беспокоит такая цифра: до грузинских событий к украинцам в России хорошо относились 54%, а после грузинских событий 37%. Мне представляется, что мы, научные работники, собираясь вместе, призваны не забывать о конечном итоге нашей научной работы. В этой аудитории я бы хотел вспомнить одну притчу, мудрость еврейской культуры:

В период беззакония еврей противен Господу Богу. Евреи говорят – Дай нам закон. Господь Бог сказал – хорошо, я дам вам закон, но где гарантия, что может поручиться, что мы будем выполнять этот закон? Тогда евреи сказали – наши предки и будут, Авраам, Яков и т.д. Господь Бог сказал: где вы такое видели, чтобы мертвый человек мог поручиться за деяния живого? Тогда евреи сказали: ну тогда мы берём на себя ответственность, мы поручаем, что будем выполнять закон. Господь Бог тогда сказал – где вы такое видели, чтоб тот, кто берёт, сам неё ответственность за свои дела. И евреи ответили: тогда поручителями за нас будут наши дети. И тогда Господь Бог сказал: это правильно и это мудро. Поэтому очень важно задуматься о том, что мы оставим нашим детям, какие деяния будут после нас. Спасибо, я думаю, наша работа будет идти в таком направлении.

В.П.Макаренко: Разрешите перейти ко второй части нашей работы. Здесь, в основном, собрались книжные люди. Начнем с рассказа о новых изданиях. Мы уже более 2-х лет продолжаем творческое сотрудничество с коллегами-экономистами. Предоставляю слово доктору экономических наук, профессору, Заслуженному деятелю науки РФ Октаю Юсуфовичу Мамедову.

О.Ю.Мамедов: Мне радостно, что наконец собрались здесь все обществоведы. Ведь как это важно, чтобы были вместе историки, политологи, экономисты. Я считаю, присутствие здесь экономистов не случайно, т.к можно спросить прямо – скажи мне, какая у тебя экономика, и я тебе скажу какая у тебя власть. Можно наоборот – от власти идти к экономике: ничто так не говорит о нашей экономике, как исследование в пределах института русской власти. Уважаемые коллеги, мы с 2003 года издаем журнал, который называется очень просто – «Экономический вестник Южного федерального университета». Мы с самого начала хотели, чтобы это был теоретический журнал. В провинции теоретический журнал делать очень сложно, но мы стараемся. Он завоёвывает определённые позиции – у нас печатаются москвичи, ленинградцы и зарубежные коллеги пишут оригинальные статьи, которые нигде раньше не публиковались. Я Вам покажу первый номер за этот год, он называется «Terra Economica» – пространство экономики, и должен сказать, что у нас есть не только экономисты, но и юристы, социологи, политологи. Вот, я передаю Вам журнал – пожалуйста. И еще я хочу сказать – мы считаем, и с самого начала наш журнал шел как обществоведческий, экономисты – это основа социального знания. Мы приглашаем всех наших коллег по социальной отрасли публиковаться с актуальными статьями в нашем журнале. У нас ещё вышла книга, которая так и называется «Terra Economica», она, на мой взгляд, должна была «взорвать» читающую публику.

В.П.Макаренко: Слово доктору экономических наук, профессору Алексею Юрьевичу Архипову.

А.Ю.Архипов: Дорогие коллеги, о свежих публикациях я рассказывать не буду, скажу лишь об одном издании, хочу вручить его нашим коллегам в президиуме. После небольшого затишья у нас была проведена международная конференция по проблемам глобализации, уже вторая в подобном роде. Приятно, что кроме экономистов в ней участвовали философы, социологи, политологи. Вышел первый том, а таких у нас будет три после конференции, где собраны эти материалы. У нас активно иностранные учёные участвуют, из Варшавского университета, из Укра-

ины немало было коллег. Я думаю, мероприятие, которое сегодня у нас идёт, очень важно, такое обсуждение необходимо, оно поможет нам самим, обществу и власти двигаться вперёд. Желаю всем успехов!

В.П.Макаренко: Слово моему младшему коллеге, кандидату философских наук, доценту Сергею Петровичу Поцелуеву. Он выпустил интересную книжку, её часть опубликована в журнале ПОЛИС.

С.П.Поцелуев: Я написал книжку, которая финансировалась федеральным проектом образования, при поддержке ректората ЮФУ. Сама книжка возникла из статьи, статья из философского удивления перед дискурсом нашего телевидения. Книжка называется «Политические парадиалоги». Название немножко заумное – но я понял, что не одинок в такого рода названиях, т.к «псевдо», «пара», «квази» – все это слова, отражающие целое явление.

В.П.Макаренко: Теперь, коллеги, разрешите представить Вашему вниманию наш журнал «Политическая концептология: журнал мецдисциплинарных исследований». Это новое научное направление, которое я разрабатываю в ряде книг, начиная с «Русской власти». Кроме Интернетовского варианта мы издали печатный вариант. В России это первый и пока единственный журнал по этому направлению. Его идея состоит в интеграции учёных гуманитарного профиля, от историков до философов. С удовольствием сообщая, что академик Ю.С.Пивоваров и профессор И.И.Глебова привезли нам свежие статьи. Мы стараемся отойти от ростовского хуторянства. У нас публикуются авторы из Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, а также ростовчане – экономисты, историки, политологи, философы. Приглашаю всех к сотрудничеству.

Забегая вперёд, скажу о двух опасностях, которые подстерегают вузовских учёных: бесконечно талдычить учебник; диссертационная машина (90% коллег считают, что диссертация – это наука). Но это не так. Думаю, Юрий Сергеевич об этом расскажет. Полемика с этими банальностями – одна из целей нашего журнала.

Перейду к третьему пункту нашей программы. Я сегодня нашел образ – трио бандуристов. Мы втроем в течение двух дней будем Вам рассказывать о наших свежих публикациях. Готовы вести открытый бой по их защите. Первым поднимается в атаку Юрий Сергеевич Пивоваров.

Ю.С.Пивоваров: Виктор Павлович уже сказал по поводу диссертаций, я не знаю, что он имел в виду, но видимо то, что я являюсь, к несчастью для себя, председателем экспертного совета ВАКа по истории. Раз в две недели имею счастье или несчастье участвовать в рассмот-

рении докторских диссертаций по истории. Очень тяжело становится, когда смотришь на эти диссертации. Когда людей вызывают в ВАК, и задают вопросы – вырисовывается чудовищная ситуация. Я не знаю, как в других науках, но у историков ситуация чудовищная. С одной стороны, есть докторские диссертации с такой темой – «Подвиг ленинского комсомола в годы Великой отечественной войны». Я ничего против комсомола не имею, сам в нем в своё время состоял, но когда диссертация называется «Подвиг...», то зачем её вообще писать, в названии и так уже всё сказано. Или, например, есть масса диссертаций такого типа: кандидатская была у человека лет 25 назад «Деятельность партийных органов Дальнего Востока в 1923-1925 годах», а докторская – «Деятельность православной церкви в ...» и т.п. Или приезжают какие-нибудь люди из РАО ЕЭС, с темой «История русского парламентаризма» – докторской. Я спрашиваю – когда парламент в России был создан? Они отвечают: в XVIII веке. Вот такие существуют диссертации. Конечно, ситуация чудовищная. Общий уровень диссертационных работ резко упал. С одной стороны, больше свободы, больше возможностей получать независимую информацию, чем в наши молодые годы, но почему-то уровень упал. Хотя есть отдельные блистательные работы, но в общем... Думаю, диссертация – это не то место, где научная истина ищется. Это скорее некий обряд инициации, обряд приобретения должностей. Но и должность в России важна. Как говорил великий русский историк С.М.Соловьёв: «В России чин – это пистолет».

Но давайте к теме. Виктор Павлович нашел меня в Москве и предложил рассказать о концепции Русской системы, одним из авторов которой я являюсь. Это была попытка создать концепцию под названием «Русская система», которую предприняли два, тогда ещё не старых человека – 15 лет назад, в середине 1990-х годов. Одного звали Андрей Ильич Фурсов, он есть и сейчас – работает в институте, и мною, Юрием Сергеевичем. Мы люди скромные, не хотим писать 12 томов, чтоб прославить себя в веках. Написали 1 том, листов на 12, как книжка он нигде не вышел – печатался в виде статей в разных журналах, некоторые материалы Вы читали, основной и наиболее полный текст Русской системы вышел в 1997 году в журнале «Политическая наука». Затем авторы поссорились, не разговаривают друг с другом. Каждый из них развивает то, что может, и концептуальности нет, видимо, мы были лучшими поодиночке. Так получилось. То, что я буду рассказывать сегодня – это моя версия. Мы разошлись в 2001 году, и уже 8 лет работаем отдельно.

Должен сказать, неожиданно для меня словосочетание Русская система вошло в науку, многие цитируют, несколько терминов из этой концепции – то, что мы называли русскую власть моносубъектом русской истории. Это почему-то многим понравилось. Почему мы стали писать эту работу?

Это связано с институтом, в котором мы служили. Поскольку мы не всегда были начальниками, а были и младшими научными сотрудниками. Наша задача была – читать западные и восточные научные книжки, реферировать и писать обзоры. Вот мы их читали-читали, и годам к 40 поняли: та наука, прежде всего западная, которую мы изучали всю свою молодую жизнь, не годится для описания того, что происходит в родной стране. Естественно, в 1990-е годы все это было достаточно обострено. Один режим сломался, что будет – неизвестно. Людям думающим надо как-то это понять. С помощью западной науки это сделать не получалось. Причём в самом прямом смысле слова – конечно, концепции западные я знаю неплохо, как исторические, так и социологические. Мой коллега востоковедные вещи знает. Они тоже не подходили для исследования действительности, которую мы наблюдали, и в которую были погружены как обыватели и люди. Мы с коллегой договорились, что не будем использовать слов, которые уже заняты в каких-то других концепциях, например: мы не пользуемся такими словами как государство, народ, нация, классы и что-то ещё. В этом можно увидеть оригинальничанье, но нет. Это было связано с тем, что ничего не возможно было нам объяснить. Наша Русская система имела два эпитафия. Эти два человека, авторы слов – люди, выросшие в России. Первый – Илья Пригожин, биолог, лауреат Нобелевской премии. Он писал: «Мир слишком богат, чтобы быть выраженным на одном единственном языке, мы должны использовать ряд описаний, не сводимых друг к другу, хотя и связанных между собой тем, что технически именуется трансформацией». Т.е., мы исходили из того, что на одном единственном языке нельзя выразить мир. Второе принадлежит поэту, тоже лауреату Нобелевской премии, Иосифу Бродскому: «Любой опыт, исходящий из России, даже отражённый с фотографической точностью, просто отскакивает от английского языка, не оставляя видимого следа на его поверхности. Безусловно, память одной цивилизации не может, и, наверное, не должна стать памятью другой. Но когда язык не в состоянии воспроизвести отрицательные реалии другой культуры, может возникнуть наихудшая из тавтологий». В эти слова надо вдумываться, тем не менее, их смысл понятен –

трудно выразить реальность одной культуры и цивилизации на языке другой культуры. Может быть, возможно, но трудно. Например, авторам по фамилиям Фурсов и Пивоваров это казалось невозможным, поэтому они стали говорить о своём.

Поскольку у нас трехактная сцена, я буду исходить из того, что что-то расскажу сегодня, что-то завтра – в свободном режиме. Как выяснилось, в зале сидят специалисты разных специальностей, социологи, политологи, историки. Так вот, создание Русской системы – это попытка ухода от этих дисциплинарностей. Мы не хотим быть историко-центричными, экономико-центричными, политико-центричными и т.д. Все мы связаны. Все эти специальности возникли в лоне западной науки. Гуманитарные науки, которыми мы с вами занимаемся – детище западной цивилизации. Ни одна другая культура, ни одна другая цивилизация не создала науки как способа рационального познания мира, рационального самопознания человека. Действительно, посмотрите на русскую культуру и русскую цивилизацию. Я сразу скажу, что исхожу из идеи: Россия – это не Запад и не Восток. Мы не есть ни какая-то отсталая Европа, ни передовой Восток. Мы – нечто иное, об этом я буду говорить. Если посмотреть на русскую культуру и цивилизацию, то наука у нас появляется вместе с реформами Петра. До этого наши предки по какой-то причине не имели потребности в рациональном самопознании и познании общества, в котором жили. Можно сказать, что зачатки рационального познания были, но науки как системы абстрактного мышления не было. Если посмотрим другие великие цивилизации, такие, как Индийская, Китайская, Арабская, то мы там тоже не найдём науки в современном смысле слова. Кстати, историки науки датируют существование науки XVII-ым веком. Современная наука возникает на Западе – это уникальный плод уникальной цивилизации. Но из-за того, что другие уникальные цивилизации не выработали такой уникальный продукт, как социальная и гуманитарная наука, получилось, что западная наука, будучи уникальной по генезису, приобрела универсальный характер. Например, работая в моём ИНИОНе – есть у нас такой белый зал, куда новую литературу привозят, смотришь книгу – из Дели или Токио, неважно, какой язык, но ясно, что это принадлежит к одной социальной и гуманитарной науке. Это все одна наука, со всеми делениями на историю, политологию, социологию. Безусловно, это связано с особенностями западного общества. Запад создал тип самопознания, который адекватен для западного самопознания. Вся дисциплинарная сетка наук связана с особым типом за-

падного мышления и с особым структурированием западного общества. Например, власть там отделена от экономики, религия отделена от политики, и т.д. В других цивилизациях и культурах мы найдём совершенно другие соотношения и сочетания. Проблема возникновения науки вообще и гуманитарной в особенности связана с тем, что Европа, как и мы, есть христианские цивилизации. Христианство отличается от других религий много чем, но есть даже то, чем оно отличается от всех остальных религий. Я всегда своим студентам говорю – сходите в Третьяковскую галерею, там есть художник с характерной русской фамилией Ге, и его картина: Понтий Пилат спрашивает Иисуса Христа – «Что есть истина?». Стоит римский генерал и молодой тридцатилетний еврей, у которого он и спрашивает, а еврей опустил голову и молчит. Я у студентов спрашиваю, мол, что он всё время молчит, он ведь Бог? В христианстве не может быть вопросов – что есть истина? В христианстве могут быть вопросы – кто есть истина? Христос и есть истина в христианстве. Это персоналистическая религия, религия Богочеловека; тема личности и есть единственная тема единственной западной цивилизации. Личности в христианском смысле слова нет ни в одной другой цивилизации. А личность – это существо, наделённое свободой воли. В этом смысле социальные науки Запада исследуют поведение этой личности со свободой воли. Это очень сложное дело. В других цивилизациях и культурах такого подхода к человеческой природе нет. Если западную науку применить даже к нам, то ничего не получается, как показывает практика.

Почему не получается? Здесь экономисты сидят – я могу судить как обыватель – в 1991 году наши реформаторы опирались на доказавшие себя неолиберальные экономические концепции. Они полностью провалились здесь. На Западе это себя оправдывало, у нас наоборот. Так было и в 1917 году, когда взяли марксизм. На то время марксизм был продвинутой и адекватной наукой, но не получилось применить ее в России. Могу сказать, что это зафиксировано даже на уровне языка. Приведу элементарный пример: я прошу своих студентов перевести на русский язык слово «state» – вроде государство. Но когда возникло слово state? Мы знаем, что оно возникает от итальянского *stati*, в период Макиавелли или чуть позже. То есть, это термин для описания особого типа власти, который складывается в Европе, когда она входит в Новое время. И в словаре мы прочтём, что state – это тот тип власти, который существует на Западе с XV века по сегодняшний день. До этого на Западе такого термина не было. А наше государство восходит к дописьменной сла-

вянской древности, к Киеву, его этимология совсем другая. Когда, например, в российской конституции написано, что мы «правовое государство» – так вот, государства в русско-славянском смысле не может быть! Поскольку оно не предполагает правового компонента. Более того, даже в английском языке нет термина «правовое государство»! Там есть правление права – но это немного другое. То есть даже терминология, если переводить state как русское государство – мы будем наводить тень на плетень. Что и есть в нашей конституции. Тот тип власти, который описывается русским термином «государство», не предполагает никакой правовой компоненты в западном смысле этого слова. Это побудило нас искать собственный язык и видение. Я закончил Институт международных отношений, занимался Германией, написал по ней кандидатскую диссертацию. Докторская была посвящена одной из громких концепций политической науки – концепции political culture. Она была посвящена возможности применения этой концепции к обществам незападного типа. На примере России я написал, что это невозможно. Это одна из главных концепций американской послевоенной политической науки. С моей точки зрения она неприменима к описанию России, которая не является западным обществом.

Я со своим соавтором, он как востоковед, а я как германист стали писать эту вещь на примере русской истории, которая нам обоим была известна. К этому времени мы оба преподавали в МГУ русскую историю. Нами двигало ещё и то, что у подавляющего числа российских обществоведов отношение к России, её прошлому, настоящему и будущему – как к чему-то девиантному, отклоняющемуся. Есть некая норма, а наше развитие отклоняется. Это норма может быть любая. Например, люди, которые ориентированы на Запад – западники, считают, что западное развитие – нормальное и нормативное. Должен быть парламентаризм, партии, правовое государство, социально-ориентированная рыночная экономика, права человека и т.п. Все должны становиться такими же, норма там, а мы девиантны, в силу опоздания в развитии, татаро-монголов, смуты, поляков, Петровских реформ, которые были проведены не вовремя, или вовремя, но не правильно и т.д. Потом революционеры плохие, царизм отсталый, плохой Ленин, ещё хуже Сталин, или наоборот – хороший Сталин, а плохие в оппозиции были, НАТО, жидо-массоны и т.д. Всегда есть чем оправдать, что мы как-то сбивались. Вот такой подход имплицитно, имманентно присутствует среди российских обществоведов.

Для других нормой может стать Восток. Говорят – китайцы развиваются, а мы не смогли свой социализм удержать! Китай берётся за норму, или наоборот, норма может быть в прошлом. Помните, говорухинская «Россия, которую мы потеряли», или когда говорят о Советской России – мол, так было замечательно в советские времена, особенно это говорят люди, которые жили в советское время. Тоже – некая норма. Мы со своим коллегой сказали – нет! Русская история, русское государство не девиантно, оно нормативно для нас. Был немецкий правовед в начале XX века Георг Еллинек, он говорил о нормативности фактического. И мы со своим коллегой исходили из нормативности фактического: то, что было и есть – не есть отклонение. Мы сразу отбросили все попытки мыслить в рамках концепции, в рамках теории модернизации, догоняющей модернизации, или чего-то ещё. С нашей точки зрения это неадекватно, полный бред и вещь крайне неинтересная. Если в этой связи будут вопросы, я обязательно отвечу, поскольку знаю: эти идеи популярны в отечественной научной среде, пользуются авторитетом. Нас тоже это волновало и инспирировало показать русское развитие не как отклоняющееся.

И мы придумали слова. Мы не пишем историю, а пытаемся создать концепцию, с помощью которой можно понять, что происходило и происходит в России. Это первое. Второе: мы исходили из принципиальной позиции – необходимы и другие концепции, нашей концепцией не исчерпывается все то, о чём мы хотим сказать. Я для себя это называю поссибилистский (возможностный) подход. Есть и предполагаются другие точки зрения, чтобы увидеть предмет стереоскопически. Мы об этом писали. Сегодня есть люди, которые пытаются эту концепцию использовать как идеологический твёрдый штамп. Я резко против этого. Итак, мы это назвали Русской системой. Понятие система уже занято, скажем, политическая система или социальная система. Наша система – скорее метафора. Вообще, наши понятия и категории носят метафорический характер. В этом большая слабость нашей концепции: когда наука начинает пользоваться метафорами – это опасный путь. Этот путь может завести в тупик, и многих уже заводил. Но нам нечего было делать – мы стояли перед фактом: у нас не было языка, на котором это можно было описать. Потому что на языке, который существует и существовал в 1990-е годы в науке и до сих пор господствует, я не могу описать то, что происходило и происходит в российской истории. Компоненты системы расположены по углам треугольника. Наиболее важный угол мы назвали русская власть. Второй угол треугольника – это популяция.

Термин взят из биологии, нас могли обвинить в русофобстве, но тем не менее. Популяция – это население, не народ, а население, исторически имевшее, но утратившее субъектные характеристики. Нас всегда характеризовала тема субъекта – кто делает? Например, в 1990 годы, когда в Россию стала возвращаться русская зарубежная мысль, очень популярны были евразийцы, сейчас они менее популярны. Так вот, в евразийстве нет темы субъекта – я этой темой давно занимаюсь, написал шесть книг по русской мысли. Так кто всё это делает? Популяция – это «население, исторически имевшее, но утратившее субъектные характеристики, чья субъектность при нормальном функционировании власти отрицается по определению». Действительно, мы заняли русофобскую позицию и обвинили русский народ в отсутствии субъектности. Мы сказали, что в русской истории последних пяти столетий (русская система существует около пяти последних столетий) была популяция. Третий элемент треугольника мы взяли из литературы. Россия – литературоцентричная страна. В XIX столетии литература имела абсолютно креативный характер. Поэтому термин «лишний человек» мы взяли из литературы. Лишний человек может быть индивидуальным (часть дворян, интеллигенции в 19-начале 20-ого века) и коллективным (казачество в XVII-ом веке). Речь идёт о тех индивидах и группах, которые не перемолоты властью, поэтому не стали её органом, и не являются частью популяции. Или же о людях, выловленных из части популяции, зачастую в результате деятельности самой власти, как прямой, так и побочной. Это я цитирую статью, которая была опубликована в журнале ПОЛИС (2001/4) и называлась: «Русская система как попытка понимания русской истории». Коротко процитирую: «Русская система предполагает такой тип взаимодействия перечисленных элементов, при котором единственным, социально значимым субъектом оказывается власть. Если русская система – это способ контроля русской власти над русской жизнью, то лишний человек – мера незавершенности системы, индикатор неперемолотости русской системой русской жизни. Процесс взаимодействия, с одной стороны, русской системы и русской власти, и русской системы и русской жизни, с другой стороны, есть русская история».

Когда мы писали, то исходили из того, что русская система прошла две стадии своего развития. После того, как перестали писать, я придумал третью стадию. Первая стадия самодержавная, вторая советская – мы её назвали власти-популяционная. Третью стадию я называю властной плазмой – это то, где мы с Вами находимся по сегодняшний день.

Но на всех стадиях присутствует власть, т.е. власть в русской системе является системообразующей субстанцией. Причем, слово субстанция мы берём не как метафору, а в классическом смысле, как её определял субстанцию Б.Спиноза в «Этике»: «Субстанция это то, что существует само в себе, и представляется само через себя, и представление чего не нуждается в представлении другой вещью, из которой оно должно образоваться». Субстанция – это то, что лежит в основе всего, она не является функциональной, не зависит ни от чего, все зависит от неё. В этом смысле власть субстанциональна, является единственным субъектом, двигателем, моносубъектом российской истории. Что касается власти и популяции – это примерно то же, что ленинская кухарка должна научиться управлять государством. В советский (перевернутый) период русской системы сущность системы сохранена, но в совершенно другой социально-властной конфигурации. Прочитую Зинаиду Гипиус: «Идея самодержавия – это власть одного над всеми, идея коммунизма – это власть всех над одним». Это сказала умная женщина, не написавшая ни одной диссертации. Но в том и в другом случае продолжает осуществляться подавление индивида – что и является содержанием русского типа социальности. Природа русского общества – это подавление индивида, а русская власть – это насилие и процесс насилия. В этом смысле природа русской власти в корне отличается от природы западной власти. Там власть в большинстве своем продукт конвенции, договора, носит конвенциональный характер. Там носители власти вынуждены договариваться с кем-то, это можно проследить с XIII-го века, Иоанна Безземельного и далее.

Далее – важнейшей характеристикой русской власти является её дистанционный характер. Слово дистанционность можно по-разному рассматривать, я знаю, Виктор Павлович им тоже пользуется. Мы размышляли и задались вопросом: почему в русской истории столицы периодически переносятся? Как какой-то новый период – так столицы переносятся! Русская система начинается с Киевской Руси. Парадоксально, историки, когда узнают об этом – плюют в нас с коллегой, т.к. мы во многом инспирировались идеями марксиста М.Н.Покровского, которого кто только не оттоптал в последние десятилетия. Мы даже хотели ему посвятить Русскую Систему, чтобы его реабилитировать. Потому что у этого «вульгаризатора исторического процесса» была масса гениальных идей, прозрений. Мы опирались на идеи Покровского. Возвращаясь к дистанционности: мы увидели, что первым поменял столицу Андрей Бо-

голюбский. Это Северо-Восточная Русь. Потом Грозный. Он Вологду хочет – не получается. У Петра получилось. У большевиков тоже. Ещё не будучи президентом, Б.Н.Ельцин хотел перенести столицу в Свердловск или Новосибирск или куда-то ещё. Павел Пестель – яркий и кровожадный диктатор – тоже хотел перенести столицу. Так почему они всё время столицу переносят? В этой связи для нас была интересна история монголов. Понадобились знания моего коллеги А.Фурсова, он востоковед, его кандидатская посвящена монголам, ему тут и карты в руки. Мы обнаружили то, что знали до нас тысячи исследователей – невероятную зависимость Москвы от Золотой Орды. В этом смысле мы согласны с евразийцами. Некоторые украинские историки тоже говорят, что Московия имеет свои корни в Золотой Орде, а не в Руси. Я согласен, конечно! То, что мы называем Русской системой – Московское царство, Петербургская империя, Советский Союз и современная Российская Федерация – безусловно являются наследниками Киевской Руси и Золотой Орды. Я совершенно согласен со словами лидера евразийцев Николая Трубецкого, который сказал: если бы Орда крестилась, то Сарай, а не Москва объединил бы вокруг себя русские земли. Или, как сказал Георгий Федотов, известный русский философ, эмигрант: «Ханская ставка была перенесена в Кремль». Конечно, мы являемся наследниками. Мы поняли, что формирование русской власти как единственного моносубъекта было бы невозможно без многосотлетнего общения русских с Золотой Ордой. По этому поводу много чего написано мной и моим коллегой. А как Золотая Орда управляла Восточной Русью? Дистанционно. Есть два способа, когда кочевники приходят управлять завоеванной страной: осесть и смешаться; управлять дистанционно. Орда не пошла в Северную Русь, не было материальных предпосылок. Она приобрела характер дистанционный – т.е. внеположенный обществу. На Западе власть есть продукт и следствие гражданского общества, складывающегося в XVIII–XIX веке. В России власть – предпосылка общества, как Орда была предпосылкой того, что развивалось в северных княжествах в XIV–XV веках.

Кстати, по поводу написания Русской Системы. Мы с коллегой совершили антипатриотический поступок. Слава Богу, что мы это не опубликовали, а то нами бы занялись Комиссия по фальсификации истории. Так вот, мы главу посвятили нашему «самому любимому герою» – Александру Невскому. И со всей страстью молодых людей показали, не первые, подлинную суть этого человека. На наш взгляд – это одна из самых негативных фигур в русской истории. Повинной очень во многом. Я мо-

гу на эту тему долго распространяться, хотя у меня нет личных счётов с Александром Ярославовичем. Так вот, дистанционный характер русской власти – Петр уезжает строить Петербург потому, что в Москве ему бы не дали всего этого делать, его бы здесь съело старое боярство. Поэтому он мог править только с дистанции. То есть, это в прямом физическом смысле власть дистанционная! Но она, если угодно, и социологически дистанционна.

Ну, я думаю, моё время уже подходит к концу, оставлю время для вопросов, и если кто-то ещё придёт, то продолжу изложение других позиций.

В.П.Макаренко: Большое спасибо, Юрий Сергеевич! Мы поступим так – бегло зададим несколько вопросов, на реплики у нас особое отведено время.

И.Д.Коротец: Очень всё интересно, но если мы заглянем в существование советского периода, то получается, что это промышленная организация на Руси. А какая субъектность власти, о которой Вы говорите, противоположна промышленной организации? Это серьёзное противоречие. И я бы попросил Вас, очень коротко, это противоречие опровергнуть.

В.П.Макаренко: Эту тему Юрий Сергеевич не затрагивал. Я ведь просил задавать вопросы по тексту, а в том материале, который мы обсуждаем, 1930-ые годы не затрагиваются.

Ю.С.Пивоваров: Можно, я отвечу? Я же сказал, что нет концепции Русской Системы, есть попытка создания концепции. Мы принципиально исходили из того, что не собираемся объяснять всё. Все попытки создания универсальных концепций, к примеру, одна из самых гениальных – это Маркс, объяснить всё общество, даже эта величайшая попытка оказалась, как мы знаем, крайне неудачной. Мы совершенно не собирались объяснять – это не в нашей компетенции. Мы не компетентны здесь, но вместе с тем, я могу сказать: то, о чем Вы говорите, не противоречит этой концепции никак. Я готов по ходу нашей дискуссии ответить на это более развёрнуто. Я могу сказать, что уже потом, позднее, когда мы свои работы написали, мы узнали работы одного новосибирского автора – Ольги Бессоновой из новосибирского Академгородка, автора концепции раздаточной экономики. Концепция раздаточной экономики корреспондирует с Русской Системой с экономических позиций. И на Ваш вопрос, с позиции концепции русской системы и раздаточной экономики, вполне можно ответить. Я думаю, здесь никакого противоречия нет.

И.А.Иванников: Меня заинтересовало Ваше понятие «властная плазма». В связи с этим вопрос: какой у нас политический режим и как Вы его охарактеризуете?

Ю.С.Пивоваров: Я бывший германист, читал работы крупнейшего немецкого социолога Ральфа Дарендорфа. Он сейчас живет в Англии, стал там каким-то лордом, сэром и т.д. У него в «Социологии конфликта» есть понятие социальной плазмы. Что это такое? Дарендорф говорит – вот общество: как сделать так, чтоб оно не перевернулось, как лодка у вас на Дону может перевернуться? Средний класс представляет из себя социальную плазму, где и варится основная часть населения. В рамках этой социальной плазмы купируются, как в киселе, самые острые социальные проблемы. Но в рамках социальной плазмы вырабатываются также формальные процедуры, в рамках которой эти конфликты решаются. А в чём принципиальное отличие подхода Дарендорфа? – он полемизировал с марксизмом. Марксизм настаивал на том, что справедливое и эффективное общество то, где не будет антагонистического конфликта. Так мы учили и так нас учили. Дарендорф сказал: Маркс ошибался, только то общество жизнеспособно, где есть конфликты, конфликт и порождает развитие. Но одновременно конфликт не должен разорвать общество на куски. Значит, конфликт не должен доходить до стадии антагонизма, конфликт должен купироваться и решаться в рамках формальных процедур, а не на баррикадах, без кирпичей. Вот эта социальная плазма и есть совокупность механизмов и организм, в котором западные общества преодолевают негативную энергию конфликта и сохраняют общество животворным. Как настоящий сотрудник ИНИОНа, я забрал у Дарендорфа все его идеи, и сказал: в России сегодня существует ситуация властной плазмы, это совершенно другая ситуация. Почему? При большевиках конфликт отрицался, его не было. Современное постсоветское общество говорит – конфликт есть, он признается властью. И если в ельцинский период конфликт раздирал наше общество, различные центральные и региональные группировки, то в путинский период, во многом через создание властной вертикали и целого ряда изменений в конституции и прочих процедурах, создана властная плазма. Почему я её называю не социальной, а властной плазмой? Потому, что создана целая армия чиновников, привластных лиц. Они создали некий бульон, в котором варится конфликтная ситуация. У меня получилась такая сложно-сочинённая штука, но смысл именно такой: если на Западе социальная плазма держится на среднем классе, обладателе собственности, то у нас

это властная плазма. Я исхожу из того, что в России власть и собственность составляют единый феномен. То есть я принадлежу к тому числу исследователей, которые говорят о власти-собственности, едином феномене. Конфликт «Путин-Ходорковский» – двух частей одного феномена – где субстанция объяснила функции: кто есть кто, кто хозяин в доме. Власть – хозяин собственности, а не наоборот! Тот, кто властвует, тот и обладает собственностью! Поэтому я и говорю о властной плазме, но не через правовые процедуры, как у Дарендорфа. Конфликт сохраняется – в этом принципиальная черта современного периода русской истории. Конфликт остается, разрешается, допускается. Я объясняю: Лужкову можно это, Шаймиеву это, Чубу это, Прохорову это, Дерипаске это, мне это, а вам вообще ничего нельзя. Я цитирую Черномырдина, который сказал – «Кто сказал, что нужно давать всем?».

Б.И.Буйло: Я бы хотел уточнить. Вы говорите, что Русская Система складывается в XV–XVI веках?

Ю.С.Пивоваров: Да. Мы, два автора, видим Русскую Систему уже в XV–XVI веках. До этого она могла быть – и не быть.

Б.И.Буйло: Получается, что Ваша концепция подобна евразийскому подходу, который начинает исчисление Руси с Московского царства и татарского элемента в русской социальности?

Ю.С.Пивоваров: Вы можете сказать также, что акцентировка власти – это близко к государственной школе русской историографии. Мы что, не читаем книги?

Б.И.Буйло: Я просто хотел уточнить, почему именно в XV–XVI веке?

Ю.С.Пивоваров: Была ещё масса влияний: Москва сумела вокруг себя объединить довольно большие земли; монгольское влияние; ряд византийских влияний; и я ещё не брал ряд религиозных моментов. Т.е., это целый ряд процессов, которые шли, и о которых я могу говорить довольно долго, по этому вопросу надо отдельно говорить. Я могу сказать, что возникновение русской системы – достаточно случайно, она могла и не родиться! Мой соавтор и я отрицаем традиционную для советской науки веру в закономерность исторического процесса. Мы считаем историю открытым процессом. Мы не считаем, что в истории есть законы, закономерности и коридор возможностей. Нет законов, насколько они есть в естественных, точных науках. В этом смысле появление Русской Системы есть случайное событие. В определённом смысле случайное – есть целый ряд причин, которые привели к ее становлению. Я могу, например, назвать такую причину, как завоевание Новгорода. Кстати го-

воря, Русская Система, видимо, не выжила бы, если бы в своё время не присоединила то, что сейчас называется Левобережной Украиной, может быть, советская система не выжила бы, если бы Сталин не присоединил Восточную Европу, и т.д. Это связано и с другими характеристиками Русской Системы, о которых я не сказал. Я понимаю, что не ответил на Ваш вопрос, но готов отвечать на него в ходе дискуссии и дальнейшего рассказа. Это очень важный и принципиальный вопрос – о происхождении Русской Системы!

С.Г.Москаленко: Скажите пожалуйста, а такие фрагменты отечественной истории, как Киевская, Новгородская, Псковская Русь – Вы их выводите за рамки системы?

Ю.С.Пивоваров: Да, конечно.

С.Г.Москаленко: А не отдаёте ли Вы их украинским националистам?

Ю.С.Пивоваров: Я не знаю, кто такие украинские националисты, ни одного не видел. Я люблю очень Украину – но не видел. Как русский человек могу сказать: многих русских националистов видел и знаю их, а украинцы пусть сами со своими националистами разбираются.

Да, мы писали о Киеве, у нас есть несколько достаточно интересных глав о Киеве. Такой подход к Киеву, как у нас, думаю, не находится в мейнстриме науки, но он достаточно интересен. Мы трактуем Киев как цивилизацию торгового типа. Киевская Русь умерла не потому, что её татаро-монголы разгромили, а потому, что цивилизации, возникающие по поводу торговых путей, существуют постольку, поскольку эти пути актуальны и являются важными для экономических взаимосвязей. А в XIII веке это уже стало исчезать, возникла проблема торгового экономического взаимодействия Севера, Европы и Византии. Мы касаемся Новгорода и Пскова, но это никакого отношения к Русской Системе не имеет. Мы пишем о четырёх возможных путях развития Руси в период с Киевского по ордынско-удельный период истории Руси. Русская Система – это реализация одного варианта, который первым предложил Андрей Боголюбский – вариант Северо-Восточной Руси. Мы объясняем, почему Москва стала центром, и совсем не так, как в учебниках, что там географически она была расположена и т.д. Все это ерунда – Тверь гораздо лучше была расположена. Это было связано с тем, что Москва стала московско-ордынским союзом. Надо иметь в виду, что Даниловичи – те Рюриковичи, которые правили на Москве – были дети Александра Невского. Москва воплотила в полной мере союз с Ордой. Она воплотила основную стратегию Невского – бороться с Западом с опо-

рой на Орду, поскольку Орда максимум, что может сделать – это убить, а для христианина физическая смерть не страшна. А Запад хочет перевернуть душу – он хочет перекрестить, католицизировать. Это самое страшное – потеря идентичности. В этом случае Москва была лучшим союзником Орды, проводником ордынской линии на Руси, именно поэтому вокруг неё произошла централизация. Дмитрий Донской пошел на Куликово поле, защищая легитимность Чингизидов против темника Мама, который не имел права, т.к он был самозванец на этот престол. Чингизидовская легитимность – это православная церковь, которая первая в 1260-е годы легитимизировала монгольское завоевание. В русских церквях всего через 20 лет после кровавого завоевания и разорения Руси стали молиться за белого царя! Несколько столетий русская церковь молилась за белого царя – это монгольский хан. Только начиная с XVI века она стала молиться за русского, московского царя. Монголы дали здесь все преимущества: как только возникла русская власть – у церкви стали их отбирать, вплоть до большевиков. Да, мы пишем о Новгороде как об одном из вариантов. Мы считаем завоевание Новгорода Москвой трагическим событием для мировой истории. Это привело к совершенно колоссальным мировым событиям.

Р.А.Громов: Мой вопрос касается тезиса о власти как главном и единственном действующем субъекте. А какое место в Вашей концепции может занимать феномен подвижничества? Фигура подвижника – национальная фигура. На мой взгляд, многое, что было достигнуто в науке и в культуре, было достигнуто не благодаря, а вопреки!

Ю.С.Пивоваров: Ну да, я вообще считаю, что были периоды, когда власть переставала быть моносубъектом, популяция популяцией, лишний человек – лишним человеком. Тогда популяция обретала субъектность, лишний человек превращался в субъекта истории, а власть теряла свои моносубъектные, метафизические характеристики. Я ещё не говорил о метафизическом измерении этой власти. Такие периоды были, например: период пореформенный, между отменой крепостного права и революцией; во времена перестройки в 1990-е годы. Безусловно, моя версия Русской Системы – это не сведение всей русской истории к элементам Русской Системы. Сама Русская Система, если её представить как наличное состояние российской жизни, не объемлет всей России. Россия намного шире и больше, в ней есть многое другое. Эта концепция и не предполагает все описывать, она на это и не поднимает руку. То, о чем Вы сказали – это совершенно другой взгляд на русскую жизнь, на рус-

скую историю, безусловно, имеющий право быть. Но этот взгляд не корреспондирует с нашей точкой зрения. Как и любая концепция, она имеет ограниченное применение и не универсальна.

В.Б.Рожковский: XIX век очень напоминает попытки создания Русской Системы. А вопрос такой – время сейчас славянофильствует? Готовы Вы согласиться с этим тезисом Эрн?

Ю.С.Пивоваров: Вообще, конечно, интересно то, что «Время славянофильствует» написал человек с немецкой фамилией. Наизусть почти знаю эту статью, и очень её люблю. Причём, Эрн никакой не славянофил, славянофил – это совсем другое. Самое лучшее определение славянофильства дал Алексей Хомяков: «Славянофильство – это сомнение в правоте сомнения в России». Это очень тонко. Об этом можно поговорить, но это выходит за рамки. Вообще, я эти термины – славянофилы и западники – оставляю периоду 1840-1850 годов. Уже Эрн употребляет их как метафору. Поэтому сегодня время не может славянофильствовать. Сегодня 2009 год, а не 1849 год Совершенно другая историческая ситуация, никаких оснований для того славянофильства нет. Русская Система Вам что-то напоминает из XIX века? Нет, ничего не напоминает. Мы – люди с опытом XX-ого столетия, которого у людей XIX-ого столетия не было. Хомяков, Самарин, Аксаковы, Киреевский не знали, что такое советская власть, и еще они очень многого не знали. Это принципиально новый опыт, принципиально новое знание. Конечно, то были гениальные люди. А мы обычные исследователи, но люди с советским опытом, такие как мы, такие как я, уже не могут оставаться в рамках науки XIX века. Более того, я Вам должен сказать: я – противник как цивилизационного подхода к истории, так и формационного. Оба эти подхода к истории устарели. Это не значит, что их нет, что эти великие завоевания не нужны, они прекрасны, хороши и западники, и славянофилы, и евразийцы, но сейчас время совершенно других идей и мыслей. А поскольку мы говорим и думаем по-русски, и думаем о России, хотим мы того или нет, мы естественно воспроизводим какие-то тексты, которые читали. Наши тексты – это продукт всего того, что мы читали. Это нормально и естественно. Конечно, что-то продолжаем, что-то отрицаем, как и все в своей работе.

С.Г.Москаленко: А как быть с широким областным самоуправлением? Это по поводу плазмы.

Ю.С.Пивоваров: Безусловно, и работы по русской деревне, и работы Хомякова по петровскому периоду очень важны для понимания. Я должен сказать, что не только Александра Невского не люблю, но и тер-

петь не могу Петра Великого в русской истории. Меня в 1983 году чуть не выгнали из Академии Наук, когда я написал, хотя робко, что Петр не во всем гений был, а было и плохое в его реформах. Я считаю, что реформы Петра – трагические, ужасные по своим последствиям. У меня есть целая концепция раскола России на две субкультуры, – по поводу Петра. Я её уже около 20 лет пишу. Конец XVII века был один из вариантов шанса русского, тот же Голицын. Если бы ему удалось Крымские походы, он бы пришел с победой и остался бы у власти... У него была похожая программа реформ, что и у Петра, кроме одного: Петр всё поставил на рабство, на дальнейшее закрепощение, а Голицыным был предположительно сделан шаг в сторону эмансипации и освобождения основных сословий. Закрепощены были все. Я хочу сказать, что конец XVII века – это была одна из возможностей России выйти за пределы. Я противник Русской Системы, противник власти как моносубъекта. Я описываю это, но как нормативность фактического. Мой коллега является её певцом, почему мы и разошлись. Я являюсь её критиком. Я вижу, как в русской истории были периоды, когда мы могли выйти из этого проклятья, из этой ситуации. Это один из этих периодов. Как царская, так и советская историография оболгали совершенно предпетровский период. Когда там рисуют каких-то совершенно просвещенных птенцов гнезда Петрова и каких-то толстобрюхих дураков – бояр, то наоборот! То была утончённая и просвещенная аристократия, которая хотела медленно и спокойно проводить реформы. Напротив, «птенцы гнезда петрова» – это бандиты просто, это новые русские. Это те, которых мы знаем, которые покупают Челси и проч. Они были вокруг Петра, он на них опирался. В этом тоже была трагедия – он опирался на худшие силы в русском обществе, на весь этот международный сброд. В отличие от Голицына и других иных. Да, это был громадный шанс.

В.Н.Кирой: У меня такой вопрос. Одно основание Вашего треугольника – популяция. Я хотел бы услышать более подробно определение термина. Если это биоценоз – то это одно, а если это особи одного вида, живущие на определённой территории? Что это?

Ю.С.Пивоваров: Ничего не понимаю в биологии, только то, что проходил в школе. Я сразу понял: это вопрос профессионала к непрофессионалу. Я повторяю: популяция – это народ, население страны, которые лишены субъектности, субъектной энергии, которые являются объектом чего либо. Это тот самый, молчащий столетиями русский народ, только иногда не молчащий. Это тот самый русский народ, который,

если говорить историко-социологически, находился в состоянии крепостного права, рабства. Он был лишен исторической субъектности, не играл исторической роли, а та роль, которую он играл в восстании Пугачёва – была роль разрушителя. Что касается лишнего человека, – это те, которые не перемолоты Русской Системой, это та часть, которая не лишена субъектности. К примеру, казачество, дворянство, интеллигенция – это те люди, которые играли какую-то контригру с властью, противостояли ей, иногда работали на власть. Это разные вещи. Лишний человек – это та сторона треугольника, которая как бы развивает устойчивость Русской Системы. Бывали периоды в русской истории, особенно перед революцией 1917 года, когда лишний человек превращался не в лишнего, а в подлинного человека русской истории. Итак, популяция – это та часть населения, которая лишена субъектности, а лишний человек – это та часть популяции, которая не лишена субъектности, и поэтому не популяция.

В.Н.Кирой: Тогда давайте зайдём с другой стороны. Часть, которая лишена субъектности, развивается по своим законам, а та часть, которая не попадает – развивается по своим законам. Они корреспондируют между собой хоть каким-то образом?

Ю.С.Пивоваров: Я могу Вам ответить – это действительно сложная вещь. Очень сложно всю жизнь прожить в науке, и не придумать сложную вещь. Во-первых, относительно популяции – мы вообще не описываем популяцию. А надо было – так как это жизнь русского народа, и без неё совершенно не понятно, её надо описывать. Мы потомки, в общем, популяции.

В.Н.Кирой: Вот мы здесь популяция!

Ю.С.Пивоваров: Я думаю, сегодня уже нет! Что касается власти, то для нас власть – понятие метафизическое. Более того, загадка власти заключается в конфликте между физической природой персонификатора власти и её метафизической природой как власти. Русская власть всегда персонифицирована! Да. Ельцин говорил, сам видел по телевизору – это в Сергиевом Посаде, когда он у умершего Патриарха был в 1996 году поддатый, и вышел на балкон: «Я есть президент от Бога». Вот это ощущение – я, моя власть. Это персонифицированная русская власть. А русский царь – это икона, живая икона, живой Бог. Сталин – живой Бог, а в 12 часов 31 декабря 1999 года Ельцин вылез на телевизор, и сказал, что я ухожу, вот вам наследник – этого наследника никто не знал. И буквально через несколько месяцев у так называемого наследника рейтинги ста-

ли такие, что он стал тем, кем он является по сей день. Власть абсолютно персонифицирована – его никто не знал, кроме нескольких сотен бюрократов, которые сидят наверху. Что касается власти, то привластные группы различны, они обслуживают власть. Это может быть чиновничество, бюрократия, дворянство, – они совершенно материальны и не метафизичны. Но это уже детализация. Когда я говорю о персонификации власти, это значит, что западная власть деперсонализирована. Джордж Буш был президентом! Теперь он никто. Там власть носит абстрактный характер, у нас она носит совершенно телесный, физиологический характер. Что в России власть? Раньше было два лица, сейчас одно. Должен Вам сказать, что бываю в Кремле, и ни одного портрета Владимира Владимировича уже нету, тотчас же сняли. Неважно, что пишет пресса, кто главный, в Кремле только Дмитрий Анатольевич, его портреты висят. Это власть всегда самодержавно-персоналистическая. Я глубоко убеждён, что у власти в этом тандеме останется президент. Не потому, что он умнее, моложе, образованнее. Целый ряд русских традиций играет в пользу первого лица. Так же, как мои старшие знакомые из бывшего ЦК говорят: «Ты не можешь представить, насколько власть даже слабого и дряхлого генсека была выше относительно молодого и влиятельного члена Политбюро!» Черненко или Леонид Ильич в старости – это все равно была икона для членов Политбюро, не то, что для всех остальных. Я в центре Горбачёва видел многократно, как Горбачёв более старшим людям, членам Политбюро, Вадиму Медведеву и т.д. говорил: «А ну-ка ты, беги туда, закрой там форточку» Вот русская традиция!

В.П.Макаренко: Я вынужден прервать вопросы, оставить их на дискуссию, т.к. мы не соблюдаем регламент. Дискуссия развернётся после трёх докладов, каждый может выступить с развёрнутым изложением своей позиции в течение 10 минут. Сейчас выступаю я с докладом «Концепт русской власти»¹⁷.

Т.А.Марченко: Не является ли концепт гражданского сопротивления разновидностью политической мифологии?

В.П.Макаренко: Конечно, невозможно идеальное общество и государство. Вопрос в том, когда появляется понятие граждан. Например, Юрий Сергеевич ссылался на работу Г.Алмонда и С.Верба о гражданской культуре. Эти авторы на основе методологии М.Вебера противопостави-

ли идеальные типы гражданина и верноподданного. Отсюда вытекает, что гражданское сопротивление существует там и тогда, где и когда существуют граждане. Из понятия гражданина следует также определенная политическая теория. Я имею в виду прежде всего теорию политической критики Майкла Уолцера. Политическая критика включает множество жизненных и мировоззренческих позиций. Но мера их практического воплощения всегда представляет проблему, даже в Европе. Это первая часть ответа на вопрос. Теперь вторая. Если иметь в виду политическую историю XX века, то можно исходить из того, что в ней были практически воплощены различные формы сопротивления. Это позволяет отвергнуть противоположность между тоталитаризмом и модернизацией, которую предлагают либералы. Взамен я предлагаю альтернативу между сопротивлением и коллаборационизмом. Например, использование московскими князьями чужой власти (в данном случае татар) для подавления своей популяции – отечественная разновидность властного коллаборационизма. Чужой властью здесь выступают те, которые номинально принадлежат к одному народу. Сопротивление тоже может быть разным. Например, Кондратий Булавин остался воевать с холуями Петра 1 и потерпел поражение. Атаман Некрасов увёл своих казаков вначале на Кубань, потом в дунайские плавни и остался там, под турком. Потомки казаков-некрасовцев служили в турецкой армии, воевали с русскими солдатами во время первой мировой войны. Это конкретный пример преобразования внутреннего сопротивления власти во внешнее. Таких форм сопротивления довольно много. Это острая политическая проблема. Например, мужество в боях с внешними врагами нередко сопряжено с гражданской трусостью, а гражданская смелость тоже часто преобразуется в трусость на поле боя. Я показал, что понятия коллаборационизма и сопротивления эвристичнее понятий модернизации и тоталитаризма. Концепт гражданина можно записать в Конституции, а в реальности его нет (или есть частично), подобно нынешней России.

Г.С.Денисова: Не могли бы Вы кратко, в сжатой форме прокомментировать системные характеристики русской власти в Вашей концепции.

В.П.Макаренко: Чтобы не прибегать к риторике, я ограничусь намеком. Например, в течение семестра мы изучаем философию истории Гегеля. Комментируем высказанные им суждения. Заставляем студентов искать ответы на вопросы, которые вытекают из конкретных работ. По-сылаем их в библиотеки – ищи комментарий того, что написано о философии истории Гегеля. Я тоже посоветовал бы Вам пойти в библиотеку и

¹⁷ См.: Макаренко В.П. «Свой чужой»: концепт русской власти // Политическая концептология. 2010, № 2

узнать мой ответ на вопрос о различиях между характеристиками русской власти Ю.С.Пивоварова и моими.

Г.С.Денисова: Тогда некорректно поставлено название нашего семинара: «Диссонансы или созвучия концептов?» Я не могу понять, где они созвучны, а где нет?

В.П.Макаренко: Я Вас понимаю, Галина Сергеевна! Я прочёл, что написал профессор Ю.С.Пивоваров, проконспектировал его текст. У меня заготовка примерно на 40 страниц. Далее я покажу на основе разборов конкретных положений Ю.С.Пивоварова сходство и различие наших подходов. Общими рассуждениями здесь не обойдешься.

С.П.Поцелуев: Виктор Павлович, в каком смысле систему русской власти можно называть аномальной системой?

В.П.Макаренко: Все зависит от понятия нормы. Существует или нет некая универсальная норма? На этот вопрос одного ответа нет. Дуглас Норт вводит понятие аномалии, и на этой основе создал целое направление в социо-гуманитарном знании. Но проблема остаётся дискуссионной. Если мы согласны с позицией Канта: никаких норм в социальном бытии и мышлении существовать не может, – тогда возможен один ответ. Если согласны с Гегелем, Тойнби, Фрейдом, Юнгом и прочими, которые постулируют существование неких абсолютов, то возможен другой ответ.

С.П.Поцелуев: Меня интересовала Ваша позиция. Можно говорить об аномальности или нет?

В.П.Макаренко: Да, можно. Я ввожу понятие человеческого абсолюта, соединяя концепт человека с концептом негативной свободы от внешних обстоятельств. Я определяю человека как негативную свободу от самых распространенных человеческих страстей: материального своекорыстия, властолюбия (*любоначалия*, в терминологии А.С.Пушкина), стремления к духовному господству. Таков мой методологический идеал. По отношению к нему никакая социальная и политическая система не является нормой. Есть целые направления мысли и действия, которые провозглашают приоритет материальных ценностей, и считают это нормой. Но если мы начнем изучать реальную историю – например, историю концлагерей, – то убедимся, что даже в нечеловеческих обстоятельствах некоторые люди не поддаются искушению. Они даже перед лицом смерти могут сохранять человеческое лицо. Большинство не может. Из богатой литературы о концлагерях приведу лишь один фрагмент: утром обычно приносят в барак пайку на всех добровольцы; а другие

набрасываются на них, отталкивают и пожирают все, не думая о соседях, подобно собакам! Значит, даже в таких обстоятельствах одни индивиды живут с нравственным императивом, другие уподобляются животным. Если мы согласимся с концепцией человека как животного (а это целая традиция консерватизма, существует и направление биосоциологии) и скажем: человек в большей степени животное, нежели нравственное существо, – то мы оправдаем эти действия. Но есть и ряд противоположных примеров: Христос изгнал из храма торговцев; в христианстве существуют такие ветви, которые называют греховным занятием торговлей и считают, что любое своекорыстие принадлежит к числу семи смертных грехов. Я думаю, на этой основе возможен синтез религиозных и светских идеологий.

И.Д.Коротец: А можно ли дать определение абсолюта, не определяя его позитивно?

В.П.Макаренко: Я же определяю. Вначале давай разберёмся с негативной стороной!

Ю.С.Пивоваров: Можно, можно! Есть апофатическое богословие! Можно.

В.П.Макаренко: Разъясняю – речь не идёт о чисто теоретических вещах. Например: после аспирантуры мне предлагали стать зам.декана философского факультета. Я тогда отказался! Почему? Потому что чётко представлял: занятия наукой не совместимы с властно-административными функциями. Это – предмет практического выбора. Но для большинства он вообще не стоит, не существует как проблема! Для них наука всегда на подхвате, как средство обретения статуса и т.д. Не надо же рассказывать, что в самой академической структуре с помощью должностей возможны самые разные вещи!

Ю.С.Пивоваров: А можно и мне ответить на этот вопрос? Не поупрощать с Вами, а занять другую точку зрения. Мне кажется, это не очень корректный вопрос – «Можно ли назвать систему русской власти аномальной?» Представьте себе такую ситуацию: система русской власти, предположим, признаётся аномальной. Виктор Павлович склонился к этому – что с определённой точки зрения, при введении определённых ценностей эта система аномальна. Хорошо, тогда система русской экономики аномальна, система чего-то ещё – тоже аномальна. Теперь давайте посмотрим: совокупность систем русской жизни на протяжении всей своей жизни были аномальными! Может ли нормальный человек, трезвый, занимающийся наукой и при звании, помыслить, что на протя-

жении тысячи лет некое общество и некие люди живут в условиях аномальности по всем направлениям? Я себе такое помыслить не могу. Более того, я вам должен сказать, что если мы признаем эту систему аномальной, и встанем на позиции Виктора Павловича, – его абсолюта – то мы должны признать, что те люди, которые здесь живут, на протяжении тысячи лет, не подлежат этой абсолютной точке зрения – они тоже аномальны! Ну, если эти люди аномальны, то они и порождают аномальную ситуацию. Это чисто формальная логика!

Я думаю, эта система не аномальна. А знаете, почему? В этом году исполнилось 200 лет с того дня, как великий русский юрист Сперанский по предложению Александра I написал проект первой русской Конституции, которая была отвергнута. При жизни Сперанского она не была реализована. В 1864 году, когда была Земская реформа – реализовали нижнюю часть его проекта – земская реформа, управление новыми губерниями и уездами. 23 апреля 1906 года Николай II от своего имени даровал русскому народу первую Конституцию. Это была полная реализация плана Сперанского, то есть, с небольшими изменениями была реализована идея Сперанского. Эта Конституция действовала до 1917 года. Потом она рухнула. 12 декабря 1993 года многие из присутствующих, наверное, участвовали во всенародном референдуме по поводу принятия Конституции, которая сейчас называется Ельцинской, когда участвовало всего 25%, и 13% ее поддержали – она действует. Эта конституция является ремейком конституции Михаила Сперанского, причем перед Вами сидит человек, который знает двух авторов этой конституции, он их интервьюировал. Это Сергей Шахрай и Сергей Алексеев, член академии из Екатеринбурга. Я у них спрашивал – Вы Конституцию Сперанского читали? Оба когда-то читали. Но когда они писали эту конституцию, они не думали о Сперанском. Т.е., через 200 лет после Сперанского у совершенно других людей рождается Конституция, где властная конфигурация прочерчена абсолютно так же! Можно ли назвать эту ситуацию аномальной? Это значит, что есть некое, извиняюсь за метафору, дыхание почвы. Есть некая органическая традиция, которая пробивает себя именно в этом виде. Причём там было только одно несоответствие – у Сперанского был наследственный император, а в Конституции Ельцина – выборный президент. Но он имел такие полномочия, что известный политолог Лилия Шевцова назвала это выборным самодержавием. Как вы знаете, теперь и выборного самодержавия нет – все наше выборное право, которого не было у Сперанского, сведено к тому, что президента выбирает

один человек. Т.е. один человек выбирает одного человека. А мы это регистрируем определённым образом: Ельцин выбирает Путина, а Путин выбирает Медведева. Путин прямо сказал: «Моя задача – вырастить наследника». Я цитирую! И он его вырастил. Даже это подработало – двести лет прошло. Говорили про какие-то индустриальные дела – эти дела прошли, рухнули. А через двести лет Россия живёт по все той же властной модели. Можно ли назвать эту модель аномальной, если она органически возникает, неожиданно возникает! Когда её никто не хотел повторять – она опять возникает! Эта ситуация не аномальна, если судить изнутри русской политической системы! Это нормативность фактического! Это и есть русская норма.

В.П.Макаренко: Я ещё немного в развитие своей позиции скажу. Недавно я прочёл книжку Игоря Бирмана «Я – экономист». Это – известный экономист, в СССР он находился в конфликте с КГБ, в 1970 годы эмигрировал в США, там вступил в конфликт с ЦРУ. В 1991 году он написал книжку «Реформа экономики абсурда», в которой показал: система экономики, которая существовала в странах советского блока, является абсурдной. Почему я это вспомнил? В книге «Аналитическая политическая философия» я обосновываю идею: политика – это практическое воплощение абсурда. Но в рамках определенной нормативно-оценочной системы! Это когда мы уточняем понятие рациональность через достижение целей. Начиная с Макса Вебера эта проблема является дискуссионной: надо разводить материальную, формальную, субстанциальную, социальную рациональность и т.д. Универсального понимания рациональности не существует. Но концепт политики как практической реализации абсурда позволяет описать те формы, которые мы видим. Некоторые рассматривают это как норму. Вот проблема.

Слово профессору Ирине Игоревне Глебовой.

И.И.Глебова: Уже подошло время заканчивать, все устали, наверное. Выступали двое мужчин, два мэтра, я постараюсь периферийно и кратко.

Тема моего доклада – «Переход от советизма к постсоветизму – краткоратический транзит». Я не ставлю методологических задач, не излагаю концепций, а просто изложу свое мнение. Что-то происходило на рубежах 1980-90-ых, потом в конце 1990-ых – начале 2000 годов с нами, со страной, с властью, с обществом. Все ощущали, что произошло, и как мы живём. Есть разные объяснительные модели, которые к этому переходу предлагаются. Одним из самых популярных и влиятельных направ-

лений было направление транзитологии в 1990-ые – начале 2000 годов. Причём это как раз тот вариант, когда концепции, возникающие в рамках западной науки и механически перенесённые в нашу страну не то, что не работают, а вызывают такие абсурдистские реакции, требуют нашу реальность называть как явно не нормальную. Эта транзитологическая идея или концепция возникла в 1970 годах в американской науке, и она прикладывалась к тем процессам, которые происходили в Латинской Америке при переходах от авторитарных режимов к режимам более открытым, либеральным и демократическим. После падения этих систем и после падения СССР возникло желание приложить эту концепцию к странам Центральной и Восточной Европы, что отчасти удалось и сработало, наверное. И приложить к бывшему СССР-России. Среди российских политологов эти идеи развивал профессор Андрей Юрьевич Мельвиль. Но практика показала, что Россия в варианте линейном, последовательном, от некоего пункта А (общества тоталитарного) к пункту Б (обществу демократическому) двигаться не желала. Она двигается явно по-другому. Если описывать это движение пунктами, то это скорее движение от пункта А в пункт А, а может быть от него и дальше куда-то назад. Я попыталась понять, что это за переход. Он адресует прежде всего к каким-то культурным вещам, как это делает Юрий Сергеевич. Исходила я из того, что русская цивилизация власте-центрична, и поэтому я предположила: главное, что изменялось, происходило и определяло этот переход – это те изменения, которые произошли с властью. Ведь не случайно именно власть инициировала этот переход. Необратимость ему придали не общественное мнение и не общественное движение, необратимость распада административных структур, властных структур и властных отношений – это все очевидно. И я решила, что возможно предложить для описания этого перехода идею кратократического транзита.

Это понятие позволяет описать многообразные по форме и содержанию процессы перехода от одного состояния власти – советского, к другому – постсоветскому состоянию как способу организации власти. От состояния, которое перестало соответствовать определённым условиям, к состоянию, которым эти изменения соответствуют. Содержательно транзит был связан с модернизацией власти в ответ на вызовы. В рамках этого транзита была преодолена неспособность старой советской власти контролировать выросший из неё социальный порядок. Власть начала этот переход, чтобы скорректировать своё поведение в новых условиях, восполнить все дефициты, которые были порождены новой со-

циальной реальностью, как внутренней, так и внешней, мировой. Смысл этих перемен, которые мы пережили, заключается во введении и институционализации неких новых «правил игры», которые требуются для эффективного решения очередных властных задач. А каковы они – мы все понимаем, об этом много пишут. Сейчас властный курс подчинен эксплуатации наличного ресурсного потенциала, распределением и перераспределением ресурсных доходов между элитными группами и основными хозяйствующими субъектами. Эти процессы идут от контрольной власти, которая придает им менее эффективный, организованный, более – менее справедливый характер. В результате эта властная бюрократическая вертикаль обрела качества бизнес-вертикали, которая теперь изменилась и стала даже преобладать во властной модели.

Теперь об идее демократии, которая тоже очевидна в рамках этого транзита. Идеи демократии и демократическая практика парадоксальным образом использовались властью как технологии самовывживания и самоорганизации, которая обеспечивала движение власти от себя прежней к себе новой. Т.е демократия каким-то ненормальным, с точки зрения западной политической науки, а для нас вполне естественным образом стала той средой, в которой развернулся авторитарный режим. Как бы развернулась – и обмерла. В этом главный парадокс тех процессов, которые происходили. Власть была субъектом этого процесса. Смысл транзита заключался как раз в том, чтобы дополнить какие-то дефициты этой самой субъектности. Смысл транзита заключался в том, чтобы сохранить прежние субъект – объектные отношения с обществом. При этом происходили некие процессы, которые можно охарактеризовать как демократические. В конце 1980-ых – начале 1990-ых годов для нашего общества открылись возможности самоорганизации, обретения субъектности различными социальными силами и институционализации представительства разных социальных интересов и открытой конкуренции. Об этом много писали, это тоже известно. В конечном счёте возникла возможность качественной трансформации основ общественного порядка и отчасти эти возможности были реализованы, лишь отчасти. Но открытые возможности – это не такая реальность. И здесь как раз показательна судьба этих институтов демократии. Сейчас они не столько мешают власти, сколько становятся совершенно не существенными для решения её задач. Единственное назначение этих демократических институтов – презентационное. Они гарантируют лояльность западных политических партнёров, имеют характер легитимации власти и сохра-

нения возможности презентации власти своему внутреннему сообществу как демократической, что есть аналог современности. Здесь возникает вопрос – а что такого в этой модели и что такого в обществе произошло, что она на такой переход согласилась? Т.е., как произошло, что в России утвердилось политическое устройство, которому более всего подходит определение самодержавной демократии, в её различных вариантах – выборное самодержавие, преемническое самодержавие как при Путине? Или вот такой вариант правительства, как нынешняя модель Медведева-Путина? Я полагаю, что наша самодержавная демократия – это не только демократия самодержца, это и демократия самодержавного народа. Почему-то наши граждане вот на такой вариант идут. Я не могу сказать, что у меня есть полный, абсолютный ответ на этот вопрос, но я предполагаю, что главной для нас стала следующая вещь: на рубеже 1980-1990 годов во время демократического обновления перед российским социумом и нашими гражданами стал такой образ – чего мы хотим? Свободы или несвободы? Так вот поиски свободы нашим обществом – всем обществом, и верхами и низами, и масса и элитами закончился, в основном, отказом от неё, и русский человек со свободой в конце XX-ого века не справился. Мне кажется, что наше отношение со свободой можно описать таким метафорическим образом – мы двигаемся от идеи опьянения свободой в её анархическом воплощении к тяжелому похмелью и снятию этого похмелья тяжелою сильною рукой. Я думаю, не надо много и долго рассказывать, что происходило в это время. После того, как это происходило, русский человек начинает бояться самого себя. Он вспоминает о государственной опеке и принуждении, о социальном величии и ведущей роли державы. Такого испытания свободы, иначе говоря – испытания на сложности, на вызовы, которые несёт с собой современность, видимо, наша культура не выдерживает. Она не находит достаточной глубины и сложности, богатства, чтобы с ними справиться. Но мы идём очень интересным путём. Феномен Путина как социально-политического явления, а не личности, на мой взгляд, в том и заключается, что через него выразилась и персонифицировалась эта тенденция – общество надорвалось от такой свободы и пошло на компенсаторное ограничение, добровольно пошло на рабство. И вот эта победа социальных тенденций к несвободе привела к усилению власти и сокращению сверху объёмов существующих свобод. Очень интересна операция по сокращению, которую провели совместно власть и общество. Сначала свободы были квалифицированы как бесполезные и вредные, были

изъяты и уничтожены, а полезные сохранены, причём полезные в одинаковой степени верхам и низам. Так вот, власть должна была найти человека, который бы этим вызовам, этой тенденции отвечал бы, который бы её персонифицировал, и им был В.В.Путин. Почему победила такая свобода? Потому что свободу связывают с нестабильностью, беспорядком, анархией, со всевозможными диссонансами, которые проявляются вокруг нас и внутри нас. И это воспринимается, во всяком случае – массовым человеком, это регистрируют социологи того же Левады-Центра, о котором сегодня говорил украинский коллега. Массовый человек воспринимает эти вещи как анархию, как нарушение некой нормы. Очень важно было в 2000-е годы эту норму восстановить. Свобода была принесена в жертву установлению устойчивых, понятных и привычных условий существования. Сейчас опять все знают, что будет завтра, поэтому в этих условиях мы адаптируемся, подключая какие-то привычные адаптационные механизмы. Кстати говоря, ставится под сомнение миф о том, что хорошо выживает русский человек, ко всему приспосабливается. Видимо, нет. С появлением свободы выбора, с выбором вообще, видимо, русская культура справляется плохо. А ограничение выбора, причем это ограничение для всех – для верхних слоёв, для элитных групп, и для господствующих групп, – это ограничение упрощает жизнь, и делает её более предсказуемой. В этой ситуации срабатывает привычка, терпение и привычная адаптация. И то, что такое существование вполне понятно и привычно, обеспечивает власть и заставляет идти на то, чтобы она продолжалась, на то, чтобы она была неизменяемой. И она остается неизменяемой в том смысле, что Медведев – это Путин сегодня. Так вот мне кажется, что именно поэтому Медведев – это Путин сегодня, и за это наш человек будет голосовать.

Определённую эволюцию мы все-таки претерпели, и это сказалось на качестве транзита. Повторю – наше общество отстает себе часть свободы, полезной для него и одновременно полезной для власти. Потому что очень легко налаживались контакты с обществом на этой основе. Большею частью эти свободы социально-экономические, потребительские, свобода частной жизни и частного бытового самоопределения. Вот это то, что общество для себя оставило, то, что является необходимым элементом нашего социального организма, то, что наше общество оказалось способным переварить. Мне кажется, сейчас общество и власть вышли на компромисс между порядком и свободой. Порядок – это властная вертикаль, назначение которой – сосредоточить весь объём сво-

бод наверху. Свобода – это сохранение того объёма, которое общество согласно для себя оставить и способно переварить. Это такой вариант демократизации – мы отказались от прав политических, и в этом смысле от демократии. Мы согласились на право частной жизни, потребительской и экономической свободы и в этом смысле это демократия в таком, на мой взгляд, демократическом, частнособственническом варианте. Власть на это согласилась – это можно рассматривать как «откат» обществу за то, что оно оставило власти режим неограниченного, самостоятельного, автономного властвования. И откат здесь далеко не ругательство, не употребление терминологии из неправильного словаря. Кстати, наша власть в персонифицированном её виде постоянно этот словарь использует. И это не случайно – это отражение её качества, так же, как и употребление бизнес-терминологии, дворовой терминологии, современной политической терминологии – если это соединить, то и получается такой микс современной русской власти. Как мне кажется, дальнейшие социальные отношения будут развиваться в рамках этого отношения, в рамках этого компромисса. Говорить о наиболее существенных проблемах и перспективах современной России нужно, ориентируясь на этот компромисс.

И последнее, что я хочу сказать, буквально несколько положений. Возникает вопрос – насколько нова эта система? Ведь настаивают на её принципиальной новизне, отличии от советской и т.д. На мой взгляд, на сущностном уровне в случае с постсоветской системой мы имеем дело не с рождением системы новой, а с адаптацией прежней к эрозии и развалу. Как и почему произошла эта эрозия и развал советской системы? Скорее всего, советская система не выдержала изменения и модернизации, притом, что не любит никто этого слова, тем не менее такое явление есть. Можно по-другому сказать – не выдержала испытания вызовами, и произошло крушение. Но это очень интересное крушение – в результате крушения выжило и укрепилось то, что вызревало в недрах системы в сталинские периоды, особенно в 1970-80-ые годы. Это легальные и теневые институты, стратегии, ориентации, ожидания, которые составили основу современного массового, потребительского социального порядка. Поэтому гибель советской системы можно рассматривать как своего рода сделку между властью, элитными группами и обществом. Цель этой сделки – добить и окончательно разрушить основы ленинской, массово-мобилизационной модели социальности и помочь утвердиться брежневской, коррупционно-ресурсно-

потребительской модели. Но это унификаторы тенденций, это не конкретные люди. Речь идет о направленном развале советской системы. В ходе этого развала уничтожению подверглись советские структуры и нормы, которые бы создавали помехи этому коррупционно-ресурсно-потребительскому варианту развития, а по инерции они потянули много от советской системы, в том числе и лучшее. Ещё раз скажу: советское общество и власть есть продукты распада этой системы, которые приспосабливаются к новым социальным обстоятельствам. Эта адаптация, как социологи в массе отмечают, возможна только в негативной и понижающей форме, как привыкание к переменам и компенсация реакции на развал в дефицитах, комплексах, т.е. всего того, как может обеспечивать это современная власть. С различными акциями, различными движениями и имитационными выходами на общество. Главная проблема нашей эпохи, и в большей части для власти – как распорядиться наследием СССР? Постсоветизм, как мне представляется, если принять это определение, нацелен на эксплуатацию той части населения, которой позволяет выжить и устроиться в современном мире. А это ресурсная база и национальные запасы в широком смысле слова. Как системные – т.е. природные ресурсы, так и индивидуальные – это административные статусы и все возможности, которые они дают. Доминирующий способ эксплуатации тоже известен – это вывоз и конвертация, или вывоз или конвертация с помощью коррупционных механизмов индивидуальных запасов, сокровищ, денежной массы. Вот это эксплуатационные задачи и моменты, которые представляют мне главными, и которые решают власть и господствующие группы. Им соответствует модернизационная задача создания новых социальных сегментов, экономических, посредством которых возможна интеграция в современный мир – это банковская и финансовая система, сфера обслуживания, информационная среда в современном смысле слова. Соединение этого рождает то, в чём мы сейчас живём. Многие из старой системы оказались ненужным потому, что в рамках старой системы не работало, не подлежит сохранению и разрушается естественным образом. Мы это наблюдали на протяжении 90-ых годов, и продолжаем наблюдать сейчас. Излишнее для постсоветизма наследие – это промышленное производство, большая наука, сельское хозяйство как результаты советской индустриализации и коллективизации, культурной революции. Вместе с ними рухнули и были маргинализированы целые слои, которые за все эти вещи отвечали. В определённом смысле

это наиболее образованные, производящие и кормящие слои. Отечественное производство, которое было поставлено на научно-технологическую, высокотехнологическую основу, сейчас подменяется или замещается ввозом продуктов питания, промтоварами, технологиями и прочим. Можно сказать, что нашему социальному организму соответствует примитивный товарообмен сырьевого потенциала на готовую продукцию. В этом смысле мы очень похожи на натуральный товарообмен Киевской Руси – можно проводить исторические параллели. Очевидно, что такой организм, в рамках этой логики, ориентирован на принципиальную деиндустриализацию и демодернизацию. И это тоже сейчас очевидно – это составляющие этой социальности. Парадокс ситуации в том, что деиндустриализация, демодернизация и их возмещение, такая точечная модернизация и точечное создание таких производств – они губительны для страны, но выгодны элитам. Они позволяют контролировать процессы эксплуатационные и тенденции модернизационные. Элиты нацелены на потребление, и в рамках этой потребительской модели они вынуждены делиться с массой народонаселения, что и делают по остаточному принципу. Таков результат кратократического транзита для элит, для власти. С основной массой населения, с популяцией, тоже всё достаточно очевидно – сейчас мы ориентированы в основном потребительски. Нельзя сказать, что эти вновь созданные условия нам совершенно не подходят и нас совершенно не устраивают. Наоборот, если посмотреть, все обязаны той частной личной жизни, в том индивидуальном благоустройстве, и так или иначе готовы смириться с существующим порядком и дистанцироваться от него. Потому что советский человек в его постсоветском варианте получил то, чего он был лишён в рамках старой советской системы. В этом смысле не только власть может расцениваться в рамках кратократического транзита как победоносная, но и сам постсоветский человек себя вполне адекватно ощущает. Здесь как раз можно примерить в рамках этой системы, которая является даже более несправедливой, и точно является гораздо менее справедливой, чем постсоветский порядок.

Б.И.Буйло: Насколько я понял, Вы сегодня превращаете Россию в полуколонию, в разваливающееся государство?

И.И.Глебова: Это известные данные, и они не то, что непонятны, их никто не хочет принимать! А вот как это оценить – полуколония, или как там еще?.. Совершенно точно – мы не сверхдержава. Мы региональная держава, с таким вот вариантом адаптации к современной экономике.

Б.И.Буйло: Так я не пойму, с чем мы должны согласиться, с этим?

И.И.Глебова: Я не говорю, что должны, я говорю, что соглашаемся. У меня было такое ощущение – все получили вольную, и в рамках этой вольной возможно какое-то самообустройство, какие-то общественные инициативы. Но вот как-то никто с ними не выступает!

Б.И.Буйло: Я просто хотел уточнить: в элитах были какие-то партии, какие-то группировки, к которым мы не могли примкнуть в начале 1990-ых, которые могли альтернативой стать той самой ситуации, которая была? Быть может, у людей просто не было выбора в начале 90-ых? Им навязала это власть, и выбирали из худшего, т.к. лучшего просто не было?

И.И.Глебова: Ну, можно трактовать это и так, да! Это навязанные сверху условия существования. Но это те условия существования, на которые мы согласились, хотя бы тем, что основным вариантом адаптации к ним выбрали вот этот пассивный вариант. Был такой исследователь известный, Эдгар Морен. Про советских граждан он говорил, что они адаптируются к пассивному сопротивлению власти, сотрудничают с властью, сопротивляясь ей, и сопротивляются сотрудничая. А из этого какого-то иного выбора не получается. Из этого получается то, что у нас получилось.

Б.И.Буйло: Ну, а реформы-то провалились, и найти виновных не смогли.

И.И.Глебова: Видите, вы весь негатив и всю ответственность возлагаете на власть и господствующие группы. А я сказала, что это общие вещи, это такой совместный проект, совместный кратократический транзит, это один из вариантов.

Б.И.Буйло: Я поэтому и хочу понять, что люди получили?

И.И.Глебова: Я обозначила, что люди получили – наши граждане, и это заметно – выйдете на улицу, и посмотрите, что люди получили. Это возможность заниматься трудовой деятельностью, индивидуальной, возможность выбора своей бытовой частной жизни, выбора, в-общем, неограниченного. Нельзя сказать, что кто-то давит и указывает, что создает и учит постоянно. От этого назидания можно легко уйти!

Б.И.Буйло: И что, ради этих свобод они отказались от политических свобод?

И.И.Глебова: Получается, что так!

Ю.С.Пивоваров: А можно, я добавлю? Вот Вы говорите, что не к кому было присоединиться, выбирали из худших. А что ж Вы выбирали – надо было своё породить! Смотрите: российское общество в 1991 году

могло само породить нечто, но оно не породило нечто. Вы сами это фиксируете, что оно так и было. Выбор между Ельциным и Зюгановым – небогатый выбор. Ну хорошо, тогда почему российское общество не породило каких-то других людей? И сегодня в обществе ситуация ненормальная, есть один голос, и это голос Кремля, больше ничего нету! Тогда я спрашиваю общество – что ж оно молчит, пусть говорит! Пусть появятся люди, которые будут формулировать интересы общества! Но русское общество не хочет этого! А получили тогда очень многое. Я впервые в Вашем городе, мы ехали по улице Малиновского, там были сплошные автомастерские, бани и т.д. Вы можете себе это представить в 1975 году? Я нет! Мечтали об этом в 1975 году? Да. Получили. Березовский в крупных размерах, остальные в мелки! Человек хочет – работает, не хочет – не работает, безработица – это другая тема! Хочет в церковь ходить – ходит, не хочет – не ходит.

Запад построен на том, что называется privacy – частная сфера, куда государство не лезет, откуда оно отползло и сказала: «Ребята, у вас там медицина, ну лечитесь, как хотите, детей в детских садах – тоже, как хотите, сами занимайтесь!»

Б.И.Буйло: Смотрите, Вы же сами говорили о русской власти и становлении русской системы с XIX века. А в Смутное время тоже была бытовая свобода, в силу того, что власть рухнула!

Ю.С.Пивоваров: Нет!

Б.И.Буйло: Почему? Бояре практически не контролировали государство.

Ю.С.Пивоваров: Это была ситуация гражданской войны! Ситуация хаоса это другое!

В.П.Макаренко: Я прошу дискуссию отложить, и задавать вопросы!

Р.А.Громов: Мой вопрос об уникальности этого транзита. Насколько я помню, Вы предложили культурологическое объяснение общества. А как быть с подобными реставрациями на Западе, я имею в виду веберовское объяснение? Работает ли культурологическое объяснение?

И.И.Глебова: Я думаю, такие аналогии неуместны. Это известная вещь, объяснить в рамках двух тенденций: мы похожи, на то, что уже проходили, и будем двигаться так же, как они, европейское общество, и мы двигаемся с некоторыми недостатками. Я не вижу здесь большого сходства.

Р.А.Громов: Я и хотел сказать, что у разных культур разные ситуации!

И.И.Глебова: Только нужно иметь в виду: после чего Веймарская республика возникла и в результате чего у нас возник вот этот порядок? Нам не понадобилось участие в мировой войне, я думаю это уже ответ, после чего нужно как-то иначе посмотреть на наш порядок.

В.П.Макаренко: Я вижу, Вы исходите из концепции Клиффорда Гирца, наверно уместно будет сослаться на него.

И.И.Глебова: Не думаю, что это нужно – мы можем и политическую параллель задать – здесь всё ещё более очевидно. Думаю, это не очень удачное дополнение.

А.В.Венков: Вот Вы когда говорите, что мы все сначала хотели свободы, потом этой свободы испугались. Вы могли бы выделить, сколько процентов хотело, а сколько сомневалось?

И.И.Глебова: Вы знаете, могу. Чтобы не отрываться от дискуссии и не бежать за моими материалами, я замечу, что говорила не так. Я сказала, что появилась возможность самоопределения и выбора. Но возможность – это ещё не самоопределение и выбор. Можно использовать эту возможность по-разному – и мы её использовали так, как использовали. Создавая эти рамочные условия существования, которые ориентируют в том числе на объём этой субъектной энергии, которые в то же время есть существование безответственное. Так как, и Вы говорите, вся ответственность перекладывается на власть. То большинство, которое говорит, что оно против, что оно за демократию, само эту демократию понимает как путинский порядок: ограничение свободы слова и политических свобод, минимизацию политических партий. Это какая-то другая демократия, нежели принятая в западных обществах и западных моделях. И ориентирует как раз это большинство, его предпочтения – власть. И моделирует ситуацию – мы сами даем зелёный свет! Наличие такого большинства дает зелёный свет. Активная часть носит вспомогательный характер – поскольку участвует в выборах.

Ю.С.Пивоваров: Ещё по поводу процентов. Был опрос: сколько процентов за свободу, а сколько против? Мне кажется, что в нашей ситуации социологические опросы только затуманивают голову и нам, и принимающим решения. Помните, в марте 1991 года советский народ высказался за сохранение Советского Союза, когда Горбачёв инициировал референдум. А что произошло через несколько месяцев – рухнул Советский Союз. Даже Украина проголосовала за уход, хотя там были самые высокие цифры за сохранение. Это первое.

Второе. В марте «Известия» провели опрос: Кому принадлежит суверенитет в России? В Конституции написано – народу. 25% говорит – президенту. Кто автор Конституции – президент. Кто президент, а уже год прошел, – Путин. Всё! Вот что такое социологические опросы! А к вопросу о большинстве, Вы говорите, что и меньшинство играет роль. Вот в Веймарской республике в январе 1933 года были выборы, где большинство привело к власти лидера немецких социалистов, которого звали Адольф Гитлер. Большинство выбрало себе социалистического лидера Адольфа Гитлера – немцы сказали: Великая социалистическая революция парламентским путём. Вот большинство выбрало!

А.В.Байлов: Процесс перехода от советского к постсоветскому обществу, как ни парадоксально, был разработан ещё в начале 1920-ых годов, в рамках концепции евразийства. Они уже прямо тогда писали, что советская власть снята для потомков, в исторической перспективе. Что она уедет, будет теократическое общество, которое будет формироваться теми же, кем и советская власть, только без коммунистической идеологии. Вопрос такой: Вы говорили, что западные концепции не работают в наших условиях. Так вот, авторы этих теорий хоть немножечко читали тексты русских евразийцев. То, что наша политическая элита их не читала, я не сомневаюсь. Ну вот, западные теоретики перед тем, как планировать процесс модернизации, работы наших классиков смотрели?

И.И.Глебова: Я думаю, никакие западные теоретики никакого перехода не планировали. У них другие задачи были, и им вряд ли были нужны евразийцы. А вот модель, которая прикладывалась – это для Запада адекватная модель, она и сейчас обновляется, и ищутся какие-то другие возможности. Обсуждается, в каком варианте можно адаптировать эту концепцию демократического транзита к нашим реалиям и реалиям этого постсоветского мира. Но когда берётся одна идея и из своего времени вырывается, и говорится, что она очень адекватно описывает наши реалии, – это ерунда. Это была идея того времени, а на то время она работала. А мы – это продукт другого времени, значит, это какой-то другой переход, не описанный евразийцами. Можно какие-то векторы угадать, но это другая вещь. Постсталинская и постбрежневская Россия, как на это реагировали люди в массе, как они будут адаптироваться к ситуации, – об этом евразийцы даже думать не могли.

Ю.С.Пивоваров: То, о чем говорят евразийцы, никакого отношения к нам не имеет. Евразийцы прокляли бы сегодняшнюю ситуацию, они были врагами её. Они говорили о переходе коммунистической идеологии

к православной. И Вы знаете, что до 1990-ого года не было ни одной русской книжки о евразийцах, все были западные. Это во-первых. А гораздо интереснее теория есть – в рамках НТС (Народно-Трудовой Союз). Слышали, был такой? За принадлежность к нему расстреливали при советской власти. В 1950-ые годы была разработана концепция в городе Франкфурте-на-Майне, где был штаб, называлась «Революция секретарей ЦК КПСС». Они писали, что где-нибудь, в середине 1980-ых годов в России появится секретарь ЦК, не исключено, что станет генсеком, видимо откуда-то с динамичного юга, который поймёт заостренность этой системы и сверху инициирует демократические изменения. Это Михаил Сергеевич, это о нём написано в 1950-ые годы! Она так и называется – революция секретарей ЦК. И особенно на юге, как более динамичном, более открытым и современном, чем какая-нибудь Сибирь.

Б.И.Буйло: А у Ильина была похожая концепция!

Ю.С.Пивоваров: У Ильина была другая концепция – авторитарного перехода от тоталитаризма к демократии. Но он бы проклял нынешнюю ситуацию, поскольку говорил совершенно о других вещах!

И.И.Глебова: Там ценностная основа иная, я бы так прокомментировала.

В.Ю.Попов: Вопрос следующий – есть достаточно тонкие вещи, например денежное обращение, которое даже у специалистов создает много вопросов. Но тем не менее денежное обращение очень сильно влияет, оно структурирует общественные отношения. И вот, когда Вы в частности говорили о том, что общество на что-то согласилось. Как оно может согласиться на то, о чем оно имеет смутные представления? Интересно, что когда большевики в своё время задумывали денежную реформу в 1924 году, то свёртывание НЭПа шло по пути свертывания именно системы денежного обращения, проводимой именно благодаря этой реформе. То-есть в основе структурных преобразований лежали какие-то очень тонкие и ещё не осознанные вещи большинством. Поэтому можно ли говорить о том, что большинство было на что-то согласно, не понимая на что?

И.И.Глебова: Вы знаете, когда Вы говорите о каких-то тонких механизмах, то Вы прямолинейно их понимаете, и из этого своего прямолинейного понимания делаете прямолинейные выводы. Когда я говорю, что общество на что-то не согласилось, я же не говорю, что оно пошло и за это проголосовало. Есть некие тенденции, есть некие идеи, которые обретают массовый характер, они фиксируются и в какой-то момент они

определяют и формируют социальный вызов. И не только в денежном обращении есть скрытые механизмы. Скрытые механизмы есть и в человеческих обществах, для регулирования которого и применяются эти скрытые механизмы. Во-первых, денежные механизмы у нас регулируют совсем другой порядок, и выполняют принципиально иную функцию. А второе – общество соглашается не на денежные механизмы, а на тот вариант и порядок функционирования, который, в конце концов, восстанавливается. Люди же не устраивают революцию, не выходят на улицу и не говорят, что мы не хотим такого. Значит, есть какая-то тенденция, есть вещи, которые это настроение определяют. Люди хотят, чтоб все осталось как есть, они не хотят перемен. Вот это значимая социальная тенденция, и в рамках этой тенденции можно работать власти, можно существовать господствующим группам, и в рамках этой тенденции можно налаживать денежные механизмы, и я совершенно не вижу противоречий.

Ю.С.Пивоваров: Все спрашивают, как ими управлять. А речь идёт о самом управлении. В России есть профсоюзы? Нет. Наёмные работники защищают свои права? Нет. Я директор института, у меня тысяча подчинённых. Я им говорю: «Защищайте свои права передо мной». Да что Вы! Я либерал и буду с Вами либеральным – не хотят! И Россия не хочет сама управлять, и у нас нет местного самоуправления, и дело не в законах. Дело в том, что наша природа веками и столетиями отбила у русского человека навык самоуправления.

Из зала: Не хочет или не может?

Ю.С.Пивоваров: А это одно и то же! Исторически это одно и то же. Если мы это осознали и не делаем, значит мы не хотим этого.

В.Н.Кирой: Вы знаете, у меня было ощущение, что Вы пытаетесь ставить диагноз нашему обществу, в том числе и власти. Но с моей точки зрения он был бы актуален лет 15 назад, а сейчас это уже некая констатация прошлого, к сожалению. Власть немножко не та уже, и тем более есть постоянные конфликты между политической властью и экономической властью. Есть локальные конфликты между властью вообще и той частью общества, которая имеет определённую свободу. Более того, сегодня власть инициировала многие вещи в экономике, которые меняют её содержательную сторону и они потребуют в экономике уже другой популяции – в смысле её квалификационного и культурного потенциала. Поэтому с моей точки зрения это уже прошлое. А вот куда мы движемся? Этот вопрос более актуален и более интересен сегодня, ведь очевидно,

что мы должны перейти к экономике инновационной. И президент говорит, что «я возглавлю это движение». Эта власть конфликтует с элитами, показывая их место. Куда в этом смысле трансформируется наше общество? Какова будет наша структура, социально-властная скажем через 10 лет?

И.И.Глебова: Вы знаете, книжка у меня вышла, где я об этом писала. Я считаю, что это актуально и сейчас, и то, о чем вы говорите, развивается в рамках этого порядка. И это существенно, именно это, и оно придает качество современному развитию. Вот Вы говорите о модернизационных потребностях, и ясно, что они есть, и они тогда были. Вопрос в том, как их будут удовлетворять! Понятно, выращивается этот модернизационный и социальный потенциал общества. Только он работать будет в рамках этой системы, и условия ему будут созданы, что он работать будет в рамках этой системы.

В.Н.Кирой: Понимаете, как только вы заставляете человека в рамках инновационной экономики вести себя по-другому, стать креативной личностью, которая здесь, сейчас и каждодневно порождает инновации – он по определению задумывается, что происходит вокруг него, и, следовательно, между ним и властными структурами.

Ю.С.Пивоваров: Можно ответить? Я был на общем собрании Академии Наук, где было произнесено, что Россия занимает в мире по инвестициям и инновациям сто пятьдесят какое-то место. Все разговоры Медведева о том, что он пойдёт во главе инновации, это то же самое, что мне обещали, что я в 1980-ом году буду жить при коммунизме. Вы поедете по стране, и увидите, какая там инновационная экономика! Нет и экономики XIX-ого века, она рухнула. Мы занимаем 117 место по инвестициям в образование, Туркмения впереди нас находится. О какой инновационной экономике можно говорить всерьёз? Медведев сказал, что у нас все провалено по этому делу. На нанотехнологии Кудрин деньги отобрал у любимца народа Чубайса, нет денег ни на какие нанотехнологии – финансовый кризис. Это всё лирика. У нас сырьевая экономика была и будет в лучшем случае сырьевая экономика! А когда построят Южный поток вокруг нас, Европа перестанет быть абсолютно зависимой от нас, и у нас останется единственный надёжный потребитель – это Китай. У власти нет выбора, хотя она и искусна, но есть тенденции, которые она перебороть не может. Например, тенденцию, что каждой весной 700 тыс. человек уходят на тот свет, 12 млн. живёт на Дальнем Востоке, и около 1 млрд. подпирает с Китая. У них черным по белому написано, что боль-

шая северная страна нуждается в новых северных территориях. У нас нет никаких союзников – Путин и Медведев всё это прекрасно понимают. А когда говорят про инновационную экономику, – это то же самое, когда больному говорят: «Вася, ты выживешь», а приговор уже известен. Ситуация очень опасная в стране. Поэтому надежды, что вот будет инновационная экономика и креативный человек возникнет – вся русская история в надежде на креативного человека. Он возник?

И.И.Глебова: У известного социолога Юрия Левады есть такой термин, такой диагноз – инерционный тупик. Мне вот кажется, что уже этот вариант был, мы его в СССР прошли. Создан был этот модернизационный потенциал, модернизационное качество новое появилось. Но оно не было ей альтернативным – не было создано нечто альтернативное этой системе, с любой точки зрения, даже с точки зрения экономической.

В.Н.Кирой: Это что, нежелание выйти из тупиков?

Ю.С.Пивоваров: Это когда говорили, что наша история в тупиках? Вы знаете, что к 1914 году Витте построил железные дороги так, что пропускная способность железных дорог была выше американских. Другое дело, что нам даже этого не хватило. Но это был фантастически успешный эксперимент. Росло население, росла экономика, росла культура. Когда это было? В петровскую эпоху – тоже не было. Мы впервые в такой ситуации находимся.

В.Н.Кирой: А реформы Петра, это что было? Это не попытка таким образом развернуть страну из тупикового варианта развития?

Ю.С.Пивоваров: Нет! Допетровский период не был тупиковым. Петровский переход был насильственным, варварским!

В.Н.Кирой: Я говорю о выходах «гнезда петрова», они интерпретировали это как выход из тупика!

Ю.С.Пивоваров: Да они просто таких слов не знали! Компания Петра – это были безграмотные авантюристы просто! Да вы что!

В.В.Вольчик: Мы в своё время, благодаря Виктору Павловичу, исследовали институт власти-собственности. Юрий Сергеевич тоже сказал об этом. И мы подумали, что власть-собственность основывается на том уровне социального капитала, который в России сложился. Мы пытались его выразить простыми словами – и придумали с моим коллегой два таких слогана. Российский капитал, это коллективизм несвободных людей, а западный социальный капитал – это солидарность свободных людей. Поэтому любой процесс в России – это будет Совбез. В сообществе несвободных людей ничего другого, за отсутствием институтов, не позво-

ляется сделать. Более того, я немного исследовал власть-собственность и скажу про экономику Витте. Была конференция по экономической истории, и я поражаюсь, когда в записях конца XIX-ого – начала XX-ого века большинство промышленников мечтало отдать свою собственность в руки государству, в обмен на государственные заказы. Все к этому шло, а коммунисты только это завершили.

В.П.Макаренко: Волевым порядком я прекращаю прения – мы уже просрочили время фуршета. Слово предоставляется одному из интеллектуальных лидеров нашего околота, профессору, кандидату исторических и доктору философских наук Анатолию Владимировичу Лубскому.

А.В.Лубский: Во-первых, околота – это хорошо, это метафора русской системы власти, а во-вторых, спасибо Виктору Павловичу за предложение поработать в творческой мастерской.

Позвольте, я не буду выходить за заданную тематику: «Система русской власти: диссонансы или созвучия концептов?» Предложено было говорить по поводу двух концептов – концепта русской власти, предложенной В.П.Макаренко, и концептом русской системы, предложенной Ю.С.Пивоваровым и А.И.Фурсовым. На обсуждение было вынесено несколько вопросов, я остановлюсь на трёх из них. Первый вопрос – это контекст, который позволяет понять, почему вдруг появились концепты подобного содержания. Второй вопрос – по поводу совпадения или диссонансов, попытаюсь здесь дать сравнительный анализ, третий – остановлюсь на некоторых аспектах той критики, которая существует в современной академической и неакадемической среде, и выскажу некоторые соображения.

По первому вопросу обращаю ваше внимание, что я рассмотрю два аспекта – социально-политический и эпистемологический контекст, в условиях которого появились эти два концепта. Я думаю, Вы обратили внимание, что они появились в конце 1990-ых годов, кроме этих концептов появились и похожие концепты – например, чуть ранее была сформирована концепция Янова, тоже базирующаяся на интересной литературной метафоре – «тень грозного царя». Концепция Пастухова, базирующаяся на метафоре «русский ген». Концепция Аузана, базирующаяся на метафоре «русская колея». С этими концептами корреспондировались указанные здесь Бессонова, со своей раздаточной экономикой, концепция Фонотова – Россия как мобилизационное общество. Плюс концепции Кирдиной об особой цивилизационной матрице развития России; концепции российской государственности и целый ряд других. Появи-

лись они в конце 1990-ых или чуть-чуть позже. Что это был за период? Я не буду о нём говорить, профессор Глебова об этом говорила, я укажу некоторые сюжеты: прошли иллюзии, связанные с демократическим транзитом, русское общество вступило в сделку с властью, обменяло свободу на порядок, произошел откат – минимизация свободы. Начался переход от картельного политического режима Ельцина к корпоративному режиму Путина, то есть мы видим, как русская система вернулась в русскую колею.

То есть установился русский социальный порядок, тот, который предпочитает население, тот, который она легитимизирует – порядок с хозяином в доме, сочетающем в себе атрибуты сильной руки и атрибуты продавца счастья. Вот примерно то, что произошло. А главное то, что русская система вошла в русскую колею, воспроизвелась в новых исторических условиях. Отсюда возник вопрос – почему? И ответа на этот вопрос политическая наука в то время не смогла дать. А дать она не смогла потому, что в отечественной политологии четко обнаружилось два момента. Первый – синдром когнитивного подражательства. Он выразился в том, что в наших научных практиках, философских практиках и светских практиках стали использовать достаточно редкие концепции модернизации, транзита и т.д. Стали использовать концепты гражданского общества, т.е. те концепты, от которых современная интеллектуальная мысль как бы отказалась и не использовала их. А во-вторых – эти понятийный аппарат и эти теоретические конструкции оказались неподходящими и малоэффективными в методологическом плане. У нас не оказалось языка, как сказал Юрий Сергеевич, адекватного для описания социально-политической ситуации в России. В то же время отечественная политология обнаружила и дефицит креативности – способности разрабатывать новые способы познания политической реальности. И вот естественно в этих условиях наиболее креативные учёные, прежде всего из академических центров, поставили перед собой такую задачу – выработать понятийный аппарат и теоретические конструкции, для того, чтобы более-менее адекватно описать, объяснить и понять те процессы, которые происходят и происходили в России в исторической ретроспективе и происходят сейчас. Вот такой социально-политический и эпистемологический контекст.

Теперь по поводу двух концептов – русская система и русская власть. Я начну с моего товарища Виктора Павловича Макаренко. Если Вы посмотрите на его книжку, то там есть подзаголовок – теоретико-социоло-

гические проблемы русской власти. Иначе – социология власти. Кто же субъект этой власти? В книге Виктора Павловича такой субъект найден – он выступает единым в трёх лицах, и отсюда идея троевластия. Это властелин-собственник-жрец (или идеолог, на современном языке). Отсюда мы видим, что, поскольку есть один субъект – властелин-собственник-жрец, то атрибутом его деятельности выступает государственная власть. Я хочу обратить ваше внимание, что концепт Виктора Павловича разрабатывался в рамках деятельностного подхода, это такой новый для нас подход, к котором власть рассматривается как средство деятельности, опирающаяся на определённые ресурсы. В рамках деятельностного подхода к власти сложилось две теории. Одна теория рассматривает власть как авторитарно-властное господство, а вторая как авторитетно-властные полномочия. Виктор Павлович работает в русле теории власти как авторитарно-властного господства. Отсюда он поднимает вопрос, что такое власть – власть это атрибут собственника и жреца, а с другой стороны, власть у него приобретает такой метафизический смысл, поскольку для всех остальных (а это объекты власти) – подданных и верноподданных она приобретает метафизический смысл. Виктор Павлович использует метафору неопределённой, вездесущей и дьявольской власти. Мы видим, что тут два подхода. Один работает в русле онтологического осмысления русской власти, другой в рассмотрении власти как властно-авторитарного господства. В чём же природа этой власти – ставит вопрос Виктор Павлович. Если власть – это средство государственного управления, то на какие ресурсы она опирается? В.П. Макаренко отвечает на вопрос так: «Опирается на принцип централизованной редистрибуции, т.е. власти-собственности». Дополним функцию властелина функцией идеолога, жреца. Отсюда его концепция троевластия. Такого общего краткого содержание концепта русской власти, представленной в работе профессора В.П. Макаренко.

Если в таком же сравнительном плане посмотреть на концепт русской системы, представленной Ю.С. Пивоваровым и А.И. Фурсовым, то мы увидим, что такое власть для русской жизни. Русская жизнь властечцентрична, а сама власть моноцентрична. Русская власть определяет все и вся. Мы видим здесь метафизический заход – русская власть разлита во всем и всё определяет. Благодаря этому устанавливается особый русский порядок, который авторы называют русской системой. Эта система организует, контролирует русскую жизнь на основании принудительного господства. Метафизический характер русской власти позволяет ав-

торам объяснять, почему русская система постоянно воспроизводится в исторически различных ситуациях. Она воспроизвелась, как мы уже сегодня слышали, и в современной России. Вместе с тем, русская система переживает кризисы, дает сбои. Авторы предлагают физикалистский подход к пониманию этих сбоев, который заключается в метафорах. Перефразирую на свой лад эти метафоры: срывы русской власти связаны с тем, что утолщается слой тех, кто находится у кормушки государственной власти и наоборот – уменьшается сама кормушка, т.е. уменьшаются источники кормушки. Соответственно, власть начинает перераспределять ресурсы, которые оказались распыленными или сконцентрированными в руках определенной группы. Если сравнить две эти концепции, то мы не увидим особого диссонанса. Общее – это онтологическая, метафизическая интерпретация русской власти, это метафорический способ презентации этой власти. Есть и различия.

Вы, наверное, обратили внимание, что Юрий Сергеевич апеллировал к идеям евразийской цивилизации, и это было сделано неспроста. Речь шла о том, что русский порядок базируется на трех основаниях: власть моноцентрического характера, бессубъектное население, которое готово легитимизировать власть при определенных условиях, и определенный слой субъектников, то ли как субъектники, сложившиеся в определенных обстоятельствах, то ли как субъектники – побочный продукт самой этой власти. Поскольку власть моноцентрична, основу её составляет идея насилия, идея господства, идея принуждения. Это принуждение воспринимается бессубъектной массой, как должное, как разумное. Поскольку это существует, то власть нуждается в определенном основании. Таким основанием выступает Яса Чингисхана – т.е. запреты и наказания, в отличие от Хартии вольности в Европе, изданной на три года позже. Отсюда, с одной стороны, прослеживается такой почвеннический аспект концепции, с другой стороны, направленность, связанная с концептом евразийской цивилизации. У Виктора Павловича, по моему мнению, концепт сложился на основе иных методологических оснований. Идея власти-собственности лежит в основе особого азиатского способа производства (идея, которую после Карла Витфогеля развивал у нас Л.С.Васильев). Поэтому концепция русской власти В.П.Макаренко тяготеет к концепции восточно-деспотической цивилизации. В этом разница. По некоторым основаниям – идея перераспределения ресурсов и идея власти как господства – эти концепты близки между собой. Несколько слов о критике этих концепций.

Концепция Пивоварова-Фурсова вызвала живой отклик и разную реакцию. Концепция Макаренко осталась замеченной, в основном, в академической среде. Появились критики этих концепций. Я приведу два примера этой критики. Есть критика негативная и критика позитивная. В рецензии на книгу В.П.Макаренко проф. А.А.Мигольтев назвал эту концепцию надуманной, в прокрустово ложе которой автор хочет втиснуть все сложные процессы, которые происходят в политической реальности России – прошлой, настоящей и т.д. Почему она кажется надуманной Мигольтеву? Потому что у него своеобразный стиль мышления. Он сразу заявляет об этом стиле, когда обвиняет Виктора Павловича в нападках на гегелевскую философию истории, обвиняет его в том, что он не признает такое прогрессивное течение общественной мысли, как либерализм. В чем суть мышления проф. Мигольтева, которому концепция В.П.Макаренко кажется надуманной? Это мышление особое. Основу её составляет методология однолинейного прогрессизма. Есть человечество, есть правильные народы, и все они идут по одной линии прогресса. Идеалы, вектор этого движения задают наиболее развитые и продвинутые страны. Соответственно, такие страны, как Россия, западающие страны, хотят они этого или нет, идут в этом направлении. Можно использовать тот понятийный аппарат, тот тип теоретической конструкции, которые создавались западно-европейской интеллектуальной мыслью, причем создавались на особом материале. Кстати, некоторые исследователи считают, что западно-европейская цивилизация – это аномалия в общем развитии человечества. Такая аномалия, которая дала преимущества. Но я не буду об этом говорить. Эти конструкты, которые были разработаны на материале этой аномальной социокультурной среды, можно вполне использовать и при изучении российских политических реалий. Виктор Павлович эти конструкты критикует как надуманные. Это стиль особого мышления. Этим стилем обладают многие наши современные ученые. Потому, что они воспитывались на традициях марксизма, а методология однолинейного прогрессизма – это позитивистская методология, в том числе и того марксизма, в рамках которого формировались эти ученые. Есть другой профессор – Виктор Ковалев, он тоже подвергает критике, но уже концепцию русской системы. Он называет её фантастической и не меньше, как самобытное теоретизирование. Я попытался понять, в чем же фантастичность – с точки зрения этого автора – концепта русской системы. По моему мнению, автор не критикует концептуальное положение русской системы, он избрал дру-

гой путь. Он говорит: "Вот современный политический режим, это – последнее воплощение русской системы в жизнь". Последнее – и в хронологическом, и в прямом смысле слова. И критикует сложившийся политический режим с точки зрения обоснованности этого режима в концепте русской системы. Почему он считает фантастической концепт русской системы? Потому что она лишает Россию будущего. Потому что она фаталистична. Потому что эта система постоянно воспроизводит русский порядок, и тем самым лишает Россию будущего.

Есть так называемые позитивные критики. Одним из них является Эмиль Паин. Он говорит, что, являясь этнографом и антропологом, понимает, что такое культурный код, какую роль играет он в воспроизводстве прошлого или традиций. Но я рассматриваю концепцию русской системы не как традиционную систему, а как инерционную систему, которая опирается на определенные ресурсы, в том числе и на этот код. Он утверждает, что в современных условиях эта инерционная русская система себя изжила, т.е. истощились её ресурсы. И прежде всего – в социокультурной сфере. Он говорит: поскольку код воспроизводится, то он производится не сам по себе, не метафизически, а благодаря более или менее адекватным условиям. Одним из таких условий является социокультурная составляющая. И если эта социокультурная составляющая будет меняться, т.е. сознание людей будет меняться, то система отомрёт.

В подтверждение этой идеи Игорь Клямкин опирается на ряд социологических данных из социологических исследований, проведенных по заказу одного из либеральных фондов. Получается, русское общество переросло русскую систему. Почему? Оказывается, по его данным, только 7% россиян за русскую систему, за основные её принципы. Ну, ещё около 20%, которые кое-что из этой системы приветствуют. А 96% россиян критикуют произвол русской власти. Вот где русское общество переросло. Не одобряют, а критикуют произвол русской власти. Паин-Клямкин утверждают, что русская система не фаталистична, т.е. она не перманентно воспроизводится, а достаточно социокультурного характера изменения сознания, а в условиях постиндустриального прорыва такое сознание, по их мнению, меняется, поэтому русская система отмирает.

И последнее. Существует также позитивная критика со стороны Н.И.Розова и его коллег. Концепция эта состоит в том, что термин "русской системы" представляет собой метафору. Как всякой метафоре ей присущи образность, выразительность, и это очень хорошо, т.е. схватывается суть явления. Но метафоре "русской системы" не хватает концеп-

туальности, т.е. не достаёт теоретической и эмпирической обоснованности. Поэтому задача сейчас состоит в том, чтобы превратить систему русской власти из метафоры в концепцию. Вот основная позитивная критика Н.И.Розова. В связи с этим он предлагает несколько вариантов того, как это можно сделать. В частности, он предлагает конструкт вертикального договора или контракта, который в российском обществе заменяет горизонтальный контракт. Вертикальный контракт помогает перераспределять ресурсы. В связи с этим я хочу обратить ваше внимание на одну очень интересную концепцию понимания русской власти. Эта концепция заключается в следующем.

Если русскую власть мы рассматриваем, как средство, то она опирается на определенные ресурсы. Одним из таких ресурсов является кормление. Т.е. это определенная система. Она была отменена при Иване Грозном, но постоянно воспроизводится, реактуализируется на протяжении всей русской истории, и существует сейчас. Кормление – это очень специфическая русская традиция, которая облачается в символические формы. Причем кормление в двух аспектах. Во-первых, в русском языке кормление и правление – синонимично, как например, стол и престол. Кормчий – это не лодочник, который знает, куда лодку нужно вести, это – тот, который знает, как добыть корм. Так на Севере, кормчий – это вожак промысловиков, который знает, как добыть корм, т.е. он кормит. Поэтому синоним кормления-правления в России позволяет нам увидеть этот ресурс русской власти. И он заключается в двух аспектах. Кормление-правление, как способ кормиться. Во-вторых, правление как способ кормить.

Что такое способ правления, как способ кормиться? У кого власть, у того и собственность, у того и корм. А правление как способ кормить – пока не особо проясненный феномен, но он присутствует. Кормление – это демонстрация власти. Я не буду приводить примеры русских царей, но раздача пайков, любой начальник, который едет за границу и привозит сувениры для подчиненных – это демонстрация власти, её атрибут. Он об этом даже не задумывается. А как рассаживаются за столом? В русской ментальности стол не должен быть ни круглым, ни квадратным, он обязательно – П-образный, это самая удобная форма. За такой стол садятся приближенные к власти во главе с хозяином, садятся все по ранжиру, по иерархии – друг напротив друга. Т.е. принцип один – на каждой иерархической лестнице все равны в службе. Сам этот образ "не так сидите", "не так сели" – это символическое выражение формулы кормления.

Теперь, коллеги, основной вопрос вот в чем. Критики обращают внимание на фатализм, содержащийся в концепте русской системы. И обращают внимание, что при любых условиях воспроизводится русская система, т.е. Россия попадает в западную русскую колею. Вы, наверное, тоже уловили эту мысль в выступлении уважаемого Юрия Сергеевича о том, что ситуация меняется, а все остается по-старому, и менталитет управляющих, и менталитет управляемых и т.д.

Тот же Н.И.Розов предлагает в связи с этим концепцию формирования полисубъектности, я бы её назвал идеей формирования низовой субъектности. В формировании низовой субъектности он видит переход от русской системы к чему-то новому. Я хотел бы задать Юрию Сергеевичу вопрос: Сейчас воспроизвелась русская система в привычном виде, в то же время на каждом углу говорят о необходимости создания среднего класса, но средний класс – это субъектники, это – лишние люди, которых система должна перемолоть, т.к. это её задача. Это что, парадоксы современной русской власти? Это имитация или побочный продукт её деятельности? Для меня это остается пока не проясненным местом. Мне кажется, что все это имитация. Русской власти лишние люди не нужны. Она их или расстреливала, когда была слабой, а когда была сильной, просто сажала в психушку или высылала за границу. С субъектниками так разделялись. Чем сильнее власть, тем более либеральные формы проявления юродства на Руси. Русская власть рассматривает всех этих диссидентов, субъектников как юродивых. Но юродивые – не больные. Юродивые пребывают в подвиге Христа-ради. Им дозволено критиковать власть и демонстрировать образцы праведной жизни.

Коллеги, отвечая на вопрос о фатальности, неизбежности воспроизводства русской системы, я хотел бы обратить внимание на новые методологические возможности, которые открывает неоклассическая парадигма научного исторического и политологического исследования. Особенно я хотел бы обратить внимание на то, как воспринимается само историческое время. Историческое время воспринимается нелинейно, т.е. в настоящем сосуществует одновременно и прошлое и будущее. В качестве примера я сошлюсь на работы современного немецкого исследователя Рейнхарда Козеллека, который предложил такой подход. “В настоящем всегда присутствует поле прошлого опыта и горизонт будущих ожиданий”. И этот синтез поля прошлого опыта трансформирует будущность ожидания. Но будущее ожидание трансформирует этот опыт. Я бы так сказал, используя привычные нам мета-

форы: современный русский человек хочет жить как в Америке (это горизонт ожидания), а работать как в России (поле прошлого опыта). Я не буду Вам говорить о Дугласе Норте, о неоинституционализме, который предлагает рассматривать институты, в том числе и властные институты, не как застывшие, а как формирование институтов, где прослеживается сложная зависимость между прошлыми и современными институтами. Но, самое главное, эти институты трансформируются в условиях коммуникации.

Ю.С.Пивоваров: Я попросил бы несколько слов. Тут некоторое недоумение, в том смысле, что Русскую Систему, я думаю, никто не читал. Дело в том, что Русская Система планировалась как большое исследование. И в самом большом формате, листов двенадцать, она вышла в журнале “Политическая наука”, 1993г., №№ 2,3. Люди, которые читают Русскую Систему, видят только осколки. Но не их вина в том, так просто получилось. Эти осколки в разных журналах показывают только кусочки концепции, которые, как я вижу по восприятию, ничего общего не имеют с тем текстом, который писался авторами как большой текст. Во-первых, мы исходили и исходим из ситуации открытости исторического процесса. Второе, мы не утверждаем, что Русская Система существует. Это теоретическая игра. Мы формулируем некую концепцию и стараемся с её помощью что-то понять. Нам приписывают утверждение: Русская Система существует. Я совершенно этого не утверждаю. Я говорю о том, что это одна из многих возможных попыток понять, что происходит. А это – принципиально другой подход. Здесь вообще нельзя говорить о какой-то фаталистичности. Нет ничего более противоположного нам, чем евразийцы. Ничего общего. Могу сказать вам как эксперт. Нет ничего общего между евразийцами и попыткой Пивоварова-Фурсова в 1990-е годы. Ничего, кроме одного. Один из этих авторов, т.е. я, хорошо знает труды евразийцев и даже их издавал, их комментировал. Действительно, ничего общего нет. Далее, что значит – почвенная? Совершенно непонятно. Что касается восприятия Русской Системы, что она воспроизводится или не воспроизводится. В этом всё дело. Я сегодня сказал, что поскольку работы никто не читал, я должен рассказать о ней. Например, одной из главных тем Русской Системы является тема соотношения времени и пространства – темпоральности. Этому посвящена большая часть страниц этой работы. И одним из условий существования Русской системы, по мнению авторов, является её пространственное расширение. Притом, что сейчас тенденция явно обратная. Клямкин – мой при-

атель, он читал всю работу. Что касается Ковалёва – он её не читал, а так умозрительно и т.д.

Я бы хотел серьёзной критики, разбора своих идей, поскольку – как любому автору – это помогает и инспирирует. Но в том изложении, в котором Русская Система попала в научный оборот, она абсолютно искажена. Вы говорите: «моноцентрична», это не наш термин. Этот термин придумал Игорь Бунин, мой приятель, но ни в коем случае не автор Русской Системы. Между моносубъектом и моноцентричностью есть громадная разница. Когда мы говорим о моносубъекте русской истории, мы говорим не только о верховной власти, мы говорим о каждой клеточке российского общества, например, ваш университет, мой институт, колхоз, баня, Академия наук, Министерство обороны. Там воспроизводятся некоторые структуры, коллизии, связи Русской Системы. “Лишний человек” – это совсем не то, что Вы называете “субъектники”. Это сложный инструмент. Далее, что касается Русской Системы, она описывается в разных стадиях совершенно различно. Мы постоянно говорим, что это теоретический подход к пониманию, т.е. мы номиналисты. Если вспомнить спор номиналистов и реалистов, то мы занимаем номиналистическую позицию. А евразийцы – это реалисты. Мы, когда писали эту работу, вообще не считали, что занимаемся наукой. Мы просто весело писали роман про то, что мы думали. Мы, как я вначале сказал, и не хотели это вписывать ни в какие современные научные школы. Что касается метафор, они используются, хотя я и не поклонник их, но без них очень трудно. Но доказательная база существует вот в этих больших кусках, которые, к сожалению, публика не видела. Предложения Розова, которого я очень ценю как замечательного автора, бессмысленны по той простой причине, что это игра, но это и теория. А теорию никакими цифрами, никакими Клямкинскими выводами не сделать. Клямкин – это мой близкий товарищ, один из замечательных, умнейших людей. Он в 1990-е годы провел психологический анализ религиозного сознания в России и выяснил, что религиозное сознание в России приблизилось к протестантскому. Я спрашиваю: “Игорь, ну и о чем говорят твои цифры? Пойди на улицу, в церковь сходи, почитай...” Это, конечно же, не так!

Ещё один пример того, что применение к русскому – проблема. На этом ломаются очень многие даже на Западе, ещё с 1928 года, когда начали проводить психологические опросы. У нас эти прогнозы ни о чем не говорят. Я постараюсь завтра-послезавтра отклониться от заявленной темы и немного поговорить о Русской Системе. Потому что мы сов-

сем другое писали. Нас совсем другое интересовало. Причем, там есть масса такого, чего в эти короткие статьи не попадало. Это и до периода рождения Русской Системы. Это и Ордынский и Киевский периоды, это и ментальные вещи – взаимоотношения с церковью, концепция симфонии светской власти с церковной, противопоставление ей концепции двух мечей католической церкви и т.д. Мы исходили из того, что это одна из возможных попыток понимания, а не призыв к тому, что: “Есть Русская Система!” – её нет вообще. – “Она фаталистична,” – как можно так сказать, когда история – это открытый процесс и свобода воли человека. Я своим студентам говорю: “ В 1918 году Людендорф со своими американскими пулемётчиками лег за пулемёт, остановил немецких большевиков, и они не взяли Рейхстаг. В 1941 году немцы не смогли взять Москву, а взяли бы, и мировая история пошла бы иначе”. Принципиально открытый исторический процесс. Напротив, мы говорим, что нет законов исторического развития, а нам “шьют” дело о фатализме. Нам, волюнтаристам! Следовательно: читают то, что как бы сами понимают.

А с другой стороны – это техническая проблема, что люди не читали, пусть даже недописанного, но цельного куска текста, где авторы последовательно разворачивают систему доказательств. Я хотел сказать, что и в этом смысле критика Русской Системы никакая не фаталистичная. И я не говорю, что Русская Система возродилась в том виде, в котором она возродилась. Я говорю, что эта концепция не устарела, через неё можно понять многое из того, что сейчас происходит. И есть масса другого, что не вписывалось в эту концепцию. Она на это понимание и не претендовала. К примеру, концепция О.Бессоновой: пока она занималась экономикой, это было ничего, а теперь решила написать, как всякий русский философ-гений, объяснить, как существует мир... Русская Система на это не претендует, она очень ограничена. Она не может быть прочитана в духе шовинистическо-великодержавно-почвеннической возни. Это то, что одному из этих авторов так же противно, как, скажем, теплая водка.

А.В.Лубский: Юрий Сергеевич, мне было приятно Вас слушать. Я также постоянно сталкиваюсь с тем, что читающая публика постоянно извращает текст. Есть, как я говорю, тот ортодоксальный текст, который создали авторы, и есть текст неортодоксальный. Второе, мне были очень приятны Ваши разъяснения, связанные с тем, что, в рамках неоклассической парадигмы существуют различные конструкции реальности, различные способы интерпретации этой реальности. И это исследование

дает картины мира, которые не являются – одна правильной, а другая – неправильной, и не могут претендовать на универсальность.

Ю.С.Пивоваров: Абсолютно верно. С этого мы начинаем.

А.В.Лубский: Поэтому, всякие претензии на универсальность – обречены.

Ю.С.Пивоваров: Абсолютно верно.

В.П. Макаренко: Спасибо, значит, разобрались, что А.В.Лубский много не о том...

Ю.С.Пивоваров: Нет! Наоборот, это был великолепный совершенно анализ! Я такого не слышал ни разу!

А.В.Лубский: Виктор Павлович, не приписывайте мне идеи тех, кого я пересказываю...

Ю.С.Пивоваров: Правильно. Я думаю, что Пивоваров и Макаренко должны сказать спасибо за такую реконструкцию.

В.П. Макаренко: Конечно, спасибо!

А.Н.Ерыгин: Я несколько опоздал, разрешите спросить. Юрий Сергеевич, Вы только что сказали, что где-то она изложена наиболее полно?

Ю.С.Пивоваров: Это издание "Политическая наука". Издается с 1997 года издательством «ИНИОН». ВАКовское, ежеквартальное издание. №№ 2,3 – Москва, 1997г. Там изложена самая большая часть, хотя есть ещё ряд статей, которые появились и, в частности, особенно важная статья в «Русском историческом журнале», который издавал РГГУ в конце 90-х годов, посвященный Екатерине II. Там довольно много авторы говорят о том, о чем мы не говорим в Русской Системе. И далее, в развитие этого, моя книжка издательства «РОССПЭН», вышедшая в 2006 г., называется «Русская политика в историческом и культурном отношении». Это маленькая, удобная карманная книжка. Там есть как бы некоторое развитие отчасти.

В.П.Макаренко: Пока коллеги будут размышлять, я хотел бы предложить несколько иной способ прочтения. Я не могу сказать, что изучил концепцию Юрия Сергеевича, я всего лишь трижды прочитал публикацию в «Русском историческом журнале». Скажу о моем способе чтения книг. Первая моя книжка посвящена феномену бюрократии в ранних работах К.Маркса. Передо мной тогда стояла задача: работая в рамках официальной марксистской идеологии, опровергнуть те положения, которые вошли в учебники. С помощью классиков марксизма я выступал против официального советского марксизма. Технология стара как мир. В истории культуры ее называют по-разному: обратить Библию против

Бога, экзегетика, герменевтика и т.п. В результате моей переработки классических текстов Маркса из ста листов черновиков получилось десять листов готового материала для книжки. Официальные марксоведы потом удивлялись: «Макаренко, ты это где-то списал?» Двадцать лет спустя мне об этом признался один из них: «Как же так, я это читаю всю жизнь, но не увидел того, что увидел ты?» Дело в том, что ту интерпретацию Карла Маркса, которую я предложил, никто до сих пор не смог опровергнуть. Никто не смог доказать, что я ошибаюсь. На нее до сих пор ссылаются. Значит, перспектива открыта. Хотя за превращение слов в научные метафоры меня тоже критиковали (например, Валерий Подорога).

Второй момент – организационный, для меня был не менее важен. Я проходил докторантуру в Институте философии АН СССР, в секторе философских проблем политики. Получил допуск к защите. Думаю: «Куда ткнуться?» Пошел в ведущий институт советского марксизма – Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, в сектор К.Маркса, которым тогда руководил Г.А.Багатурия. Мы с ним пересеклись в Сухуми на одной из международных конференций, где я предварительно спросил: «Можно ли вашу контору избрать в качестве ведущей?». «Да, приноси». После того, как я получил допуск к защите и принес работу, он говорит: «Виктор Павлович, мы структура подневольная – необходимо посоветоваться с директором института». Минут через двадцать прибегает и говорит: «Нет, академик А.Г.Егоров не разрешил». Диссертацию, которая была посвящена анализу проблемы бюрократии в трудах Карла Маркса, директор Института марксизма-ленинизма запретил рецензировать!? Тогда я пошел в МГУ. Мне приятно, что я дал такую интерпретацию текстов Маркса, которую до сих пор никто не опроверг. Такой способ чтения я применяю к любым текстам. Попробую его проиллюстрировать.

У меня конспект работы Ю.С.Пивоварова-А.И.Фурсова из «Русского исторического журнала», страниц на сорок. Сегодня я взял с собой десять страниц. Расскажу о некоторых фрагментах. Я хотел бы обозначить исходные пункты дискуссии. Дело ведь не просто в чтении, не в том, что я открыл велосипед типа экзегетики или герменевтики. Мой опыт чтения накладывается на опыт поколения. Что я имею в виду?

Я родился в 1944 году. Первые девять лет везде висели портреты батьки Сталина. Помню букварь, который начинался с портрета Сталина, могу процитировать стихи, ему посвященные в том букваре... Но пришел 1953 год. «Кокнули вожачка», – как говорят герои «Оптимистической трагедии». Помню 9 марта, когда его хоронили: остановились и

гудели паровозы, я шел по глубокому снегу вблизи железнодорожной станции, это отложилось навсегда. Прошло три года. И вдруг Сталин – «враг народа». Как же так? То нас принимали в пионеры под его портретами, а 30 июня 1956 года вышло постановление ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий». Будучи пацаном, я хорошо запомнил, как мой отец, член партии с 1930-х годов, вместе с соседом-инвалидом, который воевал под Москвой и остался без ноги, обсуждали этот текст и говорили: «Сталин – враг народа». Будучи пятиклассниками, мы в 1956-м году осенью пришли в школу и из рогаток обстреляли портрет Сталина. Так мы реализовывали очередную партийную указивку. До сих пор помню побелевшее лицо директора школы. Хорошо, что вскоре бывшего вождя похерили, свергли и его памятник в шинели и картузе генералиссимуса на районной площади.

Пришел Никита Сергеевич Хрущев. И спустя совсем недолгое время его называли «верным ленинцем». Хорошо помню плакат с Лениным в кепке и подписью: «Верным путем идете, товарищи» (так Хрущев закончил свою речь на XXII съезде партии). Была свёрстана программа строительства коммунизма, опять загудели фанфары... Прошло десять лет правления Хрущева, «верного ленинца» называли «волютаристом», скинули.

Пришел Леонид Ильич Брежнев – и спустя непродолжительное время получил титул «верный марксист-ленинец». Затем его тоже похерили.

Итак, на протяжении сорока лет жизни моего поколения прошло свержение трех идолов, не говоря о Ленине. Опыт поколения, в данном случае мой, способствует выводу: тот, кто сегодня объявляется вождем-полубогом, завтра «загребет по мелкому указу» – так один из героев В.Белова обозначает указ о мелком хулиганстве. Вот что я имею в виду, когда говорю, что на протяжении сорока-пятидесяти лет было низвергнуто четыре вождя. Это требует рефлексии, и эта рефлексия началась у меня ещё в школе. Дистанция от людей, олицетворяющих власть, началась в далеком детстве. Знаю многих коллег, людей постарше, ровесников, и помоложе, у которых началось аналогичное отторжение, без всякого копирования в доктринах, на уровне поведения и т.д. Это – как непреодолимый рвотный рефлекс от всей официальной сферы «государства», как говорят герои В.Шукшина. Я думаю, от опыта поколения нельзя уйти при освоении любых текстов, особенно связанных с рефлексией о власти.

Теперь я хотел бы с удовольствием сослаться на коллег-москвичей – Бориса Дубина и Льва Гудкова. Они занимаются не только социологическими студиями, но и литературоведческими. Написали ряд работ о сов-

ременном историческом романе. Что же такое? Вроде бы произошла перестройка. Но они на основе разбора современных исторических романов показали: то, что раньше, в советское время, было официальной версией истории, сегодня навязывается с помощью книжного рынка. Таким образом, рыночные механизмы используются для внедрения в массы старой советской идеологии. Средством служит современное массовое искусство.

На этой основе я предлагаю исходный тезис: нужны концепции, направленные против монархических, советских и постсоветских вариантов историографии, а также всех механизмов ее распространения, включая рыночные, в той степени, в которой они некритически воспроизводят монархические и советские идеологемы. Я думаю, что идеи, сформулированные Юрием Сергеевичем и его коллегами, позволяют обсудить эту проблему.

Теперь некоторые иллюстрации. Один из тезисов Юрия Сергеевича – теоретическое прочтение русской истории. Он пишет о том, что «... придает исследованию научный характер, превращая эмпирические факты в научные, а хронику – в историю». Я согласен также с Вашей номиналистской установкой при понимании истории. Здесь уже упоминалось имя Н.С.Розова. В 1995 году вышел целый номер «Вопросов философии», в которых он опубликовал статью «Возможность ответа на вызов Карла Поппера». На основе анализа К.Поппера Н.С.Розов приходит к выводу: «В итоге деятельности К.Поппера в социально-историческом познании укрепился безответственный иррационализм, отказ от труда теоретического мышления в сфере истории». Н.С.Розов высказывает также идею о необходимости построения теорий среднего уровня. В данном случае – теории политики и теории власти. Он это подчеркивает. По его мнению, эти теории могут быть названы холизмом моделей в противовес холизму тотальностей. Вы говорили, что выступаете против реализма, но он ввел различие для определения видов холизма. Здесь есть тонкие различия в методологии социальных наук – пять параметров, пять измерительных шкал, возрастающих по точности: наименования, порядки, интервалов, отношений, абсолюта. Как их использовать при описании исторических фактов?

Количественные методы в историографии используются широко, а в политике – темное дело. Хотя клерки из спецслужб здесь уже давно пасутся. Прекрасно несколько раз Юрий Сергеевич говорил, что результаты конкретных социологических исследований – дискуссионная вещь. Я

жалею, что не сохранил те социологические исследования, которые проводились в 1989-91 гг. Ростовским Обкомом КПСС. В них утверждалось, что позиция Обкома наиболее социологически репрезентативна. Тогда впервые я увидел, как целые институты лгали с опорой на социологические исследования, которые вроде бы не вызывают сомнения.

Моя следующая идея такова. Заклучая от противного, от К.Поппера и от версии Н.С.Розова – нужна такая методология социального знания, которая базируется на противоположных посылах: не прогресса и свободы, как предлагают либералы, а регресса и рабства. Или, как сказал кто-то из московских концептуалистов, «про-регресса». Считаю, что такая методология может быть не менее доказуемой, чем предложенная К.Поппером. В книжке «Русская власть» я частично и реализую эту установку. Методологические выводы можно использовать для всей сферы социальных и политических наук, не буду их всех перечислять. Здесь интересен как раз вывод об отрицании любых форм онтологии. Вы, Юрий Сергеевич, проговорили это хорошо на другом языке, как «возможность совершенствования разнообразных онтологий».

Далее. Мне очень понравились вводимые Вами метафоры. Всякое исследование начинается с метафоры. Могу сослаться на К.Маркса: «Общество – это организм». На этой метафоре держится целый теоретический конструкт, заимствованный у Гегеля. Мне очень понравился Ваш термин, концепт или метафора «Великая самодержавная революция 1517–1649 гг», в ходе которой в форме самодержавия окончательно сформировалась Русская власть. Вы пишете: «Суть великих социальных революций не в том, что класс приходит к власти, возникновение новой системы, а возникает качественно новый исторический объект». Это представляется продуктивным, и здесь я с Вами согласен. Для укрепления этой позиции можно применить теорию революций. Петр Штомпка в книге «Социология социальных изменений» дал обзор существующих теорий революций и указал пять парадоксов, которые должны быть решены, я их назову.

Возникновение революции – неизвестно, что собой представляет та взрывчатая смесь или тот синдром, который должен проявиться в данном месте и в данное время, чтобы произошла революция. Т.е., называя нечто революцией, необходимо анализировать те парадоксы, которые уже социологами зафиксированы. Второй парадокс – революционная мобилизация. Неизвестно, почему масса людей вдруг преодолевает барьер апатии, пассивности, инертности и решает сражаться за свои ин-

тересы? Третий парадокс – революционное наследие. Неизвестно, где находится общая причина, лежащая в основе революционных порывов. Четвертый парадокс – результаты революции. Неизвестно до сих пор, почему результаты революции обычно так сильно отличаются от того, о чём так сильно мечтали революционеры. Пятый – предсказуемость. Это завершающий парадокс и я процитирую с удовольствием профессора Ягеллонского университета: «...теория революции бессмысленна, ибо если она способна предсказать, то предсказания будут опровергаться, если же не способна, то это вовсе не теория».

Как тут быть? Забегая немного вперед, скажу о голландском ученом Ойген Розеншток-Хюсси, его книге «Великие революции. Автобиография западного человека». Он высказал идею: Папская революция предвосхитила все социальные революции Европы и России. Возникает вопрос: «Что такое – Папская революция?» Я не узнал ни у коллег-историков, ни в Интернете.

Ю.С.Пивоваров: У него есть такая толстая книга «Революция», но я, честно сказать, давно её читал и не помню.

В.П. Макаренко: Да. Он постоянно на Папскую революцию ссылается, но в книжке я не нашел. Идея, конечно, очень интересная. Он из Папской революции, произошедшей в лоне официальной церкви, выводит всё последующее социальное развитие. Возникает тогда вопрос – насколько Ваша концепция может быть сопоставлена с тем, что пишет он? Т.е. может ли быть сопоставлена Ваша идея Великой самодержавной революции и идея Папской революции? Как реализовать эти установки, я не знаю.

Ю.С.Пивоваров: Мы пишем ещё о Великой капиталистической революции...

В.П.Макаренко: Меня заинтересовал частный случай. Вы очень хорошо прописываете, в отличие от официальной историографии: не Москва, а Литва – реальный модельный наследник Киевской Руси. Наверное, Василий Николаевич, в Киеве об этом пишут, но в наших учебниках, я просмотрел, даже упоминания об этом нет. Правда, до революции 1917 года в гимназиях мужских и женских это преподавалось как два потока русской истории. Один – это Литовское государство от моря и до моря, где основное население – малоруссы и белорусы, где славянский язык и т.д. Это наследница Киевской Руси. Это была официальная историографическая дореволюционная точка зрения. И называлось – Русс-

ко-Литовское государство, которое первым начало объединять русские земли, а не Москва.

Из зала: Сейчас на Украине, используя вашу концепцию Русской власти, объявили украинцев «лишними людьми», «субъектниками», в отличие от россиян.

Ю.С.Пивоваров: Я счастлив за Украину.

В.П. Макаренко: Юрий Сергеевич, Вы пишете, что история не знает сослагательного наклонения. Многим эта мысль нравится, Вы с ней вступаете в полемику. Вы пишете, что она представляется ошибочной. Мне кажется, можно усилить Вашу концепцию, если связать с идеей ретроальтернативистики Игоря Бестужева-Лада. У него эта идея прописана. Мне очень приятно, что Вы вступаете в полемику с евразийскими изысками. В тексте это прописано так: «...эта логика и необходимость были перебиты более сильными евразийскими, будто ломом прошедшими по хребту русских историй и сломавшими, и погнувшими их». Это очень сильный образ: евразийство – лом по хребту России. Я предлагаю использовать его для критики прошлого и современного евразийства. Приведу примеры из литературы. Вышла книга «Живя всю жизнь в словах» – воспоминания о Л.Н.Гумилеве, С-Петербург, 2006г. Зелинский пишет, что Гумилёв создал термин сатаногенез наряду с пассионарностью. Пассионарность известна, сатаногенез никому не известен. Смысл сатаногенеза Л.Гумилев изложил в пьесе «Посвящение Асмодея», которая при жизни не публиковалась. Термин сатаногенез означает коллективную гибель, вопреки учению о ноосфере Вернадского. Л.Н.Гумилев утверждал, что в «...научных кругах пора ставить проблему: ноосфера или сатаногенез. Но в то время, да и сейчас эту проблему ставить было негде». Я думаю, теперь можно поставить проблему сатаногенеза. И укажу два возможных аспекта.

1. В настоящее время в России преобладает понимание религии как элемента культуры. Есть множество концепций культуры, в том числе концепция насыщенного описания культуры. В состав этой концепции входят следующие постулаты: человек есть животное, окутанное сотканными им самим сетями смыслов, которые преобразуют культуру; интерпретативная теория культуры помещает людей в контекст их собственных банальностей, занимается экспликацией, расширяет границы человеческой деятельности и т.д.; культура не является самостоятельной органической реальностью. Короче говоря, Клиффорд Гирц пишет о вопиющей неполноте культурного анализа. Поэтому требуется посто-

янная связь культурного анализа с политической, экономической, социальной реальностью. Мне кажется, представленная Юрием Сергеевичем и его коллегами концепция эту задачу выполняет. Хотя Вы мало в ней о культуре пишете. Вот это одно из возможных направлений – включение религии в исследование русской власти.

2. Издано три тома книги Дж.Б.Рассела «Дьявол – восприятие зла с древнейших времён и до раннего христианства». Автор показал, что историко-концептологический метод разработан для исследования экономического, ментального и духовного насилия и базируется на изучении прямого экзистенциального зла в христианстве и других религиях. Этот метод противостоит теории архетипов Юнга, феноменологии, структурализму. Для обобщения используется материал социологии и истории идей. Из всего этого можно вывести концепт совпадения религиозного зла и политического зла. Для понимания идеи зла и страдания, в том числе в России, этот метод чрезвычайно важен, поскольку позволяет описать связь религии и насилия. Например, Рене Жирар написал «Насилие и сакральное», и показал, как насилие входит в религиозные практики. Это насилие проявляется в концепте священной войны в исламе, христианстве и других религиях. На этой основе можно как минимум написать интересную статью. Я только чуть-чуть это зацепил.

Еще одна тема. Г.И.Зверева проанализировала интеллектуальный рынок с 1990 года. Она включила Вас в следующий список: Ахиезер, Дугин, Ерасов, Ильин, Кантор, Панарин, Платонов, Пивоваров, Троицкий, Уткин, Цимбурский, Чубайс, Шкаратан, Яковенко. Аргументирует это тем, что «основы этих работ образуют разные концепции цивилизационной специфики России». Но мне кажется, Вы цивилизационными студиями не вдохновляетесь?

Ю.С.Пивоваров: Я первый, кто опубликовал в России Данилевского, но это не значит, что я являюсь его сторонником.

В.П. Макаренко: Я это и имею в виду. Г.И.Зверева осуществляет критику историософии, а если бы я писал ваш текст, то подумал бы: являюсь ли я историософом? У меня здесь длинный разговор, а закончу выводом Г.И.Зверевой: «В конечном счёте построения историософии в России выглядят попытками генерации и закрепления того научно-публично дискурса, который претендует на нормативность в пространстве социогуманитарного знания, и одновременно в условиях становления российской государственной идеологии стремится принять на себя властные догматические функции в общественной сфере и образовании». Вот тут

надо записать, что в эту компанию Вас зачислили зря. Мне представляется, что та работа, которую делает Юрий Сергеевич Пивоваров, весьма продуктивна. Она позволяет продвинуться от жвачки, которая на книжном рынке сегодня представлена на уровне «научных монографий». Надо взять на прицел догмы современной российской историографии.

Ю.С.Пивоваров: Я немного о евразийцах. Вы сказали про Гумилёва – это так история сложилась, что он считал себя евразийцем, и Пётр Савицкий его на царство венчал. На самом деле, между трудами Гумилёва и трудами евразийцев начала 1920-ых годов нет почти ничего общего. Дело в том, что евразийцы по отдельности – Н.Трубецкой, П.Савицкий, П.Сувчинский, Н.Алексеев, Г.Вернадский – были замечательны в своей отрасли знания. Это были замечательные мыслители, их работы научная молодёжь должна знать, причём многие из этих работ не евразийские, а их собственные. А сегодня есть такая пошлая мода на евразийцев, это одно. Другое дело общая евразийская концепция. Но есть третье – труды этих людей. Для меня, например, очень дорогим и интересным русским мыслителем является Н.Н.Алексеев – главный политолог евразийства. Его работы писались и в евразийский период и в постевразийский период. Они дают очень много для понимания природы власти и права. Или работы Савицкого по политической географии. Они тоже интересны. Или работы Вернадского на английском о русской истории не менее интересны, его работа 1927 года «Начертание русской истории» – это главное историческое произведение. Т.е., критикуя пошлую моду на евразийцев, это извращение идеи, можно сказать, что написано много замечательных и потрясающих работ. К этому надо дифференцировано относиться, из 100% написанного там 85% – это подлинная наука и поиск. Другое дело, что эти 15% настолько отвратительны по своим политическим последствиям, будучи ранним аналогом национал-социализма в Германии. Есть работы, сравнивающие эти вещи. Евразийцы – очень серьёзные были люди.

В.П.Макаренко: Яотреагирую – действительно к евразийству надо подходить дифференцированно. Возьму Георгия Флоровского, он был сначала евразийцем, потом стал их критиковать, но его потенциал пока не используется! Евразиец даёт такой материал для критики евразийства, которая ещё не прописана. У евразийцев есть тяга к востоку, «свет с востока» – одна из магистральных банальностей. Как изучать эту банальность? Я сам заядлый читатель. В прошлом году под руку попала книжка «Русские военные востоковеды». 400 офицеров-востоковедов зани-

мались разведывательной деятельностью до Тибета, на этой основе возникли Рерих и Блаватская, её учение. Это всё единый мутный поток, который сегодня заливает мозги как моча. Дело в том, что эта идеология кумулировалась среди русских военных востоковедов – это такой социологический пласт генезиса «тяги к востоку». Теперь возьму, к примеру, книгу Шебаршина «Рука Москвы». Он пишет, что в МГУ были восточники, в МГИМО западники. Я не буду говорить о научной и политической судьбе Юрия Примакова, бывшего премьер-министра, он был резидентом в пограничных восточных странах. Читать эти автобиографии очень интересно, я бы взялся за конкретное исследование евразийства с учетом прямой деятельности этих, так сказать, «любителей востока»...

Ю.С.Пивоваров: Но ведь британские и немецкие востоковеды тоже были агентами их разведки. Как и специалисты по Западу были агентами на Западе.

В.П. Макаренко: Вы предвосхищаете, я люблю конкретный разговор. Хорошо. Возьму «Семь столпов мудрости» полковника Лоуренса – шпиона похлеще наших. Там совершенно другая идеология, чем в работах П.Савицкого и других евразийцев. Это несравнимые вещи. Полковник Лоуренс был английский разведчик, занимался конкретным делом, учил подрывать поезда и другим интересным занятиям, на него мочился верблюд в пустыне – он так смачно об этом пишет... Но тип рефлексии у него совершенно отличный от евразийцев – я никакой аналогии здесь не вижу.

Ю.С.Пивоваров: Но они иногда и пользу приносили. К примеру, Сталин узнал, что Америка начала осуществлять атомный проект из письма, которое Вернадский своему отцу отправлял. Тот сказал Капице, а тот позвонил Сталину. То есть, эти люди следили за тем, чтоб мир был равновесный. Кстати, чекисты в 1932 году раскрыли заговор – так называемое дело славистов, – что в ЧК и в штабе Тухачевского получили распространение евразийские идеи, и они действительно рассчитывали на евразийскую революцию в России. Да, чекисты внедрились в евразийскую среду, использовали евразийцев как агентов НКВД, но приняли евразийскую идеологию. В 1932 году их пустили под нож, но Тухачевского не тронули. Сергеев был резидентом советской разведки в Париже, не нём кровь Льва Седова, сына Троцкого, начальника разведки. Он был левый евразиец, и за это его советская власть по полной, его дочку в лагеря, жена повесилась, сын погиб на фронте. В том году была уничтожена вся резидентура советской разведки.

В.П.Макаренко: Мы несколько отвлеклись и подавили своими рефлексиями аудиторию. Кто хочет высказаться?

А.Н.Ерыгин: У меня есть вопрос. Ты в самом начале сказал, что нам нужны концепции, направленные против монархических, советских и аналогичных вариантов историографии, нам нужна методология социального познания, потом критика, критика. В таком варианте возможна наука, когда всё критикуется, предлагается под нож все пустить? А с другой стороны, нам нужно то-то и т.д. У меня после твоего выступления, его второй части, сложилось впечатление, что в этой аудитории наука не нужна. И Русская Система куда-то делась, т.е. мы уходим от темы. Я считаю, что обсуждать при наличии того, что Вы с Юрием Сергеевичем наметили, нечего. Концепции нет, до этого я Юрия Сергеевича не читал, благодаря Макаренко прочитал, потом посмотрел, что есть в Интернете. И здесь сказано – это всё не концепция, это наметки, тезисы. Плюс к этому было сказано, что это большая задумка и метафора. И с одной стороны есть эти наметки, а с другой книга «Русская власть». Что сравнивать? Концепции русской власти нет. Я услышал призыв критиковать и нам нужно то-то. Зачем нам опровергать монархические концепции – наука не занимается этим – она делает своё скромное и позитивное дело. Где тот элемент науки, который прозвучал в твоём выступлении к тому, что помещено в «Русском историческом журнале» в статье Пивоварова-Фурсова. Где тот элемент науки, который ты там заметил?

В.П.Макаренко: Юрий Сергеевич сказал – глупо считать Русскую Систему существующей, и он выполнял эвристическую задачу. Она заключается в сколачивании табуретки, на которой можно сидеть и заниматься изучением. А я некоторые элементы этой табуретки попытался развить. Из твоего вопроса вытекает иное понимание науки, нежели номиналистическая версия методологии социального познания. Она противоречит твоему пониманию науки. Теперь насчёт позитива: в состав политической концептологии входит положение о необходимости дистанцирования всей системы социально-политических наук от политической конъюнктуры. Здесь я сослался на опыт поколения и сам опыт существования науки в XX-ом веке свидетельствует о тупиках, которые известны. История России в XX-ом веке и является таким тупиком.

А.Н.Ерыгин: Но всё-таки наука стремится к открытию строгих законов и фактов.

В.П.Макаренко: Ты говоришь, что читал книжку «Русская власть», а там описаны три версии фактуальности. Ты говоришь о факте, не учитывая, что существует несколько концепций фактов.

А.Н.Ерыгин: Предмет – Россия, а если это не так, то обсуждать нечего! Я читал то, что предлагалось к обсуждению, и Виктор Павлович по поводу этой статьи высказался.

А.В.Лубский: Если кто-то хочет искать исторические законы, то ищите. Мы предлагаем методологический конструкт. А кто не хочет их открывать, и считает, что их не существует, пусть занимается другим. Он должен получать научные факты, но возникают интерпретации фактов.

В.П.Макаренко: Мы уходим от темы.

Ю.С.Пивоваров: Статью, о которой Вы говорите, я не считаю удачной, у каждого человека много статей. А в этой статье кое-что да сказано. Мне не совсем удобно говорить, так как я один из авторов этой статьи. Я уже говорил, что цельного текста нет, есть отдельные материалы. По поводу законов я могу сказать, что мы убеждены: их в истории нет. Русская Система – это попытка обрести язык, с помощью которого можно разговаривать о методологических проблемах. Она выросла у авторов, которые по роду работы десятилетиями занимались анализом западной науки, касающейся России. Я думаю, нет ни одного такого человека на земле, который бы по роду своей деятельности написал бы такое большое количество рефератов по России. Мне просто зарплату платили за младшего и за старшего научного сотрудника в ИНИОНе, Фурсов там специализировался по Востоку. Мы просто сели и стали писать, что мы думаем по поводу попытки понять русскую историю и найти какой-то общий язык, на котором можно говорить о явлениях за пределами России. Как все русские люди, мы ставим гигантские цели построить коммунизм, но не можем газ провести в соседнюю деревню. Относится ли это к той науке, которую мы преподаём в университете? – точно не относится. Это не история, не социология и не политология, а просто попытка людей, которые думают поразмыслить. Мы сами не историки по образованию – я международник-германист, а Фурсов востоковед по образованию. Мы даже не претендовали на то, что это будет как-то изучаться и исследоваться.

А что такое факты – факты это быт, как сказал Фернан Бродель. А что является фактом? Вот Вы говорите – открытие новых фактов. Каких фактов?

А.Н.Ерыгин: Я приведу пример. Ещё в середине XIX века С.М.Соловьёв, начиная свою «Историю России с древнейших времён», обозначил в предисловии свои задачи и обозначил основные явления русской истории. Кстати, до меня никто в литературе о Соловьёве эти факты не

вычленил. Затем эти явления рассматриваются через совокупность конкретных фактов, которые могут быть строгим анализом, даже для историков получены. Первый факт, который мы констатируем – это протяженность той территории, где располагались славянские племена. Факт восточно-европейской равнины, который никуда не денешь, и который определяет своим строением определённую конфигурацию единого государства, в отличие от ряда государств восточной Европы. Это явление, которое он зафиксировал – так случилось, что есть такая территория и на неё славяне осели, получилось единое государство.

Второй факт: в течение IX-XI веков на этой территории происходило расселение, связанное с географическими обстоятельствами. В это время не было многих вещей. Третий момент – во второй половине XII-ого века начинается отток с Киевской Руси в сторону северо-восточной Руси, который до прихода татар обеспечил движение событий в том направлении, в котором потом ордынский толчок дал им импульс двигаться дальше. Но обеспечило это и те явления, которые мы можем зафиксировать и поставить. Они дали эффект появления новых городов, где нет княжеской власти с той формой собственности, которая была раньше. Города оказались княжескими – подчинёнными, и отношения сложились наподобие Киевской Руси – т.е. подданства. Появилась вотчинная собственность и та первоклеточка, на которой базируется вся последующая история. Это не факт?

А.В.Лубский: Так что же было для Соловьёва первично – те самые факты, которые ты называешь, или общая концепция Соловьёва, которая позволила отобрать эти факты? Я считаю, что сама концепция Соловьёва определяет, что изучать и что считать фактом.

А.Н.Ерыгин: Ты читал мою работу и знаешь, что сначала он выдвинул историко-философскую концепцию, и под влиянием Гегеля выдвинул концепцию изучения русской истории. Затем изучение русской истории создало обстановку, что ненормально навязывать все эти умозрительные обобщения эмпирическому материалу. Реальное изучение русской истории привело к тому, что он отказался от своей философско-исторической концепции. И вообще отказался от философии, начав строить строго научную концепцию истории. Он её менял несколько раз, изучая от тома к тому новые явления. Дойдя до середины XV века перестроил её ещё раз и т.д.

В.П.Макаренко: Коллеги, на исторической почве мы к согласию не придём никогда.

А.Н.Ерыгин: Каждый должен уважать в науке дело, произведённое строго научно. Если Соловьёв открыл какие-то факты, то их надо либо пересмотреть, либо ввести в новую систему связей, если они не согласуются с другими фактами.

В.П.Макаренко: Хочу прокомментировать: ты исходишь из явления существования одного-единого государства, и говоришь о факте в теории Соловьёва. Выведение природы, характера рас и поступков людей – вся методология XIX века была сформулирована в духе романтизма.

А.Н.Ерыгин: Это теория географического детерминизма, но это роли не играет. Географический детерминизм – это абстрактная правда, а Соловьёв в своём труде применил её к анализу русской истории.

В.П.Макаренко: Не пойдёт! Когда Соловьёв писал свой вариант историографии, в Европе аналогичные варианты развивались – в Германии, Англии, Франции.

Ю.С.Пивоваров: На самом деле речь идёт не о Соловьёве. Вы когда говорили, что читали статью в «Русском историческом журнале» и не увидели там концепции, то я не обиделся. Просто мы с Вами по-разному понимаем науку, и Соловьёва Вы лучше знаете, а я, как и большинство в этом зале, простой читатель его работ. Но что Вы там прочли такое, что заставляет защищать Соловьёва, которого не надо защищать? Вы защищаете какой-то свой подход к науке?

А.Н.Ерыгин: Я должен сказать, что никакой отрицательной оценки к тому, что мы увидели, в этой работе нет. Я прочитал вашу статью, до этого я не читал ваших работ, и благодарен Макаренко за то, что он мне её дал. Потом я нашёл Ваши материалы в других журналах, ответы на вопросы. Всё это меня привлекло, поскольку соответствует тому духу, который я сам исповедую. Много отсюда мне близко, многое я сам высказывал по поводу трактовок ранней русской истории. Эти вещи, и многое другое мне показалось очень ценным, и сама статья и по тематике и по нацеленности – очень серьёзный вклад, чтобы переменить устоявшиеся точки зрения и позиции. Но начав что-то новое, мы должны быть бережными и аккуратными. Ломая, мы не должны попадать в ситуации, когда Юрий Сергеевич сказал, что у нас там всё хорошо. Меня восхитило понятие Великой самодержавной революции, в связке лютеранской реформации и идеи Москвы-Третьего Рима. Они совпадают по датам и всё это выглядит красиво – я читал и восхитился. Но я не уверен, что Вы докажете, что эти две революции по сути параллельны.

Ю.С.Пивоваров: Я германист, и легко Вам это докажу, что они синхронны и параллельны. Выехали с одного вокзала в разные стороны.

В моей интерпретации это сопоставимые вещи, очень даже. Сопоставимые вещи, только прямо противоположные. В этом смысле я их сопоставляю. Это то же самое, как я могу сопоставить рейганомику, тетчеризм и горбачёвские реформы в экономике. И гайдаровские реформы – это было одно и то же, а привело к совершенно разным результатам. Но интенция была очень схожей. В истории есть такие вещи, которые бывают очень схожи. В Европе в довестфальский период, фигуры Лютера и Филофея – фигуры проблематичные в формировании нового на Западе и у нас. Думаю, что Соборное уложение сопоставимо с тем, что получила Европа после Вестфальского мира, т.е. были сформированы новые порядки. Меня, как позитивиста, поражают эти совпадения. Я могу очень много говорить о таких совпадениях. Например, есть тема, незатронутая в Русской Системе – это передельная община в России. Её в истории вообще нет. Есть много вещей не затронутых здесь, и мы много книг и статей написали – уже почти пенсионеры. Поэтому по этой статейке всё понять невозможно. Я говорил утром, что мы хотели посвятить русскую систему М.Н.Покровскому – говорил провокационно. Мы не скрываем его влияния на нас, при всём отвращении к его социальной функции. Там есть продуктивные идеи.

В.П.Макаренко: Я предлагаю вашу полемику притормозить, и дать слово А.В.Венкову.

А.В.Венков: Я наблюдаю, как это исследование попало к философам, и они стали рассказывать о себе и о своих работах – их характерная черта. Давайте вернёмся к русской власти – прочитав работы, я могу сказать, что их трудно сравнивать. Но мне более импонирует первый докладчик, т.к. я сам учился в советский период, и мы привыкли связывать политические процессы с развитием экономики и социальной структуры общества. В докладе я обратил внимание на феномен популяции, и здесь сделаю историческую ремарку. После войны немцы сразу Германию отстроили, мы формально тоже отстроили, но я сразу вспомнил воспоминания покойного А.И.Козлова: наши солдаты, вернувшись с фронта, первые два года только пили и никто не работал. Давайте на это посмотрим, т.к. власть в некоторой степени рекрутируется из популяции. Что из себя представляет наша популяция? Финны не боятся сухого закона – они ввели его. У нас в Покрове, например (это те же угро-финны), – качество населения! У нас на юге пьют, но так не спиваются – развит славянский элемент. Давайте вспомним – население северо-восточной Руси на стыке тысячелетий перешло Днепр, двинулось и оккупиро-

вало эту территорию, на которой потом возникла Московская Русь. Как говорил Есенин, «...растворилась Русь в мордве и чуде». Завоевателей не может быть больше коренного населения – их было примерно столько же. В итоге мы получаем контингент популяции Московской Руси один, а в Руси власть иная, более того – по религии иная, принесённое христианство, хотя сами не были ортодоксальными христианами. Потом власть рекрутировалась из тюркоязычных, литвы, прибалтов, немцев. Некрасов нам говорил «Потомок татарки коня выводил на рынок раба-славянина».

Ю.С.Пивоваров: Ровно треть – выходцы из Европы, треть тюрки и треть славяне.

А.В.Венков: Да, а низовое население – угро-финны. Позже наш популяризатор Валишевский, когда писал о Иване Грозном, говорил, что власть оккупационная. Это наша русская власть. После Петра Первого, когда началось впитывание верхним слоем европейской культуры, а низы остались традиционалистскими, они снизу вверх смотрели на власть как на иностранцев. Аркадий Аверченко описывал, как европейски-образованные пытаются любить русский народ, и организуют хождения в народ. А народ рот раскрыл и шарахался при первой возможности – Боже упаси. В итоге у нас власть и народ расколоты. Если власть по истокам своим оккупационная, то она к народу так и относится. С другой стороны, огромный ряд противоречий, который образовал нарыв, закончившийся революцией и гражданской войной – власть абсолютно поменялась. Когда мы с этой стороны пытаемся смотреть на историю России, то я считаю, что мы зря отбрасываем формационные подходы. То, что у нас было с 1920 до 1990-ых годов чётко объясняется формационным подходом. У нас революция и гражданская война выбила верхушку. По социальной структуре Россия откатилась на период Древнего Египта. По аграрному законодательству и декрету о земле 98% земли отошло крестьянам-общинникам. У нас раздут бюрократический аппарат, т.к. полуграмотные батраки заняли свои места и могли исполнять функции царских чиновников. Рабочего класса было 2%. По социальной структуре у нас море крестьян-общинников и бюрократия. Это Древний Египет.

Мы декларировали построение социализма, коммунизма. А в реальности мы имели рабский труд и систему лагерей, где работали за еду. И в массе население пережило крепостное право, но уже в классическом, европейском варианте. Посмотрите – в России крепостное право есть прикрепление человека к человеку, а в 1932 году вышел паспортный закон о прикреплении человека к территории. У нас сейчас в паспорте

прописка – это прикрепление к территории. Мы должны здесь чётко соотносить – с точки зрения развития экономики мы рванули вверх. А с точки зрения социальной структуры у нас Древний Египет, но остались железные дороги, и мы вышли очень быстро, у нас появилась теневая экономика, мы пришли через феодализм к капитализму. А какой остался менталитет? К власти пришли крестьяне со своим общинным менталитетом. Ленин был с университетским образованием, Сталин с семинаристским, Хрущёв и его окружение были крестьяне неграмотные, менталитет у них крестьянский. Я был на совещании в Москве политологов, социологов – и слышу там риторику, что народ должен поддерживать власть, а власть должна прислушиваться к голосу народа. Эти рассуждения о соборности идут с XVII века. Такой крестьянский менталитет оправдывает существование самой власти. В этой ситуации мы должны исходить из двух вещей: социальная структура; менталитет и его соответствие социальной структуре. Мы пережили урбанизацию, весь этот крестьянский народ ушел в город. Там эти крестьяне чувствуют себя одиночками. Живёшь на лестничной клетке и не знаешь своих соседей.

В.П.Макаренко: Понятие городской культуры сделалось чуждым городу как некоей духовной целостности, люди не чувствуют себя родными.

А.В.Венков: Почему всем захотелось свободы? Все пришли, и началось массовое движение несудов. Власть советская превратила колхозы в совхозы, собственность отобрала, сделала их наёмными рабочими и они поехали в город – нужна свобода!

Вот в этой работе о русской власти для меня очень ценны были моменты о популяции. В этом смысле работа Юрия Сергеевича действительно достойна изучения. Мы должны по-новому рассматривать всё это, зреть в корень. У нас действительно были откаты. Мы идём прежним формационным путём – через феодализм к капитализму. Посмотрите на многострадальную Украину – Богдан Хмельницкий поднял восстание, разнесли панов, отменили эту зависимость, восстановилось у нас там военная демократия – гетманщина. А когда Петр Первый брал их в Северной войне участвовать, то украинцы шли очень охотно. Почему? Они захватывали чухонцев в плен и уводили на Украину, и там эти пленные чухонцы были рабами.

В.Н.Ткаченко: Да что Вы такое говорите? У нас есть другие факты.

А.В.Венков: Мы смотрим отчёты, которые писали, к примеру, Репнин, Шереметьев. Казаки захватили чухонцев и увезли их на Украину. Ка-

кой у них статус? Рабов. Потом на Украине Екатерина Великая устанавливает крепостное право. Возьмём нынешнюю Чечню – за короткий период через неё прошло 800 тыс. рабов и заложников, народ не сопротивлялся – и это в 1990-ые годы! Они спокойно восприняли это рабство. Эта лесенка: родовой строй, потом рабство, феодализм, и опять к капитализму приходим. Эта формационная теория имеет рациональное зерно.

Н.С.Абдулов: Я читал статью и книгу, и мне далеко не всё понятно. Но я вынес из всех этих разговоров: власть – это бяка, русская власть – двойная бяка, а советская власть – многократная бяка. И в эту линию подвёрстывается и Грозный и Сталин, в таком умозрительном сочетании, и нет даже попытки прояснить, какой смысл вкладывается в Русскую Систему. Постулируется три элемента, но никакая система из трёх элементов не состоит, а взаимосвязи? Я нигде в этой книге не прочитал, какой смысл Вы вкладываете в понятие власть? Я очень положительно отношусь ко всяким поискам, но отсутствие логики... Логика требует определённости – каков предмет, о чем идёт речь. Логика требует обоснованности – много оценочных суждений. И есть ли критерий, по которому можно отделить фантазию от научного объяснения? Мы можем фантазировать сколько угодно, предлагать концепции и схемы, но есть ли критерий? То, что я говорю – это моё восприятие, которое может таким – же ошибочным, субъективным и произвольным. И вот у меня вопрос: Вы, Виктор Павлович говорите, что любая социальная теория должна дистанцироваться от любой политической конъюнктуры. Но назовите мне любую теорию, которая могла бы дистанцироваться от социально-политической конъюнктуры. Даже в естественных науках главная задача в минимизации влияния аппаратов и оборудования на результаты исследования. А у нас самый ненадёжный источник познания – это человек. Мы не находимся в вакууме, мы также наполнены всякого рода конъюнктурами.

Я, честно сказать, пришел не столько выступать, сколько послушать, понять, разобраться для себя. Но, честно сказать, пока не разобрался.

В.Н.Ткаченко: Первое, что хотелось бы отметить, – это радостный приезд в Ростов. Информационное поле такое большое, на Украине сейчас разгул демократии и паралич власти. У нас никто не издавал закона «О комиссии при президенте по попыткам фальсификации истории в ущерб интересам ...». Кто что хочет, то и пишет. Есть у нас газета «Россия-2000» и Костя Затулин имеет свой филиальчик там, пишет материалы в стиле Жириновского, Третьякова. У Третьякова есть такое: пусть укра-

инцы не думают, что они титульная и государство-образующая нация. На Украине две государство-образующие нации: украинцы и русские. Мы смотрели сквозь пальцы, что часть русских людей и русская территория попала под украинские суверенитеты. Но сейчас, когда стоит вопрос о НАТО, то мы должны поставить вопрос, что русская государство-образующая нация должна самоопределиться...

Как это понять? Это как если бы украинцы ставили вопрос: кубанские украинцы должны самоопределиться. Такие газеты в каждом киоске. Вот я приехал в Одессу и не нашел украинской газеты. Вся пресса русскоязычная. Русификация – 27% украинского населения в Крыму. Короче говоря, когда так смотришь и видишь, что делается, а власти нет, паралич, и смотришь на парламент – то ли там коалиция есть, то ли её нет. Правительство то ли действующее, то ли недееспособное. Президент: какой у него статус – неясно. Такая тоска разбирает, а тут ещё надо ехать в Ростов, и там скажут, что мы такие-сякие. Оказывается, мы чухонцев брали в рабство!

Я 12 лет был на государственной службе и не отслеживал историческую литературу. Но я думал: сейчас приеду и буду смотреть Ю.С.Пивоварова, поскольку мне это стало интересно. Мы встречаемся и становимся интересными друг другу. Мы можем поднимать самые различные проблемы и увидеть резонанс. Я сколько не писал книг, – старался уйти от темы того зла, которое проклятые москали причинили Украине. Потому что легче всего найти супостата зарубежного и снять с украинцев ответственность за свою судьбу. Сказать: мол, нам не давали, не пускали никуда и т.д. Что это за убогий народ такой, и что, мы не понимаем, что с такой историей нельзя к детям выходить. Дитя подумает, что «угораздило меня уродиться среди таких подонков, которые не знают, кто они и что они и не могут определиться, да лучше бы я родился в другом месте». Я это сам испытал – у моей дочери в 9-ом классе был такой кризис, она говорила: «папа, эта твоя украинская идея и эта деятельность, ты видишь, что мама страдает, а я выйду замуж за русского, и в моей семье будут говорить по-русски». А когда появилась независимая Украина, то дети переменяли своё отношение. Поэтому очень хорошо, что мы встречаемся, у нас есть что сказать друг другу. Если я буду говорить, что борьба за наследие Киева – у Чубарьяна эта идея проходит, – то не надо так за киевское наследие бороться. Есть такое направление в российской историографии, солидные учёные аргументируют и доказывают – и уже есть какие-то союзники, есть какое-то понимание, а не эти туловищные политики, которые будут говорить всё, что угодно.

Дальше насчёт Хмельницкого посмотрим – когда рассматривают эту систему власти, а там совершенно по-другому, то не видят сюжет Переяславской рады. Просто объективно одну власть с другой было сложно соединить. 8 января 1654 года в Переяславе в Храме Святого Успения собралось духовенство московское и духовенство киевское, спели все псалмы и собрались подписать, а дело затянулось. Но когда пришли Хмельницкий и старшина, то говорят: надо, чтобы царь присянул украинскому народу в том, что он будет соблюдать права и традиции, и тогда мы присягнём царю на верность, и не было такого, что Украина входила в состав России. Речь шла о том, что сюзерен-царь выступает одновременно царём российским и сюзереном украинским. Украина в состав России не входила, она принимала верховенство царя при протекции над собой и всё такое прочее. А как это царь будет вам присягать? Дело в том, что в составе княжества Литовского король нам присягал и была взаимная обязанность. – Да о чём вы говорите, когда это украинец будет присягать. Хмельницкий делает демарш, выходит, бояре остаются. Хорошо, что церковные песнопения заполняют эти паузы, но проблему нужно как-то решать! Потом подходит Иван Богун с другим старшиной и пытается уразуметь, говоря «что же мы скажем казачеству?». На это отвечают, что «о чём вы вообще говорите, если вы старшина и не можете поставить эту чернь на место, то о чём вы говорите?»

Это две совершенно противоположные системы власти и конституционного права и понимания, кто и кому присягает. Хмельницкий был в таком состоянии, и русская сторона говорит, мол, давайте подпишем и поедём в Москву, а там уточним, придем к консенсусу. Собрались – надо подписать, одни понимали под этой бумагой одни права, а другие совсем другие – и это все тянулось сотню лет. Уже в 1762 году была целая поэма – «Разговор Малороссии с Великороссией». Малороссия говорит – «я не тебе присягала, я присягала царю, и царь у нас общий, а мы с тобой равные». В ментальности было понимание, что мы живём ещё при старых тех порядках, а их уже не было. Эта традиция подминала под себя остатки Киевской Руси, а московская власть заявляла о себе. Потом вы говорите о чухонцах, а это напоминает, как вы в прериях индейцев отстреливали.

А.В.Венков: У нас тут и ногайцев в плен брали...

В.Н.Ткаченко: Давайте посмотрим на эволюцию, когда Хмельницкий и союзники воевали против Великого княжества Литовского. Иван

Золотаренко идёт на Гомельщину, какова его политика? Он занял сторону Белоруссии и говорит – «всем записываться в полки, феодальное право отменяется». Система показачиванья, которая была на Украине, автоматически переносится на Белоруссию, там создаётся гомельский казачий полк. А в Витебской области проводится совсем иная политика – почитайте белорусских авторов, к примеру книгу «Странная война». Там просто захватываются территории, как это было в Новгороде и Пскове, население собирают и переселяют в центральные области. Т.е. пока шла война на Витебщине, осталось до 30% населения, потому что это живой товар. Существовала, с одной стороны, система показачиванья, а с другой – увод в рабство. После Андрусовского перемирия 1677 года Украину разделили на две части. Вся Киевская и Черкасская области были объявлены выжженной землёй. Шло насильственное переселение украинцев на левый берег, сжигались сёла. Человек, попавший в состояние, когда он терял землю, – терял всё имущество, попадал в кабалу к казацкому старшине, он уже терял свободу. Постепенно, уже при Мазепе стали появляться крепостные дни. У всех мазеповцев стали отнимать имения. Всё население переводилось в крепостные. То-есть, торговля людьми пошла уже как система власти. Если своих уже отдали в рабство, а там и Северная война, то грех чухонцев не взять, коль уж пошла такая пьянка, как говорится. А прошло всего-навсего 50 лет, с того момента, как украинцы ввели показаченье в Белоруссии. Через 50 лет они уже своих закрепостили. Это то, что разъединяет.

Теперь говорят, что нас объединяет христианство. Я вспомнил после Майдана Драгоманова, когда он говорил о украинцах XIX-ого века, как набожных и т.д. Он говорит, что «какое христианство, на Украине двоеверие ещё с языческих времён, и как оно было, так оно и осталось, а особенно следы манихейства. Это мир, поделённый чётко на две части – это мир света, и это мир тьмы. Здесь собралась правда и наоборот, и пока правда не уничтожит неправду, на этой земле мира не будет!» Когда я смотрел это действо на Майдане, где-то собрались силы света, а где-то собрались силы тьмы, и провозглашалось: на нары и в тюрьмы сажайте. Я смотрел и у меня вопрос: что делается? И этот лозунг «Преступная власть». Неужели они не понимают, что он может быть использован против них же, как это и делалось. Мне кажется, надо преодолевать не христианство, а манихейскую психологию в широком смысле. По поводу украинского национализма я хочу вам сказать: когда Путин представлял Медведева Меркель, то сказал, что нормальный человек, такой же наци-

оналист, как и я. Это не вызвало отторжения. Поэтому непонятно, почему украинский национализм вызывает такие вопросы.

В.П.Макаренко: Дорогие коллеги, на сегодня достаточно. Всем спасибо за участие. Завтра продолжение работы в зале заседаний СКНЦ ВШ.

В.П.Макаренко: Разрешите приступить ко второй части. Вчера не успел высказаться А.Н.Ерыгин.

А.Н.Ерыгин: Продолжая вчерашний день и имея в виду то, что было передо мной, я не могу выходить за эти рамки. Если что не так скажу, – прошу не обижаться, т.к. я не слышал первых двух докладов. В основу того, что я должен в эти краткие десять минут сказать, я положу мое прочтение статьи «Русская система, генезис, структура, функционирование – тезисы и рабочие гипотезы». Эта статья произвела на меня большое впечатление. Сожалею, что в свое время ни «Русский исторический журнал», ни другие издания, в которых есть работы Ю.С.Пивоварова-А.И.Фурсова, мне не попадались. Это мое упущение. Что же мне предпочесть: остановиться с докладом, над которым я сейчас работаю и пишу критику или заняться изучением Пивоварова – Фурсова? На меня все это произвело большое впечатление. Напоминаю обстановку: обе работы – книга Виктора Павловича и статья Пивоварова – Фурсова вышли в 1998 году. 1990-е годы – это время, когда развалился Советский Союз, рухнула марксистская идеологическая система воззрений, исчезла теория из серьезного представления об истории, обществе, культуре. Но одновременно появилась трехтомная работа Ахиезера, которая проложила новые пути к рассмотрению русской истории. После Ахиезера пошло-поехало! Появилась много самых разных – как грибы после дождя – вещей. Читая эту работу, я погрузился в 1990-е годы, в ту свежую атмосферу, когда создавалась новая парадигма исследований в области истории, социальности, политики, то-есть на стыке истории и философии. Сам я историк по исходному образованию, считаю себя историком, хотя у меня философские степени; свои работы пишу на стыке исторической и философской науки. Так вот, читая данную работу, я нашел много интересных и замечательных вещей, которые меня порадовали: и исторических, фиксирующих время 1990-х годов, так и сегодняшнего дня. Коснусь момента, который вчера прозвучал по поводу Украины. Сегодня многие рассуждают на эту тему так: какая реальность есть, такая и есть. А в свете Русской Системы у нас совсем другой взгляд: спокойный, взвешенный, разумный. Если мы признаем факт Русской Системы, проект которой сделан Пивоваровым – Фурсовым, то все просто и ясно. То, что произошло в годы пере-

стройки, демократизации и всех последующих вещей, – дело временное, «халиф на час». Есть или нет государства Украина – это дело сегодня не принципиальное. Россия в четвертый раз находится в этом положении, Я нисколько не хочу обидеть Украину – у меня старшая дочь замужем за украинцем, мать украинка, я себя наполовину считаю украинцем; но факт есть факт – есть Русская Система, а Украина, Прибалтика, Закавказье, даже Финляндия – все это ее части. Никуда не денешься – то, что русское государство освоило ко времени русско-японской войны (примерно) – и есть поле Русской Системы. Вступая в противоречие со многими историками, я отстаиваю взгляд: русское государство возникло не в IX веке, не в XI веке, не в XVI веке, во время самодержавной революции, а возникло и сложилось в XX веке. Таковы наши громадные геополитические обстоятельства! И все это громадное историческое время было временем складывания российской государственности. Русско-японская война и вторая мировая война показали наши примерные границы. Все! Теперь они ясны! Трижды эти границы исчезали: после монголо-татарского нашествия, Смуты, Октябрьской революции. И снова восстанавливались, в той или иной мере с небольшими изменениями. Что сегодня будет? Восстановятся ли они в четвертый раз? Если восстановятся, мы можем вслед за Г.П.Предвечным признать: Россия – страна на тех исконных территориях, которые вначале были заняты славянами, а потом были заняты в ходе колонизации Россией, включая даже американскую часть территории. Да, Аляска – тоже российская территория! А как она в итоге цивилизационно и геополитически сложится – покажет будущее, не нами увиденное, нам до него не дожить. Вот почему важно понятие Русской Системы. Оно ориентирует нас на устойчивый, стабильный, воспроизводящийся конструкт, который одновременно является творческой конструкцией автора. Этот конструкт отражает нечто в самой реальности – историю российского общества, культуры и цивилизации, которая глобально сложилась, развернулась и создалась. Вчера А.В.Лубский приводил слова Г.И.Зверевой, согласно которой Ю.С.Пивоваров находится в команде покойного А.С.Панарина и других почвенников. Я не знаю, чем Зверева руководствовалась. Но мы видим в гипотезе Русской Системы замечательную идею – выявление элементов, которые сегодня структурно начинают замечаться политологами, социологами, историками. Момент устойчивой государственности, неустойчивой базисной субстанции – народа, национальности, популяции (как не назови, это просто различные наименования одного и того же элемента), элемент «лишних» лю-

дей. В концептуальном плане эта концепция развита в Ростове в работах М.К.Петрова. К сожалению, на работы Петрова ссылаются редко и мало, а зря. Потому что его анализ сопоставления Китая и Западной Европы, показывающий роль «лишних» людей в формировании социальности, дает нам такое направление исследования, которое приоткрывает новые вещи. Совершенно стихийно, самостоятельно мы видим вклад, который сделан в анализ России под этим углом зрения в работе Пивоварова – Фурсова. Я считаю это замечательным моментом в данной работе. Кстати, даже С. М.Соловьев, которого я люблю и всегда на него ссылаюсь, замечал, что русская история делается государством, а также народом, его трудящейся частью, но и той частью народа, которая выступает вольно, творчески (казачество или иные формы). Тут я должен упомянуть: вчера профессор Венков говорил, что надо формационный подход использовать. Но давайте внимем в понятие Русской Системы. На мой взгляд, это попытка синтеза формационного и цивилизационного подходов. Она предлагает систему понятий, представлений, образов, которые позволяют соединить достоинства формационного и цивилизационного подходов. В данном изложении Россия не цивилизация, а система, но эта система напоминает общество, имеющее системный характер типа формации; я думаю, это сильная сторона концепции. Наконец, последний пункт: понятие самодержавной революции – самая уязвимая часть работы. Само понятие бросается в глаза как метафора, яркий образ, не более того. За образом революции что всегда стоит? Смена одного строя другим. На Западе понятно – когда капиталистическая система (то ли с учетом Вебера и его протестантской революции и роли Лютера, то ли без этого учета в марксовском исполнении, то ли в каком-то модернизационном исполнении) – но во всех случаях понятно, что один строй, одна общественная система, одна цивилизация, как бы мы не называли, сменяется другим. То есть, действительно есть переворот, революция. А что сменяется, если мы признаем самодержавную революцию источником русской системы? Как формировался в ходе революции исторический субъект, далее строящий эту систему? По работе видно: Киевскую Русь мы не берем...

Ю.С.Пивоваров: Брали! Брали! Киевской Руси посвящено листов шесть!

А.Н.Ерыгин: Я сужу по работе.

Ю.С.Пивоваров: Я просто говорю: брали.

А.Н.Ерыгин: Вы говорите: мы берем ордынские истоки этой системы, и это логично, для того чтобы представить самодержавную власть,

конечно нужна опора на ордынскую идею евразийцев – тут никуда не денешься и это логично, но что меняется? У Вас выходит, что вместо представления о феодальном характере периода Киевской Руси (который совпадает со средними веками Европы) мы получаем идею о поздневарварском обществе в Киевской Руси. На мой взгляд, неправомерно такое принижение уровня, статуса социальных структур, культуры, общественного сознания, политической силы, которая имела место на территории восточно-европейской равнины. Тем более что за поздневарварским обществом следует самодержавная революция. Я считаю это самым уязвимым местом. Зато Вы поняли, что Русская Система не радует глаз и плохо поддается объяснению.

Авторы много раз ссылаются на Чичерина, но ведь у Чичерина хорошо показано, что гражданское общество есть тот эквивалент, который в одинаковой мере, но по-разному присутствует и в средневековой истории России. Я имею в виду его работу «О духовных грамотах великих князей», которая до сегодняшнего дня остается непревзойденным историческим сочинением. Кто-нибудь может высказаться против? До сих пор в литературе никто не высказался. Эта гипотеза Чичерина пока никем не оспорена. Значит, перед нами в России – гражданское общество, правда, в Чичеринском понимании. Так же, как и на Западе. Тогда логично и понятно: в конце XV – начале XVI-го века в России существует государство, то есть самодержавная власть, абсолютизм, а ему предшествуют и в России и в Европе гражданское общество средневековья. Здесь логика понятна. Почему же автор, который столько раз ссылается на Чичерина и положительно о нем отзывается, пропускает эту возможность? Ну, в коротком выступлении всего не скажешь. Я хотел назвать самое крупное в этой работе, что я заметил, и в целом считаю серьезным, если не выдающимся вкладом в развитие отечественной науки, а также сопредельных областей – прежде всего философии, истории.

В.П.Макаренко: Спасибо, Александр Николаевич, – раскошегарил дискуссию. Слово Ю.С.Пивоварову. Должен сказать Вам комплимент – Вы всех вчера очень тронули и почти всем понравились.

Ю.С.Пивоваров: Спасибо! Я хочу несколько слов сказать еще для понимания позиции. Действительно, если бы тексты собрать о Русской Системе, то взгляд будет иной. Например, проблема Киева детально описывается, более того – авторы написали эту работу в середине 1990-х годов, и подчеркивали, что много киевского есть в современной России, что мы все видим; я хочу еще раз подчеркнуть – «Русский исторический

журнал» не является репрезентативным для понимания идеи Русской Системы. Но это проблема авторов, а не читателей, хотя она существует. Видимо, следует прочесть тексты и по другим источникам. Что еще хочу сказать: совместно эта работа писалась только до конца 1990-х годов. После этого пути авторов резко разошлись не только идеологически и человечески, но каждый из авторов в той или иной степени, пытается продолжать линию Русской Системы в разных своих работах. Но уже не так целенаправленно, а, скорее, занимаясь своей конкретной научной работой, какие-то линии Русской Системы развиваются дальше. Я вчера сказал, что мы вообще не рассматривали эту работу как что-то серьезное, просто решили роман написать. Это делалось так: в комнате без телефона собирались два человека, мобильных телефонов тогда еще не было, и мы с утра до вечера каждый день писали, один сидел за столом и записывал за другим, потом менялись. Потом (тогда компьютеров у нас еще не было) на машинках перепечатывали, правили, и так далее. Это была такая веселая устная работа. Если прочесть текст, который написан и опубликован в журнале «Политическая наука», там просто увидишь, что это с диктофона списанная работа. Она немножко редактировалась и поэтому во многом носит не наукообразный характер, а скорее характер полулитературного творчества.

Сейчас в выступлении было сказано, что, с одной стороны, Галина Ивановна Зверева зачислила авторов «Русской Системы» в «почвенники», а с другой стороны, – было сказано, что мы недооценивали эту систему. Я вам скажу – это действительно так. Когда «Русскую Систему» в конце 1990-х годов читал А.Проханов, – он говорил, что это русофобия. А когда читал Ю.Афанасьев, он говорил наоборот: чуть ли не черносотенцы какие-то писали. Дело в том, что в 1990-е годы у нас не было никаких политических убеждений. Ну какие тогда могли быть политические убеждения? Оппозиция в России была отвратительной, власть – еще более отвратительной. Мы были абсолютно свободными людьми. Сейчас все поменялось: Андрей Фурсов стал одним из идеологов русского национализма, а я наоборот – качнулся резко в либеральную и, если угодно, антипутинскую линию, чего никогда не скрывал и не скрываю. Вот и пишу об этом в «Независимой газете» – пока публикуют. Значит, работа «Русская система» уже тогда была некий компромисс между двумя людьми: человеком, который собирался пойти в почвенническо-националистическую сторону, и мной (хотя мы тогда этого не понимали), – я пошел в сторону либеральную. Теперь что касается западничества. Вообще за-

падничество – это не то, что мы думаем: западничество – не любовь к Западу, разница между славянофильством и западничеством в классическом смысле – это разница между теоцентричной и антропоцентричной мыслью, Раскол между западниками и славянофилами (я этим занимался профессионально, несколько книг написал по истории русской мысли) заключается не в том, что одни страстно любили свою почву и особенно славян, а другие были влюблены в Запад. Если внимательно посмотреть, то наиболее культурными и образованными людьми в западном смысле слова были славянофилы, а целый ряд западников были малообразованными. Например, Белинский был уникальный человек – не знал иностранных языков, а Бакунину, основателю марксизма, некогда было получить классическое образование – он всё время что-то замышлял. Хотя и среди западников были совершенно замечательные, образованные люди. Но я должен вам сказать опять, что политические и философские взгляды К.Кавелина и Ю.Самарина – двух ровесников, приятелей и антагонистов – очень похожи. Славянофилы вернули в русскую мысль её теоцентричность, – то, что было потеряно в русской культуре с реформами Петра; западники были антропоцентричны, то есть они были ближе к тому направлению мысли и культуры, которое развивалось на Западе, где человек стоял в центре мировоззренческом и цивилизационном. И в этом смысле ни наша работа, ни мы не являемся ни западниками, ни славянофилами. Для нас не существует тем, которые уже сняты наукой. А вот очень интересно – я весь вечер думал над словами, которые сказал Н.С.Авдулов, когда он прослушал выступление Виктора Павловича и мое. Ему показалось, что это метафора, что это не доказано. И я стал думать, а вот отчего же (не знаю, как Виктор Павлович) я не могу больше писать так, как меня учили, когда я был студентом, аспирантом, молодым научным сотрудником. Мне пришла в голову простая мысль – естественно, литературная: невозможно сейчас писать такую литературу, как русский реалистический роман XIX века. И невозможно больше такая наука, какая была в XX веке, не говоря уже о XIX-ом. Невозможна! Видимо, что-то изменилось в культуре. Действительно, когда Виктор Павлович вчера вёз нас в гостиницу, он сказал: толстые книги прочтет один человек, надо писать, наверное, что-то другое. Изменилась какая-то что-ли глубинная культурная ситуация. Изменилась даже такая формальная штука, что толстые книги не идут. Идут, становятся доступными и влияют на дальнейший интеллектуальный процесс другие формы. Я думаю, с этим нельзя не согласиться. Да и научный язык (чтобы в эти дебри не залезать,

поскольку я не готов залезать туда) не может быть языком той старой, классической науки, которая удовлетворяет наши потребности в достоверности, фундаментальности. В этом смысле Сергей Михайлович Соловьев, который всегда для любого историка, гуманитария останется основополагающим, фундаментальным, это всё равно ретро, – как ретро-западники, ретро-славянофилы, ретро-русская религиозная философия, – все это ушло неизвестно куда. Вот у нас все говорят: Путин цитировал и постоянно цитирует Ивана Ильина. Я не знаю как вы, наверное, кто-то читал Ивана Ильина, но ведь его читать совершенно невозможно. Это я вам говорю как специалист в том смысле, что всю жизнь этим занимался и изучал все эти тексты – их невозможно стало читать, вы понимаете? Тот же Иван Ильин, – это не тот язык. Видимо, то, что произошло в конце XX столетия, дало российскому человеку новый принципиально совершенно новый опыт, который нужно осознать. В «Русской Системе» он еще не осознан, авторы еще не знали, куда все это пойдет, куда качнется, сейчас более-менее ясно. Но также ведь еще нет опыта предыдущего. Моя точная, предельно четкая позиция заключается в том, что мы должны понять то, что произошло. Понять, что такое советская власть, что такое большевизм, что такое советский период русской истории. Научные работы пишутся, но не написаны, что-то сказано, но далеко не всё. Кстати, надо отказаться от исторической хронологии, ее придется менять. Я хочу обратить внимание: революция, которая произошла на рубеже 1980- 90-х годов на территории Советского Союза, носила, наверное, три характера: один из них – национально-освободительный, это освобождение народов Российской Империи; второй – антикоммунистический, антисоветский, это понятно, но интересно, что эта революция была первой революцией по Марксу, когда класс пролетариев стал классом-собственником, обрел нечто в ходе этой революции, я имею в виду советскую номенклатуру. Мне страшно за тех, кто проводит мысль: то, что произошло, – только фаза того периода, который стал складываться в хрущевско-брежневское время, когда номенклатура освободилась от страха перед тем, что было при Сталине, когда она становилась всевластной, и в то же время была управляющим бесхозяйственным классом, эдакое непонятно что. Я думаю, на рубеже 1980-90-х годов произошла удивительная вещь – правящий класс советской системы пожертвовал всей системой не только ради самосохранения, но и ради того, что она стала собственником. Можно долго об этом говорить, с разных сторон подходить, уточнять, спорить, но что-то в этом есть. Я думаю, гибель советско-

го режима во многом была связана с тем, что в нем не были решены две проблемы, центральных для любой культуры и цивилизации: трансляции власти и трансляции собственности. Вернее, даже не собственности, а некой вещественной субстанции, потому что собственность – это ведь не богатство, а сложный правовой институт, очень сложная правоотношенческая ситуация. Советский режим не решил эти две ключевых и тесно связанных между собой проблемы потому, что коммунизм исходил из презумпции: государство отомрет само собой, поэтому тему трансляции власти и обсуждать нечего, что до собственности – то коммунизм есть бессобственническое общество. А оказалось, что это не так. Причем, эти ключевые темы не прописаны в рамках концепта трансляции собственности и трансляции власти. Одной из сегодняшних страшных проблем для нашего общества является тема трансляции власти. То, что сделано у нас в 1999 году Б.Н.Ельциным, а в 2008 году – В.В.Путиным, – это крайне опасная ситуация с точки зрения русской истории. Мы знаем, что вообще тема трансляции власти центральнее, чем, скажем, формы государства. Мы знаем, например, что неудачный указ о престолонаследии Петра I привел к тому, что Россию на протяжении всего XVIII столетия трясло, как в ознобе, – сплошные перевороты. Мы знаем, что указ Павла 1797 года о том, что власть по закону передается в режиме примогенетуры – от отца к старшему сыну – установил в России твёрдую власть. Историки – юристы считают это первым конституционным актом в русской истории. Недаром этот указ Павла стал первой главой русской конституции – я имею в виду основной закон Российской Империи в редакции 23 апреля 1906 года. Большевики этой темы не решились, у большевиков каждая смена власти была маленькой гражданской войной. Конституция РФ решает эту тему, но политическая практика практически нивелировала конституционный принцип. Россия опять стоит перед темой трансляции власти. Ситуация крайне сложная. Я заиклен на теме трансляции власти именно потому, что постоянно пишу и говорю о властечетричности русской культуры, о русской власти как о моносубъекте русской истории. Кстати, еще одна из тем, не разработанных на самом деле (причем, не по какой-то технической причине), – это тема права, права русской системы. Бытует мнение, что для русской культуры характерен дефицит права; с другой стороны есть совершенно вздорная концепция Ивана Ильина. Я – резкий противник Ильина, считаю его философом крайне вредным, опасным. Недаром он становится важным человеком для людей типа Путина, Михалкова, светлейшего патриарха Кирилла и прочих.

Я думаю, не случайно этот философ им по нраву. Ведь Ильин писал о каком-то особом православном правопонимании, что совершенно никак не доказывается. Но дело в том, что в рамках Русской Системы существовало особое право. Право западное является (в основном) публичным и частным, и носит характер разрешительный и запретительный. Особенностью русского права является запретительный характер. Недаром мы говорим о крепостном праве. Надо помнить, что в крепостном праве находились все сословия Российской Империи, а до этого – Московского Царства, а не только крестьянство. Здесь вспоминали Чичерина, но применение термина «гражданское общество» к русской истории крайне сомнительно. Я и сейчас практически не вижу гражданского общества в России, хотя какие-то элементы, безусловно, есть. Я вообще думаю, что в этот период Русская Система может и закончиться, причём я ещё раз повторю: Русской Системы нет! Русская Система – это попытка понимания того, что происходит в России; это принципиальный повтор. Дело не в том, что Русской Системы нет, нет и других концепций. С помощью Русской Системы мы пытаемся понять это общество, так, как и Соловьев и другие. Они, если угодно, навязывали обществу своё понимание – и общество так понимало себя. Но это совсем другая тема, хотя и важная. Так вот, тема крепостного права тоже очень важна. В Русской Системе мы говорим частично об этом, – показываем, что первым было закрепощено не крестьянство, а дворянство. Как известно, дворянское сословие первым возникло как сословие и сразу же было закрепощено. Но оно же первое и было раскрепощено, – это и есть мысль Чичерина. Государство закрепощало сословия в определенной последовательности, а потом в точно такой же последовательности их раскрепощало. Я специально говорю импрессионистично, чтобы какие – то вещи вокруг Русской Системы объяснить. Вот тема русской власти здесь очень важная вещь, которая не прописана в Русской Системе – хотя частично что-то и есть, ведь русская власть формируется не только по линии заимствования из Орды; идея «Русской Системы» – не евразийская идея и не является симбиозом Орды и чего – то другого. Идея Русской Системы в том, что мы во многом взяли ордынское понимание власти, что совершенно не характерно для крестьянского общества. Причем, мы постоянно пишем, что до того, как возникла Русская Система (или то, что мы называем Русской Системой), русское общество было полисубъектно, как вообще принципиально полисубъектно любое христианское общество. Это можно видеть на развитии других обществ. Потом произошла редукция к моно-

субъектности. Во многом таков смысл самодержавной революции, а мы специально ее назвали Великой самодержавной революцией. Как вы понимаете, это аналогия Великой октябрьской революции. Это понятно для людей, выросших в этой культуре и пользующихся этим языком. А можно ведь совершенно по-другому назвать, но смысл от этого, думаю, не изменится. Есть ещё очень важная линия формирования русской власти – она идет от Византии по линии православия, затем уже по национально-православной линии. После Флорентийского собора русские стали смотреть на византийцев как на изменников, а потом вообще пришел как Византии. Концепция симфонии церкви и светской власти, которая пришла на Русь вместе с христианством – это очень важная вещь. Я надеюсь, публика квалифицированная и знает, что это такое. Напомню, что в рамках концепции симфонии две эти части – церковь и государство, духовная и светская власть обречены на взаимопроникновение и на слияние. А на Западе этого не было. Концепция «двух мечей» резко разводила светскую и духовную власть, причем разводила даже территориально – один меч находился в Риме, другой – в имперских городах в руках императора. В России этого не было. Конечно, очень важным для формирования особого типа русской культуры, в рамках которой создается так называемая Русская Система, является влияние паламизма. Паламизм возник в Византии в XIV веке и пришел на Русь в начале XV века, во времена Андрея Рублёва. Это формирует особый психологический тип на Руси: с приходом паламизма Русь ставит барьер для всякого рода возрожденческих движений, что очень важно. Например, Д.С.Лихачёв – не мой герой, я скептически отношусь к его роли в истории и еще более критически к нему как к исследователю, но человек он был замечательный. Он считал, что паламистский тип личности лежит вообще в основе дальнейшего развёртывания русского человека в историческом времени. Ещё очень важна победа иосифлян над нестяжателями. Это ведь происходит именно тогда, когда мы – авторы русской системы – начинаем находить некие основания для того, чтобы утверждать: с помощью нашей концепции можно понять то, что происходило. Здесь был нанесен удар по свободомыслию. Одной из самых отвратительных для меня, схожих с Александром Невским, исторических фигур является Иосиф Волоцкий. Его известные слова: «Мнение есть падение». Вообще, любое мнение есть падение, падение не в том смысле, что споткнулся о кирпич и упал, а в смысле ниспадения в ад, это религиозный язык. Понятно, здесь закрываются вообще всякие пути для развития. Затем наступает

эпоха старца Филофея и концепции «Москва – Третий Рим». Концепция Филофея очень важна для формирования особого типа русской власти. Был или не был Филофей – неизвестно. Но мы специально свели Лютера и Филофея, поскольку из известных приписываемых Филофею посланий мы взяли то, которое адресовано наместнику в Пскове 1517 года. Взяли именно потому, что Лютер в 1517 году сформулировал и опубликовал свои знаменитые 95 тезисов, направленные против церкви как средства спасения души. Исторически мы имеем право на такую параллель. Так вот, обычно когда мы говорим о концепции Филофея, мы знаем, что это – христианская концепция, в её основе лежит пророчество Даниила, фрагменты из Ветхого Завета – «История Царств» и т.д. Кстати, последняя реплика этой концепции – это нацистская концепция Третьего Рейха, но уже освобождённая от христианских коннотаций. Те люди, которые задавали эту концепцию в 1920-е годы, считали себя христианскими мыслителями. Таким образом, концепция Третьего Рима не является исключительно русской. В этой концепции обычно обращают внимание на то, что «два Рима пали, Третий стоит, а четвёртому не быти». Но там есть вещь гораздо более важная в контексте Русской Системы. Почему мы сравниваем Филофея с Лютером? Что такое Лютер? О нём гениально сказал Томас Манн, не мыслитель, а писатель: «Когда Лютер сказал, что каждый сам по себе священник, с этого началась европейская демократия». Что значит каждый сам себе священник? Это абсолютно полисубъектное общество, когда много субъектов. Когда у каждого человека есть прямой «телефон» туда «наверх», а не через католическую иерархию, через агент-коммутатор, так сказать. Томас Манн приводит известные слова Энгельса, что Лютер превратил попов в мирян, а мирян в попов. Лютер создает современный тип общества, что особенно характерно для протестантского мира. А что делает Филофей? Он проводит операцию прямо наоборот – редуцирует полисубъектность в моносубъектность. Он говорит: а кто же этот хранитель истины в последней инстанции? Кто он? Ну, как кто? Ты, царь! – говорит он. Ты! Один ты! Не какой – нибудь там митрополит, мы знаем, что патриархов тогда ещё не было, не какой – нибудь там съезд епископов, а ты, царь. Ведь смотрите: только в русской церковной службе, – ни в одной другой православной церкви этого нет, – зафиксирована одна очень важная вещь: царь имеет право входить в царские врата. Светский человек не имеет права входить в царские врата, на службе они закрываются, там происходит основная мистерия, а царь имел право входить туда. Дело доходило даже до того, что

туда пускали и цариц. Как мы знаем, девочка вообще туда не может попасть, мальчиков при крещении туда заносят, крестят, но девочку нет, потому что женщина – более порочное существо с точки зрения христианской мифологии. Сделана фантастическая вещь: царь имеет право, и Николай II пользовался этим правом, – уже вполне современный человек, который занимался цветным фотографированием и водил автомобиль. Тем не менее он тоже туда входил. Ни в одной другой православной церкви мира этого обычая нет, это только обычай русской православной церкви и Московской Патриархии впоследствии. Тем самым царь становится тем, чем его называли: царь – священник. Он не только является предельным властителем земным, но и духовным, потому, что если подумать, что «Москва – это третий Рим», хранительница истины и четвёртому Риму не быть, и будет конец света, а мы знаем, что все эти ожидания имели место и царь обладал абсолютной духовной властью. Всё это имеет очень важное значение для складывания фигуры этого моносубъекта. Поразительная вещь: с того момента, как построили Кремль при Софье Палеолог и завели там двуглавых орлов, пришла концепция «Москва – третий Рим».

Произвели следующую операцию: стали свозить со всей России мощи святых, укладывать их вокруг Кремля, ставить церкви; некоторые ещё даже сегодня в Москве остались – там, где была раньше гостиница «Россия». Огромное количество небольших церквей, которые прикрывают мощи святых. И как бы намагничивалась земля вокруг Кремля и в Кремле. Одновременно с этим резко меняются взаимоотношения царя и подданных. Как показали историки, раньше цари (начиная с Ивана III) были простыми мужиками и лишь количественно отличались от населения. А здесь уже качественное отличие – народ начинает видеть своего царя только дважды в году: в крестный ход на Рождество и на Пасху. Пасха у нас весной, Рождество по новому стилю – 7 января; значит дважды в году видят москвичи своего царя и его свиту. Вокруг мощи святых, а вся земля намагничена. Что это напоминает? Советскую ситуацию – когда мощи главного святого, храм стоит, только уже языческий, светский, где главный верховный лежит, вокруг – погост, где прах основных его «апостолов», последователей. И так же дважды в году советские люди видели своих вождей: на Первое мая, это напоминает Пасху по времени, и 7 ноября – думаю, это вещи абсолютно не случайные. Это громадная коллективная память! Этого не произошло нигде, а только у нас по образу и подобию Московскому. Потом стали так же делать и в соцстранах.

Это к вопросу о том: Русская Система – не Русская Система, как говорил Пастернак, «здесь кончается искусство, и дышит почва и судьба!» Вот эти удивительные вещи, но ведь не только у нас в стране! То же самое и на Западе можно, и в европейских странах найти, Восток я не знаю, я не востоковед... Но если закончить с религиозной частью и сказать дальше, то самодержавная революция была! Смысл её заключался в переходе от полисубъектного к моносубъектному обществу. От общества более-менее свободных людей, территорий, институций, к Соборному Уложению, где все абсолютно закрепощены! Такая служебно – крепостническая гармония охватывает всю сословную структуру Московского царства. Мы можем констатировать: самодержавие, крепостническая система, популяция (то есть полностью лишённый субъектной энергии закрепощенный народ), – всё это имеет уже место быть. А что в это время происходит на Западе? Происходит то же самое – заканчивается тридцатилетняя война, Европа переходит от религиозной по-преимуществу самоидентификации к идентификации политической и государственной. Начинает складываться Новый мир, где будут рождаться гражданское общество, национальные государства, капитализм как способ организации экономической деятельности человека. Но я вам должен сказать, что Россия продолжает развиваться синхронно с Западом, решая схожие темы, а откуда это? Мы в Русской Системе пишем: «это два способа самополагания в истории двух различных христианских субъектов», это два пути христианских народов в истории, поскольку единственной основой для русского западничества (не в том смысле, в котором я говорю, а в том, как все его понимают) является христианство. Нас ничего больше с Европой не объединяет, здесь другой климат, другие традиции, у них – латынь, а у нас – церковно-славянский, и т.д. Совершенно другая история! Конечно, как и во всём мире, есть сходства, но если сравнивать принципиально, дифференцированно, то очень разные истории. Нас больше всего объединяло и объединяет христианство. Надо заметить, что крупнейший европеизатор Пётр 1 (фигура, которую я тоже терпеть не могу) наносит удар по христианству самый страшный после Соборного Уложения. Это я к тому, что мы идём с Западом синхронно, решая схожие проблемы. Ведь что делает Пётр? Оставляю общую оценку реформ, она у каждого своя. Но он, например, лишает Россию выборов – единственного на тот момент демократического института. Где были выборы? В церкви. Кого выбирали? Патриарха. Разумеется, можно сказать, что это было ограничено, не современно. Конечно! Где тогда было «современно»? В России

это был единственный институт выборов – Пётр отнимает его у страны. В принципе он вообще наносит удар по церкви. Процитирую Ф.М. Достоевского: «Русская церковь в параличе со времён Петра Великого». В параличе – то-есть, когда ещё живёт, но уже не действует. Что ещё со времён Петра происходит? Происходит страшное дело, я вчера цитировал В. Ключевского, который сказал: «Из реформ Петра вышло не два периода русской истории, то есть допетровский и послепетровский, древняя и новая; вышли два враждебных друг другу склада жизни – Пётр разломал русскую целостную культуру на две субкультуры – европезированную верхушку, которая имела очень слабые корни в русской истории и традиционалистскую, почвенническую, старомосковскую, хранящую заветы тёмной старины». Это крупнейший результат реформ Петра. Бердяев – не мой герой, но человек очень значительный, иногда даже полезный, в отличие от Ильина. Он говорил, что это была главная бомба под здание Империи, которую Пётр создал и сам же заложил под нее взрывчатку. А такой «тонкий» человек как К.Маркс (не очень любящий Россию) написал в 1856 году: «Настанет русский 1793 год! Господство террора этих полуазиатских крепостных, будет невиданным доселе в истории, но зато вместо мнимой цивилизации, возведённой Петром Великим». Я сделал акцент на господстве террора полуазиатских крепостных, но меня волновало иное – мнимая цивилизация, возведённая Петром. Мнимая! Не имеющая корней в русской почве! Весь XVIII-XIX вв. – это борьба этих субкультур. И это тоже очень тесно связано с проблемой Русской Системы. А в чём синхронность с Западом? Куда двинулся Запад? Запад двинулся туда, где он себя и нашел – в американской и английской революциях. Создание общества равных людей после сословного (неравного) общества, но на основе права. То есть, общество равных правовых субъектов. Маркиз ты или крестьянин, но ты равен в правовом отношении. А что произошло в России? Пётр создает общество, которое великий историк Платонов назвал «обществом равенства и всеобщего бесправия». Пётр строит на Руси общество равных, как строят его французы, американцы, англичане, только там на основе права, в здесь – на основе всеобщего бесправия. Он доводит бесправие московской Руси до гораздо большего. Что ещё важно для Русской Системы – коль мы заговорили о сословиях – русские сословия созданы и отличаются друг от друга по объёму и типу несения ими «тягла», как и западные сословия тоже, но и по объёму и типу свобод. В русской культуре не была тематизирована идея свободы, не возникла эта идея. В русской культуре не только не

было места для рационального познания, а не было места именно потому, что не было всех этих монашеских споров, номиналистическо – реалистической борьбы, не было Ренессанса, который заимствовал идею римского права. Всего этого не было. Именно поэтому не возникла идея свободы. Русское сословное деление общества не связано с темой деления по принципу прав и свобод. Можно ещё долго об этом говорить, но в Русской Системе главной является тема времени и пространства. У меня даже возникла идея начертить здесь табличку, позвольте, я просто её прочту – мы сделали такую табличку:

Восток – это пространство и локальность. Эти цивилизации не знают темы времени в иудео-христианском смысле. Проблема времени и вечности не артикулирована. Время не отделено от вечности. Это локальные цивилизации, развивающиеся в локальном пространстве.

Запад – это время и внелокальность. Трансцендированная вечность, вынесенная из настоящего за пределы социального порядка. С возникновением часов это порождает проблему, когда время и вечность расходятся.

Россия – это пространство, которое постоянно темпорализуется властью, и внелокальность. Вечность вынесена из настоящего. Тема расширения пространства, его темпорализации. Русская Система может существовать только в условиях расширения пространства. Она не может существовать в условиях сокращения пространства. Бывают периоды, когда Русская Система жертвует пространством ради самосохранения власти. Пример: почему Ельцин развалил СССР? Ведь ещё Сталин говорил Ленину: Вы доиграетесь! Помните спор о форме государственного устройства СССР? Сталин был прав – но с точки зрения русского великодержавия. Дайте республикам права – они когда-нибудь выйдут. Безусловно! Но почему давали права республикам? Потому, что надеялись, что другие вступят туда, на правах так сказать свободного входа – выхода. Но что сделал Ельцин? Он пожертвовал пространством ради власти. На какое-то время, такое бывало уже неоднократно. Ленин Брестский мир подписал, пожертвовал пространством, но укрепил свою власть. Мы об этом в Русской Системе много пишем на конкретных примерах принципов Невского, Донского, «власть – первична, территория – вторична», «власть – первична, население – вторично». Если тенденция к сокращению пространства преобладает, русское пространство сокращается, – Русской Системе не быть. У неё не было ничего для «перемолота», очень важный момент – тема передела, если мне дадут ещё несколько

минут, я расскажу о передельном по-преимуществу характере русской социальности, переделе как основном способе функционирования русской системы. Переделе власти, вещественных субстанций и проч. Даже из этой хаотической информации вы должны заметить, что концепция русской системы богаче, чем она представлена в статье. На этом я поставлю точку, чтобы потом оставить себе возможность продолжить. Кстати: моя тема сформулирована как русские революции, я хочу сказать несколько слов о русских революциях, прежде всего о главной, которая является принципиально новой революцией в истории человечества! Потому что до этого в ходе революций, как совершенно справедливо нас учили, – то новое, что вызревало в недрах старого порядка, выходило и побеждало старое. А в ходе русской революции новое – то, что вызревало – погибло! Произошло возвращение к архаичному, тому, что Макс Вебер называл «первобытным коммунизмом». Но это не только русская революция, национал – социалистическая революция в Германии была такой же. Русская революция открыла череду новых революций, как французская череду других революций за сто лет до этого.

И это имело очень большое значение. Всё, точка!

Б.И.Буйло: Что Вы думаете о происхождении номенклатуры?

Ю.С.Пивоваров: Я могу вам сказать, что такое номенклатура для меня. Есть три периода в русской истории – Московское царство, Петербургский и Советский период. Каждому периоду соответствует свой способ организации властных групп: местничество в ХУ1-ХУШ столетиях, Табель о рангах в ХУШ-Х1Х веках, и номенклатура в ХХ-ом столетии. Что такое номенклатура? В 1920 году Сталин создает учетно – распределительные отделы, в обкомах, губкомах, райкомах. Номенклатура – это люди, которые попадали в эти самые списки номенклатурные; то был новый правящий класс, который впервые в истории Европы и России был классом бесхозяйственников. Раньше были правящие классы, которые имели собственность, даже петербургское чиновничество Х1Х-го столетия. В СССР они уже были бесхозяйственниками. Эта группа правит страной до 1990 года. Как только кончается эта организация – кончается всё! Царь Фёдор Алексеевич отменяет местничество – и Московское Царство рухнуло. Это открыло возможность Петру привлекать во власть проходимцев, бандитов, авантюристов, а также умных, талантливых, достойных людей. Табель о рангах практически перестает действовать в начале ХХ столетия. По формированию высших слоёв мы видим, что всё не так. Скажем, карьера Витте показывает, как Александр III его

вёл, ломая Табель о рангах, и что происходило в период Витте – Столыпина. Когда рушится СССР? Когда на последнем съезде летом 1990 года с подачи академика Кудрявцева, вице-президента Академии наук СССР и главного юриста при Горбачёве, Горбачёв отменяет номенклатурный порядок формирования системы. Номенклатура – это то, что управляло страной, класс советских управленцев-бесхозяйственников. Но вся революция 1980-90-х годов не сводится к номенклатурной революции; я ещё раз говорю: там была демократически-правовая, антикоммунистическая и национально-освободительная части, потому что именно в результате советской модели произошло формирование наций. Я глубоко убеждён, что процесс строительства наций на территории бывшего СССР – Российской Империи происходил под покровом советской власти потому, что до революции подавляющее большинство русских реформаторов были русификаторами. Сейчас все молятся на П.А. Столыпина. Между тем этот человек во многом повинен в гражданской войне в России. Он проводил политику русификации, и поэтому национальные окраины восстали. При Советской власти процессы были разные, – была и русификация и формирование наций. То-есть эта революция имела разные измерения, она была многовекторной. Но одной из важнейших её составляющих было то, что номенклатура стала собственником. Когда мы ехали из аэропорта, я сказал Виктору Павловичу: возьмите Каданникова. Помните человека, который создал «Автоваз»? Это из его воспоминаний: когда он был в Турине и учился на «Фиате», его туда молодым парнем послали, а потом он там работал, и всё время был тесно связан с «Фиатом», он всё время чувствовал, что хозяева «Фиата» передадут его детям, внукам. И они вкладываются полностью в этот завод, а он, Каданников, отдаёт всю свою единственную жизнь, физическую и духовную, этому заводу, – а потом назначат кого-то другого, не его сына, внука, племянника, или кому бы он хотел передать. Эта тема волновала А.В.Вольского, я с ним хорошо был знаком. Это был, безусловно, умный, гибкий, глубокий человек не современного типа, он не пользовался компьютером. Но когда утром, в 1990-е годы, он сидел в администрации Президента, бывшем здании ЦК КПСС, в том же кабинете, где он раньше был заведующим отделом промышленности, – то по-прежнему «красные» директора, к тому же собственники, звонили ему. Будучи никем, он проводил селекторные совещания, по-прежнему управлял, знал наизусть сотни цифр, все имена-отчества, это был совершенно уникальный человек! Он мне несколько раз говорил: безусловно, нами движет то, что, в отличие от аме-

риканцев или европейцев, мы никто, нас могут вышибить. Мы чиновники, и естественно, наше стремление – получить собственность. Речь идет о стремлении всех этих Черномырдиных. Черномырдин, кстати, не сам, а какие – то писатели за него написали – очень интересно описывает это и в своих мемуарах, как это происходило, как ЦК ему мешало, это была подлинная революция пролетариев, которые овладели собственностью. То-есть, в рамках советской системы вызревала новая Россия, новая Украина, новая Белоруссия. Люди, которые работали тогда в ЦК, подтверждают это своим опытом. То, что произошло в 1990-е годы, вызревало в недрах советской системы. Не могло не вызреть – идея бессобственнического и безгосударственного общества, видимо, противоречит природе человека; я не антрополог, но не удалось марксистам этого сделать! Видимо, они наступили на какие-то грабли. Влияние Маркса на социал-демократическое, западное, профсоюзное развитие отрицать нельзя. Тем не менее, слава Богу, что социал-демократия это отбросила, но эти вещи, видимо, были невозможны. Они не получились ни у нас, ни у китайцев!

Это было тогда невозможно! При Сталине чиновники сменялись почти каждый день, их расстреливали. Тогда была другая ситуация – наращивания жира, стабильности, традиционности. Люди, пришедшие к власти в 1950-60-е годы, дожили до 1990-х годов! При Сталине каждый год всё менялось, летели головы.

Б.И.Буйло: Вы считаете, что сталинский режим не допускал стагнации?

Ю.С.Пивоваров: Можно, я потом скажу, что думаю о сталинском режиме? Он тоже прошёл несколько этапов и был разный, он не один. «Мы не знаем общества, в котором мы живём» – это слова Андропова, неглупого человека. Есть один советник, с которым мы с Ириной Юрьевной немножко дружим. Ф.М.Бурлацкий утверждает, что он вообще всё написал – программы партии, конституции. Он вообще всё написал, всё рассказал, всех научил – Хрущёва, Брежнева, Андропова и т.д. Я думаю, что это не так, не знаю.

Р.А.Шипилова: Что Вы скажете о роли церкви в «Русской Системе»?

Ю.С.Пивоваров: Это концепция симфонии, когда патриарх и император вместе находятся в Византии, в Константинополе, дворцы их были рядом. До петровских реформ патриарх, как и царь, жил в Кремле. В петровский период всё разрушили. Примечательно, что одним из первых указов Ельцина, когда он выгнал Горбачёва и пожертвовал территорией

ради власти, был указ о том, чтобы патриарху сделать кабинет в Кремле. Патриарх – единственный, из больших людей России, имеет рабочий кабинет в Кремле. Для сравнения: премьер-министр не имеет, председатель правительства не имеет. Однако по конституции президент – первое лицо, премьер – второе, Совет Федерации – третье, Дума – четвёртое, председатель Конституционного суда – пятое и т.д. Патриарх по обслуге приравнен к первым вице – премьерам. Так же к вице – премьерам приравнен председатель счетной палаты, по российским делам. Самолеты, охрана, обслуживание, питание, санатории и т.п. То есть он вписан в систему государственной иерархии. Я думаю, что с таким патриархом, какого избрали сейчас (других кандидатов не было), процесс симфонизации отношений будет продолжаться. Я знаю Кирилла, выступал с ним вместе и полемизировал. Кирилл – это то, что Бердяев называл военно-спортивный тип личности. Ему бы быть президентом или верховным главнокомандующим или министром обороны! Это человек 1946 года рождения, уже не юноша. У него было три инфаркта. Но до недавнего времени его любимое занятие было гонять на скоростном автомобиле по горам в Швейцарии, – он долгие годы в Женеве работал; он международник, на трёх языках говорит, выполнял всякие деликатные функции, прошёл хорошую школу внешнеполитической деятельности, и не всегда, как я понимаю, в рамках только церкви. Это человек умнейший, образованнейший, изумительный оратор совершенно, политик. При нем, конечно, всё это будет, но ведь и свято место пусто не бывает – ведь Сурков не тянет на роль ни Жданова, ни Суслова, просто под ними не стоит всей этой мощной марксистской традиции, а вот Кирилл может потянуться – под ним стоит очень сильная традиция. Только всё это никакого отношения не имеет к теме «верят ли русские в Бога?», «возвращается ли православная вера в души людей?», это совсем другие процессы. Они будут идти. Я недавно был на совещании у Нарышкина, когда создавалась комиссия по фальсификации истории, там сидел ректор МГУ Садовничий, какие – то ещё людишки, и Нарышкин сказал: «Отдадим всё в истории, но не отдадим войну». А ведь в этом году 70 лет с начала Второй мировой войны. Власть в Кремле очень боится, что появятся произведения, где будут Сталина и Гитлера ставить на одну ступеньку, как поджигателей войны, поскольку был пакт Риббентропа – Молотова. Они действительно боятся, т.к. это испортит образ России. Нарышкин сказал, что войну не отдадим. По революции можно спорить, гражданская война, коллективизация, а войну не отдадим. Дальше он сказал: и церковь

не отдадим! В каком смысле, а Нарышкин – генерал-лейтенант ГБ, значит 1954 года рождения, прекрасно говорит по – английски, по – французски, так сказать, миляга, очень милый человек. Он говорит, что не отдадим церковь. Ошибка большевиков была в том, что они не связали идею социализма с идеей религиозной, идеей христианства, и, главное, с самой церковной организацией, а мы свяжем. Таков современный курс, Нарышкин – одно из первых лиц сегодня, он как дядька поставлен премьером к президенту.

В.П.Макаренко: Мой доклад называется «Большевизм и Россия – от азиатской чумы до основной личностной структуры».

Б.И.Буйло: Можно ли рассматривать большевизм как воплощение одной из вариаций «русской идеи»?

В.П.Макаренко: Попробую поставить себя в позицию историка. Переформулирую Ваш вопрос: какие источники считать адекватными для ответа на него? Являются ли тексты того же Бердяева репрезентативными? Вроде бы да. А ещё какой комплекс текстов (видимо, с такой проблемой юристы сталкиваются, когда формируют комплекс каких – либо документов) считать репрезентативными? Я не обсуждаю этот вопрос, но вижу его. Моя задача – создать концепцию для того, чтобы можно было работать с нею не только мне, но и моим аспирантам, последователям, коллегам. Историографические проблемы я здесь не обсуждаю. Так вот, Бердяев предложил свои критерии отнесения одних мыслителей к русским, других – к западным. Но есть и другие версии. Например, Фёдор Гиренок даёт свою версию того, кто относится к русским мыслителям, а кто не относится.

Б.И.Буйло: Я немного не то спрашивал. Вы сказали, что есть два направления, которые рассматривают большевизм как русское явление и как западное. Я считаю, что это и то, и другое.

В.П.Макаренко: Верно! Но есть и иные точки зрения. Приведу свежий пример. Покойная Наташа Козлова в своей книжке «Советские люди: сцены из истории» считает: за всё, что произошло в России, ответственными являются люди из Европы. То, что произошло в России, было реализацией проекта Просвещения. А этот проект будто бы нёс в себе железную диктатуру. Значит, виноваты не мы, а дядька со стороны. Я привел только один из свежих примеров, когда новый корпус источников (в данном случае – народный архив, дневники простых людей) используется для аргументации схемы, которой двести, триста и более лет. Хотя от религиозных мыслителей мы её тоже можем вывести.

Вопрос из зала: Правильно ли считать большевизм реакцией феодального мышления на капиталистическую, буржуазную реформуляцию?

В.П.Макаренко: Да, такая позиция существует. Но я сейчас не возьмусь рассуждать в этом направлении. Если так считать, то приходится работать в концепции романтизма, относящейся к XVIII веку. Сейчас уже XXI век. Насколько эта духовная формация устарела? – особый вопрос. Но с ним связан иной интересный вопрос. Обращаю внимание на то, что делает Вадим Михайлин. В книге «Тропою звериных слов» он изучает генезис силовых структур. Показывает взаимосвязь антропологических типов «пса» (полицейского) и «волка» (военного). Описывает связь между магическим освоением мира и различными профессиями силовиков. Какой тип экономики они порождают? – может быть предметом особого исследования. Хотя из чтения Макса Вебера можно узнать: экономика «набега» существует до сих пор. Многие народы просто не хотят работать. В этом никакого шовинизма нет, просто такой образ жизни сложился. Сама идея систематического труда и вознаграждения за него возникает только в отдельных цивилизациях.

Ю.С.Пивоваров: Вы коснулись очень важной темы. Дискуссия здесь ведётся постоянно. Большевизм – это русское явление, то есть вычитывается из русской истории, то есть оно было запрограммировано каким-то образом в русской истории, или это западная зараза, или наоборот, не зараза, а благо? Например, Солженицын на сто процентов был убеждён, что это всё пришло оттуда. При том, что он занимался русской историей, и знал её хорошо, особенно начало XX века.

В.П.Макаренко: А потом он промежуточную занял позицию.

Ю.С.Пивоваров: Нет, всё равно он считал, что это западная просвещенческая зараза. А Бердяев, про которого сегодня говорили, действительно считал, что это как – то связано со стихиями русской истории. Но у меня другой вопрос: разве мы можем говорить о большевизме как о том, что было раз и навсегда? Что это одно и то же? Или может две этих позиции связаны с тем, что мы видим два разных большевизма? Вот смотрите, в 1920-е годы господствует интернационал-большевизм, с идеей мировой революции, даже чуть раньше, на рубеже 1910–1920-х годов, идея мировой революции, где Россия – ничто, а надо захватить весь мир, по всему миру распространить советскую власть, лозунг «Земшарная республика советов!». В этом смысле и конституция специально принимается. Конституция 1922 года привела к тому, что СССР никто не признавал, вот мы раньше учили «эпоха непризнания», потом стали признавать

СССР. Почему? Потому что в конституции 1922 года был нарушен главный постулат международного права – связь государства с территорией. Каждая конституция описывает то, что в нее входит. А в конституции 1922 года нет такой связи, там записано, что все республики, по мере возникновения в мире, могут присоединяться к СССР. То есть, то был универсалистский проект единого советского всемирного государства. Интернационал – коммунизм. Дальше, люди, которые были его идеологами и практиками (например, Лев Троцкий), были глубоко культурные, эстетически продвинутые. Троцкий – автор очень не плохих очерков о русской поэзии, вообще знал западную поэзию, литературу, искусство. Эти люди обладали очень ярким футуристическим проектом. Пример: А.Эткинд, о котором Вы говорили, открыл в архивах, что у большевиков до атомного послевоенного проекта было два главных проекта в 1920-е годы. Их курировал Троцкий и Отто Шмидт, который потом прославится как полярный исследователь. Первый проект осуществлял Богданов, ближайший друг Ленина. Был создан Институт Крови, где он делал опыты над кровью, чтобы дать новую формулу крови, которая бы позволила человеку жить 200-300 лет. Он умер, делая на себе эти опыты. Второй проект ещё более сногшибательный – скрещивание человека и обезьяны. Для этого использовали люди, которые оказывались (подобно генетику Вавилову) в странах, где водятся обезьяны. Они должны были по поручению ГПУ привезти обезьяну сюда. Но опыты ни к чему не привели. То-есть, это были весьма эстетически продвинутые люди, которые сформировала культура декаданса на рубеже XIX–XX века, Ницше и многие другие. Они пытались преодолеть физическую природу человека, ставили квазирелигиозные цели. Стремилась преодолеть территориальность государства, двинули сексуальную революцию – движение «Долой стыд!» Мы не можем себе представить, что по Красной Площади ходили демонстрации абсолютно голых людей, во главе с Карлом Радеком, который был ростом метр пятьдесят с кепкой. Вот такое громадное влияние всей европейской совокупности просвещенческих и постпросвещенческих идей. И вдруг это всё кончается и проваливается. Появляются совершенно доморощенные люди, достаточно взглянуть на Политбюро 1920 года и Политбюро 1934 года, – это уже сталинские люди. Они связаны с русской провинцией, с русской почвой, никогда не были ни в каких Швейцариях, никаких языков не знали, дальше Орла никуда не выезжали. Люди с нулевым образованием, совершенно русские, почвенные, корневые. Именно на них делает Сталин упор. Кстати говоря, к нему присоединя-

ется в этот момент целая куча людей, которые отброшены интернационал – коммунизмом. Я имею в виду черносотенное движение. Перед революцией оно было массовым, не очень успешным, но массовым. В архивах (например, в Амстердаме) есть свидетельства не абстрактные, а научные. Там есть документы, показывающие, что целый ряд черносотенцев потом служил в НКВД. Мы видим социализм в одной стране, отрицание Запада, все фобии перед Западом. Это совершенно другой тип человека – психологически, антропологически, культурно. Это совершенно два разных большевизма. Один большевизм – условно – сталинский, второй условно – Троцкого. Один даёт русские дела, другой – дела Европы, но на русской почве. Они сюда как в гостиницу приехали. Не случайно многие из них просто жили в гостинице, на ул. Горького были специальные коминтерновские гостиницы. Так вот, это два разных большевизма, когда один сменил другой, или это один большевизм? Думая всё время над этим, я нахожу: у Солженицына есть аргументы и у Бердяева есть аргументы. А вот как Вам кажется – большевизм это целостное явление или на смену одному пришло совершенно другое? Например, с моей точки зрения 1936-1937 гг. – это антикоммунистическая революция, которую провёл Сталин, по уничтожению ленинской гвардии, отказу от всех этих идей. Я думаю, Ленин был какой-то такой фигурой между ними связующей, третьей. Вот как Вы думаете, извините, за долгую постановку вопроса, меня действительно интересует Ваше мнение – это два разных большевизма или один большевизм?

В.П.Макаренко: Спасибо за вопрос, Юрий Сергеевич. Всякий вопрос приходится встраивать в собственную систему размышлений. Первая реакция, – я, конечно, пытался рассказать об идеологической традиции. Но примеры, которые Вы приводите, меня тоже интересуют. Я не дописал ещё статью, в которой как раз рассматриваю вариант скрещивания человека с обезьяной. Было бы интересно в сегодняшней Абхазии, в Сухуми провести цикл лекций на эту тему. Между прочим, множество женщин, в том числе абхазских, хотели пойти на скрещивание с обезьяной. В газете «Советская Абхазия» публиковали желания этих женщин претерпеть скрещивание с обезьяной ради выведения нового типа. Для меня это пока другая сфера. Вы свели вместе интернациональный и локальный большевизм. Я сейчас отвечу на этот вопрос предварительно, не как исследователь, а, скажем, как обыватель, – мне ближе интернациональная версия большевизма.

Ю.С.Пивоваров: Но это одно или два явления?

В.П.Макаренко: Ваш вопрос не для упражнений в риторике, а реальная проблема. Скажу пока о свежих способах подхода к ней. Карл Шлегель в книге «Берлин, Восточный вокзал» показывает связь (в рамках советско-фашистского интернационализма) дипломатии, расписания поездов, топографии местности, личного состава Коминтерна, генералов типа Людендорфа и возникающего советского генералитета, разведки (ГПУ и абвера), политических деятелей и т.д. Он называет это «сетевой историей». Уже есть традиция, позволяющая работать для ответа на Ваш вопрос. Хотя мне ближе, повторяю, интернациональный проект, поскольку он был отвергнут национальным большевизмом в СССР и Германии. Последствия хорошо известны. Но окончательного ответа я сейчас не дам. На Ваш вопрос смогу дать ответ спустя некоторое время, когда завершу исследование. Ведь речь не идет о простом реферировании «сетевой» истории. Например, мы вчера затрагивали тему евразийства. К.Шлегель показывает, что концепция корпоративизма возникла в нацизме, а также в писанине эмигрантов из Советской России, включая евразийцев. Сегодня концепция корпоративизма пропагандируется в выступлениях В.В.Путина. Такова одна из многих совершенно определенных параллелей между прошлым и настоящим. Я очень хорошо помню, как в 1960-е годы на всех заборах писали «Научно – техническая революция!», потом пришла мода (целые институты работали) писать о «социалистическом образе жизни». Затем пришел черед «человеческого фактора». Теперь гундосят о «корпоративной культуре». Все это я считаю разновидностью политического эпигонства – одного из шаблонов бюрократического мышления. Поскольку эти идеи первоначально возникли в рядах идеологов белого движения, подход К.Шлегеля позволяет показать их эвристическую суть. Короче говоря, Юрий Сергеевич, этот вопрос я надеюсь с Вами обсудить в приватном порядке.

Ю.С.Пивоваров: По поводу корпоративизма. Я К.Шлегеля читал почти все работы, некоторые даже переводил и рецензировал. Без сомнения, это один из крупнейших современных ученых. Но корпоративизм возник в романтическом движении начала XIX века, затем в католической и социальной мысли XIX века, потом его переняли другие. Однако многие сейчас пишут, что национал – коммунизм (точнее интернационал – коммунизм) был первым вариантом глобализации в XX веке. Я к этому никакого отношения не имею, но люди говорят: надо взглянуть в этот опыт, поскольку предлагалось создать такой универсальный порядок, который уже юридически был заложен в конституции 1922 года.

Это была попытка глобализации на футуристически-коммунистический лад. Многие левые силы Запада (а коммунистическое движение на Западе уничтожено), социал – демократы, по-прежнему очень левая западная интеллигенция черпают в этом некое вдохновение. Что касается сталинского варианта «азиатского марксизма» (по определению Струве), это, безусловно, два совершенно разных проекта. С моей точки зрения между ними много общего, но по другим линиям – насилие, отказ от компромиссов, ставка на борьбу и т.д. Этот вопрос чрезвычайно важен для понимания русской истории, особенно советского периода. Конечно, феномен большевизма был абсолютно не случаен, его нельзя недооценивать. Мне кажется, он не закончился. Продолжается тот период русской истории, который начался с большевизма. Более того, я считаю, что в России продолжается сама большевистская революция в известном смысле. Например, в деятельности реформаторов начала 1990-х годов я отчасти вижу продолжение глобалистско – интернациональной линии по методам деятельности.

О.Ю.Мамедов: Я бываю на многих конференциях. А сегодня с тоской думаю: одно из самых больших преступлений русской власти – разделение экономистов, политологов, социологов по отраслям знания. Ничего, кроме бюрократизации науки это не дало. Думаю, все кто защищался, знают, о чём речь. Это сделано ради принципа «разделяй и властвуй». Ни один экономист не знает, что творится у политологов, политологи не имеют представления о экономистах. Кроме бюрократизации это ничего не принесло отечественной общественной науке. Как можно быть экономистом, не зная истории? Ведь история это фундаментальное общественное знание! Как можно быть историком, не зная экономики? Как можно быть политологом, не зная экономики и истории? Я преподаю на юрфаке, юристы ненавидят всё обществознание, вместе взятое. Экономисту не хотят знать и всё! Я не знаю, что на других факультетах творится, но ситуация, мне кажется, очень тревожная. Такое незнание сплошь и рядом. Молодые друзья, надо быть обществоведом, а обществовед – это не политолог, не социолог, не историк, а политолог, социолог, историк! Обществовед, но не обществовод! Эту грань трудно перейти. Люди сами знают, куда им маршировать, наша задача – понять логику их марша. Теперь относительно темы конференции, подходят к изучению русской власти как к чему – то такому, что надо изучать... Я пришел, поскольку мне не доставало, чтобы сказали, в чём специфика этого исследования, какова предметность, методология, я хотел бы, чтобы с начала, знаете,

как хирург делает? Сначала вату берет и спиртом протирает место операции. Вот я бы хотел, чтобы с начала спиртом расчистили: вот ограниченность экономического подхода, вот достоинства, а вот недостатки политологического и т.д. Без решения общетеоретических вопросов нельзя начинать исследование. Институт русской власти, как его описывали здесь, с его жаждой насилия над личностью, самодержавностью, нетерпимостью к гражданскому обществу, к демократическим институтам, не является оригинальным. Это всё всем давно известно, можно прийти от чего-то в отчаяние или в восторг. Экономический диагноз института русской власти – это архаичный социальный институт, отражающий индустриальную, а во многих случаях и сферах доиндустриальную степень развития нашей экономики. Она у нас находится на переходе от доиндустриальной к индустриальной ступени. Эти две ступени и порождают все выверты, включая скрещивание обезьяны и человека. Скрещивали Русь с Западом – не удалось, с Востоком – не удалось. Значит, за всем этим скрывается самобытность, и об этом принципиальном вопросе я хотел сказать два слова. Общественные науки остаются науками, как бы их не умаляли их представители. Можно, чтобы сто исследователей имели сто ответов на один вопрос. Но все – таки как – то потом реки сливаются. Я не представляю, что бы кто – нибудь из физиков сказал: «Ваши западные атомы, никогда с нашими, восточными, не будут взаимодействовать!» Что за западные атомы? Почему они не будут взаимодействовать? Если развитие общества имеет объективные закономерности – это условие научности, если нет закономерностей, то обществоведам говорить не о чем. Есть общие закономерности, общие принципы, общие подходы. Я не знаю истории, политологии. Но в экономике, например, категория «эффективность» – это машина по превращению расходов в доходы. Вот и всё. Экономика – это машина по превращению расходов в доходы. В нормальной, эффективной экономике малые расходы дают большие доходы. В сумасшедшей экономике большие расходы дают мало или вообще ни черта не дают. Вся проблема в том, чтобы построить нормальную экономику. Будет нормальная экономика – будет нормальная власть. Я не склонен любоваться всеми вещами, о которых здесь говорили. Говорят, есть славянофилы и западники. Мне не нравится это полуэтническое, полугеографическое разделение. Я знаю только два деления: научное и антинаучное. Сколько можно наследовать даже в терминологии этот навязанный советской властью «западный» подход? Молодые исследователи должны знать – есть научный подход и антинаучный,

никаких других подходов на белом свете не бывает. И последний пункт, а потом еще краткий комментарий. Практика разрешает всё, что не может разрешить теория. Пока теоретики «прыгают», практика идет, и вдруг мы обнаруживаем, что это уже вчерашний день, никого не волнует. Например, в Ростове всю жизнь была монополия телефонистов, а некто Ухов был Богом! И моя теща, ветеран войны, валялась у него в ногах, он плевать на неё хотел. И вдруг, Ухов исчез – мобильники пришли. На этом закончились уговоры Ухова быть человеком, то же самое произойдет и с нами. Идет процесс глобализации, о котором я здесь мало слышал. Можно к ней относиться по-разному, я видел людей, которые боятся, дрожат жутко перед ней, но мы то с вами, извините, ученые! Глобализация – это главный, основной процесс современного развития мира. И мы не можем в нем не участвовать. Не будем участвовать – погибнем, это я вам говорю как экономист. Глобализация требует определенных принципов в организации экономики и в организации власти. До тех пор пока мы будем бояться всех этих вещей, или освящать их нашими традициями русской власти, – мы не сможем двигаться. Нужно модернизировать русскую власть. Если наша страна не займется настоящей модернизацией экономики, не будет идти туда, куда надо всем идти, – к гражданскому обществу, к демократизации, – я могу сказать: были не такие страны и народы, как мы, и исчезли все. Ну, раз шанс дала история, ну два, но не может же бесконечно давать! Другие не стоят на месте. Я хотел сказать ещё вот о чем. От нас, обществоведов, власть ждёт помощи, я надеюсь на это. Как преобразоваться, а не как застыть в бессильном самолюбании и бесконечном сокрушении: вот мы какие особенные, не такие как все! Сколько раз я разговаривал с обществоведами – я видел, что им не жаль этой страны. Они хотели бы выяснять то, что давно уже выяснено всеми. Надо меняться по быстрому. Экономисты избегают политики, не занимаются политикой, это большой недостаток экономического анализа, они сидят в производстве, это нас погубит. Но когда я бываю у своих коллег по обществознанию, и вижу, что там происходит то же самое. Мало кто говорит о реальных проблемах, несут какой – то бред об инновациях, преподаватель сейчас получает пять тысяч рублей, не оспепенный, доцент получает восемь, девять, чего же вы от него хотите? Это человек, боящийся всех, посмотрите на профком, который прячется, когда проходит ректор. Посмотрите на ученых, которые зависят от внутривузовской бюрократии. Вот говорят: нам нужны инновации! Мы никогда не сделаем ни одну инновацию по одной причине – если только не займемся эконо-

микой, тайна инновационной экономики в её инновационной организации. Экономика, которая ставит барьеры, препятствия, монополии, бюрократизм, коррупцию – в такой экономике инновации быть не может. Пока мы не начнем реально действовать, мы так и будем любоваться русской властью. В каждой науке есть свой скелет, который известен представителям этой науки. Нормальные экономисты-теоретики (правда, у нас есть много ненормальных, не будем о них говорить) боятся возврата к советской экономике. Советская экономика разрушила всю эту страну, помимо других причин. Хотел бы я знать: бояться чего – нибудь политологи или ничего не боятся?

В.П.Макаренко: Разрешите вручить Вам журнал «Политическая концептология» в качестве ответа.

Ю.С.Пивоваров: Октай Юсуфович, я хочу Вам ответить на вопрос: бояться или не бояться политологи? Я был президентом Российской ассоциации политической науки несколько лет, и с уверенностью говорю: бояться. Бояться того анализа, который сделали Вы. Что я услышал сейчас? Опять экономоцентричный подход. Естественно, когда говорит экономист, но когда выступает политолог, или историк, или юрист и говорит о русской власти, то это историко – политологический центризм тоже. Понятно, поскольку мы этим занимаемся. Нам этого Вы почему – то не разрешаете, себе позволяете. Вы говорите: вы работаете на «втором этаже», а мы – на «первом». Это типично советский подход, объясняющий изменение всех социальных процессов экономическим базисом. Этот подход не действует в русской истории, он давно уже сломал себе там шею, а вот подход через русскую власть гораздо более устойчив в нашей научной традиции. Например, Сергей Михайлович Соловьев, один из создателей государственно – юридической традиции в российской историографии. Он тоже «сидел» на «втором этаже». Поскольку «первого», с Вашей точки зрения, не касался. Моя позиция заключается в том, что возможны различные подходы, то, о чем Вы сказали, западные атомы и восточные атомы, это ведь о чем говорит? О том, что Вы, видимо, не чувствуете разницу между науками естественными и науками социально – гуманитарными. Действительно, западные атомы не отличаются от восточных, а вот общества очень отличаются. Например, почему западное общество пошло по одному пути, а восточные по другому пути? Значит, атомы, из которых сделаны культуры и цивилизации, очень отличаются. Что касается экономики. То, о чем говорите Вы, – совершенно европоцентрический подход к экономике. А на самом деле в таких цивилизациях как Индия,

экономика играет совершенно другую роль, там нету темы «расходов и доходов», поскольку там экономическая сфера жизни включена в совершенно другую картину мира. Вы это прекрасно и лучше меня знаете. Поэтому я не думаю, что подход реалистически – экономический адекватно научный, а подходы историков, политологов, социологов, юристов (которые почему – то зациклились на власти) не являются научными. Совершенно разные люди на протяжении уже двух столетий занимающиеся русской властью и по – разному её понимающие сходятся в том, что именно этот элемент играет определяющую роль в русской истории; а экономика является следствием, «служанкой» института русской власти. Что касается термина «русская власть», то я могу вам тысячу примеров привести (помимо Жириновского), когда люди и умные и глупые пользуются данным определением. А как ещё её определить? Это естественно! Во Франции – французская власть, в Германии – германская, и т.д. Вы называете глобализацию главным событием в истории человечества. Я так не считаю. Это дискуссионный вопрос. Вообще в понимании глобализации очень многое зависит от того, в каком смысле она понимается. Более того, идёт и другой процесс, о котором пишут западные авторы – глокализация. Ситуация глобализации связана с ситуацией, когда нарастает плюрализм местных отличий. Они становятся важнейшими для развития общности, особенно в Западной Европе. Это я наблюдал неоднократно, работая там. Одна община делает ставку на это, другая – на то, и это не противоречит глобализации. Реальные процессы гораздо сложнее того, что мы называем глобализацией. Более того, можно участвовать в процессе глобализации, быть открытым экономически и совершенно закрытым культурно – идеологически, как Китай, например. Он чем-то вступает в глобализацию, а чем-то нет. То же самое происходит не только с Китаем, но и с другими странами, включая те же США, откуда идет процесс глобализации. Я думаю, эти процессы гораздо сложнее. Я разделяю Ваш общий пафос, но не разделяю отношение к Вашим коллегам-обществоведам из других специальностей как романтикам, зацикленным на своих вещах; те темы, которые поставили западники и славянофилы, актуальны по той простой причине, что Россия их ещё не решила. Не актуален может быть подход этих людей, хотя их культурный и научный запас был намного больше, чем у наших обществоведов. То были культурнейшие и образованнейшие люди России. Понятно, что по прошествии почти двухсот лет многое изменилось, но Россия не решила этой темы, поэтому спор западников и славянофилов актуален. Но это не только в России,

то же самое происходит во Франции, в Германии. Мы не стоим перед русской властью как перед чем-то заколдованным, мы её конкретно изучаем в разных её версиях. Я Вам должен сказать, что в концепции русской системы, к которой я имею отношение, как и мой соавтор, мы тоже касались соотношения русской власти и развития производительных сил, и вообще экономического развития России. Но в этом же и прелесть, когда экономисты смотрят на исторические процессы и когда мы, не экономисты, смотрим на экономику. Я думаю, в этом тоже есть интерес.

О.Ю.Мамедов: Конечно, мы интегрированы в единый объект изучения, общество очень сложно и оно действительно представляет собой систему загадок, тайн и прочего. Но я глубоко убежден, хотя это было почему – то названо экономоцентричностью, что есть объективно определенная иерархия социального знания, и она отражает объективную иерархию строения общества. Я не против того, чтобы изучать какие – то специфики и прочее. Но сначала необходимо выстроить чёткую каузальную, причинно – следственную связь, где все истоки, все проблемы общественной жизни (все они это доказано мировой историей) порождены состоянием экономики. Это абсолютно точно. Есть строгая иерархия научного знания. Если предположить, что политологический подход, экономический, культурологический имеют равную ценность, – мы окажемся в «тумане». Как в том анекдоте: вы правы, и вы правы и вы тоже правы! Нет, дорогие друзья, есть четкое разделение, четкая каузальность. Человек, которого носили на руках одно время, сказал: «Если на все последовательно посмотреть, все это испарения, всё это находится в производстве». Точнее скажу: в экономике. Для нас, например, работа Ленина «Развитие капитализма в России» – одновременно исторический, политологический, социологический и экономический труд. Может быть, Маркс был философом, или политологом, или социологом, историком или экономистом? Вот идеал! Разобщая наши ряды, не объединяясь вокруг основы, которой может быть только экономическая стадия, эффективность наша ухудшается и мы не достигаем того потенциала, которым обладаем. Я не возражаю против многих вещей, но я хотел бы, чтобы всякое научное знание было выводным. Я хотел бы, чтобы выводили особенности и специфику русской власти так, чтобы это повторяло логику иерархического строения социального знания.

Ю.С.Пивоваров: А экономику можете вывести? Требуя от нас вывести что – то из экономики, выведите сначала экономику.

О.Ю.Мамедов: Она выводится из производства.

Ю.С.Пивоваров: Нет ни одной классификации в мире, где экономика поставлена в основу, таких классификаций вообще в научном мире нет! Это противоречит научному мировоззрению вообще!

В.П.Макаренко: Должен сказать, что Октай Юсуфович в своем журнале «Экономический вестник Ростовского государственного университета» раньше всех завел рубрику «Возрождая целостность обществознания». То, что он говорил здесь и сейчас, не столько отражает его общие методологические установки, сколько реакция на нашу разобщенность, которую мы сообща стремимся преодолеть. Мы работаем вместе с экономистами уже два года, они нас публикуют, мы их публикуем, и постепенно нащупываем контакты. Но конечно, такие препирательства время от времени будут вспыхивать, потому что разобщены, сидим по своим ячейкам. Отсюда вытекает мера полезности или бесполезности наших споров. Я согласен с Юрием Сергеевичем: конкретные предметы надо определять. Что касается методологии социальных наук, – то нет какой-то одной экономики, экономика Маркса не является авторитетом для Фридмана, и наоборот. Например, историческая школа экономики пересекается с исторической школой права, поскольку обосновывает возможность, необходимость и даже единственную правоту многофакторного анализа общества. Поэтому проблема выведения некой жесткой детерминации из одной сферы ко всем остальным просто не стоит.

Т.А.Марченко. То, что сказал Октай Юсуфович, имеет иное значение, как у М.А.Булгакова в «Мастере и Маргарите» – относительно факта существования Иисуса Христа есть и такое мнение, есть и такое, но то, что было, не нуждается в подтверждении. По моему, Октай Юсуфович хочет сказать следующее: монодисциплинарные подходы создают приблизительное знание об обществе, в котором мы живем. А нужны междисциплинарные подходы. Это не отменяет высказанную Октаем Юсуфовичем мысль о том, что институты экономики и власти надо познавать в их причинно-следственной связи, поскольку в особенностях их функционирования есть определенная иерархия.

В.П.Макаренко: Но если есть иерархия, значит есть «старшие» и «младшие», «главные» и «второстепенные» науки...

Т.А.Марченко: Конечно, с одной стороны то, что говорят ученые, усваивается массами, и общество начинает так о себе думать. Но если объективно анализировать общество, в котором мы живем, то Октай Юсупович указал на белое пятно: несмотря на обилие талантливых уче-

ных, мы не имеем подобных исследований, и вынуждены приводить в качестве примеров далеко отстоящие от нас факты.

В.П.Макаренко: Ссылка на высказывание Андропова о том, что «мы не знаем общества, в котором мы живем», относится к конкретному периоду, когда социалистическая система стала трещать по швам. Ясное дело, у КГБ была такая информация. Поэтому фраза сказана под давлением обстоятельств, не являющихся универсальными. А оформить это могли многие, быть может, тот же Ф.Бурлацкий, или А.Бовин, или В.Печенев или упоминаемый уже Вольский. Всегда была шайка холуев-спичрайтеров, действующих по принципу: «Чего изволите?» В любом случае это сказано под давлением груды проблем, которые были созданы самой советской властью. И они вылезли в виде прыща. На какой части тела? – особый вопрос. Для меня эта проблема связана с историей страны. Давайте поразмыслим: фразу о неизвестном обществе произносит человек, обладавший всей социальной информацией. Кого он дурачил – себя, структуру, которой командовал, население страны или мировое общественное мнение, так сказать? Фразу о неизвестном обществе приводят, а не обращают внимания на более важный факт: была водка «Андроповка», по четыре рубля семьдесят копеек, до того была «Рыковка», а до того была «Царская» водка, сегодня появилась водка «Путинка», есть и «Медведев». Вот эта традиция является универсальной для нашей истории и цивилизации. Ее и надо описывать, начиная от царева кабака и заканчивая нынешними политическими фигурантами. И помнить парадокс: Сталин насаждал всеобщее пьянство, но известен усами и кителем «сталинка», а не водкой!

Ю.С.Пивоваров: «Жириновский» есть водка!

В.П.Макаренко: Да, я знаю, «Горбачёв», «Александр Невский», «Святогор». Вот традиция! Почему я о водке говорю? Не только потому, что в прошлом я довольно лихо закладывал за воротник. Экономисты не дадут соврать: сколько сегодня составляет доля от продажи водки поступлений в бюджет? На этом конкретном факте смыкаются исторические (типа «История кабаков на Руси» Прыжова), экономические и политические исследования. Не говоря уже о социально-психологических зеленых чертах и других предметах, возникающих на похмелье!

Ю.С.Пивоваров: А вы знаете, сколько в царской России казённая монополия на водку, которая Витте была введена, давала российскому бюджету? Двадцать четыре процента! Именно на эти деньги существовали армия и флот. «Водочные» деньги были направлены на армию и флот.

А.В.Венков: Уважаемые коллеги, я хотел бы напомнить: идут процессы глобализации и локализации. Ведь это всеобщий закон, ещё в Экклесиасте сказано: «Все реки текут в море, но море не переполняется». Есть и обратный процесс – у нас сейчас идёт нивелировка национальная в городах, и в то же время, идёт процесс субэтнизации – последняя перепись населения показала появление новых субэтносов! Что касается этих глобальных споров, позвольте жизненный анекдот: в 1996 году, когда у нас все были в состоянии душевного потрясения, ко мне, тогда зам. декана по науке, приходили многие любители поговорить, «борцы», полусумасшедшие. И вот из Москвы приехал Николай Васильевич Глаголец, который пришел к нам, на исторический факультет, и сказал: вот я работал в космическом центре, занимался подготовкой различных микроорганизмов, чтобы их с космонавтами засылать в космос на долгие годы; то есть, я работал в космическом центре, а занимался микроорганизмами; и я пришел к выводу, что весь космос, как и микроорганизмы, построены по одной схеме, по одной структуре, развиваются одинаково. Что глобально, что микро. И тут у меня проскочила мысль – перенести эту закономерность на общество. Как? Всё логично. Общество развивается по тем же законам, что и космос, и микроорганизмы. Я говорю: ну, а что вы сюда-то приехали? А он отвечает: а я просчитал, вот у нас Россия развалилась, должна собираться, и первым должно возродиться Донское казачество. Я говорю: я не верю, я сам казак и вижу, что там творится. Но прошло лет пять-десять, и я увидел, что он был прав. Сообщество, внизу, в станице, возродилось очень рано. Вывеска такая: ходите в лампадах, в чем хотите, нас только не трогайте, мы здесь возродились и живем! Он был не сумасшедший, но с потрясенным сознанием человек. Определенная логика в рассуждениях была: существуют некие глобальные законы, но стоит глянуть в окно, мир многообразен и там такие процессы идут, а что касается конкретики... Ну, хорошо, давайте посмотрим! Само слово «политика» строится на основе полиса, города, изначально занялись этим греки, изучая правила жизни в городе, а через Средиземное море был Египет, где центром был не город, а деревня. Там развивалась абсолютно другая жизнь, абсолютно другая экономика, которая дала основу азиатскому способу производства. Азиатским способом производства до XIX века включительно занимались процентов восемьдесят территорий и населения Земли. Там законы, на мой взгляд, очень сильно отличаются от классических европейских, греческих, римских и т.д. И у нас страна, хотя она не Восток и не Запад, сильно копирует древний Египет,

древний Китай, но в иных климатических вариантах. Поэтому что субъективное воздействие власти на экономику здесь имеет гораздо больший вес, чем в той же древней Греции, они компактно жили, там все было обусловлено друг другом, в лицо все друг друга знали, им и экономикой легче было заниматься, чем в древнем Египте или древнем Китае. У нас, на мой взгляд, экономика и история, хотя и самостоятельны, но всё же ближе к Востоку, нежели к Западу.

А.Н.Ерыгин: Возникший здесь спор по поводу экономоцентричного подхода и иных подходов, конечно, имеет реальные основания для существования, как имеют основания претензии тех и других на свои позиции. С одной стороны, Октай Юсуфович прав: с экономической точки зрения можно построить всё так, как он нам предлагает. В обществах, которые с экономической точки зрения будут объяснены так и этак. Только возникает вопрос, с вашей же точки зрения: надо же вести самоограничение? Даже в вашей области экономической, самоограничение политической экономии, экономической теории должно вестись! Сегодня среди экономистов в Москве довольно долго муштровались идеи о том, что философия экономики и философия права – вещи разные потому, что экономика и хозяйство тоже разные. Когда вы говорите об экономике, вы говорите не всю правду. И поэтому ваш моноцентрический подход так сильно задел представителей системы русская власть. А говорите вы не всю правду потому, что берете только экономическую формацию общества. То, что Маркс четко обозначил, имея в виду общество XIX века, как историзм. Всё остальное – это капиталистические так называемые формации, о которых речь шла иначе. То были способы производства, построенные не на экономической основе, общества с внеэкономическим принуждением, типа Египетского, о котором только сейчас говорили. Речь идет об обществах совершенно иного типа. В них соотношение между властными, экономическими, хозяйственными, семейными, национальными и иными моментами были совершенно иным, чем в рамках экономической формации общества. А экономическая формация общества – явление уникальное, характерное только для Европы. Сейчас хорошо было сказано: политика от слова полис, а экономика от чего? От слова ойкономос. Это хозяйство Одиссея, маленький дом, мой дом – моя крепость, который и есть фундамент всякого общества. Если европейская традиция экономики – ойкономии идёт отсюда, то и полис отсюда произрастает, у него есть фундамент, но ойкономос, а не экономика рыночного типа, товарно – денежного общества в его развитой форме. Зна-

чит, мораль простая: даже в европейской линии развития мы не можем экономику положить в основу понимания механизмов хозяйствования. Россия в то время, о котором мы говорим, имеет книжку под названием «Домострой», кто ее читал, тот знает: первая часть – политологическая, отношение человека как гражданина к царю, власти и т.д.; вторая часть – этика семейной жизни, что делать, как молиться, когда вставать, и прочее; третья часть – это типичная ойкономика, как вести хозяйство, как и когда пахать и сеять и т.д. Иными словами определенный экономический, но не сугубо экономический в современном, капиталистическом смысле слова, такой хозяйственный подход, он всегда был и есть. И когда говорят о русской власти, то с ней гармонично сочетается определенная система русских хозяйственных отношений. Вы, Андрей Вадимович, вчера говорили: надо больше формационному подходу доверять, чтобы производства брать за основу, смотреть, и привели пример России в эпоху сталинизма, квалифицируя ее как египетскую, рабовладельческую систему. Сегодня вы употребили термин «азиатский» способ производства, и теперь можно как – то свести концы с концами. Давайте вспомним, что понятие «азиатский» способ производства ввел Маркс. И как бы сегодня не говорили другие, кто пользуется этим понятием, пытаюсь свои права путем своего какого – то особого толкования этого понятия отвоювать, по сравнению с Марксом у них явно позиции вторичные. А что понимал под «азиатским» способом производства Маркс? Очень простую систему хозяйствования, вышедшую за рамки первичных обществ, и вместе с тем не доросшую до экономической формации. Общество с внеэкономическим принуждением. А в чем особенность этого общества с внеэкономическим принуждением на Востоке, в отличие от полисной Греции или от феодализма в Европе? В том, что система земельных общин, с общей собственностью на землю, при наличии частного труда (в этом дуализм, противоречие этой общины), составляла замкнутую систему, на которой восточная деспотия и устроилась довольно приличным, самым разным способом. Эта система земельных общин – фундамент такого общества. Так у Маркса. Как Маркс и Энгельс использовали это понятие для анализа русской ситуации? Ленин прямо называет «азиатский» способ производства основой русской экономики в эпоху Московского царства. Но что касается Плеханова (я писал об этом специальную работу) – у него детальный анализ идет: вплоть до XX века «азиатский» способ производства сохранился в России, почему они свою аграрную программу предлагали иную, чем большевики, то

есть не ставили вопрос о национализации земли, она и так была национализирована. Теперь возникает вопрос, когда исчез «азиатский» способ производства в России? Вот принципиальный вопрос, ответив на который, мы поймем разницу между старой Россией и русской властью, и новой Россией, которая на наших глазах создается. Как только колхозы вошли в нашу жизнь, как только рухнула система сельских общин, над русской системой нависла пропасть, она исчезает на наших глазах! Система сталинская это новообразование, это не общество деспотическое, это не общество, возникшее на базе «азиатского» способ производства, это парадокс, который в истории возник, и не имеет объяснения до сих пор! Это общество, не имеющее цивилизационной выраженности, которое породило цивилизационную пустоту. Это общество, которое антропологически подготовило крах человечества. Оно продемонстрировало всему миру, что отказывается от цивилизационных оснований, даже азиатских. А вот общество даже в первые десять лет советской власти благополучно существовало. Все эти партийные дискуссии, вся эта битва националистов и интернационалистов в большевизме могла происходить почему? Потому, что жила Россия, изживая старое наследство от «азиатского» способа производства. Я ничего обидного для России в «азиатском» способе производства не вижу, но вижу, что когда Столыпин попытался его на свой манер преобразовать, крестьяне ответили чётко, – 10% ушли в столыпинскую реформу, 90% остались на прежних позициях. Советская власть в 1922 году проделала вторую столыпинскую реформу, – сельским обществам было разрешено выпустить крестьян на свободу, известный факт, сколько ушло на свободу? Наука знает ответ на этот вопрос, по крайней мере, историческая, не знаю, как экономисты, – 10%, те же столыпинские 10%! Что это? Это стандарт русского существования! Это норма! Всегда есть небольшой процент людей творческих, способных, готовых капиталистически, товарно – денежно развиваться. Но есть масса, которая желает жить общиной. И этот общинный строй имеет (помимо недостатков по логике капитализма) свои преимущества, сохранение и забота о своих членах; этот строй был незыблемым до коллективизации в 1929 году, «великий перелом» всё разрушил. А создание безликих колхозов разрушило «азиатский» строй, разрушило русскую власть, разрушило русскую систему.

В.П.Макаренко: Мне очень приятно, что пошел контакт живой, помимо всякой официальнойщины. То, что кажется сегодня просто скоротечной дискуссией, на деле может породить (по своему опыту знаю), до-

вольно интересные следствия – в творческом, организационном и тому подобных отношениях. Юрий Сергеевич, может Вы хотите отреагировать не только хлопками, но и словесно? Пожалуйста!

Ю.С.Пивоваров: Я не пользуюсь термином «азиатский» способ производства, поскольку, как Вы, Александр Николаевич, уже сказали, он занят, но в целом, всё то, о чем Вы говорили, – это совершенно блестящий анализ русской истории. Правда, не 10% вышли в столыпинскую реформу, а 24%, по разным губерниям по-разному. Причем, интересно, что гражданская война прошла наиболее жёстким образом там, где из общины вышла большая часть людей. Там, где община сохранилась, – войны было меньше, русская система не развалилась, если пользоваться этой концепцией, она приобрела другой характер. А вот то, что Вы сказали: 1929 год – год «великого перелома», – очень важно. Я считаю, что сталинская коллективизация в сто раз важнее, чем Великая Октябрьская социалистическая Революция. Более того, тогда ещё был шанс, до 1929 года, причем это связано действительно с общинными делами. Есть совершенно потрясающая вещь, вот сама передельная община, это то, что нужно изучать, изучать, и изучать хотя бы потому, что 90% российского населения жило в этих условиях. И вы знаете, что явилось одним из спусковых крючков революции, что стало одной из причин страшного XX столетия для России? В 1893 году, под влиянием «национально» мыслящих людей, император Александр III издает распоряжение: переделы в общине должны принять двенадцатилетний цикл. То есть, если раньше переделы шли довольно часто, и это нарушало культуру хозяйствования, то теперь решили раз в 12 лет. А в это время, как известно, в России раздался демографический взрыв, связанный с ним аграрный кризис – всю землю распахали, и ее больше не было, возникла «безземелица». И переделы после 1893 года пошли раз в 12 лет. Первый передел – 1905 год, и это связано абсолютно точно с революцией, поражением в русско-японской войне и финансовым кризисом. Почему (по анализу русской полиции) русская армия не хотела воевать уже к концу 1916 года? Потому, что в 1917 году должен был идти передел. Есть масса источников по губерниям о том, что происходило в 1916 году в общинах. Армия перестала воевать в 1917 году не из-за немецких действий, – мужики пошли делить землю. Потому что они боялись: пока Фёдор сидит в окопе, его сосед Василий землю приберет к рукам. Конечно, то, что произошло в 1929 году, это, безусловно, смерть той России, которая какие – то шансы имела даже после прихода к власти большевиков. Вооб-

ще община, – судя по всему, эсеры были правы, – община эволюционировала. Она могла стать каким – то особым способом ведения русского хозяйства, это был живой организм, в котором, например, по мнению крупнейшего специалиста по общинному праву Александра Изгоева (у него есть серия уникальных работ) в рамках общины шло становление института частной собственности, но который не разрывал общину; это совершенно иной подход, удар был нанесен именно по русской социальности. Община – это не синоним застоя, это тот плавильный котел, в котором складывалась какая-то новая Россия XX столетия и, кстати говоря, это неплохо описано в романе Василия Белова «Кануны» о Вологодской губернии. Насколько хорошо он почувствовал, как на подъеме была деревня в 1927 году! Например, именно в 1920-е годы, а не во время «подъема» столыпинского, российская деревня достигла максимума производительности. И ещё что очень важно, – общинность коррелировалась с тем, что в обществе пошли процессы кооперативные. Первые большевики не разрушили кооперативного движения, его потом Сталин разрушил. Мне кажется, что это есть ответ на то, что нужно все эти властно – политические дела связывать с экономическим развитием. Мне кажется, это невозможно опровергнуть потому, что это действительно так. Разве тип экономики по принципу «расходы – доходы» является единственным? В русском обществе темы экономики вообще не возникало, пока это было общество религиозное. Или, как Струве назвал, «литургическое». Главной темой было спасение души, а не минимизация расходов и максимизация прибыли. К этому можно относиться со смехом, но это реальный факт. Современное индийское общество, несмотря на все успехи в электронике и т.д., это индуистское общество, где нет вообще темы экономической в том смысле, в котором мы говорим. И насчёт жёсткой классификации наук, где экономика поставлена во главе – где это? Самый важный для западных социальных наук человек – это Макс Вебер. Мне это не нравится, но это моё дело. У Макса Вебера экономику определяют ценности. И на этом зиждется мейнстрим западной науки и описание той экономики, о которой говорили вы. Я, к сожалению, разделяю эту точку зрения. И я, как обыватель, хотел бы воспользоваться плодами этой экономики. И ваш подход, с моей точки зрения предполагает дальнейшее изучение и позволит создать многолетнюю историю хотя – бы нашей страны.

В.В.Вольчик: Дело в том, что многие экономисты очень уверены в своей правоте. Существует такой экономический империализм, апологе-

тов такой линии мысли много и в западном мейнстриме и в нашем. Более того, все экономисты- неоклассики уверены, что экономика является наукой, всё остальное наукой не является, а политология должна заимствовать методы экономистов. И они уверены, что экономика – это мета-социальная наука, а всё остальное наука, если она заимствует методы из экономики. Я так не считаю, и Октай Юсуфович так не считает, но это существует объективно. С этим надо как-то разбираться.

В.П.Макаренко: Ещё раз хочу поблагодарить Октай Юсуфовича за то, что он сыграл роль запального шнура дискуссии. Значит, есть конкретные темы, помогающие интегрироваться и возрождать целостность общественности. Как сказал бы какой-нибудь политический вождь или религиозный кормчий: мы на верном пути!

Отреагирую на выступление Юрия Сергеевича. Я в советское время написал книжку о Вебере, с 1977 по 1979 год занимался этим, в ИНИО-Не фотографировал материалы. Но тогдашний ЛИТО (цензура) её не пропустил. Книжка пролежала в столе до 1988 г. Я о ней говорю потому, что Вы сказали: согласно Макс Веберу, ценности определяют интересы. Это не совсем так. Конституирующими для социального бытия являются материальные интересы, социальная структура и идеи. Все это в совокупности образует стиль жизни больших социальных групп. Но я сейчас в эту дискуссию вникать не хочу. Действительно, Макс Вебер – значимая фигура для всего корпуса социогуманитарной и экономической мысли, Европы. Но в последнее время появился ряд новых теорий капитализма. Мы в течение года обсуждали концепцию Дугласа Норта. Видимо, есть смысл сделать эту тему предметом отдельного обсуждения. В советское время Веберу было посвящено всего несколько строк в «Философской энциклопедии». Сейчас он в России стал модным. Сегодня его концепция используется для апологетики существующего в России режима. Это – сложная тема. Хотя популярность Макса Вебера в России может считаться признаком ее интеллектуального провинциализма. Видимо, одну из конференций мы посвятим этой теме. Надо учитывать и те теории капитализма, которые появились в последние десятилетия.

Всем известно, что по Веберу этика определяет материальные интересы и стиль жизни. Но в новых теориях капитализма показано, что это работает только по отношению к отце-центричным экономистам, а к матере-центричным экономистам не относится. Тем самым католические страны отстают от протестантских. Существуют и опровержения такого подхода. Так что все значительно сложнее. Ещё раз спасибо Октаю Юсу-

фовичу за то, что поджег шнур и выявил темы, которые смогли бы нас сгруппировать.

Второй пункт: я должен извиниться перед профессором Ириной Игоревной Глебовой за то, что не могу предоставить Вам слово. Мы приглашены к ректору и обязаны сейчас закончить наше заседание. Разрешите на этом закончить нашу творческую мастерскую, хотя повестку дня мы не исчерпали. Следите за нашим сайтом и журналом, всё, что здесь было, будет опубликовано. Может быть, есть у кого-то заключительные соображения? Кто-то хочет высказаться? Николай Ефимович, учёный секретарь ЮФО.

Н.Е.Ерохин: Спасибо, Виктор Павлович! Конференция заканчивается, а спасибо Вам ещё никто не сказал! Я вторые сутки пребываю в состоянии пиршества ума, и это очень здорово. Вы вчера сравнили себя, Юрия Сергеевича и Ирину Игоревну с трио бандуристов. Это не совсем правильно, бандуристы пели слепыми, и пели о том, что они видели, т.е. вспоминали. А вы скорее трио баянистов – у вас такой слаженный хор, и я рад за это.

Второе. Я когда припоздал утром и пришёл сюда, тут как раз коммунальный аспект поднимался. Я хочу сказать Вам, Юрий Сергеевич, что стоит заняться этой темой вместе с Виктором Павловичем. Говорили о характеристике нашего общества, а самая страшная из них – это мы и наша коммунальная жизнь. Когда человек не мог быть самим собой. Мы с профессором Лубским жили в одном общежитии. Утром в один туалет 27 человек – будьте любезны! А вечером наше белье висит на общей бельевой верёвке. Человек не имеет возможности быть самим собой, с самим собой, наедине с любимой женщиной и т.д. Это настолько исказило национальный тип, о котором Вы так ратуете, когда говорите об общинах, о ценностях, о русском характере. И хотя ваша система очень изящная – русская система, но я бы хотел, Виктор Павлович, родной, чтобы Вы отошли от известной формулы – «Философы лишь различным образом объясняли мир...» Я хотел бы, чтобы хоть иногда появлялась мысль о том, как изменить его. Дайте намёк, рычаг, как это делает Октай, чтобы изменить сложившееся положение вещей! Спасибо Вам!

В.П.Макаренко: Я бы хотел отреагировать. Может быть, в следующий раз мы пригласим специалистов по проблеме взаимосвязи советского коммунального быта со сталинским режимом и его последующими модификациями. Юрий Сергеевич ввёл понятие гражданско-коммунальной войны. Мы эти вещи непременно соединим. Спасибо за под-

сказку ещё одной идеи. Дорогие коллеги, разрешите поблагодарить всех участников за интенсивную работу. Особая благодарность действующему академику Ю.С.Пивоварову. Вообще – то остались считанные люди – действующие академики и профессора. Это те, кто, получив маршальские погоны, не утратил творческого запала! Согласно классификации И.Бестужева-Лады, академики – это научные маршалы. Я, к примеру, только генерал-полковник. Мы отлично знаем, что люди, пока доползут до этих степеней, в большинстве случаев прекращают творчески работать. М.К.Петров называл их «пенсионерами от науки». Нам очень приятно убедиться в творческой молодости академика Ю.С.Пивоварова. За это предлагаю почтить его аплодисментами!

Аплодисменты

Ю.С.Пивоваров: Это неправда, я за последний год ни одной строчки не написал.

В.П.Макаренко: Юрий Сергеевич, это не ваша вина. Ведь институтом тоже надо руководить! Нам очень приятно, что Вы приехали в Ростов-на-Дону. Это Вам скажут все присутствующие здесь. Большое спасибо, до новых встреч!

СОВРЕМЕННОСТЬ: ДИЛЕММЫ И ПАРАДОКСЫ
(СТЕНОГРАММА «КРУГЛОГО СТОЛА» 17 ИЮЛЯ 2009Г.)

В.П.Макаренко: Дорогие коллеги, разрешите приступить к очередному мероприятию. Здесь собрались преподаватели и исследователи вузов Ростова-на-Дону, Москвы, Нью-Йорка, Волгограда и Астрахани. Присутствуют несколько научных специальностей: историки, философы, политологи, психологи, экономисты, юристы. Прежде всего представлю нашего гостя Бориса Гурьевича Капустина – известного политического философа. Сейчас состоится первый тур второй летней школы «Политическая концептология: теоретико-методологические основания и институционально-символические аспекты социальных наук». Мы проводим круглый стол на тему «Современность: дилеммы и парадоксы». Он будет состоять из трех блоков. Первая часть – презентационная, вторая – доклады, третья – дискуссия.

Как я уже говорил неоднократно, чтение порождает разнообразные следствия. В том числе нашу сегодняшнюю акцию. Как автора я знаю Бориса Гурьевича Капустина с начала 1980-х годов. Примерно в одно время мы с ним опубликовали статьи о Максе Вебере в журнале «Философские науки». В советское время специалистов по Веберу можно было пересчитать по пальцам. До 1991 года число людей, знающих работы модного сейчас в России Макса Вебера, было незначительным. Поэтому Б.Г. Капустин меня заинтересовал. В 1988 г. мы с ним непосредственно познакомились. В нашем способе работы есть определенное созвучие, хотя мы движемся самостоятельно. Одним из фрагментов этого созвучия будет и сегодняшний круглый стол.

На протяжении последних 20-ти лет Б.Г. Капустин проделал чрезвычайно большую работу для того, чтобы современная политическая философия стала достоянием российского научного сообщества, включая донское. Впрочем, Борис Гурьевич об этом расскажет сам, чуть спустя. Сейчас даю слово для приветствия первому проректору ЮФУ, доктору исторических наук, профессору Игорю Мироновичу Узнародову.

И.М.Узнародов: Я – историк, но проблемы современности меня интересовали всегда. Однако какие мысли приходят в голову, когда на улице жара 37 градусов? Надо бы где-нибудь в холодке, с кружкой пива, на берегу моря, в крайнем случае, реки, попытаться перенести эту жару. Но когда приходишь в зал и видишь полный аншлаг, причем абсолютно

добровольный, столько людей, знающих и желающих принять участие в дискуссии в такую жару, – не только удивляешься, но и думаешь: как все здорово! Я отдаю должное, во-первых, нашему гостю, которого от души приветствую в Ростове. А также всем присутствующим, которые, несмотря на жару и отпускное время, нашли возможность принять участие в нашем мероприятии. Поэтому я от лица ректората ЮФУ вас приветствую. Думаю, сегодняшний разговор будет интересным, полезным для каждого, независимо от представляемой им отрасли гуманитарного знания.

Хочу также обратить внимание на то, что предлагаемая сегодня тема «Современность: дилеммы и парадоксы» – близка присутствующим не только в плане профессиональном, но и в плане гражданском. Все мы современники. Через себя пропускаем современность, только каждый делает это по-разному. Поэтому, я думаю, получится интересный разговор. Но перед тем как предоставить слово Борису Гурьевичу, я хочу выразить благодарность Виктору Павловичу Макаренко. Виктор Павлович обладает беспокойным характером, по настоящему творческим, всё время придумывает интересные вещи, благодаря чему мы общаемся с удивительными людьми, знающими и оригинально мыслящими. Очень приятно, что у нас есть такие люди в ЮФУ. Поэтому, Виктор Павлович, Вам особое спасибо за то, что Вы все время проявляете настойчивость, изобретательность, что не хотите в спокойствии где-то в сторонке находиться, а наоборот, всегда на переднем крае. За это Вам большое спасибо.

В.П.Макаренко: Слово Б.Г. Капустину для презентации его исследований.

Б.Г.Капустин: Уважаемые коллеги, прежде всего, доброе утро! Я испытываю угрызения совести от того, что лишаю вас возможности полежать на замечательных берегах Дона. Я вам искренне признателен, честно говоря, даже удивлен, что такая аудитория собралась. Это впечатляет, просто здорово. Я благодарен Виктору Павловичу за организацию этого мероприятия. Он вносит очень заметную лепту в интеллектуальную жизнь федерального университета в Ростове и в общероссийском масштабе. Теперь хочу сказать, что я презентации, честно говоря, делать не умею. У меня никогда это толком не получалось. Вместо того, чтобы говорить о книгах, мне бы хотелось сказать об ином. О том, что может быть преамбулой или прологом нашего дальнейшего разговора о современности.

Речь идет о тех проблемах, которые совпали как раз с тем периодом, в который мы с Виктором Павловичем познакомились. То был пери-

од моей колоссальной интеллектуальной растерянности. Он и обусловил некую траекторию моего движения, по крайней мере, с конца 1980-х годов по настоящее время. Эта траектория была обусловлена следующим: в условиях перестройки, когда у многих из нас что-то ломалось, какие-то новые идеи возникали и был великий сумбур, – у меня впервые в голове появились мысли, что контрschema детерминистской истории не объясняет многое. Конечно, меня сбивала и волновала больше всего schema детерминистской истории. Schema эта опирается на то, что Мишель Фуко и Пьер Бурдьё потом назвали трансисторическими законами в истории: изменения ведомы некими законами, которые сами имеют иммунитет по отношению к истории. Это что-то типа гегелевского провиденциального плана истории и его бесчисленные варианты – в последующих философско-исторических концепциях или позитивистской социологии, какие бы конкретные формы эти законы не принимали. На мой взгляд, эта детерминистская schema истории не объясняла ни краха социализма в нашей стране, ни того, что дала перестройка, ни чем она кончилась, ни того, что последовало за 1991 годом.

Я так говорю потому, что теоретические подходы вытекают из моей биографии. Всё начинается с чего-то личного, с какой-то боли. У Ницше был гениальный афоризм: не является философией то, что не сочится кровью. Только сочащиеся кровью понятия в самом деле что-то дают и открывают горизонты. Я очень остро почувствовал как раз в тот период, что у меня что-то начало сочиться кровью, а выразить это не мог. Тогда начались искания. Они меня привели к концепции современности, о которой мы будем говорить. Естественно, это не мое изобретение, десятки людей до меня об этом писали. Эта тема на Западе уже к тому времени была достаточно вспахана. Легендарная книжка Юргена Хабермаса «Философский дискурс современности» к тому времени уже была опубликована. На русском языке она появилась позже. Это я к тому, что никаким первопроходцем я не являюсь. Речь идет просто о моей попытке найти какой-то новый концептуальный аппарат, новые подходы к тому, что меня погружало в состояние растерянности. Это предполагало выход не столько за рамки марксизма, с которым я лично не готов расставаться и сейчас. Это предполагало гарантию от того, что Маркузе назвал советским марксизмом. А также выход за рамки тех либеральных схем, которые предлагали детерминистские схемы объяснения истории. Вот с этого сумбура все началось.

В начале 1990-х гг. я выпустил цикл работ по либерализму. Я изучал массив либеральной философской мысли для объяснения того, что происходило у нас. Это немножко странно получается. О России я писал мало. Правда, в 2000 г. в издательстве «Логос» вышел сборник моих статей «Идеология и политика посткоммунистической России». Но и там я о России почти не писал. Уже давно я преподаю в США, но русских курсов не читаю. Поэтому мой цикл работ о западном либерализме – следствие той боли, о которой я говорил. Я пытался найти инструменты и формы для решения вопросов, которые для меня были в высшей мере актуальны. Это не получилось, хотя было потрачено несколько лет. Я не жалею о них. Наверное, они в чем-то меня просветили. Быть может, внесли скромный вклад в формирование нашего либерального дискурса 1990-х гг.

Кстати, моя прилежная аспирантка обычно лазит по Интернету, собирая там самые odioзные вещи обо мне. Она недавно нашла сайт, где я был аттестован как «классик отечественного либерализма». Что для меня было полным шоком. Зато на другом сайте я был обозначен как «злобствующий ницшеанец». Видимо, эти две характеристики наиболее ярко характеризуют то, каким образом я вхожу в отечественный дискурс.

Конечно, к либерализму у меня критическое отношение. Это был период, когда я пытался для себя что-то уяснить. Но в смысле нахождения инструментов и способов решения проблем, с которыми я столкнулся, он дал мало, хотя общее просвещение произошло. Книжка о современности возникла на основе моего неприятия парадигм и подходов западного либерализма, не говоря уже о наших российских вульгарностях.

Вторым этапом для меня была книжка «Моральный выбор в политике». В ней я развил одну из ключевых линий книги о современности. Мне важно было не просто понять, каким образом возможен синтез и взаимодействие нормативного и дескриптивного знания. Эта проблема пронизывает западные социальные науки, в меру их способности к саморефлексии. Намного важнее для меня было понять: каким образом и в какой мере наши нормативные установки, которые еще не совсем стерты цивилизацией, выражаются и высказываются в наших практических действиях? Речь идет о политической практике и нормативистике. Каким образом они переплетаются не на уровне оценивания, как предполагается кантовской моральной философией? Помните, у Дж. Ролза есть гениальная фраза, в которой он освещает теорию справедливости: «С точки зрения вечности, с точки зрения этой самой фундаментальной морали мы оцениваем наши поступки как феноменальное существование

в эмпирическом мире». Вот этого мне казалось мало. Такая мораль меня никогда не устраивала. Меня гораздо больше интересовала мораль не в строгом кантовском смысле, а та мораль, которая позволяла и даже побуждала людей лезть на Бастилию. Хотя потери там были маленькие, в военном отношении то было событие крайне скромное. Или почему мораль позволяла нашим людям стоять три дня вокруг Белого дома? Я сам там стоял два дня. Ведь никто не знал, будет ли Кантемировская дивизия наступать или нет. То, что это был по большому счету факт, стало понятно задним числом. Но те, кто стояли, они ведь не знали, что это факт. Что заставляло их там стоять? Такое включение морали в политику меня в высшей мере интересовало – как мораль работает? Именно так я понимаю переплетение нормативного и дескриптивного знания. А не как с помощью морали можно оценивать те или иные явления. Эта работающая на практике мораль была развитием одной из ключевых тем книжки о современности. Отсюда родилась вторая книга, которая для меня была вехой.

То, что сейчас я делаю, тоже вытекает из книги о современности. Я начал большой проект, который, возможно, к концу данного года отольется в книгу о революции. Даже сегодня эта тема звучит одиозно. А в 1990-е гг. шли поверхностные разговоры о политологии, транзитологии, модернизации, демократизации, либерализации и прочей белиберде. Казалось, что революционная проблематика осталась далеко позади – в чуланах истмата, о котором мы пытаемся забыть. Я не хочу сказать, что моя задача – воскресить трактовку революции в учебниках истмата. Дело в том, что онтология современности имеет импульс революции. А революция – атрибут современности. Причем, именно в той мере, в какой этот атрибут стирается. В той мере, в какой происходит такая утилизация современности, что она приобретает характер автоматического или квазиавтоматического воспроизводства статус-кво, ключевые характеристики современности исчезают. Я настаиваю: есть революция и современность – или современности нет. Какой бы ни был научно-технический прогресс, – Интернет-технологии, Бог знает что еще, вокруг чего делает культ современная идеология. Именно к этому доминирующие идеологии пытаются редуцировать современность. Я же начал новый проект, вдохновляясь мыслью: представить революцию как атрибут современности.

Конечно, надо упомянуть еще одно обстоятельство. За интеллектуальной жизнью в России я слежу из США. Поэтому мои возможности ог-

раничены по сравнению с вами. Но я обратил внимание, что в последние три-четыре года возобновился интерес к революции. Хотя в очень экстравагантных, интеллектуально неинтересных формах. Мне кажется, возник запрос, который пока существует в узких интеллектуальных кругах. Лиха беда начало. Недавно в Санкт-Петербургском издательстве «Алетейя» вышла книжка «Концепт „революция“ в современном политическом дискурсе». Очень спорная книга. В Москве и Питере она породила большие дискуссии. Книга Артема Магуна о негативной революции сфокусирована на антикоммунистических событиях 1989-1991 годов. Вышли и некоторые другие работы. Их авторы через Алена Бадью, новейшую французскую философию пытаются поднять эту тему. Мой проект о революции – реакция на этот запрос.

Но речь идет не о воскрешении той концепции революции, которая была завязана на теорию формаций, противоречия производительных сил и производственных отношений. И всего прочего хлама советского марксизма. Напротив, воскрешающийся интерес к теории революции направлен на понимание характера истории как таковой и описание революции как события. Привлечение французских современных теоретиков произошло именно потому, что там разрабатывалась теория событий как альтернатива теории исторической детерминации и транзитологическим законам. В этом смысле теория революций оказывается интересной и тесно привязанной к проблематике современности.

В заключение скажу еще об одной линии, которая меня всегда очень интересовала. В последние годы по всему пространству бывшего коммунистического блока проводятся семинары под эгидой ReSET, за исключением стран, которые успели уже войти в Евросоюз. Эта линия заключается в том, что очень хотелось бы восстановить академическое сообщество. То ли в дисциплинарных рамках (философов, политологов, социологов), то ли в более широком смысле гуманитарного сообщества. Это хорошо, что рухнули старые советские формы организации интеллектуальной академической жизни. Но ужасно, какая фрагментация сообщества из этого последовала. В известном смысле мы все, независимо от места пребывания (включая Москву и Петербург) стали местечковыми. Замкнулись в свои микрогруппы и микропроблематику. Однако современная наука, в том числе гуманитарная, социальная, не может делаться в такой среде. Это не исключает появления отдельных блестящих мыслей. Но более или менее систематическое и планомерное движение невозможно. Эту местечковость необходимо преодолеть.

Книжка-сборник «Голоса российской политологии» и возникла как скромная попытка по мере сил реализовать эту задачу. Она вышла несколько лет назад. На деньги Национального фонда подготовки кадров мы провели большую конференцию политологов. Нам хотелось зафиксировать состояние российской политической, политико-теоретической мысли на тот период. Попытаться найти молодые таланты. В этом сборнике есть статьи известных ученых, в том числе мои статьи. Но сборник интересен прежде всего работами молодых, талантливых ребят из Перми, Екатеринбурга, Новосибирска. Такова была наша цель. Мы хотели втянуть в какое-то целое некий агрегат и попытаться сделать из него сообщество.

Вторая книжка – «Европейская политическая мысль XIX века» – только что вышла в Институте философии РАН. Ее подготовил сектор истории политической философии, в котором я работаю. Мы хотели проследить линии развития западного либерализма в той мере, в какой они вытекают из Просвещения XIX века. До того кризиса либерализма, который обнаружился во второй половине XIX века. Почему период действительно максимального интеллектуального взлета либерализма кончился банальностью в конце XIX века? Это задает некий фон, на котором мы можем обсуждать проблемы XX века и начавшегося XXI века. Можно ли выйти из той банальности, в которую превратилась основная часть либерализма? Для этого нужно было понять, почему такое превращение произошло. Вот, наверное, и всё.

В.П. Макаренко: Вопросы Борису Гурьевичу мы зададим чуть позже. Тем более что он – организатор первого в России факультета политических наук в Московской школе социальных и экономических наук. Имеет богатый организационный опыт. Мы этим опытом воспользуемся. Сейчас разрешите предоставить слово доценту Астраханского университета Н.О. Морозовой. Она расскажет о летней школе в Монголии. Она недавно оттуда вернулась, является постоянным участником других школ.

Н.О. Морозова: Большое спасибо за теплый прием и возможность участвовать в круглом столе. Что касается организации летних школ, то они направлены на повышение квалификации преподавателей высших учебных заведений. Их программы рассчитаны на две-три недели, между сессиями проводятся также региональная конференция и региональная встреча участников проектов. Кроме повышения квалификации работников высших учебных заведений можно выделить две основные це-

ли: помощь в преподавании дисциплин; проведение исследований. Не менее важная цель – создание научных сетей, которые формируются в рамках летних школ. Из опыта общения с молодыми преподавателями и научными сотрудниками в региональных вузах видно, что у людей есть желание работать, участвовать в грантах, выполнять исследования. Но не всегда достаточно знаний и уровня для проведения серьезных исследований, в которых мы были бы конкурентноспособны с центральными университетами. Недостаточно и связей в научной среде для того, чтобы подключить других ученых к своим проектам. Программа *The HESP Regional Seminar for Excellence in Teaching (ReSET)* помогает налаживанию, становлению данных связей, которые впоследствии помогают проводить качественные исследования – междисциплинарные, межрегиональные и межстрановые. Результатом данных школ может быть разработка авторских курсов и отдельных тем. Профессора рассказывают не только о новых тенденциях в конкретных дисциплинах, но и презентуют свои исследования. Предлагают участвовать в них всем желающим в своих регионах и странах.

Если возвращаться к цели научных сетей, то в данном случае хотелось бы отметить форму дискуссии, которую проводят в данных летних школах. В рамках дискуссий поднимаются интересные вопросы. Участвовать могут все желающие, акцентируя внимание на тех вопросах, которые их интересуют.

Если говорить о промежуточных сессиях, которые проводятся в рамках данных региональных семинаров, то здесь можно проводить конференции и также приглашать как профессорско-преподавательский состав данных летних школ, так и непосредственно участников.

Хотелось бы подвести итог и дать оценку практической значимости летних школ, их плюсов и минусов. Если говорить о преподавателях, о помощи в преподавании дисциплины, помощи в разработке авторских курсов, то не всегда эта цель выполнима. В силу того, что в ряде стран существует учебная программа, учебные планы и очень сложно свой разработанный курс включить в рамки университета. Однако эта сложность преодолима. Например, я организовывала факультативы, на которых можно отобрать желающих студентов, которые способны изучать предлагаемые дисциплины. Конечно, здесь надо отметить необходимость знания иностранного языка, поскольку литература, информация, которая распространяется в летних школах, написана на английском языке. Однако это тоже преодолимо.

Если говорить об исследованиях, то хотелось бы проводить исследования с именитыми профессорами, которых приглашают в летние школы. Здесь хотелось бы отметить ученых (А.Олейник, А.Лиденева, Э.Гидденс и др.), которые читают лекции в рамках летних школ. Конечно, хотелось бы делать исследования вместе с ними, но не всегда, и даже зачастую недостаточно уровня знаний для того, чтобы заинтересовать ученых с такими именами. Однако это тоже преодолимо, поскольку существуют дистанционные консультации с этими преподавателями и они активно идут навстречу и помогают в выполнении тех или иных проектов.

Если говорить о научных сетях, которые формируются в рамках данной летней школы, то здесь хотелось бы отметить возможность приглашения на чтение коротких курсов лекций как преподавателей, так и участников этих летних школ. Эта практика активно ведется в нашем университете. Люди, которые принимали участие в летних школах, приглашают уже на повторные курсы именно преподавателей в наш университет. Это идет также факультативом не только для преподавателей, но и для студентов. И мы еще не готовы участвовать в грантах и проводить интересные исследования, то на первом этапе мы подключаем студентов к работе. Они занимаются темами, которые сейчас заявлены, сейчас интересны и актуальными. Если судить по результатам работы нашего вуза, – то происходит расширение тем бакалаврских, дипломных и курсовых работ, именно по интересным и современным темам, которые были отобраны «Ресетом» в рамках летних школ. Таковы основные пункты, которые хотелось бы отметить.

Б.Г.Капустин: Я хочу дополнить Н.О. Морозову, поставить сказанное ею в более широкую рамку. Одна из многих моих функций состоит в том, что я – член наблюдательного совета программы ReSET. Поэтому меня удивляет отсутствие заявок от Южного федерального университета, вполне известного своими научными достижениями. Между тем данная программа существует уже больше 5 лет. Можно проводить трехлетние преподавательские и двухлетние исследовательские школы. Мне много приходится как члену наблюдательного совета ездить по летним школам и проверять, как они функционируют. Я знаю, что сейчас в России двойственное отношение к империи Сороса. Ряд университетов, которые хотят быть святее Папы Римского, воздерживаются от контактов с ней, зато другие свободно контактируют и работают. Сейчас на территории России одновременно работают 14-16 летних школ. Естественно, они находятся на разных годах этого цикла.

Хотя эта программа не свободна от недостатков, у нее есть три плюса:

1. Школы стягивают постсоветское научное сообщество в нечто цельное. Завязываются отношения между преподавателями, особенно молодыми, из разных регионов. Сети довольно прочные, поскольку обеспечены виртуально. Есть чаты или блоги, которые ведет данный семинар и руководит исследовательской работой участников в межсессионный период, в течение года. Руководят ресурсные люди, в основном преподаватели, которые приезжают с Запада, но не только. С помощью данных сетей худо-бедно решается проблема фрагментации научного сообщества.

2. Преодоление местечковости. Расширяется горизонт видения проблематики, люди подключаются к международному уровню исследований.

3. Реализуется попытка изжить одно из травматических следствий советского опыта – в СССР было почти законом и даже институционализировано разделение науки и преподавания. Требуется их интеграция. Интеграция науки и преподавания непосредственно будет выражаться в авторских курсах при отсутствии учебников.

Мне бы очень хотелось, чтобы Южный Федеральный университет представил свои заявки на летние школы. Чтобы вы стали центром коагуляции ныне рассеянного академического сообщества. Вы бы еще могли приглашать сами сюда интересных людей из СНГ и с Запада. Помимо работы в семинаре они могли бы и лекции читать.

В.П.Макаренко: Большое спасибо за информацию, Борис Гурьевич. Мы эту тему всесторонне обсудим. Разрешите перейти ко второй части. Мы ее начинаем с доклада «Современность как предмет политической теории». Слово предоставляется профессору Йельского университета США, главному научному сотруднику Института философии Российской академии наук Б.Г. Капустину.

Б.Г.Капустин. Уважаемые коллеги! С вашего разрешения и с учетом лимита времени я буду выступать в форме изложения семи тезисов. Я понимаю, что эта форма не оптимальна для фундаментальной работы. Понятно, что я могу только обозначать мысли без приведения доказательств и развертываний тезисов. Если они вас заинтересуют, оставим их на дискуссию. Это первое, что я хочу сказать.

Второе. Я сам крайне не люблю интеллектуальное пижонство, когда бросаются именами, концепциями и т.д. Но сейчас я прошу прощения, если буду вскользь упоминать какие-то имена. Надеюсь, вы меня прости-

те, что упоминаю их в стенографическом смысле – как отсылку к конкретным работам или идеям. Расшифровка названных имен будет во время дискуссии.

Третий момент. Содержательно я буду говорить о том, что, на мой взгляд, позволяет мыслить современность как самостоятельную политико-философскую категорию. Она является одной из ключевых проблем хотя бы потому, что лишь в незначительной части обществоведения (включая западное) современность не имеет статуса самостоятельного понятия. Современность обычно с чем-то отождествляется – с индустриальным, постиндустриальным, информационным обществом. Или с обществом какой-то демократии – репрезентативной либо либеральной, как более продвинутой по сравнению с репрезентативной. Но в любом случае таков стандартный ход мысли. Против него и будет направлено мое выступление.

Современность не сводима ни к одному из упомянутых институтов. Современность – это не сущность, в том смысле, в каком можно найти сущность капитализма как определенной системы. Или демократии, или индустриализма как определенного технологического типа производства. Мой центральный тезис звучит так: современность – это историческая ситуация. Современность не может быть определена как система, это не системное целое. Это довольно прочная спайка разных элементов. Логику этой спайки саму по себе интересно понять. И те следствия, которые образуются из спайки институциональных элементов. Но принципиально современность невозможно мыслить как систему. Из этой преамбулы можно сделать один вывод.

Если верно, что современность – это историческая ситуация, то с точки зрения методологии познания должен вытекать один вывод: теорию современности создать невозможно. Теории информационного, индустриального и т.п. обществ редуцируют современность к неким институциональным сущностям. Но мы не можем создать и теорию современности в смысле Ю.Хабермаса: «Современность – это незавершенный проект». Ю.Хабермас имел ввиду дисбалансы между инструментальной рационализацией мира, о которой писал Вебер, и с которой Хабермас согласен. На мой взгляд, ни нормативная рационализация (М.Вебер), ни «рационализация жизненного мира» (Ю.Хабермас) невозможна. Современность не может быть описана даже как дисбаланс между указанными двумя видами рационализации. Если современность – это ситуация, а не цельная система и объект, то мы можем предложить только narra-

тив о современности (в смысле Ханны Арендт) в виде ответов на вопросы: как возникла современность? через какие фазы она проходила? какими коллизиями пронизана? какие основные действующие лица современности на ее различных этапах. Мы обладаем только нарративным знанием, а не системно-теоретическим знанием. Теперь я перехожу к главным тезисам.

1. Мой первый тезис непосредственно вытекает из преамбулы и гласит: методологически, концептуально современность может быть описана в категориях знания, которое Аристотель называл *фронесис* – в отличие от того типа знания, которое он называл *эпистема*. Я не хочу сейчас жестко пользоваться этими строго дифференцированными категориями данных типов знания. Но кратко подчеркну, что мне важно взять из Аристотеля, чтобы идти дальше, с учетом дистинкции между *эпистемой* и *фронесисом*.

Фронесис – это не просто благоразумие, как гласят классические переводы Аристотеля. *Фронесис* – это знание включенное, когда мы не можем построить знание о предмете, отключившись от наблюдателя. Человек не просто наблюдатель, как предполагается классической парадигмой естественно-научного знания, особенно галлилеевско-ньютоновского типа. Мы как действующие лица участвуем в ситуации. Познавая ситуацию, мы познаем и себя. Познаем способ нашего включения, а также то, как мы на нее воздействуем. У ситуации и предмета, который познается в *фронесисе*, нет собственной логики, автономной от нас. Действуя определенным образом, мы формируем логику ситуации. Это и есть включенное знание.

Тогда как (по Аристотелю) *эпистема* – это некое объектное знание, при котором можно отрешиться от наблюдателя. Наблюдать и не участвовать, только созерцать. Объектное знание предполагает сущностное мышление. Категория сущности у Аристотеля возникает при описании *эпистемы*. Сущность – это нечто неизменное, характеризующее данный предмет в его явлениях. Надо обозначить сущность независимо от наблюдателей. Знание в модальности *фронесис*, знание об исторических ситуациях – это знание постметафизическое, как принято теперь называть. Это знание отвергает саму идею сущности.

Здесь начинается мой первый элемент интеллектуального пижонства. Я делаю ссылку на Ницше: постметафизический переворот начался, по крайней мере, был маркирован Ницше. Он начался с его знаменитой фразы: «Предыдущие философы занимались удвоением мира. Удвоени-

ем мира на сущности, на явления, на трансцендентное знание, эмпирическое знание». Согласно Ницше, удвоенного мира не существует. Есть только один мир – наша жизнь, наша практика, если использовать Гегелевскую терминологию. Нам нужно понять, что делать в этом мире. На мой взгляд, теория современности начинается с ницшеанского открытия одного единого мира, мира как практики нашей воли. А уж как мы практикуем и насколько преуспеваем в практике – другой вопрос.

В мире нет никаких предпосланных сущностей. Если использовать язык Г. Лукача, видимости сущностей могут возникать в той мере, в какой присутствует *реификация* наших практик. В реифицированных практиках может возникать видимость сущности, которую она детерминирует. Но как таковых объективных онтологических сущностей нет. На этом я останавливаю изложение первого тезиса: современность есть историческая ситуация.

Она познается в модальности аристотелевского фронесиса. Непосредственным методом познания является ницшеанская идея *единого*, а не философски удвоенного мира. Если современность существует как самостоятельная категория, то центральным для теории современности оказывается практический вопрос: «Как быть и что делать с современностью?». Поэтому само знание о современности будет знание практическое – о возможностях и преградах нашей деятельности. Отсюда вытекает невозможность создания онтологической философской теории современности. Эта теория будет возникать в рамках практической или политической философии. Это мой первый тезис.

2. Второй мой тезис: современность – это не просто историческая ситуация. Историческую ситуацию мы должны понять, когда она возникает, почему продолжается и модифицируется. При ответе на вопрос о начале современности я принимаю датировку Макса Вебера и Карла Маркса – примерно XVII-XVIII век. Но дополняю ее рассуждением Ницше о веселой науке: бог умер как событие. Это не атеистическая позиция, не констатация факта из онтологической организации мира типа атеистической декларации: бога нет. Бог умер в смысле разрушения *моральных и нравственных культурных структур*. Именно в этом смысле мы убили бога. Из этого много чего будет вытекать. Современность – это смерть бога. Современность – это событие, которое эмпирически и локально произошло в начале в Западной Европе. Затем эта ситуация стала глобальной и всемирной. Макс Вебер в своей концепции констеляции, начиная с протестантской этики и духа капитализма, описывает факто-

ры, которые привели к возникновению этой ситуации (открытие Нового света, рецепция римского права, религиозные войны, бухгалтерская книга двойного счета и т.д.). Из сцепления этих факторов возникла и продолжается современность.

Мой второй тезис: современность – это глубоко проблемная ситуация. Речь идет о проблемах, которые не поддаются окончательному решению. Невозможно решить проблему современности так, как можно решить математическую проблему: мы нашли правильный ответ на некую задачу, и проблема снята. Современность – не техническая проблема (типа постройки моста) и не решаемая проблема. Для меня это принципиально важный тезис. Эта проблема была заявлена именно в начале современности, в XVI-XVII веках. В XVIII-м веке Просвещение заявило некую проблему, с которой можно научиться обращаться. Я сейчас буквально повторяю ту характеристику проблем, которые давал Людвиг Витгенштейн.

Есть два вида проблем – технические и жизненные. Технические проблемы поддаются решению, когда мы нашли правильный ответ. Жизненные проблемы не поддаются решению, но с ними можно научиться обращаться в той или иной мере. Это нужно для того, чтобы проблема не взрывала социум, как термоядерная бомба. Хотя жизненные проблемы воспроизводятся постоянно. На мой взгляд, жизненная проблема современности – это проблема строительства социального и политического порядка на основе свободы. Вот квадратура круга.

Эту квадратуру круга гениально, ясно и в высшей мере проблемно сформулировал Томас Гоббс – первый великий теоретик современности. На его языке это проблема невозможности заключения общественного договора как выхода из состояния «войны всех против всех». Как возможен порядок, если мы обладаем свободой в радикальном смысле? В том смысле, который Гегель в «Феноменологии духа» назовет абсолютным правом субъективности. Мы имеем возможность во всем сомневаться. И имеем право признавать только то, что соответствует нашему разуму. Абсолютное право субъективности – это и есть одно из средств опыта, который мы имели при советском строе.

Обычно свобода ассоциируется с чем-то положительным. Она сама по себе есть некое благо. Свобода и современность – именно этим Гоббс силен. Однако свобода – это проклятие, а не благо. Ближайший синоним свободы – смерть. Отсюда и состояние «войны всех против всех». Если мы имеем право и возможность руководить нашими собственны-

ми усмотрениями, – это означает, что мы можем отвергнуть элементарные устои общественного порядка. Отсюда вытекают войны, тотальное разрушение и тотальная гибель. Свобода первоначально проявляет себя в условиях современности, когда рухнуло то, что Мангейм называл «онтологией мира» – комплекс традиций, которые нас автоматически регулируют, которые дают последние критерии и основания для суждений о том, что должно, а что не должно. Если объективная онтология мира рухнула, то мы вынуждены принимать свободу. Свобода – это бремя, которое мы вынуждены принимать, а не потому, что хотим его принять. Нам это бремя навязала ситуация краха нравственных онтологий. Ситуация европейских религиозных войн была непосредственным историческим контекстом Гоббсовского «Левиафана». Мы вынуждены полагаться на себя, потому что нам просто не на что больше полагаться. Не построится общежитие на нравственных очевидностях.

Вот это абсолютное право субъективности прорывается как трагедия и несет в себе трагедию. Дальше возникает вопрос: что сделать с этим кошмаром? Каким образом можно выстроить общежитие, в котором можно жить? Вот проблема гоббсовского «Левиафана». Однако Гоббс не смог идеологически обосновать общественный договор. Ведь общественный договор претендует на решение, но логически не выведен из «войны всех против всех». В этом проблема. Тут зерно многих важных линий политико-философской мысли – в этой невыведенности общественного договора из ситуации естественного состояния «войны всех против всех». Общая ориентация мысли была такова: решить проблему нужно за счет того, что свобода – не произвол, а нравственное самоопределение. Позитивное понимание свободы означает: мы можем так свободно самоопределиваться, чтобы наша индивидуальная свобода вписывалась и даже образовывала коллективную свободу. Такова природа руссоистской концепции всеобщей воли. Мы свободно самоопределяемся, но одновременно это есть самоопределение коллектива. Таким образом решается проблема «войны всех против всех». Мы индивидуально самоопределяемся, и за счет этого возникает всеобщая воля – высший безошибочный законодатель нашего общежития.

Наверное, в это можно было верить, но потом произошла Французская революция. Нож гильотины, якобинский террор, бардак директории, наполеоновская диктатура... Всеобщая воля не получилась. Не потому, что те, кто собирался ее создать, оказался на это неспособен. И не в том дело, что они были одержимы атеистическими интересами. Дело

в том, что даже когда они нравственно самоопределялись, они самоопределялись по-разному. Возникал нередуцируемый плюрализм. Даже нравственное самоопределение свободы – квадратура круга. Когда мы выясняем, что всеобщая воля не является решением проблемы, то как возможен порядок на основе свободы? Завершая второй тезис, я по остальным буду говорить короче.

Если такова квадратура круга, то ради человеческого общежития нужно научиться обращаться с этой проблемой. Идеальное решение Руссо – второй общественный договор и возникновение справедливой республики – не годится. Любые промежуточные и временные решения есть путь, который в конце концов привел к Мишелю Фуко. Потому что теоретически неразрешимые проблемы все равно решаются практически. Иначе общество было бы в принципе невозможно. Современное общество оказалось возможным за счет дисциплинирования свободы. Такова суть идеи дисциплинарного общества и дисциплинарных технологий Мишеля Фуко. Не получается так, чтобы наша индивидуальная воля возвысилась и влилась в коллективную, абсолютно нравственную волю. Но нас можно контролировать, ограничивать, создавать социальные каналы, по которым мы себя реализуем и выйти за которые мы не можем как раз в силу контроля, дисциплинарной организации общества. Все это Фуко гениально схватил термином «дисциплинирующие технологии», которыми оперирует современность – активно и по-разному.

Протестантские технологии понравились многим. Макс Вебер попытался из распавшихся религиозных онтологий создать этические императивы. Какое-то время это срабатывало. Вспомните кальвиновскую Женеvu – самое тоталитарное общество, которое когда-либо в мире существовало. Алексис Токвиль в «Демократии в Америке» начинает описание колоний Новой Англии с Коннектикута, где я последние годы работаю. Протестантские конгрегации были обществами жесточайшего контроля. Удавалось активизировать элементы традиций, которые срабатывали как жесткие дисциплинарные технологии. Т.е., ресурсы дисциплинирования можно находить в традициях. Они рушатся, но не исчезают до конца. Из них что-то можно извлекать. И сам капитализм оказался великопленной дисциплинарной технологией.

Макс Вебер в конце первого тома «Экономика и общество» пишет: рынок – это прежде всего социальный контроль, самый эффективный механизм социального контроля, который вообще когда-либо вырабатывала история. Причем здесь свобода? Важно понять, что современ-

ность – это не свобода. Это не то, в чем пытался нас убедить Бенедетто Кроче (последний великий гегельянец) в книжке «История как рассказ о свободе». Прогрессирующей свободы нет. Современность оказалась не рассказом о свободе, а рассказом о том, как жесткие дисциплинарные технологии используются для фабрикации мнимой свободной воли. И.Шумпетер в «Капитализме, социализме и демократии» пишет: что такое, в конце концов, современная демократия? Это способ фабриковать волю избирателя.

Итак, переплетение дисциплинарности и свободы – следствие моей формулировки о современности как проблемной ситуации.

3. Свобода в условиях современности переплетена с дисциплинарными технологиями; нравственное разрешение проблемы современности (в виде руссоистской республики справедливости, коммунистического царства целей и т.п.) невозможно. Как же вообще понять свободу и в какой мере она присутствует? Я считаю, что свобода не может быть понята как свободное самозаконотворчество. Согласно Канту, мы полностью определяем мир гетерономии, но вопреки этому миру автономны и определяем себя как полностью нравственные существа. Однако такого раздела не получается. Отсюда вытекает мой третий тезис: полное и предельное антикантианство, поскольку я снимаю разделение двух миров.

В презентационном выступлении я говорил о разочаровании в либерализме. Конечно, кантианство – не единственно возможное философское течение либерализма. Но философски оно самое влиятельное, особенно после революции Джона Ролза в политической философии. Меня кантианство не устраивает в принципе, в осмыслении проблемы современности, в концепции разделенных двух миров. Правда, в «Критике способности суждения» Кант пытался построить мост между ними посредством *sensus communis* и общезначимости единичного суждения. На мой взгляд, двух разделенных миров не существует. Ницшеанский единый мир – это и есть переплетение свободы и дисциплинарных технологий. Применительно к этому миру возникает вопрос: что такое свобода? Если свобода не есть свободное самозаконотворчество, значит вообще нет свободы? И мы должны прийти к выводу Фуко: существующий мир есть мир надзора и наказания?

Напомню, что бентамовский паноптикум есть мир сплошного визуального пересечения, мир под надзором. В этом мире ни о какой свободе не может быть речи. Но я думаю, что Фуко не прав. Нам нужно переосмыслить саму концепцию свободы – таков мой следующий тезис.

Позвольте сослаться на Мориса Мерло-Понти. Его книга «Гуманизм и террор» непосредственно относится к нашей бывшей советской жизни. В этой книге он прежде всего рефлектирует над Бухаринским процессом и его описанием в известной книге Артура Кестлера. У Мерло-Понти есть фраза, которую я считаю философской квинтэссенцией переосмысления свободы в условиях дискурса о современности. «Свобода возможна только как освобождение. Свободой нельзя обладать. Она не есть. Она практикуема. Свобода это и есть процесс преодоления того, что нас ограничивает».

В данном случае понятие свободы растворяется в процессе освобождения. Этот процесс никогда не может привести к финальному результату. Мы никогда не приходим в царство свободы в виде руссоистской республики, кантовского и марковского царства целей. Мы всегда будем преодолевать определенные препятствия, которые считаем недопустимыми сегодня. Будем создавать новые формы и иерархии, новые формы дисциплины потому, что иначе не удержим квадратуру круга проблемы современности.

4. К этому добавлю еще одно замечание. Конечно, колоссальная проблема свободы в контексте современности состоит в том, что у нас в России понимание свободы наиболее часто ассоциируют с Токвилем, с его пониманием современности как формой демократии, с нарастанием равенства. Это приходит в противоречие со свободой. Если же мы свободу определили как освобождение (тезис Мерло-Понти), то какой вывод из этого можно сделать относительно пары категорий: равенство и свобода? Можем ли мы принять токвилевскую антиномию между равенством и свободой – чем больше равенства, тем меньше свободы и наоборот? На мой взгляд, нет. Все выглядит гораздо сложнее. Я проиллюстрирую это одним маленьким примером.

Помните, Гегель в «Философии истории» описывает три основные фазы всемирного исторического процесса и обращается к античному миру с формулой свобода немногих. А германо-христианский мир это свобода всех. Я хочу кратко с этими формулами поиграть. В том смысле, в котором они связаны со свободой в контексте современности. Греческая свобода – это прекрасный цветок. Сама идея полиса строилась на идее свободы. Но в полисе свободны немногие, свобода выступает как привилегия эллина. Т.е. как политический институт современного мира. Не этим ли объясняется греческий ренессанс всей германской философии Нового времени, начиная с Винкельмана и Лессинга? Почему анти-

чный мир так важен вообще? Откуда эта захваченность нашего мышления античным миром?

Да потому что в полисе есть свобода немногих, свобода как привилегия, не универсальная свобода. Это определяет параметры равенства. Равны только те, кто свободны, – т.е. немногие привилегированные. Возникает параллель с современностью. Современность говорит прежде всего нормативно – в «Декларации прав человека и гражданина». До этого бессвязно говорит в английском «Билле о правах». Затем в американской «Декларации независимости». Свобода универсальна, это свобода всех. Она перестает быть привилегией, становится «свободой всех». В этом смысле снимается конфликт равенства и свободы. Если свобода всех – значит все равны. Пусть на нормативном уровне – как носители разума, морали, философии.

Но мы-то прекрасно знаем, что равенства не существует. Универсальный посыл свободы всегда материализуется в определенных институтах. Мы знаем, что французская Декларация прав человека провозгласила универсальность прав, а реально осуществила права французов. Отсюда идея нации-государства как организующей формы. Получается всегда, что универсалия замкнута в партикулярном. Вот здесь и появляются дисциплинарные технологии. Универсальный посыл современности «свобода всех» реализуется как замкнутость свободы. Пользуясь метафорой Вебера, свобода замкнута в очередную «железную клетку» – организации институтов, государства, капитализма, его системы реальных неравенств и пр. Дальше была «цивилизация египетского типа». Так вот, свобода как освобождение – это и есть преодоление очередных оков свободы, дисциплинарных технологий, сословного общества, границ, наций, государства, аспектов классовых неравенств и т.д.

5. В какой-то мере это дало государство благоденствия. Мы всегда перешагиваем определенные границы реального существования свободы. Но тут же создаем новые границы и новые проблемы. Так мы подходим к моему следующему тезису. Современность как ситуация означает, что она является констелляцией разных институтов. Энтони Гидденс в книжке «Современности» дает подробную классификацию: капитализм, репрезентативная демократия, индустриальные или постиндустриальные технологии, определенный тип семьи и т.д. Современность выступает как плотно спаянная констелляция разных институтов. Ее можно развивать с любой степенью детализации. Но нужно любой ценой избегать телеологии. Этим грешил не только советский марксизм – аборти-

рованная версия Маркса. Я думаю, сам Маркс не был свободен от идеологии эволюционизма XIX века и вытекающей из нее политической философии. В логике «Капитала» содержится идея эволюции капитализма. Товар полагается клеточкой, из которой вырастает всё: демократия, определенные формы технологического производства, вся надстройка. Веберовская логика констелляции ориентирует нас на то, что такой системы нет. Капитализм, действительно, неким случайным образом на определенном этапе – после введения всеобщего избирательного права в самой якобы либеральной стране мира (Великобритании) – принимается после первой мировой войны. Либерализм и капитализм прекрасно сосуществуют. Не просто без демократии, против демократии.

Кстати, великие дебаты об общем избирательном праве в Англии были начаты реформами 1832 года. Избирательные права были даны только 2-5% взрослого населения. Так и было на протяжении всей викторианской эпохи. Главными противниками всеобщего избирательного права в Англии были именно манчестерские капиталисты. «Пробили» всеобщее избирательное право очень интересные силы – альянс консерваторов и чартистов. Рабочие и консерваторы выступили против классических манчестерских буржуа. Таких парадоксов можно рассказать много.

Но понимая современность как констелляцию этих фактов, надо учитывать, каким образом они слипались. Они слипались не потому, что внутри них какая-то органика, что их тянула логика развертывания системы. Нет. Только в борьбе возникали связи. Где-то борьба складывалась так, что капитализм слипался с демократией, где-то это приводило к иным результатам, где-то капитализм слипался с индустриальными формами производства, а где-то нет. Где-то с одним типом семьи, а где-то с другим. Но, так или иначе, на Западе сложилась модель, которую теперь принято называть демократическим капитализмом. Вывод из этого очень прост: если действительно политика первична в том смысле, что она обусловила саму возможность склейки разных институтов, значит мы отошли от системной логики развертывания марксовской клеточки. Мы смотрим на историю как на цепь событий, где происходили конфликты и стяжки определенных институтов. То, что мы сделали политически, не желая того в логике непреднамеренных следствий, которые Эрнст Юнгер гениально описывал, то мы можем разрушить и переделать. Это важно для понимания процессов, которые у нас сейчас происходят.

На мой взгляд, капитализм – это не фатум ни России, ни мира. В формах рынка и политического устройства нет никакой фатальности.

Есть логика инерции слипшихся институтов. Именно в логике этой модель «демократического» капитализма набрала значительную инерцию. Поэтому Вебер мог сказать: капитализм – наша судьба. Сцепка крепкая, устойчивая. Пережила и Великую депрессию, и вторую мировую войну. Хотя многие не верили, что может пережить. И все же это не некая телеология истории, не жесткие «железные законы» истории. Все это было сделано определенной политикой. Значит, эту сцепку можно разорвать.

6. Как связана современность и модернизация? Сама этимология этих слов помогает понять связку. Модернизацию часто понимают в экзистенциалистских теориях современности, которые сводят современность к капитализму, индустриализму или чему-то еще. Модернизация – это путь движения к современности, понимаемой как некая модель. Отсюда всякие советники со стороны приезжали к нам и рекомендовали полную бредятину. О том, что модели нужно осуществлять. И это претендует на практику. Не зря Ницше сказал, что «категории сочатся кровью».

Все эти размышлизмы проецируются на живую и конкретную жизнь. Если модернизация – путь движения к современности, то существуют какие-то якобы законы. Помните, Ф.Фукуяма сказал: «Модернизация есть императив современности». Если это императив и железные законы, то надо воспроизводить эту траекторию. Тогда мы придем к какой-то единственно правильной модели. Я же полагаю: если современность – это ситуация, то модернизация – не путь движения к современности. Это способ бытия в современности, способ обращения с неразрешимой проблемой квадратуры круга.

7. Почему проблема стала глобальной? – ответ на это связан с моим последним тезисом. Современность – глобальное явление, хотя разные общество и культуры испытывают эту проблему по-разному. Рушатся разные традиции, следствия разрушений тоже разные. Поэтому модернизация – это неизбежное многообразие векторов движения. Это экспериментальные способы справиться с проблемой современности в разных культурно-исторических контекстах. С этой точки зрения исламская революция в Иране в 1979 году точно такое же современное явление, как революция 1968 года в Красном Париже или Интернет. Это и есть попытки разных обществ, мобилизуя свои специфические культурные, институциональные, экономические и иные ресурсы, среагировать на эту проблему. Т.е., создать и удержать какой-то порядок. На мой взгляд, отсюда наступает свобода истории – когда мы снимаем телеоло-

гию однонаправленного процесса и понимаем модернизацию как плюрализм способов существования в ситуации современности.

Мой последний тезис о глобальном характере современности. Все предыдущие тезисы были сфокусированы на темпоральном измерении современности. Мы говорили о современности как о времени в определенной ситуации. Современность как событие началась в Западной Европе, потом распространилась по миру. Распространилась не потому, что есть некие предзаданные законы истории, которые тащили латиноамериканские, африканские, славянские страны некоей исторической логикой этих железных законов по тому же направлению, по которому двинулась Западная Европа. Не было никакой исторической телеологии. Был колониализм, торговые войны, культурная экспансия и т.д. Модель, которую Запад создал, практически оказалась сильнее. Помните, в предисловии к «Капиталу» Маркс пишет: «Весь мир будет создан по образу и подобию». Я не верю в мир по образу и подобию. По моему, он никогда не будет создан ни по чьему образу и подобию. Но Запад смог поставить колоссальную проблему, на которую вынуждены были так или иначе реагировать общества, в том числе закрыться (Япония Токугавы, Китай). Так создавалась современность как глобальная проблема – через политику, насилие, кровь и торговлю. А не через эманацию нравственного разума или телеологию законов истории. Из этого я делаю один практический вывод: а кто современнее?

Я скажу так: есть глобальная идеология господствующего капитализма. Ее стержнем является представление о том, что одни общества современные, а другие несовременные и отсталые. Это – деление мира на агнцов и козлищ. Получается странная вещь: само понятие современности, которое имеет позитивную нормативную нагрузку, узурпируется господами мира. Кто современный? Штаты, Западная Европа, Япония. Остальные – несовременны. Право называться современными узурпировано теми, кто подчинил себе мир и объявил себя бенефициарием современности. Жертвы современности современными не считаются.

На мой взгляд, это современная версия аристотелевской теории естественного рабства. Только у Аристотеля был мощный теоретический фундамент. У этой идеологии особого фундамента нет. Зато мощнейшая машина массмедиа вдальблывает это на уровне рефлексов. Таков политико-идеологический, а не теоретический итог сказанному.

Мы живем в ужасно грустную эпоху, когда история, действительно, кончилась. Я Фукуяму терпеть не могу. Это – чрезвычайно пошлый и пус-

той человек, если судить по его сочинениям. Но его отекающая фраза «конец истории» имеет большой смысл. Не в том смысле, что история объективна и по законам пришла к финалу. Нет. Историю можно остановить. Ее уже неоднократно останавливали. Сам конец истории – это тоже одно из событий истории. В одной из книг С.Аверинцева есть потрясающий образ при описании времен Константина Багрянородного: «В это время в Византии будущее превратилось в вечность золоченого иконостаса». Т.е. будущее закрыто. Настоящее воспроизводит себя, мы не знаем и не видим альтернатив. Поэтому само будущее – лишь проекция настоящего и ничего больше. В этом смысле история останавливается.

Если отказаться от философской метафизики, от метафизики философии истории, возникает вопрос: что останавливает историю? Остановка истории бывает нередко. Вот сейчас мы живем в эпоху глобализованного капитализма, в его разных зонах, сегментах, где действует масса разнообразных факторов. Но за рамки этой системы мы не можем выйти. У нас тоже есть «золоченый иконостас» – американский Диснейленд или еще какая-нибудь гадость. Сама идеология современных, не современных и не вполне современных обществ есть мощное идеологическое оружие тех, кто хочет, чтобы у нас не было будущего. Чтобы место будущего занял «золоченый иконостас» или Диснейленд. С таким понятием современности нужно по настоящему идеологически бороться. Надо создавать оружие сил, которые смогут оспорить статус-кво. Спасибо!

В.П.Макаренко: Дорогой Борис, должен тебе сделать тебе комплимент: ты всех очаровал, особенно дам. Прошу задавать вопросы Б.Г. Капустину.

Л.Г.Швец: Что влияет на качество сцепки – с точки зрения прикладной политической мысли – в противоречивой современности?

Б.Г.Капустин: Цементом служит политическое насилие. Я не люблю Карла Поппера. Но он в свое время сформулировал: где есть разум, там есть насилие; остальное от лукавого. А как они между собой переплетаются – это другой вопрос. Из естественных (т.е. мнимых) законов разума и истории невозможно вывести необходимую связь капитализма с демократией, типом семьи и сексуальных отношений, типом милитаризма и т.д. Всегда надо учитывать конкретные исторические ситуации. Тогда становится ясно, что все связки возникают в борьбе. Под насилием я не имею в виду непосредственное физическое насилие. Как показал П.Бурдьё, понятие насилия гораздо глубже. Под насилием я имею в виду любые формы принуждения и недобровольную организацию любых ин-

теракций. Например, в становлении английского капитализма никакой логики эволюции не было. Была конкретная борьба, с поражениями и победами. Вначале подавили чартистов, затем расстреливали луддитов (назначали по 13 гиней за одну голову). Так вот, сцепка ранее указанных элементов в любых обществах не диктуется некими естественными законами разума, а происходит через конкретные формы насилия.

Но дальше начинается самое интересное. Ницше поставил тему забывания, а Жак Деррида, Вальтер Беньямин, Никлас Луман описали ее логику. Искусство истории – это искусство забывать, искусство не помнить. Превращать событийное (политическое) в нечто якобы естественное, данное разумом. Великое искусство забывания – это превращение эмпирических случайных событий (в сознании позднейших поколений) в реализацию божественных заветов или естественных проявлений разума. Примеров тому масса. Октябрьскую революцию 1917 года и советский вариант современности сумели представить как проявление всемирно-исторической логики перехода от капитализма к империализму. Социализм рассматривали как фактор всемирно-исторического развития. Железную логику истории приписывали событиям, которые произошли чудом. Но то же самое можно сказать о ключевых событиях истории США – Декларации о независимости и Гражданской войне. Они начались по случайным обстоятельствам. Затем итогу этих обстоятельств была приписана великая логика эманации разума: мы все рождены свободными, равными и т.д. Так работает история.

Поэтому ответ на ваш вопрос будет такой: насилие, которое потом должно быть забыто, дает мощный цемент. Когда начинается идеологическая критика, то потомки проигравших историческую битву встают против парада победителей. Происходит взрыв континуума истории – идеологическое раскрытие действительного фундамента статус-кво. Политическая борьба начинается с таких раскрытий.

А.Ю.Архипов: Какова Ваша позиция в отношении модернизации?

Б.Г.Капустин: Ваш вопрос – следствие моего скромного тезиса о пространственном измерении. Модернизация – это не вестернизация по определению. Современность – это не воспроизводство западного опыта. Модернизация – это разные реакции обществ, использующих свои культурные, экономические, военные и иные ресурсы, для ответа на вопрос о нестабильности – постоянной ненадежности социального порядка. Запад дал не модель, а поставил мир перед проблемой, которую он распространил по миру, подорвав стабильность традиционных

обществ. И потому даже попытки фундаменталистской реакции, как та же иранская революция, не содержат никакой архаики. Это их способ стабилизации общества, подорванного революцией шаха, проникновением Штатов и так далее. И этот способ революции исламского режима ничуть не менее современен, чем режим Штатов и чего угодно еще. Это их способ реакции.

И в этом плане Китай – великая, поднимающаяся страна, супердержава. Я недавно в замечательном издании под названием «Таймс» прочитал, что надо построить 12 авианосцев – и геополитика Тихого океана будет другая. США будут державой второго сорта. Китай на подъеме, поскольку в условиях кризиса дает 7% роста. Китай – очень конкурентноспособный вариант ответа на ситуацию современности. Будет ли он постоянно конкурентноспособным? Если мы мыслим логиками ситуаций, то когда-то очень конкурентноспособные ответы показывали себя в уже изменившейся ситуации как гиблые. Помните, у основателя исторической политэкономии Фридриха Листа была книжка, которую он начинает с полемики с Адамом Смитом? Он говорит (извините за неточную цитату): Адама Смита считают автором, который открыл некие универсальные законы. Но Адам Смит – это мышление лавочника. И это лавочное мышление в специфических обстоятельствах Англии XVIII века, – когда она смогла монополизировать определенные ресурсы глобальных конкурентов, – себя оправдало. Так это же смешно универсализировать, поскольку как раз Адам Смит – писатель специфического случая Англии и его воздействия на мир. Фридрих Лист впервые выдвинул эту идею, которую потом Маркс комментировал в известных статьях об «исторической школе». Главный ресурс – человеческий капитал, а вовсе не материальный капитал. Адам Смит и классическая политэкономия не имели представления о том, что невещественная, товарная, неденежная форма их выражения, а человеческое свойство есть главный фактор, в том числе экономического рывка. С точки зрения Листа это говорило об убожестве классической политэкономии, дефектности английской модели развития и альтернативных возможностях Германии. Но зато мы знаем два фактора: Фридрих Лист – настольная книга князя Бисмарка; после франко-прусской войны Германия обогнала Англию за несколько десятилетий. Не прошло и 50 лет после выхода этой книжки. Германия стала великой державой, способной воевать на всех фронтах. Англия едва держалась в союзе с Антантой. Правда, после франко-прусской войны 1870-71 гг. Бисмарка обвиняли в том, что войну не столько выиграли гер-

манские солдаты, сколько германские учителя начальных школ. Вот это была реализация идей Фридриха Листа: рывок Германии и отставание Англии. Будет как с Китаем. Впрочем, бог его знает...

В.А.Шкуратов: С моей точки зрения, Вы красиво экзистенциализируете политологию. Но не считаете ли Вы, что прогресс рационального мироустройства по-западному – это как раз разделение экзистенции и политических установлений? Что это разделение эмансипации и свободы? И что уже Гоббс дает достаточно хорошее определение свободы? Это пределы человеческих возможностей, где он не стесняет естественные права других. Еще один вопрос. Фуко считает, что это дисциплинарные практики, наложенные на нашу свободу. Но у Фуко дисциплинарные практики налагаются на тело. «Душа – тюрьма тела». Душа – это некий конструкт, созданный для дисциплинирования тела. Не считаете ли Вы, что рациональная политология отделяет пространство индивидуального самоопределения от социально-политических установлений?

Б.Г.Капустин: Не является ли рациональной политической теорией, рациональной политической практикой именно та, которая отделяет пространство индивидуального существования от публично-политического? И за счет этого разграничения получается так, что свобода индивиду осуществляется в этом пространстве в той мере, в какой она не вторгается?.. Я скажу, хотя это может привести к еще более сложной дискуссии. Вы абсолютно точно сказали – Гоббс выступил в качестве пионера. Потом был ряд формулировок, с кульминацией у Канта. Это именно так. Если бы я был готов оставаться в рамках классического либерального мышления, я должен был бы с Вами полностью согласиться. Но у меня в связи с этой линией рассуждения возникают вопросы:

1. На мой взгляд, проблема Гоббса скрывается в «Левиафане». Главная проблема заключается не в том, что должно существовать приватное и публичное пространство. Как можно эту линию провести? Что ее проводит? Как ее учинить? Линию разграничения приватного и публичного пространства из чистого разума не вывести. Ведь если каждый человек одержим теми страстями, которые Гоббс описывает, получается абсолютно рационально пересекать любые границы ради максимизации выгоды и интересов. Из такого рационализма никакое разграничение пространств не выведешь. Оно выводится из чего-то другого. Это – самый большой вопрос. Что первично – рационализм максимизирующего свою выгоду эгоизма или что-то другое? Ответ Гоббса мы знаем: каким-то образом существа, обитающие в естественном состоянии, заключи-

ли общественный договор. Т.е., основополагающим оказывается коллективная, публично-политическая воля. Общественный договор – это эманация публичной коллективной воли. Каким образом, откуда она берется? – величайшая загадка Гоббса. У него нет ответа. Последующая теория общественного договора пытается дать ответ. Руссо ломает голову: каким образом единичная воля может превратиться во всеобщую волю? Он выстраивает целую теорию. Пытается эксплицировать то, что у Гоббса остается загадкой: люди каким-то образом смогли этого достичь. Хотя в естественном состоянии они этого не могли, будучи рациональными. Разум – это приращенное явление. Я готов принять рациональность либеральной посылки о разграничении приватного и публичного пространств, если либерализм будет в состоянии мне объяснить: какая сила первична по отношению к разуму, устанавливающему эту границу? Какая сила это делает? Какая сила является нелиберальной предпосылкой самой возможности либерального устройства?

В.А.Шкуратов: В основе лежит метафизический вопрос.

Б.Г.Капустин: Совершенно верно. Его можно представить метафизически, и мы хорошо знаем, в каких философских традициях шла такая работа. Но можно сделать другой ход, который Гегель начинает с Йенских рукописей и заканчивает в философии права. Помните, как он объясняет собственность? Ведь собственность имеет массу проявлений. Собственность для Гегеля есть акт коллективной воли. Мы принадлежим коллективу и, признавая друг друга членами коллектива, через это признаем наши права на ту собственность, которая вычленяется из коллектива. Таков гегелевский ход. Примат некоей коллективной воли, которая стоит еще вне либеральной рациональности, но является необходимой предпосылкой для возможности либерального устройства. С добавлением объяснения воли или силы, которая делает возможным либеральное устройство. Я готов это всё принять, но для меня либеральный рационализм идет не от основ, а что-то упускает. И потому вызывает неудовлетворенность. Он не направлен на собственные основания.

2. Что касается Фуко. Абсолютно правильно Вы сказали – это прежде всего то, что отпечатывается на теле человека. Но отпечатывание на теле человека выражает то, что нечто у нас не отпечатывается на душе. Предыдущая философия была сферой саморефлексии, самопонимания, миром души и нравственного самоопределения. Потом все это уходит, остается уровень рефлексов. Литературный и философский шедевр Фуко – это описание бентамовского «паноптикума». Когда возникает пол-

ный автоматизм взаимонадзора самих заключенных, надзиратель не нужен. Этот взаимный контроль через систему окон (там всё просматривается под разными углами) отпечатывается на уровне рефлексов. Это и есть то, что Ролан Барт назвал «смерть автора» как своеволия. Здесь Фуко прав. Но на мой взгляд, это именно есть выражение капитального явления: политического, философского, которые Фуко фиксирует как исчезновение нормативно-рационального индивида, с которого начиналась современность, – гуманистического человека. Тут возникает вопрос: если мы хоть как-то интересуемся перспективами освобождения, что можно этому противопоставить? Это же фукоистский вопрос (не только в смысле его ранних маоистских эссе): какая стратегия малых дел может быть противопоставлена глобальной системе дисциплинарного общества в поздних работах? Это западная забота о себе, стоическое культивирование личности. Мне кажется, из этого не получилось политической теории. Хотя возможности индивидуальной оппозиции дисциплинарному обществу он прописал.

В.Козер: Что здесь марксизм и либерализм? Что лучше – свобода или несвобода?

Б.Г.Капустин: По поводу либерализма и марксизма. Вы сказали: к либерализму утвердилось некое пренебрежение, а к марксизму – уважение, несмотря на все его дефекты. Я как-то пытался в голове воспроизвести ситуацию моего участия в круглых столах, конференциях, выступлениях в разных вузах, где такая же атмосфера (я сейчас только про Россию говорю). Может быть, я заблуждаюсь, но буквально до последнего года у меня было ощущение: ситуация прямо противоположная, Маркса третируют, как дохлую собаку. Маркс возражал против третирования Гегеля. А сегодня говорят: либерализм – наше светлое будущее. Может быть, Вы наблюдали иные интеллектуальные срезы, мой опыт другой. Но я сейчас не об этом хочу сказать. По сути вопроса: можем ли мы испытывать пренебрежение к либерализму и должны ли априорно испытывать уважение к марксизму или наоборот? Я позволю себе ответить так: я глубоко уважаю либерализм и считаю, что без освоения либерализма нельзя стать марксистом. Ведь то и другое – дети Просвещения. Более того, в той мере, в какой мы можем определить интеллектуальную или историческую значимость Маркса, – мы можем это определить только как рефлексию антиномий, которые возникли в рамках либеральной мысли. У меня в журнале «Свободная мысль» была серия статей по идеологиям современности. Позволю себе только один тезис напомнить оттуда:

либерализм в конкуренции с другими течениями возникал как мышление о современности. Вообще, это первая философия современности, в которой современность начала рефлектировать сама себя. Критика либерализма началась потом, когда в практической политике (особенно в период Французской революции) вскрылись его антиномии. В полемике с ним складываются консерватизм и социализм. Не поняв логику либерализма, не поняв его как первую и осевую философию современности, мы вообще ничего внятного не можем сказать. Гоббс не просто первый теоретик современности. Не поняв «тайны и парадокса Гоббса», невозможно ничего сказать и о марксизме. Поэтому не о пренебрежении речь. Здесь ситуация анализа, смысл Кантовской критики.

Что касается нашей российской действительности. У меня, наверное, устаревший рефлекс и от него надо избавляться. Вы много меня можете. Поэтому у вас есть один недостаток, на фоне остальных преимуществ: вы не участвовали в либеральных дискуссиях конца 1980-х – начала 90-х годов. Я же прекрасно помню, как на моих глазах формировался отечественный либерализм гайдаровского типа, который доминировал долгое время, будучи идеологией «Демвыбора России». Я помню, как работал гайдаровский Институт переходного периода, им же возглавляемый, после его ухода с поста вице-премьера. Этот хуторской либерализм, который господствовал в умах, выходил на политические решения. То была далеко не невинная беседа. Вот с этим либерализмом я готов бороться до конца, до последнего патрона!

В.П.Макаренко: Тогда я перефразирую вопрос аспиранта Козыря. Из чтения газет типа «Аргументов и фактов» мне стало известно, что в истории СССР все чубатые вожди (Сталин, Брежнев, Андропов) были диктаторами, а все лысые (Ленин, Хрущев, Горбачев) – либералами. А ты здесь говоришь про патроны. Но я ведь лысый, а ты чубатый! Как быть? Не пожалеешь ли ты на меня патрона? (*Смех в зале*).

Т.Г.Лешкевич: Зачем путать категориальный и конфигурационный язык? Что Вы скажете об имитационной демократии в России?

Б.Г.Капустин. Давайте разберем два теоретических вопроса, потом повеселимся с имитационной демократией. Зачем путать два языка? Один язык – категориальный, а другой язык – конфигурационный. Хороший термин, мне понравился. «Украду» ваше изобретение. На этот вопрос отвечаю так: для меня категория – не только структура аналитического знания, т.е. того знания, которое предполагает объектный тип познания, без включенности, которая ориентирована на выяснение сущности

и работу с застывшими, а не текучими формами. Категории могут быть разными. Я ваш вопрос переформулирую: фронезис – это категориальное знание или нет? или категория целиком удел эпистемы? В классической, естественнонаучной традиции и в традиции аристотелевской физики, вам скажут: удел эпистемы. А если мы подумаем: у самого Аристотеля есть это противоречие или нет, какие понятия образуют строй *фронезиса*? Там есть веер различных понятий добродетели. Сам *фронезис* – одна из добродетелей. А из справедливости, умеренности, по всему списку категориального описания добродетели мы пройдемся и зададим вопрос: все понятия, в которых выражается *фронезис*, могут быть понятиями как иные категории, чем категории логики? Перейду на язык современной этической теории или метатеории. Она обладает своим понятийным строем, ее категории живут в другой логике, чем категории формальной логики. Приведу пример из собственной интеллектуальной биографии. Я получил философское образование, а во время перестройки прошел через Гегеля и раннего Маркса. Гегель стремился из метафизических категорий делать текучие диалектические категории. Но уже в феноменологии духа есть не диалектические категории: несчастное сознание, раб и господин и т.д. Они не являются также категориями аристотелевской логики. Поэтому я отвечу на первый Ваш вопрос так: я не считаю, что смешиваю два языка. Конечно, нужно помнить о различном строе знания, о модальности и *фронесисе*, модальности и *эпистеме*. Их наложение друг на друга – это сумбур в голове и ничего больше. Но при этом мы должны задуматься: *фронесис* сам обладает своим категориальным строем или нет? Я считаю, что да. Этическое мышление обладает своим строем, который отличается от строго аподиктического знания, но, тем не менее, является всё же категорией.

В.П.Макаренко: Здесь присутствует профессор Г.В.Драч – специалист по античности.

Г.В.Драч: На какие переводы Аристотеля Вы опираетесь при толковании терминов *фронесис* и *эпистеме*?

Б.Г.Капустин: С проблемой переводов языков я не очень знаком, явно хуже, чем Вы. При трактовке Аристотеля я опираюсь на работу Аласдера Макинтайра «После добродетели». Особенно на его сопоставление Аристотеля с Ницше и с Троцким. Этот пласт у нас почти неизвестен. Эта работа в высшей мере деликатная и тонкая. Поэтому признаю справедливость Вашего замечания в отношении классического и современного языков. Теперь второй вопрос. Ситуация зависит от нашей вклю-

ценности, от нашего мышления, поэтому любое знание ситуации может быть фальсифицировано. Полностью с Вами согласен, но сделаю оговорку, которая отдалит нас друг от друга. Если позволите, сделаю отступление для прояснения моей позиции.

Я люблю и раньше любил, когда был моложе, западный марксизм в варианте Г.Лукача и К.Корша. В данном случае я говорю об интеллектуальной любви. У Аристотеля были описаны разные виды любви. На мой взгляд, философия привела на Западе к тому, что называют «культурный поворот в теории». Марксизм как политэкономия был сменен марксизмом как теорией культуры. Затем пошел ортодоксальный марксизм Лукача, философия марксизма Корша, критическая теория и т.д. Пролетариат – это тотальный субъект, он берет на себя, по сути дела, всю энергетику и трансформационные силы ситуации. Но и зависит от мысли. Помните, как пролетариат получает истинное классовое сознание по Лукачу? Он пишет: марксизм создает классовое сознание. Вот эта сила мысли, буквально оплодотворяющая материю. Это для меня политический идеализм, который потом привел к колоссальному кризису западный марксизм. При всей моей любви к нему, это то, что я считаю абсолютно неприемлемым. Поэтому наша включенность сама формирует характер ситуации. Но это вовсе не означает, что ситуация зависит от нашей мысли. Мы должны, видимо, уйти от такого рационализма, позвольте мне жаргон Бурдье. Мы должны мыслить об истории политики и политике не на уровне прозрачности сознания, а на уровне темноты. Вот ужасная формулировка!

После Гегеля моя вторая философская любовь – к шотландскому Просвещению. Прежде всего к Юму. Речь идет об истории как коагуляте непреднамеренных следствий, логике непреднамеренности. Мне кажется, эту юмовскую логику надо вмонтировать в Ваш вопрос. Ситуацию невозможно концептуализировать, игнорируя нашу включенность. Но это – слишком рационалистический, слишком классический подход, согласно которому ситуация зависит от нашей мысли. Более того, наши действия есть стерилизация нашей мысли. Наши мысли – одно из слагаемых наших действий. Это слагаемое нужно делить на десять, чтобы понять, какие непреднамеренные следствия из наших действий вытекают. И уж сколь скоро мы ведем политически ориентированную беседу, сфокусироваться на моментах критики идеологии. В частности, на моментах, объясняющих крах последнего антиимпериалистического восстания 1968 года, крах левого радикализма.

Пролетариат инкорпорирован в истеблишмент. А кто вне этой инкорпорации? Сможем ли мы принести им истинное сознание? Это опять работа с идеологией как ложным сознанием. Она показывает, насколько марксизм есть истинное дитя Просвещения. Политическая трансформация всё равно делается через очищение сознания. Через формирование истинного сознания и очищения сознания от всей фальши, которая там была. Вот почему важен Юм и подобные ему консерваторы. Можно вырабатывать адекватную современную идеологию. Мир меняется не тем, как очищается сознание, а тем, какие непреднамеренные последствия производят наши действия и как они коагулируют историю. Поэтому было бы очень здорово в логику *фронесиса* присоединить Юмовскую, шотландскую, циничную, но мудрейшую, по моему, тему непреднамеренных последствий. Ни одна идеология никогда и нигде реализована не была. А события по-прежнему складываются не по нашему плану.

Теперь о российской ситуации. Мне кажется самым смешным и нелепым в объяснении советского социализма и его краха ссылка на утопию. Помните книгу «Утопия у власти»? Там был представлен социализм как господство какой-то утопии. Но это же полный бред. Никогда никакие утопии не осуществлялись. И поэтому никакой пятилетний план никогда не был реализован. Если бы это объяснить через Юма, то было бы чрезвычайно понятно. Насчет имитационной демократии и произвола чиновников. До возникновения «суверенной демократии», идеологии Единой России, при Ельцине имитировали как умели. Конечно, очень плохо, но она была чисто имитационной. Произвол чиновников в рамках имитационной демократии тоже понятен. Но из этого один моралью может быть выведен: чем вернее власть имущие пытаются копировать идеальные модели, тем дальше они от них оказываются. История это потрясая подтверждает. Те, кто умышленно (как Германия времен Бисмарка) бросают вызов модели, потом преуспевают и ее обходят. Это опять к тому, что модернизация – это разные векторы, способ существования в современности, а не движение к какой-то модели. Конечно, у нас хуже всего получилось. Маркс писал, что Прудон пытался только положительные стороны вещей собрать в свою философию. У нас получился сбор наиболее отрицательных вещей в модель так называемого «транзита».

А.М.Старостин: Не лучше ли было поставить в заглавие книги слово «рефлексия»? За десять лет после написания книги «Современность

как предмет политической теории» Ваше отношение к современной России переменялось?

Б.Г.Капустин: Я готов с Вами согласиться в том, что заглавие не очень удачно. Может быть, вместо слова «теория» лучше было бы поставить саморефлексию. Но это не очень звучит. О предмете я жалею меньше, т.е. как предмет теории жалею, а как предмет праксиса – нет. Современность, в том прочтении, которое я в этой книге предложил (как ситуация труда у Маркса), имеет предмет. Беспредметной ситуации и праксиса быть не может. Есть в рамках ситуации некий предмет, на который мы должны направить участие, будучи включенными в ситуацию. Я не верю в то, что мы целеполаганием можем определять эту ситуацию. Мы предмет не полагаем, мы с ним сталкиваемся. А предмет мы понимаем через его сопротивление нам. Я согласен с переформулировкой моего названия книги, кроме понятия «отчуждения».

С понятием «отчуждение» пока работать не готов потому, что это понятие для меня остается эссенциальным. Оно означает то, чем мы обладали и что утратили. Это – логика описания пролетариата ранним Марксом на уровне «Святого семейства» и т.д. Пролетариат, сливаясь с антропологическим типом рода, нечто утратил. Он сведен к полному отрицанию, и потому готов к радикальной перестройке всего общества. Он утратил и должен обрести себя. Мне кажется, мы имеем исторические ситуации, а не сущности, которые они утратили или могут обрести. Поэтому минус «отчуждение», с остальным готов согласиться.

Изменилось ли мое отношение к современной России? Честно сказать, оно стало более мрачным. Строить из себя пророка, что в 1990-е годы я предвидел путинизм, была бы и наглость и глупость с моей стороны. Я предвидел – сразу после и накануне дефолта 1998 года – какую-то инволюцию в направлении обществ типа Сомали или Сьерра Леоне, когда государственность как централизованность исчезает. Происходит деконструкция государственности. Общество живет в безгосударственном состоянии. Это не та анархия, о которой писали Кропоткин и другие замечательные ребята. Скорее это Гоббсовская «война всех против всех». Я не думал, что Россия превратится в Сомали, но думал, что произойдет утрата государственности. То, что я сейчас вижу, для меня грустнее 1990-х годов. Хотя мне ельцинизм был глубоко омерзителен. Мне кажется, серьезные политические рассуждения может делать не тот, кто включен на уровне мысли, а тот, кто на уровне праксиса. Я давно живу вне российского праксиса и не знаю, как в него включиться, кроме сочи-

нения книг или элементарной просветительской работы. Меня этот способ включения не удовлетворяет и сильно настораживает в отношении того, смогу я хоть что-то минимально дельное сказать о России дальше.

Вопрос из зала: Что было современным в античности?

Б.Г.Капустин: У меня есть ссылка в этой книге, где я, наверное, не очень удачно нахожу ответ. Но давайте я так скажу: что есть античная современность? Были волнообразные религиозные кризисы, расшатано то, что Мангейм назвал нравственной и религиозной онтологией мира. Но были и ресурсы реставрации новых онтологий. После кризиса греко-римского пантеона возникало что-то другое, очень прочное и надежное, обеспечивающее новую онтологию, хотя не без борьбы. А вот не очень это получилось после религиозного кризиса, давшего начало Европе Нового времени. Я в этом вижу отличие. Каких именно ресурсов Европа не нашла для того, чтобы реставрировать после религиозных войн и всего остального новую онтологию? Попыток было много. Здесь уже упоминали Нанси с его нацистским мифом, были также другие попытки реставрировать эти онтологии. Далеко не всегда и не обязательно религиозным путем. И каждый раз это оказывались неустойчивые временки.

Что касается связи античности и современности. Вы знаете, от Ницше и Бенямина идет важная линия мысли: история делается задом наперед. Эволюционистский метод истории предполагал поступательное движение по стадиям. Например, Кондорсе сидит, прячется от якобинцев, кругом рубят головы, а он пишет о прогрессе. Такая экзистенциальная картинка замечательна, вплоть до десятой стадии. Потом всякие Гегели-Конты-Марксы. Предполагалось, что так идет дух, по восходящей, снизу вверх. История – это движение от прошлого к настоящему. Беняминовский тезис о философии истории – история делается наоборот. Под современностью совсем не обязательно брать ту форму, о которой я сейчас говорю. Существующая в данный момент форма организации жизни берет контроль над прошлой историей и подстраивает ее под себя – в смысле ресурсов и смыслов, которые она придает тем или иным фазам. Ведь Просвещение сделало Средневековые одним из самых «темных веков». Но это фантастика! Средневековые с его великими духовными достижениями объявляются «темными веками»... Вот такая операция происходит постоянно.

Мы, нынеживущие, утилизируем и творим прошлое. Прошлое живо только в нас и через нас. Мы фактически являемся авторами прошлого. Пишем историю назад. Античность в этом плане входит в нашу сов-

ременность. Есть навязчивая идея с античностью и античным полисом как ключевой составляющей нового европейского мышления. Но почему полис, а не средневековый замок или империя? Почему именно так это утилизируется? Почему современность находит это в античности и актуализирует? И через это выстраивает свои исторические корни. Ведь потенциально корней много. Но что-то другое подвергнуто забвению, что-то ушло, что-то не утилизировано современностью вовсе. Для меня участие античности в современности интересно прежде всего под этим углом зрения. Каким образом современность себя строит из прошлого?

С.П.Поцелуев: А что востребовано именно сейчас?

Б.Г.Капустин: Что сейчас востребовано? Да, это действительно, как Виктор Павлович сказал, еще на три часа вопрос. Скажу кратко: с одной стороны, по-прежнему существуют откровенно марксистские журналы и они «выживают», не имея никакой государственной поддержки, как и любой американский марксистский журнал, хотя марксизм там Бренневского толка. Или в духе Эллен Мейсон Вуд. Но журнал, идентифицирующий себя как ортодоксально марксистский и в этом плане дистанцирующий себя от неомарксистского журнал «Нью лефт ревью». Все это читаемо настолько, чтобы давать возможность присутствовать в библиотеках, иметь минимальную подписку, позволяющую «выжить». В этом смысле марксизм жив. Что касается других ипостасей марксизма, это терминологически сложно. Вы, скажем, готовы считать марксистом Шанталь Муф и Эрнесто Лаклау? В этом мы утонем. Давайте скажу так: когда Шанталь Муф приезжала год назад в Нью-Йорк, которую в свое время основали франкфуртские беженцы, она читала свой курс по возврату политического. Ее перевели на русский язык. Это был хит. Такие и подобные марксистские версии живы, более того, пользуются высоким спросом. Считать их марксизмом или нет – не знаю.

Помните, эту замечательную полемику после книги «Гегемония – социалистическая стратегия»? Норман Джерас в Англии персонифицирует себя как хранитель гербовой печати марксизма, потом два отлупа в «Нью-Йорк ревью», в которых его называют не марксистом, а пошлым и банальным. Вот такие версии марксизма существуют. Наряду с этим существует и струя академического марксизма. Что сейчас востребовано в марксизме? Не мне об этом судить. Мое скромное мнение заключается в том, что пусть каждый решает. Но востребован далеко не мировой разум. Вы что-то востребуете, я востребую, Наташа, может быть, что-то востребует, т.е. опять практическая ситуация, когда мы прошлое усваиваем

неким образом. Но мне кажется, есть не очень большой набор имен теоретиков-интеллектуалов, начиная с Нового времени. Если они и не дали ответов, то поставили убедительный вопрос. В этом всё искусство. Есть группа мыслителей, которая не дала ответы, а сделала более важную работу, поставив убедительные вопросы. Убедительные настолько, что мы хотели бы, но не можем их миновать. Потому что без них не выговаривается что-то о современности. Мне кажется, Маркс в этом ряду. Проскочить его вопросы невозможно.

В.П.Макаренко: Мой доклад называется «Интерес как парадигма социальной мысли современности». Начну с хорошо известного. Польша была самым веселым баракком в социалистическом лагере. Диапазон переводов книг современных авторов в сфере философии и социальных наук на польский язык был намного шире и оперативнее, чем в бывшем СССР и нынешней России. Научную и художественную литературу на польском языке я читаю со времени аспирантуры. С академическим сообществом Польши тоже связан давно. В 1988-1989 гг. работал визитинг-профессором университета Марии Склодовской-Кюри (Люблин). Одним из итогов этой работы был перевод коллективной монографии польских политологов «Элементы теории политики». В 1995 г. участвовал в международной конференции, посвященной столетнему юбилею Львовско-Варшавской философской школы. Вслед за этим в 1996 году получил грант Фонда Стефана Батория Польской республики по теме «Духовное сопротивление коммунистической системе власти в странах Восточной Европы». Был на стажировке в Институте философии и социологии Польской академии наук. Выпустил сборник работ польских и российских ученых «Проблемы социальной трансформации», а также перевел на русский язык книгу известного польского философа и логика Анджея Гжегорчика «Жизнь как вызов: введение в рационалистическую философию». Затем получил приглашение на работу в Жешовском университете. Как обычно, много читал. В том числе книги известного современного экономиста и социолога Альберта Хиршмана. Написал о нем статью и послал ее в журнал «Социологические исследования», включая перевод работы А.Хиршмана «Рыночное общество: противоположные точки зрения»¹⁸. Вот здесь и возник казус.

Выдающегося современного американского ученого редакция (у меня не заинтересовавшись) назвала «профессором одного из польских

¹⁸ См.: <http://www.ecsocman.edu.ru/socis/msg/22636.html>

университетов». Мою статью исковеркали. Правда, потом ответственные лица передо мной извинились – вначале по телефону, затем при встрече в Москве. Однако в Интернете до сих пор (прошло десять лет!..) висит текст, за который я не отвечаю¹⁹. Поэтому мой доклад имеет и побочную цель: наряду с адекватным изложением концепции Альберта Хиршмана затронуть общую тему о тенденциях развития социальных наук в постсоветской России.

Стремление к автаркии заложено в самой дисциплинарной организации науки. Университеты обладают системой символических границ, разделяющих области знания и работающих в соответствии с принципом: все, что их пересекает, считается «грязным» и опасным для научного сообщества. Российские университеты и институты РАН не являются продуктивными зонами обмена идеями и концепциями²⁰.

До середины 1970-х гг. власть требовала от так называемых общественных наук идеологического обеспечения и подтверждения легитимности репрессивного режима, критики буржуазной идеологии, научного обоснования пропаганды и контрпропаганды, и подготовки кадров для аппарата управления и контроля. Поэтому основная масса обществоведов (сотрудников АН и преподавателей университетов) восприняла крах СССР и последующие реформы со скрытым негативизмом и пассивным сопротивлением. Идеологический плюрализм был декларирован сверху и не касался институциональной организации науки. Весь корпус преподавателей остался на своих местах и переквалифицировался в социологов, политологов, психологов, политехнологов, экспертов по политическому пиару и рекламе. С тем же убогим уровнем знаний, кругом идей и сервильных установок.

По идее, развитием теории, осмыслением и применением западного опыта к российским реалиям должны заниматься академические или университетские ученые. Но этого не происходит из-за низкой квалификации персонала, отсутствия когнитивной культуры, критических дискуссий и просто незнания языков и литературы. К тому же прежняя функциональная роль общественных наук не потеряла свое значение. Понятие академической автономии в большинстве голов современных обществоведов пока не возникло. Они по-прежнему готовы обслуживать

власть. Верноподданнические установки практически полностью парализуют познавательные интенции в социальных науках. Философский и исторический факультеты в МГУ, Институт философии РАН превращаются в прибежище захолустного антисциентизма, имперской геополитики, религиозного национализма. Зато число докторов в сфере социально-политических наук увеличилось в 1990-е гг. на 26%.

Короче говоря, социальные науки в основном занимаются консервативной защитой распавшегося советского порядка и его идеологических постулатов. Образовательные учреждения являются не генератором новых идей и концепций, а системой консервации старого знания и идеологических предрассудков, средством блокировки процессов модернизации²¹.

Сопоставляя перечисленные общие тенденции в социальных науках и ситуацию с первой публикацией моей статьи об Альберте Хиршмане, нетрудно указать общую проблему: какова мера обскурантизма в научных журналах России по социальным наукам?

При этом надо учитывать, что после распада СССР и краха «мировой системы социализма» генезис, функционирование и перспективы капитализма опять стали главной темой политических дебатов и академических дискуссий. Например, теоретико-социологические аспекты проблемы обсуждались на одном из «круглых столов» журнала «Социологические исследования»²². Дискуссия сконцентрировалась вокруг доклада Ю.Н. Давыдова. Его позицию можно свести к следующим основным положениям:

Генезис термина «капитализм» связан со взглядами мелкобуржуазных социологов середины XIX века. Он означал определенную экономическую систему. В марксизме «капитализм» никогда не был экономическим понятием, а мировоззренческой категорией. Эта категория на протяжении второй половины XIX в. отождествлялась с понятием «современность». Такое отождествление было типично как для радикалов (социалистов и коммунистов), так и для либералов. Ю.Н. Давыдов полагает, что взгляды либералов более продуктивны в теоретическом отношении. Например, М. Вебер был национал-либералом по своим политическим ориентациям. И на рубеже XIX-XX вв. предложил разделить капитализм

¹⁹ См.: <http://www.ecsocman.edu.ru/socis/msg/273748.html>

²⁰ См.: Александров Д. Место знания: институциональные перемены в российском производстве гуманитарных наук // НЛЮ. 2006, № 1/77, с. 273–285.

²¹ См.: Гудков Л. О положении социальных наук в России // Там же, С. 314–339.

²² См.: Капитализм как проблема теоретической социологии: «круглый стол» // Социологические исследования. 1998, №2.

на «архаичный» и «современный». Только второй из идеальных типов капитализма связан с генезисом множества факторов, определивших культурно-историческую уникальность европейского капитализма.

Различие между указанными типами капитализма существовало на протяжении двух третей XX в. Однако в 1970-е гг. снова произошло отождествление капитализма и современности. Понятие капитализма опять выполняет мировоззренческую роль. Ю.Н. Давыдов с этой тенденцией не согласен. Со ссылкой на труды Ф. Броделя он трактует нынешний европейский капитализм как «паразитический нарост» на отношениях обмена. Эта болезнь присуща капитализму в той степени, в которой нарушаются правила эквивалентного обмена. В Европе давно существуют слои «честных капиталистов» и «мошеннических утилизаторов». Последние всегда «деформировали» позитивные результаты спонтанного развития рыночной экономики.

Ю.Н. Давыдов считает, что руководство России при выработке программы социально-экономических преобразований заимствовало опыт европейских мошенников. Поэтому в стране сегодня господствует дикий, разбойничий, авантюристический, торгово-ростовщический капитализм. В нем можно обнаружить все признаки «архаичного» капитализма. Поэтому для оценки ситуации в современной России веберовская концепция капитализма более продуктивна, нежели взгляды Маркса и современных левых теоретиков.

Позиция Ю.Н. Давыдова изложена в многочисленных публикациях. За последние годы она стала популярной в социальной науке и публицистике. Кстати, все участники «круглого стола» поддержали идею о «современном» или «нормальном» капитализме. Правда, из нее следуют противоречивые выводы.

С одной стороны, в России никогда не было и нет до сих пор «нормального» капитализма. Все участники дискуссии согласны с тем, что заимствованные на Западе «образцы» социально-экономического развития никогда ни к чему хорошему не приводили. С другой стороны, в современном мире вмешательство государства в экономику является «нормой». А Россия здесь давно чемпион...

Точка зрения Ю.Н. Давыдова порождает больше вопросов, чем предлагает ответов и аргументов. Здесь меня интересует один вопрос: существует ли в современной социальной науке концепции, позволяющие дистанцироваться от представления о «нормальном» капитализме, с которым могут (или должны) сравниваться все остальные? Этот воп-

рос разбит на несколько соподчиненных: можно ли концепцию М. Вебера считать продуктивной при оценке социально-экономических трансформаций? являются ли интересы и социальные институты, сложившиеся в условиях европейского капитализма, наиболее надежной формой таких трансформаций?

Реальная проблема и ложная дилемма. В одной из своих работ я рассматривал теорию неожиданных последствий при обсуждении вопроса о связи групповых интересов с властно-управленческими процессами²³. Однако диапазон этой теории значительно шире. Б.Г. Капустин называет «блестящими и глубокими» работы А. Хиршмана, посвященные проблеме становления рыночной экономики²⁴. Но эти работы в социальных науках России остаются практически неизвестными.

Начну с того, что А. Хиршман развивает свою концепцию в противовес главным направлениям социальной мысли Нового времени. Он обосновал принципиальное положение: ни рыночная, ни централизованная, ни смешанная экономика не являются эффективными средствами решения социальных проблем. Ни один из видов экономики не может считаться образцом для подражания.

Однако в массе интеллектуальной продукции, в практической политике и публицистике господствуют противоположные подходы. Здесь можно напомнить полемику между «купцами и кавалеристами» (А. Стреляный) или «идеалами и интересами» (А. Нуйкин) в начале «перестройки» в СССР. В сегодняшней России тоже существуют адепты рыночной, управляемой сверху, и смешанной экономики. Этот факт свидетельствует о кризисе всей системы социального знания. Социальные науки в целом пока не в состоянии описать губительные последствия развития экономики в любых социальных системах – капиталистических, социалистических, смешанных. Анализ таких последствий и определяет содержание исследований А. Хиршмана.

Не менее того в социальном знании распространено противопоставление Вебера и Маркса. Оно приобрело статус стереотипа. Действительно, эти мыслители различаются между собой в оценке относительного значения экономических и внешнеэкономических факторов. Но есть и моменты сходства позиций Маркса и Вебера:

²³ См.: Макаренко В.П. Групповые интересы и властно управленческий аппарат: к методологии исследования // Социологические исследования. 1996, №11; 1997, №7

²⁴ См.: Капустин Б.Г. Современность как предмет политической теории. М., 1998, с. 52

- анализ генезиса капитализма и рождения его духа как борьбы с прежними идеалами и социальными отношениями;

- общее убеждение в коренной противоположности между «традией» и «современностью»; для обоснования данной противоположности Маркс создал теорию общественно-экономических формаций, а Вебер – концепцию идеальных типов экономики, социальной структуры, господства и образов жизни;

- описание социальных изменений (в том числе генезиса и функционирования капитализма) в категориях рождения новой социальной системы;

- убеждение в том, что новые этосы или идеологии возникают более или менее параллельно процессу упадка прежней системы отношений.

Указанные гносеологические и мировоззренческие установки присущи как Марксу, так и Веберу. В результате ни тот ни другой не обращали внимания на способы воспроизводства старого в новом или рассматривали эту проблему как второстепенную.

А. Хиршман ставит перед социальным знанием более сложную задачу – выявить и описать процессы становления и изменения идеологий как длительный эндогенетический процесс, повлиявший на субординацию всех (внешних и внутренних) факторов при генезисе новой социальной системы. Для этого надо установить последовательность взаимопереплетения идей, принадлежащих к совершенно противоположным идеологиям – либеральной, консервативной, социалистической. Речь идет о построении таких теорий экономики, общества, политики, идеологии и культуры, которые были бы свободны от всех (или хотя бы главных) исторических форм, идеалов и институтов, типичных для идеологий Нового времени.

Однако ни одна школа социальной мысли XX в. этого сделать не смогла. Нынешнее поколение ученых во всех сферах социальных знаний все еще движется в кильватере духовных вождей, создавших главные идеологии современности. А сами вожди, обычно, не осознают или равнодушны к проблеме непредвиденных последствий собственной системы взглядов. Если бы такие следствия были известны заранее, – не исключено, что Локк и Бентам отказались бы от либерализма и утилитаризма, Берк и Токвиль – от консерватизма, а Маркс – от социализма.

Почему же такое осознание невозможно по определению? Потому что для всех идеологий Нового времени отношение между идеями (идеалами) и интересами было и остается по сей день центральной про-

блемой социального знания и практической политики. Акцент на идеи или интересы породил целую гамму теорий. В любой из них связь между идеями и интересами трактовалась либо как отношение детерминации (прямой или обратной), либо как отношение констелляции. Ни одно из направлений социальной мысли даже не пыталось целиком отбросить данную альтернативу. А ее идейные предпосылки пока еще изучены недостаточно. А. Хиршман прослеживает специфическую «логику» становления данных предпосылок.

В докапиталистических обществах был наиболее распространен героический этос (с мотивом и идеалом славы). Затем его заменил буржуазный этос со всеми добродетелями протестантской этики. В какой же момент времени торгово-промышленная деятельность начала рассматриваться как занятие, достойное человека? Ведь на протяжении более тысячи лет – т.е. в период идейного оформления, институционализации и распространения христианства – в торговле и промышленности видели воплощение пороков жадности, скупости и жестокости. Затем вдруг торгово-промышленной деятельности начали приписывать положительные свойства. Причем, эта модификация не заключалась в упадке традиционных ценностей: «Критика героического этоса, – отмечает Хиршман, – нигде не сопровождалась пропагандой нового буржуазного этоса». Исторические, психологические и культурные причины столь неожиданного изменения оценок до сих пор являются предметом дискуссии.

С чего же все началось? С попыток создать новую теорию государства. Она должна была усовершенствовать искусство политического управления в рамках существующего порядка. Макиавелли заложил основы этой теории. Он не пытался создать новый этический кодекс. А предложил рассматривать человека таким, каким он есть на самом деле. Люди руководствуются страстями, а не верой и не разумом. Это порождает бесконечную цепь жестокостей, из которых и состоит человеческая история. Требования христианской морали, включая угрозу осуждения на вечные муки, ничуть не улучшили человеческую природу. Значит, надо найти более эффективные средства для совершенствования людей и управления обществом. Начался интенсивный поиск средств, образующих альтернативу христианской морали.

В этом контексте было сформулировано три рецепта: применять насилие; сдерживать страсти путем убеждения; использовать страсти для достижения «общего блага». Эти рецепты были преобразованы в проекты социального развития. Они существуют до сих пор как наиболее рас-

пространенные варианты идеологии, социальной теории и политики, порождая бесчисленные комбинации.

Первые два средства были известны издавна и новизной не обладали. Третье привело к повороту всей ориентации социальной мысли. Да, жадность и своекорыстие – главные человеческие страсти, но на их основе может быть построен справедливый социальный порядок. Главный аргумент для доказательства этого положения сформулировал Мандевиль. Божественное провидение использует человеческие страсти для обеспечения общего блага, и потому надежды на лучшую жизнь терять не следует!

Первоначально слова «страсти» и «жадность» были нагружены отрицательным смыслом. Постепенная эволюция языка привела к тому, что они были заменены нейтральными терминами «польза» и «интерес». Тогда как идея о возможности использования страстей для достижения общего блага стала главным элементом либерализма и парадигмой политической экономики. Если вспомнить Н. Лескова, эта «сиянс-госпожа» сразу стала претендовать на статус «главной» социальной науки.

Одновременно указанная идея повлияла на выработку представления о закономерном характере социальных процессов. На его основе были созданы гегелевская, марксистская и позитивистская концепции социально-экономических закономерностей. Все они восходят к метафоре «хитрость разума». Эта метафора выражала убеждение: хотя люди живут страстями, на самом деле страсти служат достижению некой высшей общечеловеческой цели, которая непостижима для индивидуального сознания. Метафора «хитрость разума» введена в социальную философию Вико и Гердером, а окончательную легитимизацию получила в философии истории и философии права Гегеля. Немецкий ученый колпак положительно оценил страсти, поскольку в них непосредственно проявляется и воплощается «хитрость разума»...

Короче говоря, модификация моральной оценки страстей с отрицательной на положительную предшествовала становлению социальной теории. Затем происходила легитимизация страстей как предмета теоретического анализа.

Предполагалось, что все люди руководствуются тремя главными страстями – эгоизмом, жадной властью и богатства. Эти страсти противостоят вере (условиям христианского спасения) и разуму. Они порождают войну, голод, эпидемии – три главных несчастья человеческого рода. Одновременно страсти свирепы по отношению друг к другу. В целях их

теоретической легитимизации были обоснованы идеи о *взаимопожирании* (Ф. Бекон и Спиноза) и *равновесии* (Юм) страстей: «Мысль об управлении социальным прогрессом посредством продуманного установления одной страсти против другой, – констатирует Хиршман, – стала распространенным занятием интеллектуалов XVIII века».

В XVII в. идея взаимопожирания страстей вытекала из общего пессимистического взгляда на человеческую природу и убеждения в том, что страсти опасны и деструктивны. В XVIII в. произошла полная реабилитация страстей. Она выражала оптимистические представления (прежде всего французских материалистов) о возможности «улучшения и исправления» человеческой природы. Гельвеций первым снабдил термин «интерес» положительным смыслом. Он обозначил этим термином только те страсти, которым приписывались уравнивающие функции.

Таким образом, история социальной теории есть процесс превращения моральных оценок в онтологические основы и гносеологические принципы социального знания. Отсюда вытекает тотальная аберрация мышления, которая еще далеко не закончилась.

«Отцы-основатели» США и вожди Французской революции пали первыми жертвами преобразования моральных оценок в политические постулаты. Те и другие начали использовать идею равновесия страстей как идеологические оружие для обоснования и практической реализации принципов разделения власти и социального договора. Американские демократы и французские революционеры полагали, что оба института не задевают человеческую природу и являются универсальными свойствами общества. На самом деле в основании принципа разделения властей и теории социального договора лежит представление о животной природе человека.

«Примечательно, – пишет А. Хиршман, – что при обосновании принципа разделения власти эта идея была переодета в другую одежду. Сравнительно новая мысль о контроле властей путем их взаимного сдерживания и уравнивания стала убедительной благодаря представлению ее в форме общеизвестного и общепринятого принципа равновесия страстей». Иначе говоря, практика демократического конституционализма и революционного преобразования общества опираются на одни и те же теоретические основания.

Теория социального договора стала элементом достижения равновесия. Гоббс во всех своих сочинениях лишь один раз сослался на равновесие страстей. Без этой ссылки он не мог сформулировать теоретичес-

кое обоснование государства. Причем такого, в котором раз и навсегда решены все проблемы, вытекающие из человеческих страстей. Однако большинство либералов и демократов не замечают собственной непоследовательности и применяют указанную стратегию постоянно. Она является результатом еще одной идеологической аберрации – противопоставления интересов и страстей. На этих иллюзиях – разделения власти в социальном договоре – до сих пор держится вся теория и практика демократии и связанная с нею парадигма социальной мысли Нового времени.

Природа указанных иллюзий состоит в том, что интересы начали отождествляться с материальной выгодой и пользой индивидов и групп. Этот смысл до сих пор является главным в повседневной жизни, политическом языке и словаре социальных наук. На протяжении XIX – XX вв. выражения «государственные», «классовые», «национальные», «групповые» и тому подобные интересы стали общепринятыми и уже не вызывают никаких возражений. Однако вплоть до XVII в. под интересом понималась совокупность человеческих намерений и связанных с ними размышлений. На протяжении последних 300 лет происходило сужение данного смысла с одновременной универсализацией единственного мотива человеческой деятельности – стремления к материальной выгоде и пользе.

В рамках данного процесса А. Хиршман выделяет две тенденции.

Первая восходит к Макиавелли и связана с отождествлением интересов с «государственным разумом» (принципами существования государства): «Эти понятия должны были вести борьбу на два фронта. С одной стороны, в них явно декларировалась независимость от правил и требований христианской морали, образующих основание политической философии до Макиавелли. С другой стороны, они должны были определить рациональную волю, не замутненную страстями и ежеминутными порывами. Именно такая воля становилась для Князя путеводителем». Однако доктрина Макиавелли ограничивала властвующих лиц ничуть не меньше, чем прежняя христианская мораль.

Властвующие обязаны были доказывать, что все их поведение определяется исключительно «высшими государственными соображениями», свободными от личных страстей, произвола, династической политики, комбинаций политической игры и т.п. Но никто из людей, стоящих у кормила власти, не собирался меняться в соответствии с доктриной. Поэтому отождествление интересов с «государственным разумом» вско-

ре обнаружило свою бесплодность: «Если традиционные христианские стандарты добродетельного поведения были труднодостижимыми, то не менее трудно было определить интерес». Тем самым использование понятия интерес для обозначения властвующих лиц и структур государства (класса, нации, группы, вероисповедной общности и т.д.) становилось крайне размытым и могло обозначать любое случайное содержание. Но этот случайный произвол теперь выступал в маске необходимости и приобретал «теоретический» статус. Данная традиция существует до сих пор в социальной и политической практике и теории.

Вторая тенденция заключалась в отождествлении интересов с поведением индивидов и социальных групп: «Связь эгоизма и расчета стала квинтэссенцией поведения в соответствии с собственным интересом. Она показала многообещающей в дебатах об искусстве управления». В начале XVII в. концепция интереса определялась в контексте династической внешней политики. Но под влиянием революции и гражданской войны в Англии эта концепция начала использоваться для идентификации проблем внутренней политики. Они определялись отношениями между вероисповедными группами пресвитериан, католиков, квакеров и т.д. После стабилизации политической ситуации и установления религиозной толерантности под интересом начали понимать стремление «делать деньги». Оно стало эквивалентом всеобщего интереса. А.Смит придал этому понятию теоретическое содержание, полагая улучшение благосостояния главным мотивом поведения людей.

Аналогичный процесс шел во Франции. Здесь исходный смысл интересов определялся вопросом Макиавелли: что требуется для роста влияния, власти и богатства государства? По стандартам героического этоса для этого надо иметь честь и славу. Теперь социальный и моральный смысл интересов начал заменяться материальной выгодой. Первоначально такой мотив поведения был типичен для евреев-ростовщиков. Под влиянием данной социально-вероисповедной группы материальные интересы начали считаться универсальным мотивом поведения. Тем более что у большинства простых людей не было никаких иных доказательств достойного существования, кроме материального благополучия.

В результате указанных процессов внимание возникающей социальной теории начало концентрироваться не на поведении властвующих лиц, а на поведении подвластных. Так возник еще один узел для связи социальной науки с произволом властвующих. Эта традиция тоже сохраняется вплоть до настоящего времени.

Интерес как новая парадигма социальной мысли. А. Хиршман показывает, что история понятия «интерес» парадоксальна: сужение смысла понятия шло параллельно с универсализацией его одной стороны.

Первоначально интерес означал способность человека рационально, расчетливо и дисциплинированно управлять собственным эгоизмом, жадной властью, богатства. Так понятый интерес противопоставлялся страстям. С помощью интереса в поведение людей вводились элементы расчета и предусмотрительности. Но в результате противопоставления возникло убеждение: одну группу страстей (жадность, алчность, скупость, своекорыстие, любовь к деньгам) можно использовать для усмирения других страстей (тщеславия, плотских и властных желаний). Неожиданное следствие заключалось в том, что этот смысл интереса соответствовал традиционным ценностям. Отсюда вытекало: люди (человеческая природа) не обязаны меняться ни по религиозным, ни по рационалистическим рецептам.

Следовательно, любые ссылки на любые интересы в последующем развитии социальной и политической мысли и практики содержат в себе значительную долю традиционализма и консерватизма. Хотя этот момент обычно не осознается ни либеральными, ни социалистическими апологетами интересов.

Так была создана важная интеллектуальная предпосылка для связи идеи равновесия страстей с идеей их неизменности. Теперь эта неизменность выступала под прикрытием интересов. Обе эти идеи восходят к Макиавелли. Но конечный результат заставил бы его перевернуться в гробу: жадность становилась главной и привилегированной страстью, на которую к тому же возлагалась задача обуздывать другие страсти! И этот противоестественный и ядовитый симбиоз приобретал статус «вклада» в искусство управления государством и социальное знание...

Раньше алчность оценивалась отрицательно. Теперь «делание денег» было названо интересом. А само понятие интереса стало претендовать на оценочную нейтральность, объективность и теоретический статус. Однако в основе столь «нейтрального теоретизирования» лежит положительная оценка самой мерзкой человеческой страсти. К тому же подобная аберрация связывалась с надеждой на возможность научного руководства обществом. Эта возможность была первоначально реализована в просвещенном абсолютизме. *В его основе как системы политического устройства лежит самое грязное своекорыстие.* Зато теперь оно могло прикрываться соображениями о «государственных интересах».

Интересы стали новой парадигмой социальной философии и политики. В конце XVII в. максима «Интерес не подведет» была преобразована в теоретический постулат «Миром правят интересы». В первом случае имелась в виду способность рационально управлять страстями. Во втором – одна страсть становилась господствующей. Никто вначале не вдумывался в эти тонкости. Понятие интереса казалось самым собой понятным. Никто не пытался дать строгое определение интересов и выяснить их отношение к страстям и разуму.

Со времен Платона категории страстей и разума доминировали при анализе мотивов человеческого поведения. Однако исторический опыт показал, что страсти деструктивны, а разум бессилен. Вера тоже не смогла исправить человечество. Такие результаты делали весьма мрачной перспективу существования человеческого рода. Но большинство людей отличается легкомыслием и не склонны задумываться о трагизме собственного существования. А большинство политиков и государственных мужей не желают учиться у Марка Аврелия – единственного философа на троне.

И европейские интеллектуалы в очередной раз пошли на поводу у большинства. Они умудрились «прописать» интересы (с указанной модификацией) между страстями и разумом. Эта процедура базировалась на воспроизводстве традиционной христианской ценности Надежды. Правда, теперь Надежда выступила в наряде социальной теории. Теория обещала: жить станет лучше и веселей, если люди будут руководствоваться интересами. Философы предпочли оптимистическое обещание беспощадному анализу мотивов человеческого поведения, из которых вытекали и вытекают до сих пор убийственные перспективы. Почти никто из мыслителей не желал создать такую социальную философию и теорию, в которых бы содержалось еще большее осуждение человека по сравнению с христианской религией. Речь идет о том мотиве христианства, в котором содержится абсолютное и безусловное отбрасывание мира и обвинение человеческого рода.

Интерес стал новой гибридной и противоестественной формой человеческого поведения. И ее начали считать свободной от разрушительных страстей и бессильного разума. Прежде жадность, пиетет перед деньгами и материальным благополучием вообще считался свойством рабов, евреев, лакеев и простонародья. Теперь из этой страсти сделали залог «светлого будущего»: «Доктрина интереса в данное время была воспринята как действительный завет спасения», – иронизирует Хиршман.

Правда и в XVII в. более проникательные философы и просто умудренные жизнью люди не дали себя увлечь новой доктриной. Одни (Боссюэ) отвергли ее целиком, другие (Спиноза) сомневались в параллелизме страстей и интересов, понятых как «разумный эгоизм», третьи (маркиз Галифакс) полагали, что люди не в состоянии распознать собственные интересы. Однако оптимистические ожидания победили трезвую мысль. Надежда на спасительную роль интересов стала первой и главной интеллектуальной модой нового времени. И социальная мысль и политика до сих пор находятся под ее гипнозом!

Потребовалось совсем немного времени для горького похмелья. В XVIII в. интересы подверглись сокрушительной критике. А страсти были реабилитированы как потенциально положительная сила. Одни доказывали, что принцип «Люди руководствуются только интересами» полагает мир хуже, чем он есть на самом деле. Другие выдвигали принцип «Люди живут страстями». Мир, в котором господствуют страсти, тем самым полагался лучшим по сравнению с миром, в котором доминируют интересы. Действительно, едва интерес был сведен к своекорыстию, мир потерял привлекательность. Постулат «Интересы правят миром» превращался в жалобу или обвинение мира, в котором, кроме цинизма, ничего не существует. Поэтому Юм развил концепцию, согласно которой страсти могут улучшить мир, управляемый интересами. Реабилитация страстей соответствовала оптимистическим идеалам Просвещения. Оно окончательно отбросило типичный для Возрождения трагичный образ человека и мира.

Надо учитывать, что сами термины «оптимизм» и «пессимизм» появились в философском и социальном словаре лишь в XVIII в. В этом контексте использование данных терминов для обозначения любого поведения, взгляда на мир или продукта духовного творчества означает либо косвенное согласие со всей цепью описанных преобразований, либо элементарное бессмыслие.

Короче говоря, вся мысль Нового времени кружила вокруг нормативных постулатов, связывая с ними познавательные концепции. Вначале страсти оценивались отрицательно, а интерес положительно. Затем произошла перестановка оценок. Страсти вошли в симбиоз с интересами и начали оцениваться положительно. С таким симбиозом связано становление политической экономии и, опосредованно, всей системы социальных наук. Эта связь и определила все главные просчеты и поражения социальной мысли на протяжении последних двухсот лет. Она

до сих пор не смогла освободиться от морально-мировоззренческих постулатов.

Реабилитация страстей ничего не добавляла в их традиционное содержание. Зато максима «Интересы правят миром» вызвала значительное интеллектуальное оживление: наконец-то найдена реалистическая основа для жизнеспособного социального строя!

Интересам начали приписывать достоинства предвидимости, неизменности и постоянства. То есть, как раз те качества, которые раньше фиксировались только в природном мире. Предполагалось, что если человек руководствуется лишь собственными материальными интересами, то не только ему, но и другим людям будет хорошо. А если действия мотивированы интересами, то их можно предвидеть подобно тому, как нетрудно предсказать поступки добродетельного человека. Тем самым жадный и алчный человек превращался в идеал истинного христианина! Облегчалась и задача властвующих: «По сравнению с теорией экономики теория политики раньше обнаружила шансы взаимной пользы, достигаемой с помощью интереса». Однако и политическая экономия вскоре отправилась в лакейскую Каноссу!

Дело в том, что сфера международной политики была и остается неподконтрольной ни христианским принципам, ни диктату разума. В этой сфере обычно выступают взаимоисключающие интересы. Каждое государство стремится к расширению собственного влияния, власти и богатства. В этом смысле ни одно из государств не является самостоятельным: «Интерес данного государства является зеркальным отражением интересов его главного противника». Непредвидимость и непредсказуемость – существенные компоненты международной политики. В ней и воплощаются самые зверские человеческие страсти. Предложить что-либо новое в этой сфере философия не смогла. Поэтому она облегчила себе задачу.

Представление о равновесии страстей и интересов было перенесено в сферу внутренних конфликтов государства. Оно положило начало живой до сих пор концепции «равновесия сил». Наибольшую пользу от предвидимого поведения начали усматривать в экономической деятельности. Локк обосновал идею о том, что неопределенность поведения индивидов и групп есть главный внутренний враг государства. И этот враг должен быть побежден любой ценой!

В результате всякое непостоянство стало рассматриваться как важнейшая помеха для создания такого социального строя, в котором ре-

шены главные моральные, социальные и политические проблемы. Тем самым в либерализме были заложены не теоретические основания свободы, а обоснование всеобщей регламентации социальных процессов. С этой регламентацией, в свою очередь, связан рост значения репрессивных институтов в обществе. Другие направления социальной мысли и практики – социализм и консерватизм – без всякого труда могли заимствовать эту идею, прикрывая ее лозунгом «свободы».

Так завязывались узлы между политикой и экономикой. Интерес отождествлялся с любовью к деньгам как вполне легальной и главной страстью. Причем эта страсть оценивалась положительно лишь в той степени, в которой накопление денег становилось самостоятельной целью, а не средством «красивой жизни». Данный момент обстоятельно проанализирован М. Вебером. А. Хиршман подхватывает эстафету, но обращает внимание на парадокс: раньше алчность квалифицировалась как наиболее опасная страсть; теперь она становилась добродетелью, поскольку связывалась с постоянством поведения индивидов. «Для того, чтобы столь радикальное изменение оценки стало убедительным, надо было снабдить алчность безвредностью». И эту задачу тоже выполнили философы!

Превращение материальных интересов в постоянные страсти вело к тому, что они начали сметать все на своем пути. Сто лет спустя осознание этого факта нашло наиболее полное выражение в «Манифесте Коммунистической партии». Как известно, становление капиталистического общества сопровождалось всеобщей коррупцией. Деньги начали рассматриваться как наиболее сильная социальная связь. Она не шла ни в какое сравнение с кровнородственными отношениями, честью, дружбой, любовью. Представление о деньгах как сильнейшей социальной связи было и остается до сих пор самой распространенной и опасной формой идеологии. К тому же она не нуждается в доказательстве именно в силу своей повсеместности. Никакая политика, даже самая революционная, не смогла сломить это убеждение. Большинство политиков и теоретиков даже не ставили перед собой такой задачи. В результате развития общества и социального знания пошло по совершенно другому пути.

Стремление к удовлетворению собственных материальных интересов было признано множеством мыслителей невинным и безвредным занятием. Однако это признание – непредвиденное следствие длительного господства идеалов аристократии. Она всегда питала презрение к ростовщикам, купцам и промышленникам. Это – грязные, серые и не-

интересные люди, социальные отбросы и маргиналы. Аристократическое презрение породило убеждение в том, что торгово-промышленная деятельность лежит за пределами добра и зла, является этически нейтральной и потому не может играть важную социальную роль. «В определенном смысле победа капитализма, – пишет А. Хиршман, – как и победа множества современных тиранов, многим обязана всеобщему презрению к купцам и промышленникам. Это презрение не способствовало серьезному отношению к данной группе и не позволяло поверить в ее способность к великим делам и свершениям».

Для обозначения парадоксального синтеза презрения и невинности был изобретен специальный термин «douceur». Он означал мягкость, покой, комфорт и наслаждение – в отличие от непостоянства, стремительности, порыва и беспокойства, порождаемых другими страстями. Предполагалось, что погоня за деньгами и торговля смягчают и облагораживают нравы людей. Этот смысл и вошел в выражение «благородные народы», которые противопоставлялись «диким и варварским народам». Указанные метафоры стали первой попыткой осознания дихотомии, которая в XIX – XX вв. приобрела вид противоположности между «историческими» и «неисторическими», «развитыми» и «отсталыми» нациями. Эта противоположность сохраняется по сей день в различных вариантах философии истории, теориях социального развития, модернизации и цивилизации.

Корни указанного термина связаны с некоммерческим значением коммерции. Оно означало не только торговлю, но и приятную беседу, и другие формы любезного (обходительного) общения людей, в том числе между мужчиной и женщиной. Но даже филологический смысл выражения «doux-commerce» поражает апологетикой и несоответствием действительности. Облагораживание коммерции происходило в XVIII в. На этот период как раз приходится пик коррупции и работорговли. Да и обычная торговля была крайне жестоким, рискованным и опасным предприятием. Иначе говоря, все аргументы в пользу торговли содержат идеологические конотации.

И все же, в конечном счете, «делание денег» начало рассматриваться как стабильная и спокойная страсть. Она переплелась с достижением частных интересов. Мирная жажда обогащения (в отличие от жадности) требовала действий с опорой на разум. Такое понимание интересов утвердилось в XVII в. Расчетливая погоня за деньгами осознавалась как сильная, но спокойная страсть, способная победить бурные, но слабые

страсти. Своекорыстие начало противопоставляться стремлению к наслаждениям. Особый акцент на этом сделал Юм: «Ведущий философ эпохи прославлял капитализм потому, что он должен был оживить полезные склонности людей за счет вредных и подавить, а то и уничтожить, деструктивные и губительные свойства человеческой природы».

Лишь только после осуществления указанных семантических и идеологических процедур начала культивироваться надежда на то, что развитие экономики позволит решить все проблемы и улучшить социальный и политический строй. Таким образом, возникающая социальная наука так и не смогла освободиться от христианского принципа Надежды. Правда, теперь он выступал в виде экономоцентризма – наиболее распространенной иллюзии последних двухсот лет.

Можно ли с помощью экономики улучшить социальный строй?

А. Хиршман детально прослеживает основные звенья этого процесса. Зеленый свет для погони за деньгами – продукт длительного развития европейской мысли. Тогда как принцип «Интересы противостоят страстям» остается до сих пор малоизвестным и неизученным. Существует несколько причин указанного «белого пятна» в социальном знании.

Прежде всего данный принцип относится к так называемому «неосознанному знанию». К. Поланьи определял таким образом комплекс убеждений, настолько очевидных для данной группы, что они никогда не выражаются полностью и систематически. Кроме того, «белое пятно» возникло в результате развития экономической мысли. В частности, А. Смит пренебрег различием между интересами и страстями. Он подчеркивал положительные, а не отрицательные политические следствия экономической деятельности. Однако теория А. Смита лишь завершила длительный процесс. Она сама стала неожиданным следствием надежды на то, что с помощью политики (искусства управления государством) можно решить социальные проблемы.

В трудах Монтескье, Д. Стюарта и Д. Миллара начала формироваться противоположная тенденция.

Монтескье сформулировал и обосновал положение о позитивном влиянии торговли на политику и культуру. По его мнению, демократия есть положительное следствие развития торговли. Как известно, торговля длительное время осуждалась церковью и потому стала занятием евреев. А бедные евреи долгое время страдали от преследований, насилия и эксплуатации со стороны королей и аристократии. В этой юдоли они находились до тех пор, пока не изобрели вексель – «невидимые деньги».

Однако главный аргумент Монтескье в пользу торговли и промышленности был типично верноподданническим. По его мнению, торговля и промышленность способны предотвратить «злые умыслы» и государственные перевороты, которыми всегда отличалась и занималась аристократия. Поэтому французский мыслитель поставил интересы выше страстей и разума.

Он также первым сформулировал положение: прямая критика политиков за несоответствие их действий морали и разуму не имеет смысла. Она всех убеждает, но никого не исправляет. Лучше «пойти другим путем» – показывать бесполезность страстей и намерений аристократии и властей. Иначе говоря, Монтескье придал принципу пользы политическое измерение.

Правда, взгляды Монтескье не отличались последовательностью. С одной стороны, он положительно оценивал развитие оборота векселей – «невидимого имущества». С другой стороны, опасался роста значения государственных ценных бумаг. Дело в том, что сразу же после изобретения векселя государственные займы и долги получили повсеместное распространение. И пока ни одно государство не собирается от них отказываться. Для борьбы с этим процессом Монтескье предлагал использовать принцип разделения властей и арбитража. Он питал иллюзию, что указанные средства положительно повлияют на международные отношения и увеличат шансы мира.

Общий вывод теории Монтескье поражает бездоказательностью: с одной стороны, торговля позволяет предотвращать гражданские войны, но, с другой стороны, способствует поддержанию военной морали в отношениях между государствами...

Взгляды Д. Стюарта были не менее противоречивыми. Он сформулировал ложную альтернативу в виде диалектического софизма: рост торговли и богатства увеличивает влияние политиков на поведение всех граждан и в то же время уменьшает сферу политического произвола в государственной власти в целом. Эта альтернатива повлияла на всю последующую политическую, экономическую и социальную мысль и практику. От нее до сих пор не могут освободиться ни либералы, ни социалисты, ни консерваторы. Подобный ход мысли, как показала последующая история, ведет в теоретические, политические и экономические тупики.

Для выхода из теоретического тупика Д. Стюарт сконструировал популярное до сих пор различие между властно-политическим произво-

лом и строгим регулированием экономики. По его мнению, произвол власти обусловлен страстями властей предрежащих. Тогда как строгое регулирование экономики приписывалось гипотетическому государственному мужу, который руководствуется исключительно общим благом. Развитие экономики устанавливает пределы для произвола и увеличивает потребность во вмешательстве власти в социальные процессы. Такое вмешательство и должно гарантировать устойчивое развитие экономики.

Для доказательства этого софизма Д. Стюарт сравнивал экономику с часами. Мир экономики уподоблялся вселенной, которой можно управлять извне. Произвол портит, а регулирование исправляет часы. Под пером Д. Стюарта библейский Бог (создавший мир из глины) переквалифицировался в Главного Часовщика. Предполагалось, что сконструированные Богом часы могут ходить без всякой помощи со стороны людей. Правда, не всех. Для политиков и государственных аппаратов делалось исключение. Они уподоблялись часовщикам, регулирующим экономические механизмы.

Д. Миллар радикализировал этот вывод. По его мнению, государственный муж не может принимать произвольных решений, а должен непосредственно способствовать благосостоянию страны. Тем самым, экономические и политические механизмы ставились во взаимосвязь. Но как гарантировать правильный ход обоих? Такую гарантию Миллар усматривал в праве на восстание. Его аргументы были не менее механистическими.

Фабричные люди живут в городах. Масса горожан действует как машина, ход которой остановить невозможно. Рабочие постоянно совершенствуются в избранной профессии. Поэтому фабрично-городские слои меркантильно-ориентированных народов без всякого труда постигают общие интересы. Горожане обладают также возможностью контроля над государственными учреждениями и могут устранять невежественных чиновников. Поэтому любые массовые акции обладают положительным социальным смыслом. Трудящиеся массы обладают правом на восстание. Это право соответствует групповым интересам трудового народа и одновременно способствует совершенствованию конституции. Следовательно, плебейские массы выполняют рациональную и полезную функцию в экономическом процессе.

Монтескье, Д. Стюарт и Д. Миллар заложили основы первого направления, в русле которого категория интереса преобразовывалась в движущую силу экономического и политического развития.

Второе направление связано с физиократами. Они первыми требовали ограничить оборот денег в торговле и промышленности. Главный аргумент состоит в необходимости увеличить определенность экономики. Физиократы также первыми заметили опасность того, что богатые купцы и промышленники могут применять средневековую корпоративную мораль для организации отдельных государств.

Физиократы соглашались с положением о том, что произвольная и некомпетентная политика тормозит экономический прогресс. Для предотвращения этого они сконструировали модель социального строя, в котором общие интересы тождественны индивидуальным интересам властвующих лиц. Такое тождество возможно только при абсолютной монархии.

Именно в этом контексте и была сформулирована доктрина о «гармонии интересов». Согласно данной доктрине, общее благо есть не столько результат стремления индивидов к собственной пользе, сколько следствие абсолютной власти. Идеальный политический строй может быть установлен только просвещенным монархом. Он является собственником всех средств производства и устраняет все конфликты между властью и обществом.

Таким образом, посредством указанной интерпретации интересов физиократы защищали азиатский деспотизм.

А. Смит завершил эту концепцию. Монтескье и Стюарт были заняты проблемой ограничения власти короля. А. Смита больше беспокоило невежество и произвол аристократии. Он полагал ее крах неизбежным, если только она решится использовать новые возможности потребления и улучшения материальной ситуации.

А. Смит тоже рассматривал политику как необходимую предпосылку и следствие развития экономики. В то же время он обосновывал необходимость государства не столько соображениями минимализации его функций, сколько потребностью установления рамок для произвола. Если произвол мешает экономике развиваться, то власть надо менять, а не ждать, когда она изменится сама по себе.

Отношение Смита к капитализму (особенно к принципу разделения труда) было неоднозначным. Но он первым заметил неожиданные следствия развития экономики: торговля способствует излишества, коррупции и общему упадку нравов; все страсти человека концентрируются в стремлении к наживе.

Отсюда вытекал главный вывод Смита: стремление к богатству не есть самоцель, а средство социального признания. Внеэкономические

мотивы поведения не являются самостоятельными, но они направлены на укрепление экономических мотивов. Тем самым Смит отождествил интересы со страстями. Тогда как акцент на внеэкономические (моральные и политические) мотивы человеческой деятельности способствовал анализу экономического поведения в соответствии с прежней концепцией человеческой природы.

Иначе говоря, теория Смита была регрессом – возвратом к исходному состоянию понимания интересов. Это объясняется тем, что британского моралиста и экономиста интересовал «человек толпы» – обычное поведение большинства людей. Главная забота большинства – самосохранение и улучшение материальных условий жизни. Абсолютное большинство людей не в состоянии ни подчинять свое поведение рыцарскому кодексу (этос чести и славы), ни «жить страстями» (как аристократия), ни удовлетворять страсти путем размеренной и систематической погони за интересами (подобно евреям, пуританам и возникающей буржуазии), ни вообще последовательно соблюдать сказанное слово.

Неожиданное следствие теории А. Смита состояло в том, что проблемы социальной морали вообще перестали интересовать экономистов. Такое положение сохраняется до сих пор в профессиональной среде экономистов, независимо от того, каких идеологических и политических ориентаций они придерживаются – либеральных, социалистических или консервативных, этатистских или социетальных. «Подход А. Смита поставил такое количество интеллектуальных проблем, – пишет А. Хиршман, – что их расшифровка и решение дали пищу многим поколениям экономистов. Как сама гипотеза, так и возникшая на ее основе теория удовлетворяли посылкам победившей парадигмы. Они были удовлетворительным обобщением и одновременно дали возможность сузить поле исследования, по которому до тех пор свободно двигалась социальная мысль. Тем самым были созданы условия для интеллектуальной специализации и профессионализма». Научная специализация способствовала закреплению и воспроизводству указанных aberrаций, от которых до сих пор не может освободиться социальное знание во всем комплексе дисциплин.

Вернемся к уже поставленному вопросу: можно ли с помощью экономики улучшить социальный строй? На него следует ответить отрицательно. В XVIII в. возникло представление о спасительных политических последствиях развития экономики. Это представление есть иллюзия. Она остается привлекательной до сих пор, хотя история ее полностью опровергла.

В частности, сравнение экономики с часами (постоянное движение, стабильность, точность и исправность рыночных механизмов) сыграло роль ключевого аргумента при установлении множества авторитарных режимов XIX–XX вв. в Европе и во всем мире. Этот аргумент впервые был использован физиократами, а затем бесконечно повторялся. В данном контексте была также сформулирована идея о возможности «научного управления обществом» и веберовская концепция «рациональной бюрократии». Ни либералы, ни марксисты, ни консерваторы, ни просто политические прагматики так и не смогли освободиться от этих иллюзий. По сути дела, все остальные направления экономической, социальной, правовой, политической и организационно-управленческой мысли до сих пор испытывают влияние указанных иллюзий.

Например, уже у Барнава можно обнаружить противопоставление «солидарности» (племени, клана) и «торгашеского духа». Преследование материальных интересов создает потребность в социальной стабильности, но оно же может привести к противоположному следствию – стать идейным источником деспотизма. Указанная дихотомия затем была заимствована молодым Марксом, Дюркгеймом, Теннисом, Парсонсом и т.д. Правда, Маркс дополнил этот вывод. При анализе революции 1848 г. он показал, что развитие экономики и забота о материальных интересах могут как улучшать, так и ухудшать искусство управления государством. Однако Маркс полагал, что положительные следствия развития экономики предшествуют отрицательным. От этой идеи все еще не могут освободиться марксистские и постмарксистские теоретики и политики во всех странах.

Содержательные критические аргументы против всей системы описанных заблуждений были развиты Фергюсоном и Токвилем. Они исходили из констатации существующего положения вещей: у большинства людей влечение к материальным благам развивается быстрее, нежели склонность к познанию и навык практического пользования свободой. Если большинство людей занято лишь погоней за материальными интересами, то ловкие политические игроки могут захватить власть даже при формальной демократии. Если же народ требует от правительства только поддержания порядка для преследования материальных интересов, то он является рабом собственного материального благополучия.

Такие мотивы поведения большинства людей существуют до сих пор. При таком положении вещей вероятность появления «авторитарных личностей», стремящихся к подчинению всего народа, возрастает

пропорционально степени распространения материальных интересов в обществе. Следует ли отсюда, что все политические формы современного общества (включая демократию) и весь корпус современного социального знания стоят на песке?

Интересы «квази-стражей» современного общества. Итак, погоня за материальными интересами и превращение последних в главный и морально мотивированный стимул социального поведения ведет к неразрешимой дилемме:

- любая детерминация политики экономикой лишь *увеличивает* вероятность властно-политического произвола;
- одновременно такая детерминация *уменьшает* участие большинства граждан в политической жизни.

Эту дилемму не удалось обойти ни одному демократическому государству. Тогда так в государствах деспотических и авторитарных вершины властных иерархий на протяжении XX в. по собственному произволу устанавливали сферу того, что является «полезным» и «вредным» для функционирования «деликатного часового механизма» экономики. Невозможно также отрицать очевидный факт: в современном обществе большинство людей занято погоней за деньгами и материальным благополучием. Это правило не зависит от специфики социально-экономических систем. Одновременно оно лишь увеличивает сферу свободы для тех, кто стремится к власти ради удовлетворения собственных амбиций – или страстей в терминологии XVII – XVIII вв.

Таким образом, «хорошие» и «плохие» последствия развития экономики всегда проявляются одновременно. Отсюда вытекает необходимость отбрасывания всех концепций, признающих идею о детерминации политики экономикой (и наоборот), независимо от положительной или отрицательной оценки данной детерминации. Речь идет о целых направлениях и школах современного экономического, социологического, политического и культурно-цивилизационного анализа. Сюда попадают:

- либеральные концепции свободного рынка и открытого общества (Л. Мизес, Ф. Хайек, Й. Шумпетер, М. Фридман, К. Поппер и др.);
- марксистские концепции отчуждения и борьбы классов (Г. Лукач, А. Грамши, В. Ленин);
- консервативно-аристократические концепции рессентимента и массового общества (Ф. Ницше, Х. Ортега-и-Гассет и др.);
- социологические концепции солидарности, аномии и дисфункций (Э. Дюркгейм, Т. Парсонс, Р. Мертон и др.).

Современное научное сообщество в значительной степени состоит из последователей данных концепций. Однако все аргументы, которыми пользуются последователи, против детерминации политики экономикой и государства вообще были сформулированы П. Прудомом. Он видел в частной собственности главную гарантию от угрозы вмешательства государства в социальную жизнь. Перечисленные концепции не дают возможности противодействовать данной угрозе постоянно и ежедневно в любых обстоятельствах места и времени. Отсюда вытекает кардинальное положение: *никакого «нормального» капитализма не было и нет, а всякая связь материальных интересов с политическими (и наоборот) подозрительна по определению.*

Как же в таком случае относиться к веберовской теории капитализма, в основании которой лежит представление о констелляции материальных интересов и идей во всех сферах социальной жизни?

Вебер и его последователи интересуются прежде всего психологией и этикой поведения индивидов. На этом основании объясняются причины концентрации определенных групп на рациональной калькуляции аккумуляции денег и других капиталов. Вебер полагал капитализм непредвиденным и непреднамеренным следствием поиска индивидуального спасения. Кальвиновская доктрина предопределения преобразовалась в методические действия. Они были одухотворены целью индивидуального спасения. Средством выступили требования протестантской этики, предполагающей самоотречение. Последователи Кальвина сумели найти выход между Сциллой фатализма и Харибдой стремления к мирским благам. В этом состоит парадокс. Он свидетельствует о наличии важных, но неожиданных и не всегда реализуемых следствиях человеческой деятельности. Открытие таких следствий стало важной задачей социальных теоретиков, начиная с Вико, Мандевиля и А. Смита.

А. Хиршман предлагает всему корпусу социальных знаний двигаться по этому пути. Значимое различие между теорией Вебера и концепцией Хиршмана состоит в ряде пунктов, из которых я отмечу лишь основные.

До сих пор социальные науки занимались анализом общества и его отдельных фрагментов. Теперь главным предметом анализа всей системы социальных наук должны стать реакции интеллектуальных, политических и чиновничьих элит на новые явления. Элиты обычно категоризируют все социальные явления и процессы на «положительные» и «отрицательные».

В частности, элиты положительно реагировали на становление и развитие капитализма, связывая с ним собственные надежды. Они считали, что погоня за деньгами удерживает человека на верном пути, сдерживает произвол и авантюризм власти во внутренней и международной политике. Эта надежда не подтвердилась.

Одновременно элиты отчаянно искали средства для коллективного спасения, предотвращения распада общества. По мере становления капитализма такой распад стал перманентной угрозой вследствие нестабильности внутреннего и внешнего социального порядка. Эта нестабильность порождается погоней за интересами и существует до сих пор. Следовательно, поиск средств коллективного спасения ни к чему не привел. Наоборот, истории XX в. с ее мировыми катаклизмами дает материал для противоположного вывода.

Короче говоря, элиты хотели и «невинность соблудости и капитал приобрести». А. Хиршман предлагает соединить оба мотива при объяснении генезиса капитализма и любой формы современного общества – социалистического, смешанного и т.д. Эти мотивы определяют поведение интеллектуалов и бюрократии.

Интеллектуально-чиновничьи элиты всегда заинтересованы в поиске путей *группового спасения* (т.е. собственного воспроизводства независимо от социальных и политических преобразований) и преодолению всех преград на этом пути. Здесь они наследуют функцию религиозного клира, хотя их квалификация в Новое время существенно изменилась. Маркс назвал эту социальную группу «идеологами», Вебер писал о «литераторах», а Р.Даль называет ее «квази-стражами» (по аналогии с функцией стражей в идеальном государстве Платона). Неожиданные следствия экономического и социального развития порождаются стремлением интеллектуально-чиновничьих элит найти пути группового спасения.

Однако ни политики, ни интеллектуалы, ни бюрократия не в состоянии ни объяснить, ни преодолеть неожиданные последствия. Любые человеческие решения и действия ведут к результатам, которые в моменты принятия решения и периоды осуществления действий совершенно не предполагались. Да и сами решения и действия предпринимаются лишь потому, что политические и интеллектуально-чиновничьи элиты искренне и с полным убеждением ожидают результатов, которые никогда не появляются.

В этом и состоит главный парадокс социальной жизни: надежды большинства людей остаются приватной сферой; надежды и иллюзор-

ные ожидания политических и интеллектуально-чиновничьих элит возникают в моменты подготовки и принятия решений и становятся *главной причиной выхода социальной жизни из-под контроля*.

Иначе говоря, интеллектуально-чиновничьи элиты в наибольшей степени претендуют на знание социальной жизни и рациональные решения. Но они же несут главную ответственность за хаос социальной жизни. Кроме того, интеллектуально-чиновничьи элиты всегда претендуют на то, что общество надо контролировать. Их надежды приобретают социальную историю, в отличие от индивидуальных надежд большинства людей. Социальная история надежд интеллектуально-чиновничьих элит была и остается вымышленной. Но она позволяет устранить из поля зрения действительные будущие следствия принятых решений.

Стало бы, социальные науки должны ориентироваться на поиск, открытие и анализ невоплощенных следствий принятых решений. Эта задача сегодня становится даже более важной, нежели исследование неожиданных, но реальных следствий. Реальные следствия обладают статусом существования. Невоплощенные надежды и иллюзии главных факторов социальной жизни превращаются в «преходящее мгновение». А если желаемые следствия не наступают, и нет никаких шансов на их появление, то о них не только стараются забыть, но и стереть все следы в памяти.

Процедура забывтья – главное средство интеллектуальной самозащиты элит и легитимизации всякой новой социальной системы: «Может ли сохраниться любая социальная система с двойным сознанием, – вопрошает А.Хиршман, – если она была избрана с самым глубоким убеждением в том, что решит определенные проблемы, но одновременно никогда не в состоянии это сделать?». Социальные науки должны постоянно напоминать о том, что обычно стремятся забыть элиты.

Таким образом, факт существования современного капитализма доказывает лишь то, что это была первая в истории социальная система с «двойным сознанием». Но феномен «двойного сознания» типичен и для других социальных систем, возникших на почве капитализма. Если политики, интеллектуалы и бюрократия продолжают выполнять главные роли в социальной системе, то различие между капитализмом и социализмом (или смешанным обществом) становится *неуловимым*. Социализм лишь воплощает в жизнь всю систему описанных надежд и иллюзий, усиливая ее тысячекратно. Дело в том, что социализм заимствует у капитализма всю систему социальных институтов и организационных

структур. Они порождают не менее неожиданные следствия по сравнению с интересами.

От критики к разрыву. Как известно, большинство специалистов в сфере социальных знаний принадлежит к сторонникам рыночной экономики, регулируемой экономики или социального государства (смешанного общества, в котором снята дихотомия капитализма и социализма). А. Хиршман предлагает концепцию, которая может служить средством для того, чтобы вырваться из «заколдованного круга» современных академических дискуссий и политических дебатов. Его больше интересуют внутренние конфликты любой завершенной и институционализированной системы взглядов.

Предельно кратко позицию А. Хиршмана можно определить так: любая идеология и социальная теория порождают комплекс непредвиденных следствий, разрушающих ее собственные основания. В этом смысле нет существенных различий между либерализмом, социализмом и консерватизмом. То же самое можно сказать о социальных и политических системах, пытающихся воплотить в жизнь указанные идеологии или их гибридные формы.

Главный нерв концепции состоит в сокрушительной критике рыночной и управляемой экономики, конституционно-демократического и революционно-тоталитарного способа преобразования общества одновременно. Отсюда не следует, что А. Хиршман ищет «третий путь» по образцу неомарксистов или сторонников «самобытности», предлагающих различные варианты смешанного общества.

При оценке любых социальных процессов требуется терпимость к недостаткам общества и ошибкам социального управления. Большинство обществ до сих пор не видело «смазанного волка», поскольку обладало таким объемом благ, который превышал минимум средств к существованию. Об этом свидетельствует факт воспроизводства социального неравенства на всем протяжении человеческой истории. Отсюда не вытекает, что неравенство следует признать нормой, как предлагают консерваторы. Эта норма ничуть не нормальнее равенства. Просто в социально-исторической жизни происходит постоянное нарушение любых представлений о «гармонии», «золотой середине», «консенсусе» и т.п. Краткие и длительные периоды нарушений следует рассматривать как свидетельство социальной динамики, которая может принимать разные формы.

Государство – одна из форм социальной динамики. На протяжении всей истории ни одному государству не удалось создать такие социаль-

ные и политические механизмы, которые бы полностью предотвратили сбой социального организма. Следовательно, в таких механизмах нет и потребности. Болезнь (кризис, распад, катастрофа) есть нормальное состояние общества. Любые попытки его «оздоровления» и «совершенствования» заранее обречены на провал.

Для доказательства этого тезиса А. Хиршман приводит религиозные и светские аргументы.

Главный религиозный аргумент (в рамках христианства) состоит в квалификации всей истории человеческого рода как грехопадения. Последовательный христианин должен признать исходную испорченность человека. И не конструировать таких социальных идеалов, в которых бы заведомо испорченным людям жилось бы хорошо и комфортно. Однако большинство верующих всех религий (как и большинство неверующих) не в состоянии поступать и жить последовательно. Для обоснования непоследовательности верующих-христиан была изобретена концепция «естественных прав человека».

Эта концепция связала христианскую социальную философию с различными вариантами светского мировоззрения Нового времени. Данная концепция не удовлетворяет ни онтологическим, ни историческим, ни логическим критериям. Тем не менее она породила либеральную модель «государства всеобщего благосостояния», марксистскую модель «коммунизма», социал-демократическую модель «социального государства», христианскую модель «миллениума» и т.п.

Параллельно с формулировкой, разработкой, пропагандой и практическим воплощением всех указанных моделей наступила длительная эпоха кризисов, войн, революций, социальных и политических потрясений. Существует большой соблазн истолковать их как «ненормальное» состояние общества. Значительно больше оснований рассматривать все социальные катаклизмы как расплату за человеческую непоследовательность.

Кроме того, в периоды социальных кризисов можно уменьшать расходы ресурсов и средств, внедрять в жизнь ранее разработанные концепции и методы, испытывать пределы человеческой выносливости. Следовательно, кризисы были и остаются периодами социального творчества. Если до сих пор не удалось обеспечить социальный гомеостазис, то общество и не нуждается в абсолютно исправных механизмах. Любые попытки их создания неизбежно ведут к нормативизму в социальной теории и практике, политике и управлении.

От указанного нормативизма не свободна вся парадигма социального мышления Нового времени. Речь идет о концепциях интересов, конкуренции, демократии, патриотизма, которые конституируют современное мышление.

Об интересах уже шла речь. Действительно, для нескольких поколений людей XIX – XX вв. кажется естественной и непреложной ссыла на интересы как феномены, определяющие всю сферу социальной реальности. Интересы полагаются «нормой» поведения людей. Ссылка на интересы при теоретическом осмыслении реальности и принятии политических решений сегодня попросту не нуждается в обосновании. Между тем, как было показано, в интересах и скрываются предпосылки всех индивидуальных и групповых практических и теоретических аббераций. Их без труда можно обнаружить в губительных социальных последствиях экономического роста при капитализме, социализме и смешанных социально-экономических системах.

Одним из таких следствий является модель конкуренции. Она прилагается сегодня к любым типам социальных систем, хотя сложилась в рамках капитализма. Эта модель давно уже стала элементом манипуляции и не способствует познанию определяющих для нее конфликтов.

Что же это за конфликты? А. Хиршман предлагает анализировать конкуренцию как связь и противоборство между критикой и разрывом. Индивиды могут критиковать и порывать социальные связи. В этом отношении связь критики и разрыва есть универсальный способ реакции людей на любые ухудшения деятельности любых экономических и политических институтов.

Все индивиды на протяжении жизни связаны с определенными группами и организациями в качестве членов или клиентов. Если взаимодействия людей регулируются рынком, индивиды вправе порвать связи с группами и организациями, которые не обеспечивают им надлежащий уровень доходов, благ и услуг. Реализация этого права зависит от материальных интересов людей. Критика может градуироваться от молчаливого недовольства до резкого протеста. Но в любом случае она требует непосредственного и решительного выражения взглядов. Не все индивиды на это способны. Поэтому критика в большей степени связана с политическим действием, хотя чаще высказывается при сбоех экономических механизмов.

Иначе говоря, существует несоизмеримость экономических и политических аспектов разрыва и критики. Такая несоизмеримость существ-

вует в любых социальных системах. Она выражается во всех попытках регламентировать критику и разрыв – от группового и административного давления до статей соответствующих кодексов, определяющих отношения между работодателем и рабочим, прописку, алименты, пропаганду тех или иных взглядов, государственные преступления и т.д.

Указанная несоизмеримость (или конфликт) существует как при конкуренции, так и при монополии – семейной, групповой, корпоративной, государственной, смешанной и т.д.

Конкуренция обычно выражается в соперничестве разных фирм за ресурсы, рабочую силу и клиентов. Но она может вырождаться в пустую трату ресурсов и труда, если руководство организационных структур находится под постоянной критикой извне или изнутри. Поэтому всякое руководство стремится блокировать критику. Такая блокировка существует и при конкуренции. Поэтому конкуренция не может рассматриваться как норма экономических и социальных процессов.

В любых социальных системах индивиды стоят перед дилеммой: критиковать или порвать связь с социальными группами, организациями и институтами. Критика может быть эффективным дополнением разрыва. Но для этого она должна удовлетворять следующим условиям: быть направленной на изменение экономики и политики в целом (на микро-, мезо- и макроуровнях экономической и политической систем); выражать интересы разных социальных групп; приводить к конкретным результатам; быть элементом (функцией) политических систем; не исключать разрыв связей индивида с любыми социальными группами, институтами и системами.

Ни одна из существующих социальных систем не удовлетворяет данным условиям. Этим определяются пределы социальной критики. Кроме того, до сих пор популярен шаблон поведения и мышления: положение можно изменить, если этим займется начальство. Следовательно, критика обычно не отвергает всю систему иерархического устройства общества и государства. Крайне редко встречаются индивиды, которые способны быть последовательными в критике.

Большинство индивидов не в состоянии порвать связи с теми или иными общностями. Для большинства критика остается единственным способом действия. Этот способ типичен для семьи, церкви и государства. Критикой обычно занимаются те, кто не решился порвать связи с данными формами общности людей. Эти формы были и пока остаются всеобщими. Поэтому всегда существует опасность переплетения кон-

курении с монополией – семейной, церковной, корпоративной, государственной. А любое переплетение экономического и политического поведения снижает потенциал критики.

Например, если уровень артикуляции интересов стабилен, то ухудшение дел в сфере экономики (неэластичность спроса и предложения) при отсутствии возможности разрыва способствуют росту критики «вхолостую»: люди на руководящих постах меняются, а социальные и организационные системы остаются прежними. Это правило не смогла отметить ни одна социальная и организационная система.

Общая модель связи критики и разрыва включает следующие варианты:

- при конкуренции в экономике критика дополняет разрыв, но приносят минимальную пользу из-за тенденции семьи, церкви и государства к монополии;
- чем более развивается критика экономики, тем более повышаются требования к качеству товаров и услуг;
- шансы улучшения экономики зависят от совместного действия критики и разрыва:
- но возможность и приоритет разрыва над критикой не способствует улучшению дел в сфере экономики.

Иначе говоря, всегда существует опасность превращения критики в субститут разрыва. Решение о разрыве учитывает шансы успеха критики. Если эти шансы высоки, то индивиды могут отказаться от разрыва. Если человек все же решается на разрыв, то он отказывается от критики, а не наоборот. Поэтому решение о разрыве с социальными группами, организациями и институтами обычно принимается после более или менее длительного опыта бесплодной критики.

При рыночной экономике существует большое количество разнообразных товаров и услуг. Индивид может приобретать товары и пользоваться услугами разных фирм. Такая ситуация способствует приоритету разрыва над критикой. Однако чем более развита конкуренция и чем более товары и услуги рассчитаны на индивидуальное потребление, тем более возможность разрыва вызывает непредвиденные последствия. Люди превращаются в потребителей, не интересующихся политикой. Если товары и услуги рассчитаны на массовое потребление, политическое содержание критики возрастает. Но интерес к политике может сопровождаться профессиональным и организационным бесплодием.

Таким образом, критика есть искусство, которое может развиваться при любых условиях. Суть критики – открытие новых способов действия во всех сферах социальной жизни. Эти способы направлены на уменьшение расходов и рост эффективности. Тогда как возможность разрыва отрицательно влияет на доведение искусства критики до совершенства и практических результатов.

Однако даже в экономической сфере крайне трудно найти оптимальное сочетание критики с разрывом.

Например, во всех странах мира существует железнодорожный транспорт и система образования как отрасли массовых услуг и государственной экономики. Одновременно существует личный автотранспорт и система частных школ и высших учебных заведений. При конкуренции первая система всегда проигрывает, поскольку ее администрация всегда надеется на помощь государства. Поэтому руководство государственных предприятий при любых типах экономики наименее чувствительно к критике. Оно блокирует критику. Не дает возможности соединить ее с разрывом таким образом, чтобы это сочетание было оптимальным для большинства граждан.

Если государство монополизует отрасли хозяйства, возможности критики еще более уменьшаются. При любых попытках социальных изменений администрация обеспечивает воспроизводство сложившихся стандартов бесплодной критики.

Отсюда вытекают два важных следствия:

- деятельность государственного и любого другого управленческого аппарата всегда порождает непредвиденные последствия;
- данный аппарат должен быть главным объектом анализа при историческом и социологическом описании опыта социальной критики в любой стране.

Что же такое бесплодная критика? Она существует при любых социально-экономических системах. Ее стандарты направлены на ограничение активности людей, наиболее заинтересованных в повышении качества товаров и услуг в экономической сфере. В итоге даже при конкуренции самые активные, инициативные и последовательные в критике люди становятся первыми в очереди на разрыв. Обычно качество последовательно ухудшается в тех сферах, которые закрепляют за собой корпоративную и государственную монополию. Проблема состоит в определении класса экономических систем и отраслей производства, для которых монополия предпочтительнее конкуренции.

Однако эта проблема переплетена с экономическим поведением индивидов. Если цена товаров возрастает, первыми отказываются от них люди, которые были в них наименее заинтересованы. Если падает качество товаров и услуг, первыми от них отказываются наиболее требовательные клиенты. Вопрос состоит в установлении корреляции между числом потребителей первого и второго типа.

Определить такую корреляцию крайне сложно, поскольку роль качества в экономике изучена мало. А. Хиршман формулирует гипотезу об идентичности показателя эквивалентности для установления экономических мотивов критики:

Если бы падение качества товаров можно было выразить с помощью цены, эквивалентной для всех покупателей, то влияние падения качества и роста цен на решение о разрыве (отказе от покупки определенных товаров) было бы идентичным.

При доказательстве этой гипотезы можно исходить из того, что обычно потребители по-разному оценивают качество. Но если оценка качества является главной, то отказ от определенных товаров и услуг парализует критику, лишая ее главных исполнителей.

Например, если падает качество обучения в государственных школах, то первыми от них отказываются дети состоятельных родителей. Обычно такие родители высоко ценят образование и могли бы предпринять борьбу за улучшение качества образования в государственной отрасли. Вместо критики и борьбы они просто порывают с определенной системой образования. Если же ухудшается качество обучения в частных школах, родители оставляют там детей из-за понесенных расходов. Критика и борьба в этом случае наталкивается на экономические барьеры.

При существовании государственного и частного образования больше вероятность высокого качества в частном секторе. Правда, она зависит от возможности того, что большинство населения готово порвать с государственной системой образования. Если такой возможности нет (из-за низкого качества жизни большинства населения), то как критика, так и разрыв становятся бесполезными. В этом случае недостатки государственной системы образования накладываются на слабости частной системы. Если же контингент учителей сотрудничает в обеих системах одновременно, происходит усиление недостатков и слабостей.

Короче говоря, существуют значительные трудности оптимального сочетания критики с разрывом в сфере экономики. Эти трудности определяются множеством факторов социальной жизни:

- роли производственной бюрократии и государственного аппарата в системе социальных отношений;
- не существует универсальных критериев сравнения профессиональных сфер с точки зрения доли в них талантливых людей;
- не существует универсальных критериев сравнения цены и качества товаров и услуг с качеством жизни отдельных социальных групп;
- существует конфликт между процессами вертикальной и горизонтальной динамики социальных групп;
- либеральный постулат конкуренции (как наиболее эффективной социальной связи) не может быть использован для оценки социальных преобразований.

Эти трудности еще более усиливаются в сфере политики демократических стран.

Эталон демократии или инерционная политическая система?

Для иллюстрации указанных трудностей А. Хиршман детально анализирует политическую традицию США – страны, которая традиционно считается эталоном демократии.

В этой стране право на разрыв социальных связей всегда обладало высоким статусом. Само существование США связано с множеством решений множества людей, которые предпочли уход из родных стран критике и попыткам улучшить в них положение. Эта традиция укрепилась и после конституирования США как независимой страны. Возможность разрыва в виде мифа о «диком и открытом Западе» стала моделью решения проблем индивидуальной жизни. Социальное кочевничество (разрыв связей и уход на новое место жительства) предпочиталось изменению обстоятельств, так что разрыв с прошлым заменил опыт европейских революций и стал предпосылкой политической демократии.

Политическая демократия в США начала вырастать из непосредственной демократии пионеров. В этой среде формировались первые социалистические требования и новые политические программы. Избирательный процесс расширялся за счет введения в него институтов непосредственной демократии (выдвижение сенаторов, референдум, гражданская инициатива, отзыв членов парламента, импичмент президента и т.д.). В данных институтах отразилось стремление сохранить образ жизни пионеров, который постепенно исчезал по мере заселения территорий и пограничных областей.

Но эта же традиция породила удивительный конформизм американцев, отмеченный уже А. Токвилем. Зачем вдаваться в споры, критику,

наживать врагов и затруднять себе жизнь, если всегда можно «сняться с места» и уйти, едва оно перестало удовлетворять индивида? Миллионы и десятки миллионов американцев предпочли такой образ жизни. В результате они становились равнодушными к любой среде обитания, общине и родине. После разрыва судьба брошенных мест и людей их уже не интересовала.

На этой почве возникала американская идея индивидуального успеха. Речь идет о социальной динамике особого типа. Она связана с вертикальными (по ступеням служебной и социальной карьеры) и горизонтальными (переселение в фешенебельные районы города) перемещениями. Индивидуальный успех стал основанием кристаллизации социальных групп. После этого начала культивироваться филантропия в отношении брошенных людей и топосов. Она еще более затруднила критику и усилила иждивенчество в американском обществе.

Негритянское движение отбросило традиционный образ индивидуальной динамики и сделало акцент на групповое продвижение. Уход выдающихся лиц из общины начал рассматриваться как ее ослабление. Перед разрывом возникли всевозможные ограничения. Однако групповое продвижение в США стало лишь переносом традиционализма в индустриальное общество. Такое продвижение напоминает образцы поведения в современной Африке и других развивающихся странах: в них ни разрыв, ни критика не приносят никаких результатов.

Групповое продвижение связано также с метисизацией, при которой индивиды участвуют в изменениях только в качестве члена группы. На такой основе возникали американские группы интересов. Сегодня они обладают ключевым значением в различных сферах социальной жизни и блокируют любые радикальные изменения.

Указанные феномены породили веру в разрыв как главный способ решения индивидуальных проблем. В свою очередь, эта вера способствовала слепому доверию к рынку, конкуренции и двухпартийной системе. «До тех пор, пока можно отказаться от покупки товара фирмы А и начать покупать товар конкурирующей фирмы В, – пишет А. Хиршман, – национальный романс с идеей разрыва продолжается». Однако разрыв породил собственную противоположность.

Бросая родину, эмигрант принимает трудное решение. Он вынужден порвать самые глубокие эмоциональные связи. Необходимость приспособления к новой среде требует дополнительного расхода сил и энергии. Речь идет о выработке искусственных эмоций – связей с но-

вой родиной, поскольку за это заплачена большая цена. Брошенная родина все более теряет привлекательность. Новая все более идеализируется и выступает в качестве «последней надежды человечества». Поэтому слово «счастье» в американском сленге утратило глубокий смысл и отождествляется с довольством жизнью. Нынешняя Америка – страна довольных жизнью глубоко несчастных людей.

США были и остаются «страной последних шансов». Разрыв с нею для большинства невыносим. Такая ситуация определяет пределы социальной критики: если страну обвинять невозможно, то всякое недовольство требует от индивида принять еще одну пилюлю «приспособления». В этом случае критика мотивируется типично американским убеждением: все человеческие проблемы могут быть решены путем улучшения социальных институтов. В результате либеральный индивидуализм – предпочтение экономических интересов гражданским добродетелям – завершается самым яростным социоцентризмом. Социальная критика вытекает уже не столько из стремления изменить существующие обстоятельства, сколько из сравнения их с воображаемым идеалом. Таким идеалом выступает «американская идея», легитимирующая тотальный конформизм.

Этот конформизм выражен и в политической системе США. Она основана на конкуренции двух партий и блокирует любые радикальные изменения. Недовольство положением дел в обществе преобразуется в недовольство правящей партией и потому теряет критический потенциал.

В последние десятилетия американские политики и парламентарии перестали пользоваться правом добровольного ухода в отставку из-за принципиального несогласия по тем или иным вопросам. Иначе говоря, мотив идеализации собственной страны преобразовался в отказ от разрыва с ее администрацией. В американском парламенте и сенате появился тип «официального критика». Он согласен выполнять эту роль только в качестве «члена команды», а не для выражения собственных взглядов и политического характера. Однако предвидимость критики сводит ее к нулю. А переход к критике означает, что реальная власть и влияние индивида заканчиваются. В итоге оппортунизм стал главной американской добродетелью. Члены правительства руководствуются неписаным правилом аппаратчика: противодействие проводимой политике не должно выставляться напоказ.

Таким образом, «самая демократическая страна» стала наиболее консервативной и бюрократической. Как известно, нынешний мир со-

стоит из больших, средних и малых стран. Принадлежность к правительству и аппарату управления большой страны в наибольшей степени связана с вероятностью коррупции.

Американские политики и менеджеры подвержены еще одной бюрократической иллюзии: положение в обществе можно исправить только в том случае, если индивид принадлежит к правительству или администрации. На самом деле «... даже крохотная власть и влияние в сильной и большой стране коррумпируют в наибольшей степени». Уход в отставку по причине расхождения в принципах и методах исчез из американской политики потому, что уходящий оказывается без партийной поддержки и поддержки общественного мнения.

Указанные феномены отражают более мощную социально-экономическую тенденцию: конкуренция в странах с рыночной экономикой только укрепляет монополию. Действие механизма разрыва способствует появлению все большего числа требовательных, активных и инициативных членов общества. Но они вынуждены прибегать к критике только тогда, когда находятся в безвыходном положении.

А. Хиршман формулирует эту зависимость в виде социологического закона:

– при данной структуре социальной организации (комплекс социальных институтов и связей между ними) критика становится массовой только тогда, когда большинство индивидов находятся в безвыходном положении.

В этом случае выбор между разрывом и критикой становится просто предпочтением меньшего зла большему, хотя всегда трудно определить, что хуже – разрыв или критика. Конкуренция ведет к тому, что разрыв и критика начинают рассматриваться как неизбежное зло, а не как реализация свободы и творческих потенций личности.

Конкуренция выталкивает из социальных институтов наиболее последовательных и настойчивых клиентов. Если политическая власть отражает экономическую, то во властно-управленческих структурах господствует то же отношение к критике и разрыву, которое характерно для экономических структур: бездарные, неспособные, пассивные и ленивые индивиды эксплуатируют слабых и бедных индивидов. Такая экономическая система неэластична, но весьма устойчива. Она пронизывает подавляющее большинство организаций и институтов в сфере экономики. В этом случае бюрократизация экономической и политической власти становится опосредующим звеном между конкуренцией и моно-

полий. Ленивые и пассивные монополии одобряют конкуренцию лишь потому, что она освобождает от усилий и критики.

Такие монополии типичны как для рыночной, так и управляемой экономики. Они обычно возникают в национализированных отраслях промышленности – военно-промышленный и энергетический комплексы, транспорт, связь, система образования, средства массовой информации. Ленивые пассивные монополии располагаются в таких социальных пространствах, где существует большое число подвижных клиентов, требовательных к качеству.

Ленивые и пассивные монополии существуют и в политических структурах. Например, правительства латиноамериканских стран вынуждают своих потенциальных критиков и соперников покинуть политическую сцену. Им предоставляется право эмиграции и выплачивается за рубежом пенсия выше, чем в родной стране.

В целом возможность разрыва деструктивно влияет на энергичную и творческую политическую жизнь. Разрыв ограничивает критику. Если же потенциальные и реальные критики находятся в безвыходной ситуации, то политические компромиссы отражают давление доминирующей стороны, а не являются следствием обоюдного консенсуса.

Наиболее показательным примером неожиданных последствий разрыва и критики является политическая система США. Она порождает политическую инерцию, в состав которой входят следующие феномены:

- неопределенность программ политических партий;
- движение партий к центру;
- радикализация политических требований вследствие бюрократизации партийного руководства.

Партии обычно положительно реагируют на критику, которая затрагивает практические вопросы. Но партии безразличны к критике политических программ. В результате программы становятся все более неопределенными и потому конкуренция между партиями все более лишается смысла. Чем более партии заключают соглашений между собой (в виде блоков и выдвижения совместных требований в отношении правительства), тем более они становятся чуждыми собственному электорату.

Движение партий к центру не способствует политической активности и последовательности граждан. Из партий выталкиваются наиболее последовательные и принципиальные индивиды. Партия центра – отражение ленивой и пассивной монополии на политической сцене.

Радикализация политических требований партий отражает избирательную конъюнктуру и бюрократизацию политического руководства. Руководство партий обычно не занимается управлением и не реагирует на падение популярности среди электората. Критика противников приобретает чисто инструментальное содержание. Она усиливается не от значимости социальных проблем, а зависит от периода между выборами. Чем больше этот период, тем больше «радикализация» политической конкуренции становится чисто вербальной. Стороны заинтересованы не столько в решении социальных проблем, сколько в победе над мнимым противником.

Таким образом, конкуренция в экономике и политике не может рассматриваться как норма экономических и политических процессов. Политическая традиция и система США не могут служить эталоном демократии. Демократия не в состоянии обеспечить оптимальное сочетание критики и разрыва, а только порождает неожиданные последствия. Нормативная модель демократии базируется на постулате о гражданине как активном участнике политического процесса. Однако в экономических и политических структурах стран таких граждан уже давно не существует. Эти структуры обеспечивают лишь политическую рутину и инерцию. Нормативная модель демократии давно уже стала элементом политической манипуляции. То же самое можно сказать о понятии «политического рынка», введенного для маскировки указанных процессов. Поэтому большинство членов современного общества руководствуется спасительным недоверием к любым пропагандируемым моделям.

Феномен «бессознательной лояльности». Промежуточный вывод А. Хиршмана однозначен: для осуществления социальных изменений требуется оптимальное сочетание критики и разрыва, но конкуренция в экономике и политике не в состоянии его обеспечить. Главной причиной инерции демократии является такое толкование лояльности (законопослушности), которое блокирует критику и разрыв одновременно.

Возможность порвать связи с конкретными формами общности выталкивает критику. Критика играет значительную роль в таких формах социальной организации, разрыв с которыми крайне затруднен. Речь идет о семье, клане, церкви и государстве. Однако в данных формах социальной, религиозной и политической общности критика существует лишь в таких пределах, которые исключают радикальные преобразования. Взамен добровольного разрыва данные группы используют принудительное изгнание. Причем в большинстве случаев руководство

указанных форм общности применяет принудительное изгнание по отношению к критикам и противникам.

Отсюда вытекает, прежде всего, вывод методологического характера: – при описании политических традиций указанных форм социальной организации число и частота принудительных изгнаний могут составить особый предмет исторической и политической компаративистики.

Не менее важны политические модификации. Если руководство данных групп применяет принцип изгнания, то критика становится функцией лояльности.

Лояльность – это возможность отказа индивидов от определенности разрыва взамен за неопределенность надежды улучшить положение дел в данной социальной общности. А принцип надежды не поддается рационализации. Если индивиды хотя бы в малейшей степени руководствуются надеждой, то критика возрастает по мере роста лояльности. На более критичные индивиды являются наиболее лояльными и наоборот. Если индивиды не могут освободиться от иррациональной надежды и не менее иррациональной сопричастности к семье, клану, церкви и государству, то они используются критикой как средством улучшения и усовершенствования данной общности.

Лояльность включает мотивы надежды и сопричастности и стимулирует критику. Но такая критика не выходит за пределы традиционной формулы патриотизма: «хорошая или плохая, но это моя страна». Достаточно напомнить, что на воротах Бухенвальда висел аналогичный лозунг: «Право или неправо, но это мое отечество». Так что чем более иррациональна лояльность, тем легче ее утилизировать.

Люди могут уходить в эмиграцию, но не в состоянии освободиться от чувственно-эмоциональных связей со страной происхождения и с указанным шаблоном патриотизма. В результате такой несвободы эмиграция не в состоянии породить принципиально новую систему политических идей, направленных на пересмотр данного шаблона.

В результате указанных феноменов различие между религиозной верой и политической лояльностью становится трудноуловимым. Отождествление того и другого приобретает статус «нормы» социальной и политической жизни.

Но так понятная лояльность и связанная с ней критика теряют смысл, если нормы начинают выводиться из сравнительного анализа государств и систем универсальных принципов – свободы, равенства, справедливости. Данные принципы никогда не могут быть полно-

стью воплощены в жизнь ни в одной стране мира. Кроме того, на протяжении XX в. произошла дифференциация стран по критериям качества жизни, экономической эффективности, политической и духовной свободы, возможности самореализации индивидов. Если расположить страны на этой шкале, то на вершине окажутся государства, не требующие ни иррациональной лояльности, ни патриотической идеологии. Внизу шкалы располагаются страны, транслирующие описанный тип лояльности и патриотизма. Потребность в нем наиболее сильна в маргинальных странах и направлена на удержание их целостности. И все же без традиционной лояльности уже можно обойтись.

Сравнение стран по качеству жизни и другим критериям – лишь первый этап на пути освобождения от всех элементов иррациональной лояльности и разработки новой теории лояльности.

По мнению А. Хиршмана, данная теория отражает процесс постепенного выравнивания стран по всем критериям модернизации. Так что проблема преждевременного расставания (разрыва) с той или иной страной может появиться только тогда, когда эти критерии станут примерно одинаковыми. Конечно, «утечка мозгов» и миграционные потоки фиксируют пока противоположную тенденцию. Если экстраполировать эту тенденцию в будущее, то новую лояльность можно определить как ключевое понятие для понимания конфликта между разрывом и критикой.

Рациональный смысл лояльности определяется тем, что она может сколь угодно долго удерживать индивидов в рамках определенных групп, организаций и стран. Но критерием рациональной лояльности становится освобождение от традиционной формулы патриотизма. Речь идет о массовом использовании населением решительной и последовательной критики в отношении любых форм общности. Для этого должны быть разработаны механизмы, свободные как от традиционной лояльности, так и тех форм разрыва и критики, которые характерны для экономики и политики демократических стран. Пример США может быть только отрицательным. Существующие в ней формы разрыва и критики не могут считаться «нормой». А по сути дела еще ни в одной стране мира не существует таких механизмов.

Рациональная лояльность содержит в себе возможность нелояльности. Лояльность в отношении любых социальных групп и институтов, претендующих на монополию в сфере экономики и политики, тоже не может считаться «нормой». Если социальная критика поддерживается возможностью разрыва, то ее шансы укрепляются. Но превращение дан-

ной возможности в действительность не должно быть легким. Особенно в тот момент, когда тенденция к монополии связана с ухудшением деятельности любых организационных структур, социальных институтов и государств.

Короче говоря, рациональная лояльность невозможна как при конкуренции, так и при монополии любой социальной группы, организации и института на экономическую, социальную, политическую и культурную деятельность.

Так понятая лояльность позволяет А. Хиршману зафиксировать моменты тождества тоталитарных и демократических политических систем:

- служебное и утилитарное отношение к критике и запрет разрыва на уровне государства;
- запрет критики на уровне отдельных производственных единиц в целых отраслях;
- культивирование бессознательной лояльности.

В тоталитарных системах правящие партии и государственные аппараты ограничивают критику общества и государства в целом. Критика может касаться только частных. Осуществляется также регламентация экономического и социального поведения индивидов. Они привязываются к производственным организациям и месту жительства, а всякая миграция монополизирована государством. Устанавливается запрет на добровольный разрыв с государством – он квалифицируется как «измена родине».

В демократических системах критика и разрыв формально доступны для каждого. Однако внутренняя демократия на уровне производственных единиц и политических партий тоже невозможна. В результате индивиды не в состоянии изнутри бороться за изменение ситуации на предприятиях, в корпорациях и партиях. По отношению к недовольным руководством применяется принцип: «Не нравится – можешь уходить». Но тот же принцип применяется и в тоталитарных системах, особенно в период их трансформации.

В обеих системах существует бессознательная лояльность. На уровне отдельных организаций и государств она не позволяет критиковать данные организации и социальные и политические системы в целом. А разрыв с одной организацией и переход в другую ничего не меняет ни в той, ни в другой. То же самое можно сказать об эмиграции. К тому же возможности разрыва могут запрещаться конституциями демократических стран.

Следовательно, мера бессознательной лояльности может быть установлена только со стороны. Хотя никаких абсолютных критериев здесь не существует.

Но можно утверждать совершенно определенно: чем больше возможностей разрыва (формальная и процедурная демократия), тем больше барьеров перед развитием внутренней демократии. Это правило относится к абсолютному большинству организационных структур и социальных институтов, существующих в мире. Формальная (процедурная) демократия на уровне государства одновременно означает блокаду демократии на уровне производственных единиц, групп интересов, корпораций, политических партий и государственных аппаратов. Следовательно, сознательная лояльность, предполагающая использование критики и разрыва большинством населения, невозможна и при демократии. Организационные и институциональные структуры по-прежнему имеют решающее значение для диспропорции критики и разрыва.

Например, во всех странах мира существуют государственные структуры для поддержки лояльности – органы внутренних дел и безопасности, аппараты измерения справедливости. Но они не в состоянии обеспечить эффективную связь критики и разрыва, ограничивая и то и другое. В длительной перспективе связь критики и разрыва полезна для всех производственных и социальных структур. Однако текущие интересы руководства толкают его к укреплению собственного положения за счет блокировки критики и разрыва. Поэтому государственные аппараты – прежде всего, главные государственные ведомства – обычно вырабатывают такие институциональные решения, которые противостоят интересам общества и государства в целом. Решить эту проблему до сих пор не удалось еще ни одному государству, даже самому демократическому. А по сути дела, ни одно из них и не бралось всерьез за ее решение.

В большинстве организационных структур используются два метода укрепления бессознательной лояльности: высокая цена за вход и выход из организации. Оба метода подавляют критику и запрещают разрыв. В итоге усиливается самообман общества во всех его организационных и институциональных структурах. Эти структуры только удлинляют время осознания экономических, социальных и политических проблем. Чем выше цена за вход в организацию, тем выше уровень индивидуального самообмана.

При этом вершины политических иерархий отличаются наибольшим самообманом. Как правило, они прибегают к критике в безвыход-

ных ситуациях. А в таких ситуациях наибольшую активность проявляют как раз те, кто ранее отличался бессознательной лояльностью, был пассивен и доволен. Этим объясняется классическое правило «Революции пожирают своих собственных детей»: «Делая революцию, – резонирует Хиршман, – революционеры платят большую цену в виде риска, жертв и ориентации на одну-единственную цель. Когда революция совершена, появление разрыва между ожидаемым и реальным положением вещей более чем вероятно. Чтобы ликвидировать такой разрыв, те, кто заплатил наибольшую цену за установление нового порядка, ощущают наиболее сильную потребность опять его изменить. Для этого они вынуждены критиковать революционных товарищей, осуществляющих власть. В результате представители обоих лагерей погибают в развязанной борьбе». Это ведет к росту политической рутины в организационных и институциональных структурах стран, осуществивших революцию.

Кроме того, разрыв со страной обычно связан санкциями в отношении «отступников» и «изменников». Это способствует тому, что сама мысль о возможности разрыва подавляется. Формула традиционного патриотизма в этом случае модифицируется в кредо: «Чем хуже страна, тем больше она моя». Если внутренняя критика страны запрещается, то выбор критики или разрыва преобразуется в альтернативу внутренней или внешней критики. В этом пространстве и возникает потенциальная и реальная эмиграция, которая не в состоянии обойти данную альтернативу и предложить что-либо новое.

По отношению к критике А. Хиршман предлагает разделить все организации на два типа:

1. С нулевой ценой входа и большой ценой выхода, членами которых индивиды становятся в момент рождения. К таким организациям относятся семья, нация, вероисповедная общность.
2. С большой ценой входа и выхода. К таким организациям принадлежат гангстерские группы, тоталитарные государства, политические партии и государственные аппараты.

В группах первого типа стимулируется критика как компенсация разрыва. Исторический опыт показывает, что такие группы являются наиболее устойчивыми.

В группах второго типа критика и разрыв подавляются или отодвигаются во времени. Руководство этих групп обычно вдохновляется либеральным мотивом «общего блага». На самом деле такое благо преобразуется в реальное общее зло, связанное с материальными и политически-

ми интересами. Все ранее описанные модификации интересов способствуют укреплению такого зла. То же самое относится к мотиву престижа во внешней политике, от которого несвободны и демократические государства. Стремление к престижу обычно заканчивается позором на международной арене. Показательными примерами здесь являются поражения США во Вьетнаме, СССР в Афганистане, Югославии в Косово, России в Чечне и т.д. Военные и политические структуры государств в этом случае стремятся подавить разрыв силой. Следствия становятся еще более сокрушительными.

Иначе говоря, в группах второго типа грань между общим благом и общим злом делается неуловимой. А именно такие организации, группы и социальные институты были господствующими в мире на протяжении XX в. Поэтому понятие общего зла обладает значительно большим эвристическим потенциалом по сравнению с либеральной концепцией общего блага.

Кульминация бессознательной лояльности приходится на периоды распада данных групп, время которого пока определить невозможно. Хотя внешние признаки такого распада налицо (крушение мировой социалистической системы), указанные группы обнаруживают дьявольские способности трансформации. Неопределенность периода распада ведет к тому, что решение о разрыве с данными группами становится тем труднее, чем дольше индивиды его откладывают. В периоды распада таких групп среди наиболее «сознательных» членов становится популярным убеждение: надо «остаться в рядах» для того, чтобы предотвратить группу от еще худшего исхода. Это убеждение транслирует оппортунизм и бессознательную лояльность в новые условия.

В конечном итоге А. Хиршман предлагает следующую типологию организационных структур, социальных групп и институтов:

- критика и разрыв допускаются в мелких предприятиях, добровольных обществах и партиях в многопартийных системах;
- критика и разрыв не допускаются в гангстерских и террористических группах, монопартиях, государственных аппаратах в тоталитарных системах;
- при конкуренции отдельные предприятия и корпорации допускают разрыв, но не допускают критики;
- семья, нация, церковь, государство допускают критику, но не допускают разрыва.

В этой типологии фиксируются только тенденции, которые нуждаются в историко-социологической конкретизации. В то же время данная типология служит главным аргументом против всякого теоретического и практического нормативизма. Любой механизм улучшения под влиянием времени преобразуется в механизм разложения. Руководство любых организационных структур, социальных групп и институтов всегда заинтересованы в том, чтобы превратить критику в «выпускание пара» и институционализировать ее. В современном обществе эту функцию выполняют парламенты и средства массовой информации. А механизм разрыва лишь отдалает решение экономических, социальных и политических проблем.

Эти тенденции укрепляются бессознательной лояльностью членов любых организационных структур и большинства населения всех стран современного мира. Такая лояльность позволяет руководству всех уровней пользоваться любым методом по собственному произволу. А произвол лишь усиливает неопределенность и неожиданные следствия. При доминировании критики в тех или иных организационных структурах недооценивается разрыв и наоборот.

Таким образом, оптимальное сочетание критики и разрыва пока еще не найдено ни одной экономической, социальной и политической системой. Поэтому ни одна из них не может служить примером социальных изменений для других.

Резюме. Вернусь к вопросам, поставленным в начале этого затянувшегося доклада. Я специально предпочел реферативно-классификационный способ изложения для того, чтобы дать на них определенные ответы:

- в современной социальной науке существуют концепции, позволяющие дистанцироваться от представления о «нормальном» капитализме, с которым сравниваются другие социальные системы;
- теорию капитализма М. Вебера нельзя считать продуктивной при оценке социально-экономических трансформаций;
- интересы и социальные институты, сложившиеся в условиях европейского капитализма, не являются наиболее надежной формой таких трансформаций.

Однако точка зрения о существовании «нормального» капитализма, с которым могут сравниваться другие социально-экономические системы, распространена не только в России, но и в других странах Восточной Европы и современного мира. Поэтому я попытаюсь суммировать те положения концепции А. Хиршмана, которые имеют методо-

логическое содержание. Я полагаю также, что эти выводы могут служить отправной точкой для дальнейшей дискуссии о специфике современного капитализма.

Подход А. Хиршмана может рассматриваться как развитие идеи М. Вебера о том, что любые социальные события и процессы являются непредвиденными следствиями ранее принятых решений. В частности М. Вебер показал, что никто из создателей капитализма не стремился к его воплощению как некоего социального проекта. Вожди реформации разрабатывали протестантскую этику для достижения индивидуального спасения. В этой этике труд был мирским вариантом мирского аскетизма и преследовал трансцендентные цели. Если же люди ставят перед собой земные цели и реализуют их в традиционных формах общности, то возникает капитализм, в котором зло всегда господствует над добром.

А. Хиршман дает новую интерпретацию генезиса капитализма и его духа. Он показывает, что социальные болезни (кризисы, войны, революции) есть нормальное состояние общества и расплата за непоследовательность поведения индивидов и социальных институтов. Концепция «естественных прав человека» и вся парадигма социального познания Нового времени отражает данную непоследовательность. Но в настоящее время более важно не противопоставлять фигуры и концепции (Вебера – Марксу и т.п.), а изучать моменты общего между ними. Это нужно для установления последовательности взаимопереплетения социальных теорий, принадлежащих к различным идеологиям.

История социального знания Нового времени показывает, что все попытки создания новых теорий для усовершенствования управления обществом и государством заканчиваются крахом или ведут к неожиданным последствиям. Терминология социальных наук, возникших в Новое время, претендует на объективность и нейтральность. Однако в ней содержится аксиологически нагруженные понятия, причем оценки предшествуют выделению предмета теоретического исследования. Познавательные концепции современной социальной мысли связаны с нормативными постулатами. По этой причине социальное знание до сих пор не освободилось от христианского принципа Надежды. В значительной степени это объясняется тем, что социальное знание не разорвало все связи с господствующими группами. Ориентация на анализ поведения подвластных отражает сервилизм социальных наук.

Наиболее ярким примером указанных тенденций является категория интереса. Она все еще является базисом всей системы социальных

наук и политики. Однако эта категория при использовании в экономическом, политическом и теоретическом языке может означать любое случайное содержание. Ссылка на интересы всегда содержит консервативный момент. Если даже экономические отношения и действия мотивированы религией и моралью, она не является нормой социального развития.

Квалификация материальных интересов как предвидимых, постоянных и безвредных ведет к неожиданным следствиям. Определение денег как наиболее сильной социальной связи есть наиболее опасная форма идеологии. Все теории социального развития и модернизации базируются на нормативных основаниях. Однако ни интересы, ни идеи, ни их констелляции не являются движущими силами социального развития. Доктрины гармонии интересов и равновесия сил есть разновидности идеологической аберрации.

Конкуренция тоже не может рассматриваться как норма социальных процессов. Она распадается на элементы критики и разрыва. Если экономические и политические мотивы поведения индивидов разорваны, то любая их связь снижает потенциал социальной критики. Это относится ко всем формам прямой и обратной детерминации и политического поведения. Снижение потенциала критики объясняется вытеснением наиболее активных и последовательных индивидов из любых форм социальной организации. Такое вытеснение соответствует интересам управленческих и государственных аппаратов.

Институционализация права на разрыв порождает социальный конформизм. Он выражается в стремлении к индивидуальному успеху, становлении групп интересов и групповом вертикальном и горизонтальном продвижении. При демократии социальное пространство критики ограничивается индивидами и группами, находящимися в безвыходном положении. Это тоже снижает потенциал критики и порождает ленивые монополии, бюрократизацию и инерцию политических систем. Тогда как связь критики с социальными общностями семьи, церкви, нации и государства порождает феномены «бессознательной лояльности» и патриотизма. Они делают неуловимым различие между демократией и тоталитаризмом.

Итак, социальные проблемы невозможно решить ни религиозными, ни моральными, ни экономическими, ни политическими средствами. Главной причиной такой невозможности являются социальные институты и группы, профессионально занятые в сфере экономики, религии,

морали, политики и производства идеологий. Теория неожиданных последствий требует отбрасывания (радикальный вариант) или переосмысления (умеренный вариант) всей системы главных понятий и концепций, образующих парадигму социального мышления Нового времени. Представление о возникающих в связи с этим проблемах дает прилагаемый перевод одной из статей А. Хиршмана (см. приложение).

Как осуществить такое отбрасывание или переосмысление вообще и по отношению к истории и современному состоянию России в особенности? – на этот вопрос ни в зарубежной, ни в отечественной социальной науке ответа нет. Концепция А. Хиршмана позволяет его поставить. В заключение я хотел бы обратить внимание коллег и читателей лишь на один аспект данного вопроса.

Если упростить логику анализируемой концепции, то можно исходить из двух постулатов: в истории Европы главным злом была конкуренция в ее разновидностях гражданского общества и демократического государства; в истории России главным злом было и остается государство, поскольку оно всегда господствовало над материальными интересами и социальными институтами.

Для применения данных постулатов к объяснению современного капитализма в России требуется пересмотр практически всех схем социо-гуманитарных знаний. Я думаю, эта задача намного интереснее и продуктивнее, нежели применение к современной России схем из теоретического чулана Европы.

Вопрос из зала: Виктор Павлович, вы серьезно относитесь к термину «капитализм»?

В.П.Макаренко: Я отношусь к нему как к одному из терминов словаря социальных наук, политического языка. Но капитализм может означать и нечто совершенно другое. Сейчас целая издательская серия возникла «Территория будущего». Там опубликована книга Д.Арриги, готовят к переводу Р.Бреннера. Там есть интересные вещи. Мы же, когда произносим слово *капитализм*, – имеем в виду преимущественно Маркса, может быть немного Вебера. Уже двадцать лет на него ссылаются, но «Экономика и общество» до сих пор не переведена. Только фрагменты из нее. Между тем в современных теориях капитализма сокрушительная полемика идет с теорией Макса Вебера, а не только с Марксом. Почему? Потому что многие ученые отвергают веберовскую идею: капитализм может возникнуть только в протестантских странах, а в католических странах не возникает. Некоторые вводят терминологию отцо-цент-

ричный, матере-центричный капитализм. Есть очень интересные новые теории капитализма, которые нуждаются в освоении. А всерьез или нет я отношусь к термину – это малоинтересно. Термин есть в сознании массовом, сознании управленцев, политиков, теоретиков. Приходится относиться всерьез.

Вопрос из зала: Но ведь остались господа и рабы...

В.П.Макаренко: Вы меня заставляете выступать в виде идеолога, а я никогда с этой ролью не был согласен. Зачем же мне ставить вопросы, которые я не затрагивал? И Борис тоже не обсуждал. Если бы мы здесь претендовали на создание какой-нибудь вшивой доктрины множества смрадных партий или государств, – тогда другое дело. Повторяю, что в социальном бытии, в социальной практике творится каша. Мы ее наблюдаем непосредственно.

Я студентам читал Вебера в 1978 году, и всё это мне более-менее известно. Но цензура не пропустила мою книгу о Вебере, я написал диссертацию по Марксу. Кто читал мою книгу «Проблема общего зла»? Вот, два-три человека. А нас здесь больше тридцати. Так что дело не во мне. Вспомню один случай. В 1990 году в Академии общественных наук при ЦК КПСС собрали человек 300 обществоведов. Там выступал уже покойный Вадим Загладин, излагал доктрину «Новое мышление для СССР и для всего мира». Я ему публично тогда говорил, что это бред. И даже написал книжку, но тут М.С. Горбачева скинули. Поэтому книгу я не опубликовал – нехорошо бить лежачего. Зато люди типа Егора Гайдара, претендующие на роль властителей дум, начали публично жевать то, что было известно 150 лет тому назад, вместо обсуждения новейших публикаций. Итог известен.

Б.Г.Капустин: Я этот вопрос считаю легитимным. Это вопрос о смыслах, кантовская триада трех вопросов, которая конституирует всю философию. Вопрос «на что надеяться»? Мне кажется, если науки о людях отказываются отвечать на третий вопрос, они себя дезавуируют полностью. Иными словами: любое социальное знание не может не реализовывать две функции. Одна функция когнитивная, мы должны разобраться в том мире, где мы живем. Другая – функция смыслообразования. Любое позитивистско-ориентированное знание будет отрещиваться от второй функции, говоря, что это презренная философия и метафизика. Это очередной вариант позитивистской «лапши на уши» – ведь смыслообразование делается любым высказыванием о делах людей и об истории. Даже если мы будем как верные позитивисты от этого отрещиваться.

Помните, как у Канта, в «Критике чистого разума»: неужели философия может претендовать на открытие истин, которые составляют интерес всех людей без исключения? Неужели философия может иметь наглость следовать иным путем, чем тот, который открыт самому обыденному разуму? Вот современная парадигма, задаваемая Кантом. Любая философия есть не более чем систематизированная артикуляция обыденного разума. Отсюда три вопроса, включая вопрос Ваш, совершенно легитимный вопрос. А зачем нам вообще бороться? Какой смысл бороться против какого-то гнета, если мы знаем, что не победит этот гнет, возникнет обязательно другой? Конечно, было бы наивным рационалистическим прогрессизмом, думать, что тот вид гнета, который возникнет завтра, он будет лучше, чем сегодняшний. Такая наивная позиция постепенно нарастающего гнета очень метафизична, потому что она применяет разные оценки гнета к человеку сегодняшнему. Если мы говорим, что капитализм лучше феодального гнета – это полная ерунда. Капитализм может быть более мерзостным обществом, чем восточная деспотия. А почему нет? У нас ведь реактивизируются современные точки отсчета. Ваш вопрос ключевой в современной политике. Потому что эта функция провалилась катастрофически, в том числе в критической теории. Лукач еще пытался как-то с ней справиться. Но когда Хабермас черным по белому пишет, что современная теоретическая мораль – это знание о принципах и формах конструирования морального суждения, а не моральное должествование. Мораль уже не говорит, как жить. Она не говорит о том, что должно. Она говорит о том, как логически конструировать моральные суждения. Левые интеллектуалы принципиально отказываются выполнять эту функцию. Когда родная российская власть уничтожает целенаправленно академию, она, как ни странно, права, в этой зверской логике: если вы ничего не можете сказать обществу, для чего вообще вам платить? За ваше вопиющее туеядство. Вам интересно копать в чем-то и вы еще хотите, чтобы вам за это деньги платили. Т.е., вы затронули нерв социально-политической мысли. Это действительно колоссальная трагедия. Понятно, что самые удовлетворенные животные позитивистского типа – это одно. Но те, которые рефлексируют себя в ситуации, соотносят себя с какой-то аудиторией, пусть исчезающей, если еще такие люди остались – они не могут не ставить этот вопрос. А зачем? Найти смысл освобождения, зная, что этого окончательно триумфа свободы не будет, – это вообще самая большая этическая проблема, которая есть в социальном знании. Пусть и абсурдная. А каков результат – не сейчас ре-

шать. Но только без решения этого вопроса социальная наука не может быть жизнеспособной и никогда точно не оправдает своего существования в глазах общества. Вот в этом я абсолютно уверен.

В.В.Вольчик: Я как экономист не мог не задать Вам вопроса, Борис Гурьевич. Читая Вашу книгу, я обратил внимание, как Вы подробно писали о Хайеке, что реформы в России 1990-х годов были антихайековские. Т.е., Вы – не либерал, но очень интересно написали о Хайеке. Действительно, есть такие понятия, которые от своей многозначности становятся бессмысленными. Например: капитализм, либерализм, развитие. Говоря о либерализме, многие за словами не понимают сути. Наши реформы 1990-х годов называют либеральными, хотя они либеральными не были. Хайек назвал это интервенционизмом – государство оккупировало общество. Тут другая проблема возникает. Дело в том, что экономисты всегда тяготеют к обычным вещам, в отличие от философских многозначных вещей. Форм координации не очень много. Они были известны древним грекам, известны нам. Более того, рыночный обмен никак не может обойти проблему либерализма, проблему свободы. Вот тут и капитализм, и то общество, которое существует с этим рыночным обменом, мы никуда от него не уйдем. И эти институты.

Вопрос Виктору Павловичу. Говоря об интересе, я бы повернул от Норта на символ. Общество создает такие символы, которые позволяют развиваться рыночным обменам и другим социальным институтам, которые вырастают на этом.

В.П.Макаренко: Со вторым тезисом я согласен. Дело в том, что как раз концепт неожиданных последствий входит в состав теории Дугласа Норта. И он определяет как раз то, что называет аномалией. Но я не имею окончательного ответа на вопрос: был ли Дуглас Норт детерминистом? Его можно истолковать как детерминиста, если иметь в виду институты или цельности. Но тогда возникает следующий вопрос: разделял ли он это противопоставление? Можно считать Дугласа Норта представителем теории неожиданных последствий на основании сравнительного анализа его категории зависимости от траектории предшествующего развития и аномалии. Но это упрощение. Мы еще будем заниматься его решением.

Б.Г.Капустин: Я говорил, что либерализм исторически возник как первое осмысление проблематики современности и дал потрясающую трактовку современности, на которую реагируют другие. Если мы хотим понять идеологию, нам нужно понять некий модуль, не либерализм, не

марксизм, а их историю. В этом ужас преподавания истории КПСС или истории марксизма, как было в советское время. Нужно понять модуль. Ныне либерализм, консерватизм и марксизм – три основные идеологические течения, которые внутри бесконечно дробятся. Т.е., нужна логика модуля, а не лобовая конфронтация либерализма и марксизма. Это первое.

Вопрос из зала: А разве в марксизме не было современности? Чем отличается понятие современности в марксизме от понятия современности в либерализме?

Б.Г.Капустин: К этому вопросу мы еще вернемся. Сейчас отвечу на предыдущий. Была в высшей степени интересная книжка И.Берлина, она, по-моему, вышла в 1990-м году с прямой цитатой из «Манифеста коммунистической партии». Чем классическая марксистская формулировка современности отличается от либеральной? Я думаю, это самоочевидно. Для любых либералов (утилитаристского или естественно-правового направления) современный строй – это и есть современность. За ее границами мы ничего не можем сказать. Современность осуществлена. В прошедшем времени мы можем сказать: «мы наблюдаем современность». Для либерала современность осуществлена. Для марксиста современность – это что? Для него капитализм – это предыстория. История еще должна начаться. Современность – это та история, которая должна начаться. Поэтому если мы современность не отождествляем с сейчасностью, совершенно антифилософским образом, а как некую культурную ситуацию, то получится, что у марксизма и либерализма будет прямо противоположное понимание современности.

Вопрос из зала: Тогда получается, что они масштабом только и отличаются. Марксизм это осуществление еще предполагает. А в либерализме проекты – это то, что человек делает здесь и сейчас.

Б.Г.Капустин: Здесь есть один существенный момент. Если мы говорим о классическом марксизме в смысле «Критики Готской программы» – это, действительно, некий проект. Современность мы еще должны осуществить. Возникает вопрос: если взглянуть на современную ситуацию, – что есть марксизм? Марксизм есть философия посткапитализма. Один вариант. Или марксизм есть философия альтернативы капитализму здесь и сейчас. Марксизм никак не посткапитализм. Вот это совершенно другой подход. И тогда марксизм становится не вне программы какого-то будущего, которое нужно достичь, а то, что нужно делать сегодня и сейчас. И тут возникает то, что, может быть, я в суматохе не сказал внят-

но: если мы капитализм отождествляем с современностью, то тогда что-бы не выступало под капитализмом, гендерное движение, или экологическое движение, все альтернативы капитализму теряют значение. Они в лучшем случае будут выглядеть, как и у Хайека, призывами к спонтанному порядку, какими-то зигзагами, которые в лучшем случае разрушают естественную спонтанность, а в худшем это уже интервенция, если не тоталитаризм. Имея в виду эту оппозицию сделанного порядка и естественного порядка. Мне более интересна та интерпретация марксизма, которая помогает осмыслить альтернативу сегодня. Не капитализм современности, а не посткапитализм как проект будущего. Теперь к Вашему вопросу. Версий либерализма много, не надо общий знаменатель искать. Есть совершенно не рационалистическая версия либерализма. Антиреалистическая философия – философия спонтанности, философия непредсказуемости. Капитализм – это случайность истории. Насколько я терпеть не могу доморощенный либерализм гайдаровского типа.

Без борьбы с капитализмом рынок невозможен. Это цитата из Адама Смита. Должен быть баланс социальных сил. Власть ничья. Что такое демократия? Это пустое место власти. Для того чтобы был спонтанный порядок, капиталисты ни в коем случае не должны обладать властью. Мысль классика либеральной экономики в ушах наших записных либералов есть большевизм. Когда я понял, что на этом уровне идет дискуссия с нашими либералами, я понял, что уже нужно хотя бы за просвещение бороться.

Насчет спонтанного порядка. Очень кратко. Едва мы упоминаем идею о непреднамеренных следствиях, как сразу имеем дело с определенным либерализмом. Это Шотландская школа, «хитрость разума». У Локка и Дж. Ролса не будет «светоча разума». Значит, мы имеем дело с определенной моделью либерализма, идущей от шотландской школы. Я считаю, что Гегель и Маркс вырастают из идеи непреднамеренных следствий. Маркс сам признает свой долг английским политэкономам. Он пишет: «Что есть политэкономия – единственная современная наука». Тут вроде бы марксизм должен признать свой долг. Марксизм сырой, тут, наверное, Лукач прав был, вот эта логика непреднамеренных следствий, принципиальная темнота истории. От того, что мы уяснили, что у нас полная темнота, это не добавляет света. Мы еще больше теряемся. Парадокс истории – Юм и Смит показали, что нам нужна воля. Без воли мы бездействуем, у нас не будет непреднамеренных следствий. И если бы эта скептическая философия реализовалась на уровне обыден-

ного сознания, она бы убила саму историю. Считая, что любые действия бесплодны, мы не будем действовать, у нас не будет непреднамеренных следствий. Мы должны выйти к полностью транспарентному и рациональному обществу, где не будет этой логики. Выход из предыстории в историю – это есть выход из логики непреднамеренных следствий. К логике рационально упорядоченного общества, транспарентности. Отсюда этот тотальный пролетарский субъект. Суть этого субъекта – вбирать в себя объект. Только пролетариат есть субъект-объектное тождество. Он и устраивает полностью транспарентное общество. На мой взгляд, критика марксизма должна позволить нам понять ситуацию, в которой мы живем. Полностью упорядоченное общество – это и есть кантовское царство цели. Оно недостижаемо. Невозможность достижения этого идеала показала актуальность марксизма здесь и сейчас.

Вопрос из зала: Как вы оцениваете постмодернизм?

Б.Г.Капустин: Действительно, мы сегодня ни разу не использовали термин «постмодернизм». Зигмунт Бауман сказал так, что постмодерн можно рассматривать как изменение ментальности (в духе Лиотара). Крах метанарративов, возникновение нового многобожия – дискурсивных сообществ. Которые уже не пересекаются и каждый говорит на своем приватном языке. Бауман пишет об эстетской версии постмодернизма, но возможна и социология. Описать это новое явление не на уровне структур сознания и каких-то эстетских и квазифилософских дискурсов, а описать на уровне трансформации институтов. Т.е. постсовременность как социологически уловимая реальность. Для меня это всё разговоры типа «бла-бла». Знаете почему? Вы задали вопрос: можно ли капитализм воспринимать серьезно? А что же мы бедные будем делать, если будем несерьезно его воспринимать? Постсовременность или что угодно, она отменила логику накопления или нет? Рабочая сила перестала быть товаром или не перестала? Лиотар замечательно написал книжку о крахе двух метанарративов: марксистского и либерального. Но он не ответил на один вопрос: у нас нет явления коммодификации? Ни Лиотар, ни Бодрийяр не сказали о крахе капитализма. Я считаю постановку вопроса некорректной, поэтому я не говорил о постсовременности ничего.

В.А.Шкуратов: Сформировалось некоторое пространство анахронизмов. Существует большое количество схем, в которых мы запутываемся. А вот мы эти наличные схемы берем и ставим в таком порядке потому, что они есть наше пространство. Может быть наоборот. По Гесиоду, в древней Греции была почти протестантская этика. А в имперском Риме

было общество потребления. А сформировалось некоторое пространство. Повторяю, это дело постмодерна. Постмодерн произвел на самом деле революцию, которая не замечена. Он размонтировал большое историческое время. Как оно мучительно... Через него проходит момент истории. Громадный момент истории, поскольку ситуация, в которой человек проходит события – это настоящее. А марксизм – это будущность, либерализм – настоящее. И мы всем этим нагрузим человека. История в современном понимании трагична. Мы видим, когда на смену истории переживания (темпоралистике, по Сартру) приходится постулировать, где история уже не является переживанием, не является болью. А имеет ли это какое-то социальное основание? Имеет. Потому что сформировался уже большой слой населения, которому наши накаленные идеологические и терминологические дискуссии, как говорится «на фиг». Они живут в другом времени. Это время уже имеет название «сетевая социальность». Люди говорят по мобильному телефону. Они не выстраиваются в некую линейную последовательность. Об этом уже написана масса книг. Это иное общество, для которого наша терминология и споры уже не имеют смысла. Мы пишем длинные трактаты без картинок. Без гиперссылок. Молодежь так не читает. Она не читает длинных трактатов и не втягивается в сюжет. Она не втягивается в большие нарративы. У нее укороченные нарративы и у нее видеодигма. Культура образа, объясняющий образ. В какой степени мы включаемся в эту культуру? – это, конечно, наша судьба. Наша судьба гуманитарной культуры. Гуманитарная культура – это большие сюжеты.

Вопрос из зала: Видеодигма сложнее в изучении, чем Сартр, Гегель? Или проще?

В.А.Шкуратов: Да и нет.

Вопрос из зала: Что значит да и нет?

Б.Г.Капустин: Коллега затронул очень интересный вопрос. Что мы можем сделать на уровне прикладных технологий, в том числе и политических, чтобы те люди, которые идут нам на смену, не общались только на уровне видеоигр? Подумайте о форме подачи. Нужно поиграть на их языке. Потому что я уважаю марксизм. А если мы обыграем идею (шумно, не понятно).

Г.В.Драч: У нас сегодня чрезвычайно интересная встреча. В марксизме было нечто такое, что давало уверенность в осознании процесса. В индивидуальной, групповой идентификации. Никогда не забуду выступлений Ю.А. Жданова. Мы были внутри ситуации, которая вполне ук-

ладывалась в русло гегельянства и марксизма. Мы внутри этой ситуации. Мы нуждались в такой саморефлексии. Что касается сегодняшнего дня: мы должны считаться с реалиями, которые диктуются не интеллектуалами. Это претензия на выживание. Мы тоже обязаны обеспечить себе право на выживание. Постмодернизм – это практически холодный душ на наш опыт. Сегодняшняя дискуссия для меня показалась крайне интересной тем, что затронула важнейшие концептуальные основы теоретического видения, причем и философии политики и философии как таковой. Встреча наша была крайне интересной. Резюме: мы все попали в ситуацию фронесиса. Что такое субъект фронесиса?

Б.Г.Капустин: Я сейчас подумал вот о чем. В последних репликах, выступлениях, вопросах есть много интересного. Одно ваше выступление чего стоит – зафиксировал шесть позиций, на которые мне нужно было бы отреагировать. Уже нет времени. Отвечать на эти вопросы я не смогу. С одной стороны плохо, есть ощущение недосказанности, а с другой стороны, только такие дискуссии, которые заканчиваются вопросами – они настоящие. Огромное вам спасибо за дискуссию, которая окончилась вопросами.

В.П.Макаренко: Благодарю всех за работу. Борис Гурьевич дал согласие на публикацию его книги на нашем сайте. Борис, очень тебе благодарны за участие. Спасибо приехавшим немногочисленным, но очень для нас значимым гостям. Спасибо молодежи. Повестка дня исчерпана.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ БЮРОКРАТИЯ И ГОСПОДСТВУЮЩИЕ МЕНЬШИНСТВА: СЛУЧАЙ СЕГОДНЯШНЕЙ РОССИИ

(СТЕНОГРАММА ТВОРЧЕСКОЙ МАСТЕРСКОЙ, 27–29 АПРЕЛЯ 2010 Г.)

В.П. Макаренко: Уважаемые коллеги, разрешите начать нашу очередную творческую мастерскую под названием «Политическая бюрократия и господствующие меньшинства: случай сегодняшней России». Мне приятно представить приехавших впервые в Ростов-на-Дону директора Левада-Центра, профессора Льва Дмитриевича Гудкова...

Л.Д. Гудков: Добрый день!

В.П. Макаренко: ...а также заведующего отделом социально-политических проблем Левада-Центра Бориса Владимировича Дубина. (Аплодисменты). Это – продуктивные и творческие коллеги, Мастера в сфере анализа современного российского общества. Кто следит за литературой, тот знает, что в предыдущие двадцать лет они написали целую библиотеку интересных книг и статей, по разным направлениям теоретической и практической социологии. Левада-Центр соединяет высокой пробы перо с исследованием конкретики сегодняшнего дня. Разрешите предоставить слово для приветствия нашему уважаемому ректору Южного федерального университета, профессору Владиславу Георгиевичу Захаревичу (*Аплодисменты*).

В.Г. Захаревич: Дорогие друзья, я вижу много студентов, и завидую им. Вы имеете возможность не по книжкам и журналам, а живую послушать передовую отечественную мысль. Что происходит в обществе и что может произойти, если ничего не менять? – об этом расскажут руководители Левада-Центра. Я лично благодарен вам за приезд – спасибо большое! Хорошо, что вы приехали впервые в Ростов, вы обязательно наш город полюбите – его невозможно не любить. Надеюсь, эти встречи станут регулярными. Поэтому я желаю удачной конференции, хороших докладов, успехов вам всем! (*Аплодисменты*.)

В.П. Макаренко: Приветствую также коллег из Киева, Донецка, Волгограда и Ростова-на-Дону. Наша работа начнется презентацией Левада-Центра. Затем будем обсуждать проблему бюрократии, которой занимались коллеги...

Л.Д. Гудков: В 1995–1997-е годы.

В.П. Макаренко: ...и книгу Л.Д.Гудкова, Б.В.Дубина, Ю.А.Левады «Проблема „элиты“ в сегодняшней России». Слово директору Левада-Центра Льву Дмитриевичу Гудкову.

Л.Д. Гудков: Спасибо! Для нас большая честь и удовольствие выступать перед вами, погрузиться в работу по обсуждению проблем нашего общества. Скажу несколько слов о Центре и его работе. Левада-Центр возник по решению М.С.Горбачева, указ о его создании подписан в декабре 1987 года. В течение 1988 года создавалась структура, отлаживалась технология, он тогда назывался «Всесоюзный центр изучения общественного мнения» – ВЦИОМ. Идея его, как мыслил М.С.Горбачев, – обеспечить обратную связь между реформами и реакциями населения на них. Поэтому основная цель была – социально-экономические проблемы перестройки, реформы и прочее.

Но вскоре Центр вышел за рамки первоначальной цели, стал проводить и ведет до сих пор исследования по широкому кругу проблем. Его учредителями были Министерство труда и ВЦСПС. В таком качестве он существовал до конца Советского Союза в 1991 году. Когда Союзные структуры рухнули, Центр оказался без государственного финансирования. Мы были вынуждены учиться зарабатывать деньги, искать финансирование, проводить исследования.

Идеологом и главным мотором Центра был Борис Андреевич Грушин, который мыслил его по образцу «советского Гэллапа», – Института исследования общественного мнения. Но очень быстро встал вопрос о более глубоком анализе проблем, разработке теории. Рамки гэллоповской схемы были преодолены или разрушены. Выделилось несколько направлений – экономических исследований, потребления, потребительских бюджетов, отношения к реформам, безработицы, занятости – целый класс экономических проблем. Выделилось наше направление (его возглавлял тогда Ю.А.Левада) – социокультурная трансформация советского общества в нечто другое; выделились и другие отделы.

С 1988-89 года мы начали проводить первые всесоюзные репрезентативные исследования. До этого в советской социологии таких исследований не было. Были опросы, которые назывались, но не являлись «репрезентативными». Чтобы проводить репрезентативные исследования, надо было вначале создать сеть опорных отделений по всему Союзу. То была большая работа. Первые наши исследования были посвящены итогам года в контексте вопроса: как люди оценивают характер происходящих изменений? Мы опубликовали сокращенный вариант в «Литературной газете» и получили обвал анкет. Ничего подобного мировая социология не знает. Мы надеялись получить примерно пять-десять тысяч, а прекратили прием анкет примерно на двухстах тысячах. Это парализо-

вало все почтовые отделения вокруг редакции «Литературной газеты» недели на три. Они были завалены мешками анкет с письмами. Нам выделили восемь доверху набитых автобусов. Мы возили и обрабатывали.

То было другое состояние общества, когда люди воспринимали социологические опросы как плебисцит или референдум, и жаждали высказаться. Поэтому вместе с анкетами мы получали трактаты, сочинения в стихах, даже деньги кто-то посылал в конвертах...

В.П. Макаренко: Типа – писем населения в ЦК КПСС.

Л.Д. Гудков: Да-да-да-да, это была совершенно умопомрачительная вещь, ничего подобного мы никогда не знали и не видели. Действительно, обвал: вы представляете себе это?..

Дальше сквозными проектами Центра стали два:

1. «Советский человек», – как меняется человек в условиях трансформации, что сохраняется, что остается. Через каждые пять лет (1989-й, 1994-й, 1997-й, 2003-й, 2008-ой) по одной и той же модели мы повторяли замеры с тем, чтобы проследить, что меняется, что сохраняется.

2. С 1993 года был разработан новый проект Татьяной Ивановной Заславской – мониторинг общественного мнения, а не только социально-экономических перемен. Он вначале шел каждый месяц, по разным программам – работников, населения, элиты. Потом стало ясно, что изменения идут не так быстро. Мы стали реже проводить исследования. На базе этого исследования (которое стало образцом для многих проектных исследований) стал выходить журнал.

Вначале он назывался «Мониторинг общественного мнения», а с 2002 года – «Вестник общественного мнения». Выходил он вначале часто и представлял собой бюллетень исследований, в котором содержались краткий анализ, изложение тех или иных опросов. Но оказалось, что изменения являются рутинными (структуры сознания, отношений и национальные структуры меняются гораздо медленнее). Поэтому журнал стал реже выходить, зато давал более углубленный анализ. С прошлого года мы стали выпускать журнал четыре раза в год, одновременно увеличили объем публикуемых материалов. У нас была половина текстовой части, половина – таблиц, потому что в 1990-е годы был голод на статистические данные. Мы считали очень важным, особенно для преподавателей общественных дисциплин в университетах и в областных центрах, предоставлять им в таком виде материал для собственной работы.

В силу ряда причин и трений уже политического характера мы в 2002 году преобразовались. На нас начали давить, кое-кто хотел поста-

вить под контроль характер исследований. В ответ мы создали свою независимую некоммерческую организацию. Весь коллектив – от исследователей до шоферов – перешел в структуру, которая стала называться «Аналитический центр Юрия Левады». Юрий Александрович протестовал и всячески возражал против такого названия, но под давлением сотрудников согласился. Мы теперь фигурируем под названием «Левада»: «Левада» сказал, «Левада» провел исследования» и так далее. Уже больше трех лет Юрия Александровича нет, а «Левада проводит», «Левада исследует», – так и осталось. Мы – не государственная, а независимая, некоммерческая организация, работаем по грантам, заказам. Но все заработанные деньги мы пускаем на собственные исследования, проведение конференций, издательскую деятельность. Как правило, это не рентабельные политические, социальные, теоретические проекты.

Помимо указанного журнала мы уже тринадцать или четырнадцать лет выпускаем «Ежегодник общественного мнения», он есть в русском и в английском варианте. Печатные издания не всегда доступны, но на сайте Центра все это висит. Кроме того проводим и издаем результаты других исследований. К двадцатилетию Центра выпустили сборник наших статей из «Мониторинга...». Незадолго до смерти Юрия Александровича Левады вышел сборник его важных и еще в должной степени не оцененных работ, называется «Ищем человека». Это его статьи 2000-2006 гг. о проблеме советского человека.

Публикуем также монографические исследования и сборники статей наших сотрудников. В год мы проводим примерно 210-240 исследовательских проектов. Это еженедельная фабрика оперативной информации. Диапазон исследований очень большой. В рамках экономических проблем отслеживаются: экономическая оценка, экономическая ситуация, потребительское поведение, отношения с работодателями, бизнес-климат, качество подготовки работников, проблемы высшего и среднего образования (доступности, качества, мобильности). Мы проводили также большие исследования по заказу Мирового банка – по проблемам реструктуризации угольной промышленности. Сейчас мы начали большой многолетний проект о реформе судебной системы в России, изучаем проблемы религиозного поведения, трансформации молодежи, политической культуры, наркомании, репродуктивного поведения.

Мы поднимаем и захватываем весь круг проблем, которые могут интересовать людей. Мы сравнительно небольшой центр, у нас раньше работало 100, сейчас 65 человек, но это устоявшийся, сплоченный кол-

лектив сотрудников, который собрал Левада, частично еще из старых сотрудников, с которыми он в Институте социологии работал. Вот круг наших проблем и исследований.

А.М. Старостин: Лев Дмитриевич, расскажите об отношениях вашего Центра с властью.

Л.Д. Гудков: В 1990-е годы это было совершенно нормальное и прагматическое отношение, мы много работали по заказам администрации президента, правительства, отдельных ведомств, от Министерства обороны (исследование патриотизма) до Министерства экономики и труда и Федерального комитета по миграции. В начале 1990-х годов возникла проблема беженцев, определения уровня миграции. Все говорили, что 25 миллионов соотечественников хлынут в Россию и все затопят. Надо было определить предполагаемые масштабы, характер миграции, дезадаптации, конфликтности. Мы проводили во всех республиках, союзных и автономных, исследования национальных отношений, конфликтных и миграционных потоков. Однако наши отношения с властью и тогда не были безоблачны. Например, наши оценки Первой Чеченской войны показывали резкое недовольство населения этой войной. Перед президентскими выборами мы дали анализ, что если не будет заключено мирное соглашение, то Ельцин не выиграет выборы.

Но с новым руководством ситуация хуже. Откровенно говоря, были силы, которые подталкивали к введению более жесткого режима. Они пугали Путина потерей рейтинга, все время подавали ему записки наверх, что он теряет популярность, с тем, чтобы ужесточить и принять экстраординарные меры. Тогда Юрий Александрович Левада крайне резко выступил против этих попыток и заявил: никакой угрозы для популярности Путина нет, его курс сохраняет массовую поддержку. Это вызвало там большое недовольство. Вообще, наши данные по Чечне, особенно об отношении к чеченской войне, не пользовались одобрением властей, что создавало трудности. Это и стало одной из причин того, что мы образовали независимый, негосударственный статус, пытались акционироваться, но создали то, что есть.

Сейчас наши отношения с правительством активные. Мы ведем исследования для министерств экономического развития, финансов, образования и многих других. Многие наши интерпретации не нравятся властям. Зато наши данные самые точные. Мы их многократно подтверждали, в частности, на выборах. Это должен был признать даже ВЦИК. Перед каждыми выборами проходит конкурс: мы передаем в запечатанном

конверте результаты исследований и наш прогноз, их запечатывают. Там собирают данные десятка наиболее авторитетных центров. После выборов конверты вскрывают и показывают. Каждый раз у нас наиболее точный прогноз. Значит, что бы власти ни думали о нас, они вынуждены считаться с нами как наиболее объективной и профессионально надежной исследовательской организацией. Потому нас, видимо, держат. Слава Богу, что у нас единомыслие не введено директивно! Разные структуры пользуются нашими данными, и мы сотрудничаем с ними.

В.П. Макаренко: Борис Владимирович, может быть, Вы хотите что-то добавить?

Б.В. Дубин: Спасибо. Нам очень приятно быть с вами, среди вас и работать вместе. Надеюсь, работа будет интересной, важной, умной, полезной для обеих сторон. Тем более хорошо, что в стране есть не только патриархи общественных наук, но и молодежь. Мы надеемся, что наше обсуждение будет полезным и интересным для молодых исследователей. Поэтому спасибо за приглашение, за возможность вместе поработать.

Все мы знаем известную фразу о том, что Москва – это не Россия. Есть и более жесткая формулировка: Москва вообще не Россия. С самого начала создания нашего центра и до нынешнего дня нам интересно, чем живет страна. В этом смысле возможность встречаться с людьми за пределами Москвы для нас чрезвычайно ценна и интересна, важна и полезна.

Во-вторых, все, кто изучает социологию, знают: социология есть наука о взаимодействии. Нам чрезвычайно важно не только изучать взаимодействия, но и находиться в процессе взаимодействия с важными для нас людьми, специалистами, просто представителями разных слоев российского населения. Каждый такой контакт и встреча для нас – это проверка нашей работы и новый материал для дальнейших размышлений. Именно так мы нашу сегодняшнюю и завтрашнюю встречу рассматриваем.

Третий существенный момент – консолидированная позиция исследователей Левада-Центра: Россия сегодня – это проблема дефицита общих интересов, идей, ценностей, общего понимания реальности. Эта проблема родилась не сегодня, она давняя, но год от года обостряется. Проблема важная, но ее обсуждение и анализ выглядят слабо в сравнении с ее значимостью. Нам чрезвычайно важно на таких, как наша встречах, поиски этого общего. Еще более важно отыскивание механизмов, которые поддерживают и наращивают общее. Данная проблема обострялась на протяжении 1990-2000-х годов. Именно поэтому мы ее изу-

чаем. В своей практической деятельности, в общении, в выступлениях всячески эту тему общего ведем и развиваем. Сквозные темы исследовательской части нашего центра, ведущих аналитиков, которые в центре работают, – это состояние общества во вчерашней и сегодняшней России, его состав, характер социального вещества, социальной жизни, социального взаимодействия. В этом смысле проблема каждого аналитика и центра вместе – это проблема состояния массы населения и элит, точнее групп, которые претендуют или назначены на роль элит. «Назначенные элиты» – это нечто вроде премии «Национальный бестселлер»: не просто бестселлер, который складывается на рынке, а премия, которая сверху назначается и получается. Обычно элита в обществах возникает, складывается и растет снизу. В России не меняется традиция вводить элиту сверху, директивно, декретом.

Главная из наших тем – человек. Для мировой и отечественной социологии антропологическое измерение (в смысле конструкции человека) – проблема чрезвычайно сложная. Мало кто даже из отцов-основателей и классиков социологии занимался этой проблемой. Юрий Александрович Левада был инициатором и двигателем проекта «Советский человек» и «Постсоветский человек». В своей работе он ступил на неразработанную территорию, на дику землю. Он пошел и нас повел. Мы включились в этот проект на свой страх и риск. И работаем с этой проблематикой до сегодняшнего дня. Мы пишем сейчас новую книжку про советско-постсоветского человека, уже с итогом наших размышлений 1990–2000-х годов.

Еще один пункт. Нам чрезвычайно важно в своей работе не конструировать теории, не играть в теоретические бирюльки (вещь сама по себе довольно забавная, которая может составить интерес надолго и для большого количества людей), а видеть связь между проблемами, ситуацией и теоретическими построениями. На наш взгляд, все серьезные теории в социальных науках вырастают из серьезных исторических, социальных ситуаций и понимания проблем, которые подняты этими ситуациями. Мы стараемся в своей концептуальной работе это соблюдать.

И последнее. В России состояние сегодняшних социальных наук испытывает слабость дискуссий и обсуждения. Эта проблема выражается в крайне малом количестве дискуссионных площадок для обсуждений. Я думаю, вряд ли вы сходу вспомните какую-либо крупную дискуссию за последние десять-пятнадцать лет в отечественных социальных науках. А если и была, то неизвестно, где можно взять ее материалы. Это не слу-

чайная, а характерная вещь. Суще-ствует связь между состоянием науки и состоянием общества в целом, а также между состоянием науки и состоянием групп, претендующих на роль элит.

Сегодняшняя и завтрашняя наша работа – это создание площадок для профессиональной дискуссии и для общественной дискуссии. В этом смысле социолог в современной России не закрыт от общественных дискуссий. Наоборот, его задача – участвовать в них.

В заключение выражаю нашу общую надежду, что сегодняшняя и завтрашняя наша работа немножко подвинет нас в обсуждении, а может быть – и в решении каких-то из задач и проблем.

В.П. Макаренко: Уважаемые коллеги, по просьбе Владислава Георгиевича Захаревича мы решили немного изменить программу. Слово для доклада «Отношение населения к власти и проблема бюрократии» предоставляется Л.Д.Гудкову.

Л.Д. Гудков: Материал, который я собираюсь вам представить, основан на наших регулярных ежемесячных опросах. Мы их ведем примерно с 1993-го года. Это все данные общероссийских репрезентативных исследований, по выборке – 1600 и 2000.

Два слова о нашей российской бюрократии. Ее проблемы всем известны. Прежде всего – падающая эффективность управления. Это вызывает острую критику, которая связана с несколькими принципиальными вещами. Как писал Вебер, сама по себе бюрократия не является ни хорошей, ни плохой – это эффективная рациональная машина управления. Но только в том случае, если у нее есть система целеполагания – властные авторитетные инстанции, которые задают цели политике. Требуется также контроль над этой машиной и кадры управления. Вот три центральных проблемы нашей бюрократии. Целеполагания нет из-за крайне ограниченной конкуренции и представительства партий, низкой эффективности их деятельности как политических организаций, выдвигающих программы развития, стратегические цели. Вторая проблема – слабость парламента как контролирующего органа, его подчиненность исполнительной власти. Третья – кадры, которые опять-таки связаны с конструкцией нашей власти, выстраиваемой сверху вниз. Она подбирает для себя соответствующих исполнителей (типа военных) и в этом смысле сама порождает проблему профессиональной компетенции и квалификации. Это старая проблема, связанная с тем, что российская бюрократия была дополнена советской номенклатурой. Номенклатура в значительной степени развалилась, возникли некоторые механизмы социальной мобиль-

ности. Но сейчас я не буду говорить о проблемах мобильности. А лишь подчеркну: все это ведет к нарастанию проблем: снижению эффективности, отсутствию конкуренции и главное – к политической безответственности за принимаемые решения. Реально это оборачивается полицентризмом внутри власти, наличием скрытых группировок, борющихся между собой за проведение тех или иных интересов, отсутствием ясной и внятной политики, которую могло бы принять и одобрить общество.

Все вместе это порождает целый комплекс проблем. Как такое состояние власти и управления принимается населением? В определенном смысле мы фиксируем структуры власти по результатам ее деятельности, по тому, как люди их оценивают, как воспринимают состояние властных и политических структур и механизмов. Начнем с самых простых вещей – динамики положения дел в стране, которая (динамика) колеблется между положительными и негативными оценками.

В 1990-е годы это отношение было полностью негативным, потому что не оправдались надежды на быстрые преобразования, трансформацию политической системы и интеграцию ее в европейский механизм принятия демократических решений. Это вызвало массу разочарований в характере реформ. Демократические, реформистские партии были квалифицированы как «агенты Запада», неудачники, что вызвало их дестабилизацию.

Причина в том, что жизненный уровень населения упал почти вдвое. Уровень жизни последнего советского 1990 года восстановился только примерно к 2003–2005 гг. Поэтому вся фаза 1990-х годов оценивается негативно. Особенно после кризиса 1998-го года. На этом фоне приход нового авторитарного лидера воспринимался как приход спасителя, с которым связывались некие надежды. Это дало подъем массовых настроений и поддержки его, которая продолжалась довольно долго. Первый провал доверия к Путину произошел после «Норд-Оста». Но после монетизации начался подъем, связанный с устойчивым ростом экономики, ростом доходов в 7-8% в год. Наступивший кризис привел к обвалу в целом почти до уровня начала 2000-х гг., а потом опять начался незначительный, но все-таки рост положительного отношения. Это видно на рейтингах, на одобрении первых лиц в государстве, росте популярности Путина, включая колебания на фоне сохранения высокого уровня поддержки и одобрения его правительства.

Приход Медведева не изменил ситуацию, потому что Медведев воспринимается в массовом сознании не как самостоятельный политик, а

как человек, проводящий линию и находящийся под контролем Путина. Так считает больше 60% населения. В этом смысле на него опрокидываются все ожидания и представления, которые были связаны с Путиным. Однако индекс одобрения и высокий высокий рейтинг Путина не означает восторга и симпатии к нему как первому лицу государства. Напротив, если спрашивать более конкретно, детализированно, о разных сферах его деятельности, то картина вырисовывается противоречивая. Путин не добился больших успехов в экономике (с точки зрения обеспечения объема жизненного уровня), в борьбе с преступностью, с коррупцией и терроризмом. Зато (по мнению большинства населения) он достиг успеха на международной арене: восстановил авторитет и утраченный престиж нашей державы, усилил уважение к России со стороны других стран.

Роль Путина как символического лидера важна. Высокий рейтинг Путина стоит на надеждах населения на то, что рост благосостояния будет продолжаться. Население готово ему не то, что простить, а не обращать внимание на проблемы роста коррупции, ограничения демократии, свободы слова и прочее. По результатам прошедших выборов большинство населения пришло к следующим выводам: партии находятся в неравном положении и неравновесном состоянии; ограничена деятельность оппозиционных партий; выборы носят характер политической демонстрации поддержки, а не конкуренции. Но люди готовы, чтобы курс стабильности или роста доходов продолжался. 67% считает, что выборы не честные, не однозначные, не дают равного представительства, но на это не очень обращают внимание.

Еще один интересный момент – это разрыв отношений к премьеру, главе государства и правительству. Высокий рейтинг популярности Путина вызывает у всех наблюдателей, особенно у зарубежных политологов недоверие. Нас часто подозревают здесь в фальсификации, подыгрывании, и резко критикуют, особенно оппозиционные партии, вытесненные с политической сцены. Но это требует объяснения.

Дело в том, что высокий рейтинг или эмоциональное доверие к первому лицу связано с крайним недоверием ко всем общественным институтам. Это выражает отсталость нашей избирательной системы. Здесь я привожу только два замера позапрошлого года. С 1993 г. мы проводим замеры два раза в год. Они довольно устойчивы. Индекс доверия построен как разница между полным доверием и неполным (частичным) доверием, плюс сто процентов, чтобы было ясно. Цифра сто указывает на

границу доверия и недоверия. Вы видите, что в зоне доверия находится небольшое число политических институтов, играющих символическую роль (президент, армия, церковь). В последнее время слегка растет рейтинг спецслужб. Все остальные находятся в зоне большего или меньшего недоверия. Чем ближе к населению структуры власти, тем меньше к ним доверия. Институты, с которыми население непосредственно взаимодействует, вызывают недоверие и неудовлетворенность. Политические партии, профсоюзы, милиция, суд, прокуратура вызывают наибольшее недовольство и недоверие населения. Иначе говоря, высокий уровень доверия к первым лицам является не просто выражением патерналистской ориентации населения, но и недоверия ко всей избирательной системе.

Так идет распределение поддержки и доверия между первыми лицами. Персонификация власти играет не столько прагматическую, сколько символическую роль – поддержание значения и приоритетов всего целого. Реально существует недовольство, неполное удовлетворение работой общественных и социальных институтов. Степень доверия можно выразить русской поговоркой «Добрый царь и худые бояре». Вся ответственность за качество политического руководства, политического направления падает на нижележащие структуры, в том числе на правительство и управление. Поэтому вы видите характерный разрыв (даже тогда, когда Путин возглавил правительство) между оценками деятельности правительства и премьера. Даже когда он был президентом, была крайне низкая оценка деятельности исполнительных органов власти. Это же относится не только к правительству, но и к нижележащим органам власти.

Доминирует недоверие к государственным органам, к экономике, к бизнесу, особенно к судебной и правоохранительной системе. Это вещь неслучайная – больше всего в нашей политической культуре проявляется старое государственно-патерналистское отношение к власти. Население ожидает, что власть будет выполнять прежние социальные обязательства – обеспечивать приемлемый уровень жизни, гарантировать работу, жилье, состояние социальной сферы, медицинского обслуживания и прочее. Люди этого ждут и требуют от власти, но не уверены, что государство это может сделать. Иначе говоря, мы фиксируем разрыв между должными и реальными представлениями и ориентациями. Чрезвычайно сильный разрыв определяет это двойственное отношение (его часто описывают как «двоемыслие») к власти – высокая

готовность чисто символической поддержки и сильнейшее недовольство реальной политикой.

Почему интересы власти и общества не совпадают? Потому что нет институциональных структур, которые бы обеспечивали реализацию тех ожиданий, которые население требует и предъявляет к власти. У власти и населения всегда разные интересы и цели. Это противоречие не может быть устранено, потому что нет обратной связи, нет средств контроля над властью и нет ответственности власти перед населением. Это очень важная вещь. Ожидания большей части населения понятны, потому что уровень жизни низкий и наше общество очень бедное. Основная часть доходов уходит на простое физическое существование, на простое воспроизводство. Никакого расширенного роста благосостояния не происходит, несмотря на все разговоры о новой ситуации, стабильном экономическом подъеме и прочее. Если посмотреть, как у нас распределяются доходы, то все изменения удачной конъюнктуры связаны с распределением нефтяной ренты. Во-вторых, они объясняются работой рыночной экономики. Эти реформы созданы, инициированы Гайдаром и его командой. Власть совершенно зря приписывает их нынешнему руководству. По нашим опросам от этих изменений выигрывает примерно 20% населения, заметно улучшившего свое благосостояние и резко изменившее характер потребления и уровень жизни. На долю нижних 20% приходится примерно 3%, но здесь важна психологическая составляющая. Важен не столько прирост для большей части населения, сколько неухудшение положения вещей, как это было в 1990-х годах, т.е. все-таки некоторая стабильность.

В связи с невыполненностью социальных обязательств государством люди чувствуют себя проигравшими. Этот негативный фон чрезвычайно важен. Даже доля считающих себя проигравшими с момента начала реформ систематически снижалась. Последний кризис опять поднял эту величину. Но важен именно доминирующий фон. Больше всего людей хотят материального благополучия. С этим связано отношение к себе, потому что люди чувствуют и воспринимают себя как обладающими некоторым достоинством, основанием для самоуважения, а не только достойной оплатой их труда. Если этого не происходит, возникает хронический комплекс ущемленности, неполноценности, зависти. Люди явно понимают, что их требования и ожидания не реализуются. Поэтому реальная жизнь происходит по-другому. Люди в основном полагаются

только на себя. Они реально не рассчитывают на государство. Отсюда основания для дискредитации власти.

Хочу подчеркнуть один момент – крайне невысокий уровень запросов, ориентаций, стремлений населения. Большинство хочет просто выжить, руководствуется правилом выживания. Социологически это называется тактикой пассивной адаптации к изменениям – не изменение ситуации, а приспособление к ней. По-русски говоря, терпение остается одной из главных добродетелей, т.е. ориентация на то, как живут окружающие, ни больше, ни меньше. То, что создавало динамизм в обществе – более высокий уровень запросов, ориентаций, идеальные устремления – характерно для очень небольшой части населения. Большинство хочет выжить на самом примитивном уровне или жить так, как раньше.

Все это по-другому иллюстрирует запрос на сильного руководителя. В 1989-м году мы фиксировали «черное сознание», когда люди давали себе такие оценки: «Мы хуже всех», «Мы – пример, как не надо жить другим народам», «Мы – нация рабов», «Мы – в тупике исторического развития», «Наша история – это цепь преступлений, нищеты». Доля таких ответов стала доминирующей.

Но именно в этот момент начали возникать представления о возможности и необходимости нахождения других моделей развития, выбора пути и ориентации в общественном мнении на эти модели развития и необходимость другого выбора. Напротив, неудача реформы привела к тому, что привлекательность разных моделей (в том числе европейских, демократических) резко снизилась. Начали расти неотрадиционализм, национализм, уход в прошлое. Набухают настроения о необходимости «твердой руки», сильного руководителя, отказа от дифференциации властей, от контроля, о необходимости сильной власти, которая поставила бы под контроль и законодательную и исполнительную власти.

Вы видите, как выражены эти тенденции. Демократические антиавторитарные установки были очень сильны в начале перестройки. Затем они снизились. Стали расти мнения о том, что нужна «сильная рука». Это примерно та же самая, но иначе выраженная, картина. Но, несмотря на поддержку идеи «сильной руки», общее недовольство властью выражено чрезвычайно сильно. Именно из-за того, что не реализованы социальные ожидания, в общественном сознании существует мнение, что социальные обязательства государство не выполнило.

Это приводит к недовольству всей политической конструкцией. Доминирует представление о людях во власти как корыстных, озабочен-

ных только собственными интересами, эгоистическими мотивами, либо вцепившихся во власть и держащих ее для себя. В годы высшего роста материального благосостояния эта картина меняется немного. Немного растет удельный вес ответов, что это хорошая команда, идущая правильным путем.

Важно, что социальные, общественные и политические институты не обеспечивают защиту населения в глазах населения. 85% людей считает, что они не в состоянии влиять на принятие решений в стране и даже в их регионе. А раз это так, то люди не считают себя ответственными за действия власти. Происходит своеобразная вещь – отчуждение от политики и вытеснение всей политической проблематики из общественного дискурса и общественного внимания и обсуждения. Если люди не в состоянии влиять, они не отвечают за это, и происходит вот это отделение.

Нарастает пассивный комплекс, все более сильная неполитическая активность, не участие в общественной деятельности, а дистанцирование от политики и терпение. Такое смирение, терпение, уход в собственную жизнь – характерная черта последних лет. Очень любопытна вот эта картинка. Вы видите, что на фоне в целом довольно негативного восприятия происходящего пики оптимизма и новых представлений носят принудительный характер. Все они связаны с избирательными кампаниями и циклами. Через каждые четыре года начинается всплеск надежд, которые не оправдываются, не удерживаются и падают. Интеграция сообщества обеспечивается негативными средствами, в основном представлениями о том, что наша страна окружена врагами. Это совершенно потрясающая вещь – с 1989-го года доля ответов о том, что у страны есть враги, увеличилась с 13% до 77% в 2003 году, а сегодня немножко опустилась – до 66%. Такие представления возвращаются именно с ослаблением политической проблематики, с ослаблением механизмов социального целеполагания. Возвращаются старые советские представления: страна окружена врагами; нас никто не любит; нас никто не уважает; нас хотят колонизовать, отобрать территории, вытеснить из традиционных сфер влияния. Эта негативная пропаганда оказывается очень важной, потому что она обеспечивает механическую интеграцию в целом.

Обратной стороной является исчезновение представлений о будущем, ориентаций на будущее, очень короткий срок планирования как политических программ, так и обычной жизни у населения. Интрига в том, что для очень большой части населения имеет место идеализация прошлого – не то, что люди хотят вернуться в Советский Союз (этого ма-

ло кто хочет), – но идеализация прошлого, восприятие брежневского времени как наиболее спокойного, стабильного, пусть даже с умеренным достатком, и с гарантированными социальными условиями существования. Прошлое выступает как основание для критики нынешней системы. Это не значит позитивное восприятие прошлого, а просто форму недовольства настоящим. Одновременно падает привлекательность Запада, демократических моделей, рыночной экономики (в 1998-м г. было 32%, в 2009 – 17-18%). Одновременно легитимизируется, утверждается в качестве «нормальной» нынешняя действующая система. Это значит, что уходят на второй план и перестают обсуждаться принципиальные вопросы: куда и как стране развиваться, как должна быть устроена структура власти и отношения между ветвями власти.

В сегодняшнем нашем сознании нет ясного представления о том, что происходит, как устроена наша система. Небольшая часть полагает, что у нас усиливается авторитарный режим и репрессивная политика. По крайней мере, идет сокращение представлений, что у нас хаос и беспорядок и что страна потеряла управляемость. Медленно усиливается представление, что у нас все-таки идет стабилизация, жизнь успокаивается, структурируется. Идею о том, что у нас демократия, разделяют все меньше людей. Они говорят, что демократия нужна, хотя ее и нет.

Нет иллюзии, что нынешние власти обеспечивают свободу прессы, свободу дискуссий, свободу политической конкуренции. Для большинства оппозиционных партий нет равных возможностей. Это значит, что нет возможности общей дискуссии о целях, средствах, цене развития. Политика стала гораздо более закрытой, теневой, решения принимаются в очень узких кругах и практически выносятся готовыми обществом. Несмотря на готовность поддержать модернизационные проекты, в обществе возникает сильнейший скепсис относительно их реализации. Потому что, опять-таки, как будут распределяться эти цели, насколько эффективны эти люди, будут ли реализованы эти программы, – по всем этим вопросам у большинства людей существуют сильнейшие сомнения. Если говорить о самых последних опросах, вот замеры реакции на заявления Дмитрия Медведева о планах модернизации.

Нет сомнения, что страна может быстро развиваться, что возможен подъем, но реализации этого крайне сомнительна. Потому что, во-первых, нет консенсуса в элитах и основных группах, во-вторых, сильнейшее сомнение в возможности корректной реализации. Очень большая часть людей считает, что модернизация будет просто ограничена заме-

ной устаревшего оборудования, покупкой готовых технологий и техники у Запада. Но самая большая доля – больше трети – считает, что эти средства просто будут разворованы или неэффективно использованы, поскольку в этом плане они выступают как основания для легитимации новой правящей партии, а не как реальные фактические планы и правила политической реализации. Поэтому сомнения довольно сильные.

На этом я закончу.

Б.М. Владимирский: Спасибо вам большое, все очень интересно. У меня есть некоторые сомнения, я хотел бы, чтобы вы их развеяли. Вы приводили замечательный график об уровне доверия к президенту или председателю правительства, скажем, относительно ста – там была цифра. И были сделаны выводы о том, что растет доверие к армии, церкви, ФСБ, а доверие к профсоюзам, политическим партиям падает. У меня сомнений в правильности этих оценок нет. Но там есть цифры – сто семь, сто девять, и на этом основании делается вывод о росте доверия. Вот это вызывает некое сомнение.

Л.Д. Гудков: Растет доверие только к определенной группе институтов – ФСБ и другим спецслужбам. К президенту, церкви, армии доверие практически неизменно на протяжении всего времени замеров. Есть некоторые колебания по годам, по конъюнктурным положениям, но ранг этих значений не меняется.

Единственное изменение – заметно снизилось доверие к средствам массовой информации, которое очень эксплуатировались в 1990-х годах. Это понятно, их роль был совершенно другая. В последние годы растет признание авторитетности спецслужб. Это можно прокомментировать. Во всяком случае, растет не только это. На протяжении последних десяти лет растет представление о том, что путинское правительство, путинский авторитет базируется, в первую очередь, на спецслужбах, на силовиках.

А.М. Старостин: Лев Дмитриевич, скажите, пожалуйста, есть ли некий концепт общества нашего, на который вы ориентируетесь, или авторский кон-цепт, которого вы придерживаетесь?

Л.Д. Гудков: Довольно сложный вопрос. Мы стараемся избегать тотальных концептов. Мы исходим из теории, но не как описания некоего положения вещей, а как инструмента, с которым можно работать, прилагая к нашим данным о действительности и фиксируя те или иные отклонения. То есть, как идеально-типический шаблон для анализа, сравнения, прослеживания различных функциональных связей.

Нашей объяснительной схемой является теория тоталитаризма – как возможность для сравнительного анализа институтов, не более того. Это не описание общества. Характер изменения происходящих процессов мы рассматриваем как медленное, частичное разложение тоталитарной системы. Процесс разложения – это метафора, но я готов ее терминологизировать, понятийно проработать. Разложение идет очень неравномерно. Скорость изменений в нашем обществе в разных сегментах разная. Наиболее интенсивно меняются массовая культура, экономика, система информационного потребления, даже технологии. Самые консервативные структуры в России – это суд, армия, политическая полиция, институты образования. Именно они связаны с символической вертикалью, т.е. с институтами власти, на которые власть опирается.

В этих структурах изменения минимальные. Это значит, что здесь воспроизводятся все старые советские представления. Процессы разложения я бы описывал как частичное воспроизводство или невоспроизводство прежних представлений о характере отношений, социальной структуре, организации общества, этике, в общем – обо всей нормативной системе.

А.И. Субботин: Правильно ли я понял из вашего ответа на вопрос профессора Старостина, что вы не отслеживаете процесс развития нашего общества, у вас нет моделей этого развития, соответствующих тому, что сейчас происходит? Вы, так сказать, извините, копаетесь в старом гнилье. Так нужно понимать?

Л.Д. Гудков: Нет, не так.

А.И. Субботин: Объясните, пожалуйста.

Реплика: Хорошенькое себе старое гнилье!

А.И. Субботин: Оно воняет, конечно, и очень сильно (*смех в аудитории*), но, тем не менее, – это гнилье!

Л.Д. Гудков: Нет, не так. У нас были совершенно другие ожидания. Мы фиксировали изменения по трем векторам. В конце 1980-х – начале 1990-х был совершенно четкий вектор изменений. Молодые, образованные жители крупнейших городов были более доходны, информированы, толерантны, более либерально настроены, обладали большим кругом информационных источников, знали языки. Вектор изменений поначалу указывал именно туда. Наша иллюзия в том, что мы считали – развитие будет происходить по мере того, как представления этих групп будут распространяться. Они будут находить воплощение – это классичес-

кая традиция – в ситуационных изменениях и трансформации общества. Именно их представления будут задавать тон.

Произошло другое – то, что я называю «феноменом обыкновенной истории», по Гончарову. Сталкиваясь с реальной жизнью, с замшелым характером социальных структур, эти группы, которые были действительно носителями изменений и новых представлений, впали в оппортунизм. Они отказались от собственных ценностей и оснований ради вписывания в ту жизнь, которая происходила дальше. Это явление я бы назвал реакцией – в химическом смысле. Речь идет о нарастании цинизма в обществе, о неспособности вносить новые представления, об отказе от этого и сдаче собственных позиций. На мой взгляд, цинизм – очень сложное и важное явление. Это не какая-то подлянка, а реакция на несостоявшиеся ценностные ожидания, сознательный отказ от них, акцент на отказе. Более того, вера в то, что эти вещи невозможны. Это принципиально важная вещь, которая плохо описана и плохо осознана. Молодежь не в состоянии внести новые смыслы и значения, она не просто отказывается, она старается как бы отомстить самой себе за ошибочную веру в них, и дискредитировать их. Это совершенно новое явление.

И.В. Митина: У меня два вопроса. Коррелирует ли ваша выборка с этническими процессами?

Л.Д. Гудков: Да.

И.В. Митина: И второй: скажите, пожалуйста, об аналогичных исследованиях по регионам и республикам, – какая там динамика?

Л.Д. Гудков: Для того, чтобы обеспечить корректную выборку и надежные исследования по регионам, нужно в каждом регионе проводить такие же замеры, как в целом по России.

И.В. Митина: Это нереально?

Л.Д. Гудков: Это реально, но требует больших затрат. Пока это может себе позволить только в период предвыборных кампаний фонд, который финансировался из государственного бюджета. Но их цели были совершенно другие, они замеряли предвыборные ожидания, напряженности и возможности технологического обеспечения выборов. Поэтому они проводили какое-то время (пока кризис все не сократил) исследования по 70-ти регионам и объем выборки составлял 32 тысячи человек. Это значит, что каждый замер (если считать, что цена объекта 20 долларов) – вот какие деньги выделялись на это. У нас таких денег нет.

А.В. Лубский: Вы продемонстрировали здесь те тенденции, которые на-блюдают, изменения в отношении населения к власти. В то же

время четко прослеживается и достаточно противоречивый характер отношения населения к власти. Вероятно, это обусловлено тем, что в одних случаях ваши респонденты высказывают достаточно рациональные суждения, а в других срабатывало то, что называют «российским менталитетом», культурными архетипами. В связи с этим вопрос: а что происходит с общественным мнением в плане соотношения рационального и ментального, т.е. не вполне осознанного отношения к власти?

Л.Д. Гудков: Вообще говоря, общественное мнение достаточно иррационально, тогда как мнение специалиста может быть продумано, систематизировано, обосновано и аргументировано. Общественное мнение стереотипно, включает самые разные составляющие и абсолютно не задумывается, как согласуются одни части с другими. Собственно, в этой противоречивости заключается функциональность...

В.П. Макаренко: Рациональным никогда не бывает.

Л.Д. Гудков: Я хотел бы спросить тогда: а что такое рациональное?

В.П. Макаренко: Ну вот, все ясно.

Л.Д. Гудков: Если вернуться к веберовскому пониманию рациональности, то рациональное – это взаимодействие идей и интересов, когда идеи прорабатываются, систематизируются, развертываются под влиянием определенных материальных интересов (экономических), господства, религиозных. Соотношение поля взаимодействий – это и есть поле рациональности. Поэтому в определенных вещах общественное мнение предельно рационально и прагматично. Все, что касается, скажем, отношения к Чеченской войне, ее причин, люди сознают и понимают. Относительно экономической политики (там, где она касается их собственной шкуры) тоже никаких иллюзий нет. Но чем дальше от повседневных проблем и отношений, тем общественное мнение все более фантастично. Напомню вам старые советские исследования о влиянии телевидения. Когда речь шла о том, как и в какой квартире живут они сами, у людей никаких сомнений не возникало. А когда показывали фильм «Кубанские казаки», начинался поток писем: «Дайте адрес, я хотел бы туда переехать».

Б.Н. Миллер: Вы говорили о недоверии к суду, прокуратуре, армии. Вопрос в том, что оценивать надо не отношение к бюрократии, к власти, а отношение друг к другу людей, – мы не доверяем друг другу и невозможно ничего сделать. Простой пример: хотел ЖКХ организовать, но никто меня не знает, все думают, что хочет что-то поиметь.

Л.Д. Гудков: Сейчас найду данные. Есть возможность сравнительного психологического краткого ответа...

Реплика: Здесь провал.

Л.Д. Гудков: И мы участвуем в таких исследованиях, по разным проектам, в том числе раз в два года, по разным странам...

Реплика: Вы обозначьте, где у нас провал, ну, там, суд, прокуратура...

Л.Д. Гудков: ...Доверие к армии, идентификация с институтом армии в империях выше, чем в маленьких странах. А уважение и доверие к полиции выше во всех демократических европейских странах. Скажем, в Германии или в США доверие к полиции очень высоко...

В.П. Макаренко: К криминальной, не политической.

Л.Д. Гудков: Да, к политической полиции там отношение крайне отрицательное. Доверие к суду сильно отличается: довольно высокое в Италии, по-скольку судьи там назначаются в соответствии с партийными предпочтениями; очень высокое в Германии и США...

Реплика: То есть, здесь у нас провал?

Л.Д. Гудков: Да, полный провал. К профсоюзам и политическим партиям вообще очень низкое доверие и отношение к ним негативное.

В.А. Шкуратов: Слушая дискуссию, я вспомнил шутку: опросы общественного мнения проводятся для того, чтобы население знало, как ему думать. *(Смех)*

Реплика: В общем, правильно.

Л.Д. Гудков: Вообще говоря, да, конечно.

В.А. Шкуратов: Уважаемый профессор представляет собой академическую, культурную, скрытую, экспертную оппозицию власти. Но возникает вопрос: не кажется ли вам, что применение языка классической социологии к нашей провинции, глубинке, т.е. России, дает заданный, предсказуемый эффект?

В.П. Макаренко: Володя, можно переформулировать твой вопрос? Ты сомневаешься в социологическом языке, который использует Левада-Центр?

В.А. Шкуратов: Да. И у меня вопрос: не надо ли применять более гибкие, методы, дискурсивные, так называемые постмодернистские методы?

Л.Д. Гудков: Надо. Я и мои коллеги считаем, что все методы хороши, но для определенной цели. Вообще говоря, надо пользоваться всей палитрой, всем диапазоном средств. У нас одно время была странная дискуссия, в которой качественные методы противопоставлялись количественным. Это все равно, что спорить – давайте отменим знак деления и

оставим только знак умножения. Для разных целей используются разные вещи, и в нашем центре используются те и другие процедуры. У нас два отдела качественных исследований, в которых проводятся фокус-группы, и глубинные интервью. В исследованиях по элите мы провели целую серию глубинных интервью. Уже на основе этого были выработаны анкеты, которые позволили нам построить формализованный опрос.

Хорошо, если бы были разные центры, которые используют и то, и другое, и третье. Мы не обладаем монополией на авторитет. Социология имеет свои границы. Вне сомнения, надо видеть эти границы, видеть воздействие инструментов на изучаемое и принимать это во внимание. Я не согласен, что мы являемся оппозицией по отношению к власти. Наша роль другая – аналитическая, критическая. Критический анализ, но мы не ангажированы ни в пользу никакой партии.

А.И. Субботин: Вы – буфер?

В.П. Макаренко: Чего ты пристал к человеку?

Л.Д. Гудков: Нет. На нас очень обижался Горбачев. Ельцинская администрация точно так же наезжала на нас, как и нынешняя. Но суть наша и функция – быть «зеркалом общественного мнения», представить обществу некую картинку, зеркало, чтобы оно смотрелось и немножко понимало. Функция зеркала чрезвычайно важна. Вот старый пример, который мы приводим в лекциях Бориса Владимировича для студентов: что такое зеркало? Если отбросить магические, архаические значения зеркала, то это – обобщенный другой, в который мы смотримся. Зеркало где висит? – в передней; когда мы выходим на улицу, мы в него смотримся, мы хотим знать, как мы выглядим, с точки зрения других. Поэтому девиз нашего центра – «От мнения к пониманию». А уж понимание – в меру возможностей.

И.Д. Коротец: Уважаемый коллега, если за основу анализа взять отношение населения к власти, не делали ли вы анализ географического распределения? И стратный анализ, желательно, в Москве.

Л.Д. Гудков: Если вы строите репрезентативную выборку, то в стандартных процедурах отражается вся структура населения: пол, возраст, образование, место жительства, тип поселения – Москва, Питер, большие города-миллионники, средние города, малые города, село. Мы не можем обеспечить репрезентативность по регионам, мы будем работать по укрупненным федеральным округам. Подчеркиваю: в отличие от других наши источники информации – это коллективные представления, а не мнения отдельных людей. Коллективные представления – это другая

материя, она обладает собственной нормативной значимостью. Как говорил Дюркгейм: коллективные представления – хищные, они притягивают к себе людей. Этими вещами мы и занимаемся. Общественное мнение – это не сумма индивидуальных мнений, а определенные структуры сознания, которые поддерживаются, воспроизводятся, на которые оказывают влияние институты, пропаганда. Это другой характер материала, и его надо видеть и теоретически работать с ним. Это не реальность или специфическая реальность, как писал Дюркгейм.

Д.В. Абросимов: Почему вы считаете корректным определять работу президента, парламента, милиции?

Л.Д. Гудков: Мы видим следы деятельности данных институтов. Естественно, социологический анализ организации или социологический анализ элиты – дает вам совершенно другой разворот и другие способы. Можно проводить исследование милиции самым разным образом...

Б.В. Дубин: Мы их проводили.

Л.Д. Гудков: Мы проводили много исследований, в том числе, и их самих. В частности, опрос о насилии, которое применяют работники милиции, осуществлялся через опрос врачей из травмпунктов. И получалась совершенно иная картина по сравнению с милицескими лубками.

Б.Н. Миллер: Я хотел спросить об отношении власти к населению: есть какие-то возможности хоть немножко замерить – доверяет она ему, считает ли, что народ – неудачник? (*Общий смех*).

Л.Д. Гудков: Ну, это не дело социологии, а политологии, другой области знания. Смотря чего вы хотите. Приведу пример одного из исследователей, который показывает совершенно другой разворот: в 1993–1994 году проводили первое в России большое исследование – смену циркуляции людей. Идея была старая, но проект был лос-анджелесский, он шел по всей Европе, включал трансформирующиеся страны. В России проводили мы. Это был очень большой проект, выборка 2000 элиты. Он был совершенно неполитичным и касался только биографией. Биография, образование, собственность и прочее – аморфно-номенклатурный справочник постсоветского и ельцинского времени.

Приведу только один факт, который является чрезвычайно важным и объясняет одну из причин внутреннего развала Союза, – значение террора для организации бюрократии. В конце сталинского времени, примерно в 1950–52-е гг. для того, чтобы кандидат в номенклатуру занял первую номенклатурную позицию, проходило от трех до четырех лет. Грубо говоря, кандидат через три-четыре года занимал пост осво-

божденного секретаря на крупном заводе или секретаря райкома. В конце брежневского времени для того, чтобы занять ту же самую позицию, проходил 21 год. Это значит, что мобильность прекратилась. Таковы были напряжения внутри бюрократии, а не внутри населения. Ее второй-третий эшелон требовал изменений.

Т.А. Марченко: Еще Августин написал, что любая власть – это шайка воров и разбойников. Эта идея до сих пор существует в сознании народа. Русская власть никогда не давала оснований своему населению себе же доверять. Это очень глубоко закреплено на уровне коллективного представления. Как писал Эмиль Дюркгейм, оно функционирует как на осознанном уровне, так и на бессознательном, передаваясь из поколения в поколение. Как вы полагаете, в какой мере отношение людей сегодня к различным властным институтам обусловлено реальным положением дел, а в какой мере – вот этими коллективными представлениями людей, идущими из глубины? А может эти коллективные представления, которые функционируют и являются социальным фактором, обуславливающим, в какой-то мере, социальную реальность, детерминируют появление у нас такой власти?

Л.Д. Гудков: Можно, я вопросом на вопрос отвечу?

В.П. Макаренко: Не рекомендуется.

Л.Д. Гудков: Ну, я все-таки попробую.

В.П. Макаренко: Да я пошутил, имея в виду правила хорошего тона. Но у нас научная дискуссия. Мы молимся истине. Поэтому вполне можно нарушить правила...

Л.Д. Гудков: А в какой степени брачно-сексуальные отношения в семье определяются традиционными представлениями о распределении ролей, которые идут из глубины веков и нагружены кучей всяких предрассудков? При конкретном социальном анализе мы должны учитывать, где и в какой ситуации существуют устойчивые традиционные предрассудки и конкретные отношения двух людей. Конечно, отношение к власти в очень большой степени определяется всей инерцией отношения к власти. Поэтому можно выделить не только советский, но и досоветский пласт значений власти. Но это требует отдельного анализа как предмет эмпирической работы. Когда вы говорили о власти, как о шайке бандитов, вы упустили только одну важную вещь – представление о справедливости. Оно, во-первых, может быть приложимо, может быть неприложимо. Эта вещь ситуативно обусловлена. Поскольку у нас

несколько правлений сменилось, мы можем говорить о волнообразном доверии к власти.

Очень высокий нынешний рейтинг Путина кажется чем-то исключительным, если не сравнивать его с горбачевскими или ельцинскими первыми годами. А потом это довольно быстро падало в трясины. Ожидания к одному лидеру переносились на следующего, потом – затухание. Мы видели, как доверие с Ельцина переносилось на Лебеда и на других водоплавающих птиц. Как импульсы и ожидания они были неслучайны и структурированы. Другое дело, что в какой-то момент ситуация изменилась – свобода прессы, критики, оппозиции прекратилась. Дальше мы видим некое ровное плато.

М.С. Константинов: В Вашем докладе Вы пропустили слайды по протестным настроениям. Для политолога это интереснее, чем уровень поддержки президента. Вы не могли бы в двух словах охарактеризовать протестные настроения.

Л.Д. Гудков: Протестные настроения состоят из двух частей – оценки возможности протестных действий и готовности реального участия в них. Это – не реальное протестное поведение, мы, скорее, измеряем уровень напряженности в обществе. Даже если бы реально в акциях протеста участвовало не 20%, а 1%, это было бы больше миллиона людей. Значит, это декларации о готовности, которые указывают степень напряженности. Протестные настроения обычно усиливаются в моменты кризиса. Здесь два пика – кризис 1998-го года и монетизация. Но в принципе население России довольно апатично. В других стран группы, обладающие наибольшими ресурсами, активнее участвуют в политике, и более других чувствуют себя ответственными. У нас же наиболее политически пассивными являются самые ресурсообеспеченные группы. Они прикормлены властью. Околовластные круги не выйдут на улицы. Во-вторых, пассивной остается молодежь. Она обладает ресурсами образования, информации, более обеспеченна, чем их родители, но в минимальной степени готова участвовать в протестных акциях. С молодежью интересная вещь произошла – на нее все блага постсоветского времени (свобода перемещений, мобильности, информация, заработка) упали, как с неба. Она ничего не прилагала при этом. Для нее это естественная вещь. Но для поколения предыдущего, которое знает, что такое советская жизнь, со всеми ее дефицитами, это благо, и они это ценят. А молодежь – нет. Поэтому участие молодежи в выборах на всем протяжении наших замеров за все 20 лет минимальное. Наиболее активно приходят

на выборы люди предпенсионного-пенсионного возраста, там уровень участия до 70%. У молодежи около 30-35%. Довольно интересная вещь: пожилые люди аккумулируют раздражение и недовольство существующим положением вещей, а молодежь демонстрирует аполитичность...

В.П. Макаренко: И жеребьяче настроение.

Л.Д. Гудков: Да.

Д. Семин: Я студент. Вы говорили о вопиющей дистанции, отчуждении населения от власти. О невозможности реально повлиять на какие-либо отношения, о катастрофически низком уровне жизни большинства населения. Обо всем этом пишет гениальный Игорь Губерман.

Л.Д. Гудков: Могу сказать два слова об отношении к Сталину, если нет возражений. Вы знаете, несмотря на попытку пропаганды Сталина и порыв поднять его, так или иначе, реакция довольно странная: если брать только с 2001 по 2008 год, то уменьшилось число как сталинистов, так и антисталинистов...

В.П. Макаренко: Возня вокруг «широкогрудого осетина» всем надоела.

Л.Д. Гудков: Да. Очень резко выросло, от 13 до 47% число людей, которым эта проблематика безразлична. Среди молодежи доля индифферентных и безразличных выросла до 69%. Именно та группа, которую облучала пропаганда, отпихивается от этого. Молодежь неспособна разобраться с тем, что происходило. А также неспособна дать моральную оценку прошлому. Поэтому она дает реакцию отчуждения.

В.Ю. Попов: Есть ли у вас критерий, который позволил бы определить степень влияния самих спецслужб на рейтинг отношения к ним, на то, каким образом формируется это мнение. Как проверить, как меняется мнение людей, которые ознакомлены с данными вашего центра, т.е. что они думали до и после того, как они ваши данные имели возможность прочесть?

Л.Д. Гудков: Вообще говоря, только 1% людей следят за данными всех и любых социологических опросов, а не только наших. Влияние социологических данных значимо для политиков, журналистов, власти. Тем не менее оно не берется в расчет, – ведь никто из них не знает, как с этими данными обращаться. Если же вы хотите замерить субъективность пропаганды, в том числе спецслужб, то это специальная работа, и она вполне реализуется...

Реплика: Она ведется?

Л.Д. Гудков: Нет.

Реплика: Спасибо.

Б.В. Дубин: Спецслужбы не заказывали нам эту работу, а мы работаем, в основном, по заказу.

В.П. Макаренко: Можно ли считать, что вопросы исчерпаны? В таком случае сердечно поблагодарим Льва Дмитриевича за обстоятельный доклад. В особицу – за то, что устоял вопреки нашим терзаниям. Вы нас не ругайте. (*Аплодисменты*).

Л.Д. Гудков: Нет. Спасибо, наоборот, мне как раз очень приятно...

В.П. Макаренко: Слово Борису Владимировичу Дубину – очень интересному автору – для доклада на тему «Режим разобщения и социальный цинизм».

Б.В. Дубин: Мне не хочется повторять то, что я писал в статье с аналогичным названием. Отчасти это будет кратким, тезисным изложением уже написанного, а большей частью – попытки развить эти соображения. Я не буду показывать наши эмпирические данные – они и так хорошо представлены. Я рассчитываю на ваше сознательное отношение к увиденному.

Что мне хочется подчеркнуть и выделить для характеристики сложившегося за 2000-е годы социально-политического режима? Что мне кажется в нем важным и принципиальным? Прежде всего социальные и политические переломы – с 1970-х гг. до 1991-го г. и далее. Советский Союз, затем Россия испытали на протяжении 1990-х гг. несколько серьезных политических переломов. Сейчас я напому эти точки, из чего отчасти будет понятна логика прихода в 1999-2000 гг. именно такого руководства и легализация режима, о котором идет речь. Я не буду сейчас отделять свою точку зрения от коллективной точки зрения – иногда буду говорить «я», иногда – «мы». Все это более или менее консолидированная точка зрения.

Тут важны 1993-94 годы. Это чрезвычайно важный и серьезный перелом, который можно проследивать на данных общественного мнения, на состоянии масс-медиа и политических элит, их настроениях, их новых заказах экспертным группам. В двух словах напому. В 1993-м г. в массовом порядке начали ощущаться отрицательные, негативные последствия реформ, которые пытались начать реформаторы в российском руководстве. Прежде всего, это Гайдар и его единомышленники. Затем последовало резкое разочарование в идеях и символах реформ. А главное – поскольку по традиции представление о власти в России очень сильно персонифицировано – разочарование в самих фигурах реформаторов.

Кстати, скажу об отношении к Первой Чеченской войне. В целом для него характерно неприятие войны и понимание чудовищности того факта, что на территории России воюют, – ведь такого давно не было.

Но был и нетривиальный момент: 1993-95-е годы – это годы политического разочарования в фигуре Ельцина. В Ельцине видели инициатора, виновника Первой Чеченской войны; отсюда еще более резко-отрицательное отношение населения к ней. Вся эта ситуация выразилась в выборах 1993 г., с чрезвычайно значительной поддержкой коммунистов и появлением на политической авансцене новой партии и новой политической фигуры – В.В.Жириновского. Это далеко не случайная фигура.

Теперь напому обстрел Белого дома, начало Первой Чеченской войны, и следующий серьезный перелом этой ситуации в 1994-96 гг., перед выборами Ельцина. В начале 1996 г. его рейтинг (тогда в России это понятие только появилось) был чудовищно низким и ситуация казалась абсолютно проигрышной. Среди прочего было очень важно, что вслед за началом Чеченской войны и ситуации 1995-96 годов Ельцин стал все больше опираться не на реформаторов, а на выходцев из силовых структур, во-первых, и во-вторых, в 1995-96 гг. очень сильному контролю, совершенно новому в постсоветских условиях, подверглись средства массовой информации, учитывая выборы и возможные негативные последствия, негативную для Ельцина перспективу выборов. Вот тогда люди увидели, как масс-медиа меняются на глазах. На деле они стали меняться немножко раньше. В 1993-94-м гг. были созданы, а потом появились на большом экране принципиально новые типы передач «Старые песни о главном», «Русский проект», которые казались немыслимыми за несколько лет до этого. Если бы кто-нибудь сказал в 1987-89 гг., что на центральных каналах телевидения будут идти такие проекты, я думаю, никто бы не поверил. А в эти годы они стали идти. Это была новая ориентация средств массовой информации.

Напому, что инициаторами ее выступали очень молодые, по советским понятиям, чрезвычайно успешные менеджеры телевидения. На этом они получили новый авторитет, новые возможности, некоторые из них сохранили их до нынешнего дня. По нашим тогдашним опросам к 1999–2000 годам совершенно прояснилась картина ожидания прихода «сильной руки», так сказать, «спасителя», который возьмет власть в одни руки и наведет в стране порядок. Сквозная линия во всех этих точках временных, которые я отмечал, – это упор населения, политических элит и средств массовой информации на проблематику стабильности и порядка.

Мы уже говорили о немыслимо высоких и немыслимо устойчивых рейтингах Путина. Дело в том, что в отличие от Горбачева и Ельцина, Путин сразу поставил на стабильность рейтинга. В этом выразилось отражение его курса на стабильность, неизменность того порядка, который при нем складывался. Это принципиально важная вещь для так называемых «элит» в 2000-м году, для того социально-политического порядка, который выстраивался, и для отношения населения к этому порядку. Перечислю кратко свойства этого порядка, которые мне кажутся определяющими.

Первое и самое важное, об этом много писал Левада, и мы не раз об этом писали, – это всеобщая установка на ротацию. Причем это вовсе не характеристика пассивных масс, не желающих вмешиваться и т.д. Сама власть ориентирована на адаптацию, а не на изменения, не на выдвижение и достижение политических целей, а на установление – пусть не реальной, но символической интеграции, стабильности и общего ощущения, что эта так будет, если не всегда, то еще долго. Поэтому на протяжении 2000-х гг. мы не имеем дела с феноменами развития, дифференциации и специализации рыночных, правовых, культурных, политических и тому подобных институтов. На деле происходит, с одной стороны, нарастание фрагментированности массы, все более раздробленной и атомизированной, а с другой – нарастание дистанции, подчеркиваю – и снизу, и сверху, – нарастание дистанции между верхами и низами, между властью и массой населения.

Вместе с тем, наперекор официальной и официозной пропаганде, нельзя утверждать, что власть с 2000-го года становится все более концентрированной. Символически это так. Реально, прагматически – ситуация совершенно другая. Власть тоже фрагментируется, расплзается по разным этажам и уровням социума, на централизованном, центральном, федеральном уровне, и на местном, региональном уровне. Появляется все большее количество точек, в которых различные структуры и представители власти усваивают произвол как норму собственного поведения. Для этого они используют все имеющиеся у них государственные и частные ресурсы. Поэтому я бы не говорил об усилении вертикали, нарастающей концентрации власти. Напротив, нарастает рассеивание и размазывание власти по территории.

Что следует подчеркнуть относительно этой фрагментации? Часто в таких процессах философы, политологи, социологи и социальные философы подчеркивают момент раздробления, изоляции, все большего пре-

вращения в пылевидные структуры общества. Я потом приведу несколько цифр насчет того, кем себя ощущают россияне, и ситуацию, на каком радиусе они считают ее доступной для себя и подлежащей хоть какому-то их контролю.

Фрагментация – это массовизация общества. Теоретики и критики массы в 1920-1930-1940-е годы боялись, что это будет громадная, монолитная масса, вооруженная современной техникой – от военной до масс-медиаальной, которая представляет угрозу гуманистической цивилизации, интеллектуалам, либерализму. В отличие от этих представлений гораздо более функциональной в XXI веке становится не ситуация монолитной массы, а ситуация того, что я назвал «рассеянной массой». Есть замечательная книжка московского поэта Михаила Айзенберга (хотя он писал совсем про другое) «Рассеянная масса». Мне нравится эта метафора. Дело в том, что та масса, которая получается в результате фрагментирования, является рассеянной, но при этом чувствует себя единой, хотя бы в виртуальном режиме. 95% процентов взрослого населения, в среднем три-четыре часа в день, смотрит основные каналы телевизора. Как показывают наши данные, более-менее однозначно на них реагирует: по принципиальным социальным и политическим характеристикам масса населения от 60 до 80% едина в своем мнении. И чаще всего это мнение совпадает с официальной установкой. Я хочу подчеркнуть, что это новая (именно не старая) технология управления рассеянной массой со стороны власти. Фрагментация и социальное рассеивание массы – это новая политическая технология, и роль рассеянного, ни во что не вмешивающегося зрителя, – это политическая роль. Это чрезвычайно важно подчеркнуть.

Уже говорилось о феномене массового недоверия к большинству институтов, кроме иерархических – типа армии, спецслужб, церкви, первого лица. Но почвой такого недоверия является массовое недоверие россияне друг к другу. И это опять-таки новый феномен. Вот наши данные 1989-го года. Оценки по двум позициям – с какой из них вы более согласны: людям можно доверять, в основном, – 89-й год – больше половины, 52% считает, что это так, 40% – что с людьми надо быть осторожными. Оценки 2009 года: две трети – что с людьми надо быть осторожными, четверть – что людям все-таки можно доверять.

Я опять хочу скорректировать официальную и официозную точку зрения о том, что есть доверие и поддержка первых лиц власти. Надо говорить не о доверии и поддержке, а о переадресации массовой инициативы. Масса переадресует свое право инициативы первым лицам, но это

как бы снимает ответственность с первых лиц, – это очень интересная характеристика. Полнота власти в современной России такова, что нынешняя власть не отвечает за то, что она делает.

Такова характеристика конструкции власти. Но точно так же эта переадресация разгружает население от участия в политической жизни. Данные на этот счет приводились. Фактически, единственный круг, в котором люди чувствуют себя собою, – это семья и ближайшие родственники. Причем, это взрослые люди, не 13-летние подростки, это главы семьи, специалисты на работе, казалось бы, полноценные граждане. Но единственный круг, который подвластен их контролю, – это семья и близкие родственники. Ни на работе, ни в районе, где они живут, ни в городе, где они проживают, ни в стране, гражданами которой они являются, от 52 до 70% взрослого населения России не обладает возможностью воздействия на то, что происходит.

Конечно, такая конструкция власти, с одной стороны, подразумевает указанную слабость институтов и слабость доверия к институтам, особенно к новым институтам. Тем более, если на их вывесках говорится, что они демократические и так далее. С другой стороны... Как лучше всего это описать?.. Напомню, что западно-европейские, условно говоря – либерально-демократические концепции власти построены на представительской роли властей. То-есть, власть представляет ценности тех или иных групп или населения страны в целом, – и это относится к любой власти, начиная от политической партии, кончая президентом. С другой стороны – представительство и защита интересов социальных групп и населения в целом предусматривает доверие населения к власти, ее основным институтам и всему политическому строю. А со стороны власти – ответственность за то, что власть делает, ответственность перед теми группами, которые ее избрали и ее поддерживают. В такой конструкции можно говорить о доверии, поддержке, представительстве, ответственности и т.д.

Наша российская ситуация обладает не только реальной, но и ментальной спецификой. Наша власть не какая-то там другая, где-то в Америке, а здесь, у нас, наша, привычная, своя. Эта своя власть построена совершенно иначе.

«Вышняя власть» освобождена от ответственности. В этом смысле у нее нет и не может быть связи с массами, кроме той, которой сама власть придерживается. Речь идет о политическом спектакле, который регулярно устраивает власть: линия связи президента с населением, встреча

президента с представителями крупнейших медиа. Есть и другие жанры этого спектакля. Понятно, кто его ставит, кто режиссер, кто кукловод. Такова принципиальная характеристика нашей власти.

Соответственно, среди населения круг своего мира сужается до ближайших родных. Это означает ослабление и разрыв связей с социальными и культурными, как бы обобщенными «другими». Фактически, большая часть России – от 70 до 80% современного взрослого населения страны, исключены из универсальных культурных связей. 77% современного российского населения никогда не бывают в кино...

В.П. Макаренко: Ясно.

Б.В. Дубин: Свыше 80% населения никогда не бывают в театре, в музее, на выставке. До 80% нынешнего взрослого населения России никогда не бывают в библиотеках. Вот ситуация исключенности из универсальных культурных связей, где работают не личности, не родственники, не персонификации власти, а универсальные нормы. Большая часть населения исключена из этого универсального пространства. Единственный показатель, который рос на протяжении последних 15 лет, – это походы в гости и принятие гостей. Но и это характерно только для двух групп населения: молодежи, с одной стороны, и самых старших, с другой. Для самых старших поход в гости и прием гостей – это сторона традиционного ритуала: ходят в гости к родственникам и принимают гостей – родственников. Для молодежи общение в гостях – это общение с друзьями.

Мне кажется, что наличие какого-то принципиального «другого» – ну, вы понимаете, что слово «друг» и слово «другой» неслучайно из одного контекста, – что принципиальный «другой» существует в российских условиях только в одной возрастной фазе – для молодежи. Чем старше человек, тем меньше для него значимы какие-то «другие» и тем больше для него значимы «свои». Это характерная структура не только общества, но и сознания о нашем обществе. Это характеристика реальной жизни и ментального представления о ней. Того, как надо, как правильно жить «по-нашему», как «у нас» живут.

Следующий мотив – усиление ретроспективных ориентаций в коллективных представлениях россиян о том, кто они такие. Тут остались: ориентация на так называемый «особый вкус»; ориентация на наше прошлое, на историю. На протяжении 1990-2000-х гг. в конструкции коллективной идентификации – кто такие «мы», чем «мы» гордимся, что составляет особенность «нашего» – росли только две характе-

ристики: «наша земля – территория, на которой мы живем»; «наше прошлое, наша история». Легко видеть, что объединяет эти характеристики между собой: то и другое находится вне сферы контроля и воздействия человека, который это говорит. Он говорит об этом как о неподвластных его контролю реальных сущностях. Это не результат его действий, не результат того, что он хочет и может сделать что-то лучшее, а это данность, потому что «мы» – это мы. Если хотите, это другое имя для «нас», это другое имя – «Россия», так же как другое имя «Россия» – «православная Россия». Третья часть населения считает себя православными. При этом – «религиозно озабоченными», «религиозно встревоженными», «религиозно заинтересованными» людьми – «очень религиозными» считают себя 7%, достаточно религиозными – порядка 20%. Кто-то говорит, что для них очень важна религия – 6-7%, еще 15% – относительно важна. При этом три четверти называют себя православными.⁶⁶ Материалы «круглого стола»

Как объяснить квалификацию себя как «православных»? Готового имени «советские люди» больше нет. Слово «россияне» лидеры России услышали от Ельцина, с ним оно ассоциируется. Но большая часть населения, даже во времена власти Ельцина и после его смерти, относится к нему без почтения, как и к Горбачеву. Игорь Иртеньев писал, что пальто-то могли бы подать все-таки Горбачеву, но не можем: своё, особое представление о том, кто такие «мы», о собственном достоинстве. Нет между нами солидарности. Поэтому слово «россияне» большинство жителей страны не использует, а «православные» – это другое дело.

Последний момент этой характеристики – на протяжении второй половины 1990-2000-х годов систематически сокращалась область «общего» – общих ценностей, интересов, дел. Идет последовательное ослабление, уничтожение, выведение из актуального горизонта символов и значений, относящихся к «общему», к человеку как таковому, к высшим областям значений, которые оправдывают и объясняют само существование человеческого рода, объединяют людей как таковых. Возьмем ответы на вопросы о том, как люди себе представляют крупнейшие события в мировой истории, на всем ее протяжении или на протяжении XX века, или о том, кто является самыми выдающимися людьми всех времен и народов. Получается деформированная картина: сосредоточенность на советском периоде истории, где «главными событиями» будут Октябрьская революция, победа в войне, полет в космос, Чернобыль как предвестие катастрофы; 1991-й год как год распада Союза.

Если говорить о героях, – это герои из школьной программы. В первую очередь – фигуры вождей, полководцев и людей, представлявших державную, имперскую культуру. Представления о таких людях почерпнуты из школьного учебника. Это может быть Пушкин, Менделеев, Ломоносов. Важно, что речь идет не о науке, не о литературе, а о тех, кто представляет Россию, «нас», как некое державное целое.

Важнее всего в ретроспективной ориентации и сосредоточении на исключительно наших, изолированных особых значениях и силах, вот что: на протяжении второй половины 1990-х-2000-го года – это некое «наше» и «особое» все больше наделяется характеристикой «советского». Наш «особый» путь – это все больше «советский» путь. Наше прошлое – это все больше «советское» прошлое. Это чрезвычайно существенное изменение произошло в 2000-е годы.

Лев Дмитриевич показывал на своей картинке, какой политический режим представляется для россиян самым лучшим. Все более нарастает привлекательность советского режима. Здесь очень важен период экономического кризиса, в котором Россия сейчас находится. Этот факт значит, что ситуация кризиса, неопределенности ведет именно к харизмам. Не в направлении изменения ситуации, а редукция к прошлому, и не просто к прошлому, а к советскому прошлому. Иначе говоря, основой идентификации (себя, представления о власти, представления о настоящем) для большинства (по крайней мере, для двух третей сегодняшних россиян) является «советское». В какой мере оно реально советское, а в какой мере специально сконструировано на протяжении 1990-2000-х годов, – это отдельная большая проблема. Можно показать на самых разных материалах, как это делалось из подручных материалов, но сейчас не об этом речь. Важно, что эта сконструированная, как сказали бы западные историки, традиция принята как сама реальность, принята как «наша».

Таким образом, что мы имеем, если очертить сложившуюся структуру социально-политического порядка? Внизу широко представлена количественно наполненная стигматизированная масса. Эта масса приняла свое положение как некоторую стигму, и компенсирует ее представлением о некоем героическом, державном «мы». Но опять-таки героически-державное «мы» отнесено в изолированное прошлое, которое касается только нас и больше никого. Наверху безответственная, ничем и никем не контролируемая власть, по крайней мере, она себя так подает и представляет. Этот новый феномен не контролирует тот слой, прослойку, фракцию населения, которая себя достаточно активно демонс-

трирует. Их можно назвать «новые благополучные», «новые успешные». Их выражением, зеркалом и в то же время – рекламой является глянце-вая, «гламурная» культура.

Это относится не только к категории моды, а к категории полити-ки. Ны-нешняя политика, особенно первых лиц, целиком зависит от те-левизора. Пред-ставители власти все чаще и чаще демонстрируют свое соседство с героями «гламурной» культуры, говорят языком этой куль-туры, используя каналы ее продвижения. Это вещь совершенно не слу-чайная и совершенно не случайны «новые благополучные». Наш опрос именно этой категории населения показы-вает: именно эти люди высоко ставят режим Путина в 2000-м году и считают, что обязаны всем именно ему и готовы его поддерживать.

Наряду с этими «новыми благополучными» я бы выделил слой «но-вых циников». Их довольно много. Это политики типа Жириновского. Но очень сильно на сознание и поведение группы «новых циников» повлия-ла ситуация 1995- 96-гг., которая показала политтехнологам, что они могут, и они убедились в собственных силах. Очень характерна иллю-зия этого «гламурного» слоя или его «цинической» изнанки о тотальной управляемости. С их точки зрения все проблемы технологичны. Никаких трудностей, проблем нет, дайте деньги, мы найдем людей, технологию, и сможем сделать все. С их точки зрения не существует никаких отдельных людей, с их интересами, группами, заботами. У этой группы нет социаль-ных, политических, любых партнеров, для них есть материал для обра-ботки. Дайте средств и в положенный срок мы добьемся нужного эф-фекта. В качестве примера может быть приведен Г.Павловский. Но не он один, я могу назвать еще достаточно много людей такого пошиба. В част-ности, новые менеджеры масс-медиа, которые пришли в 1993-94-м году, скроены из того же материала и по тому же шаблону.

Последняя характеристика вытекает из уже сказанного. Ее можно назвать «отсутствие будущего» или «отсутствие представлений о буду-щем». Юрий Александрович Левада писал в начальной главе книжки про элиту об одной из «традиций российской элиты» – короткие историчес-кие отрезки существования. Нет преемственности между этими корот-кими отрезками. Иначе говоря, каждая фракция элиты, во многом и в массе населения, не ставит перед собой каких бы то ни было далеких це-лей; она ориентируется на ближайшее будущее. Причем ориентируется (для населения это характерно особенно, но во многом это характерно и для элиты) не на лучшее, пусть даже немножко лучшее, а на нижнее, на

худшее, на то, чтобы мне стало хуже. Т.е. она не задана будущим, а огра-ничена представлением о прошлом как «плохом прошлым».

Здесь интересный новый поворот темы прошлого – не «славное геро-ическое прошлое», а то прошлое, когда «мы из грязи в князи вышли». Это тоже важная характеристика – то, от чего отталкиваемся, чтобы удержи-вать сегодняшнее. Отсюда вытекает структура времени и структура исто-рии в массовых представлениях и в представлениях элиты. Это структура повторения: история – это то, что повторяется и реализуется. В конечном счете, история в таких представлениях описывает один из вечных сюже-тов: мы теряем какое-то состояние как замечательное – свои корни, Рос-сию, русскую традицию, русскую культуру и т.д., и опять находимся в пу-ти к возвращению ее. Потеря и томление по возврату. Кто-то из молодых людей может уже не помнить, что 1989-1990-й годы были годами пере-стройки. Теперь символы окрашены нашими воспоминаниями о том, что тогда было. В 1989-м году на советские экраны вышел фильм Станислава Говорухина «Так жить нельзя». Он повествовал о проблемах и явлениях 1987-1989 годов. Фильм завоевал три премии «Ника». По опросу читате-лей журнала «Советский экран» то был лучший фильм года. В 1989-м году на страницах журнала «Знамя», который имел в то время 900 с лишним тысяч тиража (помножьте, по крайней мере, еще на десять, прочитавших каждый номер), вышла повесть Эдуарда Лимонова «У нас была великая эпоха». Еще через два года вышел фильм Станислава Говорухина «Россия, которую мы потеряли». Вот конструкция истории, конструкция времени. Вот представление, которое сегодня разделяет большинство населения и значительная, если не вся, политическая, культурная, экономическая, военная и тому подобная «элита». (*Аплодисменты.*)

Т.Г. Лешкевич: У меня вопрос к средней части вашего доклада. 18 марта 2010 года...

В.П. Макаренко: В День Парижской коммуны...

Т.Г. Лешкевич: ...я участвовала в конференции Института филосо-фии РАН, которая называлась «Русский мир». Она была хорошо пред-ставлена, – ближнее и дальнее зарубежье. Они там настолько активно пользовались концептом «русский», «русское», не используя слово «рос-сияне», что я даже стихийно стала выступать не на ранее заявленную те-му, а с рассуждением, насколько это сейчас, в наших условиях возможно. Я хотела бы услышать ваше мнение: можно ли сейчас, реально, с претен-зией на какой-то обществоведческий (я не говорю научный) анализ, опи-раться на концепт «русское», «русский»?

Б.В. Дубин: Если удастся кому-то сделать успешным, авторитетным, влиятельным для других такое значение слова «русский», которое близко к понятию «гражданин Америки», независимо от того, какого он цвета кожи, происхождения и так далее, – тогда почему бы нет? Но в России 15% – а это очень близко к европейским стандартам – людей, которые не признают себя этническими русскими. Причем, в России в ближайшее время процессы миграции будут усиливаться. С этим столкнулись западно-европейские культуры на протяжении последней трети XX века и первого десятилетия XXI века. Полиязыковое, поликультурное, полиэтническое существование выдвигает соответствующие запросы и требования к политической системе, системе образования, системе продвижения элит, социальной мобильности в целом. Развитые страны работают в этом направлении уже четверть века. Причем, не только индивидуальная работа, не только работа элиты, – мы тоже работаем тут. Если же в России играет карта «русский мир», – похоже, что к вышеуказанной работе мы абсолютно не готовы. Поэтому всякий разговор о миграции, полиэтничности и т.д. вызывает у власти и близких к ней так называемых «аналитиков», «консультантов», «политологов» такую паническую реакцию. Ю.А. Левада писал, что если общество строится как разгороженное, то любой слом перегородок воспринимается им как хаос вседозволенности. Понимаете? Если настаивать на том, что русское – это этническое русское, это может привести к очень серьезным проблемам, и совершенно непонятно, как оно сумеет на них ответить. Желание ходить с такой карты ... мы видели и не таких картежников на протяжении последних 20 лет. Да еще каких шулеров!

Т.Г. Лешкевич: То есть, целесообразно все-таки говорить «россияне»?

В.П. Макаренко: Нет.

Б.В. Дубин: Нет, не принимает население эту характеристику. Вы сами это чувствуете. Все интеллигентные люди слышат в этом слове вычки.

Т.Г. Лешкевич: Тупиковая проблема образовалась.

Б.В. Дубин: Это проблема не слова, а самоопределения...

Т.Г. Лешкевич: Да.

Б.В. Дубин: ...и в этом смысле – реального движения, расширения или сужения перспектив, изоляции. Давайте одни останемся на нашем острове. И будем считать, что остальных не существует...

Л.Д. Гудков: Французы...

Б.В. Дубин: Вот замечательный пример: на одной из встреч с французскими коллегами обсуждались всякие социальные, политические,

национальные проблемы. И мы поинтересовались (ведь мы работаем тоже с этим материалом у себя в стране): каков национальный состав населения Франции?

Л.Д. Гудков: Этнический.

Б.В. Дубин: В смысле – этнический. А коллеги сказали: откуда можно получить такую информацию? Такой информации во Франции вообще не существует. Задать такой вопрос невозможно. Это исключено.

Л.Д. Гудков: Французы – политическая нация. Они давно уже не бретонцы, не нормандцы, не корсиканцы, зато занимаются возрождением почти умерших языков (бретонский и прочие). Но когда вы спрашиваете: вы евреи или кто? – они отвечают: мы французы, потому что мы – политическая нация.

Б.В. Дубин: У них такой статистики нет, потому что нет такой графы в национальной статистике, в паспорте.

Л.Д. Гудков: И этот вопрос прозвучал как неприличнейший.

Б.В. Дубин: Да, конечно. Мы были друзьями, с которыми мы давно работаем, они нас хорошо знают, у нас более-менее аналогичные взгляды. А вдруг выяснилось, что мы задали вопрос, который задал бы ... я не знаю...

Реплика: Жириновский.

Б.В. Дубин: ...господин Геринг или Жириновский или кто-нибудь из этого угла. Это было столкновение с реальностями другой среды.

Н.П. Проценко: У меня такой вопрос. Согласно вашим данным, 80% людей не могут повлиять на то, что бы то ни было...

Б.В. Дубин: До 85% даже.

Н.П. Проценко: Скажите, как вы оцениваете потенциал мобилизации остальных 15%, кто что-то решает? Может здесь возникнуть ситуация, которая была во время вторых выборов Ельцина, в 1996-м году?

Б.В. Дубин: Давайте разделим вопрос на несколько частей. Первая часть – о тех, кто не попадает в большинство. Маленький комментарий относительно цифр. 52% считают возможным контролировать то, что происходит на работе, на том месте, где они работают. В этом смысле цифра хотя бы к половине близка, а не к 85%. Чем дальше от места жизни и работы человека, тем цифра неспособности влиять становится больше. Теперь насчет меньшинства. По нашим экспертным оценкам, от 15 до 25% (по разным параметрам) не принимают сложившийся социально-политический порядок. Следующий вопрос: можно ли, кто может и вокруг чего их можно мобилизовать? Они так же атомизированы, как

остальная часть населения. Более того, в наиболее продвинутых (в смысле способности рефлексии, уровня квалификации) группах развивается ориентация на самозаклывание, на самоизоляции, на кружковое существование среди своих, а не на выход в открытую сферу интеллектуальной конкуренции, политического действия и т.д. Отсюда вытекает возможность их мобилизации: чем больше люди критичны, тем меньше они поддаются чистой антимобилизации, по крайней мере, хотелось бы про них так думать. Я не вижу в сегодняшней России людей, идей и способов их сплочения, которые могли бы эту часть населения сплотить хотя бы виртуально. С одной стороны, сегодня происходят ситцевые бунты по поводу монетизации. Но это же абсолютно другие явления. Это не движение, а брожение, это другой социальный процесс, он ни во что перейти не может. В отличие от брожения винограда, в вино он не переходит. С другой стороны, в Калининграде или на Дальнем Востоке работает «ригидная депривация», – психология и социология этим понятием тоже пользуются. Речь идет о людях не бедных, которые уже что-то получили, но которые видят, сколько они могли бы получить в других условиях. Не случайно это происходит на границах империи, где есть выход в другие культуры и в другие способы жизни. Их берут за живое, берут за то именно, что им на протяжении 15-20 лет последних удалось. А их объявили богатыми!? Такие вещи чрезвычайно значимы в прагматическом и в символическом плане. Идет протест против этого. У части современного российского общества существуют иллюзии о возможностях и способностях Медведева, в том числе о его либерально-демократическом потенциале и т.д. Мне кажется, это характерная черта именно этих категорий и нынешнего периода раздробленности, шатаний и неопределенности. Я таких способностей не вижу, и не вижу, почему они могли бы там возникнуть. Впрочем, исторический прецедент 1985 года все-таки, как возможность, всегда остается. Будет эта возможность реализована, кем, и какие возможности мобилизации в этом случае возникнут, – это большой вопрос, и я не готов на него отвечать.

Вопрос из зала: Чем отличается атомизация индивидов в условиях советского и нынешнего российского общества?

Б.В. Дубин: Если говорить о советском обществе, то нам до него далеко. Я работаю во временных координатах, где можно проследить влияние институтов, наличие коллективной памяти и т.д. Какая политика наших правителей или народа? – решительно не вижу. Если взять нынешний период по сравнению с советской ситуацией 1920-30-х го-

дов, то тогда тоже была бытовая раздробленность и фрагментированность. Но на протяжении 1920-30-х годов открылись каналы социальной мобильности, возникли несомненные возможности для части населения реализоваться, действовали механизмы мобилизации, включая пропаганду и т.д. Все это отличает тогдашний порядок от нынешнего. Нынешняя власть заинтересована не в мобильности, а в равнодушии: так ей гораздо удобнее, чем при какой бы то ни было мобилизации. При определенных условиях равнодушие как социальный материал гораздо предпочтительнее тотальной мобилизации. Тут есть сходство современного режима с советским режимом. Но нынешние политическая власть, масс-медиа и поведение части населения совершенно неправильно это подчеркивают. Потому что использование советского символического, политического, лозунгового материала для инкорпорирования его в принципиально другую структуру власти, отношения населения к власти, отношения частей населения друг к другу, – это не более, чем инкрустирование отдельных деталей. В государствах, которые поздно пришли в историю, характерно использование обломков и руин предшествовавших цивилизаций для построения своих храмов и дворцов. Сегодня мы имеем дело с процессом как раз такого типа. Речь не идет о реставрации. Происходит просто инкрустация элементов, которые должны быть определенным образом опознаваемы большинством населения. Этот путь население хорошо опознает. С другой стороны, хорошо, если эти элементы будут различать наши политические власти и политические противники. Неплохо также, если их заметят наши западные партнеры, и оценят, что в нашей стране возможен крен и в эту сторону, и тогда поддержат тех, кто не даст стране скрениться туда. Иначе говоря, это функциональные элементы, вставленные в другую конструкцию и имеющие другую, причем разную в каждом случае, адресацию.

А.И. Субботин: Вы отказались от ранее объявленной темы, посвященной социальному цинизму. Я подчеркиваю – социальному. Но в ваших ответах вы упомянули равнодушие, маску как форму современной власти, – это тоже проявления социального цинизма. Меня интересует вот что: ведь если фактически исключить термины – тот же социальный цинизм, – мы получаем моральную оценку. Меня учили, что моральные оценки к научным оценкам не имеют отношения.

Б.В. Дубин: Угу.

В.П. Макаренко: Это о них такой популярный миф распространился.

А.И. Субботин: Я замечаю, что в вашем выступлении эти вещи перемешаны: есть очень много интересных, объективных оценок происходящего, но они перемешаны с моральными, типа «равнодушие народа» к чему – не совсем ясно. Что вы имеете в виду под «социальным цинизмом», – вы оцениваете моральное состояние народа? А если нет, то какие объективные причины для такого поведения народа? Можно ли обвинять народ в неподобающем поведении? По-моему, это абсурдно...

Л.Д. Гудков: Он не обвинял.

А.И. Субботин: А зачем тогда использовать термин – «социальный цинизм» и применять это к поведению масс? Какой в этом смысл? Тогда получается, что вы работаете на пиар, на СМИ, на власть, которые такими вещами жонглируют, а объективного содержания я не вижу.

Б.В. Дубин: Покажите мне, пожалуйста, окно, где нам можно получить деньги за нашу работу на власть и на масс-медиа.

А.И. Субботин: Неважно, что вам не платят, важно, что фактически вы на них работаете.

Б.В. Дубин: Ну, я понимаю. Невольный пособник, да? Мы знаем, из каких времен пришла эта терминология.

Реплика: Не в этом дело.

Б.В. Дубин: Ну, давайте проясним. Когда я говорил о равнодушии, я сказал, о равнодушии к чему. И чем оно вызвано, описывал его как социальный феномен. Могу описывать это как неангажированность, невключенность, отказ от участия. Что касается «социального цинизма». Я бы не относил это явление к массам, а начинал бы с элитных категорий, и описал бы его через два феномена:

1. Демонстративное отсутствие представлений о каком бы то ни было «другом» как самостоятельном существе и партнере, со своими ценностями, интересами. В любом случае его используют с помощью насилия, мобилизации, подкупа. Средства всегда найдутся: дайте нам максимальные средства, и мы сделаем то, что надо.

2. Демонстративное отсутствие представления об идеальном. О том, что выше повседневных интересов, отдельных волей и отдельных поступков. Если хотите, о нравственном законе и тех самых «звездах над нами», которые кружат и определяют наши пути, по крайней мере, влияют на них.

В той мере, в какой эти установки не просто реализованы какими-то группами населения, а еще и декларируются и представлены как единственно возможная, единственно достойная, единственно современная

манера относиться к жизни, к людям, к миру, к обществу, к политике и т.д., – я считаю возможным говорить о социально-политическом цинизме. Поскольку вы сами дали себе аттестацию, то я тоже могу аттестовать себя – я точно не моралист и не марксист. В этом смысле я совершенно не готов поступать по Марксу и читать мораль обществу или даже каким-то его людям. Я считаю, что мораль – это их личное дело. Но если эта мораль начинает влиять на коллективное существование больших групп населения, то я считаю, что это предмет моего профессионального интереса, анализа, внимания, и вынесения результатов этого анализа к заинтересованным лицам и группам.

А.И. Субботин: Конечно.

В.П. Макаренко: Лев Дмитриевич тоже хотел ответить.

Л.Д. Гудков: Вообще говоря, проблемы цинизма и морали меня чрезвычайно интересуют. Я думаю, цинизм и мораль – взаимосвязанные вещи. Но настолько сложные, что обычный аппарат социологии не ухватывает это, он требует развертывания. Как мы понимаем мораль с точки зрения социологии? Мораль – это наиболее сложная форма регуляции, интеграции человека, но не через соблюдение традиций. Традиция основана на принципе «делай, как я», т.е. в буквальном смысле – повторение от лица к лицу, целым куском поведения, или «делай как наши деды», с апелляцией к нашему прошлому, как образцу. В традиции есть также жесткие перегородки, разделение на «своих-чужих», когда вертикаль устройства приобретает этноиерархический характер. Если мораль рассматривать как нормативную, то это система групповых или институциональных предписаний, с набором санкций за отклонение и несоблюдение.

Санкции не обязательно являются правовыми. Самый простой пример – диапазоны нормативных санкций: от изгнания из группы до «и молча обмененный взор ему был общий приговор» (А.С.Пушкин) – за несоблюдение такта. Мораль как тип регуляции гораздо сложнее, и предполагает наличие системы универсальных институтов. Не репрессивных, а именно универсальных институтов, которые основаны на ценностной регуляции. Ценностный тип регуляции не предполагает санкций, а предполагает внутреннюю, субъективную мотивацию соблюдения. Я не потаю соблюдать такие-то вещи, что иначе мне грозит наказание или осуждение окружающих, а потому что я не могу иначе, я должен так делать, для меня это значимо. Это наиболее сложный уровень социальной регуляции. Он предполагает выбор всегда, предполагает противоречивую ситуацию и прочее-прочее-прочее...

А.И. Субботин: Противоречивую?

Л.Д. Гудков: Обязательно.

А.И. Субботин: Тогда напрашивается уточнение: вы признаете, что зако-ны морали имеют объективные причины?

Л.Д. Гудков: Сейчас, одну секунду... Можно я доскажу? Вот этого типа регуляции у нас не возникает, точнее – он возникает, но систематически подавляется. Потому что по отношению к сталинскому времени проблемы морального выбора просто не существовало, любой шаг был наказуем. Как Левада говорил, это было время вне морали. Просто не стоял этот выбор.

А.И. Субботин: А внутри тоталитарной морали?

Л.Д. Гудков: Ну, это либо героическое поведение (в этом смысле оно неморальное, это другой тип регуляции) либо это не проблема социологии и этики. Здесь я не говорю о классовом анализе. В этом смысле цинизм – это особая реакция на состояние ценностной нормативной системы, когда насилие становится кодом социального поведения. Причем, насилие заключается не просто в физическом принуждении, а в полной дисквалификации партнера, отрицании за ним дееспособности и ценностных качеств, и сознательное настаивание на этом положении. Почему Гитлер мог уничтожить евреев? Потому что они не люди. Почему можно было уничтожить кулаков, белогвардейцев? Потому что они – не люди, а классовые враги. Мы имеем право на использование насилия. В этом смысле оно есть фундаментальный социальный код. Он чрезвычайно важен, поддерживается рядом институтов, и здесь не возникает моральных представлений. Того, что сформулировано в «золотом правиле этики»: «Относись к другому так, как ты хотел бы, чтобы относились к тебе». На этом строятся сложные формы регуляции – от экономических (денег, взаимообмена) до ценностных.

Наука не может существовать без этого уровня...

Б.В. Дубин: Но возможна работа шарашки.

Л.Д. Гудков: Но возможна работа шарашки, принуждения...

Б.В. Дубин: Науки – нет, шарашки – есть.

Л.Д. Гудков: Поэтому цинизм, когда он устанавливается в практике массового поведения и в практике управления, – это именно настаивание на том, что определенные категории, группы, множества лишаются самостоятельного значения. Это принимается, становится разрушающим началом, разрушает социальные связи, благодаря чему люди замыкаются в те группы, которым они только и могут доверять – в семью,

самым ближним. Вот мы это видим как общее проявление. Более конкретные проявления – как реакция – этого не было.

На Чеченской войне мы очень хорошо это видели. Распространение абсолютного, тотального цинизма, того, что я называю немецким «alles scheisse» – «всё дерьмо», просто. Наши генералы заинтересованы и кормятся от этой войны и продают боеприпасы чеченцам. Чеченские сепаратисты проводят теракты за деньги. И даже – совсем логический дурдом – самоубийцы-смертники совершают это из корысти, потому что им заплатили. Логически этого просто не может быть. Это значит, что в нашей стране распространилось абсолютное зло.

Я его не оправдываю, но хочу объяснить: это означает, что существует полный отказ в самодостаточности и в признании за ней какой-то собственной ценности. Это очень сильно сейчас разлито. Цинизм является реакцией на несколько волн. Во-первых, он является первой волной на конец советского проекта. Как бы мы ни относились к СССР, но за этим некоторые идеи стояли – новое общество, новый человек, новая мобильность и прочее – я совершенно не собираюсь защищать, а объясняю эту вещь. Тяжелейшие последствия краха этого, как пережитое, очень медленно размазано в брежневское время. Вторая волна – перестроечная. Она не полностью захватывает, но все равно захватывает. В определенных средах было возбуждение общества. Были надежды, иллюзии, совершенно точно. Реакция на несовершенные, несбывшиеся надежды и иллюзии тоже дала вот эти разъедающие представления. Третья волна – нынешняя, постдемократическая, в последние годы. Как всегда, лучший индикатор – искусство. Пожалуйста. Что мы видим сегодня на экранах? Бандитские разборки, «Комеди-клуб», который стебует все, что только можно, «Наша Раша», и прочее. Это механизмы разъедания любых ценностей. Возьмите, пожалуйста, Веронику. Да. «Пусть все умрут, а я останусь». Вот вам продукт. Я не говорю – талантливо это или нет, я говорю – это симптоматично. Это интересно, если мы хотим понять это общество...

Б.В. Дубин: В медицинском смысле – у нас интересная болезнь.

А.И. Субботин: Но я не об этом спрашивал. Я спрашивал вас не о том, что вы мне сказали.

Л.Д. Гудков: (Смеется.) Поэтому я и перебил вас.

А.И. Субботин: Я спрашивал об объективных основаниях ваших исследований; я хотел вам задать вопрос: нарушение морали, аморальное поведение имеет объективные основания для человека, который это делает, или нет?

Л.Д. Гудков: Я не понимаю, что такое «объективные».

В.П. Макаренко: Мы не пользуемся...

Л.Д. Гудков: Мы не пользуемся этим термином.

А.И. Субботин: Когда человек вынужден нарушать мораль по отношению к другому человеку.

Л.Д. Гудков: Какому?

А.И. Субботин: Да любому.

Л.Д. Гудков: Когда готтентот убивает врага, он нарушает мораль или нет? Здесь есть «могу» или «не могу». Это внеморальное поведение.

А.И. Субботин: А у нас сейчас мало аморального поведения?

В.П. Макаренко: Да! Ты же сказал, что ты моралист?

Б.В. Дубин: Извините, можно две маленьких реплики? Здесь есть некоторое логическое и очень интересное противоречие в том, что вы говорите. «Любое», в данном случае, выходит из категории универсальности, по отношению к поведению, которое заведомо не универсально и не ориентировано на универсальность.

А.И. Субботин: Вы сами в своих ответах упомянули такой очень интересный термин – «самоопределение». Я когда его услышал, это мне как бальзам на душу, потому что я сам занимаюсь проблематикой самосознания, это один из моих фундаментальных терминов. Самоопределение – что это такое? Это когда человек сам решает, как ему поступать – в соответствии с моралью или не в со-ответствии с моралью?

В.П. Макаренко: Так он уже об этом говорил.

А.И. Субботин: Он принимает решение и поступает, убивает, ворует, сверху и донизу!

Л.Д. Гудков: Нет. Это проблема очень узких групп, самоопределения, она не может быть всеобщей.

А.И. Субботин: Интересно. Все воруют у всех, кто только может...

Б.В. Дубин: Я завершу свой ответ. Важно, что вот это состояние, которое мы описываем, – неэксклюзивности, индифферентности, сужения круга общения до родных и близких, – это феномен социума, который жил в условиях всеобщих перегородок. Эти перегородки «поплыли», стали разрушаться. Должны быть универсальные ориентиры, но всё сознание сформировано перегородчатым обществом: все «другие» разделены на «своих» и «чужих». А в отношении «чужих» допустимы любые средства. Цинизм – обратная сторона жизни общества, которое привыкло к перегородкам и оказалось в неперегородчатом состоянии. С одной стороны, оно начинает строить новые перегородки, и мы видим это на про-

тяжении 2000-х годов, в высшей степени – посмотрите, какой из наших домов не окружен металлическим забором со специальным наборным замком и т.д. и т.д. С другой стороны – оно впадает в цинизм, и это – разные стороны одного феномена.

А.И. Субботин: Я не понимаю, к чему должно быть ангажировано... к чему присоединяться?..

В.П. Макаренко: Саша, не занимайся самовозгоранием.

А.И. Субботин: Вы меня простите что так...

Б.В. Дубин: Хоть к чему-нибудь.

А.И. Субботин: Так вот это же и происходит! К чему-нибудь – это каждый может! К тому, что он сам решит! Воровать – да, можно. Убивать – можно. Воевать с Чечней – первое дело, прекрасно.

В.П. Макаренко: Что ты от них хочешь?

Б.В. Дубин: ...Большинство населения до этого не доходит.

А.И. Субботин: (отвечает на вопрос В.П. Макаренко). Объективных оснований.

А.М. Старостин: Хорошо, что Саша разозлил основных докладчиков...

В.П. Макаренко: Ничего он не разозлил.

Б.В. Дубин: Мы абсолютно спокойны.

Л.Д. Гудков: Спасибо всем троим.

В.П. Макаренко: Нет, подождите. Мне надо еще играть роль умиротворителя. Профессор Лубский – пожалуйста.

А.В. Лубский: Мы сейчас столкнулись с когнитивной ситуацией, когда начали говорить на разных языках. Произошло наложение разных дискурсов. Я понимаю, что вы понимаете под моралью. Это система нормативных, этических, коллективных требований, которые общество применяет ко всем и к каждому в отдельности...

А.И. Субботин: То есть, это внешние требования, которые признают, либо не признают.

А.В. Лубский: Это «внешнее» – ерунда. Лев Дмитриевич говорит: «Мораль – это внутренний регулятор»...

В.П. Макаренко: Совесть.

А.В. Лубский: ...поэтому в русском языке – это нравственность, нравственный выбор, совесть. Поэтому точки зрения, вы знаете...

В.П. Макаренко: Ну, это уже схоластические пошлы споры.

А.В. Лубский: Нравственный выбор каждого – это совесть, вы помните, как некто в «Золотом тельце» воровал у детей и краснел? Это нор-

ма тогда была такая. Сейчас говорят «украл больше, чем положено». То есть, украсть можно, но не больше положенного. Коллеги, когда мы обсуждаем вопросы, надо всегда обозначать, что я понимаю под этим. Знаете, это как спорить: «Этот стол деревянный», а ему говорят: «Да какой он деревянный – прямоугольный».

Б.В. Дубин: Я думаю, весь ряд стран либо прошел через эту ситуацию и вышел к чему-то, либо находится на каком-то похожем пути, хотя на других его стадиях. Вполне достаточно назвать Италию и Германию после 1945 года, Испанию после 1976 года и т.д. Можно взять латиноамериканские или сходные с ними современные африканские и дальневосточные варианты, в зависимости от того, какие черты мы будем выделять в качестве ведущих. Если мы идем от концепции тоталитаризма, авторитаризма и его вариантов, то понятно, что мы будем выделять в качестве ведущих характеристик. Поэтому никакой уникальности в нашей ситуации, характеристиках, анализе нет. Уникальность нашего социально-политического целого и тех ориентиров или основ, на которых оно держится, только одна – в живучести. Много стран через это прошли. Оказывается, в России это функциональное состояние необходимо надолго. Вот в чем проблема. Вся наша проблематика концентрируется на совершенно других вещах, даже не на политическом режиме, а на механизмах простого воспроизводства. Центральной становится проблематика репродуктивных институтов и того, как эти институты работают на уровне каждой семьи, каждого сознания, через какие способы. Мне кажется, вот где конец туннеля. Потому что в самой конструкции – общества, политики, даже человека – ничего сверх-оригинального нет. Вы не задумывались о тождестве советских людей с испанцами при Франко, немцами при фюрере, итальянцами при дуче, норвегами времен Квислинга и т.д.? Но эти времена и люди прошли и ушли. А в России именно эти состояния не просто признаются нашим прошлым, а нам надо к ним постоянно возвращаться, это и есть основа, к которой мы редуцируемся в тяжелых состояниях. Кризис – реферируемся к советскому образу жизни. Не то, чтобы пробовать искать из него выхода, а именно реферироваться к советскому образу жизни как основному. Вот где собака зарыта.

Б.Ю. Попов: Борис Владимирович, не кажется ли вам, что цинизм является реакцией на социальную ложь? Я думаю, что мораль – это продукт устойчивого взаимодействия между людьми. Поскольку сейчас мы можем выделить ложь как инвариант, возникает цинизм. Но гораздо опаснее цинизма псевдомораль, которая разрабатывается политехнолога-

ми. Речь идет о подмене морали православием, церковной идеологией или псевдосоветскими ценностями. Эта псевдомораль страшнее цинизма, потому что это цинизм плюс ложь, которая прикрывает цинизм. В этом смысле попытка правительства осуществить модернизацию в Россию порождает отрицание.

Б.В. Дубин: Мне кажется, ложь, тем более – тотальная, т.е. распад тоталитарного целого и традиционных структур, характерна для всей социальной жизни России. Мы ничуть не идеализируем советско-российскую семью. Она пронизана такими же напряжениями, как большая жизнь. Распад тоталитарного целого связан с распадом традиционных миропорядков. В этом смысле ложь – это выражение того же несоблюдения нормы равенности по отношению к своему партнеру. Фактически, отрицание его как партнера. Это гораздо более существенная вещь, чем сам по себе факт лживости. Меня, например, очень занимают не совсем обыденные вещи, которые в себе несут непонимание того, что на свете есть другой человек...

А.И. Субботин: Недоверие?

Б.В. Дубин: Нет, не недоверие. Если вы находитесь в городе Берлине, Париже или Милане, то человек, который проходит мимо вас – любого пола и возраста – на расстоянии меньше 30 см от вас, поворачивает к вам голову и говорит: «Извините», либо делает понимающую улыбку: «Извини, что я пересекаю твою жизненную траекторию». Как мы ведем себя в общественном транспорте? Это кошмар! Абсолютно! Я понимаю, что десятилетия заталкивания себя в автобус, куда невозможно влезть, снимают всякие различия между людьми, женщинами и мужчинами, старыми и молодыми. Но нельзя же до такой степени принимать это в глубь разума и сердца. Никакого представления о том, что есть другой, что у него есть другое пространство. А если ты с нимходишь в коммуникацию, то предпосылка равенности (хотя мне больше нравится японская ситуация – сходство обращения) состоит в том, что он всегда характеризуется как человек немного выше тебя. По возрасту, по положению, по мудрости или еще чему-нибудь. Мне кажется, что это – хорошо. В других условиях такая готовность считаться с другим, с легкой руки великого Льва Николаевича Толстого, называется «цинизм» и ложь. Мне представляется, что это глубоко неслучайная вещь. Укоренение таких представлений о «другом», а значит – об общем, может соединяться с будущим. В этом случае из взаимодействия будет вытекать совершенно другое будущее. Вот это важно. Проявление этого в повседневном опыте милли-

онов, от отношений в транспорте до отношений в политике и образцы, навязываемых масс-медиа, – все говорит о том, что мы сегодня пытаемся описывать слона путем ощупывания с семи разных сторон. Одни описывают хобот, другие – ноги, третьи – еще чего-нибудь. Мне кажется чрезвычайно важным то, что наряду с проблематикой цинизма и ее институционализацией появилось представление об инструментальности и технологичности любых человеческих отношений. Все можно устроить, никаких проблем, – так говорят наши современники. Что покупать?

Л.Д. Гудков: Я – маленькую ремарку, две цитаты – для того, чтобы не демонизировать политтехнологию и пропаганду. Старые диссиденты и правозащитники в ответ на банальное утверждение, что в СССР создавали невыносимые условия, говорят: «Можно было выстоять».

В.П. Макаренко: Да!

Л.Д. Гудков: И соответственно, не надо демонизировать это как методологический принцип. Пушкин говорит: «Меня обманывать не надо. Я сам обманываться рад». Это первая вещь. Вторая, очень важная, – процитирую из «Дхаммапады» старый текст: «Если рука не ранена, яд можно нести в руке и яд не повредит руке». Давайте искать причин в самих себе, а не в других. Когда мы исследовали проблемы антисемитизма, наряду с другими видами ксенофобии, один раввин мне сказал: «Меня вообще не волнует, какое количество антисемитов в обществе. Меня интересует, какое сопротивление они могут оказывать».

Б.В. Дубин: Среди прочих цифр мы показывали важную цифру о том, что многих людей эта проблематика вообще не интересует. Вряд ли вы помните, был такой писатель в 1930-е годы – Бруно Ясенский – потом в Париже издали документы...

В.П. Макаренко: Почему же, хорошо помним...

Б.В. Дубин: ...у него был роман «Заговор равнодушных»...

Л.Д. Гудков: Да-да.

Б.В. Дубин: ...и там есть ключевая фраза: «Не бойся врагов, бойся равнодушных».

Л.Д. Гудков: «Человек меняет кожу».

Б.В. Дубин: Это чрезвычайно важная вещь. Мы знаем, что все вирусы, которые существуют на свете, есть во всех нас. Но есть и достаточное количество антител, которые подавляют деятельность этих вирусов и позволяют нам нормально существовать. Все дело в ситуации, которую мы описываем, как «нарастание цинизма», «нарастание индифферентности», «социальная невключенность», «сужение горизонтов», «отрица-

ние будущего» и т.д. Она работает именно на то, что антител и способности к сопротивлению становится все меньше. И тогда оказывается, что сегодня мы оправдываем антисемитизм, завтра – античеченство, послезавтра – антикитайство, потом – антиамериканство.

Мы прослеживаем эти вещи месяц за месяцем. Наступает месяц, когда хуже Грузии или страшнее Литвы врага просто не существует. И так всегда. Важно, что есть функциональное значение у образа врага, и он постоянно присутствует в сознании как структурирующее начало восприятия мира, такова его задача.

В этом смысле он выступает мягкой, снятой формой мобилизации. Т.е. мобилизации как таковой почти нет, а сознание отторжения от другого есть. Это действует очень сильно. Это и есть состояние рассеянной массы или слабое состояние. Оказывается, оно гораздо функциональнее и долговечнее, чем напряженное, твердое состояние тоталитарного общества, лагерного порядка.

В.П. Макаренко: Хорошо. Какая-то расхристанная дискуссия получается, никак в определенное русло не...

А.И. Субботин: Не удерживается в теоретической клетке, да?

В.П. Макаренко: Кто еще хочет высказаться?

Н.Е. Ерохин: На этой высокой ноте надо заканчивать.

В.П. Макаренко: В таком случае поблагодарим Бориса Владимировича и Льва Дмитриевича за очень интересный доклад. (*Аплодисменты.*) И особо за то, что вы так хорошо помогали друг другу. Я размышляю над предложением Николая Ефимовича. Сделаю пару-тройку попутных замечаний. Коллеги понимают мораль – не знаю, правильно ли я понял – в смысле Дюркгейма, как некий социологический феномен. Верно или нет?

Л.Д. Гудков: Конечно, но я все-таки сказал бы так: от Канта к Дюркгейму.

В.П. Макаренко: Вся аргументация использовалась и докладчиком, и оппонентами из сферы социологии морали. И надо было бы работать в этой схеме. Но тут Александр Субботин декларировал: я – марксист, а ты кто? Пошел разговор совсем в другом направлении. Конечно, то, что происходит сегодня в России, само по себе интересно. Но насколько не интереснее процессов, происходящих в других странах. Лет семь назад я узнал о переводе книжки голландца Слотердайка «Критика цинического разума»...

Л.Д. Гудков: Он немец, вообще говоря, он работает в Голландии.

В.П. Макаренко: Пардон. В этой книге термин «цинизм» используется для характеристики культуры, а не нравов. Дискуссия наталкивает на мысль: не мешает вернуться к Слотердайку. Это первое замечание. Во-вторых, если мы понимаем цинизм как некое культурное явление, то возникает совершенно другой круг проблем, по сравнению с тем, о чем мы дискутировали. Какой именно набор проблем? – я не в состоянии сейчас сказать, потому что надо заново проштудировать Слотердайка, которого я читал клочками...

Л.Д. Гудков: Так книжка вышла.

В.П. Макаренко: Я знаю, она у меня в интернетовском или в компьютер- ном варианте. Теперь к вопросу о лжи и о правде. В журнале «Человек» несколько лет назад опубликована статья Мещерякова, в которой он описал результаты эмпирического психологического анализа о соотношении лжи и правды у советско-российского человека. Оказывается, что в советское время само различие между ложью и правдой установить чрезвычайно трудно. Следовательно, существенная характеристика сегодняшнего российского общества состоит в том, что провести различие между ложью и правдой не менее трудно. И вообще – утруждают себя этой проблемой незначительные единицы. (*Неразборчивые возгласы из зала.*) Вы предлагаете вариант морали сержантского типа «Делай, как я». В обществе такая мораль не всегда работает, хотя нет ничего проще. Короче говоря, возможны другие ключи работы в отношении проблемы цинизма, с учетом культурного цинизма. А различие между ложью и правдой в отношении большинства сегодняшнего общества не работает. (*Неразборчивые возгласы из зала.*) А теперь, по образцу принопамятного Леонида Ильича Брежнева и его верных холуев, «от себя лично» хочу поблагодарить уважаемых докладчиков... (*Смех, аплодисменты.*) И кину ложку дегтя: остервенелость некоторых дискуссионщиков явно превышает их содержательность. Прошу особо ретивых это учесть и не проявлять «усердие не по разуму».

От редактора: На этом аудиозапись обрывается по техническим причинам. Прошу извинения у читателей.

**ОБСУЖДЕНИЕ КНИГИ В.П. МАКАРЕНКО
«НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ: ИДЕИ М.К. ПЕТРОВА
КАК ИСТОЧНИК МЫСЛИ. РОСТОВ-НА-ДОНУ, РОСТИЗДАТ, 2012»
(10 ФЕВРАЛЯ 2012 ГОДА, СТЕНОГРАММА)**

В.П. Макаренко. Уважаемые коллеги, очередное заседание клуба «Интеллектуальный Ростов» посвящено обсуждению моей книги. Я уже немного рассказал о ней в интервью по телеканалу «Россия-24.Дон» 17 января 2012 года. Вести заседание будет профессор Анатолий Владимирович Лубский.

А.В. Лубский. Коллеги, выбор тематики сегодняшнего заседания интеллектуального клуба, посвященного обсуждению работы Виктора Павловича Макаренко «Научно-техническая контрреволюция: идеи М.К. Петрова как источник мысли», неслучаен. Напомню, что в апреле этого года исполнится 25 лет со дня смерти Михаила Константиновича Петрова, русского философа, историка, теоретика науки и культуры. Я хочу сказать, что отдельным аспектам жизни и творчества Петрова посвящены уже десятки работ. Но обобщающими можно назвать небольшую брошюру Светланы Сергеевны Неретиной «Михаил Константинович Петров: жизнь и творчество», работу покойного Виктора Николаевича Дубровина и присутствующего здесь Юрия Романовича Тищенко «Михаил Константинович Петров – два эпизода и вся жизнь». Виктор Павлович Макаренко рассматривает идеи Петрова в ином ракурсе.

В отечественном интеллектуальном дискурсе существуют различные трактовки творчества М.К. Петрова. Одни считают Петрова знаковой фигурой советского философского дискурса, в котором слова-фигуры доминировали над словами-предметами. Сам советский дискурс рассматривается как язык интеллигенции без корней, религиозной веры, неба и земли. Другие полагают, что Петров занимает уникальное место в отечественном интеллектуальном пространстве XX века. Этой точки зрения придерживается и автор книги, которую мы будем обсуждать.

В начале обсуждения книги я хочу привести отрывок из письма Вяземского Пушкину: «Дорогой Саша! Откуда у тебя столько оригинальных мыслей?» Пушкин отвечает Вяземскому: «Дорогой друг! Я их нашел в чужих книгах». Я акцентирую внимание вот на этом интересном пассаже, поскольку он напрямую связан с тематикой работы В.П.Макаренко,

а именно – идеи Петрова как источник мысли. Поводом для обращения Макаренко к творчеству Петрова послужило, как он сам намекает, неполнота, несостоятельность или сомнительность предшествующих интерпретаций. Прежде всего речь идет о трактовках творчества Петрова как культуролога и семиотика, которые, как считает Макаренко, должны сопровождаться обнаружением принципиальных отличий теории Петрова от концепций Ильенкова, Лосева, Бахтина и Лотмана. В связи с этим автор предлагает новый методологический конструкт научно-биографического исследования в контексте социокультурной ситуации, в контексте сопоставления его биографии с биографиями других мыслителей и советских философов. Этот конструкт, по замыслу автора, должен преодолеть односторонности тех интеллектуальных подходов в научно-биографическому изучению творчества Петрова, которые основываются на презумпции благоговения или на презумпции подозрительности. Вот эти две презумпции автор книги и пытается преодолеть: презумпцию благоговения и презумпцию подозрительности в отношении мыслителя. Реконструкция идей Петрова в рамках этого методологического конструкта, как мне представляется, позволила автору предложить иной ракурс интерпретации творчества, в центре которого находятся идеи Петрова, как порождатели новых мыслей. Какие мысли родились у Виктора Павловича Макаренко после реконструкции идей Петрова, в контексте социокультурной ситуации, я думаю, лучше всего расскажет он сам. Прежде чем предоставить ему слово, я хочу с вами договориться о регламенте: основному докладчику – Виктору Павловичу – до 15 минут (**голоса из публики:** «Ну, это вряд ли»; «А он сам согласен с 15-ю минутами?»; *смех*), остальным – не более 10. Согласны? Согласны. Тогда я предоставляю слово Виктору Павловичу. Ведущий обладает правом принуждения к согласию.

В.П. Макаренко. Уважаемые коллеги, мне очень приятно, что вы пришли сюда. Я испытываю волнение от того, что приходится писать о человеке, которого мне трудно назвать своим учителем, потому что я был слушателем его лекций всего полтора года. Но думаю, что у каждого есть нравственный и познавательный ориентир в жизни. Михаил Константинович, да еще один-два человека, на протяжении жизни, были, есть и будут для меня ориентиром в сферах этики, познания и отношения к действительности. Напомню также, что в 2010 году вышла в Москве коллективная монография (или сборник статей) о М.К.Петрове под редакцией Светланы Сергеевны Неретиной. Мою книгу я не могу считать цели-

ком законченной; некоторые недописанные главы я оставил «на потом», потому что они были не готовы для публикации. Но поскольку я создал, в рамках Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем, лабораторию по истории, философии и социологии науки, то пришлось заканчивать эту книгу. Она является первым трудом нашей лаборатории. Книжка эта посвящена реконструкции концепта научно-технической контрреволюции в трудах выдающегося отечественного ученого и мыслителя Михаила Константиновича Петрова. Я рассмотрел проблемы социокультурного фона его творчества, ментальности, проанализировал феномен служения государству и социальные следствия этого феномена, дискуссии о состоянии науки в современной России, модели научной политики и реального поведения индивидов в условиях массовой науки, а также коллаборационизм научно-технической и гуманитарной интеллигенции. Вот краткое содержание шести глав. А теперь я немножко расскажу о предисловии.

Основой книги являются мои статьи 2000–2010 годов. Первые варианты статей я излагал в виде докладов на чтениях (которые ежегодно проводятся на факультете философии и культурологи), посвященных памяти Михаила Константиновича Петрова. Я хочу поблагодарить присутствующих здесь коллег-философов, которые причастны к организации чтений – Геннадия Драча, моего старого коллегу, Александра Ерыгина, с которым мы со студенческой скамьи переругиваемся или, наоборот, питаем друг к другу приятные чувства. Это – как в семье – всегда так бывает, когда люди по сорок и более лет знают друг друга. Хорошо. Коллеги-фило-софы первыми прослушивали идеи, которые обобщены в этой книжке, первыми вступали со мной в дискуссию, их возражения стимулировали доведения их до уровня публикаций. Постепенно цикл статей приобретал очертания книги. Здесь материал впервые собран под одной обложкой, хотя кое-какие главы, повторяю, не вошли в книгу.

К настоящему времени уже обозначился круг авторов-петровцев – я имею в виду покойного Виктора Николаевича Дубровина, Александра Павловича Огурцова, Юрия Романовича Тищенко и других. Я не назвал Александра Николаевича Ерыгина, присутствующего здесь, а кого я еще не успел назвать (**Голос из публики:** Мирского!) – Мирского Эдуарда Михайловича. Но больше всех сделала для создания традиции разработки наследства Петрова Светлана Сергеевна Неретина. Она создала оптику восприятия и интерпретации его творчества. Хочу поблагодарить ее сердечно.

В большинстве публикаций, посвященных Петрову, он квалифицируется как культуролог. Однако профессор Валерий Савчук показал, что современная российская культурология является «дитём» советской системы идеологического воздействия, формой выживания различных советских идеологических дисциплин. Поэтому квалификация Петрова как культуролога нуждается в уточнении. Я это осознал после смерти Михаила Константиновича. Так случилось, что в одну неделю умерла моя мама, затем Михаил Константинович. Эти две смерти в моей памяти переплелись... Да. Так вот, после смерти Петрова нежданно-негаданно его хулители и гонители стали петь ему панегирики за разработку теории культуры. От этого у меня возникла изжога. О ней я впервые сказал на Третьем Всероссийском философском конгрессе и выдвинул тезис: Михаил Константинович Петров является ученым и мыслителем мирового ранга; его теоретическое наследство можно разрабатывать в нескольких направлениях. В книге они перечислены. Каждое направление разработки наследства Петрова можно развернуть в особую научно-исследовательскую программу. набросок такой программы я предлагаю в этой книге.

Одна тема имеет ключевое значение для организации материала. В 1965 году Петров писал: «Прежние формы подавления мысли носили очаговый характер. Под угрозой крупных неприятностей запрещалось публично размышлять над «решенными» вопросами. Подобные подходы, скорее, деформировали и уродовали мысль, но никогда, по существу, не преследовали задачу уничтожения мысли как таковой». Не буду продолжать цитату – каждый может прочесть в книге. Этот отрывок служит мне для того, чтобы акцентировать следующее положение или мысль: все творчество Михаила Константиновича пронизано иронией в отношении любых «решенных» вопросов. По его мнению, ни один вопрос социальной жизни не может считаться решенным. Но – обращаю внимание – большинство известных деятелей XX века, претендующих на – как сказал бы Гегель – всемирно-исторические высоты, думали иначе. Поэтому история прошлого столетия может быть обозначена как множество претензий на абсолютное решение. В этом смысле объект рефлексии Петрова еще не исчез. Особенно на фоне нынешней пропаганды ностальгии по СССР внутри страны и использования культурно-цивилизационных сюжетов во внешней политике России.

Этот отрывок можно понять как программу исследования всех прежних и современных форм подавления, уничтожения, дренажа и

парализации мысли. Исходный вопрос я формулирую так: «Сколько миллионов людей подверглось духовному оскотлению в нашей стране после 1917-го года, и как духовные скопцы воздействуют на нынешнее поколение жителей России и всей постсоветской ойкумены?» Вместо обсуждения этих вопросов по телевидению идут сплошные сюжеты о плотской импотенции. Но проблема духовной стерилизации не менее важна. Например, В.В.Налимов пишет: «Диктатура большевистской партии пала, но к этому времени практически уже не осталось духовно подготовленных представителей свободной мысли». Относительно Европы Петер Слотердаик добавляет, что те, кто одержим правом на свободную значимость, не способны быть субъектами регулируемого государства и оказываются вечно беспокойными и некастрируемыми анархистами.

Отсюда вытекает общий вопрос: «Сколько свободомыслящих осталось в России, а не кастрированных анархистов в Европе, к настоящему времени?» Вопрос этот далеко не праздный: сравнительно недавно возникло такое направление исследования науки, как антропология академической жизни. Лидер этого направления в России – я имею в виду Галину Александровну Комарову из института антропологии и этнографии – показала, что большинство членов научного сообщества России любые новые идеи встречает в штыки. По ее мнению, одна из причин состоит в том, что советская власть отучала граждан от саморефлексии в общественной и интеллектуальной жизни, боялась любых новшеств, хотела только порядка и спокойствия, что попытки самостоятельного переосмысления были крайне редкими, всегда вызывали резкий отпор системы и сильное сопротивление среды. Нынешняя российская академическая среда – часть советского общества. Поэтому серьезная методологическая рефлексия пугала и до сих пор пугает большинство ученых. Иначе говоря, само научное сообщество может быть формой подавления мысли.

Обращаю внимание, что эти качества науки Михаил Константинович Петров обсуждал пол-столетия назад, квалифицируя большинство научного сообщества как «научное поголовье». В этом смысле для меня было важно показать, что то, что он писал, говорил на лекциях, коллегам в общении, – не является его чем-то совершенно оригинальным и самобытным. Я показываю совпадение его идей с идеями выдающихся художников, ученых и мыслителей XX века – Чеслава Милоша, Льва Ландау, Пьера Бурдьё и др.

Идеи, которые высказывал Михаил Константинович, это – не нечто из ряда вон выходящее, а массированная атака на множество стереотипов, которые в свое время Платон называл «устоявшимися обыкновениями». Напомню, что Петров считал главной задачей философии обоснование культурных революций и социальной критики. Он об этом писал специально, в статье «Научно-техническая революция и философия». Этим объясняется подзаголовок моей книги – «идеи Петрова как источник мысли». С.С.Неретина пишет, между прочим, о том, что наступает момент оглядки, когда обнаруживается, что труды Михаила Константиновича Петрова – один из надежных источников мысли. Одним из таких источников и является концепт научно-технической контрреволюции, который я реконструировал в трудах Петрова. Я попытался в этой книжке объединить ряд идей Петрова в познавательную целостность. На три четверти книга опубликована в центральных журналах, а также в интернете. Last but not least – я хотел бы поблагодарить присутствующую здесь мою Таточку – жену, Татьяну Александровну Марченко, за то, что с первого контакта с ней она всегда поддерживала, в самую крутую минуту, все мои начинания, в том числе это. На этом разрешите закончить. Я уложился во время.

А.В. Лубский. Да, вы уложились. Вы даже дали возможность для маневра в четыре минуты. Коллеги, какие будут вопросы? Пожалуйста. Профессор Старостин.

А.М. Старостин. Виктор Павлович, два вопроса. Когда я читал вашу книгу – вы правильно сказали, что очень много там таких вещей, которые вызывают изжогу, аллергию органическую, некий нерв, который болит и его надо, что называется, удалить. Но есть ли у вас какой-то свой позитивный образ науки? У вас все не годится, неправильно, не так, плохая, такая-сякая. А та наука, которую бы вы хотели видеть? Мне это вдвойне интересно, потому что я в двух вузах проректор по науке, и я ищу некий позитивный прикладной образец. А что мне строить – в оправдание для тех, кого я выпускаю? Господа архитекторы, можно вам заказать такой проект? (**В.П. Макаренко.** Да, можно.) Здесь сидящие разрабатывают для аспирантов философию и историю науки. Как вы позиционируете себя по отношению к Холтону, к Куну?

В.П. Макаренко. Я согласен с идеями М.К.Петрова относительно науки. Но предлагаю их дополнить соображениями Льюиса Хайда. В его книге «Дар. Как творческий дух преображает мир» (вышла на русском языке в 2007 г.) есть глава, в которой наука рассматривается не столь-

ко как область конкуренции, сколько как сфера и чувство солидарности, объединяющее людей. К сожалению, коммуитарный идеал воплотить трудно. Когда я сошелся с Татьяной Александровной и начал ей развивать идеи братства по познанию, она отвечала: «Ты идеалист, такой науки не бывает, наука – удел одиночек». Я с этим не согласен. Но отдаю себе отчет, что создать исследовательский коллектив – дело сложное, и это может быть предметом особого разговора. Но уже есть теоретические альтернативы конкурентной модели науки. Одна из них содержится в книге Хайда. Давайте устроим colloquium или семинар на эту тему, обменяемся мнениями по поводу тех концепций, которые позволяют дистанцироваться от привычного положения вещей, к которому все привыкли. Вот беглый ответ на ваш вопрос.

А.М. Старостин. А второй – про Холтона, Куна?

В.П. Макаренко. Мне ближе концепция социокультурных оснований науки Уоррена Хагстрема, в которые входит и солидарность между людьми, для которых познание – главная цель. Напомню, что Михаил Константинович отвергал «науку для должности». Вот это и есть позитивная программа. Я об этом пишу в книге.

А.В. Лубский. Пожалуйста. Профессор Ерыгин. (**Г.В. Драч.** Я раньше руку поднял. *Шум, смех*). Профессор Драч.

Г.В. Драч. Было бы интересно услышать: у Петрова термин «контрреволюция» используется в каком контексте? (**В.П. Макаренко.** Спасибо за вопрос.) Но у меня их три, они связаны, может, я их все сразу назову?

В.П. Макаренко. Давай, я сразу отвечу. Из содержания статьи «Научно-техническая революция и философия» вытекает концепт научно-технической контрреволюции, поскольку та программа, которая содержится в этой статье, показывает, к чему Михаил Константинович Петров относился *отрицательно*.

Г.В. Драч. Понятно. Аспекты исследования – они эксплицированы по Петрову или с позиции автора? Я вижу, все-таки, не очень по Петрову, больше с позиции автора?

В.П. Макаренко. У меня, с первой моей книжки, установился такой способ работы (присутствующий здесь Юрий Романович Тищенко не даст соврать). Спустя лет двадцать он спросил: «Витя, как ты увидел то, что я, преподавая, не видел?» (*Пауза*.) Речь идет о таком способе работы, когда содержание (в данном случае, работы молодого Маркса) и моя интерпретация совпадают. Но мой способ работы довольно гробовой. Первая моя книга составляла всего десять печатных листов, около 240 стра-

ниц на машинке. А черновики у меня было в десять раз больше. Не зря покойный Вадим Пугин меня называл: «Ты, Витя, экзегет». Речь идет о глубинном погружении в текст. Потом я узнал, что есть герменевтический метод. Такой способ работы мне ближе всего. Поэтому я могу сказать совершенно определенно, что основные идеи моей книги вытекают из текстов Михаила Константиновича.

Г.В. Драч. Но у Петрова наверняка присутствовал концепт научной революции. Он был введен исследователями науки, у Налимова, у Прайса, и пр. И картинка получается совершенно иная, если признавать Петрова историком науки (**А.Н. Ерыгин.** Оригинальная!) Ну, это – можно спорить. Совершенно другие аспекты. Учитывается ли вот это – его концепция, взгляды на историю науки, на научную революцию? И вообще – как понятие контрреволюции соотносится с понятием революции? Из какого из них ты исходишь? Берешь у Петрова или сам?

В.П. Макаренко. Глава третья книги называется «Концепт научно-технической контрреволюции». Там все написано. Дело в том, что в советское время лозунг научно-технической революции писался на всех заборах. В 1977 году я участвовал в одной из школ молодых ученых. И у одного из лекторов спросил: «Если происходит научно-техническая революция, то кто же в ней является революционером?» И он, профессор, из референтов ЦК, начал играть втемную. Присутствующие здесь представители среднего и старшего поколения помнят, что идея о том, что ученые являются революционерами, проходила по разряду ревизионизма: считали, что это враги советского государства развивают такую идею. Вот эту ситуацию я анализирую.

Г.В. Драч. Я не это хотел спросить. Есть Нидэм, Прайс, Джон Бернал и Эйнштейн, есть масса работ в области классической науки, включая и ту науку, которая развивалась в Советском Союзе. И Петров здесь был немалый авторитет и специалист. И я вновь настаиваю на том, что это абсолютно иная история науки. Почему выбран именно такой аспект? (**В.П. Макаренко.** Так я же сказал...) Или не учтены классические работы?

В.П. Макаренко. Есть такая французская пословица: каждая женщина не может дать больше, чем у нее есть. (*Шум.*) Моя задача: анализ форм подавления, паралича, парализации мысли. Я этой цели подчинял свой способ работы. Что касается учета классических работ, то Игорь Сергеевич Дмитриев прислал нам статью, в которой дает новую версию научной революции. Мы опубликуем это в журнале и тогда поговорим специально о новых концепциях. Но я сейчас об этом говорить не буду, потому

что тогда нам вместо темы, ради которой мы собрались, надо начинать говорить о совершенно других вещах. (**Голос из публики.** Не надо.)

А.В. Лубский. Пожалуйста. Профессор Ерыгин. Только, Александр Николаевич, вопросов – не больше, чем у декана.

А.Н. Ерыгин. Нет-нет, у меня всего два вопроса. Эти вопросы имеют интимный характер, раз уж Виктор Павлович меня там упомянул, и я, как говорится, имею право иметь отношение к тому, чего там обо мне говорится. Первый: дискуссия о российской ментальности, в которой мы с тобой вместе участвовали и которую ты, вообще-то и создал, и меня туда с Липовым втянул. Мы участвовали, к счастью или к несчастью. Так вот, вопрос: каким образом, с точки зрения основного названия книги – «Научно-техническая контрреволюция», попала в книгу эта дискуссия о российской ментальности? Если главную идею подавления различных форм мысли обсудить спокойно, соответственно идее Петрова, я все-таки не понял, прочитав эту книгу, эту часть ее, – как она вписывается в книгу? Раз. И второй вопрос. На странице шестьдесят четыре описывается то, что вы там говорили, и ты пишешь, что я развил концепцию русского логоса, которую ты дальше кратко... (**В.П. Макаренко.** Это начинал Гачев, покойный.) Да, вот – концепцию русского логоса ты приписал мне: «Концепция русского логоса была развита Ерыгиным». (*Шум.*) Задаю вопрос: как ты нашел у меня концепцию русского логоса?! Как ты у меня ее нашел? (*Шум.*)

А.В. Лубский. Александр Николаевич, вопрос понятен; просто ты, наверное, не понимаешь, что ты сделал. (*Смех, шум, аплодисменты.*)

А.Н. Ерыгин. Я очень хорошо знаю, что я сделал. То, что я сделал – гораздо более серьезная вещь, чем то, о чем пишет Виктор Павлович. (**А.В. Лубский.** Он тебя хвалит, а ты обижаешься.) Там сначала описывается Гачев – что сделал он, затем я, и нас вместе объединяют в одну общую компанию... (**В.П. Макаренко.** А ты не хочешь состоять в такой компании?) Я концепцию русского логоса не создавал, сразу говорю. (**А.В. Лубский.** Ты не хотел, но создал. *Громкий общий смех.*)

В.П. Макаренко. На что же мне отвечать?

А.Н. Ерыгин. Сначала о дискуссии: какое отношение имеет эта дискуссия к идеям Петрова и к научно-технической контрреволюции?

В.П. Макаренко. Отвечаю. Тема ментальности интересна тем, что безмолвствующее большинство играет роль тормозов в отношении концептов, которые высказываются учеными. К тому же ментальность часто рассматривается (например, в школе Лотмана) как некая знаковая реаль-

ность. Эти пункты мне представлялись важными, чтобы обозначить возможность другого подхода к проблеме, заявку на который дал Михаил Константинович в своих работах. В книге я показываю возможность работать в других ключах, по сравнению со сведением ментальности к знаковым формам. Вот с этой точки зрения есть совершенно определенная содержательная и методологическая связь. Есть и другие, но я сейчас о них говорить не буду. **(А.Н. Ерыгин. Понятно.)** А вторая часть вопроса: можно ли твое утверждение понимать так, что я неправильно тебя классифицировал? **(А.Н. Ерыгин. Точно, неправильно. Ерыгин не создал...)** Хорошо. В следующем издании книги (*общий смех*) я, безусловно, учту результаты нашего сегодняшнего обсуждения и – Саша, спасибо за подсказку – поразмыслию специально – отличается ли принципиально твоя концепция от других... Насколько я понимаю тебя, ты, видимо, имеешь в виду то, что если ты не развивал концепцию русского логоса, то потому, что Россия является частью Европы **(А.Н. Ерыгин. Несомненно.)**, и с этой точки зрения разговоры о русском логосе являются, на худой конец, дискуссионными? Все, тогда я внесу непременно уточнения.

А.В. Лубский. Александр Николаевич, ну будет же плохо, если он напишет, что профессор Ерыгин пытался развить идею русского логоса, но не развил. (*Неразборчивые возражения А.Н. Ерыгина.*) Хорошо, коллеги, еще вопросы? Пожалуйста, профессор Коротец.

И.Д. Коротец. Виктор Павлович, я уже вам этот вопрос задавал на конференции, но оказалось, что стержнем этой книжки является обсуждение проблемы преодоления духовной кастрации. **(В.П. Макаренко (смеясь).)** Что за чепуха?) Нет, если мы считаем, что было *произведено* духовное оскпление... Это так? (*Пауза.*)

В.П. Макаренко. Игорь, я ссылаюсь на работы В.Налимова, в которых он пишет, что в России почти не осталось свободомыслящих. Я отталкиваюсь от этой констатации и показываю способы анализа проблемы. Решаю методологическую задачу – пытаюсь указать ряд направлений анализа. Не утопить, а обострить проблему.

И.Д. Коротец. Хорошо. Так как понимать духовность?

В.П. Макаренко. Этот вопрос никогда меня не интересовал. Для ответа на него можно сходить в церковь, почитать душевспасительные рассуждения, потрепаться с женой, надраться с другом или в одиночку, уйти в себя или в пустыню, – разные есть способы... Мне это не интересно. Вопрос не может быть предметом аналитического ума. (*Неразборчивое многоголосье.*) Не знаю... Не могу ничего сказать на тему духовнос-

ти. Есть охотники на эту тему поговорить, я к ним не принадлежу. **(А.Н. Ерыгин. Ну, вообще-то, ты начал с духовного оскпления...)** Да, есть «духовное оскпление» и есть его причины. (*Шум.*) Вопрос Игоря сформулирован на основе определенного понимания духовности, с которым не согласен Налимов. Вопрос Игоря имеет мировоззренческий смысл, Налимов развивал совершенно другую концепцию. Он принадлежал к мистическому анархизму; это требует специального анализа. В эту тему я не могу сейчас углубляться. Здесь присутствует Елена Всеволодовна Золотухина – она недавно книжку написала о Налимове, я еще не успел прочитать. Но есть интересная тема – насколько концепция Налимова отличается, скажем, от концепции анабаптистов и других мистических течений. Ведь оттуда как раз выводился революционный потенциал массовых движений.

А.В. Лубский. Какие еще вопросы будут? Профессор Берлявский.

Л.Г.Берлявский. Виктор Павлович, мы внимательно прочитали книжку вашу, и все-таки – к каким понятиям вы сводите этот концепт научно-технической контрреволюции? Сейчас вы пояснили, что это одна из форм подавления мысли **(В.П. Макаренко. Да.)** Потом на страницах 141-142 вы, ссылаясь на Петрова, упоминаете, что государство – это главный агент... **(В.П. Макаренко. Да, это его идея.)** Есть еще одна идея – экстенсивной модели онаучивания. **(В.П. Макаренко. Да.)** Правильно ли я понял, что все это входит в этот концепт, или вы что-то еще туда вкладываете?

В.П. Макаренко. Я не успел вставить в эту книжку еще концепцию национальной самокритики М.К.Петрова и некоторые другие вещи. Михаил Константинович проводил различие между экстенсивным и интенсивным способом научно-технической революции. Он резко критиковал не только способ связи науки с производством, но и способ социального существования. Это тоже особый предмет разговора. В главе о техно-якобинцах я рассматриваю различные формы взаимосвязи между наукой и производством, наукой и военным делом и следствия, которые из них вытекают. Это меня интересует до сих пор. **(Л.Г.Берлявский. Спасибо.)**

А.В. Лубский. Коллеги, есть еще вопросы? (*Пауза.*) Вопросов больше нет. У кого появятся еще вопросы к Виктору Павловичу, подавайте в письменном виде, он в конце на них ответит. Я хочу с вами посоветоваться: поскольку нормальный человек продуктивно может мыслить не больше 15 минут (*смех*), то мы будем, наверное, делать перерыв. Или не

будем, Виктор Павлович? (**В.П. Макаренко.** Сейчас не будем. *Шум.*) Тогда приступим сразу к обсуждению и начнем с этого...

В.П. Макаренко. Уважаемые коллеги, мне приятно сообщить, на книжку уже поступили рецензий от ведущих специалистов в сфере истории, методологии и философии науки, и мы начнем поступать вразбивку: Анатолий Владимирович сейчас основное содержание начнет излагать – одного из рецензентов книжки, затем, если возникнут вопросы, мы будем на них отвечать. Если нет, тогда выступают наши коллеги – москвичи, Петербург, Ростов, здесь присутствует Волгоград, разные города и т.д. Вот такой способ работы мы предлагаем.

И.Д. Коротец. Виктор Павлович, а не получается, что вы сами пользуете приемы научной контрреволюции?

В.П. Макаренко. Не получается.

Г.В. Драч. А зачем? (*Шум.*) Минутку, дайте нам возможность то, что мы думаем, сказать, без ссылок на авторитеты. Я пришел вашу книгу обсуждать... (**В.П. Макаренко.** Не пойдет.) Ну, как не пойдет? (**А.Н. Ерыгин.** Не-е-ет, пойдет. *Шум.*)

В.П. Макаренко. В таком случае мы предоставляем первому слово Геннадию Владимировичу Драчу. (**Г.В. Драч.** А почему? Может, я хочу выступить вторым?) Никто ни на кого авторитетом не давит; эти люди являются участниками *дискуссии*, вот о чем идет речь.

Г.В. Драч. Не захотим – не прочитаем.

А.В. Лубский. Коллеги, я думаю, мы будем соблюдать определенный политес. Поскольку заранее попросили Огурцова, Неретину выступить на обсуждении, но в силу того, что они не смогли приехать, они прислали рецензии, и с нашей стороны было бы не этично не послушать их. (**Г.В. Драч.** Но давайте сначала обсудим...) Это первый вопрос. Второй вопрос, если мы не хотим работать в ключе контрреволюции, то мы должны послушать разные мнения, в духе Михаила Константиновича Петрова, который отказывался от окончательного решения, как Макаренко сказал, любых вопросов социальной жизни, развития науки и т.д. Поэтому у нас есть с вами выбор: мы можем начать с обсуждения книги, предоставив слово кому-то из присутствующих, такой замысел был вначале, когда мы советовались с Виктором Павловичем. Если Александр Николаевич или Геннадий Владимирович хочет выступить первым, проблемы в этом нет. Если кто-то из присутствующих хочет начать обсуждение книги, пожалуйста. Есть такие? (**А.Н. Ерыгин.** Я.) Прежде, чем предоставить слово Александру Николаевичу Ерыгину, я сделаю две ремарки. Первая

касается того, что при чтении чужих книг часто возникают идеи, на первый взгляд, вообще не имеющие отношения к содержанию книги, и тогда очень трудно отличить, где идеи автора, а где – интерпретация этих идей интерпретатором. Во-вторых, любая интерпретация чужой книги, чужого текста, она всегда, – *к сожалению*, претендует на адекватность. Но любая интерпретация – это всего-навсего деконструкция текста. Это, примерно, то, чем занимался Виктор Павлович, обнаружив истоки русского логоса в работах Александра Николаевича. Это деконструкция текста, т.е. вычитывание из текста того, о чем автор даже, иногда, и не догадывался. Поэтому никакие интерпретации претендовать на адекватность не могут. Лишь в том случае, когда кто-то назначил одну интерпретацию правильной, остальные все становятся еретическими, но с еретиками, вы знаете, расправляются. Мы работаем в совершенно другой интеллектуальной среде, где приветствуются любые интерпретации, если они не связаны с интеллектуальным ригоризмом, неприятием всех других точек зрения, те, которые способствуют нашему интеллектуальному развитию и пониманию текста, который мы обсуждаем. Вот, после этого, я предоставляю слово моему старому другу Александру Николаевичу Ерыгину (**Г.В. Драч.** Не такой уж он и старый.) Старый, старый (*смех*). Не больше десяти минут. (*Шум.*)

А.Н. Ерыгин. За десять минут многого не скажешь, – и автору рассказать о своей книге трудно, и прочитавшему ее, который может попасть в ситуацию неточностей интерпретации, тем более трудно. Поэтому я сначала кратко остановлюсь на общей оценке книги и тезисе, который возник в связи с моими вопросами. Значит, общая оценка книги. Виктор Павлович во вступительном слове назвал ее «первой монографией о Петрове». Я думаю, можно эту самооценку принять, но справедливо и поставить вопрос. Я думаю, все четыре книги о Петрове, которые вышли – С.С.Неретиной, Ю.Р.Тищенко с В.Н.Дубровиным, и общая книга под редакцией С.С.Неретиной, где все эти авторы участвуют, в 2010 году вышедшая, и новая книга Виктора Павловича – четвертая в этом списке – все стоят в одном ряду. Хотя книга Макаренко из них выделяется. В каком ряду они стоят? Это то, что можно назвать первым приступом или первым подходом к личности, творчеству, идеям Михаила Константиновича Петрова. Как ни обидно ученикам Петрова, но до сих пор ни одной монографии о Петрове не появилось. И первые две книги, которые на это не претендовали, и общая большая книга, коллективной монографией не стала, и даже книга Виктора Павловича, хотя он ее назвал так сам,

своей самооценкой, как он задумывал, первой монографией о Петрове не стала. Это монография, несомненно, – *в связи* с Петровым, но не о Петрове. Именно так: открываешь книгу и просматриваешь ее содержание; смотришь – сколько там Петрова и сколько не Петрова? Процент сразу показывает: книга, конечно не о Петрове. Нет этого. Правда, автор и не претендовал на то, что это книга о Петрове. Он написал в подзаголовке, что идеи Петрова – это источник мысли. В данном случае сам подзаголовок нужно понимать по-разному: то ли это источник мысли Виктора Павловича Макаренко, который в своих статьях и частях книги отталкивается от идей Петрова, и опираясь на его поведение или имея в виду его понятие об идеях, введенное в оборот, рассматривал сюжеты, интересующие Виктора Павловича. То ли с какой-то другой еще стороны. Но в центре внимания стоит тема научно-технической контрреволюции, вот, в заголовке четко выставлена, и в выступлении автора обозначена как основная характеристика книги – это все четко выставлено. Далее я хочу показать такой феномен – у меня появление этого феномена в уме так или иначе связывается с какими-то идеями Петрова. В этой связи я думаю, что так построенная книга – судя по автору и по ее содержанию, – это очень хорошая и интересная книга, но она не может быть первой монографией о Петрове.

Поэтому мы ждем появления книги, которая, я надеюсь, все-таки возникнет и будет посвящена проблемному, содержательному анализу наследия Михаила Константиновича. Пока такой книги в нашей науке нет. Статьи такого сорта – очень небольшое число – есть, но книг нет. Я думал, что это будет такая работа, – раскрыл, прочитал, а потом понял: Виктор Павлович написал нестандартную, очень оригинальную, очень любопытно построенную – по архитектонике ее, по замыслу, по введению широкого полотна мысли, – ради анализа феномена подавления мысли и духовного оскотления. Все эти термины говорят о некоей духовной, интеллектуальной, научной, научно-технической, гуманитарной контрреволюции и всяческого подавления личности и личностного способа мысли.

Это, несомненно, выписано, и с этой стороны, с точки зрения основного названия, у меня претензий к книге нет, хотя я здесь не специалист и более глубоко рассматривать эту часть дела я бы, конечно, не стал. И вот на этом, определив главную заслугу данной работы, остановлюсь. Теперь перейду ко второй части. По поводу подзаголовка. Вот, например, дискуссия о ментальности. Не вырастает в моем сознании, что эта

глава, этот раздел, хотя, в целом, сам по себе интересный, не притянут за уши. Появляется тема ментальности, Петрову совершенно чуждая, при всем том, что он прекрасно знал современную ему литературу, но тему ментальности в этой литературе он не рассматривал. Вот как Лубский относительно меня сделал замечание, что сам не знал, а сделал то, что Виктор Павлович обо мне сказал, – если у Петрова выход на ментальность не получился, – это может быть. Но сам Петров вводил другие понятия и прежде всего понятие европейского образа мысли. Виктор Павлович к этому апеллирует, когда рассматривает дискуссию Ильенкова и Петрова, и поэтому здесь он совершенно прав. Вот сразу и первое замечание.

Вот это самая интересная часть книги, с нее начинается, фактически, подзаголовок – столкновение двух китов, двух гениальнейших ученых, мыслителей, философов второй половины века – Ильенкова и Петрова. Совершенно очевидно, что Виктор Павлович свое ключевое внимание, так сказать, приятие идей из этих двух, отдает Петрову, а не Ильенкову, и тогда он его аккуратно выписывает, но из этого образа Ильенков предстает, хотя в чем-то и верно, но карикатурно. Я не сторонник Ильенкова, но представить Ильенкова так, как он представлен здесь, в рамках его спора с Петровым, нельзя. Тем более, что оба автора – если читать подстрочник книги «Искусство и наука» – оба автора к концу записей отходят от тех первых оценок, которые даны в начале. Почему так получилось с Ильенковым, это уже другой вопрос – с мертвого не спросишь. Ясно, что он начинает слишком резко, радикально, неучтиво, незтично, как по отношению к серьезному тексту, так и по отношению к своему бывшему другу. Все эти замечания были чисто личными – это Неретина издала книгу вместе с незапланированной публикацией тех записей рецензентов, которые оставили след прочтения книги на полях. Это тоже вопрос – об этике издателя. Большой вопрос. Но из того, что видно в подтексте – я тоже этим занимался и в той книге, которой, надеюсь, скоро выйдет, свои возражения Виктору Павловичу выскажу подробно, – я не вижу такого поворота событий, как его представил Виктор Павлович. Нет жесткого противостояния. Наступает момент, когда Ильенков видит, что он неправильно понял Петрова, ощущает, что надо сдаться и медленно, как я написал на полях, читая книжку – «шарик сдулся». Ну, что делать, ну, сначала погорячился, потом «сдулся». Потому что, оказывается, что все эти претензии навязать истину, на религиозное понимание и т.д. – они не имеют почвы под ногами. То есть, все, с чем Ильенков выступил против Петрова, – совсем не серьезная критика. И он от нее уходит. Но и Петров

ироничен и милостив. Он очень хорошо показывает, что друга своего он понимает и в подполье. А вот разница их позиций, она, конечно Виктором Павловичем названа правильно. С одной стороны – жесткая, марксистско-ленинская – Ильенкова, с другой – антимарксистская схема Петрова. Это – несомненно. Это – да. Но надо было этот сюжет выписать, а он, к сожалению, провисает, в связи с множеством, огромным количеством, разных замечаний, которые даже, в манере Виктора Павловича, не расклассифицированы, а как-то так даны скопом – вот так, вот так, это то, это так, это здесь... Вот. Не получилось – прекраснейший сюжет, который остался немножко завуалированным. В итоге позиции Ильенкова и Петрова представлены в целом неадекватно. И по крайней мере, столь расплывчато, что автору, создавшему этот текст и читателю этого автора, если бы они знали, о чем идет разговор – состоялся первый великий нелегальный спор двух нелегалов, полулегалов или легалов, – это великое достояние, нам от прежней культуры доставшееся, но позволяющее вскрыть интереснейшие глубины рождения, вот, лабораторию рождения, так сказать, разных идей, которые в этом русле возникли.

И вот из этого спора, по сути дела – переписки через Неретину, при упоминании ментальности... начались дискуссии о ментальности. Я понимаю, что Виктор Павлович в этом случае занимал особое положение. Я понял, что при публикации его, конечно, обидели эти коллеги наши дорогие (**В.П. Макаренко**. Кого?), – тебя, потому что у тебя было большое выступление (**В.П. Макаренко**. Где?), – в «Вопросах философии» (**В.П. Макаренко**. А-а-а... Да-да-да. А я уже забыл.), – блестящее выступление, совершенно выпадающее из общего круга обсуждений (**В.П. Макаренко**. Спасибо.), а при публикации от него осталось несколько строчек, которые совсем не дают представления о позиции Виктора Павловича. Я понимаю, что ты пытаешься взять реванш (**В.П. Макаренко**. Ну какой реванш – двадцать лет спустя...), – это же ирония... Но реванш – если вдруг его всерьез делать, – а можно было бы сделать, – то надо делать более развернуто. (**В.П. Макаренко**. Не-не-не...) Ну и в этом контексте я сразу говорю о себе – мое время закончилось, и я заканчиваю свое выступление, и в заключение хочу сказать: я преследовал там совсем другую цель – меня попросили рассказать, в рамках дискуссии о ментальности, что я там думаю о ней, и я сказал то, что хотел сказать, и то, что меня сюда поместили – это уже случайность, а тебя не поместили, а я там поставил тему «Феномен западничества в русской культуре». Не больше. (**В.П. Макаренко**. Так что – не соответствует тоже, да?) Из моего текста – там две-

надцать страниц и они представлены концепцией, якобы мной придуманной, русского логоса. Там у меня два слова всего. (**Ю.Р. Тищенко**. Минута прошла лишняя.) Я на этом закончу.

А.В. Лубский. Спасибо. (**В.П. Макаренко – А.В. Лубскому**. Отвечать сразу?) Я думаю, что да.

В.П. Макаренко. Я весьма сжато буду говорить, чтобы не затягивать. (**А.В. Лубский**. Пять минут.) По поводу ментальности. Естественно, я ни в коем случае не претендую на глобальный обзор этой темы. Я имею в виду вот что, в связи с выступлением Александра Ерыгина: у Петрова есть ряд высказываний, объединенных под одной шапкой: угроза ментального расподобления человечества, я это очень хорошо знаю и цитирую абсолютно точно. Он осознавал ментальное расподобление человечества как одну из угроз, которая возникает в связи с научно-технической революцией. Но раз «ментальное расподобление», то тогда это уже программа, которую ты намечаешь, и мне некогда было это писать, ясное дело. Если это так, если такая метафора встречается у Петрова – а метафора выполняет важные, прогнозирующие, аналитические задачи, то тогда правомерно ли будет следствие, что Петров считал, что человечество, ментальность человечества, в принципе, едина? Если мы дадим положительный ответ на этот вопрос, то тогда всякие утверждения о том, что ментальность существует в его национально-государственных формах, является ложью или идеологией. Такая точка зрения сегодня присутствует в большинстве литературы по ментальности, и тебе это очень хорошо известно. Но описывать все эти вещи... Хе-хе... Пишешь, пишешь, и вдруг огромный какой-то пузырь вдруг возник, и тебя утащило совершенно в сторону. Некогда было мне об этом писать. Подчеркиваю, что идея ментального расподобления человечества – эту перспективу Петров воспринимал как угрозу, и писал об этой угрозе. Это первое. Второе. По поводу издания книжки – «Искусство и наука», да, Неретиной, с комментариями Ильенкова. Кто его знает? Это сейчас мне эта идея пришла – спасибо, Саша, что ты меня натолкнул на нее. Действительно, может быть то, что ты говоришь, имеет смысл. Но ведь тогда возникает вопрос: а само издание Светланы Сергеевны, с высказываниями Ильенкова по поводу текстов Михаила Константиновича – не является ли это воспроизведением практики, которую мы с молоком матери – я имею в виду идеологическое молоко – впитали? Что я имею в виду? Мы все изучали 29-й том покойного Владимира Ильича Ленина – «Философские тетради». А ведь том тоже издан со всеми текстами, которые он не предполагал для пуб-

ликации. Напомню – там очень много вещей – очень хорошо я и навсегда запомнил, по поводу Гегеля: «бога жалко», «сволочь идеалистическая» и так далее (**А.Н. Ерыгин**. Это вначале, а потом...), да-да-да, и еще целый ряд... Богданов там чего-то, а потом – «опрокинулся» или «сел в лужу», и тому подобное, всякие такие высказывания. И здесь – вот у меня сейчас эта идея возникла – может быть, Ильенков воспитывался в этой практике. Может быть, это просто аналог издания, вариант публикации «Философских тетрадей»? Но в данном случае в качестве автора выступает Михаил Константинович. Вот вопрос какой. Я на него ответа не знаю. Но, повторяю, что издание с такими вот комментариями – аналог этому есть, начиная с издания «Философских тетрадей» Ленина. Вот о чем идет речь. (**А.Н. Ерыгин**. С той маленькой разницей, что Петров – не Ленин.) Ну, понятно – не Ленин, но сейчас они для меня равны, как авторы. (**А.Н. Ерыгин**. Это другой вопрос. Как авторы они не равны, Петров – гений.) Подожди, сейчас мы беспредметный спор затеем – гений... Я имею в виду издательскую практику и говорю о стереотипах этой издательской практики и рефлексии даже. Вот что я имею в виду.

Это второй пункт. И третий – я сейчас не буду об этом распространяться – по поводу жесткого противопоставления марксизма и антимарксизма – вопрос дискуссионный – был ли Петров... Мне ближе точка зрения Юрия Романовича: я все-таки считаю, что Петров был марксистом. А вот каким марксистом – это уже предмет дискуссии. Я пока загложну.

А.В. Лубский. Спасибо, Виктор Павлович. (**Г.В. Драч**. Я руку поднимал.) Пожалуйста.

Г.В. Драч. Уважаемые коллеги, спасибо Виктору Павловичу, действительно, интересная дискуссия разворачивается. Интересная книга. Я не позволю себе в целом давать характеристику этой работе – еще пока целостного впечатления не сложилось, – надо еще несколько раз ее прочитать. Позволю поделиться первыми впечатлениями. У меня создается такое же впечатление, как у Александра Николаевича, что это книга не о Петрове. Эта книга политологическая, с анализом так называемой советской действительности. Теперь, следует сделать методологическое замечание. Что такое деконструкция? Деконструкция – это когда мы берем дискурс, т.е. некоторую систему обоснований и доказательств и вычитываем в них какие-то смыслы, которые сам автор, может быть, и не имел в виду. Вот что такое деконструкция. В этом смысле Деррида говорил: давайте прочитаем всю европейскую историю, и что мы там увидим? Вместо равенства, справедливости и братства мы увидим там насилие,

эксплуатацию сексуальностей и, как писал Фуко, – «надзирать и наказывать». Вот вам вся история европейской культуры. Но это – если подходить с позиции деконструкции. А мы не один век опирались на идеи Просвещения, из которых вырисовывалась колоссальная научная и образовательная парадигма. С опорой на эти идеи были проведены научные революции, созданы научно-исследовательские институты, школа стала подтягивать учеников к научным исследованиям – Сибирская академия наук, и т.д. Все сразу переплетается и становится на свои места. Виктор Павлович, несмотря на то, что работает в плане дискурсивного исследования, проводит деконструкцию идей Петрова. И выискивает в них тот значимый смысл, который у Петрова был. Тем не менее, я, как человек, который его слушал, читал, приходил на лекции, помню совсем другую картину – картину истории европейской философии, истории европейской науки, истории научных революций, которые проходили в Англии, и использование научного опыта в Советском Союзе. Петров – один из людей, которые, вместе с Генрихом Волковым, Ильенковым настаивали на значении науки и научных исследований. То, что говорил в этом отношении Петров, я помню: у него были сетования, что, имея треть научных работников совокупного числа их в мире, Советский Союз производит четверть научной продукции. В то время, как Соединенные Штаты, имея четверть научных сотрудников, производят треть научной продукции. В этом плане он, конечно, представлял угрозу тем социальным слоям, которые видели, что в его словах содержится явный призыв к модернизации социальной системы и ее более эффективному использованию. Но говорить о том, что можно погрузить научные идеи русской науки в определенный культурный контекст, – я такого не помню. Английский опыт был, греческая культура была. А в книге Виктора Павловича я вижу иной контекст: отношение холопства – частный случай универсального феномена рабства. Это не только СССР, это – русская культура, это русская история. Значит, рабство и холопство – вот контекст, в котором развивалась русская наука (**Голос из публики**. Откуда же она могла развиваться?) Мы с Александром Николаевичем историки. Помним, как нам рассказывали, – да какое тяжелое было крепостное право. А мы всё ходили и удивлялись, как крестьяне могли дожить до нашего времени. Если такая была вивисекция, если такое было осклопление, – как же множество ученых до сих пор живут? И до сих пор работают? И сохранили светлый ум, научные исследования? Более того, как говорит Президент, на этом капитале еще до сих пор работает наша промышленность. На советском

оборудовании, которое производилось на основе этих научных идей, до сих пор еще что-то делается. Вот дальше, через два-три года, – тогда придется о чем-то подумать. А уже и холопства нет, уже ничего этого нет. Однако, меня удивляет другое. Виктор Павлович пишет: «Ученый, особенно русский, всегда стоит перед выбором: быть или не быть холопом». Ничего себе! Значит, ученый – это холоп. Я бы хотел воспроизвести здесь некоторые классические вещи: Ортега-и-Гассет, который впервые, в более классической форме описал ученого и «ученое поголовье». В этой связи мне представляется, что здесь есть о чем подумать, тем более, что в работах Петрова совсем по-другому эта ситуация расценивалась. И отношения науки и государства, науки и образования, в частности, именно в этом поле, в этом пространстве Петров, вслед за крупнейшими историками науки, американскими и английскими, рассматривал переход от «малой науки» к «большой науке». Манхэттенский проект, целиком по заданию государства – это был не холопский проект. Это был величайший проект, который принес человечеству, с одной стороны, громадные проблемы – атомная бомба, а с другой стороны, уже длительное время человечество обходится без войн. Потому что появился мощнейший фактор сдерживания. Так холопы или не холопы создавали атомную бомбу и многое другое? Я с интересом воспринимаю эту ситуацию, мне кажется, у Виктора Павловича интересные аргументы, но думаю, здесь есть и поле для дискуссии.

А.В. Лубский. Я вижу, у нас возникло какое-то интеллектуальное напряжение – сразу многие захотели выступить. Коллеги, прежде, чем предоставить возможность Виктору Павловичу ответить на те замечания (**А.Н. Ерыгин.** Да это не замечания...), ну, размышления, прозвучавшие здесь, я хочу сказать по поводу деконструкции текстов. Недавно у нас было обсуждение кандидатской диссертации достаточно молодой и симпатичной женщины. И выступает профессор Герасимов и хвалит диссертацию, рассказывает, какая хорошая диссертация, а она сидела-сидела, слушала и говорит: «Профессор, у меня такого в диссертации нет». (*Общий смех.*) А он посмотрел на нее и говорит: «Вы не понимаете, что вы сделали». (*Смех.*) Вы думаете – он прочел другой текст? Нет, он тот текст читал. Я тоже придерживаюсь той позиции, что нам не следует сегодня заниматься выяснением, чья точка зрения на творчество Петрова правильная – Александра Николаевича, Геннадия Владимировича или Виктора Павловича – давайте признаем все эти точки зрения правильными, даже если они противоречивы. Иначе мы ни до чего не договоримся, а

только ожесточимся в дискуссиях. Потому что Петров, слушая нас, очень бы удивился, что мы так трактуем его творчество.

В.П. Макаренко. По поводу деконструкции. Этот способ работы, как он представлен в постмодернизме, меня не удовлетворяет. Я совершенно иначе его оцениваю. Никакой деконструкцией Петрова я не занимался. Наоборот, я реконструировал те идеи, которые не увидели предшествующие исследователи. И так строил свою работу. Насколько адекватно – это тоже предмет особой дискуссии, и если будут высказаны дельные соображения, я их готов учесть. Но ни в коем случае, Геннадий Владимирович, я не вдохновлялся деконструкцией. (**А.Н. Ерыгин.** Да это ясно.) Эту Второе. Геннадий Владимирович, ты использовал ссылку на Президента, но она здесь не работает. Президент у нас сегодня, в лучшем случае, троечник, а то и двоечник, который публично путает то, что говорил Бернштейн, с тактикой Троцкого. Между тем в своей книжке «Бюрократия и сталинизм» я с разных сторон обосновал тезис: ссылка на мнение высшего лица государства является запрещенным приемом в научной дискуссии. Повторяю: если первое лицо государства кого-то называет троцкистами, говоря, что «движение – всё, основная цель – ничто», называя это мнением Троцкого, то это – абсолютная ошибка студента первого курса философского или другого факультета. А ты ссылаешься на Президента. Только двоечник может так сказать. (*Шум, невнятные возражения.*) Третье. Если речь идет о конкретных исторических исследованиях холопства, я ссылаюсь на книжку Ричарда Хейли, американского профессора, который занимался конкретным изучением типов холопства, оброка в России. Более того, он приводит статистику, сколько километров, в течение зимы, ходил крестьянин для заработка. Эти данные надо анализировать – соответствуют они или не соответствуют действительности. Кроме того, достаточно почитать работу Левады, Гудкова, Дубина «Проблема «элиты» в современной России». Там можешь посмотреть страницы 210-211. На основе конкретных социологических исследований показано, что холоуйство и холопство остается господствующим типом политической культуры в современной России. Вот мой ответ.

Г.В. Драч. Но это только точка зрения одного...

В.П. Макаренко. Это не точка зрения, а результаты социологических исследований. Надо анализировать, насколько адекватна программа социологических исследований; давайте устроим тогда дискуссию, но мы не готовы к такому дискутированию. (**А.Н. Ерыгин.** Не нужно ее обсуждать?.. Не обижайся...) Я не обижаюсь, но если высказываются та-

кие соображения, то – я – автор, обязан реагировать – я же свое дитя должен защищать.

Г.В. Драч. И что, ты хочешь сказать, что сразу после этого мы признаем холопство русской культуры?

В.П. Макаренко. Хо-хо, да это не надо признавать (**А.Н. Ерыгин.** А, это уже признано?), это хорошо известно. Всем хорошо известно. (**А.Н. Ерыгин.** Всем хорошо известно! **Г.В. Драч.** Никому это не известно.) Другое дело, что это нас может возмущать – это другое дело. Можно, наоборот, прославлять это, это нам может нравиться... (*Шум, общий говор.*).

А.В. Лубский. Коллеги, я сделаю маленькую ремарку. Виктор Павлович прямо сказал, что он пытался реконструировать основные идеи Петрова. Мне кажется, что претензии на реконструкцию чего-либо уводят нас как раз в сторону от той самой контрреволюции, которую критикует Виктор Павлович. Потому что это претензии на то, что моя точка зрения правильна, а все остальные неправильны. (**Г.В. Драч.** А вот это мы и хотели сказать.) Поэтому я хочу вспомнить известное выражение Павла Флоренского о том, что совокупная истина упала на землю и разбилась на мелкие осколки. А подобранные их возомнили себя обладателями всей истины. Понятно, что ученый идет в поход за истиной, иначе – какой он ученый? (**В.П. Макаренко.** Флоренский говорил о религиозной истине.) Ну, я сказал – совокупная истина (**Женский голос.** Он говорил: истина – *естина*, от «есть»), я процитировал. Так вот, если ученый не собирается в поход за истиной, то он тогда и не ученый совсем. Но истина постоянно ускользает от него. Я думаю, что обладание осколками истины доставляет ему удовольствие.

Г.В. Драч. Хорошо быть председателем: хочет – говорит, не хочет – не говорит. (*Смех.*)

А.Н. Ерыгин. Можно реплику по ведению? (**А.В. Лубский.** Да.) Меньше минуты. Тут есть небольшая неточность, с твоей точки, в которой ты находишься, – несколько раз прозвучало слово «правильность», «правильно» и т.д. Наука правильностями не занимается. Это имеет строгое логическое содержание. На истину мы все можем претендовать, но она, как ты сейчас удачно, сказал, по Флоренскому может быть, разлетелась на разные осколки, которые собрать трудно. Поэтому никто здесь на истину не претендует; люди высказывают мнения; ради этого мы здесь и собрались. Виктор Павлович написал – мы хотели бы высказаться. Но у меня ощущение, что подавление мысли идет со страшной силой: попыт-

ка людям сказать о книге по-товарищески приобретает ситуацию... приходит кондец... (**Голос из публики.** Кондец контрреволюции.) Контрреволюции... (**А.В. Лубский.** Я об этом и сказал.) Зависает над нами дамоклов меч... (*Шум, неразборчивая речь.*) ...тут какая-то совершенно новая форма обсуждения книги. О любой книге, которую обсуждают, дают людям высказаться, они высказали автору заслуги и претензии, забыл – и забыл; если не забывает – иди лечись, еще какая-то возможность есть – таблетки не помогают – выпей водочки и сразу... (*Далее – громко, но неразборчиво. Шум.*)

А.В. Лубский (*перебивает*). Александр Николаевич, спасибо за замечание. Поэтому я, на правах ведущего, и обратил внимание на некоторую ригористичность. Как ваша позиция, так и его позиция...

А.Н. Ерыгин (*перебивает*). А это наше право иметь предел ригористичности вплоть до полного отрицания. Это наше *мне-ни-е!* (**А.В. Лубский.** Коллеги, коллеги...) Если мы с такими мнениями не нужны, то мы уйдем отсюда.

А.В. Лубский. Я просто работаю в другой парадигме. Я считаю, что мнение свое надо высказать аргументированно. Но я считаю, что к любому оппоненту надо относиться с уважением, уважать *его* мнение, а не рассказывать, что я вот понимаю так – правильно, а остальное все неправильно. (**А.Н. Ерыгин невнятно возражает.**) Я не акцентирую внимание на этом, но излишняя ригористичность мне бросилась в глаза. (*Долгий шум.*) Давайте послушаем реплику со стороны естественных наук.

Б.В. Владимирский. В создании самолета участвуют два человека – конструктор и летчик-испытатель. И у них принципиально разные задачи. Конструктор – он действительно создает, а летчик-испытатель отыскивает в нем слабые места. И в конечном счете, тот самолет, который идет... (**Г.В. Драч.** В серию.) В серию, – это результат совместный. Поэтому мне кажется, что нет претензий, когда человек выступает в качестве летчика-испытателя и указывает на какие-то слабые места, – от него нельзя требовать, чтобы он выступал с конструктивными предложениями о том, как этот самолет делать. (*Пауза.*) Петров – распространенная фамилия в нашей отечественной науке. Александр Анатольевич Петров – один из самых выдающихся отечественных механиков и математиков. Он всю жизнь занимался специальными проектами, его фамилия не так хорошо известна, как например, фамилия Андрея Николаевича Колмогорова, одного из величайших математиков XX века. Так вот, когда их не стало, с некоторым отставанием вышли в свет книги-воспоминания уче-

ников Колмогорова и учеников Петрова. Среди них были выдающиеся, первой величины математики и механики. Так вот, особенность книги о Колмогорове состояла в том, что ученики, соратники Колмогорова писали о себе, на фоне их великого учителя. А ученики Петрова написали о нем, и то, какое они место занимали. Вот мне и кажется, что когда обсуждаются вопросы, связанные с действительно выдающимися людьми, четко нужно позиционировать себя: ты о себе говоришь, на фоне своего учителя, или об учителе ты все-таки вспоминаешь.

Я хочу еще напомнить совершенно замечательное место о матери-волчице. Мне кажется, только восточные люди могут так себя идентифицировать – как животное или какое-то природное явление, и с этой точки зрения рассказывать, кто и что делал. Мне кажется, что когда речь идет о трактовке идей и мыслей, которые, вроде бы, автор не прямо высказал, а пишущему кажется, что он об этом думал, – вот это совершенно замечательно, и если Виктор Павлович обладает такой способностью или воплощением, в образе того или иного философа представить, и тогда он может сказать, *что они думали*. Вообще говоря, господа, человеку, от рождения слепому, объяснить, что такое красный цвет, как вы понимаете, невозможно. Поэтому человек, воспитанный в одной культуре, с одним мировоззрением, в попытке интерпретировать то, что хотел сказать другой человек, другой авторитет – мне кажется, это чрезвычайно сложно. Виктор Павлович, я извиняюсь, был такой швейцарский математик, довольно знаменитый, у него было два правила – первое правило состояло в том, что глупость аудитории преувеличить нельзя (*смех*), а второе правило состояло в том, что говорить надо о чем угодно, только не о существе дела, потому что существо дела в аудитории, как правило, интересует двух-трех человек, которые потом встретятся и расскажут. Мою глупость в том круге вопросов, которые сейчас обсуждают, преувеличить нельзя, и я сказал о том, что я хотел сказать, что имеет отношение к книжке. Большое спасибо, я получаю большое удовольствие от присутствия в столь высоком интеллектуальном собрании.

А.В. Лубский. Спасибо. Коллеги, я думаю, что мы собрались здесь послушать различные точки зрения или мнения по поводу творчества Петрова, по поводу творчества Виктора Павловича. Те коллеги наши, молодые, в том числе, пришли узнать, какие существуют точки зрения, какие могут быть дискуссии по этому вопросу, но им хочется, наверное, и получить свою точку зрения, да? А она формируется, вы сами понимаете, не только в результате чтения Петрова, да? Но и в общении с Юрием

Романовичем, Виктором Павловичем, Александром Николаевичем, которые формирует вот ту самую ментальность, благодаря которой интерпретируются сами книги Петрова. То есть, наша цель – такая, я думаю, вполне интеллектуальная, да? Выслушать интеллектуальные мнения и попробовать как-то переосмыслить свое отношение к творчеству Петрова, насколько мы его понимаем. А может, нам надо переинтерпретировать некоторые наши представления в свете того, что здесь говорилось. Так, коллеги, сделаем маленький перерыв? (**Г.В. Драч.** Перерыв.) Перерыв. Давайте сделаем, потому что мы уже работаем полтора часа.

А.В. Лубский: Коллеги, продолжаем обсуждение, поступил отзыв на книгу Виктора Павловича, доктора философских наук, профессора, главного научного сотрудника Центра методологии науки и философии РАН Светланы Сергеевны Неретиной. Отзыв очень большой, один печатный лист. Я думаю, Виктор Павлович его опубликует в своём журнале «Политическая концептология». Я, естественно, его зачитывать не собираюсь. Поэтому я, собственно, перескажу то, что, на мой взгляд, является центральным в этом отзыве, и как я понимаю, естественно. Поскольку, если бы даже я читал его подряд, я бы не отразил то, что написано в этом отзыве. Ибо я бы порасставлял интонации, акценты, и всё равно бы не получилось то, что говорила сама Неретина. Поэтому, коллеги, на что я хочу обратить внимание! Светлана Сергеевна Неретина, как бы предлагает интеллектуальному нашему сообществу в обсуждении книги Макаренко акцентировать внимание, прежде всего на способе, каким идеи Петрова оказываются источником мысли. Т. е. поговорить о способе, но в рамках тех проблем, которые рассматриваются в самой книге, а не вообще в творчестве Петрова. Вначале Неретина даёт интерпретацию основной идее Макаренко, она рассказывает какая основная идея, затем даёт краткий анализ соответствия идей книги идеям Петрова, вот то, что профессор Ерыгин говорил, и в связи с этим отмечает некоторые оплошности и недостатки книги, на чём настаивает проф. Коротец. В целом Неретина, во-первых, приветствует яростный, антиавторитарный запал, который сопровождает мысль Виктора Павловича. Запал в настоящее время, она считает насущно необходимым. Ну, тут коллеги, я позволю себе ремарку, запал необходим и особенно в силу того консервативного поворота, а Виктор Павлович его называет контрреволюцией и так далее, который наблюдается и в массовом общественном сознании, и в сознании учёных. Этот поворот, связанный с ангажированностью научно-философского знания, связанный, в том числе, и с государственным сервизмом, поэ-

тому когда речь встаёт о холопстве учёных, речь идёт о той тенденции, которая наметилась в науке и философии, связанная с государственным сервилизмом. Вот, коллеги, о чём идёт речь, а этот сервилизм, всегда, вы знаете, чреват единомыслием и утверждением одной единственной точки зрения, не универсальной... и так далее. Во-вторых Неретина обращает внимание на пафос книги Макаренко не менее важный, чем анализ современного состояния науки и философии, который заключается в том. Чтобы обратить внимание на сквернейшее состояние жизни, достойное негодования. Я иногда позволяю себе цитировать. В связи с этим Неретина обращает внимание на специфику переживаемого социального и интеллектуального контекста, на то, что мы сегодня существуем в мире пустоты, которая и есть наше начало, на то, что мы живём в той философской ситуации, когда нам остаётся чистая и голая свобода, мысль, не скованная никакими традициями. В таком контексте, считает Неретина, рождается новая форма философии, которая она называет скрыто откровенной демократией. Это демократия голоса, нахождения и обретения его, власти голоса, при котором не боишься учителей, я цитирую её дословно, не боишься, что тебя назовут дураком, где ты скрыто откровенен или полифоничен. В рамках такой философии, считает Неретина, возможно иное прочтение таких интеллектуальных явлений в советской философии, которые с одной стороны были альтернативны ей самой, а с другой, сохраняли чисто советскую имперскость, связанную с претензией на универсальность своего метода и унитарность мнений и абсолютизацию собственных решений. Вот на это, коллеги, обратите внимание. Неретина считает, что такое иное прочтение альтернативных интеллектуальных течений и соответствующая их критика – основное в книге Макаренко. Разница, ну если я так понял, между Неретиной и Макаренко заключается в том, что Петров был склонен к этой советской имперскости, а Макаренко считает, что нет, что в этом отношении он уникальное явление и, наоборот, против этого выступал. Но это, как я понял, вытекло из самого контекста Неретиной и из книги Виктора Павловича, и об этом сегодня он сам рассказал. Так вот, Неретина считает, что такое прочтение альтернативных интеллектуальных течений и соответствующая их критика – основное в книге Макаренко. В ней он акцентирует внимание на том, каким образом проявляется авторитарное, в не авторитарной, казалось бы, мысли, рождённой в условиях тоталитаризма. К какому бы направлению: советскому, антисоветскому, марксистскому, антимарксистскому не принадлежал сам автор этой мысли. Далее, отмечает Не-

ретина, если рассматривать идеи Петрова с этих позиций, обратите внимание, что она пишет: некоторые высказывания Петрова, на которые сегодня откликается образованный ум, принадлежат к той же авторитарной тенденции. Вот я процитировал. И в этом смысле, альтернативная или параллельная наука – типичный советский институт. В контексте советской имперскости и связанным с ней стремлением к унитарности, по мнению Неретиной, надо рассматривать и полемику между Ильенковым и Петровым. Которую, в определённых, близких к Петрову, в скобках это пишет, кругах, принято рассматривать негативно относительно Ильенкова. Между тем, спор у них, пишет Неретина, идёт о разном понимании того, что такое наука, спор жёсткий, потому что в то время действительно столкнулись две позиции в философии и науковедении. В этом споре, сегодня раздражает интонация Ильенкова. Он резок и менторски ироничен, от чего возникает неприязнь даже к спокойным доводам. Спокойный и раздумчивый тон Петрова, заранее обеспечивает ему более высокий философский статус. Однако, подчёркивает Неретина, надо сказать, что в 60-е годы XX-го века, не очень-то задумывались над интонационной техникой высказываний, предмет спора брался за рога, противника в момент спора почти ненавидели. Далее Неретина: В этом или – или, действительно было много от нетерпимости. Отсутствие школы мысли, породившей такой феномен, как западное смирение, о чём пишет Макаренко, цитируя Ивана Петровича Павлова, кстати, сохранилось и до сих пор, подчёркивает она. Попробуй оспорь позицию того же Михаила Константиновича, коль скоро она, опять же. В определённых кругах и определёнными людьми, воспринимается исключительно апологетически. После его многолетнего запрета. Однако, не трудно заметить, как отмечает Неретина, что Ильенков не менее чем Петров, чуток современности. Если следовать методологии Виктора Павловича, то можно сказать. Что представленная в книге позиция Ильенкова, оставаясь без комментария, выглядит предосудительно, но таковой не является. Переходя к анализу в книге соответствия идей Макаренко идеям Петрова, Неретина обращает внимание на том предлагаемом в книге способе, каким идеи Петрова оказываются источником мысли. Способ состоит в том, что некоторые тезисные утверждения как источники мысли используются как вот те «шапки», которые Макаренко вынес в заголовке книги. Утверждения затем, по замыслу автора книги, развиваются, радикализируются. Вот обратите внимание, радикализируются автором, уточняются. Но самое главное, пропускаются через современный материал обсуждений,

семинаров, круглых столов и так далее. Ну, я хочу добавить, через естественно, тот самый научный менталитет, которым обладает Виктор Павлович Макаренко.

Неретина: Само по себе введение такого обсуждения в книгу, гораздо более дающее для понимания того как рождается мысль большая заслуга Виктора Павловича. Но дело не только в этом, что такой способ делает текст в книге Макаренко более открытым, требующим не совместного бытия и нацеленности на сохранение одной единственной направленной мысли, а одной только вовлеченности. В таком тексте, считает Неретина мысли автора одни из равноценных в полифонии мысли. Книга Макаренко проникнута, считает Неретина, своего рода толерантностью, поскольку возражая, она ничего не навязывает. Книга заканчивается вопросом. Обращённым к читателям: Как знание может защитить личность?

Далее Неретина переходит непосредственно к идеям Петрова как источнику мысли для автора. Одной из них является мысль о менталитете. Отмечая, что Макаренко придерживается понимания менталитета как неясных и не вербализированных установок и структур сознания, Неретина обращает внимание на то, что такое понимание одно из множества, имеющихся определений. Тут вот такая ремарка, рассматривая понятие менталитета в версии Тартусской школы, Макаренко обращает внимание на то, что данное понятие у них отождествляется с культурой. Так возникает, – критикуя эту школу – порочный круг культуры предшествует менталитету, но по семиотическому определению не формируется в незаданных ментальных операциях. Непонятно что определяет культура менталитет или менталитет культуру, но я хочу сказать, что в последнее время сложился уже такой подход в рамках так называемой неклассической парадигмы исследований, в рамках которой менталитет – это совокупность и рефлексивных и не рефлексивных представлений. Когнитивный аспект ценностей, аксиологический аспект установок, когнитивный аспект, которые лежат в основе социальных практик повседневности. Вот такой конструкт, он более в науке адекватен для понимания менталитета как той структуры, которая задаёт ту или иную модель поведения и так далее. В отзыве Неретина возвращается к содержанию полемики между ней и Макаренко по поводу творчества Арона Яковлевича Гуревича. Она не согласна ни с апологией Броделя, ни с развенчанием мифа о Гуревиче, который содержится, по её мнению, в книге Макаренко. Но то, что они там содержатся – это да! Как относиться к Броделю или Гуревичу, личное дело автора, считает Неретина. Однако её позиция

по этому вопросу такова: Арон Яковлевич Гуревич никогда не выполнял соц. заказа, в чём его обвиняет Макаренко, или предполагает, что это так и было, и нет никаких оснований для подозрения Гуревича в тайных интригах. Тут она почему-то ссылается на меня, вот, то есть она пишет: возможно, – продолжает Неретина, – что как предложил Лубский, он и замалчивал бы, Гуревич замалчивал перечисленные аспекты теории Фернана Броделя по причине собственных антропологических пристрастий. Хотя слово «замалчивает», предполагает нарочитое к Гуревичу отношение, и отношение к Гуревичу это не имеет. Отвечая на некоторые упрёки Макаренко, содержащиеся в книге, Неретина подчёркивает:

Первое! Я Михаила Константиновича Петрова не прописывала не по области культурологии, не по области семиотики не по науковедению, не по каким другим дисциплинам кроме одной, собственно философии, значительнейшим персонификатором которой, является Петров. Она считает также некорректным упоминание её имени в книге наряду с теми, кто считает Петрова великим продолжателем идеи особой миссии России. Следующие идеи Петрова, которые послужили для Макаренко отправным пунктом размышлений, стали представления Петрова о научном поголовье, научно-технической революции и контрреволюции. При этом Неретина обращает внимание на то, что Геннадий Владимирович, вопрос который задал, что она не нашла последнего термина у самого Петрова, но Виктор Павлович, по-моему, отвечал на этот вопрос, поэтому я в заключении скажу, что Неретина отмечает два недостатка книги. Первый! «Мне кажется, – пишет она, – что нельзя закапывать проблему, а она весьма серьёзна, непреодоленная ментальность старых идеологий, замещение конкретных действий симулякрами этих действий, «формирование нового человека» в ситуации пустоты, массовизация разношерстности с одновременной унификацией и прочее. С помощью странных желаний видеть в чём-то действительно важным и актуальным – приспособленчество и ложь, какие-то тайные происки и заигрывание титанов мысли с властью предрешающими. Т. е. она намекает на односторонность интерпретации этой самой контрреволюционной ситуации, как попытку найти, как попытку... ну как тенденцию сервильности науки со стороны некоторых её представителей. Второй недостаток книги относится к используемому языку. «Я, – пишет она, – перечисляю несколько употреблённых в книге слов: «докторица», «госпожа профессор» – не уважительно, а язвительно-пренебрежительно, «удрученная дама», «новый запой», «помойная яма», «чистые сортиры» и так далее». Я

согласна со многими оценками, данными некоторыми участниками круглых столов и конференций, но не согласна с применением трущобного языка, он не просто снижает уровень обсуждаемых проблем, он способен позволить пренебречь ими, их не заметить, уничтожить, унижить. Между тем, люди на конференциях открыто выражали свои тревоги и боль, хотя предмет этих тревог, мог быть не менее, скажем так, странным. Однако пришли они не туда, а сюда, соответственно заслуживают уважения. В данном случае Виктор Павлович сознательно или бессознательно играет роль рупора тех леворадикальных сил, которые любили смотреть как, – она цитирует, – «Богданов сидит в луже и охорашивается» и против которых совершенно оправданно направлена его казацкая удаль. В заключении Неретина пишет, что анализ требует отстранения, взвешенного обдумывания которым обладал Михаил Константинович Петров, и уже поэтому, этот его анализ принадлежит истокам мысли. В этом смысле название книги Макаренко совершенно оправданно, ток этих истоков пронизывает книгу и даже при отсутствии изобилия цитат. Да и запал автора книг и вполне понятен. Вот, позвольте закончить на этом. Как я понял, это основные идеи её текста, текст, повторяю, большой, почти печатный лист.

Г.В.Драч: Спасибо, многие положения уже прозвучали, видите как демократично!

А.В.Лубский: Но я же не знал, о чём вы будете говорить, поэтому я выбрал из того, что мне показалось очень важным в её сообщении. Коллеги, ну я думаю, поскольку я основные идеи рассказал, Виктор Павлович, я думаю, выскажет Неретиной или лично свои соображения на счёт её замечаний, или печатно в следующих статьях, а предоставим слово...

Г.В.Драч: Но Климову обижать не надо!

А.В.Лубский: Предоставим слово уважаемому Юрию Романовичу.

Ю.Р.Тищенко: Уважаемые коллеги, я намерен остановиться на двух вопросах. Первое, это попытка оценка книги. Второй вопрос – так называемая дискуссия между Петровым и Ильенковым. Сразу поясню, что «так называемая» сигнализирует здесь о том, что ни о какой дискуссии речи не было. В дальнейшем я скажу, что имеется ввиду. Во-первых, название книги. Я думаю, что название краткое, интригующее, красивое, взрывное. Ни один читающий человек, хотя бы газеты, двадцатилетнего или выше возраста, не может пройти мимо этого названия. Потому что все мы и эти двадцатилетние привыкли, «научно-техническая революция», «научно-техническая революция»... Вдруг здесь такой пассаж. Ска-

жу, что я, когда услышал впервые название доклада, ошалел. И спрашивал у Ерыгина: Где он взял этот термин? Потому что я имел в виду текст Михаила Константиновича и в текстах, как мне казалось, термина такого не встречал. Поэтому я считаю, что книга уже с заголовка притягивает и вызывает определённую симпатию, разжигает интерес. Интрига возникает, нужно теперь внимательно читать, что же хочет сказать этим названием автор. Я, прочитав книгу, прихожу к выводу, что она заслуживает очень высокой оценки. Чтобы не быть голословным, скажу, что эта книга имеет полное право стоять в ряду целого ряда книг, написанных выдающимися авторами. С моей точки зрения, в книге Виктора Павловича даётся критика западной культуры. В том числе Россию я отношу к западной культуре. Критика капитализма, начиная с середины девятнадцатого века по сегодняшний день. Эта критика, этот ряд книг представлен, прежде всего, именами, на мой взгляд: Ницше, Маркс. Но лучше сказать Маркс, потому что, вначале Маркс, потому что когда Ницше родился, Маркс уже написал «Экономическо-философские рукописи» 1844 года. После Ницше я бы назвал Шпенглера в первую очередь и это не моя только личная точка зрения, я имею в виду не ряд, который я выстраиваю, а та оценка, которая существует в литературе, этих деятелей. После Шпенглера я назвал бы одного из выдающихся социологов, нашего..., не нашего времени, а двадцатого века, фамилию я его забыл.

В.П.Макаренко: Сорокин!

Ю.Р.Тищенко: Нет, не Сорокин! Ну, знаменитый немец!

Из зала: Вебер!

Ю.Р.Тищенко: Вебер! Макс Вебер! Потом бы я назвал имя Гуссерля, потом Хайдеггера и возможно целого ряда других. Я не хочу сказать, что книга лучше, выше...

Г.В.Драч: (Возражает неразборчиво)

Ю.Р.Тищенко: Я говорю, что существует ряд, которым обозначена самая глубокая критика существующего общества, существующей культуры. Заслуга Виктора Павловича заключается в том, что он берёт из этой глобальной проблемы один вопрос: взаимоотношение науки и власти! Сосредоточивает именно на этом вопросе своё внимание. То, что он делает в своей книге, заслуживает самой высокой оценки. Другой момент, о котором я обещал сказать. И я обратил внимание на эту сторону, потому что на двадцать седьмой странице книги, автор почему-то пишет, что трудно объяснить, почему существует, или существовало, противодействие идеям Петрова среди его философских коллег. Значит, прежде все-

го, я хочу заявить, для доказательств времени нет, но я думаю, что многие знают, о чём идёт речь. Никакого противодействия коллег по цеху в отношении Петрова не было. Речь идёт о чём, речь идёт о той критике, которая так или иначе, которая, так или иначе, осуществлялась, связанная с его повестью, художественным произведением «Экзамен не состоялся». В этой книге было два коллеги, один философ, другой литературовед, разумеется, с указанием фамилий, которые я воспроизводить не буду. Поразительно то, о чём я не могу не сказать, что в персональном деле Петрова, за что его исключили из коммунистической партии Советского Союза за написание этой книги, я не буду воспроизводить, хотя знаю почти наизусть эту формулировку, которая была дана вначале в Ейске, потом в Ростове, потом по второму кругу пошла и так далее. Я держал в руках это персональное дело и до сих пор не могу оправиться от того шока, который я получаю почти всю жизнь...

Александр Николаевич, что вы там всё время записываете?

А.Н.Ерыгин: Я всегда записываю всё что происходит.
(Неразборчивые реплики).

Г.В.Драч – А.Н.Ерыгину: Ты смотри, а то попадёшь в монографию!

А.Н.Ерыгин: Я уже попал!

А.В.Лубский: Коллеги, давайте послушаем дальше.

Ю.Р.Тищенко: Начиная с объявлений, которые были предъявлены партийной первичной организацией Ейского Лётного училища и, кончая областным комитетом, а там было ещё много инстанций до областного комитета партии, фигурировали те фразы и те формулировки, и общий дух того, что было в трёх рецензиях наших коллег. Одного из них Михаил Константинович знал лично, и в своё время это было достоянием всех и вся, но сейчас я считаю, что нет необходимости это имя называть.

И.Д.Коротец: Но он из Ростова?

Ю.Р.Тищенко: Он не только из Ростова, он из Ростовского университета.

Реплика из зала: И мы его знаем.

Ю.Р.Тищенко: И я его знаю хорошо. Так вот! Какое противостояние? Противостояние этих двух рецензентов тому, что было написано в повести, потом безграмотная интерпретация во всех инстанциях того, что было написано в этих рецензиях. А потом вердикт, что «Исключить» за написание книги, в которой то-то и то-то переписывалось из рецензий. Другой факт, когда мы имеем в виду текст и отношение к этому тексту. Это статья М.К.Петрова «Предмет и цели изучения истории философии»

в журнале «Вопросы философии». Обсуждение этой статьи состоялось на заседании учёного совета Института философии Академии Наук СССР с заголовком и докладом «Проблема историзма в историко-философском исследовании». Я (вместе с В.Н.Дубровиным) специально на эту тему писал предисловие к одной из книг Михаила Константиновича. А вот он самостоятельно писал статью на эту же тему, которая была опубликована в так называемых голубых книжках под редакцией А.Н.Ерыгина. Я не имею сейчас возможности воспроизводить интересные моменты, факты, к которым я пришел, читая потом через месяц-два великолепную статью, иначе и не назовёшь. Это не просто была информашка – это была большая статья, написанная Ц.Г.Арзаканянцем, зав.отделом истории философии журнала «Вопросы философии». Во всяком случае, наши студенты должны знать эту фамилию. Он воспроизвёл от начала до конца всё то, что происходило. Выступало десять или девять человек. Все выступления были аккуратно поданы. Из них два человека выступали, это Субботин – известный историк философии, и известный всем, не только в философских кругах, Мераб Мамардашвили. Они очень жёстко отозвались о проходящей дискуссии, участниками которой были. Мамардашвили сказал, что вместо того, чтобы заниматься серьёзными вопросами, которые поставлены в статье Петрова, выступающие здесь коллеги ограничиваются навешиванием ярлыков и оценок ему и своим коллегам. Субботин сказал, что то, что происходит на моих глазах, вообще ни на что не похоже, это не соответствует никакой самой элементарной логике, потому что обсуждается не положения статьи Петрова, а те интерпретации этих положений и те выдумки, которые принадлежат выступающим, которые они обнародуют, а потом начинают критиковать. Всё это в журнале написано, в № 9 за 1969 год. К сожалению, у меня его украли, я отдал одному своему бывшему студенту, который написал великолепную статью в «Комсомольскую правду» о Петрове. Потом кинулся, но было уже поздно, – все документы, которые он брал, он не отдал. Видите, как относились коллеги? Очевидно, любому читающему не нужно знать Петрова, но нужно знать дух эпохи. Для этого нужно внимательно читать статью. Все эти выступления на совете в Институте философии против Петрова инспирированы, это совершенно очевидно. Прежде всего, там демонстрировался один тезис в качестве жупела, который, правда, Петрову не принадлежит и который Петров подвергал в своё время критике в одной из больших фундаментальных статей. Его обвиняли, ни больше ни меньше, в «европоцентризме». Это было абсолютно придуманное ос-

нование, которое эта семёрка приводила. Вот, собственно, отношение философского сообщества. А дальше начинается самое главное. Давайте назовём друзей Петрова, как к нему относились. Великолпно относились! Это, прежде всего Ильенков, Мотрошилова, Швырёв, Замошкин, оба брата Юдины, один сейчас член-корреспондент академии наук России, Блауберг, масса других людей. Я назвал только друзей, а сколько было знакомых! Я в своё время на дне рождения повесил на доске его кабинета таблицу, где перечислено, кто здесь бывал, лично я насчитал больше двадцати человек, из них не меньше двадцати или пятнадцати это известные в философии и выдающиеся люди. Так что коль у вас сомнения в том, что фраза, которая звучит у автора на двадцать седьмой странице, что: «Трудно объяснить неприятие идей Петрова со стороны его коллег», – я думаю или я чего-то не понял или автор говорит не о том, о чём я сейчас говорю. Здесь какая-то подмена происходит. Я исхожу из того, что коллеги в целом к нему относились очень хорошо. Не буду дальше распространяться на эту тему, перейду сразу к так называемому спору! Пометы на полях, как бы их не называли, воспроизведены редактором книги и издателем СС.Неретиной. Прочитав эти ремарки, добросовестному читателю, даже философски образованному, имеющему соответствующую квалификацию, в виде кандидатской, докторской или академической степени... если эти люди, ссылаясь только на своё знание или на своё понимание, будут утверждать, что здесь есть спор, не правы. Они заблуждаются. Они заблуждаются потому, что не знают: никакого спора не было! Был один-единственный спор между Ильенковым и Петровым. Когда глухих детей научили говорить, а трое-четверо из них стали докторами психологических и философских наук. С этими ребятами он приезжал в Ростов. Ильенков их показывал, демонстрировал. Многие из наших бывших студентов, которые в Москве, поддерживают с ними отношения. Кстати говоря, у нас много студентов философского факультета, которые работают в Москве, которые занимают там не последнее место. Входят в редколлегии журнала, например, «Логоса». Многие знают ростовчан – это высокий статус философского факультета. Так вот, один единственный спор, он происходил не публично, он происходил всегда приватно. Он происходил в квартире Петрова или в Алма-Ате, когда я, при мне, во всяком случае, два, три или четыре раза. Речь шла о том, что Петров очень снисходительно, шуточно и вместе с тем едко говорил: «Да что, ну научил ты, ну, будут маленькие Ильенковы, вот ты был у нас один Эвальд, а они целое племя, весь детский сад – это маленькие Эвальды бу-

дут! Почему!/? Потому что нельзя вырастить самостоятельного человека. Нельзя добиться каких-то глубоких знаний в познании окружающего мира, без чувственной эмпирической стороны познания и дела. А ты что утверждаешь!/? Ты как был гегельянцем, так им и остался. Вот, ты закопал жёлудь, вырос дуб. Так и ты здесь думаешь, что это новые культурные сверхобразованные самостоятельные люди. Они новые культурные, но ничего самостоятельного они сделать не смогут!» Вот об этом был спор. А всё другое – это не спор. Чтобы не называть вещи своими именами, потому что не всегда это приятное занятие, тем более что тебя могут, в значительной мере, всё ещё не справедливо рассудить. Но для оценки существующего положения, связанного с этими пометами на полях, я воспроизведу выступление, которое в письменной форме до меня известно в разных местах. Во-первых, в одной из книг, ну в общем две книги, есть Феликс Трофимович Михайлов. Великолпный философ, он, к сожалению сейчас умер. Это друг Эвальда Ильенкова, настоящий друг. Это очень близкий Михаилу Константиновичу человек. Я воспроизведу в двух, трёх словах его воспоминания, которые имеют отношение к этому делу, о котором я сейчас говорю. Из воспоминаний, вы понимаете, я о них говорить не буду, я коснусь только того эпизода, который нам в данном случае интересен. Михайлов говорит: «Речь идёт о нашем авторе, – здесь замечает, – фамилию я называть не буду, это талантливейший человек, его все знают, – в скобках, – не просто талантливейший – это гений! И я его тоже люблю, я им восхищаюсь». И это старый, действительно надёжный друг Петрова. А сейчас я хочу рассказать вам, что вот опубликовано Неретиной, даётся оценка развёрнутая. Примечание на пол страницы. Я тоже воспроизводить это не буду, потому что это было бы не только не уместно, но и смешно. Вот он оценил высоко Петрова, потом сообщает читателям о том, что Ильенков, Петров, Арсеньев и он – Михайлов. Вначале на квартире Михайлова, потом на квартире Арсеньева, обсуждали статью Петрова, которая опубликована как «Искусство и наука». Насколько я понял, уже тогда были соответствующие пометки. По отдельным репликам можно понять. И что же из этого получается? Как оценивает Михайлов эти пометы со стороны Ильенкова? Он говорит, что он был глубоко потрясён тем, что Ильенков употребляет такие выражения, которые были бы уместны не ему, а представителям официоза философского, или какого-то там партократа, представляющего марксизм-ленинизм. Заранее говорю, что он потом находит ход, когда он пытается в прежней ситуации защитить Ильенкова, если не защитить, то объяснить,

почему Ильенков дожил до жизни такой. Он говорит о замечаниях, которые были сделаны во время этого обсуждения. Он заявляет о том, что всё, что было сделано устно, полностью соответствует тому, что было написано на полях. Он говорит, что Петров реагировал очень сдержанно, отвечал иногда короткой репликой или взглядом и вёл себя очень сдержанно. Потом, через один или два абзаца, я, конечно, мог что-то упустить. Кому интересно, можете сами прочитать. Он говорит о другой ситуации, которая произошла несколько позже. Я думаю, что философская публика, которая присутствует здесь, во всяком случае, знает, что Ильенков незадолго до смерти написал брошюру, посвящённую материализму и эмпириокритицизму Владимира Ильича Ленина. В тот период оттепели, второй или третьей, с моей точки зрения, это уже была такая ситуация, которая с точки зрения профессионала была невозможна! Потому что Ленина как тогда, так и сейчас, или как сейчас, так и тогда уже, за философа никто, во всяком случае, всерьёз не считал. И вдруг Ильенков пишет! Это удивило многих. Я не знал, как там относится к этому Михайлов, как относится третий, четвёртый, пятый. Я просто взял в руки книгу, потом оказалось, что моё впечатление от этой книги совпадает с теми отрицательными отзывами, которые, наконец, дошли из Москвы, передаваемые изустно. О чём рассказывает Михайлов? Он говорит, что он пришёл к Эвальду, Эвальд был очень в плохом состоянии. Михайлов спрашивает, в чём дело. Да вот, - говорит, - были у меня сейчас двое. Называет фамилии. Михайлов фамилии не приводит. Но замечает, что один настоящий друг, которого Эвальд ценил и любил, а другой лишь демонстрировал, что он друг. Здесь идут интересные вещи. Ильенков воспроизводит, что они подвергли критике его книгу, не оставив камня на камне, причём они прямо сказали, что эта книга, по существу, написана для того чтобы избежать репрессий, что она носит откровенно характер мимикрии, употреблялись ещё какие-то подобные выражения слова. И Ильенков с горечью говорит: «Неужели это действительно так, неужели книга воспринимается так, что я пытаюсь уйти от репрессий, возможных репрессий, написал эту книгу?». Вот так эпизодами, я полностью не могу воспроизвести. Моя цель была только одна, выразить свою точку зрения, что никакого действительного неприятия со стороны философов профессионалов или любителей, по отношению к Петрову не было. Его чуть ли ни на руках носили, его любили, но не за книги, которых не было. Петров ездил на все конференции, он участвовал в семинарах, специально ездил на все семинары, которые были в институте философии, в инсти-

туте психологии, в других институтах. Его вся публика знала. Сейчас появляются воспоминания, где говорят о Петрове в восторженных тонах, что он был кумиром, с любовью к нему относились. Так что профессионалы воспринимали как новью, тогда не знали как пишущего автора, но его знали как трибуна, который выступал на многих конференциях. Я не буду распространяться, потому что чувствую, что и так уже заговорился, скажу в заключении об одном, о чём мне кажется не сказать нельзя. Мы сегодня, и не только мы, здесь сидящие, я уверен, что большая часть здесь сидящих, если не все, очень критически относимся к современному политическому положению в стране, какую бы позицию не занимали. Мы достаточно критически относимся к тому политическому режиму, который пришёл на смену советскому режиму. Одни критикуют. Другие относятся терпимо, одни защищают, третьи вообще эту тему не поднимают. Но я скажу, здесь и сейчас, что есть одно, абсолютно неоспоримое преимущество сегодняшнего режима. Вот почему? Потому что наш автор здесь и сейчас находится с нами. При советском режиме, не только бы этой книги не вышло, но и Макаренко бы не было бы уже, гарантирую вам, на свете, не то что сослали бы, а по дороге убили бы или в каком-нибудь изоляторе избили бы до полусмерти. На этом я закончу.

А.В.Лубский: Спасибо!

Н.Е.Ерохин: Надо же посмотреть, какова будет ситуация через полгода. (Смех)

А.В.Лубский: Коллеги, я думаю, что было очень познавательно ваше выступление. В социологии есть такой метод, называется метод включённого наблюдения, который позволяет получить хоть и субъективную, но очень ценную уникальную информацию. То есть эта информация для размышления представляет большую ценность. Вот, это первое. Ну, коллеги, я понимаю, что вас уже настигла интеллектуальная усталость, но было бы не совсем правильно не дать возможность выступить и другим товарищам. Но мы их чуть-чуть ограничим во времени. Я хочу предоставить слово профессору Александру Михайловичу Старостину. Пожалуйста.

Г.В.Драч: А там же ещё был отзыв Поруса?

А.В.Лубский: Коллеги, я думаю, что если кто хочет ознакомиться, потом можете ознакомиться.

А.М.Старостин: Уважаемые коллеги, постараюсь быть кратким, ограничусь замечками, не претендуя на связность, целостность. Книга очень интересная, остроактуальная. Причина актуальности – кризис общества, кризис современной науки, неясность будущих стратегий. В то

же время запрос на выход из кризиса адресуется в область науки и техники. В этой ситуации у нас нет развитой целостной концепции науки, научно-технического прогресса. Их много, и мы видим, что в развитых странах мира опора производится на тот или иной прикладной аспект науки. Эта ситуация говорит, что без хорошей теории хорошей практики не получится. Автор попытался объединить существующие подходы в новую категорию. Правда, логической проработки ещё не получилась, в большей мере метафорическая. Но суть некоторых процессов книга отражает. В последние 30-40 лет в области науки, в связи с развитием промышленности, техники происходит ряд интересных вещей. Например, чем объяснить, что в 1960-70-е гг. 80% государственных ассигнований на науку, вложения в кадры, в экспериментальные, фундаментальные исследования, шло по области физики, химии, астрономии, космических исследований, а на остальное 20%, а сейчас наоборот: в традиционные области идет 20% ассигнований и подготовки кадров, а лидируют так называемая группа НБИКС технологий. Нано, био, информационные, когнитивные...

Г.В.Драч (перебивает): Политология хорошо проплачивается.

А.М.Старостин: Ну, это последняя буква – статья на гуманитарные науки.

В.П.Макаренко: Проплачивается только сервильная политология, Гена...

А.М.Старостин: Этот, как бы феномен, на наших глазах одного поколения это смещение произошло, он объясняется естественными только причинами, или факторами о которых пишет наш автор. Почему произошла смена такого лага, достаточно резкая? Я изучал и защищался в области больших научных проектов, космических исследований. Ну и в 70-е – 80-е годы, когда выступали люди из этой системы и говорили, что погодите, через десяток – полтора лет наука резко изменит свой лаг. От экспансивного курса она сменит своё развитие на интенсивный курс. От внимания к проблемам мегамира, микромира на проблемы человека. Это случилось. И второй пример – крах советской науки. Почему? Здесь цитировали Петрова о том, что он сетовал: недостаточно производительна, резко уступает американской. Огромный комплекс! Но теперь мы уступаем во многие разы. И наука как бы и не нужна!? Тем не менее, какие-то сумасшедшие деньги выделяются на её развитие. Корпоративной науки у нас не сложилось, вузовская наука пока в зачаточном состоянии, академическая наука поддерживается как бы так себе и от прежней науки оста-

лось четверть. Этот феномен с чем связан? С контрреволюцией научно-технической или с какими-то другими факторами? Читая книгу Виктора Павловича Макаренко, а чтение для меня было достаточно сложным по двум основаниям. Первое основание – с моей точки зрения она достаточно оценочная, моя позиция отличается от неё. Поэтому внутреннее сопротивление, оно составляло внутренний протест, но потом я думаю, я несколько смещу этот лаг, почитаю, что думает Виктор Павлович. А вторая трудность была связана с тем, что Виктор Павлович взял определённый ракурс рассмотрения, я ему задавал уже вопрос о новом образе науки, о целостном образе науки, вот это несколько сбивает, когда мы говорим о научно-технической революции, не говорим ни слова о когнитивной составляющей. Об идеях, которые есть в физике и составляют все эти революции, в биологии, или в информатике, проблемах искусственного интеллекта. То есть мы как бы это отодвигаем, а рассматриваем некий больше тот контекст, в который погружена, тот питательный бульон, в который погружена собственно наука, наверно автор имеет вот такое аналитическое членение и считает, что именно в этом звене происходят наиболее такие, болевые вещи, да? Даже когда национальный вопрос, он что индикатор или суть этих конфликтов, так может быть и здесь происходит? Ещё замечание. Есть книги, которые дают новое знание, есть книги, которые открывают новые проблемы, так сказать два аспекта науки. Производство проблем и производство знаний. Я думаю, что это скорее производство проблем. То есть меня, по крайней мере, она заставила обратить внимание, кое-что вспомнить, которая, насколько я понимаю, в нашей практике не работает, ну и никто и не обращает внимания, работает она или не работает. Обращаются к каким-то таким скорее прикладным, более административным вещам в области стратегии развития науки и научного знания, нежели к существу дела. А идейная основа петровской концепции достаточно богата, не знаю, насколько она впишется в современную научную лексику, понятийный строй, но помимо этого есть же, собственно говоря (неразборчиво). В этом я вижу ценность данного исследования. Ну, вот собственно говоря, я хочу поздравить автора с тем, что ему удалось не в виде какого-то набора статей, а выставить в виде достаточно целостного исследования по теме научно-техническая контрреволюция, вбросить термин, который будоражит и провоцирует на определённые вещи. Хотя наверно интересно послушать тех людей, которые, собственно говоря, хорошо знали Петрова, хорошо знали вот некую эту кухню, я бы сказал, здесь присутствуют несколько представи-

телей, о способе науковедческой школы, которую, наверно тоже нужно об этом написать в книге. Люди уходят, знания в этой области, которое когда-то было пионерским и шло на одном уровне с тем, что делалось в Европе и в США, оно куда-то отстывает. Мне кажется, что важно, нам важны пророки в своём отечестве! Их слишком мало! Того не было, этого не было! Не важно, называем ли мы петрова философом, науковедом или ещё как-то, может он лингвист гениальный, может он художник, как говорить пусть и не непревзойдённый, но значительный, но это целостная личность. Потому такие пророки нужны нашей практике. Это ещё один аспект, попытка дать свою наверно, своё видение, реконструкцию этого идейного наследия, обратить внимание на одну из научных школ, которые были, надеюсь и остались. Спасибо.

Л.Г.Берлявский: Коллеги, позвольте несколько слов, чтобы не повторяться. Я согласен полностью с предыдущими выступающими, что жанр книги своеобразный, это поисковая, несколько провокативная книга, в хорошем смысле слова. Она ставит проблему, даже больше ставит, чем её решает, и это тоже правильно, это тоже необходимо. Актуальность не вызывает сомнений. Как недавно сказал академик Дынкин, по-моему, директор Института мировой экономики: Пять научных революций, научно-технических прошли мимо нас. Вот первая (показывает мобильный телефон). В строительстве вторая, третья в автомобилестроении, и ещё две. Поэтому те проблемы, которые ставит Виктор Павлович, они необычайно актуальны, хотя мне, например, показалось, что главная тема книги всё-таки, то, что сказал нам сегодня, это анализ форм подавления мысли. В большей степени вот этот контрреволюционный аспект, пока только заявлен, до конца не всегда он ясен. Например, автор пишет, что надо бы рассмотреть уголовную историю советской науки как пример научно-технической революции, на странице 162-й. Вот эти элементы концепции разбросаны по всему тексту. Не всегда ясно можно уловить смысл. Не всегда ясно. Собственно говоря, в центре внимания автора роль государства в организации науки. То о чём писал Лорен Грэхем в своей статье «Устойчива ли наука к стрессу», и другие науковеды. И это очень интересно, и автор приводит несколько моделей, которые продуктивны для мышления. Например, модель отношения между культурой, философией и политикой, которая сложилась в 20-х -30-х годов. Модель взаимодействия учёного и власти, вот тут я вам напомню, как в этих стенах у нас была хорошая дискуссия на тему «Учёный и власть» с Колчинским Эдуардом Израилевичем. И, благодаря Виктору Павловичу, мы

обсуждаем эти проблемы. Обсуждаем эти проблемы! Не во всём могу согласиться с его определением современной науки как воплощения английского колониального имперского подхода, французского революционно-бюрократического, и российского самодержавно-бюрократического. Такое определение автор даёт на странице 148-й. Мне кажется, это слишком механистическое сведение всех этих черт. Кстати черты были обоснованы Колчинским и в большей степени они как метафоры звучат. Есть американский вариант развития науки и германский вариант, они отличаются от этих. Ну и одно пожелание Виктору Павловичу, если он только согласится, может не соглашаться, это его дело как автора. Часто трудно читать первый раздел, вот этот реферативно-текстуальный пласт, о котором вы пишете, такие очень серьёзные экскурсы, но не всегда, мне кажется, они по теме. Например, критика генерала Николаева и его работы 98-го года. Мне кажется, как римляне говорили «орёл не ловит мух». Генерал Николаев и его книга 98-го года это не актуально и, по-моему, всё это уже не то! Школа Анналов представляет определённый интерес, Бродель, вы нам рассказали почему. Стоит ли уделять ей такое колоссальное место? Не знаю. Тем более что этими проблемами. Она, на мой взгляд, совершенно не занималась.

В.П.Макаренко: Кто?

Л.Г.Берлявский: Школа Анналов

В.П.Макаренко: Какими?

Л.Г.Берлявский: Научно-технической контрреволюцией.

В.П.Макаренко: А, понятно!

Л.Г.Берлявский: В большей степени эта школа Анналов интересует философов. Историки к ней относятся как к одной из школ. Есть одна из школ, издают они этот журнал с 30-х годов. У них, кстати, и другие школы есть, пять – шесть школ сложились. Вот это в плане пожелания. В целом, в хорошем плане провокативная книга, которая заставляет мыслить, и мы с вами здесь вот участвуем в этом процессе рождения мысли, по поводу того, что нам сказал автор. Так что спасибо ему!

А.В.Лубский: Спасибо вам! Коллеги, профессор Берлявский, кто не знает, один из специалистов по истории науки в СССР. У него докторская диссертация была посвящена этой теме.

Л.Г.Берлявский: Да, это мой уважаемый рецензент в журнале «Клио» Анатолий Владимирович.

В.П.Макаренко: Так, коллеги...

А.В.Лубский: Так, Николай Ефимович, взгляд...

Н.Е.Ерохин: Я человек впечатлительный, и поэтому записал то, что хотел сказать, до того как услышал блистательные речи своих блистательных коллег. Поэтому я в течение двух минут прочту то, с чем я сюда, Виктор Павлович, шёл.

Г.В.Драч: В стихах?

Н.Е.Ерохин: А?

Г.В.Драч: Николай Ефимович, вы обычно в стихах излагаете.

Н.Е.Ерохин: Нет! В этот раз нет. Но это близко. Это поэзия тоже. Я когда беру книгу, любую книгу Виктора Павловича, во мне сразу возникает такой мотивчик: «Настоящих буйных мало, вот и нету вожаков».

(Смех)

В.П.Макаренко: Не понял!

Реплики из зала: Это Высоцкий.

В.П.Макаренко: А! Понятно!

Н.Е.Ерохин: Так вот! В чём я убеждён. Я убеждён, что у книги два героя. Петров – философ и Макаренко – автор. Я согласен с Александром Николаевичем, что одна четвёртая Петрова и три четверти автора, но это, как говорится, их дела. Но оба они, и Петров, как я понял по Юрия Романовича выступлению блистательному, и как я понимаю Виктора Павловича, оба они из отряда прямо ходящих прямо глядящих прямо говорящих.

В.П.Макаренко: Приматов!?

Г.В.Драч: Буйных!

Н.Е.Ерохин: Но все замечания, которые я сегодня услышал, это всё следствие величайшего дикого темперамента, который живёт в Викторе Павловиче, как в учёном и как в публицисте. В нём публицист и аналитик в нерасторжимой связи находятся. Он просто вибрирует нежностью, когда говорит о Неретиной. (Дальше неразборчиво) Или позиция где Виктор Павлович держит в руках холодный скальпель аналитика. Когда там бомбы, Холловэй, когда ноосфера Вернадского. Или я встречаюсь с сарказмом публициста, когда он уделал, другого слова не скажешь, Запесоцкого.

Ю.Р.Тищенко: О! Это классика!

Г.В.Драч: Ничего, Запесоцкий ему этого не простит.

Н.Е.Ерохин: На этом ставлю я точку, чтобы сказать, моя точка зрения, Виктор Павлович, ты написал изумительные по научным и по гражданским позициям предисловие и послесловие. Они сами по себе само-достаточные и прекрасные, и литературные и публицистические вещи.

Поэтому я завершаю своё выступление кратким, очень личным признанием. Бог даст, я в этом году закончу свою большую книгу, называется она «В окрестностях последнего одиночества». Наши пути с Виктором Павловичем пересекаются последний год достаточно плотно. И, Виктор Павлович, буду просить твоего согласия на написание предисловия к моей новой книге, буду счастлив, спасибо тебе.

В.П.Макаренко: Хм, спасибо!

А.В.Лубский: Так, коллеги, есть ещё желающие выступить? Ну, я думаю что нет! Тогда мы будем подводить итоги. Ну что, коллеги, я думаю, что обсуждение книги Виктора Павловича Макаренко держало нас в том интеллектуальном тоне, который порождал мысли. Вот, это первое! Второе, что, слава богу, что не удалось присвоить наследие Михаила Константиновича Петрова никому из присутствующих в этом зале, это тоже благо...

И.Д.Коротец: Разделили поровну.

А.В.Лубский: Не, присвоить, я говорю не делить, а присвоить. И третье, что вот мой друг Николай Ефимович сказал, побольше бы хороших книг, да, и разных...

Г.В.Драч: И четвёртое, я бы не сказал, что это Хайдеггер или Гуссерль, но наш русский, российский Мишель Фуко, я бы соотнёс, действительно, вот как Мишель Фуко...

(Поднялся шум)

В.П.Макаренко: Надо заканчивать...

А.В.Лубский: В общем, они пришли к консенсусу, что Виктор Павлович глубоко копает.... Теперь я, поскольку складываю с себя полномочия, хочу предоставить слово Виктору Павловичу, чтобы он выразил вам свою признательность.

В.П.Макаренко: И на этом закончим?

А.В.Лубский: Да!

В.П.Макаренко: Ну хорошо! Председатель навязывает мне способ.... Я хотел прореагировать на то, что Юрий Романович говорил и другие коллеги, но, к сожалению.... Не буду, ладно, на потом.... Несколько технических объявлений сделаю. Так, первое, кто не успел выступить, пожалуйста, присылайте мне по электронной почте свои выступления, всё это будет опубликовано.

Г.В.Драч: А ты нас не записывал?

Н.В.Лубский: Записывается, всё записывается.

В.П.Макаренко: Стенограмму! Мы всё опубликуем. Но может быть, кто-то постеснялся выступить, а есть у него что сказать, присылайте, всё дельное, и даже может быть не очень, всё будет опубликовано.

Г.В.Драч: А ты не сможешь мне прислать моё выступление, я корявости уберу

А.Н.Ерыгин: Испугался!? (Смеётся)

А.В.Лубский: Потом мы чуть-чуть подправим. (Смеётся)

В.П.Макаренко: Опять сбил! Разрешите мне всё ж таки высказаться! После того как стенограмма будет расшифрована, ясное дело согласование, это же элементарное требование и так далее. Раз! Теперь такое объявление, ещё раз повторяю, студенты может быть, другие коллеги стеснялись и так далее высказаться, пожалуйста, присылайте всё, относящееся к предмету обсуждения, будет опубликовано. Раз! Это первое! Второе. По содержанию я вынужден извиниться, Юрий Романович очень интересную тему затронул. У меня есть, что тут сказать и так далее. Но говорить сейчас об этом не буду. В таком случае, объявление, ещё одно. Имейте ввиду, запишите себе, что Центр наш политической концептологии нашего университета, при участии Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук, МГИМО МИД РФ, Российской Федерации, научно-исследовательского университета «Высшей школы экономики», совместно с рядом наших местных ростовских структур проводят всероссийскую конференцию с международным участием «Русская власть и бюрократическое государство». Кто желает участвовать, пожалуйста, вступайте в контакт с нами, с институтом. 26-го -28-го марта в этой библиотеке состоится, очень интересные люди, начиная с академика Пивоварова и заканчивая рядом других интересных людей. Пожалуйста, вступайте в контакт. И тоже научный такой форум, ну для России, я думаю, потолок.

Г.В.Драч: Это тот Пивоваров, который призывал Россию встать на колени и покаяться?

В.П.Макаренко: Это дело хозяйское, кто верит в это, может каяться. А иные и нераскаянными помирают. Это дело хозяйское. Это свобода совести...

Н.Е.Ерохин: Виктор Павлович, когда ты болезненно реагировал на критические стрелы – я напомню тебе исторический факт. Лев Николаевич Толстой и его роман «Воскресенье» был подвергнут уничтожающей критике. Не так сцена поставлена, не так поиск идёт *(шум в зале)*

Г.В.Драч: Так вы хотите сказать, это ещё и наш Толстой?

Н.Е.Ерохин: *(Обращается к Г.В.Драчу)* Подожди! Ему задают вопросы, а он соглашается. А образ Анны Каренины с кого писали? Он говорит, с себя. Согласны. Но тогда надо написать новый роман.

В.П.Макаренко: Опять сбиваешь меня с толку. Здесь меня сравнивают с Мишелем Фуко. К сожалению, я не гомосексуалист...

А.Н.Ерыгин: Ни в коем случае! *(шум и неразборчивые реплики)*

В.П.Макаренко: А ты меня сравниваешь с Толстым!? Кому же поверить? *(В зале смех)* В таком случае, разрешите мне сердечно поблагодарить всех присутствующих. А председателя особо поблагодарить. До свидания. *(Звучат аплодисменты)*.

РУССКАЯ ВЛАСТЬ И БЮРОКРАТИЧЕСКОЕ ГОСУДАРСТВО
(СТЕНОГРАММА РОССИЙСКО-УКРАИНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ, 26–27 МАРТА 2012 Г.)

В.П.Макаренко: Дорогие коллеги, разрешите открыть очередную российско-украинскую конференцию: «Русская власть и бюрократическое государство». Ее проводит Центр политической концептологии Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем Южного федерального университета совместно с Центром руссиеведения Института научной информации по общественным наукам РАН и клубом «Интеллектуальный Ростов». Есть множество поводов для дискуссии по обозначенной теме. Поприветствуем друг друга и представимся слушателям.

Ю.С.Пивоваров: Я буду краток, чтобы подольше поработать. Должен сказать, что все приглашенные участники всегда рады сюда приезжать. Мы здесь второй раз. В первый раз дискуссия была очень интересная, жесткая, умная, по-настоящему научная. Я рад, что наше сотрудничество реальное, а не на словах. Мы привезли уже подписанное положение о создании совместной лаборатории руссиеведения Южного федерального университета и Института научной информации по общественным наукам РАН. Это идея Виктора Павловича. Мы идем в хвосте за ним, и волна несёт нас. Надеюсь, работа приобретёт практические черты. Что касается наших конференций, то был русский философ Розанов. И он, кокетничая, говорил: «Может я не талантлив, но тема моя гениальна». Он был гений. Я думаю, тема нашей конференции предельно важная. Докладчики, в том числе и я, попытаются показать, насколько это сейчас актуально. Понятно, что человек моей специальности – историко-политологической – считает, что тема власти центральна. Кто-то считает по-другому. Но я буду настаивать, что проблема государства и власти является центральной, и здесь упомяну В.И.Ленина. Причем, мы собираемся поговорить о не о власти вообще, а о русской власти, в её сравнении с феноменами других стран. Спасибо!

А.Г.Дружинин: Уважаемые коллеги, прежде всего хочу поблагодарить Юрия Сергеевича за создание совместной лаборатории. Год мы обсуждали эту тему. Данная конференция – большой проект уже в рамках лаборатории. Это важно и ценно. В зале присутствует много молодых коллег, и я обращаюсь к ним. Вам довелось учиться, а нам работать в одном из лучших университетов России. В этом университете сложи-

лась и успешно действует одна из крупных, уважаемых и в России и за рубежом, научных школ в области социально-экономических и гуманитарных наук. Ее возглавляет профессор Макаренко. Работу, плодотворность и активность этой школы мы наблюдаем, в том числе в формате данной встречи. Для нас важна также тема конференции и объединение в ее рамках научного потенциала Москвы и Украины. Если смотреть с точки зрения численности исследователей, то в Москве сосредоточена примерно треть, а по качеству около половины того, что есть в России. Второй момент – это связь наша с Украиной. При всех экономических трендах и политических веяниях Украина – наш братский народ. В Ростове мы должны это понимать и рассматривать как безусловный геополитический и стратегический приоритет. Спасибо нашим украинским коллегам, которые приезжают к нам! Мы с удовольствием с ними общаемся, всегда рады поддерживать с ними связь.

Тематика конференции крайне актуальна. Я спросил у Виктора Павловича, как он понимает термин «Русская власть». Мне приятно, что его и мое понимание совпадают. Речь идет о власти, которая существует в конкретном территориальном, социально-экономическом контексте России. Именно поэтому она называется Русская. Её состояние и перспективы неразрывно связаны со всем, что происходит на территории нашей Родины. В последних книгах всё чаще говорят о кризисе власти. Эта тема на конференции тоже звучит. Наша страна находится в системном кризисе, несмотря на обнадеживающие показатели статистики. Население России за 20 лет сократилось на 4,5 млн. людей. Это с учётом 14 млн. миграции в Россию. Перспективы сложны. В экономике мы много вывозим, экспорт растёт. Но две трети экспорта – это сырьё, нефть и газ. Если же посмотреть на передовые отрасли экономики, то Россия – это 2% мирового населения, на которое приходится 0,9% обрабатывающей промышленности и 0,4% продукции высокотехнологичной промышленности. Россия – сырьевая страна. Это огромный вызов перед обществом и Русской властью, о которой пойдёт речь. Коллеги, я хотел бы пожелать вам интересных идей и увлекательного обсуждения. В аудитории много молодёжи. Поэтому я хочу сказать: будущее зависит от нас и от вас. Не торопитесь покидать эту страну. Она достойна того, чтобы в ней жить и работать. Это наша с вами страна. И она будет такой, какой мы с вами её сделаем.

В.Н.Ткаченко: Здравствуйте! Я очень рад, что судьба так сложилась, что наша дружба с Виктором Павловичем Макаренко продолжается уже

30 лет. И у меня есть возможность через него и через Ваш центр общаться с ведущими научными сотрудниками Москвы. Мы уже встречались с Юрием Сергеевичем и с Ириной Игоревной. Мне очень важна такая мозговая атака, творческий обмен мнениями. Лет 15 мне пришлось работать в бюрократическом аппарате. Там интеллектуально деградируешь. Когда опять пришлось вернуться в науку, то надо было приобретать форму. Кажется, понемногу это удаётся. Общаясь на таком уровне с такими интересными людьми, надо подтягиваться. Это один, чисто личный момент. Другой момент – уже общественный.

Я помню, как ещё в СССР, по линии общественнознания мы выезжали в провинцию читать лекции. И пришла из одного села жалоба на лектора: после его лекции люди побежали в магазин, начали раскупать спички, соль и мыло. А тема лекции была «Борьба Советского Союза за мир во всём мире». Коллеги уже обратили на это внимание. Я тоже хочу сказать, что тема нашей конференции обязывает к деликатности ту и другую сторону. Меня беспокоит гражданское общество в России и на Украине. Как они настроены на диалог, на взаимопонимание? На Украине держится стабильно хорошее отношение к России на уровне 88-90%. В России похуже, хотя уже полегче. Но 25% относятся к Украине плохо или очень плохо, а 65% нормально или более-менее нормально. Здесь я сошлюсь на центр Левады. 33% россиян желают, чтобы Украина находилась под экономическим и политическим контролем России, 53% хотят, чтобы Украина была независимым государством, и 15 затрудняются ответить. Я считаю, что цифры нормальные. Как же настроены украинцы? 67% полагают, что Украина должна быть независимой, а 16% считают, что Украина и Россия должна быть единым государством. Это вполне хорошие цифры, и не сильно отличаются от той идентичности, которая имела место в Советском Союзе, где меньшинство относилось к себе именно к советским гражданам. Поэтому я думаю, что здесь всё нормально. На вопрос, куда смотрят украинцы, отвечали тоже по разному. Естественно, западные украинцы смотрят на Запад, восточные украинцы смотрят на Восток. 74% ориентируется на Европу, Донбасс (а это 26%) ориентируется на Россию. Но если мы возьмём молодёжь Донбасса, то 51% ориентируется на Европейский Союз. А в целом на Европу ориентируются более 40%, а против 34% и 20% воздерживается. Но это всё понятно, а вот Крым, который «незаконно отдан» и только спит и видит, как бы перебежать к России, там всё не так просто. Более 71% крымчан выступит за независимую Украину, как это бы не показалось несоответ-

ствующим действительности. Т. е. это желание зависит от реального материального состояния человека.

Я думаю, будет полезно, если после нашей встречи, хоть на региональном уровне, процент лучшего отношения друг к другу хоть немного увеличится. Во всяком случае, каждый из нас будет знать, что греха на душе нет и мы работаем на благо наших двух стран.

В.П.Макаренко: В завершение приветственной части хочу высказать публичную благодарность супруге, профессору Татьяне Александровне Марченко. Она поддерживает все наши акции и в крутую минуту всегда готова подставить плечо. Тата, тебе огромное спасибо!

Разрешите перейти к повестке дня.

Ю.С. Пивоваров. *Русское государство и русская политика в XX-ом – XXI-ом веке: причины и содержание современного кризиса.*

Что такое русская власть, как мы её понимаем? Здесь говорили, как русские и украинцы друг к другу относятся. Немного неловко, если так много русских плохо к украинцам относятся. Я думаю, это не так, это социологическая ошибка. В России любят Украину, и наоборот. На Украине нет русской власти, там другая власть. В одном из прекрасных мест Киева – одного из красивейших городов мира – есть памятник Магдебургскому праву. Что это за право? Это право самоуправления городов в Центральной и Восточной Европе. Это европейское право, оно было в Польше, в Германии, в Белоруссии. А в Москве, в центре, на Красной площади стоит Лобное место. В Киеве памятник Магдебургскому праву, а в Москве Лобное место. Все знают, что такое Лобное место?

В.П.Макаренко: Там головы секли...

Ю.С.Пивоваров: Там ещё глашали всякие указы и приказы, но и головы тоже рубили. Возможно, это сравнение дешёвое, но по существу оно очень важное. Когда я оперирую термином «русская власть», я имею в виду ту власть, которая сформировалась в Восточной Руси, во многом под влиянием Золотой Орды, чего на Украине не было. Малороссийская история, как сама по себе, так и в рамках Российской Империи, иная. Но вернёмся к нашей теме. Я буду говорить о русском государстве, русской власти и русской политике в начале XXI-ого века, т. е. сейчас.

Осенью 2011 года и в начале 2012 в Москве прошли события. Они заставили меня, уже не молодого исследователя, пересмотреть целый ряд своих идей, пониманий и т. д. Эти события пока не переросли во что-то особенное. Но я считаю, что за ними кроется глубочайший кризис, в

котором находится наше государство. К этому кризису Россия подходила очень долго. Кризис не связан с фигурами Путина и Медведева, с какими-то конкретными вещами. И хотя кризис связан с какими-то лицами, но он более глубинный, фундаментальный, серьёзный и опасный. Если Россия не сможет найти выхода из кризиса власти, государственного кризиса, и не найдёт себе другую модель государственного устройства, то будущего, о котором говорили наши учителя, у России может не быть. Власть и общество должны договориться и изменить конституционную модель Российской Федерации. Мой тезис заключается в том, что основной закон – Конституция РФ 1993 года, та Конституция, в которой сейчас живет Россия – устарел. В рамках этой Конституции невозможно дальнейшее социальное, политическое, экономическое и любое другое развитие России. Или возможно как посткризисное, неудовлетворительное, не ведущее к чему-то лучшему. А о всяких модернизациях, о которых говорил Медведев, вообще следует забыть.

Таков мой радикальный вывод. Сразу скажу, что я имею в виду. Россия должна отказаться от модели самодержавного президентства. Фактически, в рамках сегодняшней Конституции, и той политической системы, которая сложилась в России, президент обладает ничем не ограниченной самодержавной властью. Как вы знаете, он был ограничен выборами. Но выборы приобрели сейчас иной характер. Какой – мы об этом тоже поговорим.

В начале XX века, ещё до революции, в одной из учёных немецких книг наш политический строй характеризовался как «конституционная монархия, под самодержавным царём». Если вдуматься, то такого не может быть. Или это самодержавный царь над всей Россией, или это конституционная монархия с царём. А у нас А.Самодержавный царь и В.Конституционная монархия. Что это такое? Откуда это взялось? Дело в том, что в России в 1906 году была принята первая Конституция России. Когда я учился в школе, нас учили, что первая Конституция была принята 5 июля 1918 года, Конституция РСФСР. По мнению абсолютно подавляющего числа юристов, зарубежных, эмигрантских, самых разных, в России 23 апреля 1906 года за несколько дней до открытия Первой Государственной Думы была принята Конституция. Царь её даровал народам Российской Империи. И в этой Конституции была та же самая модель власти, что и сегодня. Было разделение власти на законодательную, исполнительную и судебную. Была нижняя палата парламента, она называлась Думой. Но царь стоял над системой разделения властей. Он был выше

системы разделения властей. Такой системы не было ни в одной конституции мира ни до того, ни в те времена. И вот уже прошло более 100 лет, ни в одной конституции мира такого нет. Во всех конституциях мира, где есть президент (как в США или полупрезидентской Франции) он вписан в систему разделения властей. В США это просто глава исполнительной власти, его власть сильно ограничена конгрессом США и Верховным Судом. Во Франции президент играет большую роль, но он не может повлиять на формирование правительства. Во Франции скоро будут выборы в Думу. Если победит снова Саркози, а социалисты победят в парламенте, то Олланд возглавит правительство, и Саркози не сможет его выгнать. А в Русской конституции, например, в 1990-ые годы, когда коммунисты побеждали на выборах, Ельцин не назначал Зюганова премьером. Конституция этого не предполагала. Т.е., мы унаследовали, в основных чертах, за исключением системы местного управления, федерализма, конституцию 1906 года. Важным является опора на верховную власть, и ее соотношение с другими властями.

Надо сказать, что и конституцию 1906 года придумал ни кто иной, как Михаил Сперанский – известный реформатор начала XIX в. Его работы написаны для Александра I, который хотел ввести конституцию, потом испугался – не ввел. И не стал отцом-основателем русской конституции. Но он стал автором основного конституционного текста России. В XIX столетии элементы плана Сперанского были постепенно реализованы. Мы помним Земскую реформу 1864 года, которой Россия гордится. Земское самоуправление резко двинуло Россию вперед. Если сравнивать с экономикой сегодняшнего дня, то 100 лет назад в России было всё наоборот. Дореволюционная Россия развивалась такими темпами, которыми только сейчас развивается Китай. Это было русское предреволюционное экономическое чудо, и это тоже важно знать. Русское экономическое чудо было непревзойдённым, русская промышленность на протяжении нескольких десятилетий давала годовой прирост примерно 9%. В России строилось железных дорог в год, начиная с 1890-ых годов, в 1,5 раза больше, чем в остальном мире! Пропускная способность русских железных дорог в 1916 году была выше, чем американских. Вы можете себе сегодня представить, что пропускная способность автомобильных дорог в России выше, чем в США? Не можем. Россия была единственной страной, которая в годы Мировой войны не ввела карточную систему и не перераспределяла продовольствие по карточкам, поскольку

ку продовольствия было достаточно. И в этих условиях произошла революция. А сейчас всё идёт вниз, но революции нет.

В свое время нас учили по Ленину, что когда верхи не могут, а низы не хотят, то начинается революция. И тогда могли ее сделать. Идём дальше. Мы говорим об особом характере русской власти. А что это за особый характер Русской власти, которой нет, например, на Украине? И странно, что она появилась в Белоруссии, поскольку Белоруссия не была ареалом, на котором Русская власть оперировала на протяжении столетий...

Какова же Русская власть?

Она всегда *персонифицирована*. Человек, который сидит на троне, в Зимнем Дворце или в Кремле, – он и есть власть. Но современный характер власти построен на отделении фигуры носителя от природы власти. Неважно, Буш его фамилия или Обама. Есть президент, который действует в рамках полномочий. А в России власть связана с определённым лицом. Это пережиток традиционалистских обществ. Россия и есть такое общество. В этой связи я люблю цитировать Павла I, который сказал, что в России только тот значит, с кем я разговариваю, и в то время, пока я с ним разговариваю. Кстати, очень любопытно, что в разных социологических исследованиях появляются данные по поводу губернаторов, о количестве минут, которые они говорили с крестьянами и с простым народом. Это подтверждает то, что я говорил выше. Я это читал в открытых социологических данных. И мы знаем, что это так.

Русская власть – это *насилие*. Во всём мире власть предполагает насилие. Но в европейском христианском мире к насилию добавился договор, конвенция. Власть – это договор властвующего и подвластного, насилие в рамках закона. В России никакого договора нет. Это хорошо передается поговоркой: «Я начальник – ты дурак, ты начальник – я дурак». Речь идет не только о власти в Кремле, но о любой власти. Ректора, директора, зав.кафедрой, директора бани, директора стадиона – не важно. Всегда есть место для насилия, и почти нет места для договора. Мне могут сказать, что это не всегда так. Да, не всегда, но идеал-типически это попрежнему так. Виктор Павлович упомянул концепцию Русской системы, которую мы писали в 1990-ых с коллегой. Скорее это не концепция, а гипотеза. Как всегда, русские хотят написать 12 томов, но в лучшем случае получается одна книга. И хотят описать всё, а получается только пролог к введению. Один из образующих элементов этой гипотезы – понимание власти как единственного моносубъекта русской исто-

рии. Примерно с XVI-ого века власть становится единственным игроком, или, как учат сейчас студентов – актором на сцене русской истории. Это моносубъектное общество в отличие от полисубъектного.

И ещё очень важно для понимания русской власти то, каким способом она *ограничена*. На Западе власть ограничивается конституционными актами. Ещё в Средние века не было Конституции, но существовали конституционные акты. И современное ограничение государства находится в самой конституции. В ней показано, что государство может, а что не может делать. Там прописано разделение на частное и публичное право. А в России как было? Здесь сама власть сама себя ограничивала, если хотела. Ключевский был замечательным политическим проприетелем. У него есть такие слова, что Алексей Михайлович не сильно напрягал своё самодержавие, а его сын Пётр сильно напрягал своё самодержавие. Получается добрый и злой царь. В 1905 году шла Русская революция. Одни советники Николая II говорили ему утопить всё в крови, другие говорили дать Конституцию. Власть пошла на самоограничение. В 1993 году, когда 3 и 4 октября из четырёх танков был расстрелян Съезд народных депутатов, перед Ельциным тоже стояла дилемма – утопить всё в крови или дать конституцию. Он пошел на конституцию. Это касается и большевиков.

Когда мы говорим о феномене Русской власти, то нам рисуется страшный косматый монстр, который со всех сторон колит, рубит, режет. Это не так. В России есть другая мощная демократическая традиция. Она делает меня не законченным пессимистом, а осторожным оптимистом. Я на Восток не смотрю. Мы – христианская страна. И в демократическом отношении не намного отстаем от ближних к нам европейских стран. Самоограничение Русской власти началось уже в XVII-ом веке. Когда уже был выборный царь, а первым выборным царём был Борис Годунов ещё в XVI-ом веке. Тогда выборы были больше выборами, чем сейчас. Лучше выбирали, это весьма любопытно. Василий Шуйский написал или подписал документ (что не так важно) об ограничении собственной власти и передаче большей части своих полномочий русской аристократии. Так всегда было во всём мире – самодержавная власть от императоров и кого угодно ограничивалась аристократией, потом условным третьим сословием, потом ещё чем-то и так формировался современный тип власти. И Русские соборы были не просто собранием населения, которые голосуют, как им скажут, как бывает сейчас. То были реальные институты.

Если будем хорошо работать два дня, Виктор Павлович обещает свозить нас в Азов. В 1641 году собрался Собор и царь Михаил решил идти на Азов. Но Собор сказал – денег нет. И никуда не пошли. Вот так решались дела. А несколько членов Политбюро посовещались – и начали Афганскую войну. А если бы они собрали Съезд народных депутатов, то еще не известно, что бы получилось. Есть ещё одна важная фигура – князь Василий Голицын. Это ещё перед Петром, в 1680-ые годы. Этот человек разработал проект реформ, таких же, как Петр, создать флот, армию, образование, выйти на Запад, торговать, учиться. Но Петр всё это сделал за счёт закабаления основной массы населения, 95% населения была загнана в жесточайший, как сейчас бы сказали – тоталитарный гнёт. А князь Василий хотел всё это сделать за счёт освобождения основной массы всех сословий, которые были закрепощены в середине XVII-ого века. Он хотел всё это сделать на основании свободы. И это тоже русская традиция. Русская индустриализация конца XVIII – начала XIX века сопровождалась постепенной демократизацией политической жизни. А русская индустриализация товарища Сталина сопровождалась страшнейшим гнётом, когда люди загонялись в крепостное право.

В России всегда есть эти две традиции. Уже после Петра аристократия заставила подписать Анну Иоановну кондиции об ограничении власти. И опять, одна из любимых моих цитат, принадлежит крупнейшему мыслителю Петру Струве, одному из важных персонажей политической мысли России: «Если бы верховники в 1730 победили, то Ленин бы не победил в 1917». Уже тогда надо было ограничить власть – и всё бы пошло-поехало. Можно вспомнить то, что хотели декабристы, и русское освободительное движение, и кадетские проекты, – это всё мощная либерально-демократическая традиция России.

Но почему ничего этого не произошло? В этой связи я всегда студентов спрашиваю: как на английский язык переводится слово государство? В этом заключается один из самых больших парадоксов. Вообще, термин state впервые употребил Макиавелли в начале XVI-ого столетия. На всех европейских языках это значит «статус». В любой современной политологической или юридической энциклопедии вы прочтёте, что термин "state" означает тот тип организации политической власти, который возникает в Европе в XVI-XVII столетиях и существует до сих пор. Потом он распространился по миру, где были белые христианские люди и где завоёвывали другие народы. И он связан с целым рядом обстоятельств: общество перестаёт быть традиционалистским, религиозно-сакраль-

ным и становится современным, секулярным. Это особый тип организации власти, с разделением властей, с конституцией. Это реальный правопорядок в действии. Нормы права действуют, и вся задача чиновников – быть слугами правопорядка.

А у нас, как говорят историки, слово государство возникло до того, как русские обрели свою письменность. Здесь этимология слова совсем другая – *государь*. И тип власти, который сформировался в России, пока не отменён. – Для обозначения характера русской власти есть другое слово – *patrimony*. Главная сущностная черта этого типа власти – неотделимость власти от собственности. Власть и собственность слиты воедино – это единый феномен. Поэтому на Руси и не произошло становление института частной собственности.

Чем ещё русское государство отличается от state? State – это правовая форма организации, здесь право является главным регулятором. В нашей Конституции тоже написано, что Россия правовое государство. Но должен сказать, что русские не знали слова «право» до начала XVIII-ого столетия. Иоанн Прокопович перевёл это слово с немецкого языка, а до этого русские не знали, что есть право как способ саморегуляции. Русские занимались другим – они строили государство правды. И не в этом дело. Дело в том, что у нас этот Rechtsstaat невозможен по определению. Наша власть – это насилие, она слита с собственностью.

Теперь о необходимости новой Конституции. Пока в ней не будет закреплена новая модель власти – ничего не получится. Я процитирую себя: «Задача основного закона состоит не только и не столько в освещении той или иной властной структуры, а в упорядочивании открытого по своей природе политического процесса. Видеть в Конституции нормативные закрепления определённой формы правления – значит обрекать на стяжание. Это открытая норма, в которой возможны как сегодняшняя политическая система, так и другие варианты в будущем». Это противоречит тому, что я сейчас сказал. А вот человек гораздо более умный, один из авторов 5-ой Конституции Франции Морис Дюверже в 1978 году писал: «Любая конституция рисует не одну, а множество схем правления, построение которых зависит от расстановки сил в данный момент, различные политические режимы могут функционировать в одних и тех же политических рамках». Вот так. Мне всегда было понятно, что та Конституция, которая была принята в 1993 году, вполне отвечает природе русской власти. Но мне казалось что эта конституция даёт возможность, однако... Когда прошли события в Москве, я сам для себя по-

нял, что эта конструкция устарела. Более того – я понял, что она устарела уже в начале XX-ого столетия.

В последние месяцы в СМИ, на различных конференциях обсуждали тему Февральской революции в Петрограде. Даже в Киеве эту тему обсуждали. Да, не было бы Февральской революции – не было бы Незалежной Украины. Все хотели разобраться, почему произошла Февральская революция. Война была выиграна, голода не было, Россия была абсолютно готова к тому, чтобы противников разбить. И было ясно, что Америка вступит в войну. Всё было всем очевидно, и вдруг происходит революция! Почему-то буржуазия, генералитет свергают царя! Что вообще происходит! Милюков и Керенский позволяют себе совершенно оскорбительные выступления в Государственной Думе, оскорбляя женщин, режим, власть. Все как с цепи сорвались. А дело в том, что в написанной по плану Сперанского Конституции была заложена мина замедленного действия. И в нынешней тоже. Только это две разные мины.

С одной стороны была сакральная легитимность власти царя – от Бога, так же историческая легитимность – Романовы 300 лет правили. Даже социально-историческая – Собор в начале XVII-ого века избрал Романова на царство. У них была масса всяких легитимностей. Но наряду с этим в этой Конституции была заложена прямо противоположная легитимность – думско-сенатская. Это новая, чисто демократическая легитимность. И ещё был Судебный Сенат, аналог современного Конституционного Суда в РФ. Это был Суд, который не судил, а работал кассационно, т. е. по жалобам. И этот суд мог отменить любое решение, даже императора. Как сейчас Конституционный Суд может отменить любое решение президента. При Ельцине это пару раз было, при Путине и Медведеве ни разу. И вот совокупность этой, с одной стороны, демократической легитимности Думы, и самостоятельности Суда, с другой, вступают в противоречие с царской легитимностью. Тогда рядом две власти сидели рядом, и переиграла одна другую. Так получилось, поскольку уже там был заложен этот конфликт.

А сегодня что получается? Суверенитет кому принадлежит? Народу. А каким образом? Через выборы Президента, Думы, и никак иначе. Суверенитет принадлежит народу, и легитимность президента есть народная легитимность. А как президент был избран? 23 сентября, в субботу, на съезде Единой России в Москве, действующий президент Медведев сказал, что они договорились с действующим премьер-министром ещё 4 года назад, что пойдёт этот. И сложившийся в рамках этой конституции

политический режим всё это благополучно провёл. Значит, сегодня развивается другой конфликт: между принадлежащим народу суверенитетом и нелегитимным президентом. Он не имеет легитимности, поскольку не прошел реальные выборы. Честные, открытые, реальные выборы, ничем не ограниченные. Я об этом говорю потому, что в нашей Конституции опять заложена мина, которая сработает...

Я должен также сказать, что за эти годы Конституция была по сути выхолощена. Каким образом? Русская власть всегда имела тенденцию управлять через некий чрезвычайный орган. Здесь нет аллюзии на ведомство Феликса Эдмундовича – госбезопасность есть в любых государствах. В России управляет Администрация Президента РФ. Это полуполитическое учреждение. Закона об Администрации Президента нет, она не упомянута в Конституции, но всем ясно, что она управляет. Касса Администрации Президента – это касса законодательной, судебной и исполнительной власти! Как западная система действует? За каждый структурой закреплён свой бюджет, и они сами его тратят. А у нас, чтобы Жириновский купил себе в партию компьютеры, или Зюганов себе во фракцию офисную мебель – нужно решение Администрации. Таких примеров масса. То есть, это неинституциональные способы правления, так было и до революции. Так было до Романовых, так было после Романовых, так было при коммунистах, так есть и сейчас. Власть до сих пор опирается на чрезвычайные комиссии и неконституционные институты. К ним относятся и Федеральные Округа. В Конституции нет никаких Федеральных Округов. Плюс к этому выхолощены выборы губернатора, непонятно, как в Совет Федерации выбирают. Почему два по шесть, а не два по четыре? Слабость действующей конституции заключается и в том, что в ней нет легитимности исторической. Что я хочу сказать? Меня поразило, как Жак Ширак, предыдущий президент Франции, представитель умеренных центристских католических кругов сказал, что «наше государство родилось не во времена Жанны Д'Арк, а во времена Французской Буржуазной Революции 1789 года». Это государство знает, когда родилось, знает свою историческую легитимность...

Какая же историческая легитимность у современного Российского государства? Есть только одно событие, на которое этот политический режим опирается – Великая Отечественная Война. Подвиг советского народа в войне эксплуатируется во всех смыслах и во всех отношениях и к этому сведена вся историческая легитимность. Все остальные события не рассматриваются. При этом Российская Федерация признала себя

правопреемницей СССР. Значит, Российская Федерация есть следствие СССР, и при этом только одного события. Это – слишком жидкая историческая легитимность. Есть старый фильм про Александра Невского, там один герой говорит – «Кольчужка коротковата оказалась». Вот эта легитимность слишком коротковата для России, хотя это и важнейшее событие русской истории. Но одной войны мало! А как быть с дореволюционной Россией, с Россией ленинской, сталинской, хрущевско-брежневской? Об этом почти не говорят. Исторической легитимности нет!

Что ещё очень важно? Есть такая тема – самоидентификация общества. Чем оно себя чувствует? Наполеон I говорил, что не надо никаких конституций, введём гражданский кодекс и это будет самая лучшая конституция для общества. Как люди ведут себя в повседневной жизни – семейные отношения, наследственные отношения, купля-продажа. Вот это самое главное. И он был абсолютно прав, поскольку Франция пережила после Наполеона несколько революций. Но они не были саморазрушительными, не были фатальными для общества. Было создано гражданское общество, построенное на законе и частной собственности, на легитимности. На эту подушку легло политическое общество. А современное российское общество совершенно не такое. У нас попрежнему господствует институт власти-собственности. Классический пример – конфликт Путин-Ходорковский. Я не обсуждаю политическую составляющую, поскольку не знаю, что между ними произошло. Но природа конфликта совершенно очевидна – это конфликт собственности, пытавшейся стать независимой. И неважно, праведно нажитой или неправедно... Наверное, неправедно. Здесь важно другое: власть в лице Путина сказала – я хозяин в доме. И у нас феномен власти-собственности расцвёл потрясающим образом. Сейчас у нас есть дозволенные олигархи, прежде всего – высокопоставленные чиновники. В этом смысле наша самоидентификация общества не соответствует современной.

Когда-то крупнейший исследователь русского либерализма Виктор Леонтович, сын полтавского помещика, который уехал в эмиграцию и умер там, написал: «Неудача Конституции 1906 года была не в том, что не было проведено разделение властей, а в том, что конституционный строй не опирался на развитый гражданский строй». А сегодня что? А сегодня, по самым осторожным прогнозам, около 20% россиян готовы жить в рамках гражданского общества, по законам гражданского общества. Они хотят жить в обществе, где есть собственность, где есть право для всех.

Я по специальности германист, у меня первая диссертация была посвящена Германии. Я должен сказать, что в Германии было тоже не более 20% готовых к этому. И Германия при правильном руководстве, при правильной Конституции пошла вперед. А в каком направлении надо нам двигаться? Надо отказаться от самодержавно-наследственного президентства. Вы это сами видите. Путин прямо заявил, что он вырастит наследника! Я это слышал – сидел в зале Московского университета. А потом тот, кого он вырастил, вырастил его! Мы должны уйти от системы самодержавно-наследственного президентства! Когда-то Лилия Шевцова сказала о Ельцинской системе – выборное самодержавие, теперь это уже наследственное президентское самодержавие. Далее, необходимо вписать фигуру президента в структуру разделения властей. Надо лишить его возможности формирования судебных органов. Тогда Конституционный Суд сможет быть ограничителем.

Нужен еще ряд новаций. Прежде всего надо вернуться к выборам в политике. Внесистемную оппозицию надо сделать системной, она не должна вне системы работать. Иначе она скатится к тому, к чему скатились большевики. Надо изменить систему выборов. Люди из Администрации Президента говорят, что мы, мол, разрешили Вам все что угодно! Думаю, это одна из уловок, но не хочу сейчас говорить о ней. Надо вернуться к выборам – демократии не будет там, где не будет выборов. Если Россия не вернётся к системе настоящих выборов – она проиграет! Потому что главной чертой современной жизни являются выборы. Вы постоянно выбираете: пойти туда или сюда, встретиться с тем или с другим и т. д. Мы живём в ситуации постоянного экзистенциального выбора. А нас лишают важного выбора – властного. В той стране, где власть так много значит!

Наконец, мы должны разобраться со своим прошлым – прежде всего с отношением к советскому опыту. Либо мы правопреемники СССР – и тогда мы несём полную ответственность за преступления сталинского режима, и не отрешиваться от этого. Это то же самое, как если бы современная Германия признала себя правопреемницей гитлеровского Рейха. Тогда это одна страна. Либо мы, как ФРГ, говорим, что мы не отказываемся от истории советского государства, но мы рвём с преступным сталинским режимом. Я думаю, есть такая необходимость и такая работа тоже должна быть проведена. Вот что я здесь хотел сказать. Спасибо за внимание!

А.Г.Дружинин: Спасибо за такое выступление, это своего рода мастер-класс. В этом году научное сообщество отмечает столетие со дня рождения Л.Н.Гумилёва, автора теории этногенеза. Когда вы ставили вопрос о кризисе власти, может быть, следует поставить вопрос по-другому – и власти тоже?

Ю.С.Пивоваров: Сразу Вас разочарую. Несмотря на глубокое личное уважение ко Льву Николаевичу Гумилёву, его судьбе и его родителям, я не являюсь его поклонником. Я был многие годы профессором Института стран Азии и Африки. И запрещал своим студентам Гумилёва, но они читали, поскольку другие преподаватели им рекомендовали. Я считаю, что все его учение о пассионарности – это чистая фантазия. Как Гегель, как биополя и т. д. Это псевдонаука. Я думаю, при всей героической судьбе, при всех его талантах Гумилёв ничего сейчас не может дать России. А кризис есть не только кризис власти, но и кризис общества. Я просто подчеркнул, что общество не выйдет из кризиса, если не будет изменена властная конфигурация. Это было всегда крайне важно. Если хотите, все глубочайшие перемены шли через изменение формулы власти. Россия должна перейти к правовому, конституционному, демократическому государству. Она должна преодолеть этот моносубъект – русскую власть. Как германист, скажу, что и в Германии это было. Постепенно во Франции централистская страна тоже проводит реформы и децентрализует управление. Да, кризис общества существует. Но кризис власти – это тема, через которую мы решим остальные проблемы, включая проблемы общества. Притом, они должны идти вместе. В России только те реформы проходят, которые идут вместе с обществом. Это легенда и историческая неадекватность, когда говорят, что Россия – страна реформ сверху. Нет. Сперанский предложил реформы, но общества в России не было и реформы не прошли. Потом появилось общество, и реформы Сперанского пошли. Мы должны вместе делать реформы. Мне что крайне не нравится в сегодняшней ситуации – президент оскорбляет людей, выходящих на Болотную площадь, а я выхожу на Болотную площадь и оскорбляю президента. Нужно отбросить это. Кризис преодолевается через договор, согласие, уступки, компромисс. Нужно уйти от детской болезни левизны – идти к компромиссу.

М.С.Константинов: Левада-Центр прогнозирует осенью 2012 года резкий всплеск протестных выступлений, с привлечением новых слоёв населения. Как Вы думаете, к чему это приведет, и приведёт ли это к конституционным изменениям?

Ю.С.Пивоваров: Я не знаю, когда будет новый всплеск. Дело вовсе не в новых всплесках. Я отношусь к этому нормально. Неужели демонстрации и манифестации что-то ненормальное? Во всем мире всегда это есть. И что, будут провокации? Так зрелость общества и должна быть показана в том, что ни с одной, ни с другой стороны не будет провокаций. 9 января 1905 года неопытное общество и неопытная власть встретились – и возникла всем известная трагедия. Я надеюсь, что через 107 лет после этого власть и общество научились. Что касается конституционных изменений, то я не знаю, это зависит от общества, насколько оно будет искусно, враждебно, толерантно, спокойно. Конечно, общество должно найти себе других представителей. Я ходил на все собрания оппозиционеров. И когда узнал, что они всё это делают на деньги М.М.Касьянова – мне захотелось тут же убежать. Немцов получше, чем Касьянов, но все равно. Люди должны быть другие – безусловно. И не хулиган Удальцов или провокативные люди типа Навального. Но сейчас других нет. Трудно сказать, как будет это идти. Я не очень верю прогнозам и прогнозированию. Я вообще уверен, что история абсолютно открытый процесс. От того, как будет решено сегодня очень многое зависит. Вот если бы 2 марта 1917 г. Николай II арестовал Гучкова и Шульгина, не было бы никакой Февральской революции, не было бы ничего! В Питере бы испугались – интеллигенция запуганная вся была. Вот и всё. Если бы Ельцин не дал команду 4 октября стрелять, то не было бы ничего и было бы по-другому. Я не говорю – плохо или хорошо, было бы иначе. И если бы на Украине не оказался человек по фамилии Кравчук, я не знаю, что было бы тогда. Всё часто зависит от деятельности конкретных людей. Не было бы Ленина – никогда бы большевики не пришли к власти. Нужен был этот гений. Как у нацистов – не было бы Гитлера, они бы никогда не пришли к власти. Личностный фактор. Столкновение воли, характеров. Немецкие парашютисты в ночь на 1 декабря 1941 г. высадились возле здания Президиума Академии Наук. По прямой линии это 4 километра до Кремля. И на Воробьёвых горах – по прямой линии это 7 километров. Была снежная ночь, они в тяжелых условиях высадились. Плохо сработали наши зенитчики. Отбили, а если бы нет? Полк НКВД перебил этих парашютистов. А если бы не пришел? А если бы они вошли в Кремль, я не знаю, что было бы тогда? А они бы вошли. И у немцев были спецотряды. Это факт.

А.И.Субботин: Меня тоже учили марксизму и истории. В России есть традиция бунтов, а вот традиции реформ, доходящих до народных низов не было и нет! То, что сейчас пытаются назвать реформами – это

афиша, не более того. Вопрос в следующем: означает ли это, что нас ждёт скоро новая революция?

Ю.С.Пивоваров: Вы знаете, в России есть великая эпоха реформ, – то, что началось с Александра II и шло до Октябрьской революции. Это полувековой период громадных и осмысленных реформ.

А.И.Субботин: Сейчас все говорят, что есть дефицит народной самоорганизации, это значит, что народ должен сам что-то предлагать обществу.

Ю.С.Пивоваров: По Вашему получается, что реформы у нас были и народ воспринял эти реформы. Когда Столыпин проводил реформы, то каждая община воспринимала – так это или не так и как должно быть. Были реформы, даже ленинские реформы при советской власти тоже были. И всем тогда понравились. Нам жить стало лучше тогда. Что касается бунтов, то я Вам тоже отвечу. Разве много было бунтов? Это легенда. Последний настоящий бунт поднял Пугачёв. Потом 150 лет массовых бунтов не было. Локальные бунты случались. Но революция 1917 года это гораздо важнее бунта. Может ли быть сейчас революция? Всё может быть... Какие будут революции? Конечно, они будут не такими, какими были в начале XX-ого века. В арабских странах вот как революции происходят. В Париже в 1968 году была студенческая революция, которая закончилась студенческими беспорядками. В результате этой революции западный мир стал перестраиваться. Вот вам, пожалуйста, тоже революция. В начале 1990-ых Россия пережила антикоммунистическую, антисоветскую революцию. Мы с вами пережили и это. Революция – это не всегда хорошо и не всегда плохо. Французская революция окончилась созданием капитализма. Русская революция убила капитализм. Ельцинская и горбачёвская революции начались с прав человека, а кончилась колоссальным социальным расслоением, которого Россия не знала за всю свою историю. Но началась она определённо как освободительная революция. Революции могут быть совершенно разными. Но лучше бы её не было...

В.А.Шкуратов. *Русская когитократия*

Я очень благодарен за изменения в регламенте. Но должен слушать. На меня большое впечатление произвёл доклад Юрия Сергеевича. Я помню, что в конце 1980-ых годов я читал выпуски журнала «Рубежи». Там статья за статьёй Юрий Сергеевич и Фурсов излагали свою теорию русской системы. Я разделяю этот пафос и эти эмоции. Но возьму историческую дистанцию по отношению к тому, что происходит. Мне кажет-

ся симптоматичным, что мы свободно обсуждаем тему Русской власти в сообществе университетских профессоров и студентов. И заметьте – в стенах государственного университета, который содержится этой властью. Это было бы совершенно невозможно представить лет 20–30 тому назад. Значит, Россия развивается.

Я буду говорить о связке «власть-знание». Мы относимся к знанию, являемся его создателями и представителями. Мы не являемся властью, но относимся к ней каким-то образом. Мы находимся с ней в связке. Я естественным образом испытал влияние Мишеля Фуко. Мой неологизм «когитократия» есть модификация его двухчлена «власть-знание». Я переставил местами власть и знание, поскольку Мишель Фуко повествует о генеалогии власти, а мне интереснее знание в когитократической связке. Кроме того, у Мишеля Фуко власть – это всепроникающая стихия, которая проникает на микроуровне знания, пронизывает самые элементарные логические суждения и концепты. Для Мишеля Фуко всё знание пронизано властью. Мне кажется целесообразным разделить эти конфигурации, разделить власть и знание, и создать типологию этих конфигураций. С моей точки зрения, у Мишеля Фуко власть-знание – родовой термин, а я предлагаю типологию видов – т.е. дифференцию и специфику.

Если бы я мог это представить в виде таблицы, то всё вышло бы примерно так: 1. Община – ритуал; 2. Империя – философия; 3. Национальное государство – наука; 4. Масс-медиа – глобальное наднациональное управление. С моей точки зрения, мы движемся от конфигурации философия-империя к конфигурации наука-национальное государство. Сразу скажу, что вторая конфигурация у нас не сложилась. Строго говоря, особенность нашего политического развития зависит не только от власти, но зависит ещё и от знания, от его состояния, от того, в каком отношении это знание находится с властью, и какую форму имеет эта власть. С моей точки зрения интеллигенция и бюрократия – это разновидности одной формации письменной культуры. Интеллигенция рефлексивна, но не имеет власти, бюрократия нерефлексивна, но она власть. И имеется третий – народ. А он относится не к письменной культуре, а к культуре тела. Если укрупнить исторический масштаб, то это всё является следствием исторического разделения труда, которое возникло 3-4 тысячи лет назад, когда возникло отчуждение информации от практики. С одной стороны, появилась возможность объективированного существования знания. С другой стороны, появилась возможность осуществлять прерогативы власти ненасильственно, с помощью консолидированной

системы знаков, кодов и календаря. Появилось некое взаимодействие. Для некоторых фракций письменной культуры необходимо, чтобы это консолидированное знание определённым образом поддерживалось.

Я уже излагал свою точку зрения на революцию: современные европейские революции состоят в рокировке двух фракций письменной культуры – бюрократии и интеллигенции. Интеллигенция – это своего рода теневая власть, которая предлагает проект Просвещения и подвергает народ просвещению. Если рокировка происходит долго, то самое благоустроенное государство будет разрушено. И появится третий, находящийся вне культуры. У которого есть иные способы опосредования, который находится в натуральной среде, в телесной культуре.

Я возвращаюсь к этой хорошо известной диалектике. Взаимодействие логоса и власти в европейской цивилизации неоднократно обсуждалось, в позитивном (Уайтхед) и в негативном (Хордхаймер и Адорно в «Диалектике Просвещения»). Неомарксисты вменяли знанию вину за все беды европейской истории – отчуждение, эксплуатация, мировая война, фашизм. Фуко возвышается над этими ценностными суждениями. Но у него анализ слишком текучий, он не разделяет эти две конфигурации. Для исторического знания интереснее рассматривать знание и власть как относительно независимые элементы когитократической связки, как элементы пары, которая может меняться. И мы наблюдаем сами, как это постоянно происходит.

Например, сейчас мы необыкновенно компьютеризированы. Электронная грамотность – это новый вид грамотности. Если человек письменной культуры не владеет электронной грамотностью, он сразу становится неграмотным или малограмотным. И переходит из просветителей в просвещаемые. Ирония в том, что сами просветители в электронной грамотности разбираются мало. Они могут это делать с помощью специалистов, которые сами относятся к ним с презрением. Классический гуманитарий – человек письменной культуры – с недоверием относится к власти и одновременно не жалуется сетевых умников. Таково современное изменение в когитократической связке. Я обращаюсь не к пост-современной ситуации. Постсовременная ситуация – это уже новый вид отношений, знания и власти, масс-медиа и наднационального управления. Я обращаюсь к ситуации, на которой мы плотно застряли, такой наш комплекс. Мы пока не в состоянии перейти от одной когитократической связки к другой, от философии-империи к науке-национальному государству. Если развернуть этот тезис и оживить мои теоретические рас-

суждения – я прочту цитату из Антона Павловича Чехова «Три года». Если читать Чехова в сокращенном виде, то можно считать, что это мнение самого Чехова.

«Много говорили о Федоре, и том, что у русских интеллигентов мода напускать на себя мистицизм, мракобесие, и умственное убожество. Около напускного находит себе приют настоящее суеверие. Если у кого мозг склонен к разного рода галиматье, то такому не выкарабкаться – пиши пропало. А я заметил, – сказал Лаптев, – что всё, что смутно, недоказано, всё эти господа валят в одну кучу, и получается странная каша. Если кто из нашей братии занимается спиритизмом и магнетизмом, то он же непременно гомеопат, метафизик и символист. Поругает цивилизацию китаизмом, о котором, понятное дело, понятия не имеет. И подавай ему науку, не иначе как национальную».

Понятно, что здесь национальная наука – синоним галиматьи, каши в голове. А антоним – наука как таковая. Но вот что надо заметить – наукой во времена Чехова был позитивизм. Это исследовательская наука естественно-научного типа, основанная на фактологии, и, строго говоря, национальная наука Англии и Франции. Которая успешно распространилась на США, гораздо менее успешно на Германию и совсем не успешно на Россию. Как это можно объяснить? В России отсутствовали паритетные отношения между знанием и властью. На Западе они были, на Западе экспертное исследовательское направление и наука были равноправны. У них был равноправный статус в обществе. Они были легитимизированы в этом статусе как равноправные социокультурные институты. Университет, затем академия возникают на Западе в период сословного общества. Университет получает привилегии сословия, сословной корпорации, они независимы, и пользуются собственными статусами. А в России университет насаждается государством (в эпоху Петра I) и является подструктурой власти. Это исследовательская инстанция власти, которая в России не получает такого автономного статуса, как получает экспертная наука на Западе. И это связано с тем, что формирование науки в России совпало с эпохой национального самоутверждения, роста национального самосознания.

Важную роль здесь играли системы большей объяснительной символической силы и выразительности, которые не нужны были для большей национальной самоидентификации. Место науки в России, в качестве когнитивной пары когитократии, занимали религия, философия и литература. Мы даже можем проследить, как это происходило. В петров-

ский период между властью и религией существовал необходимый зазор – было патриаршество. Петр I отменил патриаршество и превратил его в Синод. Т.е., он сделал церковь департаментом. И тогда роль партнёра стала постепенно переходить к литературе. В начале XX-ого века в России литература – единственный идеологический и культурный противовес режиму. Главным оппонентом Николаю в начале XX-ого века был Лев Толстой. На карикатуре XX-ого века изображен громадный Лев Толстой с косой и босой. Советская власть этот люфт уничтожила, уничтожила литературу как самостоятельного идеологического партнёра власти. Но всё-равно место Льва Толстого заняли Ахматова, Пастернак, Солженицын. У науки такого статуса в СССР не было.

Теперь вернусь к событиям рубежа 2011-2012 гг. Их организаторами становятся писатель Акунин – знаковая фигура, журналист Парфёнов, шоу-мен Лазарева. Это фигуры, не сравнимые с концом XIX – началом XX-ого века, но они являются продолжением когитократической схемы. Опять возвращусь к этой схеме. Почему в России не устанавливается оптимальное соотношение власти и знания с точки зрения западных стандартов? – когда знание становится независимым, экспертным, неслуживым, и власть не использует знание в качестве своей услуги. Это связано с тем, что на Руси не возникает территориального национального государства. В Англии и Франции вполне сложилась эта когитократическая связка, в Германии эти отношения не складываются, как и в России и в других многоконфессиональных конгломератах. Функция знания в современном территориальном государстве и в современной империи различны.

Если возвращаться к Фуко, то функция знания есть нормализация популяции-территории. Необходимо создать правильное упорядоченное целое на стабильной территории. Такой консенсус не является ни содержательным, ни идеологическим. С точки зрения современного государства любые аксиологические характеристики невозможны при определении правового статуса субъектов. Современное государство в своих правовых нормах не может опираться на Бога, на голос нации, рода, на национальные традиции, и прочие содержательные характеристики. Всё это связано с процессами нормализации в современных территориальных государствах. Эти процессы были невероятно сложными. Все они прошли через катаклизмы религиозных войн и революций. И пришли к содержательным характеристикам (формальным правовым критериям) при определении статуса индивида.

А империя – это иная ситуация. Империя не имеет стабильной территории. Империи – это организмы, которые напоминают акулу, они всё время в движении. Если империя останавливается, она погибает. Она должна расширяться, обороняться и сбрасывать аксиологизированные идеи своей разношерстной публике, этносам и конфессиям, которые живут на её территории. Если поворошить историю, то окажется, что империи всегда вели войны за веру, за права расы, за общечеловеческие ценности, например, за право трудящихся не быть эксплуатируемыми. Для средневековой идеологии хорошая война гораздо лучше плохого мира. Эта аксиома обязательна не только для воинственного рыцарства, но и для государства. Позитивная наука является эквивалентом нормализации, поскольку её упор на фактологию аналогичен формальному консенсусному праву в современных государствах. Повторю, что для имперских конгломератов это невозможно.

Россия не является устоявшимся национальным государством. Её территория постоянно меняется. Её население постоянно находится в поисках некой национальной самоидентификации. А все формальные практики, которые обслуживают эти процессы являются позитивистскими, я бы сказал – драматизирующими. Но современная наука не является проводником драматизирующих и проблематизирующих схем. Современная наука очень консервативна. Она производит свои революции посредством техники или философии. Астрономические таблицы Коперника никого не волновали и не настораживали католическую церковь до того, как Галилей предложил философскую схему двух частей мира. Индустриальные революции проводились не учёными, а техниками-самоучками, которые изобретали паровые двигатели, электричество. Физическая революция начала XX-ого века была воплощена в атомной бомбе, именах Эйнштейна, Кюри, и т. д.

Я ещё раз повторю, что дело в знании, в исторических регулярностях, крупных размерностях. Академическая наука, которая в последние становится позитивной, которая становится независимой от власти становится естественной. И делает свой крупный вклад в процессы развития, которые идут в России. С этой точки зрения я совершенно присоединяюсь к Юрию Сергеевичу. Благодарю за внимание!

В.П.Макаренко: Владимир Александрович, я помню, как мы с тобой 37 лет назад собирали помидоры на колхозной плантации. И эти разговоры, которые мы с тобой вели, тоже помню до сих пор. Сегодня я услышал их очередное воплощение.

В.А.Шкуратов: Да, было дело, но тогда я ещё не знал термина «крито-кратия».

В.П.Макаренко: Пожалуйста, вопросы.

А.Г.Дружинин: Владимир Александрович, вы дали блестящую характеристику империи. Если эксплицировать эту ситуацию, то возникает вопрос по поводу современного Запада и США. Получается, что в США нет нормальной науки, в том числе обществоведческой.

В.А.Шкуратов: Вы, наверное, намекаете на книгу Негри и Харта «Империя»?

А.Г.Дружинин: Я намекаю на реальную ситуацию, как она есть!

В.А.Шкуратов: Конечно, в Америке есть позитивистская наука, американская наука подчёркнуто позитивистская. А континентальная философия европейская, как они её называют, это для них такие туманности, которые в параметры аналитической истории, аналитической философии никак не укладываются. И мой друг, профессор Макаренко, это подтвердит.

В.П.Макаренко: Ну, скорее частично.

Ю.С.Пивоваров: У меня возникает вопрос: насколько американская наука позитивистская и насколько она однородна? И насчет Германии я не совсем согласен, там столько Нобелевских лауреатов. Столько имён... Я не думаю, что уровень соотношения философского и научного подхода столь драматичен. США не является национальным государством в том виде, как в Европе. А по Вашей логике получается, что мы прекрасно отстаём. У Вас очень жесткая рамка, реальность за нее выскакивает...

В.А.Шкуратов: Я благодарю Вас за замечания, они абсолютно верные, это просто схема, её нужно постоянно наполнять. Там есть ещё элементы, но я их опустил. На деле эти схемы – как у Вебера идеальные типы, данные для ориентации. Скажу о Германии. Гумбольтовский проект университета был основан на кантовской рациональности и гегелевской философии. Он основывался на равновесии воспитания и позитивной науки. Если мы обратимся к неокантианской философии, то там шла напряженная дискуссия о соотношении воспитания и обучения. Дело даже не в том, что эта дискуссия не была завершена. Дело в историческом резюме. Потом была Веймарская республика и гитлеровский режим. Синтез национальной науки и имперской философии. Понимаете? В Германии с XVIII-ого века философия сместила религию, это стала рациональная религия. Это страна Канта, Гегеля. Во Франции и в Англии такого культа философии никогда не было. А дальше только Россия, которая в

этом отношении напоминает Германию. В СССР было две фракции власти – административная власть и идеологический аппарат. Отношение между этими фракциями было сложным. А граница проходила через одну голову – Владимира Ильича или Иосифа Виссарионовича. А вы тут говорили об Америке, но вот и наша, и Американская компания в Афганистане – это реальная политика, какие там идеологические обоснования, они напрасны. И все это понимают.

И.И.Глебова. Характер трансформации российского государства в 90-х гг. XX в. – начала XXI в.

Мой доклад не будет посвящен таким высоким материям, как предыдущий. Я буду говорить о современном российском государстве, его воплощениях и определениях. Нам был обещан переход от бездемократического СССР к демократической России. В конституции зафиксировано, что мы перейдем от государства общенародного (которое не удалось) к государству правовому и социальному. И по конституции мы являемся правовым и социальным государством. Однако большинство граждан и экспертов понимают, что эта заявленная реальность тоже не удалась. Как её назвать? – не очень понятно, но оценки этой реальности очевидны.

Я приведу две цитаты из социологических обобщений:

1. Сотрудники института социологии РАН говорят, что в нашем обществе сложился замкнутый круг: власть и бюрократический аппарат в большинстве случаев игнорируют интересы и права граждан; большая часть общества отвечает власти той же монетой, стремясь обходить стороной легальные и легитимные способы решения своих проблем и свести общение с государственными органами к минимуму, обращаясь к ним только в той ситуации, когда уже нет других способов решения их проблем.

2. По социологическим данным 2008 года на вопрос: «Способна ли административная система эффективно оказывать услуги обществу и отдельным гражданам?» только 19% респондентов ответили «да, в основном способна», а почти 60% дали отрицательный ответ.

Это – очень опасные данные. В такой ситуации приходится вспомнить формулу классиков марксизма-ленинизма об отмирании государства в России. Явно ощущается дефицит государства, неспособность, нежелание государства исполнять свои административные, социальные обязанности, неэффективность, несправедливость. Об этом говорят эксперты и рядовые граждане.

Как определить это государство? Если оно не занято своими прямыми обязанностями, то чем оно занято и для чего существует? Эксперты говорят: в России сложилось криминально-клановое государство; его функционирование напоминает институциональную анархию; оно не может обеспечить реализацию собственной модернизации, инновационное развитие, сколько бы не говорило об этих вещах. Отсюда можно сделать вывод: на переходе от СССР к постсоветской России одна модель государства сменилась другой. Для советского времени была характерна модель тотального огосударствления, когда личные, корпоративные, профессиональные, коллективные интересы полностью поглощались государством. В постсоветское время мы пришли к тотальной модели разгосударствления.

Разгосударствление реализуется в двух встречных процессах: 1. Тотальное бегство граждан от государства. Граждане не желают выходить на прямой контакт с государством, стараются решить вопрос как угодно без государства, при этом естественно выходят на теневые, коррупционные, неформальные и иные схемы решения своих проблем. 2. Тотальное бегство государства от граждан. Государство отказывается от своих социальных функций, отказывается от своих обязательств, минимизируется и замыкается в себе. При этом речь не идет (как в развитых западных обществах) о минимизации мелочной опеки государства в социальной сфере и бизнесе. Речь идет о переориентации государства с общесоциальных интересов на узкие сословные интересы.

В связи с этим я нашла у Ключевского термин «дворцовое государство», которое очень подходит к современному государству. Ключевский употреблял этот термин для характеристики послепетровского государства XVIII века. Ключевский не раскладывал свои соображения, которые сопровождают преобразование термина в концепцию. Он рассказывает, что из себя представляет дворцовое государство.

Это государство эпохи дворянократии, дворяновластия. В XVIII веке российские элиты освобождаются от постоянного диктата власти, от постоянной необходимости служить, и закрываются от основной части населения в привилегированное сословие. Интересы этого сословия и выражает государство, которое Ключевский называет дворцовым. Он говорит, что в рамках дворцового государства нет государственной идеи как таковой. Государство замыкается во дворце и сосредотачивается на своих дворцовых целях и задачах, работает на реализацию интересов дворянского сословия.

Современное российское государство тоже работает в формате дворцового. Термин «дворцовое государство» возник у Ключевского не просто как метафора по отношению к XVIII веку. Это указание на историческую эволюцию и своеобразие русского государства. Русское государство, как и многие другие, возникло из дворцового ведомства, которое управляло хозяйством великого князя. Первое московское ведомство, первый московский приказ назывался Приказом большого дворца. Он появился из дворцового управления князя и прежде всего представлял собой княжеское имущество. Дворец – это просто указание на существование, неразделенность и нерасчлененность власти и собственности, на такой обмен и взаимодействие, в котором власть – это собственность, а собственность – это власть. В дворцовом государстве реализовалась идея государства как вотчины самовластного государя. В XVIII веке вотчина государя и сословие, которое этого государя выдвигает, является самодержавием – дворяновластием.

Ключевский рассматривал явление дворцового государства в XVIII веке после государства петровской службы, где все служили, а общий интерес реализовывался в идее всеобщей службы. Он рассматривал дворцовое государство как исторический изъян, отклонение, выплеск архаики. Многие исследователи тоже рассматривают современное российское государство как выплеск архаики, возникший едва ли не на пустом месте. Непонятно, почему это государство так себя ведет, ведь это полностью противоречит представлениям о современном государстве и его назначении.

Я думаю, что в недрах российского государства существует и время от времени воспроизводится дворцовая программа, которая активно срабатывает в определенных условиях. Государство начинает вести себя противоположно тому, как должно вести себя общенародное социальное государство. Оно не просто потакает, но и служит тому, что я называю «эгоизм привилегированного сословия». И смысл современного дворцового государства в России состоит в том, что все крутится вокруг власти и слоя, который этой властью создан в процессе перехода от советского к постсоветскому государству.

Дворцовое государство – это саркома, в которую отливается постсоветская цивилизация верхов. Это около 1,5 – 2% населения, которые слиты с элитой экономически, государственно – политически, и составляют основу дворца. Но сами они функционировать не могут. Им нужна для функционирования часть, а не все население. Это прослойка меж-

ду дворцом и основным населением. Это такое государство, которое основную часть населения рассматривает как «прочих», и управляется с «прочими» по остаточному принципу. В СССР остаточный принцип существовал только в области культуры. Теперь он стал всеобщим. По разным данным, в эту около дворцовую прослойку входит постсоветский аналог интеллигенции (в конце 1990-х это было 15-17% населения, после кризиса 10 – 13%). Вот эта часть работает на дворцовые интересы, она сосредоточена в рамках «дворцового государства».

Есть современное определение собственников государства как «государство – корпорация» или «корпорация – государство». Имеется в виду, что по целям и принципам государство напоминает крупную бизнес – организацию. Современное российское государство можно понимать как корпорацию, поскольку оно преследует не общественные цели, а собственные выгоды (прежде всего экономические). Оно нацелено на минимизацию издержек на общесоциальные программы развития и максимизацию прибыли, львиная часть которой распределяется в рамках дворца. Если иметь в виду состав корпорации, то 1,5 – 2% постсоветской цивилизации верхов аналогичны структуре работодателей – глав корпораций. Остальная часть – это работники, которые обеспечивают функционирование этой корпорации. Они качают нефть, газ, учат, лечат, возят, выполняют еще какие – то обслуживающие функции.

Дворцовое государство современной эпохи – это организация по оказанию услуг, но не для всего общества, а для значительного слоя, который не соответствует меркам нашего общества.

Что еще можно сказать о современном дворцовом государстве? Дворцовое государство – это такая сеть, где существуют некие «личности» и неформальные связи и отношения между ними. Т.е., то, на чем базировалось государство и в позднесоветскую эпоху. Ничего вне этого сетевого контекста в государстве тогда не решалось и не решается сейчас. В этом смысле государство имеет неформальный характер. Но постсоветский дворец – это еще институты, государственные учреждения. Они структурируют и придают современную форму дворцовому государству. К этим институтам относятся современные демократические выборы и выборные структуры. Но в России они не соответствуют тем задачами, с которыми они работают в современных демократических обществах. Это скорее крупнейшие бизнес – предприятия по освоению бюджетных денег. Высшее сословие и дворец непосредственно связаны с бюджетом, управляет и пользуется им. Такова административно-экономическая подоснова высшего сословия.

Государство функционирует по преимуществу не в правовой среде. Если отталкиваться от Ключевского и посмотреть на наше сегодняшнее государство, то это простое повторение дворца. Есть возможность воспроизводства дворцовой программы в определенных условиях – когда государство перестает отвечать за все, прежде всего за подчинение, организацию и контроль над пространством. Государство перестает бежать за населением – «текущим элементом русской истории», как говорил Ключевский. Российское государство всегда пыталось держать население в определенных границах пространства и направить на решение различных задач – в том числе общенародных. Это высокий замах и высокая идея.

Дворцовое государство появляется в условиях демилитаризационного цикла, – у страны нет очевидной военной угрозы и военного соперника. Отсутствие военно – оборонной задачи и интереса тоже приводит к тому, что государство отказывается от части населения и уходит в себя. Но наше современное государство реализовалось в особенных условиях, поэтому оно специфично. Дворцовая природа в современном государстве реализовалась как тотализм не просто так, а в соответствии с массовой потребительской эпохой глобализации. Вообще дворцовое государство ориентированно вовне, оно интернационально, ориентировано на глобус и удовлетворение интересов (прежде всего экономических) господствующих групп. Таков наш способ вписаться в новый глобализирующийся мир, на условиях экономики сырьевого придатка. С этим связана эволюция реализации дворцовой природы государства. Это государство посттоталитарное, таким образом реагируя на социальную эмансипацию. В СССР все свободы (в том числе экономические) были минимизированы. Поэтому современное дворцовое государство – это способ сконцентрировать все основные свободы наверху. Основная часть населения выведена за пределы экономической свободы.

Наконец, современное дворцовое государство – это государство виртуальной информационной эпохи, которая дает возможность реализоваться дворцовой природе государства во всей полноте. Мы живем в XX-XXI веке. А дворцовое государство было в XVIII веке. Отказаться от удовлетворения интересов основной части населения (порядка 80%) – это очень сильная государственная стратегия. В советское время интеграция и порядок обеспечивались средствами административного и идеологического принуждения. Сейчас эти ресурсы государства минимизированы, зато появился информационный ресурс и другие технологии господства. Непосредственные эксплуатация и подчинение в наших

условиях заменены эксплуатацией воображения. Медиа – ресурс дворцовому государству необходим. В среде телевидения существует официальный, в Интернет-среде существует оппозиция, которая значительным образом контролируется и которую легко контролировать. Есть аппаратная жизнь и есть телевизионная политика, где все решают телеобразы, слова. Российское государство, используя этот ресурс, может в значительной мере скрывать свою дворцовую природу, а имитировать социальную, правовую природу. Таков способ существования российской политики. Государство не является, но стремится выглядеть социальным в медиа – среде. Там оно презентует свои социальные программы, рапортует об их реализации. Кажется вполне адекватным представлениям граждан о государстве социальном или общенародном, – кому как нравится.

Информационный ресурс для дворца обеспечивает его правильное представление. Задачу правильного продвижения дворца выполняет президент – его глава и персонификатор. В представлениях граждан и в информационной среде президент есть главная скрепка и связка, которая удерживает вместе дворец с недворцом. Эта скрепка показывает, что дворец имеет право на существование, необходим и соответствует современным условиям. Значительное место в продвижении дворца занимает внешнеполитическая программа, основа которой – презентация сильного государства. Президент представляет сильное государство по телевизору. И в целом дворец преломляется и исполняется в телевизоре. Это главный коммуникационный ресурс дворца в отношениях с гражданами.

Последнее, что я бы хотела сказать о дворцовом государстве. Сейчас есть тенденция, победившая с помощью того же телевизора, – противопоставлять 1990-е и 2000-е годы, включая эволюции государства. Эта тенденция победила с помощью того же телевизора. Согласно этому мифу, в 1990-е крупнейший бизнес как бы поглощал государство. С ним была связана реализация государства как дворцового. А в 2000-е гг. якобы произошло восстановление государственной деятельности за весь период новейшей истории. Я бы сказала, что это совсем не так, это два разных этапа переделок, где объектом переделки стало государство. Сначала субъектом переделки были бизнес – элиты, потом административные элиты. И они договорились, сформировав дворец как форму собственного существования. Дворец – это единая бизнес – административно – политическая среда, которая окончательно оформилась именно в 2000-е годы.

В заключение скажу, что новые формы самореализации дворцового государства породили новые возможности и новые опасности. Главная опасность в том, что это государство реализовалось в неограниченной форме. Дворцовое государство не имеет ни внутренних, ни внешних ограничителей, а может работать на себя. Это опасно для существования России. Потому, что альтернативой такой концентрации ресурсов в руках верховного сословия или правящих групп, такой способ их самореализации может быть только один ответ: национализация и социализация. Как это не кажется парадоксальным, в наших современных условиях это может привести к национал – социализму. Наиболее вероятной альтернативой дворцовому государству в наших условиях является не государство правовое, а государство, где реализуется идея о русском фашизме.

А.В.Лубский: Скажите, концепты вотчинного государства и дворцового государства совпадают?

И.И.Глебова. Вотчинное и дворцовое государство можно сопоставлять в том смысле, что концепция вотчинного государства указывает на слияние власти и собственности. Природа дворца собственническая, дворец проявляется и реализуется в торжестве этой природы. Дворцовое государство обобщает концепции вотчинного и собственнического государства. В рамках дворцового государства реализовалась вотчинная, ресурсная природа нашего государства, а также поклонно-иерархическая природа нашей социальности. Термин «государство – корпорация» используется и в отношении западных государств. Существует внешне-формальное сходство между Россией и Западом. Для описания этого государства можно прибегнуть к такой аналогии. Однако по своему существу, генезису и последствиям дворцовое государство и государство-корпорация отличаются. Дворцовое государство – это способ подчеркнуть специфику этого отличия. Когда мы говорим о государстве – корпорации речь идет о современном государстве вообще. Но российское государство не совпадает по параметрам с государствами, которые так характеризуются.

Ю.С.Пивоваров. Насколько органичны связи старого и нового дворцового государства?

И.И.Глебова. Новые исторические условия дают возможность реализоваться иначе. Современное дворцовое государство не моделирует старое, это не воспроизведение постпетровской эпохи. Можно говорить лишь о неких подобных условиях. Что касается либерализации, то

это специфически российская реакция на социальную эмансипацию. Ответ элит на более либеральный социальный порядок есть максимизация их собственных интересов, абсолютизация типичного для них ощущения себя не частью социума, а над ним. Используя в этом смысле как инструмент и государство. Во всех наших государствах можно ощутить эту дворцовую природу. И не случайно его определили как антинародное. Это государство есть вызов народным интересам, абсолютизация групповых (а не общесоциальных) интересов.

В.Ю.Попов. Как дворцовое государство связано с социальной иерархией?

И.И.Глебова. Это проблемная черта нашего общества. Иерархическое устройство воспроизводится в разных условиях, оно типично для цивилизации верхов и низов. Обычно так характеризуют послепетровскую цивилизацию. Условно говоря, это две культуры – культура Пушкина, цивилизация верхов и крестьянская почвенная культура. Между одним и другим существует разрыв. В конце XVIII–начале XIX века этот разрыв был радикальным, они совершенно расходились. Удивительно, что в современную потребительскую эпоху в России воспроизводится эта программа. Указанные 1,5 – 2% можно отнести к цивилизации верхов, даже по их самоощущению и по нашему их ощущению. Это те, кто существует вне структуры нашей социальности. Они функционируют так, будто они вне структуры этой социальности. В этом смысле цивилизацию верхов я называю нефте-газовой культурой, которая противостоит почвенной культуре. Между ними есть обслуживающая прослойка. Только она и нужна этой цивилизации. Все остальные не нужны. Сахаров говорил, что для воспитательного воздействия на позднесоветскую власть населению хорошо бы собраться и уехать. А сейчас сложилось так, что всем нужно собраться и уехать. Главное, чтобы остались они и их служба. Такова количественная разница между одними и другими. Таков острый антагонизм между ними, между бедными и богатыми, между властью и подвластными, администраторами и управляющимися. Они нагнетаются, и формируют разрыв в нашем обществе.

Вы правильно поняли, сегодняшняя власть не зависит от основной массы населения. Таков один из возможных взглядов на современное государство. Этот взгляд снимает некоторые вопросы. От дворцового государства нельзя ожидать самореализации в правовой, демократической, социальной формах. Оно нацелено совсем на другое. Оно может использовать право, демократию, социальность как технологии и как со-

проведение власти. Далеко не случайно, что значительная часть граждан переводится на самообеспечение. Возьмем для примера самую острую современную проблему – ЖКХ. И что? Государство снимает с себя ответственность и передает ее гражданам, говоря: вот, ребята, воюйте, разбирайтесь, как вам интересно, я из этой схемы ухожу, если вы будете настаивать, я могу появиться в виде арбитра или в телевизоре заявить, что я арбитр. Арбитражную модель реализации верховной президентской власти я все – таки осуществляю. Хотя бы внешне или отчасти. Но это не главное для дворцового государства.

В.П.Макаренко: Как вы относитесь к определению Вадима Волкова: «Современное российское государство – это частное охранное предприятие с конторой в Кремле».

И.И.Глебова: Он работает по тому же принципу, по которому работаю я: что вижу, то и пою. Это одно из возможных метафорических определений, где считается суть. Сейчас много говорят о том, каким является современный режим – авторитарным или демократическим. Я думаю, что это режим безопасности. Прежде всего личной безопасности для тех, кто входит в цивилизацию верхов, кто ее обслуживает и составляет этот режим. В целях безопасности могут реализовываться разные стратегии. На нынешних выборах не выбирают, но убрать совсем выборы опасно. Социальные стратегии, программы преимущественно презентуются, но совсем избавиться от своей социальной функции государство не может, и отчасти выполняет роль собеса. Это тоже одна из охранных технологий. Не случайно сердцевиной этого государства являются люди из безопасности. В этом смысле метафора Волкова точна.

В.П.Макаренко: Спасибо, Ирина Игоревна! Между прочим, то, о чем говорили предыдущие докладчики, хорошо и юридически аргументированно описал М.А. Краснов в своей книге «Персоналистский режим в современной России». Кто хочет узнать, как в современной конституции заложены основания персонализации власти, тому не мешает прочесть эту книгу. Сейчас делает доклад профессор Оболенский. Александр Валентинович занимается проблемой бюрократии тридцать с гаком лет. В 1979 г. я пересекся с ним в Институте государства и права АН СССР...

А.В.Оболенский. *Кризис полицейско-бюрократического государства.*

Да, это все правда, мы тридцать лет бюрократоведы. И это не просто так. Читая лекции по теории бюрократии, я до сих пор пользуюсь книгой

Виктора Павловича. Я подозреваю, мало кто из вас мог ее видеть. Она вышла в 1985 году и наверняка стала библиографической редкостью. Тем не менее я ответственно могу утверждать: ничего более глубокого с точки зрения анализа раннего Маркса я не видел и не встречал по этой теме.

В.П.Макаренко: Покойный Александр Давидович Степанский называл мою книгу «памфлетом в виде научного исследования».

А.В.Оболонский: То, о чем я буду говорить, является логическим продолжением того, о чем говорили Вы. Правда, я добавлю крошку оптимизма при употреблении слова «государство». Я хотел бы прокомментировать – все это очень точно, это интересная очень конструкция, очень верно и точно найдено определение русского государства как «дворцового государства». Я хочу по памяти восстановить, что по этому поводу Ключевский писал о временах Анны и Елизаветы: «Это государство, отгородившееся от народа полностью, случайно сменяющимися друг друга властителями, оно превратилось в настоящий заговор против народа». Вот это точно я запомнил. Это государство было архаичным и не вполне адекватным. Сейчас та модель, которую Вы описали, втройне архаична.

Это дворцовое государство находится не просто в состоянии кризиса, оно находится в состоянии, близком к краху. Государство кремлевское и околоскремлевское долго не проживет. Название моего доклада «Кризис полицейско-бюрократического государства». К докладу не принято делать эпитафии, но я все-таки постараюсь. В эпитафию поставил Отто Фон Бисмарка, который в мемуарах написал: «С плохими законами, но хорошими чиновниками управление еще возможно, но с плохими чиновниками никакие законы не помогут». Структура доклада такова: я начну с России, затем сделаю краткий обзор мировой тенденции поиска новой парадигмы отношений «власть – общество» или «государство и общество», потом вернусь обратно в Россию, но уже в контексте происходящего в мире, и в заключение скажу о тех изменениях в дворцовом государстве, которые произошли буквально за последние месяцы.

Но вначале скажу о популярной концепции российского «особого пути». Это серьезная научная концепция, она вербализуется в разных терминах. Однако в последнее время она превратилась в идеологию, подается в терминах примордиализма. Научную сторону этого дела я не буду обсуждать. Скажу только, что у каждого государства свой «особый путь», включая Люксембург. Я как-то специально занялся этим вопросом: а у кого же нет «особого пути»? В Доминиканской республике остров порезан на две части, и у каждой «особый путь». Бог с ним, не об этом речь.

С точки зрения использования этой идеологии интересно, что это происходит с полярно противоположной окраской: одни говорят об «особом пути» с чувством безнадежности, с эсхатологическим трагизмом, что ничего у нас хорошего не выйдет, в ближайшие 100, 150, 300 лет. Другие – обычно это ребята из Кремлевского дворца – с плохо скрываемой радостью говорят: «Да, конечно, мы плохие, но если не мы, то кто же? Придут бандюки, которые и палатку сожгут и страну разнесут, понимаете?» Вот откуда идут эти «особые черты».

Совсем недавно наш премьер, рассуждая публично о проблеме коррупции, сказал: «Ну, это же часть нашей ментальности». Я вполне допускаю, что это неотъемлемый атрибут ментальности людей его круга. А может быть, это отчасти атрибут его жизненного опыта. Вполне. Как юрист, я ничего более определенного не могу утверждать. Но я считаю, что распространение этого тезиса вообще на национальный характер – это оскорбительная логическая подмена. Если слова премьера перевести на простой русский язык, то они значат: преступные злоупотребления власти, которые растут под крылом государства, есть природа русского национального характера. Отсюда вытекает интересная вещь: значит, и относиться к этому можно с добреньким чувством. Поглаживая бороды, говорить: «Ну да, вот хромота у нас такая, бородавка на носу растет, но жить с этим можно». Отсюда тянутся и другие сюжеты.

Кинорежиссер Говорухин вошел в русскую художественную культуру фильмом «Так жить нельзя!». Теперь он говорит: «А с коррупцией жить можно вообще, какие дела?». Без нее нельзя. Я нашел интересную конференцию, на которой обсуждалась ситуация от Китая и Индонезии до Нидерландов. Это был сравнительный анализ с точки зрения отказа от национальных мифов. Существует миф в Сингапуре: если плюнешь на улице или не том месте перейдешь улицу – тебе тут же голову отрубят. Но это не соответствует действительности. Я специально этим вопросом занимался, я не так долго там был, неделю, но практически не нашел полиции на улицах. Я видел, что люди переходят там улицу вполне по-русски, «по понятиям», оглянувшись направо, налево. Но это к слову.

С точки зрения мифологии «особый путь» действительно у каждого есть свой. Но дело в том, что современная версия «особого пути» построена не на подлинных традициях, а на недавно сконструированных с прагматическими целями. Если говорить о коррупции, то это не свойство какой-то русской исконной вороватости, а следствие извечного государственного деспотизма, отчуждения и презрения к людям носите-

лями «дворца», его полномочных и не очень полномочных представителей. В том числе «государевых слуг», если говорить о бюрократии. Поэтому для меня идеологема или матрица «особого пути» не лишена внутренней комфортности, оправданности, самоустранения от попыток перемен к лучшему. В конечном счете так берут под защиту социальный пессимизм: делать мы ничего не можем, вот такие мы неудачные. Я об этом не буду больше распространяться, я хочу только сказать, что такая вещь в практическом плане весьма уязвима, и это отнюдь не российское изобретение, это типичный способ самооправдания авторитарных режимов.

Про немецкий *Sonderweg* и его трагические последствия известно всем. А менее известные и вместе с тем забавные мне попались недавно материалы о самоназваниях латиноамериканских стран: перуанский народ-богоносец, аргентинская державность, особая чилийская духовность, уругвайская всечеловечность... По-моему, здорово, да? Это не я придумал, это святая правда! В Уругвае всего четыре миллиона населения. А мне попала статья с названием «Уругвай – страна интеллигенции». В статье рассказано, что все, кто смогли, с мозгами, все из Уругвая уехали. Но со всечеловечностью у них все в порядке...

Вернемся в Россию. Здесь отношение власти к человеку было и остается перманентно порочным. Власть всегда была и продолжает быть против личности. И не случайны последствия этого (если говорить языком Ключевского, которого я считаю самым глубоким русским историком): «Люди всегда бежали от государства розно». Он так объясняет это явление: если человек чувствует себя хозяином в доме, то он старается как-то наладить там жизнь, а если он постоялец, то он старается съехать. Такова реальная, а не вымышленная трагедия русской истории. Из России всегда бежала розно наиболее активная в разных отношениях часть народа, населения. В Украину, казачество, в Сибирь, в Европу в эмиграцию, во внутреннюю эмиграцию уходила. Это потому, что в России никогда, вопреки всем попыткам подавления и искоренения властью, не умирала, а выживала альтернативная контркультура. Другое дело, что она нашла наименьшее отражение в политической жизни или вообще не нашла. Альтернативная контркультура постоянно стимулировала попытки выскочить из дурного беличьего колеса, пресловутых «цивилизационных циклов». Вот этим Россия и замечательна!

Я много лет отдал анализу перекрестков российской истории, когда страна могла пойти влево, вправо, – и не пошла по разным ситуативным

причинам. Когда я две книжки об этом написал, я считал, что это самое главное, что я в жизни сделал. Я сказал о России, теперь перейду к более широкому контексту.

В мире сейчас происходят серьезные перемены в самой парадигме государства, это один из непреложных фактов эпохи пост модерн. Все-таки я немного еще о России скажу в этом контексте, потому что с этим связаны перемены в исполнительной власти, в парламенте и судебной власти.

В России есть национальный вид спорта – бросание псевдокамней в бюрократию. Он пережил века и политические режимы. С разных сторон летели эти камни – от либералов, западников, славянофилов, панславистов. Зато в великой русской литературе сколько угодно образов человеколюбивых убийц, рефлексирующих убийц, преступников разных. В русской традиции преступника всегда называли «несчастненьким». Отчасти потому, что не верили в справедливость тех, кто его осудил. Это к вопросу об отношениях к государству. Но попробуйте найти образ честного чиновника, я не говорю о том, чтобы он симпатию вызывал, – это просто невозможно. Самое симпатичное, что я нашел в великой русской литературе, – Каренин, да и то симпатию не он вызывает, а его несчастная жена. Между прочим, Каренин занимался одной из великих реформ, сидел в департаменте и писал реформы. А Лев Николаевич не удосужился рассказать, о чем он именно писал, помните его основной аргумент? У Каренина уши противные и пальцами он хрустел, этого было вполне достаточно для того, чтобы он был плохим героем. Анна Каренина вызывает симпатию уже у многих поколений.

Идея о том, что «царь добрый, а бояре с дьяками злые» пережила века, пережила режимы, и оснований для этого было очень много. Русская бюрократия не белая и не пушистая. Однако чиновничество русское было очень разным по разным историческим периодам. Кто делал великие реформы шестидесятых – семидесятых годов XIX века? Чиновники. Кто создал золотой рубль, устойчивость которого хватило на многие годы испытаний, на войну и даже кое – что еще советской власти осталось? Сергей Юльевич Витте и его команда. Можно вспомнить имена Валуева, Полоцкого, Столыпина. И более того – в последние три царствования среди чиновничества было много людей не просто честных, но людей с высокими моральными мотивами. Они считали, что жизнь надо посвящать развитию страны, а не реализации своих корыстных потребностей. Мотив служения был очень серьезной вещью, этим занимались

земства, врачи, педагоги. Народническая идеология не обошла стороной и чиновничество. Поэтому оценочные лекала для бюрократии начала XIX века не очень подходят для бюрократии второй половины XIX и начала XX века. И даже советские чиновники, которые работали в условиях жестких физиологических ограничений, часто могли минимизировать разрушительные последствия некомпетентных и преступных решений партийных верхов. Так что российская бюрократия, будучи известным мальчиком для битья, при всех ее пороках, была лучше своей общественной репутации.

Но в постсоветские времена соотношение изменилось. Теперь крайне низкий моральный и профессиональный уровень бюрократии в целом соответствует ее крайне низкой репутации. Она это заслужила. Более того, она переживает худшее свое состояние за всю историю российской государственности. Сегодняшняя бюрократическая система не просто блокирует нормальное развитие, она является реальной угрозой обществу. Это не какая-то мифическая угроза, которой нас пугали во время избирательной компании, из-за которой надо «умирать под Москвой» и прочий вздор. Это вполне реальная угроза, не требующая доказательств в силу своей очевидности.

Я бы сейчас хотел поговорить о том, что менее известно. Как это все соотносится с более широкими явлениями общецивилизационного уровня и что за этим всем следует в практическом плане? В последние десятилетия человечество втягивается в серьезный, многофакторный, кризисный период, что потенциально способно породить цивилизационный сдвиг. Но кризис не в смысле краха или крушения, а в смысле кризиса развития. Все равно он связан с некоторым минимумом неприятностей. Это осознано на определенных уровнях рефлексии. На уровне политиков и государства это почти не осознано.

Какова роль бюрократии в меняющемся мире? Это крайне важная проблема, от адекватного осознания которой зависит очень многое в нашем ближайшем будущем. В последние тридцать лет в разных странах и в разных формах происходят перемены в самой парадигме государства. Веками апробированные государственные механизмы становятся все менее адекватными. Происходит отторжение устоявшейся системы отношений между государством и гражданским обществом. Развивается стремление к пересмотру классического общественного договора между ними. Это проявляется в разных формах. С одной стороны, идут социальные и интеллектуальные процессы. С другой стороны, чувствитель-

ные страны (прежде всего англосаксонские) реагируют на эти процессы. Общественное движение оккупирует Уолл-стрит. Это молодые рассерженные интеллектуалы, не маргиналы, хотя всегда есть пена, которая приманивает – это неизбежно. Но эти люди понимают, что их не устраивает. Амплитуда такая: от оккупации Уолл-стрита до «арабской весны».

Действительно, сейчас происходит поиск новой модели. Произошла десакрализация государства в общественном сознании, даже там, где она существовала. У нас многие любят говорить, что «у нас государство сакральное». Однако над «дворцовым государством» смеются, а смех убивает. Как нас учили, история повторяется: вначале в виде трагедии, потом фарса. А сейчас уже не фарс, а бурлеск. Раньше хотя бы были какие-то медные всадники, от которых Евгений бежал по Петербургу. Был Сталин (не к ночи будь помянут), которого боялись, а над Путиным смеются. Медные всадники переродились в каких-то мышей, вот какой образ возникает. Это одна из причин, по которой «дворцовому» государству я не собираюсь предсказывать светлое, замечательное, легкое будущее. В любом случае оно трансформировалось.

Что же происходит? Гегелевская парадигма государства окончательно рушится – если говорить на философском уровне со всеми ее атрибутами (типа абсолютной цели государства, мирового духа и прочей ерунды). Она мертва интеллектуально и физически. Происходит новая реинкарнация либеральных взглядов на место и роль государства. Государство стремятся вернуть на прежнее место – нормальное, служебное по отношению к естественным потребностям людей. Этот процесс занимает годы, может быть, десятилетия. Но, как говорил М.С. Горбачев, процесс пошел и пошел необратимо. Применительно к теме бюрократии нарастает риторика: административная революция, постбюрократическая революция. Все это слишком сильно сказано. Но в научном плане происходит переход к поствеберизму – речь идет о поствеберовском государстве. Некоторые говорят: это не всем нравится. Мне это тоже не во всех аспектах нравится, это не значит полного отказа от классической веберовской модели. Просто ряд классических атрибутов его модели рациональной бюрократии, которую полагали вечной, по крайней мере, для предвидимого будущего, почти исчерпала свой позитивный потенциал. Эта модель уже не соответствует реалиям быстро меняющегося мира. Я не буду перечислять, какие именно атрибуты веберовской концепции устарели. Если будет вопрос, с удовольствием это сделаю. Так вот, более чувствительные в социально-политическом плане государства сдела-

ли из этой неблагоприятной ситуации прагматические, конструктивные выводы. Многие знают про движение в сторону нового государственного управления – new public management. Первые последствия этого процесса неоднозначны, был перекосяк, как случается с новшествами. Абсолютизация идеи клиентского государства принесла ряд издержек, поскольку государство не может быть приравнено к клиенту. Однако произошедший сдвиг по гамбургскому счету на три четверти позитивен.

Кратко перечислю, что это значит. 1. Перенесение принципов работы бизнес-структур в государственные органы. 2. Передача части государственных функций частному, общественному сектору, т.н. аутсорсинг. 3. Меры по разрушению бюрократических каст, сменяемость и ротация кадров, сейчас бюрократия перестает быть пожизненной профессией. 4. Оценка по результатам, резкое повышение подконтрольности чиновничества, их действий, доходов и расходов. 5. Развитие параллельных общественных структур с функциями, которые прежде принадлежали исключительно государству. Появился даже термин «опустошение государства» для описания ухода функций государства (даже тюрьмы частные стали появляться).

Все это значит, что люди перестали доверять государству. На этот счет есть серьезные эмпирические данные. Назову две причины недоверия к государству: 1. Усвоены уроки немецкого, советского, итальянского тоталитаризма. Они даром не прошли, тем более, что люди стали более образованными. 2. Люди стали более активными, стали больше общаться, путешествовать, вступать в отношения с бизнес-структурами, корпорациями. Если человек видит, что его проблемы в частном секторе решаются за 15 минут, а в государственном такая же по технологической сложности проблема занимает месяцы, то ему это сильно не нравится. Люди начинают задумываться: стоит ли государство тех денег, которые я ему плачу в виде налогов? Вообще говоря, нет ни одной функции, которую государство выполняло бы лучше частных структур. К этому выводу пришли на основе анализа государственных пожарных служб: они работают гораздо хуже самоорганизации при пожаре.

Теперь немного расскажу о том, что происходит в разных странах. Лидером перемен является Англия. Она подошла к модели бюрократии XXI века. Комиссия по гражданской службе в Англии существует полтора столетия, с 1854 года. Но за последние 10 лет она принципиально изменилась. Потребителем услуг чиновников является гражданское общество. Поэтому оно участвует в их найме на работу, т.е. к себе на службу. Как

это происходит? Комиссия состоит из 11 человек, которые не являются государственными служащими и не прекращают своей основной работы. В данный момент комиссию возглавляет дама, президент юридического общества Англии, параллельно она занимается какой-то лотереей олимпийской, и арт-директор британского музея, в комиссию входит также пара менеджеров из сети Макдональдс, из системы Фаст – Фуд в Англии и несколько инженеров. Эти ребята работают на пол-ставки и руководят конкурсной комиссией, отбирают 600 главных чиновников государства. Они написали кодексы, которые устанавливают правила комплектации. Если люди выбирают себе президента или парламентариев, то почему они не могут выбирать чиновников, с которыми сталкиваются в повседневной жизни? Кстати, эти вещи обсуждались и с нашими чиновниками на региональном уровне.

Второй пункт – и это ключевая вещь – это их традиция открытости. Англичане всерьез относятся к словам, написанным на бумаге. Впервые я попал в Англию 10 назад. И хотел поговорить с некоторыми высокопоставленными чиновниками. А Британская академия наук стала отвечать почти в советском духе: «Вы написали нам об этом только за три недели, а надо было за полтора месяца, трудно договориться и т.д.». Как я решил эту проблему? В 2005 году они издали закон о свободе информации и ситуация изменилась радикально – я со всеми встречался и со всеми разговаривал. На местном уровне любой гражданин может прийти беспрепятственно в качестве слушателя на любое заседание комитетов и комиссий органов управления – например, в Горсовет Ростова или городскую управу Оксфорда. Человек проходит в холл, там висит таблица, где какая комиссия заседает. Он идет, куда хочет. Права голоса он не имеет, но он слушает, смотрит, как люди, которым он платит зарплату (прямо или косвенно), решают его проблемы. То же самое относится к парламенту. Я вообще люблю ходить не по договоренностям, а как простой человек с улицы. Это дает на самом деле очень многое, я это пробовал в разных странах. И в Англии увидел, что на комиссии обсуждают проблемы достаточно специальные, например, использование опыта частных контор менеджмента найма для найма государственных служащих. Мне было это профессионально интересно и я пошел в парламент по этому поводу, никто меня не остановил. Правда, там было 10 человек, не 11, но это было года три тому назад, там тогда еще ребята ходили с автоматами. Меня только спросили, ты чего и куда, я сказал куда, пришел, сел. Там было не много людей – несколько

журналистов, несколько обычных городских сумасшедших, очень толковое было обсуждение. Через месяц меня пригласили в Москве как специалиста в Государственную Думу, и я сразу почувствовал разницу. После этого я в Думу не езду, даже отворачиваюсь, когда мимо прохожу. Наша Дума – это позор нации.

В Англии есть также Комитет по стандартам публичной сферы и Кодекс министров. Кодекс министров подписывает каждый вступающий в должность руководитель ведомства. Еще одна интересная вещь – ограничение полномочий советников и помощников при политиках. Они очень озаботились такими вещами, что вдруг при Блэре, при всей его демократической риторике, возник огромный штат советников. А у Тэтчер их было меньше двадцати. Они переполошились. Высшая школа политической науки и экономики, Парламент стали обсуждать: «Что такое? Кто эти ребята?» Они что, проходили экзамены, обладают опытом госслужбы? Блэр их привел по политическим соображениям, ну так пусть они ему и советуют, если они ему советуют, то пусть он сам им платит, почему налогоплательщик должен платить за них?

Теперь давайте эту ситуацию спроецируем на ситуацию в Администрации Президента России. В этой конторе пытаются вершить – и не безуспешно, к сожалению, – всякие разные дела. Но трубка имеет два конца всегда. Мы с М.Красновым как раз это обсуждали: как же так, если человек звонит в чью-то приемную или в Кремль, то как же его не послушать? Я про это дело написал книжку, в которой все эти вещи подробно представлены, она есть на сайте, где можно об этом прочитать.

США в 1939 году приняли акт, согласно которому любому государственному служащему запрещено участвовать в избирательной компании за двумя исключениями: он может лично проголосовать и сделать личное анонимное пожертвование – в американской политической культуре это очень важная вещь. В социологии есть целая батарея вопросов: как часто вы жертвуете? Они измеряют политическую активность по этому делу. Переводя на язык родных осин, это запрет на административный ресурс. Он многим не нравился. По этому поводу дважды доходили до Верховного суда с аргументом: разве чиновник не человек? разве он не может свои политические симпатии пропагандировать? Да, сказали, он человек, но с другой стороны он может и больше злоупотреблять. Существует некое противоречие, но лучше с ним примириться, жизнь вообще противоречива.

Теперь о континентальных системах госслужбы. Ближе всех к нам Франция и Германия. Это другая система госслужбы, она закрытая, похожа сильно на Россию, во всех отношениях, кроме одного – она лучше работает. Мы с Франции пытались часто брать в этом смысле примеры вплоть до 1990-х годов. Для составления первого нашего закона «Об основах государственной службы РФ» приглашали французских специалистов. Но парадокс был в том, что система государственной службы во Франции к тому времени уже устарела, начинала разрываться коррупционными и другими скандалами. А мы брали идеал позавчерашнего дня. Возьмем НАТО, там четкая регламентированность всех процедур, существуют механизмы защиты рядовых чиновников от начальственного произвола. Это очень важная вещь, некогда рассказывать, какие именно, поверьте на слово. Подписанная в 2005 году Марианская хартия устанавливает стандарты поведения чиновников в контакте с гражданами. И последнее – презумпция ответственности государства за ошибку чиновника. Это существенная вещь, там человек, которому государство нанесло ущерб через некоего чиновника, берет на себя ответственность за его ошибку и материально платит деньги. Другое дело потом – дальнейшая судьба этого чиновника.

В принципе, вся французская система – негативный урок аппаратной модернизации. У нас всю модернизацию, в том числе с моим участием, пытались провести сверху. А есть такая старая французская поговорка: «Нельзя доверять лягушкам осушать болото, в котором они живут».

В Германии лишь одна вещь примечательна – институт административной юстиции, эдакий театр любых чиновничьих злоупотреблений. Это частное лицо, обращается туда и государство, там частное лицо и государство равносильны в процессе, но у человека есть возможность эффективно обжаловать представляющее ему неверным, несправедливым решение, принятое по отношению к нему от имени государства. Вот это место, где гражданин изначально равноправен с государством, где он состоит с его представителями не в силе, а в аргументах, в праве. То есть публичные и частные интересы представлены как юридически равные. Он уже давно действует и знает, интересная вещь, он воспитательно влияет очень сильно. И кто его отменил? Гитлер! Как только он пришел к власти, вышел закон «О защите германской чести и германской расы» и еще один закон, я не помню, как он назывался, но там было, что не нужно нам все это потому, что они защищают интересы человека, а не государства.

Замечательный аргумент. И было принято решение, что пусть гестапо занимается этими делами. У нас эти дела передавались парткомам. Естественно, в 1946 году все это было восстановлено в Германии.

Я возвращаюсь в Россию, и тут уж вы меня не посмеете прервать. Наша бюрократия – сюжет большой и больной, но фатально не безнадежный. Наш аппарат намного и качественно хуже западной бюрократии. Есть две базовые причины этого: 1. У нас не публичная служба, как всюду, а государственная, считай государева. Отсюда очень много вытекает и отражено на уровне лингвистики, хотя лингвистика не все покрывает. Публичная служба имеет приоритетом обслуживание граждан, оказание публичных услуг, а государева понятна кого обслуживает. 2. Засилье идеологии чина, который у нас возник при Петре в 1724 году.

Все это изжило себя очень давно. Напомню, что в XIX веке каждое новое царствование начиналось с создания комиссии под разными словами, которая имела целью отмену чиновничества. Из этого ничего толком не получалось. Отменило чины Временное правительство, но все это не повод ставить крест на нашей бюрократии как таковой. Другое дело, что нам нужна не просто реформа, а кардинальное изменение.

Наше государство – это полицейско-бюрократическое государство, с квазидемократическим фасадом. А в мире сейчас другие государства формируются. Идет движение в сторону формирования новой системы еще не опробованных отношений. Что из зарубежного опыта можно использовать – я не буду говорить. Исторический фон задан нашим первым докладом.

У Пушкина есть такая фраза: «Правительство – единственный европеец в России и от него зависит не стать сто раз хуже, потому что никто кроме него самого этого не заметит». Я преклоняюсь перед Александром Сергеевичем. Но в этом он абсолютно ошибался. К тому же это было сказано после выступления декабристов. Сейчас государство является главным охранительным цербером, оно – главный азиат в России в дурном смысле этого слова. Придерживаюсь тех рамок, которые нам предложил Юрий Сергеевич. Сегодняшняя власть в нашей стране определена хуже людей, хуже общества, если мерить такими простыми категориями. Как говорил А.Платонов, без меня народ не полный. Если же мерить не простой социологической арифметикой, а социальным, интеллектуальным потенциалом наиболее продвинутых сегментов общества, то правительство России определено хуже. И пытаться это задержать бессмысленно. У Карла Поппера есть очень хороший фрагмент, прямо

про нас: «Вернуться в мнимый утраченный рай прошлого невозможно, для вкусивших от древа познания рай потерян, чем старательнее пытаемся мы вернуться к духу племенного века, тем вернее мы в действительности придем к инквизиции, секретной полиции и ароматизированному гангстеризму. Следует найти опору в ясном понимании того простого выбора, перед которым мы стоим. Мы можем вернуться в животное состояние, а если мы хотим остаться людьми, то перед нами только один путь, путь в открытое общество».

Я могу сказать, что за последние три месяца сделан мощнейший шаг. То, что произошло, можно датировать сентябрем, можно датировать выборами. Гражданское общество в России не умирало, оно существовало, но пребывало то ли в состоянии сна, то ли литургии. Но это потрясающая вещь, произошедшая между 4 декабря и 4 марта. Это самоорганизация десятков тысяч людей бескорыстно, не за деньги. Они потратили массу усилий, изучили избирательное законодательство, самоорганизовались. И получилось то, что государство (я посчитал, что в этой деятельности было замешано примерно от 120 до 140 тысяч государственных и муниципальных чиновников), – так вот все эти люди в той или иной степени совершали преступления против избирательного законодательства, уголовные преступления, предусмотренные минимум тремя статьями уголовного кодекса, могу их назвать – 141, 142, 286.

Это реально. И гражданское общество поймало их за руку, вот что важно. Легитимность часто для большей части общества не существует. Вы говорите одни и те же слова, на площади одной, на площади другой, но это очень разные слова. Когда говорят: «Россия без Путина», – я считаю это совершенно реальным. То, что сейчас происходит, вселяет некий оптимизм, но не обещает быстрых и легких вещей в течение ближайших пары лет.

Конечно, российская бюрократия пребывает в состоянии глубокого кризиса. Но это не кризис развития, а кризис распада, хотя она модернизируется. Для этого есть причины, основания, масса примеров в русской истории. Вообще говоря, 1990-й год, и его демонстрации – это совершенно уникальная вещь. Не было перевернуто ни одной машины, не было разбито ни одной витрины. То было общество тогда поднимавшееся с колен. Я считаю, что при всех издержках 1990-х годов (если отбросить годы войны, к которым предъявляется другой критерий), они были самым достойным десятилетием нашей истории. Потому что тогда действительно общество поднялось с колен и ни одной палатки не сожгло. На этом я закончу.

В.Н.Ткаченко. Украинская бюрократия в зоне двойной полупериферии.

Я не буду рассказывать о русской власти и бюрократии. Вы это знаете лучше меня. Да еще скажете, что вот приехал с Украины и начинает распинаться про русскую власть, вы сначала сами у себя разберитесь, что у вас происходит, а потом скажете... Это нормально, тут должен быть определенный элемент политической корректности. Что касается Украины, тут тоже есть определенный элемент. Мне часто приходилось встречаться с докладчиками, которые приехав в Россию, любят поплакаться, вот, там в Украине то, се и т.д. Я гражданин этого государства, патриот своей родины, у меня есть дети, внуки и я хочу, чтобы у меня все было хорошо. Поэтому постараюсь критически, но с элементами надежды и оптимизма осветить моменты, которые для русского слушателя будут представлять интерес.

Прежде всего скажу о появлении самого государства Украины. Если рассматривать с точки зрения чисто Украинской истории, – вот у нас были диссиденты, их во время перестройки вытащили, – то это будет неправильно. Потому что невозможно появление громадного, 50-десятимиллионного государства по территории – самого большого в Европе на политической карте мира, словно появление Венеры из пены морской. Мало государству себя провозгласить себя, надо чтобы его признали. Надо, чтобы другие имели какой-то интерес к появлению этого государства. Естественно, что при распаде СССР часть ядерного оружия осталась в Белоруссии, часть в Казахстане, часть в Украине. Причем, в Украине очень большая часть, ведь большая часть советских ракет была нацелена на Европу. Мы превращались в третье государство в мире по количеству этой техники. Пришлось заплатить большую цену. Мы заявили, что снимаем ядерное оружие, разоружаемся, а тут еще Чернобыль добавил проблемы. В 1996 году в Бухарестской декларации ядерные державы дали гарантии нерушимости и целостности границ Украины. Декларация хорошая, но реального механизма ее реализации нет. Очень трудно определить: что будет, если что-то все же случится с нашими границами? Там сказано, что стороны прибегнут к механизму консультации, а что это за консультации, как они будут проходить, чем они закончатся, – этот вопрос неясен. Будем надеяться на порядочность государств, которые договаривались. Поэтому когда появляется такое государство, оно вынуждено принять те правила игры, которые в мире уже установлены.

Главная проблема Украины – самоопределение нации. Это не просто какое-то количество населения, это люди объединенные вокруг какой-то титульной этнической группы, которые борются за право нации на самоопределение, и оно должно воплотиться в этом государстве. Государство имеет определенное сакральное значение. Если будет государство, – мы состоимся как нация. Если нет, – опять пойдут разговоры про Украину как лоскутное одеяло: одна территория принадлежала Австро-Венгрии, другая – Румынии, третья – Польше, четвертая – России. Таких разговоров полно и не хочется на них останавливаться.

Вместо этого вспомню одну историю. Когда Эйнштейн получил Нобелевскую премию, журналисты стали к нему рваться, а он сказал, что не мешайте мне работать, и когда один все-таки прорвался и попросил один вопрос, Эйнштейн говорит, ну давай. И его спросили, какой вопрос Эйнштейн задал бы сам себе? Я бы задал вопрос как вселенная относится к нам? От этого зависит окружать нам себя каменной стеной, или строить мосты. Вот эта идея в некоторой степени отражает то, что мы сейчас брошены в этот глобальный мир. Мы мало его понимаем и не понимаем своей роли в нем. Куда вообще этот мир идет и мы вместе с ним? Мне представляется, что это главный вопрос для Украины. Каково наше место? Многие говорят, что Украина ведет себя бог знает как, – то она к Европе, то она к России, вы определитесь пожалуйста, а это без нас уже все четко определено.

Если брать Валлерстайна с его миросистемным анализом, то США сегодня остаются центром, вокруг которого формируется Япония, имеющая свою полупериферию, Китай. А с другой стороны Европа, которая имеет в качестве потенциальной полупериферии Россию. А Украина где? По модели Валлерстайна получается, что если Европа смотрит на Россию, как на полупериферию, то Украина – это периферия России, которая периферия Европы. Украина оказывается в зоне двойной периферии.

Если взять Бжезинского, то часто от русских можно слышать, что он потакает Украине. Да не потакает он. Он говорит: ребята, ваше поведение по отношению к России, это поведение Канады по отношению к США. Когда приходится спать в одной кровати со слоном, нужно очень осторожно вести себя не потому, что он злой, а просто потому, что ему захотелось повернуться набок. Поэтому колебания то в одну, то в другую сторону исторически определены, и с этим ничего не поделаешь.

Я хотел бы те модели, которые были описаны в предыдущих докладах, проиллюстрировать на примере Украины. Чтобы зрительно пред-

ставить эти проблемы. Я хочу рассказать анекдот, т.к. если без шутки, то непонятно вообще, о чем он говорил. Купил кум путевку в Африку, съездил, вернулся, его спрашивают, ну что ж ты там видел? Он отвечает: зебру видел. А шо це? Ну, вы лошадь видели? Видели. Зебра – цэ лошадь, только в полоску размалеванная. А еще шо? Ну, жирафа. А цэ шо? Ну, лошадь, только с длинной – длинной шеей. А еще? Ну, крокодила. Шо цэ за зверь? Ну, вы лошадь видели? Видели. Ну, так вот он на лошадь совсем не похож.

Специфика Украины состоит в том, что массовые чаяния, надежды, иллюзии перекликаются. Попросту говоря, в Украине есть три беды, и они становятся тремя благами. Первая беда – олигархия, когда происходит сращивание власти и собственности. В Украине олигархи – это единственные люди, которые действительно знают, зачем им это государство. Дело в том, что это государство они создали для себя и они его не отдадут. Они великолепно знают, что из-за кризисов они могут получать свои сверхприбыли. Государство для олигархов это всё – за счет государства прокладываются дороги, железные дороги перевозят их товары по весьма льготным ценам. Подходит конец года – и России задолжали за газ. Не хотят предприниматели металлургической промышленности, химической промышленности тратить свои деньги. И в течение 26 минут на Верховной раде было принято решение о том, что с государственного бюджета выделяется 4 миллиарда долларов и покрываются долги этих предприятий. Потому что если предприятия закроются, люди потеряют работу, чего допустить нельзя, и свои расходы они перекладывают на государственный бюджет. Очень выгодное дело, как вы понимаете. Надеяться на то, что кто – то придет, и кто – то на блюдечке Украину передаст России или кому-то другому, на это не стоит надеяться, эти ребята знают для чего им это государство нужно. И это гарантия того, что это государство будет.

Второе. Как говорит Хантингтон, по нашей территории прошел цивилизационный разлом – восточная и западная Украины. А между Востоком и Западом никогда не будет ничего общего. Недавно был съезд нашей партии регионов. Там у них сейчас новый заместитель появился, молодой парень, он говорит: по сути дела сейчас под выборы будут сформированы две главные партии – это партии Запада и Востока. Еще будет партия коммунистов, пока у нас есть 11 миллионов пенсионеров. То-есть, у нас невозможна «Единая Россия». У нас будут две партии, одна из которых будет ориентироваться на европейскую интеграцию, другая

будет прорабатывать таможенный союз с Россией. Они вынуждены будут договариваться, потому что если на сегодняшний день посмотреть, у Юлии Тимошенко неприятности, мягко говоря, рейтинг такой приблизительно – то 2% туда, то 2% сюда, то 16 на 14, то 18 на 20 и т.д. И то, что они вынуждены будут договариваться, это вселяет хоть какой – то оптимизм, что хоть на таком уровне региональном, а все – таки будет какой – то общественный диалог.

Третий момент – это внешнеполитический фактор. До тех пор, пока будет такой раздражитель со стороны России, о котором я говорил, – будет колебаться самоидентификация украинцев. Как граждане Украины, идентифицировали себя 53%, после оранжевых событий уже 64%, около 30% идентифицируют себя как представители своего региона, процентов 12 определяют себя как «бывшие граждане Советского Союза». Для Украины значим фактор «внешней угрозы». Возьмем 1994 – 1996 год, фактор Чечни – и число сторонников независимости Украины по социологическим опросам повышается с 56% до 71%. Появилась угроза, что мы можем быть втянуты в это дело, нет, извините, мы будем самостоятельными. Другой момент – октябрь 2003 года, Тузлов, помните, казаки делали там дамбу, опять – таки социологические исследования показывают, число сторонников независимости Украины увеличилось с 71 до 77,6%. Возьмем последние события в Грузии. Опять – таки количество сторонников независимости Украины резко повышается, с 71 до 83%. Потом, казалось бы, пошли навстречу России – продлили аренду базы в Севастополе, а газ не дешевет и не дешевет. И опять пошла риторика, что с этими ребятами надо ухо держать востро.

Таким образом, внешние факторы не нужны, лучше жить в мире, жить дружно. Но они стимулируют фактор национального самосознания. Уже 20 лет прошло с тех пор, как провели в 1991 г. референдум о независимости. Какая волна эйфории была, жили все иллюзиями, романтикой. И тогда 76,4% населения Украины проголосовало за независимость. Потом 20 лет очень не простого пути. Этот процент падал, становился угрожающим. Но в 2011 году опять же те же 73% заявляют, что если бы был референдум, то они бы проголосовали за независимость.

Я сейчас определил те вопросы, которые с особым интересом в России воспринимаются. С независимостью все будет хорошо. Если я вам говорил, что раньше лишь 15-16% идентифицировали себя в первую очередь как граждане Украины, и говорили при этом, я донецкий, я галицийский, и т.д. Теперь, если взять молодежь до 35 лет, то опросы показывают,

что 90% молодежи идентифицируют себя в первую очередь как граждане Украины. Это по факту, паспорт получили, получили, что там написано? Граждане Украины, и все. Но другой есть фактор, когда им задают вопрос: гордитесь ли вы тем, что вы являетесь гражданами Украины? 62% молодежи до 35 лет заявляют, что они гордятся своим гражданством. Им можно задать вопрос: а чем, собственно говоря, вы гордитесь? Чувство гражданственности – это не чувство сытого брюха, это чувство ответственности и чувство своей значимости, возможности каким – то образом влиять на реальное положение вещей. Когда шла замена оранжевой команды на бело – синюю, аналитики так и говорили, что одной части Украины нужно было разочароваться в мессии Ющенко, а другой части пришло время разочароваться в Януковиче. Пора понять, что если мы будем делать ставку на какого – то одного освободителя, это не дело. Надо надеяться на самого себя. И что интересно: рейтинг падения нового правительства опережал даже рейтинг падения Ющенко.

Я могу продемонстрировать это на конкретных фактах, не беру даже западную Украину, беру Донбасс, восточный этот регион, положительный рейтинг, ну сначала там где – то 38%, нового правительства, 40, 44% было, в 2009 году и вот, заканчивается 2010 год, и появляется – 5,4% а дальше пошло – поехало: январь – 12%, февраль – 16, апрель – 32, май – 35, июль – 46, октябрь – 48, то есть люди реально начали смотреть, наверно неплохие слова были написаны когда – то в Интернационале. Очевидно, здесь необходимо подумать о себе...

Для разрядки расскажу еще один анекдот, который ходил еще при Ющенко. Выступает президент и говорит: панове депутаты, вы маєте уже землю, фабрики, заводы, маєте мерседесы и маєте вертолеты, пора ж уже и про людей подумать? Из зала: правильно пане президенте! Так чоловіки пашують по 600 – 700 на кожного, надо же и землю обробляти! Эта перспектива говорит нам о том, что нормально демократия может развиваться тогда, когда есть 6000 долларов на человека внутреннего валового продукта. И тогда уже резких потрясений не будет. Но 6000 долларов – тоже слабая утеша. Если взять европейские страны, то в среднем по Европе приходится 45 – 50 тысяч долларов на человека. В России, насколько я знаю, это 10-12 тысяч в год валового внутреннего продукта. В Украине пока журнал «Форбс» сказал, что только в апреле месяце статистика появится. Если в прошлом, позапрошлом году (когда был кризис, банки полопались), приходилось по 2,6 тысячи долларов на человека, то в этом году есть рост, может будет 4 тысячи долларов на человека.

Как на это реагирует население? Я 20 лет слежу за социологией. Примерно 67 – 72% говорят, что события развиваются в неправильном направлении. Но за этой оценкой дальнейших выводов нет. Если неправильно, то надо же как то поставить правильно, но кто поставит? Все надеялись на то, на это. А сейчас особенно не верят ни государству, ни оппозиции, ни неправительственным структурам не верят. Сейчас украинцы сосредотачиваются, куда податься? Из статистики я брал по России Левада – центр, в Украине я беру КВИКИС, с которой Левада-центр работает непосредственно, часто они работают по одной и той же программе, так что это авторитетные и достоверные данные должны быть. И еще у нас есть Центр имени Розенкова, который довольно независимый, потому что ему все посольства заказывают исследования. Он дает достоверные данные. Этот Центр говорит, что 45% населения недовольны и готовы участвовать в законных демонстрациях, акциях протеста и т.д. Но мы знаем, что внутренняя готовность часто никак не реализуется в реальной жизни. Поговорить, что дескать, надо то и то, – это еще ничего не значит. 22% готовы даже на несанкционированные выступления, и что меня еще больше тревожит – у нас идет сильная радикализация партии «Свобода» на западной Украине, причем радикализация идет в Донбассе тоже. Потому что все – таки есть очень серьезные социальные проблемы. Примерно 7,4% (т.е. около 3 млн.) заявили, что они готовы пойти в какие – то дружины, различные организации, казачество. А это такие ребята, от которых всего можно ожидать. Я бы не хотел чтобы дело дошло радикализации. Однако для Украины в целом 60% говорят: работать надо.

Я часто вспоминаю своего тестя, правда, он был не украинец, а белорус. Когда я ему говорил, что надо то и то, он отвечал: что там думать, за нас уже все подумали, работать надо. 70% считают, что упорный труд – это залог благосостояния и только 20% говорят, что многое зависит от случая. Мне кажется, это характерная особенность украинской ментальности – при любых условиях надо работать. И если нельзя во всей стране все поправить, то у себя можно забор сделать, огород вскопать, посадить картошку, морковку...

Рассказывает мой друг, поехал в село к матери картошку сажать, ну мать утром встала, картошки пожарила, блинчики, спрашивает, ну, сынок, что ж там в Киеве? Да вот там, мама, понимаешь, администрация президента вот это, Верховная рада то, а Юля туда, а Янукович... А мать сидит и говорит: знаешь, сынок, я уже старенькая, я думала пол-огорода

картошкой засаживать, а наверно надо полный огород, потому что если такое твориться, то надо как-то жить в этом мире.

И вот момент, который уже обсуждался: народ сядет на аэроплан и улетит. Это не просто разговоры – 60% экономически активного, трудоспособного населения нацелены на выезд за пределы Украины. Конечно, одно дело быть настроенным, другое дело реально поехать. Я в прошлом году задался вопросом, сколько людей у нас за границей работают? Я по линии МВД, по линии МИД и по миграционной службе не смог найти никакой конкретной статистики. По одним данным, за рубеж выехало 63 тысячи человек. Но, позвольте, это только в одном Ростове-на-Дону украинцев 63 тысячи. Неясно, по состоянию на последний период сколько людей пребывает за границей? Прошлым летом организовали миграционную службу, называют цифры от 2 до 7 миллионов человек. Может быть 3,5, 4 или 5 миллионов. Во всяком случае, когда проводили социологические исследования, то многие фиксируют, что у них есть опыт работы за границей.

Возникает вопрос: было в государстве несколько миллионов людей, ни у кого и голова за них не болела, но если никто об этом не говорит, значит, что – то в этом есть. Стал смотреть, сколько денег идет в Украину, так только по официальным каналам, которые можно зафиксировать, идет от 4 до 6 миллиардов долларов в год. Некоторые эксперты, которые связаны с банковскими структурами говорят, что реальная цифра может достигать до 20–22 миллиардов долларов в год. Во всяком случае, при социологическом опросе каждая шестая семья, которая имеет кого-то за рубежом, практически полностью все свои хозяйственные расходы покрывает за счет пополнения из-за границы. Понимаете, это очень выгодная статья доходов, оплачивается и медицина и учеба детей. Обидно, правда, что дети остаются часто на бабушек и дедушек, а это не всегда нормально в плане воспитания. Но во всяком случае это хорошая статья дохода. Поэтому я не хочу давать прогнозы, тем более что сейчас такое ощущение у меня, что нужно ожидать октябрьских выборов в Верховную Раду. И пока идут непонятные тусовки, идут опросы. Но за кого бы не голосовали, как правило люди отвечают очень вяло. Потому что еще не определились, за кого и за что. С другой стороны, теплится надежда, что в октябре сложится некая конфигурация и все изменится, есть еще шанс и власть тоже это понимает и предпринимает определенные шаги.

В руках у меня папка, на ней написано, что проводится Всеукраинская конференция под названием: «Свобода и соборность – единство восточной и западной Украины как факторы национальной идеи Украины». Как – то неожиданно появилась эта конференция, солидные люди выступали и говорили, что надо крепить единство Украины, соборность, свободу, равенство и справедливость. Справедливость, – это для любой европейской страны, справедливость это легитимность. Это очень важно потому, что в СССР многие из нас выросли, и соотношение 10% самых высокооплачиваемых и 10% самых низкооплачиваемых был один к четырем, это была какая – то социальная справедливость, а в 1993–96 гг. в Украине этот коэффициент увеличился 1 к 67. Это было полное обнищание одного и концентрация богатств на другом полюсе. Сейчас официально уже говорят, что вроде бы соотношение составляет 1 к 20. Может быть и так, а может и не так. Потому что до сегодняшнего дня 50% экономики еще в тени, как посчитать их и какая тогда получится картина?

В заключение скажу, что не хочется обмануть наших детей. Проводили социологические исследования выпускников школ, спрашивали: дети, ну как вы настроены, вы ж будущее Украины? Ну, в общем весьма оптимистично, хорошо думают о будущем, 65% – с интересом, 56% – с оптимизмом, 50% – с надеждой, 39% – с уверенностью, я понимаю конечно, что у них очень опыт слабый здесь. Райнхардт Козеллек говорит, что движущая сила истории состоит в соотношении потенциалов между надеждами и между опытом; чем меньше опыта, тем больше надежды. Но во всяком случае нравятся ценности этих детей. У них самое главное – семья, видимо, в семьях не все благополучно и дети болеют за это – около 60%. Многие говорят, что и бизнес не самое главное, а главное это любимое дело, идут учиться, пытаются получить образование. Если бы сейчас состоялся референдум о независимости Украины, то 62,8% заявили, что они бы проголосовали за независимость. Куда она пойдет в Европу или в Россию, – все будет зависеть от ситуации и от того, как она определится.

Збигнев Бжезинский в своей последней книжке «Стратегическое планирование» сказал, что рано или поздно Европа вынуждена будет принять Беларусь, Украину, Турцию и Россию. Но, как вы понимаете, не сейчас, потому что кризис. У них своих проблем хватает. Более того, по его версии Совет Европы из Страсбурга переедет в Киев, что бы определить новую конфигурацию Европы. Ну, его слова да Богу в уши. На этой оптимистической ноте мне хочется закончить и поблагодарить вас за внимание.

И.И.Глебова. О неполитической природе и непартийных задачах российской партии власти

Прошлое и современность имеют чрезвычайно сложную связь на русской почве. Здесь настоящее не предопределено прошедшим. Оно не восстанавливает его в качестве известных, опробованных и оправдавших себя, социально эффективных схем, моделей, конструкций. Очень велика зависимость каждой новой русской современности от текущего момента, условий, человеческого потенциала. В этом проявляется одна из главных национальных особенностей: русская социальность не имеет ни отчетливого, устойчивого стиля, ни четких ярких форм, в которые отлился бы исторический опыт. Она хаотична, не определена, противоречива, находится в постоянном движении, как русское пространство. Здесь очень трудно говорить о традиции (как о чем-то известном, устойчивом, преемственном) – разве только в смысле предпочтения существующего порядка вещей любым нововведениям.

В действительности мы, русские, очень мало знаем о нашем прошлом – и все-таки воссоздаем в социальной практике «то, что было»; часто – практически «дословно», как будто «читаем с листа». Получается несообразность: на реальность воздействует и даже формирует ее «то, чего не было», и «то, что было и о чем мы не знаем». Здесь традиция каждый раз изобретается, подгоняется к настоящему. В то же время социальное развитие в чем-то очень последовательно. История «выкладывает» перед русским социумом набор возможностей, путей движения. А выбор обычно делается в пользу наименее социально ориентированных, но властно эффективных. Это само по себе ограничивает возможности выбора в дальнейшем.

Природа партии власти в России: общее и/или особенное. Когда-то Н.М.Дружнин отмечал, что в начале XIX в. российское самодержавие пыталось создать новую форму монархии, юридически ограничивающую абсолютизм, но фактически сохраняющую единоличную власть государя. Опираясь на эту мысль известного историка, сегодня можно сказать: в начале XXI в. российская демократия пытается создать новую формулу монархии, юридически ограничивающую абсолютизм, но фактически сохраняющую единоличную власть президента. Вообще имеет ли лишь два «идеальных типа» организации власти – «монархия» и «полиархия». То есть власть, сосредоточенная в одном «лице» (оргane), или власть, рассредоточенная, разделенная в различных институтах. В нашей стране, несмотря на трехкратную за последнее столетие трансфор-

мацию политической системы, сохраняется монархическая власть (в идеалтическом смысле). Подтверждением этому моему тезису является история современной партии власти. В ней как в капле воды отразилась природа русского кратоса.

В науке это явление рассматривается как типическое, своеобразно проявившее себя на нашем политическом пространстве. Для российских политологов партия власти остается характерным для элит новейшего времени способом реагирования на ситуацию «переходного периода». Долгое время природа этого явления выводилась из «партийной», а не «властной» составляющей. В отечественной политологии партия власти нередко рассматривалась как партийное образование, участвующее в электоральном процессе, но решающее специфические задачи, которые возникают у исполнительной власти в период «демократической трансформации». Однако этот исследовательский подход пришел в явное столкновение с российской реальностью.

Испытание реальностью заставило российских политологов пересмотреть традиционный взгляд на это политическое явление. В середине 2000-х гг. партию власти было принято характеризовать как один из важнейших политических институтов правящего режима, инструмент его внутреннего укрепления (консолидации элиты, включения в политическую жизнь значительной части госаппарата и всех тех «нужных» людей, кого не переварила исполнительная власть), а также механизм управления системой представительства гражданских интересов. Партия власти определялась как прямой клон исполнительных органов, непосредственно позиционирующий режим на политическом рынке, но в партийной форме, агент государства, строящий свою деятельность на чисто административных ресурсах», «кусочек» самого государства, продолжение его политического «тела», адаптирующегося в нехарактерном для себя сегменте политического пространства. Этот «клон» воспринимался политологическим сообществом в качестве серьезной угрозы – преграды на пути становления эффективной, сбалансированной плюралистической» партийной системы. Его появление дало основания оценивать российские партии как «недоразвитые» варианты известных западных моделей, имеющие скорее архаичные, чем современные характеристики», а партийную систему – как «прото» – или «квазимногопартийную». Представляется, что этот подход, низводящий партию власти до положения русской «анти-нормы» (или «вырождения» нормы) и отрывающий ее от реалий электорального процесса, нуждается в уточнении.

Его и уточнили, но каким-то очень знакомым, «местным» образом. В 2000-е гг. предпринимались любопытные попытки вписать российский партийный опыт в мировой контекст. Наша партия власти при этом характеризовалась как элемент доминантной авторитарной системы. Однако при этом указывалось на такие особенности доминирования «Единой России», которые опровергали тезис о ее партийной природе и подчеркивали как раз ее специфику («особость»): для обеспечения господства ЕР используются недемократические средства; она не является правящей, т.е. не влияет на состав исполнительной власти и не несет ответственности за проводимый политический курс; ее доминирование предполагает подавление возможностей представления различных групповых интересов (внутрипартийной функциональной борьбы, малых партий и др.); логика ее создания прямо противоположна нормальной партийной – она возникла в помощь президентской администрации для оказания влияния на население и облегчения законодательного процесса, «работает» на «консолидацию недемократического режима». Все это подтверждает мое исходное положение: ЕР не есть порождение партийно-властной системы; она – продукт властно-политической системы, один из инструментов власти.

Сейчас, на рубеже 2010–2020-х гг., мало кто ставит под сомнение партийность природы ЕР; споры ведутся лишь о том, *какая это партия* – доминирующая, правящая, бюрократическая. Мы уже прошли стадию ее определения как «прото-», «еще не»-партии. Зато все чаще указывают на растрату ЕР субъектности, на понижение в ней «градуса партийности» и характеризуют как «уже не»-партию. Но преобладают определения, базирующиеся на самоинтерпретации ЕР и ее легитимизирующие. Оценки ЕР становятся проблемой идеологии (или политтехнологии).

Характерно, что именно сейчас обозначился еще один подход к интерпретации российской партии власти. Более ранние вписывали партию в политический режим (по принципу: *каков режим – такова и партия как его элемент*). Теперь делают попытку «вывести» режим 2000-х из партии. Укажу на две взаимосвязанные интерпретации. В 2009 г. активно обсуждался ежегодный доклад Института общественного проектирования (ИНОП). В нем конструкция «верховой власти» была обозначена как «Три П» – президент, премьер и партия. Выдвинувшие эту формулу М.В. Ильин с соавторами указали на монопольное положение ЕР в партийной системе и ее особую роль в российской политике. Почти в то же время В.Я. Гельман и другие стали квалифицировать современный

режим как авторитарный партийный, подчеркивая его принципиальное отличие от персоналистского авторитарного режима 1990-х.

Эти схемы вовлекают в абсурдистскую реальность. В ней роль исследователя абсурдна вдвойне: дать научную «легенду» (например, ярлык «мягкий авторитаризм») построенной помимо него конструкции и тем самым ее нормализовать. Ведь авторитарный в сочетании с «мягким» и «партийным» выглядит цивилизованнее, чем авторитарный как административно-полицейский, репрессивный. А «Три П» – это будто бы не «тандемократия», но нечто большее, ориентированное на современно-партийное. Да и характеристика «недемократический» либо прямо высказывается, либо держится в уме. То есть, если квалифицировать абсурд через научные категории, мы как бы возвращаем в реальность.

Но все равно наш режим сложно нормализовать на партийных путях. Это противоречит не только режимной действительности, но и обычной логике. Почему в докладе верховная власть представлена «Тремя П»? Чтобы добрать до цифры, символизирующей единство и согласие («соборность») по-русски? Тогда логичнее было бы присовокупить к «соправителям» патриарха, по независимости и влиянию превосходящего партию. Он ведь тоже правит. Возможно, партия берется как пристяжная власти – то президента, то премьера. В чем же тогда ее особая (самостоятельная, независимая от первых «Двух П») роль? – Таких властных инструментов, «опосредованных властей» много. А что будет, когда премьер станет президентом и не «назначит» президента премьером? Партия останется? И кто будет третьим? Кстати, появление в мае 2011 г. идеи «народного фронта» в поддержку В. Путина (ясно: против Дм. Медведева), вообще, ставит крест на властной формуле «Трех П».

Еще более зыбкой представляется модель «авторитарного партийного режима». К ней возникают два вопроса. 1. Разве режим 2000-х, став партийным, перестал быть персоналистским? Он, в отличие от ельцинского, прочитывается не через Путина, а через партию? Зачем же тогда ЕР называет себя «партией» Путина? От скромности? И почему 90-е объявлены сейчас «персоналистскими непартийными»? Потому что не все партии создавались Кремлем? 2. Разве электорального и парламентского доминирования ЕР добилась сама? А в Государственной Думе она проводит самостоятельную политическую линию, независимую от «П» или «П»? Если нет (а отрицание законодательной самостоятельности ЕР – одно из оснований модели Гельмана), то почему в качестве определяющей характеристики режима называется «партийное доминирование»?

Ответы на эти вопросы очевидны. Модель «партийного режима» рассыпается при наложении на реальность. А если модель строится независимо от реальности, имея целью ее перестроить? Тогда получается, что социальная задача постсоветского обществоведения наследственно-преемственная с советской общественной наукой – дать другую реальность, жить в которой легче и интереснее, чем в «данной нам в ощущениях»?

От идеи партии власти – к практике партии Власти. Партия власти приобрела в России значение одной из «цитат», формирующих «текст» современной политики. Системообразующий элемент этого феномена – власть; его природа – не партийная, а властная. Специфика русской власти предполагает появление подобных партии власти «привластных» структур. Они необходимы для самореализации этой власти в обществе – для контроля над социумом.

Современные исследователи квалифицируют русскую политическую культуру как «властесцентричную»; полагают власть доминирующим субъектом русской истории. Власть ворует у других их субъектную энергию. И потому становится главным действующим лицом на политическом поле. В этом качестве она ни в ком и ни в чем не нуждается. Что касается «партии», то она есть продукт европейской политической истории, а само понятие происходит от латинского *pars*. Но если это так, то по-русски (не только в языковом, но и в социально-политическом смысле) это – *contradictio in adjecto*. Не может быть в русской системе «партии власти». Ведь власть – все.

Однако в некоторые исторические периоды русская власть вынуждена играть в игры, в которых она становится (на время, вынужденно) похожей на обычную европейскую власть. Это происходит в те эпохи, когда ресурс русской власти оскудевает. Тогда она вынуждена допустить на историческую сцену других, слабых и даже не вполне состоявшихся игроков. В этой ситуации она и создает партию власти.

Так было в 1906 г. Самодержавие (наиболее устойчивая форма русской власти) было вынуждено пойти на создание парламента (его полномочия были ограничены). Так было в 1993 г., когда второй раз в XX столетии, пытаясь погасить огонь гражданской войны, русская власть вновь дарует стране конституцию и парламент. Но опять начинает конструировать партию власти. Сначала это было похоже на отступательные бои власти, пытающейся перегруппировать свои силы для последнего наступления и возвращения на утраченные позиции. «Выбор России» –

«Наш дом Россия» – «Единство» – таков перечень российских партий власти. Однако они не проявили себя как серьезная сила и эффективные инструменты структурирования политического пространства.

До сих пор причины прежних неудач партий власти исследователи склонны искать в партийно-политическом измерении. В их числе называют неспособность эффективно использовать имеющиеся ресурсы в коалиционных взаимодействиях, ненужную (власти) идеологическую самостоятельность многих членов партии, нестабильность опоры на рыхлое центристское большинство в Думе. Но вектор поиска изначально задан неверно. Причины низкой действенности бывших властных политических образований – в слабости власти, а не в слабости партии.

Победы «Единой России» связаны с усилением власти; ее стремлением собраться, «сосредоточиться» – и занять свое привычное место: единственного источника и субъекта социальной действительности. Создание партии власти – это показатель высокой степени адаптируемости русской власти к меняющимся историческим условиям. Партия власти выступила в качестве инструмента преодоления Смуты (когда происходит социальная самоорганизация «снизу»), создания предсказуемого, контролируемого «сверху» политического пространства.

«Партии порядка» в русской властной традиции. Для понимания природы партии власти необходимо обратиться к русской истории начала XX века. Тогда практически одновременно выдвигаются два конкурирующих политических проекта: в 1903 г. – партии нового типа, в 1905 г. – партии власти. Показательно, что инициатива их создания принадлежит персонификаторам русской власти: Ленину, олицетворявшему будущую власть, и ближайшему сподвижнику Николая II – Д.Ф.Трепову. Эти проекты появляются в момент зарождения российской многопартийности, когда в России еще не было партий в европейском (т.е. классическом) смысле слова. Они определяют происхождение и судьбу в истории русской партии власти.

24 сентября 1905 г. Д.Ф.Трепов пишет письмо императору, в котором формулирует идею партии власти – «твердо сплоченной консервативной партии порядка». Это обращение было связано с обсуждением в политических кругах Манифеста 6 августа 1905 г., где «населению» была обещана Государственная дума («булыгинская») с законосовещательными правами. Треповский проект сводился к следующему: образовать в Думе «партийное» большинство «верноподданных» депутатов; включить в партию власти генерал-губернаторов, градоначальников, «кото-

рые, в силу своего служебного положения, всегда будут в состоянии составить около себя кружок влиятельных в данной местности лиц»; для организации партии командировать в провинцию «особо доверенных лиц»; поставить под контроль партии периодическую печать и с ее помощью формировать «проправительственное» общественное мнение. По мнению Трепова, «партия порядка» должна была принципиально отличаться от «обычных» партийных образований; она выражала фундаментальные интересы подавляющего большинства народонаселения Российской империи, а все остальные партии – эгоистические интересы мелких социальных групп.

Судьба этих проектов – ленинского и треповского – была различна. Старой русской власти не удалось реализовать идею создания своей партии. Объясняется это качеством той власти, ее слабостью, растратой ею субъектной энергии. Она была мало приспособлена к политической деятельности нетрадиционного для нее (европейского) толка; не понимала, в какую эпоху она входила. Здесь показательна позиция Николая II. Думу, политические партии, выборы и т.д. он рассматривал как лишнюю, ненужную, избыточную возню; как некую помеху, с которой приходится до поры – до времени мириться. Если треповский проект предполагал «завоевание» Думы с целью сохранения исторической власти, то последний русский самодержец фактически придерживался той точки зрения, что в России наилучший вид политики – это отсутствие политики. Д.Ф.Трепов «догадался»: настали времена, когда, если хочешь остаться у власти, следует превратить конституционно-представительный механизм в механизм упрочения собственного влияния. Иного пути нет. Как раз этого и не понимал Николай II...

Правда, в России были люди, осознававшие необходимость поиска новых политико-властных технологий. Причем, были еще задолго до появления в стране «публичной политики – 1» (1905 год). Так, в 1861 г. выдающийся русский реформатор Н.А.Милютин в письме своему брату Д.А.Милютину (военному министру) выдвинул идею организации «правительственной партии»: «...необходимо создать... партию, срединную, говоря парламентским языком: *le centre*, которой у нас нет, но для которой элементы очевидно найдутся. Одно правительство может это сделать, и для него самого это будет лучшим средством упрочения». Разумеется, Н.А.Милютин, живший в «допарламентский» период русской истории, использовал слово «партия» в традиционном для его времени смысле. Под «партией» он понимал группу единомышленников, прово-

дующую в обществе определенную политическую линию. Что же касается «правительственной партии» или «партии центра», то это должна была быть «серьезная часть образованного общества», сгруппированные «около правительства лучшие люди, которые подняли бы моральную силу его, обессилили бы крайние мнения и дали бы истинное, пошленькое значение нынешней оппозиции».

Н.А.Милютин лучше многих его современников и российских государственных деятелей следующих поколений понимал необходимость выработки нового властно-политического инструментария. В этом смысле идею Милютина необходимо включить в «родословную» русской партии власти. Кстати, уже в милютинском варианте «правительственная партия» есть главное оружие власти против оппозиции. Это означает: проект партии власти предполагает не только превентивно-охранительные меры, но и активную, наступательную политику уничтожения реально влиятельной оппозиции. Следовательно, появление партии власти (хотя бы ее идеи) свидетельствует о том, что в России существовало нечто принципиально независимое от власти, а потому и опасное ей.

Представляется далеко не случайным, что проект партии власти рождается в дореволюционной России в переломные, наиболее опасные для ее социального развития, моменты. Напомним: Милютин выступил с ним в 1861 г., Трепов – в 1905 г. Вновь мы сталкиваемся с этой идеей за три месяца до Февраля 1917 г. В ноябре 1916 г. в право-консервативном кружке Римского-Корсакова была составлена и передана князем Голицыным императору записка, в которой предлагалась программа конкретных мер по предотвращению в России революции. Один из важнейших элементов плана – организация партии власти: «Правительство во что бы ни стало должно иметь большинство в Думе и к созданию этого большинства должно относиться с величайшей ревностью и притом без всяких иллюзий и предубеждений... В распоряжении председателя Совета министров должно состоять особое лицо, особая и притом серьезно поставленная организация и крупный специальный фонд для ведения внутренней политики в самой Думе с единственной целью создания и поддержания прочного и постоянного большинства, благоприятного правительству».

Показательно, что авторы партпроектов, ничего не зная о других предложениях, воспроизводили специфическую логику: предлагали власти использовать конституционно-представительные механизмы для упрочения собственного влияния и сохранения (хотя бы и в несколь-

ко усеченном виде) политической монополии. То есть понимали власть как явление субстанциональное, «изобретая» специфические инструменты и функции для ее приспособления к новым условиям существования. На такой логике строится русский социально-властный порядок. Она прямо противоположна западной, так как нацелена на подмену социальной самоорганизации и самоуправления («снизу») властной организацией («сверху»). Она просматривается и в ряде эмигрантских проектов, где «правительствующая» партия считалась единственным способом структурирования «постбольшевистского» правящего слоя, а также выражения народной «бессознательной» воли.

В начале XX в. проект партии власти провалился, возобладал же проект партии нового типа. Своеобразие отечественной истории XX в. состоит в том, что после крушения традиционной власти (самодержавия) следующая сформировалась посредством партии нового типа. Но она, в свою очередь, перестала существовать как партия (в смысле «*pars*»), как только пришла к власти, переродившись исключительно во властную субстанцию. Властное начало победило в ней партийное. И она стала властью, «оправленной» в партийность.

Через сто лет идея партии власти реализовалась (как, впрочем, и многие другие идеи в русской истории, осуществлявшиеся спустя век после их появления). Сегодня партию власти нередко называют новым изданием КПСС, но это совсем не так. КПСС пронизывала и контролировала абсолютно всю социальную ткань СССР. Она была системообразующим элементом той системы, основой тотальной власти. Называть «Единую Россию» КПСС-2 (равно как и правящей партией) – значит, придавать несвойственное ей значение.

Тем не менее, связь современной партии власти с советским политическим опытом неразрывна. Закономерно, что «публичная политика – 2» практически ничего не воспроизвела из практики начала XX в. – ни партий (близких по социальной «ориентации», способам самоорганизации и обеспечения, идеологии), ни самостоятельного движения крупных промышленников и предпринимателей, ни независимых от власти общественных организаций, профсоюзов, кооперативов. И это понятно: ЕР и др. могли появиться только в послесоветской России, «генетически» продолжающей «страну советскую». Это следствие наложения на идею партии «кода советскости» или той культурно-ментальной матрицы, которая составляет сущность «человека постсоветского» и во многом направляет его действия.

Партия власти как «место встречи» общественных ожиданий и властных потребностей. Российская партия власти конца XX-начала XXI столетий – это не штурмовой отряд, завоевывающий общество, но часть власти, исполнитель очередного властного заказа, инструмент ее приспособления к новой реальности. Наконец, это инструмент народной легитимации власти. И вот эта роль партии власти нуждается в особом осмыслении.

В нынешних условиях нашей власти приходится интегрировать плохо сочетаемые задачи: выстраивать электоральную поддержку на конкурентной основе и стремиться к достижению максимальной управляемости общества. Поэтому ее партия вынуждена участвовать в выборной борьбе. Но суть этого участия нельзя свести к такому понятию западному *homo politicus* и российскому исследователю явлению как артикуляция интересов граждан. В современной отечественной политике партия власти выполняет уникальную роль представительства, «продвижения» власти. Действуя в партийном облике в рамках состязательной партийной системы, партия представляет собой инструмент, который власть использует для получения электоральных преимуществ и приобретения доминирующего положения в политике. И в этом смысле у нас все происходит иначе, чем в западной политической игре.

Окрепшая российская власть снова претендует на безусловное право быть единственным источником и регулятором политических процессов. В своем продвижении к этой цели она и использовала партию (а с ее помощью – народонаселение). Голосование на выборах как наиболее распространенная форма гражданского участия в российской системе становится не столько формой влияния на политический курс, сколько способом легитимации власти, ее символической поддержки. Поэтому очевидна взаимосвязь между получением электоральной поддержки партией власти и шансами на выборах действующего президента как персонификатора власти (т.е. победы самой власти).

На выборах российская партия власти демонстрирует свое участие. Она участвует, но не борется. Эта стратегия аналогична той, что была избрана для В.В.Путина – стратегия победителя. Она определяется самой природой партии как элемента власти, делегированного «отрабатывать» представительскую функцию в условиях российской «представительной демократии». Поэтому партия власти – вне реальной партийной конкуренции.

В особенностях электоральной борьбы «Единой России» есть еще один, глубинный смысл. Партия власти – способ приспособления власти к эпохе публичной политики; точнее, адаптации этой эпохи к себе. Власть в России традиционно тайная – в смысле поддержания «тайны Власти» как важнейшего качества, измерения русской власти. Став публичной и открытой для общества, наша власть, формирующаяся вне общества, управляющая им «извне», дистанционно (и в этом ее главное отличие от западноевропейской власти, порожденной обществом, в нем укорененной и ему подотчетной), перестает быть самой собой. Партия власти – публичный инструмент «непубличной» русской власти. Но и она, единственная из всех наших партий, должна демонстрировать свою сопричастность к «тайне власти». В такой логике понятно, например, почему «Единая Россия» не выставила участников публичных предвыборных дебатов в 2003 и 2007 гг. (она вполне могла это сделать) и почему наши граждане решили, что она в этих дебатах победила.

«Единую Россию» и сейчас упрекают в отсутствии программы. Сразу после декабрьских выборов 2003 г. в СМИ звучали такие оценки: победила партия без обещаний, кроме одного – быть с президентом; это нарушает законы избирательного жанра. Или: голоса «Единой России» – это голоса президента; здесь нет массовой базы под единый политический курс. Эти упреки – следствие непонимания природы российской партии власти. У нее и не должно быть «партийной» программы. Ее программу формулирует, представляет и выполняет власть. Основное электоральное преимущество партии власти обеспечивается не партийной программой, а фактом принадлежности к власти. Да и, кроме того, нашим обществом никакие программы, обещания, декларации давно не принимаются всерьез. Вспомните, у В.В.Путина (а затем и Д. Медведева) тоже не было программы – и это не помешало, а, возможно, и помогло стать президентом.

Современной партии власти нет нужды в разработке и предъявлении обществу «идеологии» (она и в этом смысле не КПСС). Важно, чтобы с внятной идеологией, приемлемой стратегией социального (и любого другого) развития выступила власть. У нас партия должна быть эффективным инструментом позиционирования власти. Ее роль, скорее, представительская, мобилизационная, чем «рабочая», технологическая (в смысле определения основ политического курса и его реализации). Поэтому не правы те ее лидеры, что заботятся о программе партии и предъявлении обществу инициатив социального порядка. Это – преро-

гativa власти. «Партийцы» в России не вызывают доверия общества (как и объединяющая их лучших представителей выборная законодательная структура). Зачем тратить «ресурс» на заведомо провальные проекты? Главная «публичная» забота партии власти – заботиться об имидже власти, особенно в кризисные для нее периоды. В России уважают сильную власть (даже вызываемый ею страх готовы принять как порождение и проявление этой силы). Поэтому реальные шансы в борьбе за голоса избирателей имеет партия сильной власти. Или: голосов будет тем больше, чем качественнее представлен в обществе образ сильной власти.

В этом и состоит привлекательность электоральной политики партии власти. При том, что исследователи отмечают факт сохранения в обществе чрезвычайно низкого уровня доверия к различным институтам власти, а также эффекта «обманутых социальных ожиданий», на выборах 2003–2004 и 2007–2008 годов наш народ вновь продемонстрировал наличие громадного ресурса доверия власти. Можно не соглашаться с народным выбором, но приходится признать, что партию власти люди видят иначе, чем другие партии. Только власть строит, обеспечивает, поддерживает жизнь; она в этой стране хотя бы за что-то отвечает. Власть, укрепившаяся и подтвердившая свою силу – единственный гарант относительной стабильности, порядка, безопасности для граждан. В этом смысле народ и власть (а, значит, и ее партия) едины. Поэтому у нас всегда побеждает Власть. Любой выбор «против нее» невозможен, потому что он «антинароден». В этом предсказуемость, «понятность» российского избирателя, вообще российского человека. О котором еще в середине XIX века совершенно справедливо писал выдающийся политический мыслитель Л.В.Дубельт: «Наш народ от того умен, что тих, а тих от того, что не свободен»; «не избалован свободой и ни с чем не сообразными правами человека».

Опросы общественного мнения, проведенные фондом «РОМИР» весной 2004 г., подтверждают эту оценку «нашего народа». Респондентам был задан вопрос: «Кто из этих реальных людей и вымышленных героев мог бы стать лидером партии «Единая Россия»?». Вот некоторые ответы: маршал Жуков – 27%, Штирлиц – 15 %, Глеб Жеглов – 14 %, Чапаев – 9 %, Павел Корчагин – 8 %, Данила Багров («Брат») – 8 %, Ш.Холмс и герой фильма «Москва слезам не верит» Гоша – 5 %; от 4 до 2 % набрали Атос, Шурик («Кавказская пленница»), Пьер Безухов, Юрий Деточкин («Берегись автомобиля»), Печорин, Женя Лукашин («Ирония судьбы»), Дон Кихот, С.Есенин. Выбор персонажей более, чем показателен.

Определяющими, формирующими их образ, являются два основных «качества», дефицит которых, видимо, особенно ощутим в современной русской жизни. Первое – это борьба со «злом», победа над ним или героическая смерть в противостоянии ему. Второе – благородство характера, бескорыстие. Обращает на себя внимание то, что люди, олицетворяющие первое качество, являют собой пример железной воли, сильного характера. Второе – «блаженные», персонифицирующие идеал непротivления злу насилием, но преодолевающие зло смирением и благородством.

Из всего этого можно составить некий идеальный, «очеловеченный» образ партии власти, а также идеальных представлений «усредненного» избирателя. Партия и ее лидеры видятся российскому гражданину как сила, преодолевающая социальное зло, наказывающая носителей этого зла (партия «государственного строительства», «социальной защиты» и «народной расправы» одновременно). И в тоже время волевой, героическо-искупительный образ одобрен элементами благородства, привлекательности, доверительности. Попутно заметим, что среди этих персонажей нет ни одной женщины. Это партия «настоящих» (по-разному) мужчин.

О чем, на наш взгляд, свидетельствуют подобные опросы? В представлениях людей о партии и ее вождях проявляются как фундаментальные черты сознания российских людей, так и качество самого проекта. Русская власть, по-прежнему не современная (в смысле modernity), архаичная, неполитическая, использует для выживания современные технологии. Одним из способов этой адаптации и является партия. Причем, и власть, и ее партия действуют в социальной среде, в которой также господствует не современный, архаичный, неполитический тип сознания. И в этом смысле власть, партия власти и электорат вполне соответствуют друг другу. Правда, в идеальном смысле, в замысле. Это ведь россияне хотели бы видеть «Единую Россию» таковой. Более того, таковой они хотели бы видеть и русскую власть.

Вот здесь и кроется «гениальность» современных кремлевских троповых – миллитиных. Они поняли, что партия власти должна быть сконструирована «по образу и подобию» самой власти. То есть «по образу и подобию» «мечтаний» о ней русского общества. Можно сказать: они встретились. Они – это ожидания россиян от «своей» власти и расчет власти в отношении «своих» россиян. «Местом встречи» стала идея (а не практика, конечно) партии власти.

«Кратократический» транзит 1990–2000-х: «антинародная» власть и «народная» партия. Современная политическая ситуация свидетельствует: российскому обществу, российской политической культуре не органична «демократия», т.е. система устройства власти, «опосредованная» обществом, гражданами. Победы партии власти еще раз обнаруживают и подтверждают кратократическую природу русского социума. Здесь все происходит «для, через, посредством» власти. Даже партии, которые вроде бы представляют собой независимые политические образования и должны артикулировать и агрегировать разнообразные политические интересы, в российской системе перерождаются, «приватизируются» властью.

Когда в 1990-е годы в России происходило становление партийной системы, возникло две доминирующие группы партий: организованные на партийный лад обломки структур старой, коммунистической, власти и партии новой, посткоммунистической, власти. Третью группу составляли партии, более всего похожие на западные партийные образования, – в силу того, что были лишены русско-властной природы. Они и являлись порождением самого процесса «перехода» от «старого» к «новому».

Здесь, кстати, возникает вопрос: в чем она, «переходность» современного российского общества, каковы векторы этого «перехода»? В настоящее время вполне очевидно, что существо пережитых нами с конца 1980-х годов изменений невозможно описать в терминах модернизационной теории демократического транзита. «Демократический переход» предполагает возникновение в социальном пространстве элементов «демократии». У нас если они и существуют, то, в основном, по форме, внешне. По сути подавляющее большинство «новаций» традиционно авторитарно. То, что это не был «демократический транзит», свидетельствует (в том числе) судьба «вне-властных» партий – растеряв свою влиятельность и независимость, они превратились в политических аутсайдеров или вошли в партию власти. Ситуацию нашей «переходности» невозможно описать ни в терминах «возврата» (в «старое», к «коммунизму», «тоталитаризму»), ни в терминах «гибридности» (сосуществования и взаимовлияния «старого» и «нового»). Для понимания пережитого Россией в 1990-е годы «перехода» подходит идея «кратократического транзита» – движения от одних властных структур, одного способа «организации» власти, к другим, соответствующим новым социальным условиям.

Очевидно: путинская власть в 2010-е искала формы восстановления традиционных (органичных нашей социальной природе) спосо-

бов властесуществования; пыталась преодолеть «недостатки» и восполнить «дефициты», порожденные новой социальной реальностью. В качестве одного из инструментов она и использовала партию власти (не будем связывать ее исключительно с «Единой Россией», рассмотрим как политический проект, который может принять разные формы). Это не узкопартийная, а широкая многоцелевая задача, предполагающая создание нового «социально-властного» организма. У нее есть несколько измерений.

Прежде всего, партия выявляет и отражает обновленную природу современной власти. Она уже не может устранить из жизни публично-политическое – напротив, ей требуются демократические формы, процедуры, способы легитимации. В этом смысле XX в. стал свидетелем сокращения «дистанции» между русской властью и русским обществом. Партия нужна власти для того, чтобы поддерживать принцип разделения властей, саму законодательную власть, наличие которой закреплено в Конституции. Это обязательный элемент, «формат» существования современного государства, а Россия не может себе позволить быть не современной.

Демократические свободы, процедуры нужны российскому обществу, которое теперь вряд ли захочет с ними расстаться. Но они необходимы и власти, так как дают легальную, правовую возможность замены «плохой» власти на «хорошую» («слабой» – на «сильную», «порицаемой» – на «любимую»), скажем, Ельцина – на Путина. Это своеобразный социальный клапан, способ организации мирной реакции граждан на не удовлетворяющие их условия существования. Но способ ограниченный – самими же гражданами: они могут отказать поддержать кандидата или партию власти. Тем не менее, таким образом можно осуществить процедуру передачи власти лидеру, более соответствующему современному состоянию и запросам общества.

Ограничение формально-правовых процедур, публичного пространства опасно для власти: ее замыкание «в себе» (в атмосфере всеобщего недоверия или в силу «головокружения от успехов») чревато как угрозой «дворцового переворота», так и социального взрыва. Власть в этом случае перестает «слышать» общество: при исключении всякой публичной критики, кроме «дозволенной» (разрешенного «многоголосия на один голос»), она не замечает наиболее болезненных проблем и критических точек развития, не ощущает общественного давления. Все это резко снижает возможности ее адаптации к социальным изменениям.

Партия для власти есть способ упорядочивания политического пространства – для облегчения управления им, но и в соответствии с «запросами» граждан. 1990-е годы продемонстрировали, что публичная политика, многочисленные партии, лица, структуры – это слишком сложная игра для России. Вся эта «множественность» избыточна для нее. В обществе существует потребность к упрощению – жизни вообще, политики, в частности. Она определяет «общественный дух», (массовую) волю «среднего», «простого» человека. С ним не «справились», не смогли увлечь и повести за собой публичные политики недавнего прошлого. Партийные образования тех лет, ушедшие сейчас с политической сцены, так и остались, в известном смысле слова, «партиями Садового кольца». За дело взялась власть – и дала гражданам партию, выражающую не частные, партийные, а общие (народные) интересы. При этом она заполняла собою не занятые участки политического поля или вытесняла с него тех, кто оказался не способен (используя электоральный процесс) ей противостоять.

Однако, монополизировав политическое пространство, власть вынуждена считаться с общественными запросами, приспосабливаться к ним. В конце XX в. русское общество стало дискретным, сегментированным, его невозможно свести к одному, общенародному интересу. Множество социальных интересов не способно представлять одно партийное образование. Не случайно в это время была создана серия разных партий власти. Вообще нынешнему состоянию общества больше соответствует идея партийной системы власти, а не партии власти. «Центровые» этой системы сосредоточены в «Единой России». Она и есть та питательная среда, в которой формируется властная партсистема, составленная из массовых партий, способных переплавлять интересы постсоветских граждан в символическое единство.

Общественную ситуацию, социальный «климат» рубежа 1990–2000-х гг. определяли ожидания от власти, носившие преимущественно стабилизационный характер: политическая элита надеялась на изменение стиля управления, масса – на снижение цен и уровня безработицы, те и другие мечтали о «наведении порядка». Резко отрицательное отношение граждан к власти было обусловлено ее слабостью, а значит, неспособностью «обеспечить свои функции по отношению к населению. Более половины россиян характеризовали политическую ситуацию как «безвластие и анархию». Массовый политический человек был готов (и воспринимал это как благо) к «усилению» (вплоть до демонстрации си-

лы), консолидации власти, преодолению «разболтанности и расхлябанности» государственного механизма, децентрализации, сепаратизма («удельщины»). Хотя при всякой постановке перед общественным мнением дилеммы «демократия или порядок» порядок неизменно одерживал верх, граждане хотели сохранить свои свободы (прежде всего, передвижения, а также гласность и минимальный политический плюрализм). Интерпретируя социальный запрос, «стабилизационная власть» (термин Ю. Левады) могла предложить обществу переход от чрезмерного многообразия к консолидации всех политических сил, от разобщенности – к единству, интеграции на уровне «большого общества» под эгидой «верховной» (президентской) власти. Это она, собственно, и сделала. – И была встречена гражданами «с пониманием».

В конце прошлого столетия подавляющее большинство населения страны считало, что проиграло от изменения экономической системы, но уже приспособилось или вскоре приспособится к переменам. Массовые экономические ожидания носили патерналистский характер; исследователи отмечают доминирование в обществе «патерналистских конструкций социальной реальности». Это объясняет, почему в народной «картине мира» современная власть (правда, в отличие от «кельцинской», ее при этом ассоциируют лишь с лицами («стрелочниками») и механизмами, из которых исключен персонификатор – В. Путин) оценивается как антинародная. По мнению большинства граждан современной России, интересы власти и народа совершенно разошлись, обычные люди нужны власти только для выполнения определенных функций (голосование) и должны выпрашивать как милостыню зарплату и социальные пособия; власти нет дела до простого человека и его проблем. Желая «ощущать присутствие власти в повседневной жизни», граждане в то же время воспринимают ее как «чужую», «далекую» – и противопоставляют «своей», «при которой простым людям жилось лучше всего». А своя, «народная» – это Советская, эпохи «брежневского застоя».

С таким социальным фоном, народными ожиданиями столкнулась путинская власть. Исследователи характеризуют этот запрос к власти как «некий гибрид (или химеру?) более жесткой политики и относительно либеральной экономики». На самом деле, в представлениях российских граждан о материальном благополучии и социальной защищенности нет ничего от «экономического либерализма». В социальном и политическом народных идеалах ощущается влияние традиционных представлений, пристрастий и исторического опыта. Одну из центральных

«народных» идей выразил когда-то К.Д. Кавелин в концепции «самодержавной республики». Ее отголоски слышны в определениях российского политического режима как «выборного самодержавия» (И. Клямкин и Л. Шевцова) и «самодержавной демократии» (недавние, от 27 апреля 2011 г., откровения Б. Грызлова по случаю 105-летия российского парламентаризма). Свой социальный идеал воплотило советское государство. Вот как описывал его Н.Н. Алексеев: «народное государство, опирающееся на сочетание диктатуры с народным представительством».

Очевидна близость этого идеала – идей самодержавия, демократии, диктатуры (демократуры) и социальной справедливости, «исправленных» и «преображенных» в примитивном, безрелигиозном и материалистическом смысле, – постсоветским гражданам. Столь же очевиден интерес, который проявляет к этому идеалу (не зная определений Кавелина, Алексеева и др., придя к нему инстинктивно) власть. Если идеи «самодержавной демократии» и диктатуры она реализует на практике, то «социальная справедливость» может быть воплощена ею только в пространстве слов, образов, символов.

Зачем власти 2000-х партия? Именно поэтому современная власть так нуждается в информационном ресурсе. Партия власти является одним из инструментов ее выхода в публичное информационное пространство. Власть использовала и будет продолжать использовать медийную среду для реализации своих целей. Партийный проект есть одно из средств «приватизации» этой среды, навязывания определенных политических смыслов «массовому зрителю». По законам современной глобальной политики, «политический синтез социального пространства закрепляется посредством коммуникации», а потому «...контроль над смыслами и значениями языка, а также над сетями коммуникаций становится основным предметом политической борьбы... Переход к постсовременности... являет коммуникацию, производство и жизнь как одно сложное целое, как открытое поле конфликта».

Это определяет характер «отношений» власти и мира коммуникаций: «Индустрия коммуникаций объединяет воображаемое и символическое внутри биополитической ткани, не просто ставя их на службу власти, но и фактически встраивая их в само ее функционирование». В современном мире коммуникации не просто опосредуют политику. Они суть форма ее осуществления. Особенность нашей политики состоит в том, что коммуникативный мир языка, информации и символов является не формой реализации власти, пространством решения ее «очеред-

ных задач», но интегрирован в «мир власти», определяя его «содержательно», по существу. В мире коммуникации вырабатываются социальные значения, позволяющие существовать и воспроизводиться власти (демонстрируя, в том числе, как посредством новейших технологий обществу навязываются архаические образцы, смыслы, символы); там снимаются или редуцируются социальные противоречия. В этом смысле русская власть в любое время имеет качества «медиакратического режима», а назначение информационно-символической деятельности состоит в преодолении (или его демонстрации) отчужденности власти и общества, моделировании их единства.

Но вернемся к партии власти. Это попытка создания некоей привластной группы, с помощью (и посредством) которой власть будет управлять обществом. Вспомните: в Московской Руси реализовывался боярский принцип управления, в имперской России – дворянский, в СССР – номенклатурный. Какой у нас сегодня? Назовем его условно «партийно-властным». Для управленцев, «вышедших» из партийно-коммунистической советской системы, это вполне органичная находка.

Я уже отмечала, что «Единую Россию» стало принято характеризовать как партию бюрократии, чуть ли не государственную структуру, составленную из представителей исполнительной власти и даже авторитарного партийного. Тем самым партии придается самостоятельное значение; она становится одним из главных оснований для характеристики современного режима как бюрократически-авторитарного. Это не точно по существу. Во властном партийном проекте власть отделена от партии – в том смысле, что «Единая Россия» только представляет власть, является одной из ее функций. Власть субстанциальна (и потому беспартийна), а партия – функциональна. Как, собственно, и бюрократия – та ее часть, которая «служит» в партии. Эта «диспозиция» не изменится, даже если условием «государевой службы» станет партбилет (какой-нибудь из) партий власти. Что же касается определения существа «режима», то в русских условиях любой режим можно характеризовать как бюрократический. Это – бытийственная, а не переменная характеристика властной организации. И едва ли не всякий как авторитарный.

Специального обсуждения заслуживает состав партийцев. В известном смысле, «Единая Россия» действительно является партией «новой» власти. Прежние властные партийные образования формировала «старая», ельцинская, власть. Те партии принадлежали Смутному времени, породившему «бояр-олигархов», «удельных князьков», публичных поли-

тиков из среды «приватизаторов», демократов, реформаторов. В эпоху Порядка произошел «перебор людишек»: «чужаков» во власти, пытавшихся ее приватизировать, сменили «свои» – «государевы люди», бюрократы. В который раз в русской истории дворянский, служило-бюрократический принцип одержал верх над боярским, удельно-олигархическим (правда, больше внешне, чем по существу). Путинский «служилый класс» обладает характеристиками и советской номенклатуры и дореволюционного чиновничества (того же дворянства на гражданской службе). От первой у него – зависимость от власти и характер организации; от второго – разрешение владеть собственностью, богатством.

«Служилых людей» «путинского порядка» объединяет еще одна черта, которая, скорее, приписывается им гражданами, чем существует в реальности. Это большая близость (или меньшая удаленность от) к идеалу социальной справедливости, народной морали. Большинство граждан упрекают власть в жадности, коррупции, стремлении «подмять всё под себя». Однако «лицо» нынешней власти – В.В.Путин – они склонны характеризовать иначе: его воспринимают сквозь призму модели «вынужденного властвования» («власть не нужна, власти не добивался»); он – вне рамок «грязной политики»; стремился к власти ради общезначимого дела, а не для материального обогащения. Окружающих его силовиков, сотрудников спецслужб значительная часть населения тоже «видит» в несколько романтическом ключе: в КПСС они принадлежали к «вооруженной партийной гвардии, обладавшей правами надзора за всеми кадрами и организациями и – по легендам – не причастной ко всепроникающей коррупции, в том числе нравственной»; их меньше, чем остальные государственные структуры, затронули разложение и распад 1990-х годов. Этот образ «спасателей» распространяется на всех путинских выдвиженцев.

Возрождая проект «партия власти», власть признает усложнение социального организма и наличие в обществе конфликтов, с которыми надо что-то делать. С признанием социальных конфликтов было связано создание партии власти и в начале XX века. Партия же «нового типа» была нацелена (и в теории, и на практике) на изживание, уничтожение конфликтов. Новый проект партии власти свидетельствует о том, что современная власть не только «принимает» сложную конфликтную природу общества, но и не может справиться с ней старыми советскими методами. Партия власти – это способ преодоления властью социальных конфликтов с помощью новых технологий.

Введение принципа партийного управления на некоторое время поможет снять остроту конфликта между ведомственным и «территориальным» (областным, краевым, республиканским) управленческими принципами. Через партию как синтез партийно-учрежденческого, партийно-государственного начал возвращается «единая, неделимая» власть. Недаром лидеры наиболее влиятельных государственных структур современной России возглавили партию «новой» власти. Партия власти – это не способ отмены, но преодоления системы разделения властей. В той же мере партия власти есть способ преодоления «удельной» разобщенности, приближения к идеалу «Единой России».

И, наконец, партия власти – инструмент восстановления традиционного принципа российской Власти: соединение в одних руках административных и хозяйственных функций, единство «властесобственности». Оно было разрушено в 1990-е годы, в период нового накопления капитала (за счет ограбления не крестьянства, как в конце 1920-х – 1930-е годы, но прежде всего городского населения) и господства конкурентно-властной системы. Формирование монополично-властной системы предполагает возвращение властью утерянных позиций и в «бизнес-пространстве».

Объединение в одной партии и олигархов, и чиновников во многом снимает противоречие между властью и собственностью. Пытавшаяся сохранить свою независимость и влияние собственность «приватизирована» (уничтожена) властью. «Допускаемая» в обществе собственность попала под контроль власти. Тем самым (в том числе) через свою партию постсоветская власть пытается реализовать идею нового «общественного договора», достичь базового социального консенсуса. Только не по поводу общества и личности, как это всегда происходит на Западе, а по поводу и с позиций власти.

ЕР как режимная партия. Очевидно: ЕР ее создателями из администрации президента изначально отводилась инструментальная, технологичная роль – политический режим 2000 г. не нуждался в партии как субъекте политики. Цель была как раз снизить риски конкурентности/публичности, сделать предельно (насколько это вообще возможно) управляемым и предсказуемым электоральный процесс. Путь – монополизация политического пространства с помощью *инструмента*, адекватного новым (интернациональным) правилам игры. *Его называли партией* и придали соответствующую форму. Очень логичный выбор: легче контролировать не людей (непартийных политиков) или мелкие мобильные

образования, а суперструктуру, используя опыт советской «партийности» и постсоветского «корпоративизма».

Партия, как и многое в нашей истории, – эксплуатация «чужих» форм. Это естественный способ адаптации к современности, ориентиры которой задали не мы. Причем, способ самый простой, исторически не однажды опробованный и результативный – при нашей способности принимать любую форму (т.е. при анархической бесформенности массовой культуры: неструктурированности, отрицании формально-процессуальной стороны жизни). Облечением в новую форму если и стремились исправить «туземное» содержание, то только поначалу. Скорее, действовала всепобеждающая логика выживания/мимикрии социального естества. Конечно, форма – не пустая формальность; она требует содержательного соответствия. И в ЕР (как и в других элементах *властной партсистемы*) присутствует партийное начало, так или иначе получающее выражение. В этом (и только в этом) смысле тезис об имитационности ЕР и партсистемы не точен.

Но форма – не догма (наши партии и демонстрируют, насколько), она подчинена содержанию. Постсоветская партсистема не нацелена на представительство широких гражданских интересов, а замкнута на узких, элитных, «сословных». Она – в основном и по преимуществу – обслуживает (легитимирует, стабилизирует) монопольное господство утвердившихся у власти и получивших собственность групп. ЕР и другие – партии в том смысле, что артикулируют и агрегируют интересы одного социального слоя, который ощущает и продвигает себя как «элиты» (групповое сознание выделяет его из аморфной, слабо структурированной социальной среды).

Для защиты режима бесконтрольного, безальтернативного и стабильного господства элит их партии имитируют представительство широчайших социальных интересов (все метят не просто в массовые, но в общенародные; кроме «Правового дела» – партии для социально «чужих», т.е. интеллигенции). – В этом смысле они имитационны. Хотя для придания «легенде партии» реалистичности наши партобразования вынуждены выполнять и «функции общественной организации». То есть реагировать на социальные запросы, обслуживать социальные нужды. Но людям *партии власти/элит* служат в последнюю очередь, по «остаточному» принципу, когда уже нет другого выхода. Их партийность не только управляема, но и «остаточна», вынуждена (вымучена), краткосрочна (предвыборна). В остальном они служат тому «классу» («сословию»), к

которому принадлежат, т.е. себе. Иначе говоря, являются «сословными» структурами, инструментом «сословного» представительства, «сословного» управления.

Поэтому партсистема по сути своей непублична, – и в этом соответствует закрытому характеру режима. Там, где начинается партийность, реальная партийная жизнь, партия погружается в тайну, уходит в «тень». В зоне публичности наши партии в основном имитационны; их партийная природа реализуется в «теневой» сфере (в «подполье»). Там партии являются крупнейшими бизнес-предприятиями, выступают инструментом внутриэлитной борьбы – за ресурсы, влияние, власть, за право продвигать в зону публичности точки зрения, политические линии, интерпретации прошлого, прогнозы на будущее и т.д. Партии участвуют в конкуренции первых лиц («соправителей» В.В. и Д.А.) и их окружений, учреждений, кланов, идеологий, атеистов с православными и т.п. Партии (в первую очередь ЕР) – место действия «элитарного» плюрализма. Причем, не единственное. А также легитимный механизм встраивания страны в интернациональные управленческие структуры. И тоже не единственный. Это образ жизни господствующих групп. И желанный ориентир (один из) для тех, кто мечтает ими стать.

Может быть, и так, скажите вы, – если бы не одно но: всеобщие... выборы. – Ответу и на это, причем, опираясь на мнение многих аналитиков. *Выборы* в основном перестали быть публичной конкуренцией, превратившись в «площадку» неформально-теневых сделок «элитных» групп. Вообще, наш политический режим, постоянно пеняющий на «мировое закулисье», базируется на неформальных, «теневых» механизмах взаимодействия. – Он «закулижнее» любого «закулисья». Назначение партий в электоральном процессе – то же, что у администрации президента в отношении партий: не допустить самостоятельности. Только уже не «сословной», а «низовой», общесоциальной.

На выборах решается сложная двусоставная задача: продвижение частных («сословных», «элитарных») интересов и подтверждение лояльности населения режиму через плебисцитарный механизм. В рамках первой части задачи ЕР и др. имеют значение партий, играют свойственную партиям роль. Особенно отчетливо это проявляется на региональных и местных выборах, на которых случается межпартийная и даже внутри (ЕР) партийная борьба.

ЕР – это *режимная партия*, основание режимной партсистемы. Она встроена в единую институционально-неформальную среду, определя-

ющие импульсы в которой идут «сверху»: от первого лица (или лиц, которые являются главными партиями и «теневой», и формальной зон), от основных окол властных группировок. Российские партии не являются ни институтами, определяемыми логикой представительства и связанными со значимыми социальными интересами, ни влиятельными общественными группами. Это элемент «сословной» среды, наслаивающейся над социальной жизнью, лишь отчасти с ней соприкасающейся и гасящей посторонние, «чужие» импульсы, идущие «снизу».

Основная характеристика режима 2000-х – не демократия или авторитаризм. Его смысл – *безопасность*. Все остальное – вторично, побочно, факультативно. Не случайно главные режимные люди – из безопасности. Только теперь они защищают безопасность не государственную, а личную (в широком смысле слова). Это охранительный режим, – режим охраны властно-«сословного» благополучия. Поэтому он не имеет отчетливых идеалов, не базируется на позитивной системе ценностей. Все это режиму не нужно, для него избыточно. Но он все это имитирует – опять же из соображений безопасности. Что же касается классических определений, то для охранительного режима вообще более естественны авторитарные, а не демократические практики. Режим же, выросший из советского (являющийся результатом его разложения), более, чем какие-то другие, склонен к подавлению последних. Он в принципе исключает для себя демократию. Хотя может использовать обнаруженные «в демократии» технологии. Существенно, что режим 2000-х не выдерживает нагрузки конкуренцией, оппозицией, критикой и по-настоящему не способен к самокритике. Это говорит о его неэффективности, непрофессионализме, общей слабости. Такие режимы способны безраздельно господствовать только в слабой или неэффективной, инертной, «убитой» социальной среде.

Подведу итоги. Во-первых, партия является *одной из охранительных технологий*. Причем, очень важной. Современный российский политический режим нацелен на ужатие важных социальных процессов до узкого («элитарного») пространства. С помощью партий основная масса населения исключается режимом из системы представления и согласования интересов, разрешения противоречий и конфликтов, процесса принятия социально значимых решений. А потому российская партсистема современна лишь по видимости; режимная логика ведет ее в направлении, противоположном основным тенденциям современности. В случае с партиями мы получили возможность наблюдать, как сложней-

шая управленческая технология, нацеленная на разрешение конфликтов и согласование социальных интересов, превращается в примитивную технику обеспечения господства. То есть утрачивает первоначальное значение, исконный смысл, становится партией лишь по названию.

Во-вторых, создание в современной России партии власти не было связано с обращением к актуальной политической традиции, использованием сохраненного и критически «проработанного» опыта. Напротив, это одна из забытых политических идей, смутный образ (из) прошлого, о котором современная власть не знает и, видимо, не хочет вспоминать. При этом, реализуя собственный проект, воспроизводит в основных чертах «находки» предшественников. Так проявляется специфика отношения русской власти к своему наследию: политические идеи и практики, отработав свое, отбрасываются, забываются, а затем, по мере надобности, изобретаются вновь. Воспроизводя традиционную логику политической преемственности в России, ориентирующую не на развитие через критическую саморефлексию, а на выживание, самосохранение, власть обрекает себя на хаотические, судорожные действия (по типу «вызов»–«реакция»), во многом повторяющие прежние, уже предпринимавшиеся в сходных условиях. Это и демонстрирует история партии власти. В конечном счете, традиционный тип наследования (среди прочего) препятствует обновлению природы нашей власти, преобразованию ее отношений с обществом. Он способствует сохранению «традиционного» порядка, где связь между «верхами» и массой «негативно интегрированных граждан» ограничена; власть и социум представляют собой, по выражению С.В. Патрушева, «как бы две параллельные самовоспроизводящиеся области» (Р. Роуз называет это «обществом песочных часов»).

В.Н.Ткаченко: Таковую безнадёжность Вы очертили. Наше поколение помнит, что когда ещё были живы традиционные идеологии, было прогностическое видение будущего. Не было таких вопросов, на которые у партии не было бы ответов. Была идеология, которой мы были подвержены, и мы жили этой идеологией в определённом смысле. Вспомним завоевания сарацинов в Испании. Их там было всего несколько тысяч. Но как они были мотивированы идеологически! Это было потрясение, и они много тогда захватили. Или возьмём Кромвеля, как его пастыри заряжали людей на битвы проповедью. Все-таки идеологическая мотивация присутствует, и для партии без этого никак. Сейчас в этом смысле какой-то транс. Может быть, это веяние XX-XXI века? Кризис идеоло-

гий, кризис видения будущего? И партии вынуждены идти по пути политической манипуляции, так как не могут предложить идеологический проект?

И.И.Глебова: На сложный вопрос дам сложный ответ. Вы знаете, это не только проблема партий. Нет будущего. У нас так получилось, что произошел крах и коммунистического будущего и крах капиталистического будущего. Теперь что касается нашей ситуации и ситуации с партией. Если бы появилась партия – у неё была бы идеология. А так партия является инструментом. И что касается нашей партии и нашей власти – я здесь возвращаюсь к своему докладу: у «дворца» не может быть идеологии. «Дворцам» идеология не нужна. Рисовать какие-то перспективы для него нет смысла: он не скрывает никакого прагматизма, действует цинично. Если «дворец» будет обращаться к населению с какой-то внятной идеологией – то это будет ложью! В идеологии нет смысла. Более того, я бы сказала, что это не слабость власти, а её сила. Сколько раз уже говорили Путину и Медведеву, что вы собираете у правых и левых лучшие куски идеологических программ и подаёте их в выгодном для себя случае. Брать разное и использовать разные идеологии – именно в этом сила власти. В этом смысле у неё нет мировоззрения и каких-либо предельных ценностей.

В.Н.Ткаченко: В России нет идеологии и в Украине нет идеологии. Но где-то же она должна быть?

И.И.Глебова: Это хорошо, что у нас нет идеологии. Единственное, что сейчас может появиться и иметь силу – это национализм. В нашей ситуации на таком тренде, как говорят рупоры правительства: «Мы встаём с колен, мы великая держава». При этом существует запрос на решение социальных проблем, но власть не может их решить. Это всё приводит к появлению запроса на национализм. К тому же большинство населения живёт бедно, это не для кого не секрет.

А.И.Субботин: А в каком случае это сработает? Ответу: России нужна хорошая война. Вот растёт молодое поколение – они и пойдут на войну!

И.И.Глебова: Мне война не нужна! И молодому поколению война тоже не нужна. Я говорю прежде всего об угрозе такой ситуации и популярности этой идеологии. Будучи окрашенной в социальные тона, она неизменно приведёт к такой ситуации. Эта страшная ситуация может привести к краху и полнейшему распаду...

А.И.Субботин: Я правильно Вас понял, что альтернативы у национал-социализма в России нет?

И.И.Глебова: Вы неправильно меня поняли! Если выражаться нашим провокационным языком, альтернатива национал-социализму – это Россия.

А.И.Субботин издает невнятные возгласы.

В.П.Макаренко: Прошу Вас прекратить. В противном случае попрошу Вас покинуть аудиторию.

В.В.Вольчик: По Черномырдину, у нас всё что не делается, получается как всегда. В этом ничего странного нет, и партия власти доминирует. Будет у нас не эта партия власти, придёт другая. Думаю, проблема не в этом. А в том, что любая партия власти встаёт на путь социального склероза. И если проблема социального склероза и социальной модернизации будет решаться, то какими механизмами, на Ваш взгляд?

И.И.Глебова: На такой вопрос два ответа. Во-первых, у нас были периоды, когда партии были разные и ничего не получилось. Общество предложило свои проекты и они конкурировали с властью. Это было в начале XX-ого века. Во-вторых: чтобы появилось что-то социальное, должен прежде всего себя как-то проявить социум. У нас сейчас есть проект партии власти и этим, по большому счёту, исчерпывается партийная система. Это имитация. В этой ситуации нет других вариантов. У нас власть существует исторически ради себя самой. Это надо изменить. Только значительное давление снизу заставляет власть меняться. Сейчас власть существует в режиме без ограничений. Зачем ей быть социальной? – я не знаю.

Вопрос из зала: Какова генеральная линия власти?

И.И.Глебова: Если говорить о властной и административной системе, и системе, формируемой под власть, то всё ради неё и решается. Сейчас главное – это безопасность. Но безопасность и стабильность власти, а не граждан. Вы думаете, что в нашем обществе есть вертикаль, но нет генеральной линии. Так нет и вертикали. Есть вертикаль власти, которая замкнута на свои интересы. Есть генеральная идея? Нет в обществе никакой генеральной идеи. Ни против власти, ни за власть. Все время идут поиски пути, чтобы быть сразу и против власти и за власть. Если бы общество четко определилось – я хочу вот это и вот это, и на этой основе сформировало свои политические партии, – тогда, может быть, что-то и вышло. У нас общество даже не в инерции. У нас власть монополист и она всё определяет.

В.В.Вольчик: Вы немного не поняли, что я хотел сказать. Партия власти создаёт такой продукт, как стабильность. Обратная сторона ста-

бильности – социальный склероз. Система не эволюционирует. Посмотрите: даже наша оппозиция – это люди, которые были у власти. Это Рыжков – один из лидеров НДР, Касьянов – бывший премьер-министр. Обратная сторона такой стабильности – это то, что наша система подойдёт к глобальным, неререформируемым проблемам без решения.

И.И.Глебова: Вы правы, когда критикуете ситуацию, но не правы в исходной посылке. Где вы видите стабильность? Что значит – власти удалось достичь стабильности? Не понятно. Власти нужна сильнейшая социальная встряска. У нас сильнейший демографический спад. Если не будет изменений внутри господствующих групп, то будет идти процесс накопления проблем, который рано или поздно даст о себе знать.

В.Н.Ткаченко: Поскольку у нас конференция русско-украинская, я немного скажу об Украине. У нас было проведено социологическое исследование на тему: можно или нельзя добиться правды в Суде? Как Вы думаете, что ответили большинство на этот вопрос?

Из зала: Нельзя!

В.Н.Ткаченко: Нет, было сказано: «Да. Но это Вам будет стоить...»

С.П.Поцелуев: Коллеги, я кратко расскажу о переживании, которое у меня возникло во время парламентских выборов. Мы с другом вырулили на М.Нагибина. Нам открылась совершенно удивительная картина: на стене во весь рост были изображены Путин и Медведев и надпись «Мы победим». Это породило у меня комплекс эмоций – смех, стыд, возмущение, отторжение. Наблюдая со стороны за своими ощущениями, я пришел к выводу, что эстетическое отторжение власти – очень важный момент. Если суммировать эти эффекты, то на макро-уровне они окажутся существенным фактором политики. Это вдохновило меня поставить вопрос об эстетической легитимности власти вообще. Я пытался найти, что написано на эту тему, и понял, что мало чего написано. Европейские ученые подробно анализируют эти сюжеты, но их труды посвящены прежде всего фашизму и национал-социализму. Могу сослаться на гамбургского политолога Петера Анхеля, который написал чудесную книгу: «Прекрасная внешность Третьего Рейха». Он анализирует немецкое государство как непристойное квазипорнографическое произведение искусства, которое инсценируется для граждан. А граждане принимают роль зрителей, и в какой-то мере участников этого ритуала.

Аналогичные явления анализировались уже после эпохи фашизма. Сошлюсь на дортмундского профессора Ральфа Кона, который написал книжку «Искусство совращения, политическая фикция и эстетическая

легитимация». Не вдаваясь в подробности, я обращаю внимание на эстетическую эффективность и эстетическую легитимацию, поскольку они важны для осмысления темы «русская власть и бюрократическое государство» в прошлом и настоящем. Введение понятия «эстетическая легитимность власти» требует уточнения классической веберовской типологизации. Уже при анализе фашизма необходимость такого рода уточнений возникает. Это прежде всего связано с понятием идеологической легитимности или легитимирующей идеологии. Исследователи показали, что это понятие не принадлежит ни к одному типу легитимности по Веберу. Таков ещё один важный момент в соотношении эстетической и идеологической легитимности.

М.С. Константинов. Аналитический анархизм: проблема определения и демаркации.

Расскажу, что подвигло меня заняться этой темой. В 2004 году наткнулся на статью Алана Картера «Аналитический анархизм. Некоторые концептуальные основания» в журнале «Политическая теория» (кажется, за 2000-й год, четвёртый номер). Я тогда занимался английским языком, мечтал его выучить. Поэтому набрал ряд статей, собираясь их прочитать. Тема меня заинтересовала, стал набрасывать свою статью. Но тогда я писал диссертацию, потом затянула университетская рутина. К этой теме вернулся только в 2011 году, через семь лет после первого знакомства со статьей Алана Картера. Стал искать публикации на эту тему в российской политической мысли, без особой надежды на то, как говорит Виктор Павлович, что никто еще не застолбил эту тему. Но был удивлён и разочарован: за семь лет никаких изменений не произошло! Никаких публикаций, не говоря о диссертациях по теме, найти не удалось. Я задумался: почему так? Ввёл по-английски в поисковик «аналитический анархизм». И получил массу результатов, включая сайты, на которых собрано огромное количество литературы. То-есть, в англоязычном мире идёт обсуждение. У нас опять тишина. Который год никто не желает замечать это любопытное направление. Вновь задумался: может там изучать нечего, и потому наше научное сообщество не обращает внимания на это направление... Вспомнил дискуссию коммуитаристов и либералов, которая ведётся с 1970-х годов. Сколько времени потребовалось нашему научному сообществу, чтобы отреагировать на эту дискуссию? Но ведь уже в 1990-е годы они слушали лекции профессора Макаренко. (*Обращаясь к В.П.Макаренко*). Кажется, ваши публикации выходили на эту тему?

В.П.Макаренко. Кто его знает! Уже не помню!

М.С.Константинов. Поэтому я решил рассмотреть некоторые ключевые фигуры представителей аналитического анархизма с точки зрения содержательной специфики. Может ли аналитический анархизм считаться направлением, обладающим собственной методологической, содержательной, аксиологической спецификой? Если там есть чем заниматься, то продолжить уже конкретными исследованиями. Этот доклад – первый результат моих штудий. Прошу рассматривать его как предварительный, поскольку литература идёт на английском. Даже на немецком, которым я владею лучше, литературы очень мало. На русском ее практически нет. Лишь книгу де Ясаи «Государство» недавно перевели. Но это не последняя его книга, есть и более поздние.

Итак, анархизм в целом, как явление идеологии и политической практики неплохо изучен. Однако в конце 1990-х-начале 2000-х годов сложилось направление анархизма, которое ещё не стало предметом анализа в отечественной политической науке. Речь идет об аналитической версии анархистской идеологии. Аналитический анархизм содержит все базовые свойства традиционного анархизма – отрицание государства, отрицание форм правления, основанных на силе и принуждении, определение альтернативных форм социального бытия, лишённых тоталитарных структур и методов, основанных на насилии. Но как сказал субкоманданте Маркос, если... Однако в деталях представители аналитического анархизма существенно расходятся. Между ними нет согласия ни по поводу определения сути данного явления, ни по его базовым ценностям, ни в вопросах методологических.

Согласно одной версии, к аналитическому анархизму относится Энтони де Ясаи, в известной степени Роберт Нозик, Дэвид Фридман (сын Милтона Фридмана) и другие. Все они пытаются использовать методы аналитической философии для конкретизации и прояснения апологетики анархистской идеологии.

Энтони де Ясаи написал фундаментальную работу «Государство», в которой с позиции аналитической философии анализируется государство как целостность, обладающая своими собственными интересами. В этой книге де Ясаи не говорит прямо о своих политических взглядах. Однако некоторые его оговорки чётко демонстрируют позитивное отношение автора к анархизму. Более явно его позиция обозначена в более поздней книге «Против политики. О правительстве и анархии». Эта книга еще не переведена на русский язык. В ней рассказано, как средства-

ми аналитической философии исследуются возможности спонтанных соглашений для создания анархического порядка. И все же применение методов аналитической философии ещё не даёт оснований говорить о возникновении нового течения в анархической мысли. При подобном подходе остаётся неясной его содержательная специфика. Демаркация по отношению к другим направлениям анархизма пролегает по линии метода, но никак не теории или аксиологии.

Несколько иную позицию занимает американский экономист австрийской школы Питер Бётке. Опираясь на работы Ротбарда, Хоппе, Нозика он определяет аналитический анархизм как позитивную политическую экономию анархизма, или, говоря иначе, анархизм с экономической точки зрения. По мнению Бётке, историю анархизма можно разделить на три основных этапа или традиции: утопическая традиция Вильяма Годвина; революционная традиция Михаила Бакунина и Первого интернационала; аналитическая традиция заложена в работах Мюррэя Ротбарда, Дэвида Хилмана и Роберта Нозика. Джеймса Бьюкенена он тоже относит к этой традиции. Бетке полагает, что специфика аналитической анархистской традиции состоит в переносе акцентов с политической на экономическую проблематику. Главная линия размежевания в экономике пролегает между презумпцией государственного вмешательства, которое позволяло бы решать проблему общего блага, проблему воли и провалов рынка, и презумпцию свободы рыночных сил, которые в условиях не ограниченного государственным вмешательством капитализма способны создать свободное и справедливое общество. Классическая либеральная философия решала эту проблему с помощью концепции минимального государства и связанного правительства, которое должно обеспечивать правопорядок и защиту граждан, а также общие блага (библиотеки, дороги, маяки и прочее), но не вмешиваться в дела гражданского общества.

Джеймс Бьюкенен был одним из первых, кто зафиксировал дилемму, учитывая тенденцию увеличения государственной ренты посредством перераспределений, как, каким образом можно удержать минимальное государство в узде и не допустить его превращения в государство максимальное. В этом вопросе Бётке следует классической для анархо-капиталистического либертарианства постановке проблемы: взаимовыгодность добровольного обмена и его самоусиливающейся природы за счёт спонтанно возникающих эндогенных взаимодействий акторов в той ситуации, которую Бётке называет практической анархией. Речь идет о

ситуации социального сотрудничества в характерных конфликтах среди незнакомых людей в торговых клубах, на фондовых биржах и т.д.

По мнению Бётке, вклад позитивной политической экономии анархизма в решении дилеммы Бьюкенена как раз и должен состоять в выявлении таких эндогенных правил, которые от конфликтов приводят к сотрудничеству. Теперь разрешите привести цитату: «Вместо проектирования идеальных институтов, которые мы можем накладывать экзогенно на систему взаимодействия акторов, обеспечивая «правильную» институциональную среду, мы должны исследовать эндогенное создание социальных правил самими участниками. Наука и искусство – есть примеры такого самоуправления».

Однако и в данном случае возникает проблема демаркации, поскольку Бётке исследует классические для анархо-капиталистического либертарианства проблемы взаимоотношения государства и рынка, парадоксы кооперации в условиях государственного регулирования, проблемы порядка в отсутствии государственного законодательства и т.п. Не совсем ясно, что именно специфицирует подход Бётке в качестве аналитического, а не капиталистического анархизма. В чём специфика предлагаемого решения? – совершенно не ясно.

Иную версию аналитического анархизма развивает Алан Картер – профессор моральной философии в университете Глазго. В Шотландии сильны аналитические традиции, в отличие от США, где сильна либертарианская традиция, а её экономическая проблематика вышла на передний план у Бётке. Алан Картер видит в данном направлении ответ анархистской политической теории и философии на вызов аналитического марксизма. Исходную проблему Картер формулирует так: после того, как марксизм (прежде всего благодаря работам Джеральда Алана) сумел сохранить оригинальность и получить дополнительные стимулы к развитию в рамках англоязычной традиции аналитической философии, анархизм как главная альтернатива в марксизме на левом фланге оказался далеко позади. Картер понимает анархизм как нормативную оппозицию конкретным политическим неравенствам, а специфику аналитического анархизма он описывает в ходе анализа ключевых связей между политическими и экономическими неравенствами.

В анархизме Картер выделяет два элемента: нормативный – в этом смысле анархизм есть политический эгалитаризм, и эмпирический – утверждающий, что централизованные авторитарные формы правления не могут вести к политическому равенству. Заимствуя из ключевой ра-

боты Козна и развивая аналитический категориальный аппарат, Картер отделяет основные постулаты анархистской теории исторического изменения и эксплицирует негативную роль государства в сам революционный процесс. По мнению Картера, отрицание государства отнюдь не означает отрицание управленческих структур в принципе. Напротив, анархисты предлагают структуры, которые уполномочивают в рамках организации, но не ведут к централизации власти. Марксисты же для организации диктатуры пролетариата в процессе революционных изменений предполагают необходимым наличие государства. Анархисты, принимая марксистскую философию в целом, отвергают тезис о центральной роли государства. Для решения этой проблемы Картер использует Козновскую аналитическую триаду «производственные силы – производственные отношения – политические отношения». Но добавляет к ней четвёртую активную категорию – политические силы. Т. е. силы защиты и принуждения, которые могут иметь и имеют свои собственные интересы, состоящие в систематическом потреблении излишков, произведенных экономическими силами. В таком случае развитие политических сил будет более рациональным, хотя эта рациональность и ограничена уровнем развития производительных сил. То есть, эти производительные силы должны создавать некоторый излишек больше прожиточного минимума, который будет использоваться политическими силами, тем самым удаётся отвести националистические движения, к которым марксизм более чувствителен, сохраняя два ключевых фактора в Козновском тезисе развития производительных сил в истории: рациональность и дефицит. В ситуации дефицита рационально развивать технологии.

Введя категорию политических сил, Картер переворачивает систему Козна. Развитие производительных сил создаёт излишки, которые необходимы для финансирования постоянной армии и полиции, научных исследований в сфере вооружения и т.д. Именно эти силы принуждения позволяют государству контролировать производственные отношения, которые приводят к созданию необходимым государству излишков. Структуры политических отношений обычно отбирают и формируют экономические отношения, которые являются для государства более функциональными. Таким способом удаётся сохранить Козновский функционализм, но с изменением акцента.

Если у Козна исторические изменения инициировались технологическими изменениями, то у Картера объяснительное первенство приобретают структуры юридических политических институтов в сочетании с

силой обороны, принуждения, т. е. государств. В результате проведённого анализа, анархистская теория получает развитый, испытанный аналитический аппарат, лишённый марксистских недостатков – преувеличенного внимания к экономическим и технологическим факторам в ущерб акценту активной роли государства.

Таким образом, первый взгляд на две версии аналитического анархизма, предлагаемые разными авторами, позволяет зафиксировать в методологическом плане два течения: индивидуалистическое анархо-капиталистическое следует классическим либертарианским методологическим принципам: методологический индивидуализм, рациональный выбор, теория игр и так далее, но дополняется использованием методов аналитической философии; холистское отдаёт предпочтение анализу поведения коллективных субъектов в контексте социальных экономических и политических структур. Это различие достаточно условно, поскольку методологические противоречия аналитического анархизма нетрудно разрешить. Это и произошло уже в рамках самого аналитического марксизма. Когда отказ от гегелевской диалектики методологического холизма, в аналитическом марксизме методологический индивидуализм вполне успешно сочетался с классовым анализом в работах Эрика Олина Райта, Джона ... и особенно Аналитический анархизм не составил исключения. Обращение Картера к цитируемой выше статье, к работам Джеральда Козна, настаивавшего, Козн к сожалению так и остался в марксизме. Особняком да, стоял настаивая на своём функционализме. Интересы Картера обусловлены скорее не методологическими, а содержательно. Картера интересует в Козновская интерпретация марксистской теории истории революционных изменений. В более поздней своей работе «В защиту эгалитаризма» (2006 год) Картер вступает в дискуссию с Майклом ..., пытавшемся с позиции рационального выбора опровергнуть эгалитаризм в распределении. Вполне успешно применяет методологический инструмент теории игр и рационального выбора. То есть он отнюдь не чужд методологическому индивидуализму. У меня есть ещё время?

В.П.Макаренко: Да-да, Миша, давай.

М.С.Константинов. Марксистская классовая теория также вполне может сочетаться с теорией рационального выбора в качестве объяснительной модели поведения представителей классов и классовых отношений. Это было продемонстрировано немецким экономистом Хансом Херманом Хоппе в работе «Марксистский и австрийский классовый ана-

лиз». Хоппе принимает жёсткое ядро системы марксистских верований, которое, по его мнению, сводится к пяти основным тезисам: 1. История человечества есть история классовой борьбы. 2. Правящий класс объединён общим интересом сохранения своего эксплуататорского положения, поэтому успех этой борьбы зависит от классового сознания угнетённых. 3. Классовое господство проявляется в специальных установлениях относительно перераспределения прав собственности. 4. Для их закрепления создаётся государство, помогающее воспроизводить заданную классовую структуру, благодаря контролю над системой классового правосудия, а также легитимировать классовое господство посредством контроля над идеологией. 5. По мере развития производительных сил и дальнейшей централизации эксплуататорского господства экономическая стагнация и кризис способствуют становлению революционного классового сознания угнетённых, что создаёт революционную ситуацию, разрешение которой приводит к становлению бесклассового общества, отмиранию государства и экономическому процветанию.

С этими тезисами Хоппе полностью согласен. Но если Картер видит своей задачей анализ политических сил для экспликации политических и экономических неравенств, то Хоппе поступает противоположным образом. Он обращает внимание на концепцию эксплуатации в условиях капитализма и стремится реабилитировать последнюю. Это довольно любопытный момент, на который я хочу обратить внимание. Как полагает Хоппе, марксисты допустили подмену тезисов в концепции капиталистической эксплуатации, когда конкретный исторический анализ проявления эксплуататорской сущности капитализма в эпоху первоначального накопления капитала был спроецирован на феномен капитализма в целом. Хоппе предлагает исправить этот недостаток марксистской классовой теории, заменив марксистскую теорию капиталистической эксплуатации концепцией эксплуатации Мизеса, Ротбарда, которая сводится к следующему.

Эксплуатация действительно характеризовала отношения раба с рабовладельцем, крепостного с феодальным лордом прошлого. Но при чистом капитализме (в либертарианском смысле) никакая эксплуатация невозможна по определению. Почему? Принципиальное отличие капитализма состоит в признании принципов освоения. То-есть, либертарианцы исходят из двух ключевых тезисов: право собственности на собственное тело и на продукты своего лично произведённого труда. При чистом капитализме никакая эксплуатация невозможна, благодаря при-

знанию принципа освоения. Крестьянин при феодализме угнетен, потому что он не имеет исключительного контроля над землёй, которую он освоил, а раб потому что у него нет исключительного контроля над своим собственным освоенным телом. Если с другой стороны, у каждого есть исключительный контроль над своим собственным телом, иметь его означает и быть свободным работником при капитализме. И каждый действует в соответствии с принципом освоения, то никакой эксплуатации быть не может. В таком контексте чистый, ничем не ограниченный, (прежде всего государственным налогообложением и регулированием, либертарианцы считают налог кражей) капитализм выступает как гарантия свободы.

Таким образом, Хоппе показывает, что методологически марксизм вполне совместим с индивидуалистическим анализом либертарианцев. Из этого можно заключить: непроходимых методологических барьеров между рассмотренными выше версиями аналитического анархизма не существует. Более того, методологически эти подходы могут вполне успешно дополнять друг друга. Использование методов аналитической философии для уточнения и конкретизации базовых понятий анархизма, дополненное конкретным историческим анализом, анализом с позиции теории рационального выбора и теории игр удачно сочетается с уточнённой марксистской философией истории, классовым подходом и т. д.

Совсем иначе обстоит дело в ценностном плане. Примирить на базе анархистской идеологии сторонников либертарианской идеи радикальной свободы, реализуемой только в условиях чистого ничем не ограниченного капитализма, с идеей равенства, которую отстаивает Алан Картер, представляется проблематичным. Либертарианское анархо-капиталистическое течение аналитического анархизма представлено прежде всего Бётке и его коллегами, у него уже есть последователи. На уровне ценностей оно несовместимо с эгалитаристской версией аналитического анархизма, которую развивает Алан Картер. Собственно говоря, в аналитическом анархизме мы снова наблюдаем давний раскол между левыми и правыми анархистами или как его зафиксировал Дмитрий ... , правые анархисты больше делают акцент на персоналистском начале анархистского мировоззрения, в то время как левые предпочитают говорить о массах, пролетариате, классах, т. е. о социальных группах. Правые анархисты государственную власть и государство считают явлением первичным, от которого зависят экономические отношения, в соответствии с этим выстраивают свои лозунги. На листовках правых анар-

хистов вы никогда не увидите фразу против власти и капитала, не увидите слов «класс» и «капитал». В то время как для левых анархистов капиталистические экономические отношения, если и не являются более важным объектом критики, то вместе с государством капитализм ставится наравне. Т. е. на уровне ценности эти два направления, на мой взгляд, примирить достаточно проблематично.

Сможет ли аналитический анархизм преодолеть рассмотренные в данном докладе противоречия, – покажет время. Сегодня его представители предпочитают игнорировать друг друга. Есть ещё один важный момент, на который я хотел бы обратить внимание. В силу очень сложной терминологии тексты аналитических анархистов читать и переводить довольно сложно. Одну статью Картера переводить без проблем, с другой, сделанной на основе теории игр, довольно сложно разобраться. Сможет ли аналитический анархизм найти социальную базу, на которой он будет развиваться? Или он останется игрушкой в руках высоколобых интеллектуалов? Тогда говорить о нём как о самостоятельном направлении достаточно сложно.

В заключение отмечу любопытный момент. Если заглянуть в англоязычную версию Википедии, то среди современных направлений мысли целый абзац посвящен аналитическому анархизму. В русскоязычной Википедии такая статья отсутствует, хотя русскоязычная информация есть перевод англоязычной версии. Но в интернете сегодня довольно много сайтов и литературы, насколько я могу судить из Ростова.

В.Н.Ткаченко. Я хотел остановиться на последнем моменте: смогут ли аналитики найти социальный опыт, который можно проанализировать? Но ведь был социальный опыт с 1917-го года по 1920-й. Гуляйполе – крупнейший район Запорожской области – был постоянно под контролем Махно. И это не просто так, а это сражающаяся армия, которая дезорганизовала фронт Деникина, большевикам пришлось потом уже только добывать Антона Ивановича. Анархисты держались и пользовались массовой поддержкой крестьянства. Крестьяне увидели в этом свою власть и признали её легитимной, они поддерживали её не на словах и не на уровне аналитических концепций, а оружием, кровью, конспирацией, снабжением и т.д. Аналитические анархисты хотя бы где-нибудь анализируют опыт ведения хозяйства Нестором Ивановичем Махно?

М.С.Константинов. Да, но не этими авторами. У Александра Шубина есть неплохие работы, посвященные анархизму. Действительно, у

бабки Махно был отряд, если не ошибаюсь, в пятьсот человек. Но в нужный момент поднималась армия до пятидесяти тысяч.

В.Н.Ткаченко. Да!

М.С.Константинов. С Красной армией он сотрудничал, но советская власть его предала. Снабдила его винтовками английского или итальянского образца, к которым невозможно было найти патронов. Но я говорю о другом – о потенциальной социальной базе поддержки аналитического анархизма. Анархистская идеология сегодня очень модна. В ней существует множество течений – от анархо-капитализма до анархо-коммунизма, от анархического феминизма до экоанархизма. Кстати, Алан Картер позиционирует себя как один из ведущих представителей экоанархизма. Каждое из этих направлений имеет собственную символику, свои собственные, достаточно простым языком сформулированные идеи, которые понятны группам, носителям этой идеологии. В аналитическом анархизме я не увидел вообще стремления найти такую социальную базу. По сути, это игрушка интеллектуалов, которые применяют очень сложный метод. Он может выступать в качестве дополнения других анархистских направлений, которые действительно представлены в политическом пространстве. Но то, что он превратился в самостоятельное направление, имеющее собственную поддержку тех или иных групп населения, для меня достаточно сомнительно. Разве что интеллектуалов...

А.В.Оболонский. Очень любопытный анализ. А вы не пробовали соотнести аналитический анархизм с интеллектуальным движением Occupy Wall Street? Или это всё разное, там оно не присутствует?

М.С.Константинов. Честно говоря, меня это движение очень интересует. Я узнал о нём от Наоми Кляйн. Она это описывала. Но я ещё детально не занимался. Спасибо, это было бы интересно сравнить.

А.В.Оболонский. Мне кажется, тут есть предмет.

В.А.Шкуратов. Тут сразу возникает вопрос о самом известном эпистемологическом анархисте. Есть ли какая-нибудь связь?

М.С.Константинов. Пол Фейерабенд очень известен среди анархистов. Даже русскоязычный сайт «Автономное действие» публикует труды Фейерабенда. Но, мне кажется, речь идет не совсем об одном и том же. Бётке – это экономическая база анархистской идеологии, левое крыло либертарианства. Картер пытается представить аналитический анархизм как методологическую рецепцию марксизма аналитического. А гносеологические вопросы они не рассматривают. Де Ясаи анализируют

ет государство. Насколько между ними есть параллели, – я, честно говоря, не задумывался.

В.А.Шкуратов. Тогда у меня второй вопрос. Насколько я понимаю, это течение продуктивизма, классическая философия производительных сил. Но сейчас существует левое направление – непродуктивности, нонпродуктивности, основанное на философии консьюмеризма, философии свободных от занятий слоёв населения. И оно весьма influentially. Есть ли тут какие-то связи?

М.С.Константинов. Нет! Вы открыли мне глаза, я посмотрю.

И.В.Николаев. Я продолжу вопрос о социальной базе анархизма. Чтобы получить эту социальную базу, нужны конкретные предложения по устройству, по формированию больших социальных групп. Есть ли такое направление в аналитическом анархизме? Какие предложения по устройству идеального общества существуют в этом направлении? Ставится ли в аналитическом анархизме вопрос о взаимодействии больших социальных групп, типа наций или этносов?

М.С.Константинов. На первый вопрос я уже в докладе частично ответил. Это вопрос ценностный, да? Идеальное общество – это вопрос ценностный. Здесь как раз проблема в объединении этих авторов. В едином направлении они, по-моему, никогда не складываются. Бётке и его коллеги настаивают на анархической организации капитализма, что не совместимо с идеями Картера в защиту эгалитаризма. Насколько есть идеи с организацией социальной базы? У меня была такая мысль. Алан Картер был членом Лондонской исследовательской группы анархистской. Но это для меня ещё Terra Incognita. В этой группе бы покопаться. Что там делалось? – честно говоря, не знаю.

И.В.Николаев. А у самого направления аналитического анархизма есть своя символика?

М.С.Константинов. Какая символика может быть у направления, которое берет методологией аналитическую философию? Исключение составляет только либертарианство. Но в специфике аналитического анархизма символика не может быть.

Ю.С.Пивоваров. У меня очень примитивный вопрос. А зачем вам всё это? Почему вам вдруг стало всё это интересно? Вы полагаете, что это имеет какое-то будущее? Вам это интересно? И вы с инспирацией в полном смысле слова этим занимаетесь. Хотите покопаться. А в чём, собственно, интерес?

М.С.Константинов. Дело в том, что я мечтаю стать специалистом по истории идеологии и по идеологиям в целом. Для этого надо разбирать-

ся в новейших течениях. Поэтому любое новое идеологическое веяние вызывает мой интерес. Я не анархист, сразу признаю это.

В.П.Макаренко (*иронически*). Почему же нет?

М.С.Константинов. Хотя в последние годы я сильно полевел, наблюдая неолиберальную волну. Но до анархизма так и не дошёл, может в будущем стану. Это, безусловно, интересный анализ. Де Ясаи например. Но в плане реализации политической практики?.. На сегодняшний день, в сложном развитом индустриальном обществе, на мой взгляд, это не совсем реализуемо. Хотя сапатисты, например, нечто подобное сделали. Хотя остается вопрос, насколько это анархическая организация...

В.Ю.Попов. У меня вопрос насчёт либертарианцев и теории игр. Насколько я знаю, либертарианцы не используют теорию игр вообще. В смысловом плане это совершенно разные идеи, разные направления мысли. В своё время Хайек подвёл базу под нацизм и большевизм, эта база – этатизм. Многие левые интеллектуалы очень сильно возражали, возражают до сих пор, не хотят признавать это. Это такой ответ? Вы сказали, что очень сильно полевели, наблюдая новую неолиберальную волну, но ведь она сама по себе левая. Вы полевели как отрицающий эту волну? Или как вливающийся в неё?

М.С.Константинов. Что касается либертарианства и Хайека. Я ссылался не на Хайека, а прежде всего на Ротбарда. На манифест его «К новой свободе», там достаточно много имён можно привести, Хоппе тот же самый. С Хайеком я не очень дружу.

В.Ю.Попов. Поэтому вы и объявили этот подход анархизмом? Это моё впечатление.

М.С.Константинов. Что назвать анархизмом?

В.Ю.Попов. Либертарианство назвать анархизмом. Хотя есть анрх-окапиталисты.

М.С.Константинов. Ну, вообще-то исторически либертарианцы были анархистами. Это название европейских анархистов. А сейчас в Штатах существует мощное движение либертарианское. Есть и свои центры. Тот же центр Бьюкенена.

В.Ю.Попов. Бьюкенен не либертарианец.

В.П.Макаренко. Есть разные Бьюкенены.

В.Ю.Попов. Я про Джеймса говорю.

М.С.Константинов. А в отношении неолиберальной волны, извините, – она далеко не левая.

В.П.Макаренко. У меня два вопроса. Вначале краткий. Ты проводишь различие между классификационными задачами и теоретически-

ми? Если по докладу судить, то твоя задача классификационная или теоретическая?

М.С.Константинов. Задачу я объявил с самого начала. Я попытался посмотреть, существует ли аналитический анархизм как самостоятельное направление, обладающее своей спецификой: содержательной, методологической и аксиологической. А классификация – это всё было условно. Вначале я выделил три направления, потом у меня осталось два с половиной направления. Потом я увидел, что методы аналитической философии используют то и другое направление. Поэтому их осталось два, но это всё рабочие моменты. Всё зависит от задачи, конечно.

В.П.Макаренко. Хорошо. Второй вопрос длинный. В основном фигуры, которые были упомянуты в докладе, либо англичане, либо немцы, либо американцы. А приходилось тебе размышлять над феноменами типа В.В.Налимова? Ведь его вариант анархизма, в отличие от традиционной анархистской ориентации на индивида, является попыткой соединить холистический подход к описанию универсума с анархистскими идеями.

М.С.Константинов. Я в этом направлении не искал. Спасибо за идею.

В.П.Макаренко. Там очень интересные и весьма оригинальные вещи можно накопать. Потому что холизм и индивидуализм как ориентации в истории мысли обычно противопоставляют. Налимов пытался соединить рассуждения о космосе и образ космоса с развитием анархизма.

В.Ю.Попов. *Бегство от государства по этажам общественных норм.*

Здравствуйте, дорогие коллеги. Мой доклад построен на основе двух концептов, которые я использую для объяснения некоторых реалий российской жизни. Один концепт называется «двойная нормативность», другой – «безгосударственная бюрократия». Поясню, что я имею в виду.

Под двойной нормативностью имеется в виду ситуация, которая сложилась в постсоветской России. Речь идет о специфическом взаимодействии формальных и неформальных норм. При простом взгляде на нашу реальность можно увидеть формальные ограничения, формальные правила и неформальные правила. Но дело в том, что не совсем правильно называть формальные правила нормами, хотя существует идеология нормативизма. Точнее их называть идеологией и практикой легиз-

ма, как определил Четвернин, который преподаёт в Высшей школе экономики. Российский закон – это всего лишь мнение отдельных людей на то, как должны вести себя все люди или какая-то их часть. Но почему у нас формальные и неформальные нормы находятся в специфическом взаимодействии? Обычно неформальные нормы – это всё то, что не отражено и не замечено, они как бы дополняют формальные, прописанные правила поведения. А у нас неформальные нормы не то, чтобы дополняют, а находятся над формальными прописанными правилами. В этом смысле концепцию двойной нормативности можно назвать концепцией «двухэтажной нормативности» или «двухуровневой нормативности».

Откуда произошло такое взаимодействие норм? Укажу несколько источников генезиса такого развития событий. Приход к власти большевиков – это первый источник. Дело в том, что большевистская партия действовала как нелегальная организация, и эта авантюристность, нарушения закона спланировала людей внутри этой организации. Они пришли к власти не законным путём. Нормы, которые существовали внутри этой группы, стали над законом, который впоследствии большевики стали проводить в жизнь. Но поскольку советское государство реализовало себя как государство, отрицающее предпринимательскую деятельность, частную собственность на средства производства, то нужно было многие вещи изменить. Т. е., исходя из теории, из идеологического посыла нужно было подчинить под идею многие реалии общественной жизни, свойственные людям и складывающиеся годами. Для этого понадобилось использовать такие мощные средства государственной машины, как армия и специальные службы. Следствием использования этих сверхсредств с целью организации общества было то, что люди стали воспринимать этот порядок как навязанный. Теперь перейду к концепции «безгосударственной бюрократии», ядром которой является исследование Джеймса Скотта о крестьянском типе поведения в условиях эксплуатации. Джеймс Скотт перечисляет несколько характеристик такого поведения: нерадение, симуляция, фальшивое (для виду) согласие, притворное понимание, уклонение, подворовывание, незаконные промыслы, браконьерство, злословие, саботаж, поджоги, нападение и убийство исподтишка, анонимные угрозы. Этот список Скотта можно дополнить: медлительность, напускная забывчивость, нытьё и жалобы на сложность работы, избегание начальства и господ. Вот интересное замечание Юрия Самарина, которое я почерпнул из книги Ю.С.Пивоварова «Полная гибель всерьёз»: «Умный крестьянин в присутствии своего господина при-

творяется дураком, правдивый бесовестно лжёт ему прямо в глаза, честный обкрадывает его и все троя называют его своим отцом».

Наблюдая за поведением студентов – в течение восьми лет я был студентом в разных вузах – я увидел очень схожее поведение с крестьянством. Многие студенты воспринимают ситуацию с обучением как навязанную извне. Предложенную кем-то, и не воспринимают её как собственную личную задачу. Я стал думать о том, как вели себя крестьяне, которых силой пролетаризировали и направили на работы на производство. Естественно, они не могли сразу отказаться от такого стиля поведения, который свойственен с малых лет крестьянской среде, как показали Джеймс Скотт и Самарин. Есть и у Милова в «Великорусском пахаре» похожие наблюдения. Он приводит слова одного помещика в письме к другому, что крестьяне часто притворяются, лгут намеренно. Минимизируют эксплуатацию себя.

Естественно, пролетаризированные крестьяне воспринимали эту ситуацию как навязанную. Они были оторваны от своей среды, которую любили и помещены в ситуацию, которая им была противна: промышленное производство, фабрики, заводы. Да и на крестьян влияла идеология официальная государственная идеология, что нужно отказаться от старого мира. Естественно, кто-то стеснялся показывать своё отношение, тем более что за это часто были серьёзные санкции, можно было отправиться в лагеря в сталинское время, а в хрущёвско-брежневское время ситуация описана Хархординим. Он показывает, как в коллективах люди шельмовались, каким образом на них оказывалось давление. Интересно, что советские коллективы имеют сходство с общиной, которая решала, кого отправить в рекруты, кого и как наказать.

Таким образом, единой правовой среды не было. Много зависело от коллектива. От персональных отношений в этом коллективе. Эти неформальные связи на самом деле пронизывали всё. Это ещё один источник приоритета неформальных связей над прописанными законами, согласно принципу: «Своим – всё, а чужим – закон».

А.В.Оболонский. Врагам!

В.Ю.Попов. Да. Врагам – закон. Важным элементом конструкции двойной нормативности является то, что законы играют роль двойного упорядочивания. С одной стороны, они упорядочивают поведение тех, кто находится внизу и не вхож в систему с неформальными правилами, с другой стороны они упорядочивают поведение тех людей, которые входят в неформальные отношения. Люди боятся, что к ним могут при-

менить официальные нормы, для этого официальные нормы заведомо более жёсткие. Я рассматриваю коррупцию как некий входной билет из официальной нормативной ситуации в неофициальную систему неформальных отношений. Это может быть разовое «посещение», может быть абонемент. Дело в том, что порядок, который устанавливает система двойной нормативности, на деле построен на принуждении. Одни принуждены к тому, чтобы быть наказанными за невыполнение официальных, прописанных норм. Другие принуждены к соблюдению, к некоему сплоченному состоянию в ситуации неформальных норм, боязнь оказаться внизу, под гнётом формальных, прописанных, заведомо жёстких и чрезмерно регламентирующих жизнь и поведение человека норм.

Интересные свидетельства я не читал, к сожалению, в письменных источниках, но видел в документальных фильмах. Свидетельство о Фурцевой её близких родственников и друзей. Фурцева просто патологически боялась оказаться в низу советского общества, и часто повторяла: Вы что хотите, чтобы я была этой лагерной пылью? Вернуться в то состояние, из которого я вышла? На мой взгляд, она отразила боязнь людей, включенных в систему неформальных отношений, которая пронизывала партийную верхушку. Много есть также свидетельств на тему того, что в нужные моменты официальная идеология вверху партийной системы отбрасывалась. Это надо прояснить.

Здесь я использую ещё одну концептуальную связку. Это государство, которое требует от своих граждан сверхусилий и ставит сверхзадачи. Есть и другие названия такого государства: «тотальное» государство Мизеса, Ван Кревельд называет это «муштрой народа», Теодор Шанин говорит «сверхгосударство». Джеймс Скотт называет такое государство «зараженным высоким модернизмом». Это государство предлагает отказаться от существующих практик и в угоду идеологии изменить существующее положение. Отсюда и вытекает идеология и практика легизма – подчинение придуманным нормам, хотя законы должны информировать людей о том, как обстоит дело в данной конкретной области действий или в данной стране. Как говорил Хайдеггер: У нас так не принято. Т. е., закон – это то, как люди реально действуют.

Например, закон для предпринимателя играет очень большую роль. Предприниматель строит свои предсказания на знании о том, как будут вести себя другие люди. Но у нас таковых законов на деле не существует, они продиктованы интересами неформальных групп. Вот последние законы: 271-й закон о рынках и 69-й закон о такси очень хорошо показы-

вают, что эти законы абсурдны. Это отдельная тема. Если детально разоб-
брать, то видно, что существующее положение вещей запрещается этим
законом, якобы в угоду развития конкуренции. Но на деле эти законы
«упраздняют» конкуренцию, запрещают её. Это сделано для того, чтобы
не конкурировать в открытой системе рыночной конкуренции. Потому
что устоявшаяся практика советской экономики – экономик дефицита
многим людям приносила свои плоды. А когда они увидели, что свобода
для всех создаёт для них определённые трудности, то они хотят эту сво-
боду ограничить.

Часто говорят, что у России нет будущего. Может, его просто не хо-
тят. Я слышал такое выражение Игоря Юргенса: Глобализация это про-
цесс достижения успеха быстрыми людьми, а мы медленные, поэтому
наша задача глобализацию остановить, замедлить её. Многих людей ус-
траивает статика, устраивает положение неизменное в системе с эконо-
микой дефицита.

Вернёмся к теме бегства от государства по этажам общественных
норм. От государства на деле бегут сами чиновники. Это та часть людей,
которые не хотели быть эксплуатируемы, одни выбрали эмиграцию, а
другие выбрали перемещение на верхние этажи, потому что, по их мне-
нию, на этих этажах меньше эксплуатации. Всегда лучше командовать,
чем подчиняться. Но для меня это вопрос. Верхние этажи я ещё не могу
исследовать так, чтобы судить о том, насколько там эксплуатации мень-
ше. У меня как раз ощущение, что там существует эксплуатация и люди
не свободны. Уходя туда, они на деле не освобождаются, а находятся в
постоянном страхе, что официальные законы будут к ним применены.
В этом смысле мне кажется абсурдной идея выстраивания вертикали
власти. Потому что вертикаль воспринимается этими людьми, как то, от
чего они всё время бежали. Они ни за что не захотят быть встроенными в
эту систему. Они всеми своими действиями поломали и разрушили идею
сверхгосударства, которая хотела их подчинить. Т. е., мы строим верти-
каль из людей, которые съели предыдущую вертикаль.

М.С.Константинов. У меня вопрос по поводу коррупции. У Сэмюэ-
ля Хантингтона, мы его любим за теорию цивилизаций...

В.П.Макаренко. Некоторые терпеть не могут...

М.С.Константинов. У него была серьёзная работа в 1960-е гг. «По-
литический порядок в меняющихся обществах». В модернизирующихся
обществах институт коррупции выполняет роль стабилизирующего об-
щество. Уберите этот институт и общество рухнет. Сегодня новый инс-

титucionalизм развивает идею институциональных ловушек. И можно
рассматривать коррупцию в контексте институциональной ловушки, т. е.
выхода из этого нет. Она будет способствовать модернизации общества.
Вот вы в каком контексте рассматриваете институт коррупции. Вы сказа-
ли, что это у вас пропуск с одного уровня на другие. В каком контексте?

В.Ю.Попов. Спасибо за вопрос. Все знают случай с директором Ели-
сеевского магазина Соколовым, которого судили и применили высшую
меру. Многим кажется, что таким решением была исправлена система
советской коррупции. Однако если система построена так, что отрица-
ется множество устремлений людей, т. е., то за счёт чего они существуют,
то как её можно исправить? Как бы Андропов исправлял эту коррупцию
на том базисе, из которого он исходил?

М.С.Константинов. Проблема институциональной ловушки в том,
что выхода нет. А когда вы пытаетесь исправить ситуацию, она воспро-
изводится.

В.Ю.Попов. Я бы сказал, что выхода нет для всех. Мы всегда ищем
выход для всех – как бы нам всем выйти из этой ситуации. Мне кажет-
ся, здесь будет выход в непривычном для каждого человека понимании,
когда всё удачно разрешиться. Выход может быть через катастрофу или
распад. Какого плана выход вы хотели бы видеть?

В.П.Макаренко. Вадим, молодец, обладаешь даром риторика.

М.С.Константинов. Я не ищу выход.

В.Н.Ткаченко. Дело в том, что когда ты поднимаешься наверх, ты
должен быть готов к тому, что борьба будет не на жизнь, а на смерть. Ре-
сурсов мало, желающих много. Поэтому в случае поражения ты должен
быть готов к тому, что будешь отвечать по полной программе. Виноват –
не виноват, тут такое дело.

А.В.Оболонский. Доклад ваш очень интересный. Вы знаете, верный
есть критерий, со многим можно не согласиться и поспорить, но я этого
делать не буду. При всём Уважении к Четвернину термин легизм восхо-
дит к 2400 году до нашей эры. Есть такая книга – библия тоталитаризма и
легизма, со всеми инструментами и философией. Она называется «Книга
правителя области Шан». Подозреваю, что вы плохо, как и я, знаете ки-
тайский. Но это всё описано по-русски. Например, как распахать целину,
что наказания должны быть частыми и сильными, а награды редкими и
маленькими. Надо наказывать одинаково строго за мелкие проступки и
за серьёзные преступления. Очень рекомендую эту книгу. А спросить я
вот что хотел. Вы упомянули о трёх моделях студенческого поведения.

Какая модель крестьянского имитационного поведения преобладает по отношению к нашему шутейному царю Путину?

В.Ю.Попов. Трудно сказать, какая преобладает. Это тема отдельных исследований, включающих как мифологию и мистику этой группы. Тут нужны социальные антропологи или этнометодологи. Там ведь есть много интересных вещей: например тосты чиновничьи, в которые входят обыденные стремления. Например: Чтобы у нас всё было, но нам за это ничего бы не было. Надо внимательно изучить, насколько сам Путин и его окружение верят в то, что они декларируют. Очень сложно сказать.

Ю.С.Пивоваров. Мне очень понравился ваш доклад. Но здесь очень важный вопрос задал Михаил Сергеевич. Коррупция – это элемент модернизации или институциональная ловушка? Вы на этот вопрос не ответили. Не знаете, как ответить. Я думаю, никто не знает, как ответить, тут стесняться нечего. Мне кажется, сейчас это различие норм не действует. Я это говорю как мелкий хозяйствующий субъект – директор института, где работает полторы тысячи человек. Я каждый день вступаю в разные отношения (которые не являются научными) с разными людьми. С полицией, управой, пожарными и так далее. Раньше в Российской федерации как проводились конкурсы? Например, мне нужно починить потолок. Объявляется конкурс и та компания, которая выигрывает, та и чинит. А мы платим уже деньги, скажем, бюджетные. Разумеется, всегда договаривались с компанией, которая поменьше возьмёт. Против этого был издан 94-й федеральный закон, и торги стали совершенно безличные. Они электронные, непонятно, где, какая фирма. Это была очень такая хорошая штука борьбы против коррупции. Но на деле стали побеждать фирмы, которые до минимума спускают цену вопроса, начинают что-то делать, берут деньги, смываются и исчезают. Фактически этот закон, который был направлен на борьбу с коррупцией, ещё больше усилил коррупционную составляющую.

В.Ю.Попов. Мошенничество?

Ю.С.Пивоваров. Мошенничество и коррупция вместе! Я могу вам тысячу примеров привести. Современное право и принятые законы как раз усиливают ту часть, которую вы считаете нормальной. Видимо, сейчас произошла какая-то...

В.Ю.Попов. Мутация.

Ю.С.Пивоваров. Да, они вошли друг в друга. Я думаю, что современная Россия без коррупции не сможет жить. Я это говорю не как обществовед, а как мелкий участник отношений. Это та среда, в которой об-

щество существует. Я не говорю, что это хорошо, я говорю о том, что я не могу себе представить. Вот сейчас откачать отсюда воздух, и мы задохнёмся. Или человек, привыкший к загрязнённому воздуху, поднимается резко в гору, он не может дышать чистым кислородом. Так вот и наше общество, без всякого сомнения, глубоко поражено коррупцией, которая, может, уже и не болезнь, а наоборот, то, что поддерживает. Ален Безансон – очень крупный французский советолог в своё время написал гимн коррупции. Он говорил, что в советском обществе, где около 25% (Горбачёв это подтверждает, он читал документы, когда был членом Политбюро) находилось в системе теневой экономики, коррупция даёт возможность советскому обществу вообще существовать, решать какие-то проблемы продовольственные и прочие. Это очень важная составляющая. То, как вы цитировали Самарина, а это был крупнейший знаток крестьянской психологии, один из авторов реформы освобождения крестьянства, – таким же образом русские историки описывают поведение русских князей. Вообще русской аристократии перед Золотой ордой. Помещик выступал по отношению к крестьянину, как Золотая орда ко всей России. Столетиями русская политическая элита училась вести себя так, как крестьянин перед барином. Передельная община как основная форма русской социальности с XVIII столетия предполагала постоянный неправомерный передел. А неправомерный передел – это и есть по существу коррупция. Вы очень правильно заметили, что это было перенесено в советские коллективы. Все организации Советского Союза с утра до вечера занимались только тем, что делили тот бюджет, который выдаётся. И по сей день в бюджетных организациях, а я директор бюджетной организации, главный нерв жизни организации не наука, а распределение тех небольших бюджетных средств, которые можно распределить. Причём это распределяется совершенно неформальным способом. Т. е. коррупция имеет не просто какие-то глубочайшие корни. Это не девиантность русского социума, это, видимо, какая-то абсолютно приуроченная, или не приуроченная, но полученная в ходе исторического развития очень важная черта его существования. Это и не фактор модернизации и не ловушка, это некая повседневность, в которую мы погружены. Если мы из нее не выйдем, не будет никакой модернизации, ничего не будет. Это не институциональная, а историческая ловушка, в которой находится русское общество. Потому что ни одно общество ни с кем не построено на формальных отношениях. Коррупция это и когда мне звонит человек и говорит: «Старик, я буду защищаться, дай отзыв и так далее», – это то-

же коррупция. Или когда я звоню ректору какого-нибудь университета, у меня сын поступает: «Старик, ты понимаешь!?» Это тоже коррупция. Но если ее убрать, то русское общество перестанет существовать, распадется на какие-то атомы. И в этом смысле, и наверху и внизу примерно всё одинаково. Причём, всё открыто. Я присутствовал на совещании в Кремле, кстати, там не было ни Путина, ни Медведева, но все остальные были. Тогда обсуждалось, что в Ярославле, Ярославский форум, успешное такое мероприятие. И тут губернатор Ярославской области говорит: «Надо бы починить асфальт». И стали считать, сколько украдут. И это сидели первейшие люди. И не потому, что они особо циничные и хотели всё украсть. Они понимали, что по-другому всё равно не будет. Хотя там сидели какие-то генералы ФСБ. Казалось бы, им то и не знать!? Вы поставили, в общем, ключевой вопрос. Я в области государства и политики понимаю, что без реформы этой «русской власти» ничего не произойдёт. Но ничего не произойдёт, если не изменится в сфере общества. Это абсолютная историческая ловушка. Никуда мы дальше не двинемся. Враньё, что при каком-то Сталине этого не было. Там были другие формы коррупции, совершенно другие. Но по сути ничего не изменилось. Так было при царе, так сейчас. Ведь в русско-японскую войну украли всё обмундирование. Вот в чём проблема. Это связано с какими-то глубочайшими основаниями русской цивилизации, русской культуры. Сумеет ли Россия выйти? Это большой вызов, чем тот, который между институциональной ловушкой или модернизацией. И распад это не выход. Вот в чём дело.

В.Ю.Попов. А можно я прокомментирую? Спасибо вам большое, это позволит мне лучше раскрыть своё видение. Дело в том, что я стал использовать или конструировать эти концепты, потому что меня не удовлетворяли названия этих явлений, как коррупция, для себя я вначале назвал это тотальной криминализацией общества. Потом я стал понимать, что если законы радикально менялись в течение века, очень сильно всё менялось, то это нельзя назвать криминализацией. Потому что одно поведение в разных системах могло считаться и криминальным и таким, за которое призы дают. Именно поэтому я и конструировал вот эти концепты, чтобы как-то по-другому. На другой смысловой уровень эти проблемы перевести. И вот в своей статье у меня был такой алгоритм:

«Выходом из ситуации двойной нормативности мне представляется уменьшение роли чиновничьих организаций в регламентации общественной жизни и упразднении чиновничьих коллективов. Эти меры должны сопровождаться смягчением официальных законов регламентирующих многие сферы деятельности. Необходимо устранить под-

чинённое положение организаций коммерческих от организаций чиновничьих. Необходимо снятие проблемы соотношения законов и приказов. Система приказов должна постепенно вытесняться системой законов неизменных в долгосрочной перспективе».

Естественно, что подобные меры встретят большое количество трудностей. Сейчас мне представляется несколько наивным такое решение. Тут показаны конечные результаты, т. е. это не следствие, не пошаговая технология, не детально разработанная технология выхода. Но всё-таки есть нечто, что позволяет мне сложившуюся в России ситуацию оценивать как ненормальную, неудобную для себя и других. Как ситуацию, которую я хотел бы преодолеть. Поэтому возникает вопрос: насколько укоренена эта система? Может быть, просто в каждом поколении рождаются люди, не желающие так жить, а желающие что-то изменить? Не факт, что они изменяют. Не факт, что их намерения приведут к ситуации лучшей, чем та, в которой они живут сейчас. Мне кажется, опасения по поводу борьбы с коррупцией очень серьёзные. Действительно, как эту ситуацию исправить, чтобы не получить катастрофу, распад системы?

В.П.Макаренко. В соответствии с украинской пословицей: Хай буде гірше, та інше.

В.А.Мартиросов. Вадим, ты упомянул Четвернина...

В.Ю.Попов. Я познакомился с ним, благодаря тебе. Совсем недавно. Это такое взаимное обогащение. Я не использовал термин «легизм», это немного другое направление.

В.А.Мартиросов. Четвернин во многом опирается на В.С.Нерсисянца, который Россию считает потестарной, а не правовой цивилизацией. Может ли Россия стать правовой?

В.Ю.Попов. Это схема, в которой есть потестарный и правовой типы. Мне кажется, можно на определённом этапе пользоваться этой схемой. На данном этапе спектр смещён в сторону потестарного типа. Возможно, такое смещение произошло благодаря истреблению либертарного типа. Но это биологизаторская схема. Возможно ли смещение в обратную сторону? Это довольно сложно. Какой процент стабильно либертарных личностей, может быть, всего пять процентов? Можно ли этот процент увеличить?

В.А.Мартиросов. А можно наше общество охарактеризовать как родовое?

В.Ю.Попов. У меня были такие размышления, что наше общество можно охарактеризовать как большое первобытное общество. Но это на уровне метафор, эквилибристики. Можно его называть родовым, но это

не совсем корректно, потому что обсуждаемые коллективы не по родовому принципу складываются.

В.А.Шкуратов. Поскольку мы пришли к проектам улучшения породы человека, значит это защитный механизм, это усталость. Мне кажется, мы подошли к неразрешимым российским вопросам. Мы живём в системе, которую можем улучшить, только уничтожив эту систему.

А.В.Оболонский. Вместе с носителями? Я хотел уточнить.

В.А.Шкуратов. В какой-то эволюционной перспективе, наверное, будет другой эволюционный мир. У меня вопрос к оратору. Может быть, дело всё-таки в метаязыке? Ведь существует огромное количество общностей. Европейский тип общности – это небольшая часть спектра человечества, которое живет в родовых корпоративных отношениях личностной зависимости. Там взятка является просто даром. Такие общества составляют 90 % истории. Может быть, мы попали в некую языковую эпистемологическую ловушку навязанного нам языка, который требует от нас аксиологически (с их точки зрения), описывать наше бытие, которое не наше (с их точки зрения).

В.П.Макаренко. Володя, это ты как постмодернист рассуждаешь.

В.А.Шкуратов. Я рассуждаю с точки зрения постколониальных исследований. Вопрос такой. Можем ли мы создать адекватный язык?

В.Ю.Попов. Создать язык – довольно сложная штука. Можно ли вообще язык создать? Но развивать язык, мне кажется, нужно. У нас проблема с метаязыком, с метауровнем. Он как бы запрещён. Мы называем прописанные вещи нормой, хотя это никакие не нормы, потому что им никто не следует. Язык создать – это словно создать человека, т. е. родить его. Вы задали серьёзный вопрос. Мне кажется, эволюция и происходит рождением нового, а не созданием. Но тут есть проблема, сейчас видели все, наверное, изображение Путина с ножницами, который отрезает от слова эволюция букву «Р». Некоторые думают, что эволюция на их стороне.

В.П.Макаренко. Молодец, Вадим! Хороший ответ.

В.А.Шкуратов. Да, это хороший ответ.

В.П.Макаренко. Всё, волевым решением закрываю все вопросы. Заодно с большим сожалением должен объявить завершение нашей конференции. И хочу с большим удовольствием поблагодарить всех участников.

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПТОЛОГИЯ:
ЖУРНАЛ МЕТАДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
В ИНФОРМАЦИОННОМ И НАУЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РЕГИОНА И СТРАНЫ
(КРУГЛЫЙ СТОЛ 5 ИЮЛЯ 2012 Г.)**

В.П.Макаренко: Центр политической концептологии Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем ЮФУ, кафедра теоретической и прикладной политологии ЮФУ, Донская государственная публичная библиотека, Донское философское общество, Российская ассоциация политической науки, клуб Интеллектуальный Ростов проводят Пятую летнюю школу политических наук «Политическая концептология: теоретико-методологические основания и институционально-символические аспекты социальных наук». Ведущий эксперт заседания Владимир Натанович Порус – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой онтологии, логики и теории познания факультета философии Научно-исследовательского университета – Высшая школа экономики (Москва). Вчера с ним мы провели передачу по каналу Россия-Дон. Россия 24. Полчаса рассказывали, чем мы сегодня будем заниматься.

Профессор Понеделков просил выступить первым. Прошу, Александр Васильевич!

А.В.Понеделков. От имени всех политологов и социологов России, от имени нашего сообщества приветствую саму идею проведения семинаров и круглых столов под эгидой Центра политической концептологии. Мне представляется исключительно важным провести круглый стол по теме о лучшем журнале на юге России. Кому-то может показаться странным предложенный к обсуждению вопрос. Но мы с вами прекрасно знаем и помним, что любая мысль поначалу воспринимается как ересь, затем она превращается в догму, и даже в руководство к действию. Конечно, в этом деле следует, прежде всего, отметить фигуру профессора Макаренко, нашего вдохновителя и инициатора всего процесса и многих побед.

В.П.Макаренко. Это уже как будто Сталин заговорил из гроба...

А.В.Понеделков. Это как раз тот случай, когда уместно вспомнить: личности не менее, чем законы и принципы, двигают историю. Виктор Павлович это действительно делает. Готовясь к выступлению, я ещё раз посмотрел содержание и тематику журнала за минувший год. Содержание впечатляет: остро, спорно, доказательно, научно и политичес-

ки обосновано. Журнал и его авторы действительно актуальны во всех смыслах, включая их концептуальные и теоретические разработки. Хочу назвать запомнившиеся мне позиции. 1. Создаётся новый он же «старый» язык науки. 2. В плоскость обсуждения ставится категория «Духовности» как фундаментальная основа социального действия. 3. Исследуются тенденции мирового значения. 4. Подробно и масштабно исследуется персоналистический режим, складывающийся в стране.

Короче говоря, журнал и его авторы, его патрон и организатор заслуживают искренних похвал. Что я с удовольствием и делаю. А дальше мне хотелось бы поговорить о консолидации наших научных и организационных усилий. Чтобы у нас не было разных школ. А то мы бём в разные точки. Хотя и работаем в одном направлении. Я как исследователь, принадлежащий к системе государственных служб, хотел бы видеть большую практическую целесообразность в вашем исследовательском поле: по проблемам современной бюрократии, по анализу политического процесса, взаимодействия гражданского общества и государства, выработке стратегических направлений в деле национальной безопасности. По последнему направлению вы участвовали. Наше научное политологическое сообщество, существующее в рамках ростовских политологических школ, издало в 2011-12 гг. два фундаментальных тома

С.А.Кислицын. Я принёс программу, прошу поинтересоваться.

А.В.Понеделков. Также хотелось бы обратить внимание на научно-политический журнал номер 3 – социология власти. Здесь как раз дано высокое и мощное теоретическое обоснование политической практике. Здесь мы опубликовали статью по элитам. С Андреем Валентиновичем Лысенко, который ушёл из жизни. Царство ему небесное. Я думаю, надо больше обобщать политическую практику. Требуется концептологическое, вспоминая термин профессора Макаренко, обоснование взаимодействия общества и государства, задающих условия отношений психологических, этических, инновационных, создаваемых самой логикой этого взаимодействия. Нас в этом процессе интересует всё. И среда, в которой осуществляется взаимодействие и инструменты и механизмы этого взаимодействия, а также ценности культурные, духовные, о чём я говорил, материальные и другие. Полагаю, что на этом поле лежит решение вопроса сугубо научного свойства в части создания мировоззренческой научной платформы, на которой мы будем чувствовать себя не разобщёнными, разведёнными по свои грядкам научным, в общем сплочённом строю. Еще более стратегически важным мне представляет

ся наше совместное усилие, подведённое под один общий знаменатель. Противоборство в системе и выработка рекомендаций стратегий национальной безопасности. Здесь в одну точку сходятся интересы всех, каждой отдельной личности, общества, всех государственных и общественных институтов. Мне представляется исключительно важным работа в направлении создания эффективных инструментов предотвращения подрыва госбезопасности страны. Определение места и роли России в этом вопросе. Вот кому – кому, а нам с вами, жителям южного региона, не надо объяснять и убеждать, что наш регион находится весьма конфликтным в масштабах страны и в масштабах мира. Хотим мы того или нет, но вопросы терроризма, экстремизма, конфликтов и т.д. Стратегия национальной безопасности ориентирует всех нас – государственные структуры и общественные, семью и учебные заведения, на формирование личности общества и государства безопасного типа. Уверен, что ваш журнал не обойдёт в будущем эту проблематику. Более того, в дискуссии, назначенной назавтра, все эти вопросы найдут достойное внимание и освещение. Этим я хочу закончить, поблагодарить за приглашение и сотрудничать.

В.П.Макаренко: Основные темы моего доклада: личная и теоретическая предыстория журнала; история создания журнала; опыт трёхлетней работы; оценки и проблемы журнала. Это часа на полтора. Пока все не заснут. Естественно, я этим заниматься не буду. Вначале представлю нашу редакционную коллегию, возможно, о ней не все знают. Журнал наш выходит с 2009 года. Главным редактором являюсь я. Все мои титулы перечислены. В настоящее время журнал вывешен на сайтах Южного федерального университета, Института научной информации по общественным наукам РАН (в рубриках «Россия: ключевые проблемы и решения»), Электронной библиотеки РИНЦ и т.д. Каждый может зайти на эти сайты, набрать «Политическая концептология» и всё прочесть. Моим заместителем является Сергей Петрович Поцелуев. Сейчас он в университете Нотр-Дам в Чикаго, на стажировке. Ответственным редактором является доцент, кандидат политических наук Михаил Сергеевич Константинов, который сейчас сидит на учёном совете факультета социологии и политологии ЮФУ. Затем разрешите представить председателя редакционного совета журнала, доктора философских наук, кандидата исторических наук, профессора Анатолия Владимировича Лубского. Я с большим удовольствием скажу, что он недавно получил премию за что-то выдающееся в области социологии. Толик, скажи, за что?

А.В.Лубский: Медаль РАН имени Питирима Сорокина.

В.П.Макаренко: Во! Как писал в этом случае Шолом-Алейхем, «и Гап-ла люди, и Юхим человек». Это прецедент. Для нашего провинциального Ростова-на-Дону (несмотря на то, что уже давно миллионник, и даже «боевой славы») это чрезвычайно важно. Медаль Российской академии наук имени Питирима Сорокина. Пусть каждый придет домой, перечтет биографию великого социолога, и поставит перед собой вопрос: «Занимался ли я выработкой характера так, как делал это Сорокин?» Сейчас находится на пути в Ростов из Волгограда член нашего редакционного совета, доктор политических наук Алексей Иванович Бардаков. У нас журнал полипроблемный, многообразный. В состав его редколлегии входят многие известные экономисты, юристы, философы, социологи, политики из России, Украины, Польши.

Разрешите приступить к докладу. Называется он «Политическая концептология – новое направление социогуманитарных исследований». Теоретическое предисловие, личную предысторию я оставляю на потом, хотя для журналистских целей и для широкой публики она может быть даже более интересной, чем теоретическое предисловие.

Впервые идея политической концептологии или политической метатеории была высказана мной в 1995 году на международной конференции, посвящённой столетнему юбилею Львовско-варшавской школы. Затем изложена в первых публикациях 1996-го года. Однако примерно лет за восемь до этих событий я высказывал идею политической концептологии своему аспиранту, не буду называть его фамилию. Я называл первоначально эту идею «логика политических концепций», и советовал ему ее развивать. Однако по мере изменений в его семейном статусе, а также социальных трансформаций страны после 1990 года, он ушёл из науки. Сказал мне: Прошу прощения, Виктор Павлович, надо кормить семью. Жена меня не пускает на научные собрания, ругается... Поэтому вынужден был реализовывать эту идею я. И я её реализую, а как – это уже предмет обсуждения. Вначале я думал создать политическую концептологию, для обобщения своих предшествующих исследований: бюрократии, оппозиции, истории и теории марксизма и легитимности. Но в ходе реализации замысла оказалось, что политическая концептология не исчерпывается интеграцией перечисленных сфер исследования и не помещается в рамки канонической политической науки. Поворотную роль в формулировке такого убеждения сыграло изучение аналитической философии. И я здесь впервые сошлюсь на присутствующего

здесь Владимира Натановича Поруса. В 1988 году, если не ошибаюсь, в журнале «Вопросы философии» был проведён круглый стол по аналитической философии. Профессор Порус – один из первых в России специалистов, который развивает это направление исследований. Но после нашего уже более близкого знакомства выяснилось, что он принадлежит уже к расстриге в аналитическом смысле слова. Как сказал он мне в прошлом году, тема ему немножко поднадоела. А я являюсь адептом, недавно пришёл в эту сферу работать, поэтому здесь тоже возможен какой-то продуктивный обмен мнениями. Обращаю внимание, что аналитическая традиция, традиция аналитической философии, в истории интеллектуальной культуры России представлена слабо. И до 1917-го года и после него. Это может быть предметом особого разговора. И вот немного-нимало задача состоит в создании интеллектуальной культурной традиции, и политической концептологии как одной из частей этой интеллектуальной традиции. Применение аналитической философии к изучению социополитических феноменов в социогуманитарном знании началось недавно. В аналитических дисциплинах последних лет, особенно в России, на первый план начала выходить политическая философия. Сошлюсь здесь на свою книжку 20-летней давности – учебное пособие «Политическая философия». Эта книжка была тогда издана с помощью и участием Анатолия Владимировича Лубского. Ещё существовало издательство «Логос». Книга тоже заслуживает критического отношения, но как веха может быть упомянута. Мои штудии пересекаются с проблемой использования аналитической философии для анализа отечественной реальности. Применение философских методов для анализа конкретных проблем всегда меня интересовало больше философии как таковой. И больше общих глобальных схем, тем более холистических. В 1995-ом году я получил грант Российского гуманитарного научного фонда по теме: «Метатеория политической реальности». И до двухтысячного года написал ряд книг и статей, посвящённых анализу теоретикосоциологических и социополитических проблем русской власти, политической философии, концепции интересов во взаимосвязи с деятельностью правительства, главных идеологий современности, толерантности, фундаментализму, методологии кавказоведения.

Теперь сформулирую рабочее определение. Политическая концептология – это междисциплинарный подход к исследованию, пониманию и моделированию политической реальности в её взаимосвязи со всеми сферами социальноинтегрированной реальности. В филосо-

фии науки существуют разные концепции междисциплинарности, анализа и понимания. Для конституирования политической концептологии главной является процедура методологического выбора, который постоянно переплетён с моральным и политическим выбором. Это очень острая и интересная проблема и ей можно посвятить всю жизнь. Этот выбор предполагает дистанцирование от реальных политических процессов, систем, конъюнктур и всего корпуса социогуманитарных и политологических знаний. Необходимость дистанции определяется тем, что эти феномены являются вариантами традиционализма, эконо-миоцентризма, кратоцентризма, идеократии в региональном, национальном, государственном, цивилизационном, мировом измерении. Если взять историю России до советского периода, то мы найдём много примеров того, как взаимодействие между гуманитарными науками и обществом, и государством в особенности, постоянно деформировалось воздействиями со стороны властвующих и экономических структур. История философской, гуманитарной, социально-политической мысли 20 века после 1917-го года в нашей стране даёт громадное количество примеров, как истина и наука терпит возмущающее бремя со стороны властвующих структур. В этом смысле она является показательным примером того, как наука существует в окружении власти. И после 1991-го года рыночные механизмы используются в нашей стране для того, чтобы воспроизвести модель отношений, которая сложилась до 1991-го между государством и наукой, наукой и властью. Тоже особая проблема, она может быть предметом особого анализа. Такова только одна из конкретизаций о необходимости дистанции. Она же относится ко всему корпусу ныне существующих политологических знаний, комплексу пространственно-временных властно-ситуационных и институциональных модификаций, обыденных стереотипов поведения, экономического и политикоправового утилитаризма и прагматизма. Вот эти модификации отражены в системах международного права, конституционного права, обычного права, принципах государственного управления. Однако различие религиозных идеологий, систем права и функционирования аппарата власти не преодолено ни в одном государстве современного мира, поэтому комплекс нормативно-оценочных систем можно рассматривать как множество разновидностей повседневного, административного, юридического, политического нормативизма. Проблема состоит в разработке методологии и анализа указанного различия.

Следующая проблема – проблема фактуальности вообще и политической фактуальности в частности. Любая нормативнооценочная система не является политическим фактом. Потому что реальная политика – это политика с позиции силы, в бисмарковском смысле. Сегодня реализм в политике и международных отношениях существует как один из трендов, который нуждается в анализе. В Санкт-Петербурге целая школа складывается. Я имею в виду работы Вадима Волкова. Реальная политика всегда связана с иной фактуальностью, технологическими схемами, пониманием, разума, воли, интересом, чем это предполагается философско-политическими доктринами, концепциями, проектами. Институты политических экспертов и советников более-менее пристёгнуты к конъюнктуре, поэтому политики и эксперты не могут считаться субъектами адекватного познания реальности. Едва я произнёс слово адекватность, – мы попадаем в проблему истины. Здесь даже конкурирующих концепций истины можно насчитать три. Я имею в виду аристотелевскую концепцию, гегелевско-марксову концепцию и Лукасевича. Владимир Натанович, я не ошибся?

В.Н.Порус: Можно и так сказать.

В.П.Макаренко: Рациональность любых политических действий и решений всегда сомнительна или дискуссионна. Это относится к целерациональному и субстанциональному пониманию рациональности. Я имею в виду популярные ныне в России концепции Макса Вебера, Карла Мангейма, теоретиков индустриального, постиндустриального, сетевого и прочего общества в теории и на практике. Отсюда возникает ещё одна проблема. Если целерациональное и субстанциональное понимание рациональности не годится для описания политики, то как определить меру рациональности политических решений и действий? Один из распространённых способов – это ссылка на интересы как конституирующий феномен социополитической реальности. Однако реализация интересов всегда ведёт к неожиданным последствиям и порождает «замкнутый круг идеологий». По этой теме существует целая теория, одним из творцов которой является Альберт Хиршман. Переводы которого в 2000 –е гг. я публиковал в журнале «Социс». О казусах публикации я рассказал в журнале «Экономический вестник» ЮФУ. Понятие «замкнутого круга идеологий» принадлежит Альберту Хиршману. Моя задача состоит не только в пересказе уже существующих концепций, но и в формулировке вывода: ни одно государство не смогло преодолеть неожиданных последствий замкнутого круга идеологий. На другом уровне Мишель Крозье создал кон-

цепт «замкнутого круга ошибок» в процессе анализа властно-управленческих аппаратов Франции и других европейских стран.

Другой способ – классификация групповых интересов данного общества по степени политической выраженности, легальности и легитимности. Однако легальность и легитимность не совпадают ни в одном государстве. Кроме того, наиболее значимые решения никогда не принимаются публично. Этому способствуют институциональные и неинституциональные формы политического процесса. Традиционные понятие государственной и административной тайн тоже существуют, но их модификация пока образует предмет монополии. Какое это оказывает влияние на естественные науки, на социальные, на философию? – особая проблема. Нельзя также упускать из виду меру репрессивности культуры, общества, морали в отношении политического выражения любых социальных интересов. Следовательно, конфликт, антагонизм, противоречие между рациональностью и действительными мотивами и целями участников политических процессов типичен для всех государств. А для аналитической философии проблема рациональности является ключевой. На мой взгляд, этот конфликт не может быть адекватно отражён ни религиозными идеологиями (иудаизм, христианство, ислам), ни светскими классическими идеологиями (либерализм, консерватизм, социализм) и романтическими идеологиями также (анархосвободомыслие, фашизм и традиционализм). Такую типологию предлагает Норберто Боббио. В двадцатом веке к этим идеологиям прибавились национализм, регионализм, коммунизм, феминизм, экологизм, этноцентризм, атлантизм, евразийство. Понятие идеологических гибридов я также считаю конституирующим при анализе политической реальности. Эти гибриды существуют сегодня в мире и в России в самых причудливых комбинациях. Начиная от деятельности какого-нибудь управдома (когда он вывешивает инструкции поведения жильцов) и заканчивая уровнем государственного управления. Их связь с цивилизационными и геополитическими концепциями в каждом конкретном решении не изучена. Когда я сказал о государственном управлении – недавно попала мне в руки книжка В.Якунина, В.Багдасаряна, С.Сулакишина «Западня». Видимо, авторы специально издали ее таким шрифтом, что без лупы не обойдешься. Каждый может пойти в оптику, прочесть книгу и продвинуться в познании милитарного бреда. Пора объявлять чемпионат...

Скажу еще немножко о теоретических предпосылках политической концептологии. В последнее десятилетие она используется для анали-

за общих проблем социолонгвистики, культуролонгвистики, рефлексии о будущем социальных наук. Аналитические дисциплины сформулировали ряд конкретных проблем, категорий, понятий и принципов анализа философских, экономических, социологических, политологических и историографических аспектов политического бытия и мышления. Выводы аналитических дисциплин можно применять для оценки состояния всех перечисленных наук в Европе и в России. А также для написания и оценки политических трансформаций в стране. Синтез аналитических дисциплин даёт принципиально иную структуру познавательных и практических проблем политической теории и социальных наук. Для решения этих проблем существенное значение имеет анализ моделей взаимодействия между наукой и властью, разработанный М.К.Петровым концепт научно-технической контрреволюции, а также когнитивно-организационные формы существования социальных наук.

В завершение скажу, что в настоящее время происходит институционализация политической концептологии. В 2007 году мы создали виртуальный теоретический семинар по политической концептологии. В 2008 году создан Центр политической концептологии ЮФУ. С 2009-го года издаётся журнал. Регулярно проводятся конференции с участием специалистов головных институтов РАН, летние школы. Читаются курсы и спецкурсы для студентов отделения политологии ЮФУ. Я опубликовал две монографии и одно учебное пособие на эту тему. С удовольствием отвечу на вопросы, если таковые будут возникать. Спасибо за внимание.

В.Козерь: Виктор Павлович, могли бы вы предложить какую-либо синонимическую конструкцию?

В.П.Макаренко: Как же так? Я рожал – рожал 20 лет, а теперь вы мне предлагаете синонимическую конструкцию. Нет! Не могу! На такие вопросы Владимир Маяковский отвечал так: «Вы, дорогой товарищ, ничего не поняли. Собрание постановило считать вас отсутствующим».

В.Козерь: Но какой-то, может быть, запасной вариант...

В.П.Макаренко: Запасной... Здесь сидит тридцать человек, пусть каждый из вас выдумает запасной вариант по собственному вкусу.

В.Козерь: Ещё один вопрос. Политическое сообщество Ростова должно ли быть активным в формировании политической культуры властной элиты? Люди пишут статьи, и дальше уже власть смотрит, читать, не читать. Или же политическое сообщество должно проявлять какую-то активность и как-то формировать...?

В.П.Макаренко: Опять вопрос ради риторики. Напомню Гегеля: долженствование – самая пустая категория. Вчера, на телевидении тоже спрашивали о долженствовании. В таких случаях я отвечаю ссылкой на героя повести «В августе 44-го» фронтового контрразведчика старшего лейтенанта Таманцева. Его кредо: «Наше дело прокукарекать, а там хоть не рассветай». Речь идёт о том, что социальные науки должны прежде всего давать диагноз социальной и политической реальности. Однако диагностический аспект всего круга социальных наук в 20 веке претерпел громадное отрицательное воздействие со стороны рынка, властвующих структур, идеологий. Поэтому я не побоюсь высказать гипотезу: 100 лет потребуются для преодоления и осмысления возмущающих воздействий. Нарботанные схемы всегда воспроизводятся легче, чем выдвижение новых. Они относятся к разряду политического социального и прочего эпигонства.

Илье Сельвинскому принадлежат строки:

Всё старое понятно и приятно,

Всё новое обидно и темно.

Вот как я отвечу на этот вопрос. Про активность говорить сейчас не буду.

В.А.Шкуратов: Виктор Павлович, ты находишь какого-нибудь достойного конкурента в анализе связи «знание-власть» в аналитической традиции?

В.П.Макаренко: Я не называю его конкурентом, хотя существует традиция отнести Мишеля Фуко к аналитической традиции. С одной стороны...

В.А.Шкуратов: Нельзя...

В.П.Макаренко: Нельзя. Однако согласно английской классификации, он принадлежит континентальной традиции. Вот с этой точки зрения его можно рассматривать как конкурента. Но это особый предмет разговора. В последние годы переведен его цикл лекций под названием «Население, безопасность, территория». Там содержится определённая концепция безопасности. Эта теоретическая разработка позволяет оценивать деятельность государственных институтов. Им также разработан концепт биополитики, базирующейся как раз на анализе конкретных структур безопасности государств Нового времени – с 17 по 19-20 век. Походя на этот вопрос я отвечать не буду. Это специальная проблема, имеющая выход в деятельность не только теоретиков, но и государственных институтов, которые тоже имеют за собой громадный груз

прошлого и потому воспроизводят установившиеся схемы. Вот так, Владимир Александрович, я бы ответил на твой вопрос. Сейчас ввязываться в дискуссию не получится. Надо специальный семинар посвятить тому, что ты называешь аналитизмом. Можно по-разному трактовать. Если мы используем термин наука в гегелевском смысле – один смысл науки и знания. Если используем Витгенштейна или Рассела – возникает другой смысл науки и знания. Надо договориться по поводу этих базовых вещей. А без договора мы будем просто риторикой заниматься – в смысле героев Шолохова: «Гладко гутарить выучился...» Когда Макара Нагульнова хотели из партии исключить, он в ответ секретарю райкома говорит: гладко гутарить выучился, а где ты был, когда тут Фомин с бандою гулял? Так что гладко гутарить не надо. И упражняться в риторике тоже не надо.

Если вопросов нет, слово Владимиру Натановичу Порусу.

В.Н.Порус: Спасибо. Я рад снова быть в Ростове-на-Дону. Многих из вас я видел в предыдущие свои поездки. Надеюсь, что и эта будет не совсем бесполезной. Поскольку меня назначили оппонентом, то я должен выполнить функцию критика, но прежде чем критиковать, скажу несколько обязательных комплиментарных слов. Я уже услышал, что журнал «Политическая концептология» стал пространством интеллектуальной свободы.

Это замечательно. В пространстве интеллектуальной свободы жить хорошо, хотя трудно. Потому что ничего более трудного, чем жить в свободе, человеку не предоставляется. Тем более в пространстве интеллектуальной свободы, где нужно ещё доказывать своё право на присутствие в этом пространстве. Журнал молодой. Детский возраст. Всего три-четыре года. За это время он уже стал известным, получил аудиторию. То, что он вывешивается на интернет-сайте, делает эту аудиторию достаточно заметной. Большой просто. Получив отклики, отзывы, он вошёл в нашу жизнь и занял в ней свою нишу, своё место. И это место не плохое, как здесь уже говорилось. Оно может стать ещё более заметным. Это будет зависеть от того, сколько усилий будет к этому приложено. И какова будет обратная связь с аудиторией, я имею в виду прежде всего аудиторию научную в нашей стране и за её границами. Всё это замечательно и прекрасно. Но, тем не менее, как мне кажется, всё-таки детский возраст журнала пока ещё как бы сказывается на его статусе. Как мне удалось понять, журнал «Политическая концептология» ещё не смог объяснить аудитории, в чём же заключается новизна самого названия журнала, в чём его

отличие от многочисленных журналов по политическим наукам и т.д. Эта неполная разъяснённость носит характер самостановления. Потому что и авторам, на мой взгляд, не совсем понятно в каком журнале они участвуют. Например, какая-то статья, опубликованная в этом журнале, могла быть опубликована в каком-то другом журнале. Философского, политологического, социологического направления, даже психологического. И не совсем понятно, почему именно в этом журнале опубликована та или иная статья, какое место она занимает в общей стратегии журнала. Это, на мой взгляд связано с некоторой непрояснёностью самого понятия – концепт, в отличии от понятия. Простите за тавтологию. Здесь мне всегда вспоминается старый, но остроумный анекдот. Кладбище, памятник, около него стоит женщина и рыдает. Прохожие останавливаются и говорят, кто здесь похоронен? Почему вы рыдаете? Вам памятник не нравится? В чём дело? Она говорит: Памятник замечательный, прекрасный, а на нём такие слова хорошие написаны: «Верному мужу и прекрасному работнику». Но мне кажется, что эти слова относятся к двум людям. О которых я ничего сказать не могу. Там похоронен её муж, но она-то знает, что он не был ни верным мужем, ни прекрасным работником. Так вот, теоретическая конструкция политической науки отличается от концептологии политической так, как надпись на памятнике отличается от того, что есть на самом деле. Можно поспорить, является ли политическая наука наукой, является ли наука политической. Может ли вообще быть наука политической. Эти два термина могут образовывать такое противоречивое сочетание – оксюморон. Но предположим, что такая наука есть. В чём её задача? Задача её состоит в том, чтобы приблизиться к понятиям, которые своей совокупностью образуют архитектуру политического знания. Что такое концептология, она ведь работает не с понятиями. Она работает с концептами. Об этом есть прекрасные статьи Светланы Сергеевны Неретиной, с её мужем Александром Павловичем Огурцовым. И вообще это старая проблема от Абелия до Неретиной. Она обсуждается живо, проблема эта не имеет однозначных решений. Есть разные воззрения на соотношение этих вещей. Я просто назову своё представление об этом, чтобы не вдаваться в анализ всего спектра. Чем отличается концепт от понятия. На мой взгляд всё очень просто, хотя и очень сложно. Концепт – это живое понятие. Это не надпись на памятнике. А это то, к чему эта надпись относится в каждый конкретный момент в каждой конкретной ситуации. Я бы так сказал: концепт – это живая жизнь понятия. Понятие – это есть некоторый препарат. Это такой конструктор, который

претендует на объективность, общезначимость, поэтому он не участвует в связи с другими понятиями в формировании всеобщих суждений и так далее. Концепт всегда привязан к конкретной ситуации понимания, потребления, использования коммуникации этих понятий. Ну, опять-таки анекдотический пример. Свеженький совсем. Вот вчера мы по телевидению выступали. Там сказали, что на нашем сборище будет обсуждаться концепт катастрофы. Звонок в студию. Ко мне обращается женщина преклонных, т.е. моих лет: «Владимир Натанович! Не хватит ли говорить о катастрофах? Противно! Ну что это такое? На Западе всё хорошо, а у нас катастрофа. Ну, в конце-то концов, хватит. Обидно же русскому народу, его так унижают, все его давят, гнобят. И дальше поток слов, связанных с выражением одной эмоции. Сколько можно – надоело». Что произошло? Конечно это можно объяснить как глупость, как непонимание. Но дело ведь не в этом, дело здесь тонкое. Слово «катастрофа» – вырвано из контекста научного дискурса. Перестало быть частью проблемы. Переместилось в сферу сознания нормального обычного человека, оторвавшегося от кухни. От домашних дел. У которого уже звенит в ушах от описания ужасов нашей действительности. И там это слово зажило своей жизнью. Своей особенной жизнью. Она не знает слово концепт, ей наплевать на политический и политологический дискурс. Она говорит совершенно о другом, о своём переживании этого понятия. В той сфере, в которой она находится, куда её жизнь поместила. Так часто и бывает. Понятие живёт особенной жизнью независимо от теоретического построения, из которого это понятие заимствовано. Можно сколько угодно строить теорий власти. Их существует огромное количество. Здесь уже называлось классика: Маркс, Фуко, Гегель. Всё это есть. Но, посмотрите, как живут эти понятия и эти теории, когда они перемещаются в социально значимые контексты. Как они приобретают огромное множество деталей, нюансов смысловых. Способов понимания. Как они работают в конкретных коммуникациях. Причём коммуникации и конкретные ситуации меняются, время от времени. Они погружены в жизненный поток переживаний, эмоций, наших отношений, наших побед и поражений. И в зависимости от этого эти понятия воспринимаются и понимаются по-разному. Они могут служить различным типам коммуникации. Иногда один тип коммуникации начисто опровергает другой. Хотя используются одни и те же понятия. Ну, ещё один анекдотический пример, чтобы как-то пояснить свою мысль на живых человеческих примерах. Два года назад был чемпионат мира по футболу. Российская команда не попала на

него, не прошла отборочный цикл. Социологи обращаются к любителям футбола с просьбой дать прогноз. Кто победит на этом чемпионате? 17% опрошенных, отвечают, что победит команда России. Ну, можно видеть в этом прикол, какую-то глупость, неосведомлённость. Я вижу совершенно другое.

Люди, которые, отвечают на эти вопросы, ничего не понимают в футболе, они даже не знают, какие команды участвуют в этом чемпионате и, может быть, даже не могут отличить пенальти от углового. Но эти люди связали в своём сознании два понятия «Победа» и «Россия»...

В.П.Макаренко: Вслед за президентом, и эпигоны это повторяют...

В.Н.Порус: Россия – победа! Их спрашивают, кто победит? «Россия, конечно же». Вот что имеют в виду люди. Смотрите, два понятия, кстати, из политологического дискурса: «Победа», «Россия», «народ». Они вырваны из контекста, перешли в сферу обыденного сознания, там причудливым образом связались. И выразили некоторое настроение. «Хватит говорить о поражении».

В.П.Макаренко: Как раз эти гибриды идеологические...

В.Н.Порус (перебивая): Это не гибрид. Это особый модус существования. Хочется победы. Хватит поражений. Хватит унижений. Хватит оскорблений. Хватит плохо жить. Давайте идти светлым путём к зияющим вершинам. Вот что звучит в этих, казалось бы, абсурдных совершенно вещах. Таким образом, смотрите, к чему все эти примеры и все эти рассуждения. Концептология политическая – это исследование жизни политических понятий в различных структурах сознания, в различных жизненных исторических и культурных ситуациях. Это изучение того как трансформируются, перетекают друг в друга, меняются, приобретают новые связи, смыслы политических понятий. Является ли политическая концептология одной из политических наук? И да, и нет. В зависимости от того, какой мы смысл припишем обоим терминам. Конечно, это не политическая теория, на мой взгляд, а некоторый модус существования политической теории в особом дискурсе. Дискурс чрезвычайно важный. Он касается жизни самих теоретических построений. Самих теоретических понятий. Он изучает их в их практической применимости. Вот отсюда интерес к аналитической философии. Основополагающий тезис Витгенштейна, который лёг в основу всей аналитической философии 20-го века: значение слова – есть способ его употребления. А это означает, что в зависимости от изменения ситуации употребления, меняются и значе-

ния слов. Они сохраняют свою вербальную оболочку, сохраняют заимствованные из других способов, из других ситуаций употребления элементы смысла. Но погружаясь в иные ситуации, погружаясь в иную коммуникативную практику, они приобретают новое значение. В этом смысле язык всегда живой, он никогда не останавливается, он никогда не может быть выражен в каких-то словарях, помощниках переводчика, в каких-то стандартных практиках. Он всегда меняется. И вот наблюдения за процессами изменения. И, может быть, установление некоторых закономерностей. Может быть, надо научиться управлять этими изменениями. Это задача политического концептолога. Конечно, задача парадоксальная. Смотрите, то что я сейчас сказал – это и есть парадокс. Политическая концептология далека от теоретического способа употребления понятий. Но она сама стремится к теоретическому употреблению понятий. Это как бы возвращение к самому себе через своё иное. Политическая концептология стремится ухватить понятие политики в её жизни. В жизни этих понятий. Но превращает их в теоретические конструкторы. Таким образом, сама становится концептом и сама становится предметом рефлексивного анализа. В этом постоянном умирании теоретического и воскрешении концептологического заключается, на мой взгляд, важнейшая механика, важнейшая динамика этого процесса. Журнал, который именуется «Политическая концептология», на мой взгляд, должен поставить себе эту сверхзадачу. Задачу исследования этого чрезвычайно интересного процесса. Процесса, в котором, собственно говоря, и заключается суть дела. Потому что суть дела не в теоретических конструкциях. И не в отдельно взятых ситуациях. А в их связи. В том, как в ситуациях проверяют себя теоретические конструкции. Как они изменяются под воздействием ситуации. И как сами ситуации изменяются в зависимости от их политического и теоретического осмысления. На мой взгляд, такая перспективная линия журнала. Возможно, если то, что я говорю, найдёт отклик у тех, кто создаёт этот журнал, то возможно это и определит его дальнейшую биографию, если угодно. Повторяю, в качестве критического замечания, есть опасность превратиться в журнал об интересеньком, куда снесут все свои продукты люди грамотные, умные, занятые конкретными исследованиями, которым необходимо напечатать какую-то статью. И этот журнал может превратиться в такой клуб. Клуб любителей политической терминологии. Вот это было бы ужасно. Это было бы страшно. Не дай бог. Потому что таких журналов существует множество, и конец их известен, они превращаются в междусобойчики. В конце

концов их ожидает судьба, помните, по Марксу, быть предоставленным грызущей критике мышей. Ну, вот, это главное, что я хотел сказать в качестве оппонента уважаемому Виктору Павловичу и его замечательно-му детищу журналу «Политическая концептология».

В.П.Макаренко: Большое спасибо, Владимир Натанович. Я думаю, что вопросы выступающему мы не будем задавать. По ходу дела каждый будет иметь возможность высказаться. Теперь с большим удовольствием хочу сообщить, что на наш журнал поступил ряд положительных отзывов и рецензий от специалистов. Прежде всего от главного редактора журнала «Полис» Сергея Владиславовича Чугрова, а также от других коллег из Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Киева и других городов нашей ойкумены. Мы в редколлегии все это проанализируем в целях дальнейшего продвижения журнала. Хочу поблагодарить всех, кто прислал отзывы. Теперь выступит председатель нашего редакционного совета и один из постоянных авторов журнала профессор Анатолий Владимирович Лубский.

А.В.Лубский: Сегодняшний наш круглый стол посвящён обсуждению журнала, его направленности, его миссии. Но вот был вопрос по поводу синонимов. Синоним тут есть. Он в названии журнала. Называется «Журнал метадисциплинарных исследований». Правда это не особо проясняет ситуацию. Но я думаю, Владимир Натанович ситуацию немного прояснил. Дисциплины научные имеют дело с понятиями, но и, наверно, Виктор Павлович, когда придумывал название «метадисциплинарные исследования» – синоним политической концептологии имел в виду: если научные дисциплины имеют дело с понятиями, то метадисциплинарные исследования имеют дело с концептами. Что это такое, это достаточно ещё...

В.П.Макаренко: Это сражающиеся понятия, я бы так сказал. Пока ещё живые.

А.В.Лубский: самого понятия концепта нет, а есть концепт концепта, вот так бы я сказал и поэтому данному концепту приписывают разный смысл и значение. В зависимости от контекста. Коллеги, я хочу сказать, что журнал «Политическая концептология» уже имеет определённую интеллектуальную историю. Три года. Десять номеров вышло.

В.П.Макаренко: Тринадцать.

А.В.Лубский: Тринадцать номеров вышло. И вот мы в связи с этим можем поразмышлять о той роли, которую по замыслу организаторов этого журнала, должен был сыграть, но в силу обстоятельств не сыграл

журнал в интеллектуальной жизни нашего региона и России в целом. Но прежде чем рассуждать о миссии этого журнала, его роли в интеллектуальной жизни академического сообщества, я хочу обратить ваше внимание на ту ситуацию, которая сложилась в политической науке в России, и о возможностях политической концептологии в связи с этим. Вот сидит профессор Кислицын Сергей Алексеевич. Он историк и хорошо помнит, как в начале 80-х годов прошлого века один из наших последних Генсеков пришёл к выводу о том, что мы не знаем общества, в котором живём. Думаю, что вы согласитесь с тем, что этот вывод продолжает быть актуален и в наши дни. Мы, не буду говорить к сожалению, не знаем общества в котором живём. Мы стремимся к этому, но пока адекватных знаний в различных сферах связанных с пониманием нашего общества, в том числе и политической науки, у нас нет. Но речь, конечно, сегодня пойдёт не о политиках, которые не знают, не понимают, но зачастую и не хотят знать и понимать общество которым они управляют, речь конечно идёт сегодня об учёных и собственно о политической науке, и в том числе о политической концептологии. Почему мы не знаем общество, в котором живём, почему не понимаем его? Значит у нас нет подходящих методологических средств. А может мы продолжаем изучать российское общество с помощью тех методологических средств, которые были предназначены для изучения иных обществ и в другие времена? Поэтому я думаю, что трудно найти ответы на вопросы, без понимания той методологической ситуации, которая сложилась в российской политической науке в начале 21-го века. С точки зрения принципа интеллектуальной свободы, который провозглашён в журнале, я выскажу некоторые эпатажные вещи. Но это специально, чтобы обострить ситуацию. Эта ситуация характеризуется во-первых наличием в политической науке интеллектуально-когнитивных мод, во-вторых, мультипарадигмальностью и ангажированностью научных исследований с низким уровнем теоретической интерпретации эмпирических данных. И третье, это отсутствие научного языка, адекватного для понимания и объяснения российской политической специфики. Дело вот в чём: широкое приобщение российских исследователей к западноевропейской и американской научной традиции, привело к тому, что многие её гранд-теории превратились в отечественной общественной и политической науке вот в такие интеллектуально-когнитивные моды как универсальные объяснительные конструкты. Речь идёт не о возможностях методологического использования разных подходов, а как универсальные объяснительные

конструкты, пригодные на все случаи жизни. Превращение российской политической науки вот в такую мультипарадигмальную научную дисциплину, сопровождалось, с одной стороны, утратой целостности видения политической реальности, фрагментацией научного знания, а с другой стороны ангажированностью политических исследований. Вот в связи с этим методологическая ситуация, сложившаяся в отечественной науке характеризуется не столько методологическим плюрализмом и конкуренцией различных методологических подходов, сколько методологическим сепаратизмом и противостоянием позиций, которые соотнесены прежде всего с большими идеологиями. Распространение этих интеллектуально-когнитивных мод привело к тому, что, во-первых, теоретические конструкты различных направлений западноевропейской и американской науки, и понятийный аппарат стали широко использоваться в научных исследованиях, посвящённых российским политическим реалиям без всякой предварительной социокультурной и эпистемологической экспертизы. И здесь я солидарен с Владимиром Натановичем в том, что одна из задач политической концептологии – дать экспертизу применению вот этих мёртвых понятий. Мёртвых для нашей науки и нашей действительности. Они там работают, но для нашей действительности это мёртвые понятия. Задача политической концептологии состоит в том, чтобы оживить эти понятия в соответствии с российской социокультурной спецификой. Мне эта идея очень понравилась. У Виктора Павловича это одно из направлений, тем более что одно из направлений аналитической политической философии связано не с анализом политической реальности, действительности, а с анализом теории, объясняющей эту политическую реальность. Но это одно из направлений. А всякие теории строятся на понятиях. И вот в результате возникла проблема языка политологического дискурса, которая осознаётся некоторыми исследователями как отсутствие в отечественной политической науке научного языка для адекватного понимания и объяснения российских политических реалий в масштабе политических теорий среднего уровня. Но это задача политической науки, а не политической концептологии. Это другая сфера когнитивных занятий – выработки таких теорий среднего уровня, которые привносятся в качестве объяснительных конструктов не извне, а являются результатом аналитической и синтетической деятельности учёных, связанной с обработкой эмпирического материала, полученного при изучении политической реальности, обладающей своей собственной социокультурной спецификой. Но это про-

блема, повторяю, политической науки. Проблема языка политологического дискурса – это проблема контекстуальности, которая является сегодня одной из наиболее актуальных в методологии научного познания. Контекстуальность означает, что всякое политическое явление необходимо изучать в рамках той социокультурной среды, которая породила это явление. Поэтому прежний поиск универсальных конструктов, понятий, теоретических конструктов, пригодных для изучения любой страны независимо от её социокультурного своеобразия в современной эпистемологии признаётся методологически недостаточным. Надо смотреть на своё общество своими глазами. Я бы так сказал. Утрата такого холистского видения политической действительности в России привела к появлению в российском научном сообществе когнитивной потребности в новой целостности политического знания. И эта потребность сопровождается активизацией вот такого холистского политологического мышления. В русле этого мышления в российской политологической науке уже намечились некоторые когнитивные прорывы, связанные с формированием в ней особого неоклассического направления. Того направления, которое ориентируется на когнитивный синтетизм и синкретизм. В рамках этого направления отчётливо проявилась тенденция преодоления дисциплинарной ограниченности политической науки путём расширения когнитивных практик, связанных именно с мультидисциплинарными, интердисциплинарными, и трансдисциплинарными исследованиями. Есть разные представления о том, что такое мульти-, интер- и транс-. Я изложу свою концепцию.

Мультидисциплинарные исследования связаны с решением научно-исследовательских задач в рамках предметного поля политической науки, но с помощью методологических конструктов некоторых других наук.

Интердисциплинарные исследования – это постановка научно-исследовательских задач на стыке политической науки и других научных дисциплин. Это выход за рамки предметной дисциплинарности политической науки и соответственно синтезирование их методологического и теоретического потенциала в целях создания целостной картины политической реальности. Вот такие интердисциплинарные исследования, направленные на производство гибридного научного знания, обладают большим компаративистским потенциалом. Такие как политическая антропология, политическая психология, биополитика, политическая социология и так далее. Т. е. там, где выходят за рамки дисциплинарной ограниченности политической науки.

И наконец, трансдисциплинарные исследования связаны с постановкой исследовательских задач, направленных на преодоление такой гетерогенности дисциплинарных научных исследований путём их осмысления, не дисциплин, а результатов, на том метауровне, о котором говорил Виктор Павлович, придумывая название журнала. Т.е. на уровне, который выходит за рамки отдельных научных дисциплин. И вот в этом плане, особую роль сегодня, конечно, играет политическая концептология, направленная на преодоление ограниченности микро- и макро-подходов, фрагментарности научно-политического знания, но самое главное – формирование холистского видения политической реальности. И разработку в соответствии с этим концептов синкретических, схватывающих социокультурную специфику российских политических реалий. Вот почему в качестве таких концептов в политической концептологии очень часто выступают метафоры типа: русская власть, русская система, русская колея, раздаточная экономика, кормить и править. Там понятия где-то мерцают, там понятий нет, но они очень схватывают как бы в синкретизме, то что происходит, то что является предметом осмысления. Вот журнал «Политическая концептология», который издаётся у нас уже с 2009-го года под редакцией В.П.Макаренко. Это как раз журнал метадисциплинарных исследований. И здесь замечание уважаемого профессора В.Н.Поруса кстати. О том, что журнал ещё не определил границы своей интеллектуальной деятельности. Там действительно и социологические попадают работы и собственно работы, ограниченные дисциплинарными задачами политической науки, которые не выходят на уровень того метадисциплинарного концептуального обобщения, который был заявлен в самом названии. Но всё-таки я думаю, следует говорить о презентабельности данного журнала в политико-концептологическом смысле. Я навскидку быстро по памяти назову некоторых авторов, которые здесь отсутствуют. Ну, допустим: Неретина, Огурцов «Концепты политического сознания», Розов «Немыслящая Россия, антитеоретический консенсус как фактор интеллектуальной стагнации», Гудков «Массовая идентичность и насилие», Пивоваров «Русская политическая мысль как предпосылка русской политической науки». Оболенский, Глебова, со своими статьями. И так далее. Коллеги, я так думаю, что журнал становится площадкой интеллектуальной для научной апробации тех методологических поворотов, которые наметились в современной политической науке в связи с актуализацией метадисциплинарных исследований. А во-вторых, я думаю, что вот те статьи, которые публикуются в журнале, имеющие непосредственное отношение к политической концепто-

логии, всё-таки, надеюсь, позволяет лучше понять общество, в котором мы с вами живём.

В.П.Макаренко (*иронично*): Большое спасибо, что ты наш журнал связал с прахом перепуганного чекиста Юрия Владимировича Андропова. Существует богатая литература о том, что вся его так называемая «интеллектуальная деятельность» – реакция на октябрьские события 1956 г. в Венгрии, когда он там был послом и дрожал от страха. Ведь там в это время как раз подвергали суду Линча венгерских чекистов – вешали их на фонарях и отрезали половые органы. Вот как надоела эта публика населению страны всего за десять лет! Тема эта пока еще не обсуждена всесторонне в России и других постсоветских государствах.

Большое спасибо за дельные замечания. Мы будем работать над их воплощением.

А.В.Лубский: Из тех отзывов, которые ты давал мне читать, можно констатировать, что журнал оказывает благотворное влияние. Читатели заговорили концептами: «Полицейское государство»...

В.Н.Порус: Однако некоторые читатели мыслят примерно так, как некоторые телезрители, которые вчера задавали нам вопросы: «Всё, что вы там говорите, непонятно, смешно и глупо. И нечего морочить голову нам концептами, понятиями, конституциями, революциями, амунициями, коннотациями, парадигмами. Это всё пустое. Вы скажите: что делать?» Вот так у меня спрашивали: «Вы говорите – катастрофа. А что нам делать? Не знаете, тогда идите отсюда. И нечего тут нам забивать мозги, потому что нам и так их каждый день полощут». И некоторые уважаемые коллеги в своих вопросах повторяют общие места из газет, журналов, теле- и радиопередач. Сращивание полиции с криминалом давно известно. Тупики, в которые ведёт нас нынешний строй. Что тут нового? Ничего абсолютно. Дискурсивная позиция журналиста, учёного, руководителя журнала, по своей структуре, если отвлечься от терминологических нюансов, совершенно аналогична такой же структуре домохозяйки. И это возводится в добродетель. Мы за конкретику, мы за эмпиризм. Дайте нам ответы на правильно поставленные вопросы. Что нам делать? Ну что сказать уважаемому коллеге? Работать. Работайте, делайте своё дело и не ждите от нас – философов или каких-то там ещё пророков и так далее. Не ждите от нас рецептов, как изменить Россию к лучшему, перевернуть мировое устройство, достичь сияющих вершин абсолютной истины. Не уподобляйтесь домохозяйкам. Делайте своё дело!

В.П.Макаренко: Спасибо, Владимир Натанович. Очень приятно, что все участники дискуссии – зубастые люди.

КОНЦЕПТ КАТАСТРОФЫ И РОССИЙСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

(КРУГЛЫЙ СТОЛ, 6 ИЮЛЯ 2013 Г.)

В.П.Макаренко: Желаю всем приятного времяпрепровождения на нашем круглом столе, который, все же, не следует превращать в балаган. Сегодня предполагается дискуссия на тему: «Концепт катастрофы и российская реальность». Для обсуждения предлагаются следующие вопросы:

В каких терминах можно описать ситуацию, в которой культурный кризис совмещен по времени и смыслу с кризисом государственности, ментальности, традиции?

Есть ли место в этом дискурсе катастрофе?

Если – да, то какое оно, к чему ведет, чем пренебрегает?

Какова роль политических концептов в построении сценариев историко-культурного, политического и цивилизационного развития?

Кто сценаристы и режиссеры?

Но прежде всего разрешите мне в порядке политпросвета рассказать полстранички текста, чтобы внести ясность в исходные вопросы. Чтобы не получилось, как вчера: говорили-говорили, потом в конце кое-кто начал задавать вопросы, которые не относятся к теме.

Теория катастроф и связанная с нею проблематика разработана в социо-гуманитарных исследованиях. В статье Аркадия Пригожина «Феномен катастрофы», которая была опубликована в 1994 году в журнале «Общественные науки», показано, что терминологическая разница между социальной катастрофой и общим глубоким кризисом состоит в следующем:

1. Катастрофа отличается глубиной потрясений, в результате которых происходит слом, исчезновение, дезинтеграция системы. Поэтому исходным предметом нашей дискуссии может быть вопрос: как определить глубину потрясений с учетом того, что любое определение в большей или меньшей степени дается для профанов? Такова исходная методологическая проблема.

2. Второй критерий отличия – катастрофа происходит более стремительно, чем глубокий кризис. Но что такое «более-менее»? Что такое длина глубокого кризиса? Определенного ответа нет, хотя общая теория катастроф разрабатывается давно.

Иначе говоря, сами критерии различения катастрофы и кризиса являются дискуссионными. Вчера мне кто-то сказал, что профессор Штомпель занимается этой проблемой. В журнале «Социологические исследования» уже более 15 лет существует рубрика «Социология катастроф». Опубликовано значительное количество материалов, в которых можно найти ключи обсуждения этой проблемы. В том числе нашей сегодняшней дискуссии. А теперь предоставляю слово В.Н. Порусу.

В.Н.Порус: Спасибо! (*Аплодисменты*)

В.П.Макаренко: Прошу прощения, я опять включусь. Незаметно способ поведения на художественных и тому подобных тусовках переходит в научную сферу.

В.Н.Порус: «Бурные аплодисменты, переходящие в овацию...»

В.П.Макаренко: Да, сталинская вонь до сих пор не выветрилась...

В.Н.Порус: Я сразу сделаю несколько предупреждений. Во-первых, в том, что я буду сегодня говорить, термин «катастрофа» употребляется именно как концепт, а не как понятие. Что касается теоретического статуса этого термина – об этом пусть спорят теоретики катастрофы: социальные философы, социологи и другие исследователи. Для меня в данной ситуации более важной является проблема: как термин в статусе концепта живет в различных формах сознания, как пересекаются эти формы? Какие конфликты могут возникать при этих пересечениях? Поэтому я заранее прошу извинения у тех слушателей, которые хотели бы больше теоретической точности, строгости определений. Моя задача заключается не в том, чтобы подготовить развитие общей теории катастроф, это не моя задача. А в том, чтобы показать, как этот термин осуществляет свою живую жизнь в нашей действительности. Это первое предупреждение.

Второе – основное содержание сегодняшнего моего сообщения было изложено в статье «Обжить катастрофу: своевременное размышление о духовной культуре России», опубликованной шесть лет назад. Она уже слегка устарела и можно было бы говорить о том, что надо делать следующий шаг. Мне кажется, надо уточнить свою задачу. Что же касается обычных в такого рода ситуациях вопросов: что нам делать, как нам быть, кто виноват, как нам выйти из катастрофы? – то это те вопросы, которые нам задавали позавчера при выступлении на телевидении. Я оставлю все эти вопросы и возможные ответы на них за скобками моих рассуждений. Мы здесь собрались не для того, чтобы выработать стратегию выхода из катастрофы, а для того чтобы уяснить место и роль концепта

катастрофы в наших рассуждениях. То есть, наша задача исследовательская и диагностическая, а не прогностическая, не пропагандистская, не идеологическая...

В.П.Макаренко: И не инженерная...

В.Н.Порус: ... и не инженерная.

Аспекты сегодняшней беседы мы оставим за скобками. Просто не будем возвращаться. Шесть или даже больше лет назад социологи Российской академии государственной службы провели очень занятное социологическое исследование, которое потом повторялось в других формах другими социологическими центрами. Например, "Фондом общественного мнения". Суть этого исследования состояла в вопросе, который был основным в анкетах для респондентов. Вопрос такой: Как, по вашему, можно охарактеризовать нынешнее состояние духовной культуры российского общества? Надо отметить, что эта социологическая анкета распространялась не среди массового читателя, зрителя, не среди массовых респондентов, а среди специальных экспертов. Эксперты были взяты из 25 субъектов Федерации. В качестве экспертов выступали представители театров, библиотек, музыкантов, преподавателей, журналистов и т.д. Короче говоря, люди более или менее компетентные, чья профессиональная деятельность непосредственно связана с российской культурой. Так вот, на основной вопрос анкеты в 2004 году ответы распределились следующим образом:

1. Характеризуют нынешнее состояние российской культуры как значительное возрождение – 2,5%

2. Как частичное обновление на пути к возрождению – почти 42%
Как застой – (респонденты говорят отстой)

В.П.Макаренко: Это совсем другое!

В.Н.Порус: Примерно в том же самом смысле.

3. Застой или "отстой" – характеризуют 12%

4. Как торжество бескультурия – почти 34%

5. И еще около 10% затруднились ответить.

На мой взгляд, очень характерное распределение. Мнение экспертов разделяется почти поровну. Значит, примерно для половины респондентов нынешнее состояние российской духовной культуры не такое плохое. Во всяком случае – удовлетворительное. Другая половина оценивает это состояние как плачевное/отстойное. Эта старинная дилемма полупустого или полу- полного стакана.

На вопрос: как вы оцениваете изменения в культуре российского общества за годы реформ, начиная с 1992 года?

1. Около 10% отвечают в основном положительно

2. Больше 40% в основном отрицательно

3. И примерно 46% отчасти положительно, отчасти отрицательно

Значит, определенно отрицательных оценок примерно в 5 раз больше, чем определенно положительных. А мнение тех, кто неоднозначно отвечает на этот вопрос, можно оценивать тоже неоднозначно. Кое-что изменилось в лучшую сторону, кое-что – в худшую. Значит, если в бочке меда есть ложка дегтя, то это значит, что в этой бочке есть и деготь и мед. Кому что нравится.

А вот на вопрос: Если, по вашему мнению, изменения в духовной жизни России отрицательные, то способно ли российское общество возродиться духовно в обозримой перспективе?

• На этот вопрос подавляющее большинство отвечает так (65%) – да

• 20% – нет, остальные воздерживаются.

Это понятно. Потому что пессимизм во всех отношениях позиция не очень привлекательная. Всем хочется улучшения жизни, но как достичь этого улучшения, – здесь начинается разнобой. Одни связывают рост духовности, возможный рост духовности с возрастанием роли религии и церкви. Другие, наоборот, говорят, что рост духовности связан с распространением атеизма и разоблачения попов. И те и другие думают, что либо одно, либо другое сбудется в ближайшей перспективе. Таким образом, уровень положительных ожиданий растет, хотя сами ожидания противоречивы.

Если же все-таки большинство оценивает духовное состояние современной России как упадок, то откуда берется уверенность в том, что этот упадок вот-вот в ближайшей перспективе сменится резким подъемом!? Кстати, именно потому что это исследование проводилось около 6 лет назад, можно уже сделать некоторые выводы относительно правоты тех, кто предполагал резкое улучшение состояния духовной культуры в России в ближайший год. Я потом приведу более свежие примеры, уже двухлетней давности, социологических исследований примерно на ту же тему, которые показывают, что оптимистические ожидания провалились.

Что беспокоит респондентов?

• Респонденты говорят об общем низком уровне культуры – больше 62%

• Нравственное состояние общества расценивают как неудовлетворительное – больше половины, свыше 50%

Что мешает быть культурнее и духовнее?

Причины, как правило, в подавляющем большинстве случаев ищут в кругу каких-то внешних обстоятельств. Например, эксперты говорят, что:

- проводилась культурная политика государства – почти 60%.
- Другие (их еще больше) указывают на неуклонное снижение государственных расходов на культуру – около 75%.
- Почти 80% призывают государство отказаться от политики экономии на культуре.
- И почти 60% призывают государство, подчеркну – государство, активно бороться с пошлостью и безвкусицей в массовой культуре.

Как бороться? – тут нет особенных разногласий: ввести цензуру, ввести административный контроль за информационными центрами, СМИ и т.д. То есть, общий вывод такой: подавляющее большинство работников культуры желает, чтобы культуру оберегала власть. Чтобы работников культуры и самую культуру сытнее кормили и чтобы пища была получше. Ну, это входит в общее русло постоянных стенаний о том, что у нас недокормленная и недовооруженная армия, что у нас очень плохие дороги, коммунальное хозяйство, очень маленькие пенсии и т.д. и т.д.

Как оценивается состояние культуры? По количеству и качеству культурных мероприятий: концертов, телепрограмм, киносеансов, спектаклей, состояние библиотек, художественных музыкальных школ, журналов, газет и т.д. Это странно. Потому что нет прямого соответствия между уровнем культуры и количеством так называемых культурных мероприятий. Конечно, можно ввести цензуру и запретить произносить ругательные слова, особенно матерные, с экранов телевизоров или кино. Можно приучить людей не ругаться матом. Обставить жилища людей прекрасными книгами, видеотеками, даже допустить, что некоторые из них будут прочитаны либо просмотрены. Но все-таки состояние духовной культуры никак не зависит от количества и качества мероприятий. Например, когда храмы пустеют, разрушаются, то можно сказать, что это признак духовного упадка общества. Но если храмы восстановить или построить заново даже в огромном количестве и пронаблюдать, что там всегда полно людей – это еще не говорит о росте духовности.

В.П.Макаренко: Зато свечек будет продано больше...

В.Н.Порус: Да. То есть, я бы сказал так: когда предметов культурного обихода становится больше, но они по существу не востребованы, то это говорит не о росте, а об упадке культуры.

В этих рассуждениях я постоянно говорю о культуре. Конечно, хочется внести ясность, что я имею в виду. Вы знаете, существуют сотни определений культуры, многие из них диаметрально противоположны. Можно было бы на эту тему устроить целый научный дискурс с анализом возможных определений культуры. Но я этого делать не буду, это потеря времени. Для специалистов это не так важно, а остальным это может быть даже неинтересно. Я буду исходить из того понимания культуры, которое считаю для себя важным, приемлемым и активным в дальнейших рассуждениях. Я исхожу из понимания культуры как горизонта универсальных ценностей, выступающих ориентирами личного и общественного поведения, отношения к миру, людям и самому себе. И вместе с тем культура – это рамки, в которые заключена наша жизнь изнутри. Вот это требует специального уточнения: рамки, которые ограничивают наше поведение изнутри, – это не рамки закона, не рамки традиции, даже не рамки общественной морали. Это такие внутренние имманентно живущие в человеческом сознании ограничения, которые нельзя переступить, не оказавшись в тяжком личном разладе с самим собой. Именно поэтому я употребляю слово духовная культура как некий плеоназм. Всякая культура духовна, а духовность выражает себя только в культуре. Поэтому я совершенно не обращаю внимания на модное в нашей литературе различие духовной и материальной культуры. Эти вещи меня совершенно не интересуют. Я полагаю, что деление культуры на различные сферы – это всего лишь некоторый методологический прием, который иногда приводит к нужным результатам, и поэтому он применяется исследователями. Но ему никак нельзя придавать онтологический смысл, который расчленил бы целостность культуры на различные части, между которыми устанавливаются какие-то связи, расположить их по некоторой шкале оценок и т.п. Ничего, кроме недоразумения, из этого выйти не может. Поэтому когда говорят о различных культурах, то говорят о различии систем универсалий, ценностных универсалиях. Можно говорить о христианской или исламской, традиционной или прогрессистской, элитарной или массовой культурах. Хотя эти слова тоже концептуальны, а не теоретичны. Но понятно, что они выступают некоторыми каркасами, на которых держится здание или тело культуры. Если такие каркасы перестают нести на себе это тело или здание, и более не

определяют ориентации людей в жизненном пространстве, – то такие культуры находятся в состоянии упадка, их уже нет или почти нет. Я подвожу вас к одной простой мысли: культура жива до тех пор и постольку, поскольку люди признают над собой власть культурных универсальных ценностей. Это, помимо прочего, означает, что человек и культура – это два термина, по смыслу сопряженных. Мы люди до тех пор, пока наше бытие определено культурой, но бытие культуры определено нашими духовными усилиями. Поэтому совершенно неправы эпигоны Шпенглера, которые полагают, что культуры возникают и умирают по каким-то совершенно независимым от наших воль, мыслей и действий причин. Поэтому о духовной культуре следует судить не по событиям, связанным с образованием, литературой, наукой, искусством, религией, а по проявлениям духовности во всех сферах жизни общества. Например, о состоянии культуры следует судить не по результатам опросов, в которых выясняются отношения людей к насилию, а по статистике насилия в реальной жизни. Потому что отношение людей к насилию может быть при ответе на вопросы резко отрицательным, а само насилие в реальной жизни людей становится фактом повседневности. Когда наступает подобный разлад, тогда ценности провозглашаются, приобретают сугубо вербальный модус существования. Реальная жизнь людей ориентирована вовсе не на них, а на что-то иное, иногда даже ориентирована против декларируемых ценностей. Именно такое состояние является важнейшим симптомом кризиса, а в некоторых случаях – катастрофы культуры.

Когда у нас сотни тысяч детей, брошенных в мирное время, и столько же брошено стариков-родителей; когда ликвидаторы чернобыльской аварии должны голодовками добиваться выплаты со стороны государства положенных им пособий, – тогда мы говорим о беспределе коррупции. О бесконечной и превзошедшей все ожидания продажности властей. Когда мы говорим об алкоголизме, наркомании, об убитых семьях станицы Кущевской или о 17 пенсионерах, которых убила молотком 42-летняя женщина именно для того, чтобы завладеть их копейками, отложенными на похороны, – то все это и есть, я хочу подчеркнуть, явления нашей духовной культуры. Это – признаки её катастрофы. Конечно, всегда находятся люди, которые в этом моменте прерывают меня возмущенными возгласами: "Вы видите в жизни одно плохое. В нашей жизни есть много хорошего, и на том стоит наша жизнь. Рожает детей, учатся, работают, любят... Люди ставят перед собой цели и достигают их. Вы говорите о некоторых язвах людей, теневых сторонах, видя в них признаки

надвигающейся или развивающейся культурной катастрофы". Таким горе-оптимистам я отвечаю: отрицать кризис может человек только слепой или злонамеренный; кризис – это рубеж, с которого только два пути. Один путь ведет к выздоровлению, другой путь ведет к гибели. В период кризиса перед духовным организмом общества стоит задача мобилизовать свои ресурсы. Если ресурсов будет достаточно, кризис будет успешно преодолен; если недостаточно – организм безусловно погибнет. Наша духовная культура тяжело больна. Здесь дело не в том, что у нас мало средств на культурные мероприятия, это пустяки. Болезнь заключается в том, что размыты границы, а иногда и просто исчезли границы между культурой и дикостью, варварством.

Сейчас в моде термин «посткультурная действительность». Я не знаю точного определения этого термина и не очень понимаю его содержание. Но во всяком случае ясно, что идет речь о каком-то глубоком, важнейшем, кардинальном переходе. От того, что я назвал культурой как непосредственной и существенной формой человеческого существования, к тому, что вроде бы это существование длит, но уже никак не связано по смыслу с предыдущим условием. Речь идет о выяснении глубины этого водораздела, который отделяет культурную действительность от посткультурной или некультурной. Не буду сейчас уточнять эти термины.

Существует интуитивное представление о внутренних границах, которые человек не может переступить, для того чтобы не перестать быть человеком. Эти границы подвижны, и эти сдвиги границ обычны во времена колоссальных перенапряжений человеческой души. Вспомним ленинградскую блокаду. Там некоторые люди умирали, отдавая последний кусочек блокадного хлеба своим близким, а были люди, которые...

В.П.Макаренко: ...людоеды...

В.Н.Порус: ...людоеды или те, кто отбирал кусочки у тех, кто уже обречен на голодную смерть. Люди ведут себя по-разному в экстремальных условиях. Помните старый фильм "Судьба человека" по рассказам Шолохова? Там есть такой эпизод, о котором часто забывают: немцы сгоняют в храм русских военнопленных и запирают их там, запрещают под страхом смерти выходить или просить выход. Среди них находится верующий человек, ему надо справить нужду. Он не мог этого сделать в храме. Несмотря на запрет, он требует у конвоиров его выпустить из храма и получает автоматную очередь в живот. Вот это культурный человек.

Конечно, культурные запреты и внутренние рамки существовали с тех пор, как существует культурное человечество. Сохранились тради-

ционные заветы, несмотря на это люди во все времена убивали, крали, прелюбодействовали, лжесвидетельствовали. Но когда заповеди стали законом, то люди знали, что нарушая их, они понесут ответственность. Культура и есть система ответственности человека, то есть она выше по отношению к индивидуальному существованию перед Богом, человечеством, историей, как угодно. А раз есть ответственность, есть и желание от нее избавиться. Например, классическое произведение Камю о бунтующем человеке – это текст о том, как человек бунтует против культурных ограничений для того, чтобы высвободить самого себя из-под бремени культуры. Бунтующий человек Камю – это культура, сжатая до индивида, который вмещает в себя весь культурный универсум. Иначе сказать, это попытка найти внутри человеческого духа основания, на которых можно устоять перед отчаянием. Но этот бунт имеет оборотную сторону: он может легко превратиться из гордого бунтарства Сизифа в плебейское движение против культурных ценностей. Особенно когда жрецы высокой культуры подвергали себя насилиям единственной правильной подлинной культуры. И тогда принципы, провозглашаемые жрецами, становятся чуждыми и враждебными большинству людей, которые начинают видеть в принципах смиренную рубашку.

Хорошо известное классическое произведение Ортеги-и-Гассета, а у нас Д.С. Мережковского, которые обозначили бунт против высокой культуры как "Восстание масс". Мережковский назвал это проще: «Пришествие Антихриста». Как обуздать разрушительные импульсы толпы или индивидуальных эксцессов? Выполнение этой задачи обычно возлагали на государство, на полицию, на другие охранительные институты.

Когда-то внутренние условия личности формировались массовой культурой. Что касается высокой культуры, носительницы этих духовных универсалий, то она укрылась в убежищах: библиотеках, храмах, локальных сообществах или стала частным делом какого-то отдельного существования. А в массовом обществе универсалии культуры замесились имитациями. Имитации нужны (этому посвящены классические работы Бодрийяра) для так называемого символического обмена, а лучше сказать не обмена, а обмана. Обмана масс, которых можно обмануть тогда и только тогда, когда они сами хотят быть обманутыми. Поэтому производство символов и знаков культуры было превращено в культуру индустрии и поставлено на поток. Получилось так, что имитированные культурные объекты удовлетворяли потребности имитированных людей. А раз так, то именно эти символы и оказались удобными мишенями

ми для критики. Их обвинили ни много ни мало во всех катастрофах XX столетия. Мы помним работы Хоркхаймера, Адорно, которые объявили идеи Просвещения источниками генезиса массовой культуры. Подвел итог этому Теодор Адорно, который сказал, что после Освенцима нельзя писать стихов, а рассуждения о культуре не больше чем словесный мусор. Сказано было запальчиво, сгоряча сразу после Второй Мировой Войны, но сказано по существу. Потому что если считать мусором культурные универсалии и рассуждения о них, то принимать мусор за что-то достойное, хотя бы даже и враждебное, очень глупо. Выходом стал постмодернизм. Он создал проект культуры без универсалий. Собственно, это даже уже и не культура в том смысле, о котором я говорю. Потому что в постмодернизме само понятие культуры одна из иллюзий, подобная другим культурным универсалиям, таким как истина, добро, разум, вера и т.д. Эти иллюзии были приняты как симулякры реальности. На самом деле, это всего лишь фикции. Они оказались только данью культурным традициям, которым пришла пора сойти со сцены. Поэтому теперь – в рамках этого проекта – общность людей определяется не общими универсальными ценностями, а приемлемыми способами удовлетворения индивидуальных и групповых потребностей. Об этом пишет Рорти, я не стану его цитировать, это общеизвестная вещь, переведенная на русский язык и доступная всем интересующимся.

Лозунг, который можно было бы приписать подобному проекту, заключается в следующем: хочешь жить, а не прозябать, действовать, а не заниматься рефлексией, – сбрось великие культурные универсалии. Вся премудрость жизни состоит в нехитром слогане: не плошай. Универсалии разоблачены как фикции. Например, рациональность как культурная ценность – это всего на всего механизм выведения правильных заключений из принятых посылок. Разум становится инструментом для удовлетворения потребностей. Вера в начале XX века есть не что иное, как способ установления душевного контроля, который часто нарушается по психологическим или социальным причинам. Истина – это инструмент консенсуса при решении интеллектуальных задач. Вот это я и называю культурной катастрофой. В этом состоит концепт культурной катастрофы, как он выступает в ходе моего рассуждения. Речь идет не о том, что некоторые ценности разрушены или отброшены. Если бы это было так, то можно было бы говорить о создании других духовных ценностей, универсальных ориентиров, которые придут на смену отжившим. Катастрофа заключается не в том, что одни культурные ценности заменяются

другими, а в том, что вырождаются ценности как таковые. Следовательно, происходит отказ от самого понятия культуры как образующегося духовными универсалиями.

Конец культуры ведет за собой смерть человека. На закате XX века диагноз – ку-ку! А еще раньше аналогия может быть проведена со смертью Бога, которую провозгласил Ницше на 100 лет раньше. Культурные ценности превращаются в слова, слова, слова. Слова, которые становятся просто модусом стандартного говорения – это вежи, обозначающие путь от человека к симулякру человека. Здесь не спасает и придуманный феноменологической социологией (в частности, Альфредом Шюцом) поворот к повседневности. После Шюца даже само слово «повседневность» стали писать с большой буквы, как раньше писали слова реальность, бытие и т.д. Ну, что такое повседневность? Это способ смягчения или приближения к конкретному индивидууму специальных вещей и навязанных имиджей. Слова принадлежат всем по праву, ни у кого нет исключительного права на трактовку этих слов. Попросту сказать, каждый кулик свое болото хвалит, и каждый кулик на своем болоте судит и рядит по своему разумению все, что находится в поле его обзора. Совершенно не заботясь о том, как его суждения кулика выглядят в свете больших нарративов и универсальных ценностей. Просто по той причине, что этих ценностей вовсе нет, а большие нарративы, строящиеся на их основе, – это миф или фантазия.

По Шюцу, повседневность образует безусловную предпосылку и в конечном счете сферу приложения всех остальных форм человеческого существования и деятельности. Поэтому вся не повседневная жизнь, то есть жизнь в пространстве культурных универсалий – это только временное отсутствие повседневности. Ценности, универсалии и прочие культурные аксессуары, декорации – это такая сцена, где одновременно находятся и актер и зритель. После спектакля обычно все разъезжаются по домам, обмениваясь впечатлениями и стирая грим с лица. Те, кто забыл или не собирался этого делать, будет выглядеть странным чудачком. Можно постучать пальцем по лбу. Но кто этот человек, который так хорошо устроился, что совершает регулярные вояжи из сферы повседневности в остальные формы существования, деятельности и обратно? Где он свободен? Где он принадлежит самому себе? Если провести аналогию между повседневностью и феноменальным миром, миром культуры и миром ноуменов, то старик Кант был бы неуместной фигурой. Оказывается, человек по-настоящему свободен в мире феноменов, а в мире

ноуменов его свобода иллюзорна. На своих территориях повседневного бытия человек более-менее скрыт от культурных принципов. Если же на его свободу и удобства посягают законы природы или агрессивные соседи, то от них можно отгородиться полицейскими кордонами или барьерами житейской мудрости и рассудительности. Кант, конечно, мыслил иначе. Он не питал иллюзий относительно свободы в мире повседневности. Туда, в этот мир человек приносит не только имитации культурных ценностей, но и кошмары радикального зла, которые коренятся в его природе.

Кант писал, что свобода, конечно, есть благо, но это и бездна и самое ужасное, что только может быть. В мире культуры, где радикальное зло все-таки обуздывается (нравственный императив), человек вступает в отношения с другими людьми, в которых видит цель, но не средство для своих прихотей. Или, как пишет современный кантовед Норберт Хинске, мир, в котором каждый видит только средства для своих намерений, является отражением ада. Там, где мы слепо по отношению к последствиям нашего действия, пишет он, сами вызвали его к жизни посредством неявного поведения, мы можем сказать, что сами создали ад свободным выбором наших масс.

Конечно, повседневность, резко отгороженная от мира культурных ценностей, есть нечто невозможное. Противопоставление повседневности и культуры – это фикция, которая подчеркивает самостоятельную значимость индивида. Но подчеркнуть это – не значит обособить индивида. Универсалии, противопоставленные обыденной жизни, – это кумир на бронзовом коне, от которого пытаются в ужасе скрыться сошедшее с ума индивидуальное существование и повседневность, взбунтовавшаяся против культурных универсалий. Это чаще всего свинское пребывание либо разрушительное самоотречение, растворение в череде происшествий, столь же бессмысленных, как и их отсутствие. Еще раз подчеркну – это и есть культурная катастрофа: крушение связей между ценностями культуры и ориентациями индивидуального существования. В этом и состоит так называемая причина смерти человека – в распаде его сущности на осколки. Пресловутая жажда жизни, ползая на коленах, пытается собрать муляжи существования. За этой катастрофой немедленно следуют все прочие: политические, национальные, технические, экологические и всечеловеческие. Такая катастрофа неизбежна, если человек только инструмент или материал. Об этом хорошо писал в свое время Кант, я не буду повторять его великие слова. Но все же заме-

чу: если подорвана идея культуры, как она была сформулирована ранее, то на ее место встает другая идея. Идея, сформулированная философом И.Ф. Карамазовым и практически испытанная его братцем – самоубийцей, убийцей и самоубийцей.

Дискредитация и распад культурных оснований – конечная причина социальных язв. Эти язвы множатся не по чьей-то злой или злоумышленной злобе, не по чьему-то недосмотру, не в результате так называемых «объективных обстоятельств». Эти язвы множатся и заполняют все жизненное пространство, в котором мы находимся. Именно потому, что эти язвы уже не воспринимаются как нечто несовместимое с культурой, а иногда даже говорят, что эти язвы есть необходимая плата за само существование культуры. Известно рассуждение: мол, истребление лесов, загрязнение водоемов и т.д. – это плата за удобство, за нашу цивилизацию. Другие скажут так: социальные беды подтачивают культурные каркасы, выступают как злоторные микробы, и поэтому их нужно уничтожать. Надо бороться с социальными бедами – и тогда культура воспрянет. И так далее. Пеняют на историю, в которой находят примеры того, как само культурное творчество сопровождается плачем обездоленных и страждущих людей. Вершины культуры своими основаниями уходят в страдание. По этой логике, чем глубже и шире страдания, тем выше духовный подъем. И к России это относится больше чем к какой-либо другой стране.

В.П.Макаренко: Мазохизм...

В.Н.Порус: Четвертые говорят: очень хорошо, что близится конец культуры, потому что в падении ее универсалий содержится рецепт от социальных бедствий. Наконец, есть и такие, которые усматривают именно в русской душе, в ее отличии от французской или швейцарской, исконное недоверие к таким культурным универсалиям, как рациональность. Дескать, русскому человеку свойственно доверие к иррациональному бытию, которое воспринимается как благоприятное для человека, подхваченного потоком жизни. Все это, на мой взгляд, заслуживает скептического или критического внимания, но совершенно не выдерживает никакой критики. Поэтому я не буду втягиваться в полемику с подобными рассуждениями. На мой взгляд, они опровергнуты самой жизнью.

В.П.Макаренко: Ты уже втянулся.

В.Н.Порус: Ну, для того чтобы по-настоящему полемизировать, нужно было их подробно изложить, а затем по пунктам разбить. Это пустое занятие.

Культурная катастрофа – главный вызов нашего времени. Возможно, самый радикальный вызов за всю историю существования человечества. История современной культуры – я имею в виду европейскую культуру – это трагикомедия в трех актах. Первый акт окончился развенчанием классической парадигмы, центром которой был автономный субъект. Или, по Канту, внушающая уважение идея личности, которая понимается как свобода и независимость от природного механизма. Почему этот акт закончился крушением классической парадигмы? Главным образом потому, что обычная человеческая жизнь совершенно несоразмерна кантовской идее. Человек не может жить в постоянном сопоставлении своей малости и греховности с величайшей ответственностью. Его успокоение тем, что он, якобы, по Канту, достоин быть представителем человечества, отмечается Кантом как нечто лишь негативное, по отношению к тому, что жизнь может сделать приятным. Понятно, быть представителем человечества очень трудно. И это настолько ограничивает приятность или комфортность существования, что никому невмогуту постоянно ощущать себя нравственным субъектом.

Содержание второго акта составило конфликтное противостояние между двумя противоположными, а по сути, родственными модернистскими парадигмами. Индивидуалистическая парадигма утверждает безусловное превосходство ценностей личной жизни над требованиями и ограничениями культурных универсалий. Смысл тоталитарной парадигмы можно ограничить от политических коннотаций тоталитаризма. Речь идет о безусловном подчинении ценностных ориентаций индивида нормам и принципам коллектива. Эти парадигмы являются изнанкой друг друга. Как показал Бердяев, ни та ни другая не способны предотвратить усыхания культурной цивилизации, которая превращается в формальную оболочку и спадает с человека, как только ему хотя бы на время удается ускользнуть от контроля.

И, наконец, в третьем акте на сцену вышел постмодернизм. Он сделал это действительно театрально. Он сказал, что все что произошло в первых двух актах – это игра масс. Власть универсалий над жизнью – это архаизм. Он заслуживает только иронической рефлексии. Индивидуализм в духе экзистенциалистского антиисторического стоицизма (как у Ясперса) тоже подозрителен. Потому что противоположности сходятся, и надо лучше сделать так, чтобы они сходились только в философских рассуждениях, но не в реальной жизни. Когда маски сброшены, на сцене остался человек, как он есть. Он не слишком малый, но и не великий, не

замкнутый в скорлупу своей единичности, но и не раздутый до кантовского всечеловеческого универсализма. И стремления этого человека ограничиваются не императивом Канта, а правилами общественного поведения. За соблюдением которых присматривает полиция. Что касается нравственных, религиозных или метафизических предпочтений, то они составляют удобный интерьер внутреннего мира. Этот интерьер лучше всего обезопасить от вмешательства других людей и даже от постороннего взгляда. За этим миром можно только подглядывать через щелочки. Подглядывать затем, чтобы удовлетворить свое любопытство относительно жизни другого и затем, чтобы не затосковать в одиночестве. Подглядывая за соседями, мы часто убеждаемся в том, что мы не такие плохие.

Да, это все, конечно, трагикомедия, и культурный герой вроде бы погибает, как и положено в трагедии, но зритель смеется, потому что он не ощущает себя участником действия. Мне нравится сцена из «Гамлета» Шекспира, я всегда ее привожу в качестве иллюстрации. Играют убийство короля.

- Король тревожно спрашивает Гамлета – «Что происходит?».

Он говорит ему – «Всё это в шутку!»

Король: «А как называется пьеса?»

Гамлет говорит – «Мышеловка».

Пьеса изображает убийство, но нам что до этого? Вашего величества и нас это совершенно не касается.

У России все три акта этой трагикомедии идут одновременно. Такова особенность нашей культурной истории. Она движется одновременно в разных эпохах. Здесь переплетается архаика, традиционное общество, модерн и постмодерн. А культурные универсалии этих систем не сменяют друг друга, а срастаются между собой, образуя причудливые образования. Противоречия этих оснований начинают расползаться трещинами по всему зданию культуры. Возможно, поэтому попытки заделать эти трещины всегда были либо косметикой либо неудачными. Я напому слова Василия Васильевича Розанова, он говорит: как это страшно и как это удивительно – христианская Русь за три дня превратилась в страну сплошного атеизма. Вроде как бы солдат, рабочих и крестьян сводили в баню и помыли их новой водой. Потом написал Булгаков, это вообще поражало, особенно русскую интеллигенцию: как можно было так быстро, внезапно перейти от одной культурной системы к другой. Аналогия, конечно, напрашивается и из современности. Все мы помним, как за два

дня погиб Советский Союз. Коммунизм сменился неизвестно чем. Все это произошло действительно очень быстро. Но никакого перехода не было, как я думаю, ни в начале XX века, ни в конце; ни в 1917 году, ни в 1991. Просто получилось так, что противоречивые основания культуры и химеры исторически ворочаются, подставляя зданию культуры все новые и новые подпорки. Здание трещит, но почему-то не разваливается. Возможно, поэтому культурные трансформации слишком многими людьми не ощущаются как катастрофа. Конечно, были, есть и всегда будут люди, для которых в этих сотрясениях культурного здания видна апокалиптическая ситуация. Но такие переживания не свойственны большинству, они характеризуют очень немногих. Чаще всего к таким людям относятся с подозрением или без всякого внимания, таких людей просто отшвыривают, чтобы не путались под ногами и не мешали строить светлое здание их жизни.

Отвлекусь на Куцевскую трагедию, которая стала достоянием едва ли не всей мировой прессы. Есть там неожиданный, но закономерный поворот. Когда привлеченные сенсацией журналисты стали съезжаться в Куцевку и опрашивать местных жителей, то местные жители сказали, чтобы они убирались к чертовой матери. «Вы нам мешаете жить, и как люди мы теперь опозорены на весь мир». Это очень характерная вещь, может быть, более страшная, чем убийство 17 человек вместе с грудными детьми.

Противоречивость культурных оснований двойственна. С одной стороны, в этой противоречивости заключается опасность культурной катастрофы. С другой стороны, есть надежда на то, что эти культурные универсалии могут быть возрождены, если они будут осознаны как утраченные ценности. Как то, что было очень важным и нужным и к чему бы следовало стремиться. Поэтому стрелки исторических часов нашей культуры указывают в разные стороны. Если это так, то трудно найти и истинное время и нужное направление пути. Спор между культурными основаниями никогда не будет закончен, и победа одних над другими никогда не была полной. Поскольку этот спор длится, то в самой протяженности сохраняются надежды на то, что идея культуры не угаснет. И хотя разрушения культуры действительно катастрофические, хотя катастрофа уже произошла, но еще, возможно, остается шанс на то, чтобы остановить деструкцию. Чтобы хотя бы приступить к расчистке завалов и построить новое сооружение. Это то, что я называю «обживанием катастрофы».

Меня иногда спрашивают: зачем вы все это говорите? С какой целью? С целью покопаться в язвах, болячках, сделать нашу действительность еще хуже, чем она есть? Зачем нужны эти слова, если вы не видите путей выхода из катастрофы, не указываете программу действий? Вы просто болтаете. Эта болтовня иногда опаснее действий или бездействия. Но что я могу ответить? Я не настолько самонадеян, чтобы давать рекомендации, как именно можно было бы выйти из состояния культурной катастрофы. И я так и не знаю, кому эти рекомендации можно обрисовать. Власти, массам, каждому отдельному человеку? Я попытался вчера выразить некоторую идею, которая мне кажется ключевой. Как можно найти какую-то зацепку? Я думаю, что нет более актуальной задачи для нашей страны, а может быть не только нашей, чем воссоздание или может быть новое формирование элиты общества. Я не верю, честно признаюсь, возможности власти совершить культурное преобразование, достаточное для выхода из катастрофы и не очень доверяю массам, которые несут в себе тяжесть и противоречие, спасаясь от ощущения трагедии в повседневности, в обращении к традиционному способу своей жизни. Только элита, на мой взгляд, способна на это. Но ее нет! И тогда возникает вопрос. Как создать элиту, если для ее создания уже нужна элита? Не знаю, ответа на этот вопрос у меня нет. Но думаю, если такой ответ был бы найден, то тогда все сказанное приобрело бы некоторый новый смысл.

В заключении скажу, что есть три идола, которые нужно преодолеть, для того чтобы желаемое стало возможным. Первый идол – это оптимизм. Наивный оптимизм, ничего хуже нет в состоянии катастрофы, чем дурацкий оптимизм, который выдает желаемое за действительное и закрывает глаза на реальность. Второе – это цинизм и цинический пессимизм, который видит реальность более страшной. И третий идол – это безответственность. То есть те, кто говорит о катастрофе, должны иметь смелость взять на себя ответственность за то, что они говорят. Отвечать за свои слова, отказаться от роли комментатора. Так говорил Высоцкий, вернее не говорил, а пел. Нужно пройти по режущим осколкам культуры босыми шагами. И даже если этот путь очень долг и нужен по нему идти, чтобы с каждым шагом он становился короче. Спасибо!

В.П.Макаренко: Большое спасибо, Владимир Натанович за содержательный доклад! Мне представляется, он вверх публику в пучину размышлений. Предлагаю сделать 5-10 минутный перерыв на кофе-брейк. Затем задать вопросы.

(Гул и волнение в зале. Общее требование задать хотя бы пару вопросов сейчас).

В.П.Макаренко: Ну что-ж... Профессор Старостин.

В.М.Старостин: Владимир Натанович, вы в начале выступления употребляли метафору полу-пустого и полу-полного стакана. Есть еще третья позиция: обратить внимание на посуду в магазине. Чтобы изменить рациональность, надо говорить не только о содержимом, но и о стакане. В связи с этим вопрос. Речь шла о культурной катастрофе, о феномене катастрофы или о когнитивном диссонансе по поводу катастрофы? Недавно прошел философский конгресс, там был доклад о кризисе восприятия политической реальности и структурной реальности и кризисе постреализма. В своих вычислениях мы сталкиваемся с кризисом дисциплинарной матрицы науки гуманитарного знания, а новой матрицы нет...

В.Н.Порус: Спасибо, это очень важный вопрос, он требует странного ответа. Я отвечу после перерыва.

(Сплошной шум, через который слышно чье-то бормотание)

В.Ю.Попов: А есть ли у Вас свой ответ на вопрос: как появляются ценности?

Женский голос: У меня две ремарки и один вопрос. Я бы хотела уточнить: вы употребляете слова «общие», «общечеловеческие», «универсальные ценности», но я думаю, что речь идет о христианстве. Дальше: у меня сложилось впечатление, что ваш стакан наполовину пуст, и катастрофа уже произошла. Не наша задача – ставить прогноз, но я думаю, что надо осмыслить половину пройденного пути. Как вы думаете, последние политические изменения, которые произошли у нас в стране, это восстание масс или обживание катастрофы?

В.Н.Порус: Замечательный вопрос... кхха! *(Улыбается)* Давайте сделаем так: я на ваш вопрос сразу отвечу. А на остальные – после перерыва, я подумаю, соберусь с мыслями и постараюсь – особенно на вопрос профессора Старостина. Что касается протестного движения в Москве и еще в нескольких пунктах – как вам сказать? Конечно, это не восстание масс. Какое это восстание? Хамов там много, одеты они по-разному: одни – в полицейские одежды, другие – в гражданские, третьи – в штатские. Но это не восстание хамов. К тому, о чем я говорил, оно относится лишь в одном смысле: когда начинает трещать культурная действительность, прежде всего трещит скорлупа, обнажается подлинная суть слов и фраз. Например: выборы – это слово, а за словом – пустота. Нет выборов. Так

вот, обнаружение пустоты, наполняющей некоторые значимые словесные оболочки, – это причина для отчаяния, недовольства, протеста, иногда повод к возбуждению активности. Демократия – это слово? Мда-а-а... Блистательное слово, да? Целый, так сказать, кладезь ценностей. А поскребите его – обнаружите симулякр. Нет демократии, как ее не именуй: сувенирная она или сувенирная, или как-то еще можно красиво обозвать... но ее просто нет! Это – если быть честным, откровенным и не заниматься политической демагогией. Так вот, обнаружение пустоты, скрывающейся за словесной оболочкой, – тоже повод для недовольства.

Есть и другие. Например, тревожное ожидание кризиса. Мы уже видели, как люди, принадлежащие к тому же общественному слою, который выходил на Болотную площадь, оказывались выброшенными за пределы комфортного существования, которое даже кто-то назвал существованием третьего класса. Среднего. Это как? Какой средний класс? И никакого комфортного существования тоже нет, все это эфемерно, зависит от конъюнктуры цен на нефтепродукты – но поводы для недовольства есть. Я бы не стал видеть за этим какие-то тектонические процессы – пока это сознание, медленное, иногда истерическое, иногда комическое, принимающее клоунские, балаганские формы, имитирующее социальную активность. Например, помните крики Навального: «Да или нет!»? Это балаган! За этим ничего серьезного не стоит.

Голос из зала: И не будет, да?

В.Н.Порус: Эээ, на этот-то вопрос я как раз отвечаю! За этим ничего не стоит – пока! Кроме того, что обнаруживается пустота слов, из которых конструируется некоторая социальная реальность. Рушится лак и штукатурка, которая покрывает дырявые, гнилые, никчемные стены постройки. Вот это и причина этих ужимок. Пока только она. Массовые движения в нашей стране, скорее всего, не будут носить характер культурной революции. Они могут носить характер разрушительных, стихийных бедствий, которые могут быть вызваны резким обнищанием народных масс вследствие падения нефтяных рынков. Вот это действительно так. Вот тогда выйдут восстания масс, и тогда уже не Навальные, не Собчаки выйдут на улицы, а выйдет на улицы этот самый... НАРОД! Который будет стучать по пустым горшкам и по пустым головам тех, кто эти пустые горшки организует. Пока этого не произошло, нам необходимо подумать о культуре, потому что только культура – не ОМОН, не полиция, не законы драконовские! – может противостоять хаосу, который наступит в результате культурного ... чего-то там. И вот здесь сходятся интересы тех, кто

вышел на Болотную, и тех, кто выходил на Поклонную. И тех, кто ползает в коридорах власти, и тех, кто ползает в коридорах так называемой системной оппозиции. Вот таков мой ответ на ваш вопрос.

А.Куликов: У вас в докладе тесно связаны два понятия: катастрофа и восстание. Я считаю, эта связь действительно вполне прямая, но есть вопрос: если мы говорим о том, что необходимо прервать катастрофу, которая произошла, то с чем это связано?

В.Н.Порус: Потребуется задать маленький вопрос (*всеобщий смех*) для того, чтобы потом задать большой. Я или не так услышал, или что-то не понял, но я сказал, что в России это все включает три акта. Грамота ходит одновременно, и на нее вмазаны четыре слова: архаика, традиция, модерн, пост-модерн. Как это вяжется? Здесь нет арифметики: архаика прекрасно с традицией сочетается, пост-модерн включает в себя элементы модерна и архаики...

А.Куликов: То есть, прямой связи нет?

В.Н.Порус: Прямой связи нет. Я не на тот вопрос ответил. Я по Райкину: «Пить, курить и говорить я начал одновременно». Вот это имеется в виду...

А.Куликов: Нееееет, я не про это (*пара секунд невнятных возмущений*).

А.Н.Ерыгин: Если вместо пить, курить и говорить подставить другие четыре слова, то возникнет другая ситуация, но если ответ готов тот, который получился – у меня вопрос снят. Так что ... (*невнятная претензия*).

В.П.Макаренко: Ничего не понимаю и объявляю перерыв.

После перерыва

В.Н.Порус: Жаль, что ушел профессор Старостин и не сможет выслушать ответ. Я понимаю его вопрос не только как его личный, а методологический. Но и другим, я думаю, будет интересно услышать ответ. Напомню вопрос, как я его понял и запомнил: где противоречие – в действительности или в теории? Где катастрофа – в головах ученых, исследующих социальную реальность, или в самой этой реальности? И как эта катастрофа отражена в рассуждениях исследователей? Вопрос фундаментальной важности, и он стар, как сама философия. Всякий раз эта старость омолаживается действительностью. На мой взгляд, и ответ является таким же традиционным. В принципе невозможно отделить диссонанс когнитивного рассуждения о действительности от диссонансов самой действительности. Я бы сказал коротко: наше представление о социальной картине реальности в своей последней глубине стоит на на-

ших предпочтениях. Мечты о том, что может существовать некая объективная теория социальной реальности в том смысле, в каком об объективности говорят применительно к физическим или химическим теориям, на мой взгляд, требует очень серьезных оговорок и уточнений. Объективность социальной науки не того рода, какого объективность естественнонаучного знания. Поэтому отдельно говорить о диссонансе действительности и диссонансах рассуждений о действительности невозможно. Рассуждения о действительности, если они делаются объективными исследователями, вплетены в ткань самой социальной действительности. Поэтому и существует плюрализм этих картин и различные методологические споры между приверженцами уподобления социальных наук естественным наукам и теми, кто видят в ней особую специфику. Этот спор не будет кончен сегодня и не будет кончен завтра. Я думаю, что социальный исследователь – это не только ученый, но еще и конструктор. Изучая действительность, мы конструируем эту действительность. А наши представления о действительности являются не чем иным, как предлагаемыми моделями. И эти модели в конечном счете имеют ценностную природу. Мы знаем заранее, до всякой исследовательской работы, отличие между добром и злом, желаемым и существующим, должным и наличным. Вот эти вещи являются как бы предпосылками всякого объективного научного исследования. Избавиться от этого не только нельзя, но и было бы просто вредно. Потому что в таком случае исследователи противопоставили бы себя как особую группу надмирных наблюдателей самой действительности, которая предстает в их наблюдении. Этого сделать невозможно. Просто говоря, мы не можем выскочить из штанов нашего человеческого существования, мы в них находимся. Если бы нам это удалось, то мы предстали бы в весьма постыдном и неприглядном виде.

И.Д.Коротец: А ночью? (смех)

В.П.Макаренко: Ну, это Игорь дурачится...

В.Н.Порус: Да, вот мой ответ. Такие вопросы ставились на предыдущем конгрессе и на пред-предыдущем и на этом, я думаю, будут ставиться до тех пор, пока философы будут собираться на свои конгрессы. Потому что всякий раз преобладает та или иная тенденция, мода.

Голос из зала: Скажите, а можно продолжить вопрос профессора Старостина в отношении культуры и ее кризиса?

В.Н.Порус: Я не знаю. В ответ мне нужно заново прочитать свой доклад.

В.П.Макаренко: Все же слышали, зачем повторять три раза.

В.Н.Порус: О духовной культуре общества судят не по тому, какие слова произносятся в этом обществе и какие слова становятся модными и популярными, а по тому, как в реальности происходят события этой жизни, в которых и выражается состояние духовной культуры. Не в словах, а в событиях и делах. Вот это и есть та мысль достаточно простая, о которой я хотел сказать в своем докладе и которую подчеркиваю еще раз. Был задан вопрос о природе культурных универсалий. Действительно, это ключевой вопрос для того, о чем я хотел сегодня рассказать. Иногда говорят: раз вы употребляете слово универсалия, тем самым берете на себя повышенные обязательства применить содержание культурных универсалий ко всем временам, народам, классам и т.д., что совершенно неверно и опровергается исследователями. Я с этим абсолютно согласен и вовсе не собираюсь этого делать.

Для меня культурные универсалии – это ценность, которая универсальна в пределах данной культуры. Здесь необходимая тавтология: культура – это совокупность ценностных универсалий; а культурные универсалии определяет содержание и существование культуры. Это два понятия, которые невозможно отделить друг от друга. Они универсальны в том смысле, что подчиняют себе смысловой корпус сей ценностной системы. Но они не универсальны в том смысле, что являются общими для культур с совершенно различными системами. То-есть, никакой всечеловеческой, надысторической, надсобытийной культуры нет. Культуры всегда исторически обусловлены, всегда конкретные, если угодно. Но в пределах этой конкретности их смысловые каркасы универсальны, только в этом смысле. Они возникают как результат исторически развивающегося процесса примирения индивидуальных устремлений с необходимыми ограничениями этих устремлений, которые обеспечивают жизнь общества как целого. Если такое примирение вырабатывается... Культура – это компромисс. Если такое примирение вырабатывается таким путем, культура остается устойчивой и продолжает длиться в течение достаточного большого времени. Если такого примирения не происходит или оно постоянно нарушается одной из сторон – либо культура относится слишком репрессивно по отношению к индивидуальным предпочтениям, либо индивидуальные предпочтения становятся на путь бунта, высвобождения из-под культуры – то тогда культура гибнет или становится уязвимой для критики изнутри.

А.И.Бардаков: У меня два вопроса. Скажите, пожалуйста, когда идет речь о культурной катастрофе, вы имеете ввиду здесь и социальную катастрофу или это что-то другое?

В.Н.Порус: Я не могу отделить одно от другого. Я этого не понимаю. Я ведь сказал в самом начале, для меня культурная катастрофа или кризис фундаментальны. А все остальные кризисы социальности, политики, экономики, экологии чего там еще, все это производ.

А.И.Бардаков: Духовность современного народа соотносится вместе с этим с катастрофой?

В.Н.Порус: Да, они коррелируются, это просто одно и то же. Вот я хотел выступать сегодня совсем с другим докладом, но мой уважаемый коллега и друг Виктор Павлович посоветовал мне обратиться к своему старому докладу, который я уже несколько раз делал. На мой взгляд, он несколько устарел. Вот и я как раз хотел говорить о духовности как важнейшей проблеме России. Но коротко скажу так. Я об этом не говорил в докладе. Нет духовной культуры, понятия духовности и культуры не коррелированы, а просто сращены в некоторую смысловую сопряженность. Всякая культура духовна, а всякая духовность культурна. И ничего другого сказать не могу. Например, материальная культура общества – это то, как общество производит продукты, которые необходимы ему для жизни, а духовная культура – это поэзия, музыка, молитвы, традиции и т.д. Я не умею этого разделять, и просто не понимаю, что это означает. Это иногда полезно для каких-то исследований (например, я изучаю определенные явления культуры). Онтологически это различие не имеет смысла. Я называю культурной катастрофой не смену одних культурных ориентаций другими. Когда погиб Древний Рим, то не погиб народ, его населявший. Хотя одни культурные ориентации сменились другими. Рим в раннехристианскую эпоху оставался Римом. Просто античная культура уступила место христианской. Это не катастрофа. А я говорю о прекращении доверия к культурным ценностям как к предельным ориентациям человеческого поведения и мысли. Когда к самой ценности как таковой утрачено доверие, когда существует непреодолимая пропасть между личными устремлениями и ориентациями жизни, и теми рамками, ограничениями и принципами поведения, которые диктует культура, когда в ней существует разрыв непреодолимый, – вот это я и называю культурной катастрофой.

В.Ю.Попов: Каков источник культурных ценностей?

В.Н.Порус: Существуют различные ответы на этот вопрос. Одни говорят, что культурные ценности продиктовал Господь Бог, например, запечатленные в Ветхом Завете. С вашей точки зрения, как я понял, их диктует сама культурная действительность, которая существует в массах, народе. Не будем сейчас уточнять, что такое народ, массы. По сути дела, я думаю, что культурные ценности возникают исторически, очень долго возникают. Иногда этот процесс затягивается на десятилетия, столетия и даже тысячелетия. Вот это результат компромисса между совокупностью индивидуальных устремлений человека и необходимостью рамок, в которые эти устремления помещены, для того чтобы это существование не стало враждебным, антагонистическим. Вот когда этот процесс стабилизируется, на какой-то стадии своего развития, тогда мы говорим о формировании устойчивых культурных ориентиров, то есть того, что мы зовем ценностями. И когда это происходит, ценности приобретают власть. Символическая ценность – это результат того, что мы сами сотворили, но обладающая над нами такой же властью, которая подобна власти объективных законов природы над нашими телами и душами. То есть понимаете, законы природы, возможно, создает, Бог, я не знаю. Это вопрос не ко мне. А вот законы культурного существования задают люди. Но когда они их уже создали, то им подчиняются до тех пор, пока подчиняются. И в этом смысле всякое восстание или бунт против культуры – это постановка под знак вопроса устойчивого модуса человеческого существования.

В.П.Макаренко: Вопросы завершаем, тем более, что некоторые из них не относятся к теме или свидетельствуют о невнимании слушателей. Разрешите прокомментировать некоторые пункты доклада. Для чего я попросил Владимира Натановича сделать доклад по статье шестилетней давности? Потому что заданные докладчику вопросы и сам ход дискуссии свидетельствуют: она осталась в ростовском философском обществе не прочитанной. Может быть, прочли один-два человека, но я их здесь не слышал. Аудитория задает докладчику плоские, а то и просто дурацкие вопросы. Сам характер вопросов свидетельствует, что даже если статья прочитана, то не усвоена. Аудитория пришла поразвлечься, а не участвовать в работе.

А.Н.Ерыгин: Статья непростая, статья сложная...

В.П.Макаренко: О, начинаются упражнения в риторике... Я попытаюсь показать, что статья Владимира Натановича очень интересна, поскольку позволяет обсуждать новые темы и сюжеты. Для начала напомним

ню, что Семен Франк отмечал: критика породившей ее культуры есть родовая сущность философии. Профессор Порус продемонстрировал реализацию этого девиза. Его доклад был посвящен критике оснований культуры, а также критике способа рефлексии о культуре. Вот это две капитальные проблемы. Если мы беремся обсуждать содержание доклада, то надо как-то рефлексировать в отношении этих двух проблем. А не заставлять докладчика заниматься разъяснением элементарных вещей и использовать его для ликвидации собственного невежества, т.е. относиться к докладчику чисто потребительски.

Я хочу на примерах показать дискуссионность этих проблем. В докладе использовался эпизод из «Судьбы человека» Михаила Шолохова. Помещаются советские военнопленные в храм, один из них хочет выйти по нужде и получает очередь в живот. Мой тезис по поводу этого эпизода можно сформулировать так: писатель Шолохов в данном случае поступал как махровый советский идеолог. В смысле В.Набокова, который писал, что главным героем всей советской литературы является полицейское государство. Напомню, что рассказ «Судьба человека» был опубликован после XX съезда КПСС. В официальном советском литературоведении считается, что в этом сочинении пропагандируется гуманизм. А на деле Шолохов воспроизводил в новых условиях лозунг военного времени, сформулированный Константином Симоновым в стихотворении «Убей немца». Этот вирш еще одного сталинского акына заканчивался призывом:

Так убей же хоть одного!
Так убей же его скорей!
Сколько раз увидишь его,
Столько раз его и убей!

Моих знаний не хватает, чтобы ответить на вопрос: сколько аналогичной продукции было создано в других странах с призывами убить русского, англичанина, американца, японца и всех остальных, участвующих в войне? Приходится работать без элементарных сравнений. Однако в приведенном примере ответственность за святотатство перекладывается на внешнего оккупанта, а со своих «внутренних туток» и «внутренних немцев» снимается – если вспомнить русскую публицистику периода русско-турецкой войны 1876-78 гг. и первой мировой войны – модных нынче тем в российском массовом искусстве. А сколько церквей было разрушено во время советской власти, сколько было определено под

овощные склады, сколько клира сгинуло на Соловках? Я – безрелигиозный человек. Но это не мешает мне констатировать общую тенденцию: после 1917 года в СССР преступления советской власти в отношении религии были намного больше, чем в период войны со стороны немцев в отношении советских верующих. Факты свидетельствуют о другом: при оккупации советских территорий Вермахт разрешил деятельность церквей, были открыты храмы. Не менее хорошо известно, что при немцах большинство клира РПЦ пошло на сотрудничество с оккупантами. Но ведь другая часть вынуждена была пойти на коллаборационизм с советской властью. Поэтому приведенный пример мне кажется дискуссионным. Хотя он позволяет сформулировать проблему: что лучше (хуже) – сотрудничество с внутренними или внешними немцами?

Теперь напомним, что в феврале 1945 года Советская армия вошла в Пруссию и начала вести себя по отношению к местному населению ничуть не лучше, чем вели себя фашисты на оккупированных территориях. Лев Копелев в книге «Хранить вечно» описал ситуацию и первым имел мужество выступить против такого поведения. Его обвинили в «буржуазном гуманизме» и бросили в кутузку. Значит, Шолохов сознательно пренебрегал этим опытом. Более культурные люди говорили уже в период войны: мы не можем поступать как фашисты.

Теперь в России опубликовано много мемуаров, исследований и документов, в которых показано что Сталин пошел на разрешение Русской православной церкви в 1943 г. не из-за своего семинарского прошлого и не в порядке осознания своих грехов, а с учетом будущей советской оккупации Восточной Европы. И вытекающих отсюда политических дивидендов, связанных с реализацией этой дьявольской политики. Я думаю, весь этот материал можно использовать, чтобы оспорить эпизод из рассказа «Судьба человека» Шолохова.

В ответ на эту идеологическую стряпню надо вспомнить также, что «наша» власть целыми составами отправляла в Сибирь калмыков, чеченцев и другие народы. И горские женщины помирали в вагонах потому, что не могли помочиться на виду. Разве можно упускать из виду эти факты, если мы обсуждаем кризис культуры? Разве наша родная власть не инициировала этот кризис?

При подготовке к конференции я думал, с какой стороны подойти к проблеме. Вот публицистика Иосифа Бродского. У него есть статья «Катастрофы в воздухе». Она может быть предметом разбора при обсуждении доклада Владимира Натановича. То, что Порус называет отождест-

влением культуры и духовности, Бродский называет катастрофами в воздухе. По его мнению, кризис идей – это разновидность катастрофы в воздухе. Что это такое? Это гроб. При катастрофе в воздухе почти никто не выживает. В статье приведена интересная аргументация в пользу того, что именно кризис идей ведет в могилу. Она может быть предметом обсуждения при анализе доклада Владимира Натановича.

Что еще попутно можно сказать? Мне очень понравилась твоя метафора «шесть соток индивидуального существования». Она очень емкая. По поводу шести соток можно развить целый способ рассуждения. И поставить под вопрос всю либеральную традицию приватности. Да и не только либеральную традицию, но и ту разновидность русского звериного или животного индивидуализма, который описан детально в трудах Андрея Платонова. Европейский либерализм и наш русско-советский – это абсолютно разные вещи. Замечу также, что практика выделения куса земли жителям городов для проведения уикэндов начала складываться в нацистской Германии. Об этом я узнал из чтения дневника Михаила Пришвина. А он считал, что настоящим врагом советской власти является мещанство (он связывал его как раз с клочком земли), а не фашизм. Прав ли он был?

Теперь еще проблема, на которую я не нашел ответа и она меня мучит...

В.Н.Порус: Я сейчас скажу...

В.П.Макаренко: Нет, подожди, не спеши! Когда Владимир Натанович прибегает к диалектическим тропам, используя обороты всякая духовность культурна и всякая культурность духовна, – в ответ на это я хотел бы заметить: существует целая традиция духовного насилия. А как же тогда отделить духовное насилие в его разновидностях манипуляции, инквизиции, системы пропаганды, воспитания от духовной культуры? Мне кажется, что объединение культуры с духовностью, а духовности с культурой не решает проблему духовного насилия? Как к нему относиться? Я на это ответа не нашел.

В.Н.Порус: Понял, очень важный вопрос. Сейчас отвечу. Чрезвычайное наслаждение я испытываю, полемизируя с Виктором Павловичем. Потому что он своими вопросами и критическими замечаниями просто заставляют меня уточнять то, что не было уточнено. Насчет примера с шолоховским рассказом и с фильмом по этому рассказу, – здесь никакой проблемы нет. Здесь я не занимаюсь вопросами об отношении тоталитарного режима и христианской церкви, отношения между оккупан-

тами и оккупируемыми. Для меня это абсолютно неважно. Можно было бы привести пример из Варлама Шаламова с его Пугачевым. Можно привести пример из воспоминаний выживших узников Освенцима или воспоминания ленинградских блокадников и т.д. Все это не имеет значения. В данном случае выбор примера не играет роли. Суть простая: существует грань, за которой человек не может переступить тот принцип, который является стержнем его духовного существования или может переступить. Обычно, когда говорят о «Судьбе человека», то Соколова называют главным героем. А для меня человек, который получил очередь в живот, является культурным героем. Человек знал, что его расстреляют, но не смог переступить принцип. Можно подумать: дурак какой-то, зачем он отдал свою жизнь? Я думаю, что культурный герой – это человек застреленный за то, что он не хотел справлять нужду в храме.

Теперь более важный и интересный вопрос об отношении духовности и культуры. Существует предрассудок, который живет особой жизнью в разных социальных, культурных средах. Предрассудок состоит в следующем: культура – это всегда хорошо (со знаком +). Когда говоришь, что этот человек бездуховный, – то это плохой человек. Когда говоришь, что этот человек духовный – хороший человек. И вот это различие + и – оказывается почему-то существенным. На самом деле это совсем не так. Существуют зверские культуры, зверские с точки зрения другой культуры, которая на это зверство смотрит с осуждением. Вспомните, например, о культуре северных народов, которая вынуждала и понуждала убивать своих родителей. Это зверство, но это был и культурный принцип, и человек, который восстал бы против этого принципа, был бы низвергнут этой культурой.

Дальше: духовность тоже не всегда бывает со знаком плюс. Бывает злой дух, бывает духовность отвратительная, исходя из определенного морального кодекса. Например, когда Манфред – носитель отрицательной духовности – восстает против основ мироздания. И тут непонятно: это возносит его на высоту или наоборот – низвергает его в пучину сомнений, отрицаний и разрушений. И то и другое зависит от точки отсчета, от системы нравственных координат. Поэтому культура и духовность могут сходиться и расходиться. Все зависит от отношения между культурой и той свободой, которая позволяет человеку поддерживать эту культуру или восставать против нее. Причем, позиции эти – плюс или минус – могут меняться со временем. Примеров исторических огромное количество, вплоть до того, как царевубийство было оценено как герои-

ческий поступок, восстание свободного духа и отзвук на те глубинные противоречия, которыми разрушалось русское общество. И так бывало очень часто.

В.П.Макаренко: Не везде, не во всем обществе...

В.Н.Порус: Везде они никогда не меняются. Ведь существуют до сих пор такие слои общества, в которых духовный подвиг Иисуса оценивается как глупая случайность или сознательный обман. Так что никогда общество не единодушно в своих культурных и нравственных оценках. Ни в коем случае я не отождествляю положительную оценку духовности с самой духовностью. Духовность может иметь различные оценки, как положительные, так и отрицательные. Что я отстаиваю и на чем я стою – концепты духовности и культуры образуют смысловую сопряженность. Они не имеют смысла друг без друга. Нельзя говорить о духовности вне культурного контекста и нельзя говорить о культуре вне контекста духовности. По сути, это разные схемы одного и того же целого. Вот это главное методологическое содержание, на которое я хотел бы обратить внимание.

Был еще один вопрос...

В.П.Макаренко: Да. Когда возникают культурные коллизии, то обычно пользуюсь таким примером. Пришли новобранцы на корабль. Боцман их выстроил, прохаживается вдоль строя и разъясняет: «Шо такое флот и шо такое армия? На флоте матрос грамотнЕе и культурнЕе. Вот я, например, физику знаю, физику знаю, физику знаю, бога мать... Проиллюстрируй, пожалуйста, охватывает ли твоя концепция эту ситуацию, включая термины «грамотнЕе» и «культурнЕе»?

В.Н.Порус: Да, конечно, работает.

В.П.Макаренко: Разъясни!

В.Н.Порус: Когда начинают обостряться противоречия между ценностями и их смыслами, то словесные оболочки отскакивают, отсыхают. Возникает огромное количество имитаций, подражаний, стремлений сделать культурнЕе и грамотнЕе, на самом же деле, это не является ни грамотным, ни культурным. Примеры из твоего любимого Платонова бесконечны. Например: счастье произойдет от материализма.

В.П.Макаренко: А если их как парадоксы культуры трактовать?

В.Н.Порус: Можно. Да, бывает так, что культура для поддержания своего же собственного существования вынуждена прибегать к своим имитациям. Вот кстати, тут о большевиках почему-то заговорили в кулуарах. Это очень интересная тема. Большевики очень часто прибегали

к культурным имитациям в ходе культурной революции, которая действительно была осуществлена. Например, такой культурной имитацией – пустышкой или символом стал А.С. Пушкин. Из него вынули все пушкинское, все его содержание, всю его глубину смысла, которая в нем заключена как в уникальном культурном явлении и оставили пустые оболочки. И масса играла этими оболочками, думая или полагая, питая иллюзию о своей культурности. Замечательно эти вещи выражены у Зощенко, в цикле его рассказов о новом человеке. Там происходит игра словами, культурными символами без всякого понимания смысла этих символов и отношения к ним. Игра с этими смыслами стала массовым явлением. И это выдавалось за культуру. Культура иногда прибегает к символическому. Например, люди, которые приходят в храм и молятся, носят крестики, постятся, соблюдают обряды, – кто из них верит? Я задавал вопрос священникам. Они отвечали: очень немногие. То есть игра символами стала массовой. Ведь страшное дело – принять на себя бремя христианской веры, стать христианином по совести, по вере, по мысли. А вот играть с христианской символикой это прекрасно. Это как знаки различия «своей-чужой». Это игра символами, это пустышки. Симулякры. Это не только с верой связано, это связано с политикой и экономикой... Например, что означает «труд»? Человек говорит: «Я трудился 50 лет, а мне дали пенсию маленькую». А когда спросишь: что ты там делал, за эти 50 лет, что ты там натрудил? Ответ – дурака валял в общем-то. Но символ был выдержан.

В.П.Макаренко: Большое спасибо! Правильно ли я тебя понял, когда сделал акцент на индивидуальном или использовании культуры ради того, чтобы нам было хорошо? Статистические исследования показывают, что 40-60% именно так и понимают культуру.

В.Н.Порус: Повторю тезис из своего доклада. Один из симптомов культурного кризиса, культурной катастрофы – это замена смыслов культурных ценностей их симулякрами или пустыми оболочками. Это началось давно. Одним из классиков, отцов этого отношения был не кто иной, как Вольтер. Который сказал, что если бога нет, то его следует выдумать. Это значит: использовать культурный символ для достижения социальных, политических и иных целей. Расскажу вам один такой случай. Пожилая женщина увидела у меня на полке Библию. Библия была католическая. Она попросила у меня Библию, я ей дал. Она ответила: «Я это в руки не возьму. Это дьявольский крест, дьявольская Библия». Я говорю: «Хорошо, у меня есть и православная. Но скажите, почему? Что вас не устраивает?» В ответ: «Я не знаю».

Символ, оболочка становится важнее того, что написано. Так происходит во всех сферах нашей жизни, не только в религиозной. Вот это и есть признак умирания или загнивания культуры. Краха, когда вместо культуры действительность заполняется ее останками, ее символическими репрезентантами. Когда, например, берут медальончик с Джокондой, на Джоконде усы и на груди какое-то неприличное слово, но они же таким образом приобщаются к культуре. Они же что-то знают о Да Винчи, о Джоконде, о Лувре, о веках культуры и т.д. Символ есть, а раз он пустой – с ним можно делать все, что угодно. Все эти вещи являются примером игры. Игры воображения, которое все что угодно может представить в любом виде. Джоконда с усами, Иисус в непристойном виде...это все игра.

В.П.Макаренко: Кто-нибудь хочет еще высказаться?

А.Н.Ерыгин: Я хотел бы сказать несколько слов по поводу главных мыслей, высказанных В.Н.Порусом в его докладе, четко очерченных в рамках концептологического рассмотрения. Но я в данном случае не ограничиваю выступление рамками концептологического рассмотрения, мой интерес не лежит в чисто теоретическом плане. Я не буду уходить глубоко в чисто теоретическую область. Хочу постоять на границе. Бердяев задолго до всех наших споров о конфликтном, кризисном и катастрофическом характере культуры сформулировал тезис о культуре как величайшей неудаче человечества. Мы можем рассматривать это тоже как термин, который чисто концептологически в его произведениях не несет большой теоретической нагрузки. Но сам этот термин о культуре как неудаче у Бердяева наполнен определенным понятийным смыслом и подчеркивает гигантскую историческую рамку. Что есть неудача культуры, по Бердяеву? Неудача культуры – это все, что человеческая история с определенного момента создала в ходе реализации всех возможных линий ее движения. Все эти линии в сущности неудачны. Поскольку величайшая катастрофа из катастроф стояла у истоков истории и райское время ушло, как бы мы к нему не относились. Наступило чисто историческое время, где касание с вечностью не присутствует. В этом временном состоянии мы фиксируем факт неудачи культуры движения человечества. Попытки человека реализовать свою сущность закончились попаданием в полосу отчуждения, кризиса, противоречия и самоустранения исходных базисных человеческих характеристик, с которыми человек когда-то начинал свой путь. Культура – это великая неудача.

Теперь возникает вопрос. Если так оценивается вся культурная жизнь человечества, то какое значение в этом контексте может иметь

термин катастрофа? Видимо, для обозначения каких-то похожих, но других вещей. Но по докладу В.Н. видно, что речь идет о других вещах. Прекличка несомненная есть, но сейчас я ее касаться не буду. Но речь идет о других вещах. Наиболее выпуклой вещью, которую ты затронул предельно неудачно (*обращаясь к В.П.Макаренко*) по поводу Шолохова. В.Н.Порус еще раз разъяснил. Когда Виктор Павлович отметил убийство христианина немцем и наоборот. С другой стороны, политика немцев, открывавших церкви и наших иерархов, которые сотрудничали с оккупантами. Слова отрицательного толка ты приписал православной церкви. Они свидетельствуют о том, что ты ушел из концептологического способа рассмотрения вопроса в сугубо политический, острый и, может быть, имеющий право на свое существование. Но в нем ты неожиданно, не заметив сам, подчеркнул одну интереснейшую вещь, касающуюся приведенного примера.

Так вот, если внимательно посмотреть на поведение христианина, который не хотел мочиться в храме и на поведение тех православных иерархов, которые в период оккупации фашистской Германии определенные территории открыли церкви и работали там как иерархи – это одно и то же. Это великая культура, которая реализовалась в этих невыносимых условиях. Вот здесь есть величайший пример совпадения духовного и культурного.

В.П.Макаренко: Спасибо! Помимо того, что ты здесь рассказывал, ставлю тебе боевую задачу: написать статью. Она будет опубликована. Но это полемика, я вынужден отвечать. Об удачности и неудачности моих примеров. Набор фактов в истории – это источник рефлексии. Я читал многотомные истории. И для меня важен образ истории Вальтера Беньямина, разорванности исторического восприятия. Примеры о поведении православной церкви при оккупации относятся не только к политическим, но и к историческим. Существует целое направление исследований под названием социология церкви, наряду с социологией религии. В этом смысле социология РПЦ является их частным случаем. Это мы пока возвращаемся на уровне доктрин. Не стоит сбрасывать со счетов историю церквей. Хочешь ответить? (*обращаясь к В.Н.Порусу*)

В.Н.Порус: Но только несколько слов. Устали все уже?

В.П.Макаренко: Да. Я чувствую тоже.

В.Н.Порус: Я отмечу только один факт. Когда мы с В.П. выступали на ростовском телевидении, там была хорошо поставлена PR компания. Приходите, регистрируйтесь, отвечайте, ...очень интересная тема...касается каждого из нас. Но никакого результата нет. Это означает толь-

ко, что проблема культурной катастрофы, еще далека от осознания. Пока ростовчане, живущие в этом регионе уверены в том, что никакой культурной катастрофы нет, до этих пор можно быть спокойным. И особенно не переживать. Но все-таки философское сообщество мне кажется должно быть заинтересовано в обсуждении таких тем. Потому что как выяснилось из выступлений, в этих выступлениях я нашел некоторые новые смыслы в своем тексте. Больше понял, наверное, что я сам хотел сказать. Спасибо всем. Мне еще кажется, что эта тема является целиной, не поднятой целиной; здесь еще работать и работать. О Бердяеве я писал в свое время и еще, уверен, буду писать. Я не отношусь всерьез к его словам, относительно культуры как главной неудачи человечества. Эти фразы носят больше эмоциональный характер.

В.П.Макаренко: Надувание шаров...

В.Н.Порус: Я не буду уже пояснять...Нельзя считать неудачей, когда человек действует вопреки культурным координатам: ему говорят иди к северу, а он потащился на юг. Но это не неудача целой системы, а неудача конкретного человека. Но должное должно существовать, в этом смысл кантовской философии. Должное должно быть и в этом смысл культуры. Культура задает систему координат, в рамках которой человек и определяет на свою ответственность свое поведение. Без этого человек не существует. Нет человека. Вот в этом был пафос моего сообщения, в этом была моя цель, моя задача. Но как я ее достиг, это уже не мне судить, а вам. Спасибо за внимание! Мне всегда очень приятно приезжать в Ростов, потому что здесь публика всегда заинтересованная, чего не всегда можно увидеть в столице. Спасибо еще раз за внимание и извините (*овации*)

В.П.Макаренко: Спасибо, дорогой Владимир Натанович! Теперь я хочу передать привет всем присутствующим от профессора Эдуарда Колчинского, который сейчас мне звонил. Затем я предлагаю нам на сегодня заглухнуть. Всем спасибо!

ПРОБЛЕМА ПРОРАБОТКИ СОВЕТСКОГО ПРОШЛОГО (СТЕНОГРАММА КОНФЕРЕНЦИИ 23–24 МАРТА 2013 Г.)

В.П.Макаренко: Уважаемые коллеги, разрешите объявить открытой Всероссийскую конференцию «Проблема проработки советского прошлого». Благодарю коллег, приехавших и прилетевших издалека, а также тех, кто пришел пешком из окрестностей. Конференцию проводят Центр политической концептологии Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем и Центр теоретического осмысления Института научной информации по общественным наукам РАН. В конференции принимают участие факультет социологии и политологии ЮФУ, кафедра теоретической и прикладной политологии факультета социологии и политологии ЮФУ, Исследовательский комитет по политической концептологии РАН и Донского философского общества, клуб «Интеллектуальный Ростов». Информационная поддержка – журналы «Политическая концептология» и «Terra Economicus: экономический вестник РГУ».

В холле продаются книги издательства «Новое литературное обозрение». Спустя некоторое время к нам придет М.А.Боровская – наш уважаемый ректор. Сейчас уделим небольшое время **приветствиям**.

Ю.С.Пивоваров: Я здесь в третий раз. На этот раз приглашение закончится чем-то материальным. Мы с вашим ректором подпишем соглашение о сотрудничестве Южного федерального университета с Институтом научной информации по общественным наукам Российской академии наук. А это значит – с большей частью гуманитарного блока Российской Академии наук. Мы с Виктором Павловичем интенсивно сотрудничаем и безотносительно к приездам и отъездам.

Как всегда, выбор темы конференции абсолютно актуален в научном и практическом смысле слова. Это не я выбирал, именно Виктор Павлович определил тему конференции. Сейчас в нашей стране происходит решающий этап выбора обозримого будущего. Прошло двадцать лет, как сменилась система. Эти двадцать лет были достаточным историческим периодом для того, чтобы страна хоть немного пришла в себя и решила, куда надо двигаться. Если выбрать вариант возвращения в сталинское прошлое (у нас много его поклонников), то у нас будет одно будущее, выберем другой вариант – другое. Поэтому важна проработка советского прошлого. По сути, оно еще никуда не ушло, и даже не «еще»,

а просто никуда не ушло. От проработки, понимания и преодоления «советского» зависит ближайшее будущее нашей страны гораздо больше, чем от конъюнктуры на нефть, газ и законодательство о выборах в парламент. Речь идет о зависимости будущего именно от того типа сознания, который будет преобладать в нашем обществе. В этом смысле конференция является скромным, но очень важным мероприятием по обсуждению тем, выходящих за пределы науки, имеющих общесоциальное значение. Еще раз спасибо за приглашение и за возможность побывать в городе, мною очень любимом с детства.

А.Г.Дружинин: Тема, которую мы собираемся обсуждать сегодня, противоречива, за нее психологически сложно браться. Юрий Сергеевич сказал абсолютно правильно: «советское» с нами. Я как экономический географ хочу это подтвердить. Мы живем еще в советских по архитектурному облику, проектировке и инфраструктуре городах. Нас защищает созданное в советское время оружие. Мы с вами практически все, за исключением молодых лиц, присутствующих в этой аудитории, воспитанники советской эпохи, системы образования, науки. Поэтому это не только прошлое, но и настоящее. Отношение к прошлому в нашем обществе полярно различно. Оно во многом становится фактором дополнительного риска для настоящего и будущего. Тем важнее для нас не политически, не идеологически ангажированный подход к прошлому, не мифологизация его, а тщательное, серьезное научное исследование, разговор, диалог, осмысление того, что было по-настоящему ценным, что соответствовало традициям нашего общества, нашим национальным традициям, а что было отклонением, патологией, и к чему не должно быть возврата. Это действительно очень важная для нас проблематика. Спасибо Центру политической концептологии, который поднял, сформулировал, организовал эту конференцию, ну и, конечно, нашим уважаемым гостям, всем кто пришел, проявил интерес к теме. Пожелать хочу успехов конференции. От имени Национальной академии педагогических наук Украины хочу также вручить Виктору Павловичу награду – Почетную грамоту за большой вклад в развитие украинско-российских научных связей (*Аплодисменты*).

В.П.Макаренко: Спасибо! Перехожу ко второй части программы – **презентации новых книг**. Все начинается и продолжается с чтения. В ноябре месяце 2012 г. проходил 6-ой Всероссийский Конгресс политологов. Там присутствовала делегация нашего университета, в том числе и я. Среди прочего Ирина Игоревна Глебова подарила нам три тома выпус-

ков «Трудов по руссиеведению», которые издаются под грифом ИНИОН РАН. По застарелой привычке читать все от корки до корки я прочел все три тома, в том числе вступительную статью Ирины Игоревны. И возмущался и возвеселился, – если перейти на библейский жаргон. Раньше я считал, что категория «проработки прошлого» сформулирована германскими социальными философами, мыслителями для анализа нацизма. Однако Ирина Игоревна обосновала идею о том, что эта категория вполне применима для анализа советского прошлого. Сейчас Ирина Игоревна расскажет нам о трудах по руссиеведению.

И.И.Глебова: Уважаемые коллеги, я представляю центр Руссиеведения и Институт научной информации по общественным наукам РАН. Центр этот создан недавно, в 2008 году. Свою деятельность мы начали в 2009 г. Издаем труды по Руссиеведению. Я привезла три выпуска, готов уже четвертый, но задержка с изданием.

Несколько слов о том, почему руссиеведение? Создавая этот центр, мы с дирекцией и коллегами исходили из того, что Россия – это некий особый мир. Не только из-за пространства и размеров, но и из-за того, что здесь сложилась своя среда, герои, значение культуры, язык. Это все не свести в рамки одного типа – западноевропейского или восточного. Известно, что это среда и история, а настоящее сложно и противоречиво. С одной стороны, очевидная европейская культура, но не европейский тип социально-властного устройства, социальных отношений, функционирования политики, принципов экономического существования. Хотя Россия явно тяготеет к Европе и европейским потребительским стандартам, все-таки это не Европа. Свести все это к Азии, азиатскому способу существования тоже сложно, хотя Россия в постоянной интеграции с Востоком. И это не только почти 300 лет татаро-монгольского ига, о котором все говорят.

Мы решили, что необходима акцентировка другого подхода: Россия – это особый социокультурный тип, и он нуждается в специфических инструментах изучения. По нашему мнению, руссиеведение – это не идеология, не некий эквивалент марксизму-ленинизму, который заменил бы идеологический подход при преподавании в высшей школе. Руссиеведение – это специфический интегративный подход, который служил бы сцепкой разных взглядов на Россию и позволял бы преодолеть разного рода «центричности»: политикоцентричность, экономикоцентричность и любую другую центричность при изучении России.

Второе – это методология изучения России, те идеи, концепции, предложения, которые позволили бы увидеть и объяснить эту российскую особость. В этом смысле мы не видим в россиеведении что-то из ряда вон выходящее. Западная наука призвана изучать западный опыт, способы его функционирования и возможности развития. В этом смысле мы не держимся даже за название «россиеведение». Мы просто используем астрономическую терминологию, которая сложилась в западной науке и в России.

Труды по россиеведению – это результаты нашего изучения. Для нас ценно, что в трудах участвуют сотрудники ИНИОНа, представители других академических институтов и наши зарубежные коллеги. Мы пытались выстроить, примирить, показать разнообразные взгляды на Россию, ее прошлое и настоящее. Мы строили эти труды таким образом, чтобы каждый из них был посвящен какой-то теме или периоду существования страны.

Первый выпуск мы посвятили революции. Мы считаем, что одна из задач россиеведения – это XX век, переломная эпоха в истории России. Мы старались дать современный взгляд на них, как они изучаются. Второй том посвящен современной России. Центральная тема третьего тома – память. Какой образ сообщества существует в сознании, как мы отвечаем на вопрос «кто мы?», какие ценности, какую базу для этой идентичности дают те концепции истории, которые предлагает наше общество? И мы выпустили дополнительное издание, несколько экзотическое. Называется оно «Институциональная память и постсоветский архив». Мы с коллегами из историко-архивного института устроили семинар, это тоже способ работы нашего центра. По результатам семинара, дополнив его еще материалами, выпустили это издание.

Ю.С.Пивоваров: Я хочу добавить к тому, что сказала Ирина Игоревна, потому что я директор учреждения, в котором действует Центр россиеведения. Мы не держимся за термин «россиеведение», но у него есть историческая связка. Впервые этот термин на русском языке использовал выдающийся русский мыслитель П.Н. Савицкий. Это евразиец, один из столпов евразийства, в 1928 году он жил в Праге. Это перевод с немецкого *Russlandskunde*. Потом это стало называться *Russian studies* в английском языке. В этом смысле у нас есть какие-то примеры. Я недавно сказал о Савицком и евразийцах, что эти издания и их авторы не разделяют ни современных, ни даже классических евразийских идей. Тем не менее мы пересекаемся с классическими евразийцами в том, что счита-

ем Россию особым культурно-историческим типом, в ключе Данилевского, Шпенглера, Тойнби. В этом смысле есть термины «ориенталистика» или «китаеведение». Не всегда наука западная может объяснить процессы в странах незападного типа, например, России. Я всегда в лекциях студентам говорю о том, что хотя мы и переводим слово «государство» английским словом *state*, но за этим кроются совершенно разные субстанции: одна организация власти там, другая – здесь. Отсюда вытекает, что россиеведение – это как раз тема проработки советского прошлого.

Мы считаем, что современная социальная российская наука должна объяснить, что произошло со страной за столетие. Почему вышло так, а не иначе? В чем причины развала Советского Союза? Почему он не смог реформироваться? У нас показывают в сторону Китая. Мне кажется, это не вполне корректное сравнение, поскольку мы не китайцы. Что еще принципиально важно: мы не отказываемся от поиска единой объединяющей теории. Мы – это участники этих трудов, совершенно разные люди по возрасту, профессии, воззрениям. У нас несколько месяцев назад выступал на семинаре Ю.Н. Афанасьев. Помните такого деятеля поры перестройки? Он закончил свое выступление тем, что если сейчас вернуться в 1987 год, то что бы он сделал? Арестовал бы Афанасьева, Попова, Ельцина и всех бы расстрелял, потом что они преступники против России, против российского народа. Мне стало так стыдно это слушать. Он пожилой человек, странное такое русское покорение, по Достоевскому... У нас сейчас совершенно разные меняющиеся люди в этом семинаре. Мы отказываемся вообще от попытки дать единую разъясняющую концепцию. Мы развиваем POSSIBILITY-подход, то есть возможностный подход. Это то, что мы сможем понять, если создадим разного рода концепции, которые покажут Россию с одной, другой, третьей и всех остальных сторон. Глубочайшая ошибка нашей эпохи состояла в том, что будто бы одна идеология, одна научная картина мира может объяснить все. Я имею ввиду марксистско-ленинскую идеологию, но могла быть и другая.

Это качество объединяет людей, которые пишут труды по россиеведению. Также мы выпускаем справочник по россиеведению. Туда может записаться любой человек, который считает себя россиеведом, не важно, чем он занимается – географией или историей. И поскольку мы юная информационная организация, мы будем выпускать монографии. К сожалению, нам не удалось привезти том за 2012 год.

В.П.Макаренко: Я уже говорил, что все продолжается благодаря чтению. В январе месяце я прочел книгу под названием «Там, внутри.

Практики внутренней колонизации в культурной истории России». Мне сразу захотелось познакомиться с ее авторами, прежде всего с редакторами. Она вышла под редакцией Александра Эткинда (он представляет Санкт-Петербургский университет и университет Кембриджа), Дирка Уффельмана (университет Пассау в Германии), Ильи Кукулина (Научно-исследовательский университет – Высшая школа экономики). Илья Кукулин – это поэт, литературный критик, интересный и разносторонний человек. Мне захотелось вступить с ним в оперативный контакт. Я списался с Ильей Владимировичем и пригласил его к нам. Мы все здесь с вами в первую очередь читатели, а он редактор и автор интересной книги.

Есть и личные познавательные мотивы. В 1990-е годы я обратил внимание на работы Александра Эткинда, в том числе на его концепцию внутренней колонизации. Я давно занимаюсь проблемой бюрократии вообще и российской в частности. И обнаружил, что правительственный аппарат обычно относится к своей собственной стране как к колонии. В сборнике «Там, внутри» я нашел множество совпадений с моими работами. Кроме упомянутых трех редакторов в сборнике участвуют еще более двух десятков авторов из разных стран. Илья Владимирович Кукулин представит это издание.

А.М.Старостин. Виктор Павлович, прошло две информации, вопросы можно задавать или это не предусмотрено?

В.П.Макаренко: Можно, даже задним числом.

И.В.Кукулин: Добрый день! В 1900 году в Париже открылась очередная Всемирная выставка, в ту пору эти зрелища пользовались огромным успехом. На выставке за полгода побывало 50 млн. человек. На ней была улица Наций. Это была большая дорога, специально построенная в Париже к этому моменту. Вдоль нее были построены павильоны в национальном стиле, изображающие крупнейшие европейские державы в их национальном стиле, с их национально-характерными особенностями, народными промыслами, экономическими достижениями. К удивлению многих наблюдателей, Россия на улице Наций представлена не была. Там стоял павильон Финляндии, которая была колонией России.

Где была Россия? В известном парижском парке, там были представлены колонии или экзотические страны (например, Китай). В этом месте находился огромный павильон азиатской России. В павильоне были представлены огромные экспозиции, посвященные Сибири, в частности Транссибирской железной дороге. Был также отдел Северного Кавказа и Средней Азии. Никакой репрезентации собственно европейской Рос-

сии на выставке не было. Трактовка этого явления была абсолютно разной, от разных, в том числе и российских наблюдателей. Одни говорили, что Россия представляет себя как собственную колонию, другие говорили – Россия представлена самым большим павильоном. И это была единственная страна, про позиционирование которой на выставке писали по-разному.

Я сейчас пересказываю одну из статей этой книги, написанную американским историком культуры Ириной Шевеленко. Этот небольшой эпизод является окошечком к пониманию российской истории. Россия на протяжении многих веков фактически действовала как колониальная держава, покоряя области, которые затем присоединяла к себе. Но при этом покоренные области не воспринимались как колонии. Попытки завести в России министерство колоний наталкивались на серьезное сопротивление со стороны императорского двора. При этом происходила постоянная путаница внешнего и внутреннего. Например, города в Белоруссии, населенные белорусами и евреями, считались традиционно русскими городами. В публицистике было принято обижаться на то, что евреев там слишком много. Причем, много не столько в абсолютном количестве, сколько в процентном отношении. Русских должно быть больше! – и это сетование фиксирует не какие-то специальные экономические интересы России, а, скорее, растерянность. Город, воспринимаемый как исконно русский, таковым по факту не являлся.

В истории России было много таких феноменов, но самым тяжелым был феномен, связанный с крепостным крестьянством и крестьянством в целом. С русским крестьянством государство обращалось абсолютно как с покоренным народом. У либерально мыслящих людей, будущих декабристов в начале XIX века, а до этого и у Александра Радищева, было сравнение русских крестьян с американскими рабами-африканцами. Но американских рабов в Америку специально везли, а русские крестьяне родились и выросли ровно на том же месте, где и русские властители. Фактически в России применялся колониальный метод управления людьми по отношению к тем, кто формально колонией не являлся, но населял внутреннее пространство империи. В то же время, как писал историк Ключевский, в России ось – центр-периферия. Что это значит? Что столица новая была построена Петром I в конце XVII – начале XVIII века на самой окраине империи. Там был центр, а периферия оказывалась всеми странами, входящими в состав империи. Все однородные феномены, о которых я говорю, связаны с феноменом внутренней колонизации.

Теперь позвольте прочитать аннотацию к этой книге. «Внутренняя колонизация есть применение практик колониального управления и знания внутри политических границ государства. Это особый тип отношений между государством и подданными, при котором государство относится к подданным как к покоренным в ходе завоевания, а к собственной территории – как к захваченной и загадочной, требующей заселения и «окультуривания», направляемых из одного центра. Такой тип господства использовался многими империями и особенно характерен для России. Поэтому изучение внутренней колонизации позволяет увидеть в новом свете важнейшие особенности российской политики, общественной жизни, литературы и искусства XVIII–XXI веков».

Этот способ управления применялся в различных европейских державах. Большинство европейских держав складывались как полиэтнические. Франция в ходе своего развития поглотила (и только потом опомнилась) бретонцев и многие другие небольшие этносы. Тем более крестьяне с большим опозданием были признаны такими же французами, как управляющие и дворяне. Существует классическая работа, которая называется «Из крестьян во французы». С другой стороны, существует классическая работа британского историка Майкла Хечтера, которая и дала новый импульс пониманию того, что есть внутренняя колонизация в европейской истории. Эта работа про то, как Англия управляла своими территориями, населенными другими, представителями других культур. Хечтер показал, что Британия в истории осознавалась как традиционная колониальная империя, в которой в одном месте метрополия, в другом – колония.

Понятие внутренней колонизации становится все более популярным в истории европейских стран. Однако существует важное отличие России от этих стран. Оно связано с тем, что в России эта практика управления существовала на протяжении многих веков, использовалась как инструмент для фокусирования особенностей. Разрыв между управляющими и управляемыми все время форсировался и искусственно усиливался. Напомню опять же известную работу Янни Коцонис «Как крестьян делали отсталыми». Сама идея, что крестьян делали отсталыми, представляли как отсталых, была очень важна. И здесь Россия является для меня как одного из редакторов-составителей этого сборника европейской страной. Просто Россия – это единственная колониальная империя, дожившая до наших дней. Не знаю, сколько еще она продержится в качестве континентальной империи, на уровне с Австро-Венгрией и Османской

империями. Континентальная империя – это империя, которая основные свои владения присоединяет к себе и потом не может отличить, где у нее свое, а где – чужое. Вот Австро-Венгрия и Османская империя – это были те страны, которые таким образом и функционировали.

Теперь хочу еще одну важную вещь сказать. Конечно, внутренняя колонизация при Советском Союзе никуда не делась, но была вывернута наизнанку таким образом, который описал канадский историк Терри Мартин в своей книжке, которая неправильно на русский язык переведена, «Империя положительного действия» – Empire of affirmative action, а должна была быть переведена как «Империя положительной дискриминации». Что это означает? С одной стороны, в Советском Союзе было прокламировано равноправие всех народов. С другой стороны, советские элиты занимались усиленным государственным и национальным строительством. Было провозглашено, что у каждого человека есть своя национальность, подобно тому, как у каждого человека есть пол от природы.

С 1938 года в паспортах уже нельзя было выбирать национальность. До этого был указ 1932 года, что человек может иметь только ту национальность, которую имеют его родители. А люди от смешанных браков должны были выбирать национальность одного из родителей. С этого времени началось, возобновилось и усилилось все большее стремление государства к колонизации собственной территории. Это проявилось и в методах управления другими автономными и союзными республиками, также в использовании своего собственного населения для колонизации Сибири – я имею в виду ГУЛАГ. Кроме того, что он был мучением для миллионов наших сограждан, но это был также самый варварский и насильственный из всех возможных способов освоить экономически сибирские пространства.

Практика управления, которая сложилась на протяжении многих веков, продолжает действовать и сейчас. Мы видим сопротивление внутренней колонизации во многих региональных движениях, которые сейчас есть в России. Как правило, они вызывают дикие скандалы и публичные дискуссии, а иногда и репрессии. Само наличие таких сепаратистских движений внутри русских (например, движение за автономизацию Сибири) совершенно не случайно, но эта проблема не решена.

Еще один важный аспект проблемы состоит в том, что внутренняя колонизация в России оказала большое влияние на русскую культуру, потому что русские писатели выступали в роли антиколониальных. Об этом подробно и много в своих статьях и книгах писал Александр Эт-

кинд. Кроме книги, о которой сегодня идет речь, Александр Эткинд написал отдельную книгу, которая называется «Внутренняя колонизация в России». Вышла она в 2011 году. В настоящий момент осуществляется перевод книги, надеюсь, в конце этого года или в начале следующего она выйдет в издательстве НЛО. Антиколониальным писателем можно считать Радищева и многих других писателей, которые часто совмещали в себе апологию империи и равенство, прославляя движение народов против бюрократического и имперского контроля. Это могло совмещаться в одном сознании, даже в одном произведении, например, в «Капитанской дочке».

Я стараюсь показать, что сила противодействия государственной колониальной политике проявляется у русских писателей и писателей, которые отождествляют себя с русской культурой или с другой культурой, но пишут по-русски. Она проявляется вплоть до настоящего момента. Это можно заметить у Фазилия Искандера, который занимал сложную позицию русско-абхазского писателя. А также у русских писателей, которые пишут сейчас и часто еще не слишком известны.

Теперь скажу о составе книги. Она подготовлена на основе конференции, которая прошла в 2010 году, в германском городе Пассау, это самый юг Германии, граница Германии и Австрии, до XIX века город принадлежал Австро-Венгрии. В этом городе состоялась международная конференция. Ее организаторами являются Александр Эткинд и Дирк Уффельманн, профессор, проректор по учебной работе университета Пассау. На этой основе был создан сборник. Кроме того, написали статьи ряд людей, в конференции не участвовавших; потом они выразили интерес и приняли участие. Здесь есть работы российских, японских, украинских, немецких, американских ученых и ученых из других стран.

На мой взгляд, здесь очень интересный раздел про Украину и Белоруссию. Потому что в России Украину и Белоруссию на протяжении многих веков отказывались считать отдельными культурами, а украинский и белорусский отказывались считать языками. Зато всячески подчеркивали различия между управляющими и бюрократическими группами России, Белоруссии, Украины, с одной стороны, и подвластными крестьянами – с другой. Это различие оказывалось гораздо важнее, чем различие культурное. В свою очередь, культурные различия форсировались националистическими кругами всех указанных стран. Процесс заслуживает изучения, которое начато в книге.

И последнее, что я хотел сказать. Мне особенно приятно оказаться в Ростове, потому что здесь разворачивался один из интереснейших проектов по внутренней колонизации, захвативший юг России и территорию нынешней Украины. Это так называемый греческий проект Екатерины II, которая планировала юг России и Крым сделать своего рода местным возрождением древнегреческого духа, который свяжет Россию с Грецией, союзницей России, как тогда предполагалось. Реализация греческого проекта повлекла за собой множество разнообразных стихотворений, политических платформ и иных текстов. Она подробно описана в книге Андрея Леонидовича Зорина «Кормя двуглавого орла...», – аллюзия на известную строку Тютчева. Это рассказ об идеологии правящих элит России в конце XVIII – начале XIX века. Описана связь идеологии с литературой, литературные произведения оказывались очень важными для формирования идеологии. В ряде литературных произведений был разработан способ представления юга России и областей, граничащих с Крымом, как новой и одновременно будущей Греции, которая вступит в контакт с культурой Средиземноморья. Таков был способ культурного оправдания, затушевывания и одновременно объяснения внутренней колонизации. Я надеюсь, что ростовские исследователи внесут свою лепту и скажут свое собственное слово в исследование этого процесса.

(Продолжительные аплодисменты; в них чувствуется душевный подъем аудитории, искренняя благодарность и солидарность большинства аудитории с докладчиком).

А.М.Старостин: У меня такой вопрос. По-моему, в 2011 году приезжал к нам Л.Д.Гудков. Да, Виктор Павлович?

В.П.Макаренко: Да, вместе с Борисом Владимировичем Дубиным.

А.М.Старостин: Он интересный доклад делал по разным социологическим замерам. Меня заинтересовала его теоретико-методологическая база, на основе которой все описывалось. Он отвечает – концепция тоталитаризма. Сейчас я вас слушаю, вы затронули другую тему, тему колониализма. Колониализм – это некий трансфер: насильственный, насильственный, добровольный. Позволяет ли концепция колониализма вскрыть некие внутренние факторы саморазвития в России?

И.В.Кукулин: В вашем вопросе скрыт целый комплекс вопросов. Первый аспект состоит в том, что вы употребили слово «колониализм», он предполагает некоторые учения...

В.П.Макаренко: Доктрины...

И.В.Кукулин: ... доктрину, которая оправдывает колонизацию. Я говорю скорее об управленческих практиках, которые описывались всегда традиционными колониалистскими доктринами. Сейчас они более затушевывались, чем в представленном мною проекте. Что касается саморазвития России, то именно в случае России слово «саморазвитие» является особенно соблазнительным в старом смысле этого слова. Оно скорее закрывает от нас некоторую картину, чем открывает ее. Я сейчас объясню, почему. Потому, что Россия – это страна, в которой на протяжении многих веков по целому ряду особых причин складывались конфликтные отношения между государством и обществом. И эта конфликтность также исторически затушевывалась. Более афористично одну из причин этой конфликтности описал мой научный руководитель Михаил Леонович Гаспаров, который сказал: «На том месте, где у Европы находится эпоха Возрождения, в России находится Иван Грозный». Я думаю, что под развитием России (подчеркиваю: не саморазвитием, а развитием), скрываются два процесса.

С одной стороны, насильственные процессы трансформации страны, которые предпринимали государственные и бюрократические элиты. С другой стороны, это процессы саморазвития общества, которые блокировались постоянным процессом «социоцида», как его назвал социолог Алексей Левинсон. Речь идет о блокировании любых самостоятельных, независимых от государства движений. На протяжении многих десятилетий и даже столетий граждан старались делать полностью подконтрольными и управляемыми. Напомню вам замечательный фельетон М.А.Добролюбова, который в 1860-е годы был напечатан в альманахе «Свисток». Он описывал, как администрация боролась с крестьянскими добровольными (подчеркиваю это) обществами трезвости, боясь, что это рассадник какой-нибудь секты.

В.П.Макаренко: Сегодня то же самое происходит с волонтерством.

И.В.Кукулин: Конечно. Процесс социоцида исходил от государства и чрезвычайно затруднял саморазвитие общества, потому что трава пробивалась сквозь асфальт. При этом трава наружу вылезала чахлая и, к сожалению, не вся. Такая довольно грустная история.

Что касается методологии, то разные участники сборника придерживаются разных методологических установок. Я говорю сам за себя. Для меня очень важным является составление репрезентации практик. С одной стороны, того, что происходит в литературе, как она моделирует действительность; с другой стороны, того, что происходит в нетекстовой

реальности и как происходит постоянное взаимодействие смыслами, процессами смысловыделения между практиками и реальностью. Но лично для меня (я не отвечаю за других авторов сборника) более близка историческая концепция позднего Мишеля Фуко 1970-х-начала 80-х, но с одной существенной оговоркой. Я стараюсь работать со многими процессами на уровне более микроскопическом. Все же Фуко гораздо реже анализировал тексты, гораздо меньше анализировал конкретные практики, а гораздо больше давал общую картину.

Ю.С.Пивоваров: Я не читал этой книги, поэтому мне трудно судить, о чем она. Меня немного смущает само употребление термина «внутренняя колонизация». Это не колониализм, а внутренняя колонизация. И вы только что сказали, что речь идет об управленческих практиках, не более того. Но если мы сравниваем русскую историю с историей Австро-Венгрии и Османской империи, мы увидим различный смысл управленческих практик и отличие от того, что вы говорили.

Во-первых, начнем с того, что едва элита российской империи задумалась о том (и вы это знаете наверняка), как управлять новыми территориями, то сразу (в конце 1810-х годов) вышла книга о колонии, ее написал маркиз Прадо, испанский государственный деятель. В книге были сформированы будущие принципы управления колониями, которые в XIX веке были развиты британцами и французами. Когда они переносили свои системы власти и культурные стандарты на народы, подчиненные им на время. Сперанский тогда был генерал-губернатором Сибири. В 1819 году ему прислали книгу Прадо, и Российская империя отказалась от применения колониальных практик. Она этим не занималась. С момента присоединения Сибири там оставались собственные способы управления. Более того, когда в XIX веке среди латышского и эстонского крестьянства начались движения за переход из протестантизма в православие, с тем чтобы уйти из-под власти немецких баронов, которые командовали ими, Николай I воспрепятствовал этому. Россия никогда не переносила способы управления на подчиненную Среднюю Азию, на Область Войска Донского, во все казачьи регионы. Не переносила также на управление крестьянское, Малороссию правобережную, там раньше начались процессы эмансипации. В этом смысле неверно отождествлять положение американских рабовладельцев и чернокожих в Америке с положением русских бар и крепостных. Потому что это был один этнос, одна культура, возможно, и расколота. Но речь не шла именно о колониальных управленческих практиках. Здесь возникают другие темы.

К чему я веду!? Мне кажется, что эта очень красивая и что-то, видимо, открывающая концепция, может и навредить. Здесь было иначе. Например, в Тифлисе никогда не запрещали говорить по-грузински, как в Праге запрещали говорить по-чешски. Мне кажется, что Россия как империя или некий субъект, который колонизирует нечто, – это иное, чем Османская империя, Австро-Венгрия, Британия, и процессы в России имеют свой характер. Таков мой вопрос.

И.В.Кукулин: Ответ на вопрос обещает быть длинным, поэтому прошу меня остановить, если я выйду за положенное время. Во-первых, по поводу рабов в Америке. Это все претензии к декабристам, это они сравнивают. Я не сказал, что я сравниваю. Я сказал, что реакция на внутриколониальные методы российского правящего класса, российских правящих элит выражалась именно в этом сравнении. Поэтому критика со стороны будущих декабристов в адрес крепостного права шла именно по тому же пути, по которому предлагаете идти вы.

Теперь следующий момент. Я говорю о том, что очень важно одновременно смотреть и на практики и на то, как они осмыслялись культурными и политическими элитами. Вы сначала сказали, что я говорю о практиках управления, не более того. «Не более того» я не говорил. Это практики управления, которые очень многое определяют, их специфику только предстоит выяснять, потому что они действовали по-разному в разных регионах России. С одной стороны, они были различны, с другой стороны, страшно экстраполировались на другие. Теперь о колониальных моментах управления. Повторяю еще раз: от них Россия декларативно отказывалась много раз и не только в лице Сперанского, но и в лице более поздних администраторов. Однако, как показал кавказовед Владимир Бобров, он был заведующим сектором Кавказа Института этнографии Академии Наук, методы управления на Северном Кавказе очень часто были скопированы с методов управления во французском Алжире. В Тбилиси не запрещали говорить по-грузински, но вот в Украине запрещали печатать по-украински. Известное выражение: никакого украинского языка не было, нет, и, я надеюсь, не будет.

Что же касается переноса практик управления, то он иногда бывал довольно неожиданным и требует внимательного междисциплинарного исследования. Например, меня в свое время страшно впечатлил факт: как Россия управляла алеутами на Аляске (которая долгое время была колонией России, потом она была уступлена США)!? Брали заложников – аманатов. Аманаты – это тюркское слово, обозначающее не только «за-

ложник», но и «доверенный на хранение». Изначально это слово пришло на Русь из Орды. Брать заложников – таков был способ ордынского управления Русью. Потом это слово постоянно использовалось в кавказской политике России. Того, кого брали в заложники, называли аманатами. И такая же практика управления диким народом (как полагали администраторы – диким) была перенесена и на Аляску. Более того, даже с использованием того же самого слова, которое на Аляске вовсе было неизвестно.

Безусловно, в России было огромное разнообразие практик, вероятно, большее, чем в Османской империи и в Австро-Венгрии. Часть из них была самородной, а часть – импортированной. Все это разнообразие сейчас предстоит осмыслить заново. Свести своего рода если не периодическую систему, то, по крайней мере, каталог.

По поводу внутренней колонизации: что она что-то открывает, что-то закрывает... Подобно любой сильной научной метафоре она позволяет что-то открыть, а что-то закрыть. Наша задача, действительно, чтобы мы владели метафорой, а не метафора нами. Мы еще не вышли сильно за ее границы, и мы в книге специально уделили этому место.

А.Г.Дружинин: Во-первых, мне показалось очень интересным выступление нашего московского коллеги. Книги я тоже, к сожалению, не читал, но я знаю взгляды моего коллеги Родомана, который писал о колониализме, о московской неоколониальной войне. Действительно, очень интересно сфокусировано в этом исследовании данные. Проблематика, на мой взгляд, универсальная, масштабная, очень хорошо иллюстрирующая наши практики: политические, территориального управления не только России, но и мира в целом. Я исследую эту проблематику тоже параллельно, здесь в Ростове. Я использую другое понятие – метрополизации. Я понимаю под этим концентрацию политической власти и экономического потенциала в крупнейших городах и их способность навязывать свою волю, свои интересы остальной периферии. Это немного другое, но фактически о том же.

Что касается самих идей, которые были здесь озвучены. Мы с вами все здесь представители интеллектуальной элиты, обществоведы. Мы говорим сегодня об осмыслении советского прошлого. Нам как-то очень навязчиво навязывают понимание России как империи. Территории, которые у нее находятся – это колонии. Это идет не только из наших обществоведческих центров, это идет из заграницы. Я очень часто общаюсь с зарубежными коллегами, в частности, французские политологи это тоже

говорили относительно ситуации на Кавказе. В том числе Жан Радвани, которого Юрий Сергеевич хорошо знает. Он соседствовал с ним три года на его территории. Что здесь существенно и мне кажется важным? Проблема дезинтеграции России как таковой; это уже не научный концепт, не дискуссия в узком кругу. Мы пережили с вами распад СССР, по-разному можно относиться к той системе, но распад единой страны для многих, в том числе и за границей России, это по-настоящему трагедия, это надо пережить, огромная потеря для русского народа и русской культуры. С точки зрения россиеведения это тоже надо признать.

Как-то на досуге я задался вопросом: посчитать, каковы экономические последствия выделения Ростовской области из состава России. Много сейчас говорят о том, что есть некая территориальная несправедливость, что валовый региональный продукт приближается к уровню Калифорнии, а мы с вами находимся на уровне Сербии. Что получилось в результате этих расчетов, когда я просуммировал все побочные эффекты? А то, что мы провалились в своем экономическом развитии на уровень где-то между Албанией и Египтом. Вот представьте! Потери приблизительно в 50% того, что мы сейчас имеем. Я не беру даже сейчас во внимание деперераспределительные эффекты, которые существуют в нынешней России, которые повышают уровень жизни. Вот экономическая только цена. Не культурная, не психологическая, не какая-либо иная того, чего стоят эти наши разговоры по поводу колониальной сущности современной России и колонизации. Необходимо другие слова использовать, вот они могут воплотиться в какие-то практические решения. Конечно, Россия не та колония, которой была Великобритания, Швеция. К нашей истории, нашей географии нужно относиться тонко, понимая нашу исключительность, как у любой другой территории, как и любой другой культуры. Вот что я хотел сказать.

И.В.Кукулин: В этом высказывании меня косвенно обвиняют за то, что я один из адептов понимания России как империи. Поэтому скажу о своих резонах: почему я об этом говорю. Мне представляется чрезвычайно важным то, о чем мы говорим. Это не только разговоры, это некоторая общественная работа. Я совершенно не знаю, как и все присутствующие здесь, что день грядущий нам готовит. Мне кажется, вопрос не в том, хорошо или плохо распался СССР. Важно зафиксировать иное: распад был неизбежен при тех практиках управления, которые в нем существовали. С одной стороны, хорошо, что СССР не распался так, как Югославия, со стрельбой. С другой стороны, плохо, что сам процесс его рас-

пада породил большое взаимное психологическое, культурное отчуждение, которое препятствует налаживанию связей на новом уровне – горизонтальном. Я думаю, то, что мы обсуждаем, чрезвычайно важно. Что нас в будущем может спасти, независимо от того, что будет с Россией? Я думаю, возможность наладить взаимные связи в обществе по горизонтали, минуя власть, сосредоточенную в Москве для многих людей, которые живут за пределами Москвы. Надо наладить процессы самоорганизации в обществе, при котором и московские ученые не являются гостями от начальства, а равноправными контекстуальными партнерами. Такого рода общественная и научная работа позволит нам понимать наше пространство как интеллектуальное и культурное, но не интимное, не унифицированное, а внутренне связанное, в котором разные интеллектуальные, культурные узлы нужны друг другу.

Именно такая работа позволяет нам выйти из наследия империи, которой была Россия, которой, к сожалению, остался СССР. Именно такая работа позволит нам воспринимать друг друга в качестве независимых личностей. И независимых научных центров, имеющих право на собственное мнение, которые будут работать по-разному. Мы все разные, и это важно. Вот что я хотел сказать.

А.М.Старостин: Коллеги! Вначале маленькая реплика, а потом к Юрию Сергеевичу у меня будет вопрос. Реплика относительно соотношения управленческой практики и концептов теоретических, которые мы предъявляем. Мне кажется, что мы не находимся на той стадии, когда мы уже можем предъявить некие законченные концепты или практики управления. Но это происходит само собой. Пока еще процесс не завершен, пока все варится на «кухне», то есть, еще не готово. Но уже есть группы, которые берут и запускают ту или иную версию. Мы в итоге движемся неэффективно, а как называется такой исторический эксперимент?

И.В.Кукулин: Процесс, о котором вы сейчас говорите, независимо от того, как к нему относиться, в первую очередь связан с тем, что в нашем интеллектуальном сообществе принято фетишизировать практики управления как таковые. Потому что до сих пор в России «все зависит от начальства». Я думаю, было бы гораздо важнее, чтобы плоды нашей научной работы влияли не на практики управления, а на общественную жизнь. На ту самую траву, которая лезет из-под асфальта. На процессы осознания обществом своих возможностей, чтобы управленческие практики уже взаимодействовали не с массой атомизированных инди-

видов, телезрителей, а с массой людей, которые осознали друг друга, что они друг другу нужны и могут друг другу помочь. Вот почему они друг другу нужны, в силу разности того, что их объединяет, какие они смыслы могут вместе рождать. На понимание этого влияет научная работа.

А.М.Старостин: В связи с вашим обзором и дополнением – вопрос к обоим докладчикам. Теоретическая физика 70 лет занималась поиском единой теории. И, в конце концов, она к ней приблизилась...

В.П.Макаренко: Я думал, физики уже бросили эту затею...

А.М.Старостин: Нет, физика приблизилась к решению задачи, представленной А. Эйнштейном. Затем 4 типа взаимодействия, которые были потом выделены, их стали попарно как-то группировать. И стандартная теория всего сформировалась. Физики еще не уверены, что это окончательный результат, но его уже можно каким-то образом накладывать на объективную реальность. Если проводить аналогию с историческим процессом, мы видим, что когнитивно процесс исторического познания далек от единой теории. Хотя мы чувствуем, что без единой теории мы этот процесс не будем до конца понимать.

У вас и у вашего работника или сотрудника, руководителя центра, был тезис о том, что мы находимся в такой парадигмальной ситуации и в области теории, и в области эмпирических фактов. Есть ряд направлений, которые трудно состыковать. То есть, они могут рассматриваться как дополняющие друг друга по принципу соответствия, могут быть и другие версии. Наблюдаете ли вы в российском исследовании конвергентные процессы, то есть сближение тех или иных парадигм? Или сам материал, который с этой позиции изучается, не готов? Вот мы сейчас слушали сообщение. В нем представлен один из любопытных подходов, но это, скорее всего, западочентричный подход. Он имеет право на жизнь как инструментальный. Готов ли материал, чтобы доказать этот факт? Состыкуется ли этот подход с теми, которые есть параллельно?

Ю.С.Пивоваров: Вы знаете, я, скорее всего, не смогу ответить на ваш вопрос. Он задан таким образом, что мои мозги не в состоянии состыковать то, о чем вы говорите. Я не шучу, я это серьезно говорю. Во-первых, я думаю, что общей большой теории всего не может быть по одной простой причине. Общая теория может быть в мире неживой материи. История, общество зависит от свободной воли человека. Гуманитарные и социальные науки, в первую очередь, изучают поведение человека, а человек – существо свободное, в том смысле, что есть свобода воли. В этом смысле таких законов в гуманитарных науках нет. Есть традиции,

культурные коды, хотя это уже метафора. Есть свобода воли. И как такая общая большая теория может объяснить, учитывать свободу воли...

В.П.Макаренко: Отклонение...

Ю.С.Пивоваров: Да, ... и неожиданность ее. Вот уперлись русские люди в декабре 1941 года под Москвой, немцы не взяли Москву. А не уперлись бы – немцы взяли бы Москву. Вот это есть свобода воли. В 1917 году сдали все командующие фронтами Николая 11 – и началась революция... Конечно, были закономерности, которым нас еще в школе учили. Но многолетний опыт историка показывает (мне показывает, я никому не навязываю свою точку зрения): никакой общей теории быть не может. Я очень далек от этого. Само представление об этом – какие-то позавчерашние попытки посмотреть на мир. Если вы спросите меня «кто ты?», я отвечу: я – либерал, государственный, почвенник, западник, славянофил, христианский демократ и социал-демократ одновременно. Мировоззрение современного человека строится как-то по-другому. Я не могу сказать: я за парламентскую республику или за монархию. Мне кажется, что сознание человека (особенно исследователя) построено каким-то другим образом.

Зато я уверен, что современное почвенничество приведет к русскому национал-социализму. Я в молодые годы сам был почвенником. Занимался славянофилами, и верил во все это. Я прошел через это искушение, на себе понял, в конце концов, что это приведет к какому-нибудь варианту русского национал-социализма. Тупое западничество – перенос американских экономических моделей на русскую экономику – тоже сорвалось. Перенос марксизма на русскую почву тоже взорвался, пришлось что-то менять. Эти вещи уже давно опробованы, но они не могут быть кодами для будущего, ключами для будущего...

В.П.Макаренко: Указующими перстами...

Ю.С.Пивоваров: Вообще наука не занимается подобными указующими перстами. В этом смысле я не знаю, что ответить. Вот что очень интересно, не знаю, обратили ли вы внимание. Илья Владимирович цитировал великого русского ученого Гаспарова, по крайней мере, выдающегося. Что в Европе было Возрождение, у нас – Иван Грозный. Здесь, при всем моем уважении к Гаспарову, заложена тенденция, неправильные ноты. Да, конечно, у нас не было Возрождения. Возрождения нигде не было, кроме Европы, ни в одной другой культуре. Это сугубо европейский феномен. Поэтому мы не можем, хотя бы в мягкой, вежливой форме сказать русскому прошлому, что у него не было Возрождения. Да, рус-

ская культура не выработала Возрождения, она выработала что-то иное. Мы можем попытаться ответить на вопрос: почему не было Возрождения и почему был Иван Грозный? Этот вопрос мы можем адресовать целому ряду исследователей, которые хотят понять русский исторический ход путем выявления неких дефицитов. Русская культура – это не каталог дефицитов, это каталог своих нормативных особенностей эпох. К Ивану Грозному как человек и историк я отношусь глубоко отрицательно. Но это был в известном смысле возможный переход русской истории. Из него очень многое вычитывается дальше. Скорее нужно понять это, нежели провозглашать: в России не было Возрождения.

Или ваша метафора: трава из-под асфальта. Значит, власть – это асфальт, а общество – трава? Я думаю, это не так. Власть такой же органический продукт общества, как и культура. То есть, сейчас, хм-м (*с иронией*) мы будем дискутировать до ночи. (*Обращаясь к А.М.Старостину*): Это вы спровоцировали, господин профессор. Пусть за меня ответит Илья Владимирович.

И.В.Кукулин: Поневоле приходится использовать такие лобовые метафоры. Я асфальтом называл не собственно власть, а результат воздействия власти на общество. С другой оптикой, безусловно, власть неотделима от общества. Та концепция, которая описана в нашей книге, показывает, какие методы общество противопоставляло власти. В результате этого противопоставления и происходит такой же силы столкновение, столкновение живого и неживого, травы и асфальта. Что же касается каталога дефицитов, для меня то, что вы, Юрий Сергеевич, говорите, является серьезной научной проблемой, она очень актуальна. Мне кажется, мысль, что в России не было Возрождения, достаточно значима и неотделима от другого вопроса: что было? Вот, безусловно! И что в истории России позволяло тому, что все-таки современную русскую культуру мы можем считать либо европейской, как я думаю; либо равнозначной европейской, как считают другие коллеги? Что привело к тому, что современная русская культура оказалась настолько сильной?

Я полагаю, что запреты не способствуют развитию культуры. Мне кажется, это произошло за счет некоторых ресурсов развития культуры и общества, которые были, которые до сих пор не изучены. Существуют только отдельные фрагменты. У меня, например, одним из таких фрагментов в изучении является ранняя работа В.О. Ключевского «Добрые люди древней Руси». Абсолютно классическая работа, всем здесь известная. Но как элемент, такое исследование того, что у нас было. Элемент очень значимой парадигмы, который, может быть, актуален сегодня.

В.П.Макаренко: Разрешите высказаться по общему вопросу. Одна из целей деятельности нашего Центра состоит в том, чтобы привлекать в Ростов-на-Дону возрастную когорту 40-45-летних ученых. Илья Кукулин – блестящий представитель той крохотной части поколения, которая в 1990-е годы в сфере гуманитарных наук, одной из самых махровых советских сфер, – когда в там называемом «российском обществе» возник полный швах и полный крах – за 10-15 лет сумела выйти на международный уровень. Здесь несколько раз был Антон Олейник – российско-канадский и канадо-российский экономист, социолог, политолог. Илья Кукулин также принадлежит к этой когорте. Независимо от обстоятельств эти люди сделали себе имя в международной науке. Они пробились сквозь асфальт. Эти крохотные былинки уже стали деревьями. Мне чрезвычайно приятно, что я могу здесь сослаться на то, что в армии называется принцип сержанта: «Делай, как я». На мой взгляд, все присутствующие здесь (особенно молодежь) должны учиться у этих 40-45-летних коллег, поколение которых представляет Илья Кукулин. Мне это чрезвычайно радостно, это вдохновляет. Мы можем только восхищаться, когда приходит другое поколение, когда видишь таких зубастых, энергичных, прекрасных, интеллектуальных ребят. Ведь в Ростове (как и везде) махровой публики с претензией на интеллектуализм тоже хватает. А коллегам из моего поколения я хотел бы напомнить строчки Ильи Сельвинского:

К чему нам ум церковных старост,
рачительных и грузных бирюков?

Большое спасибо, Илья Владимирович! Одновременно обращаю внимание на совпадение ума церковных старост с поведением волков...

А.Н.Ерыгин: Начавшаяся презентация работ интересна сама по себе. Необходимо вникнуть, внимательно изучить эти работы, это само собой ясно. Но я соединил выступление Ирины Игоревны с выступлением Юрия Сергеевича, поскольку они представляют россиеведческий подход. Они дают один взгляд и представляют другое поколение. Действительно, международные и новые имена молодого поколения – это хорошо и просто замечательно. Но хорошо бы не забывать и замечательное старое. Потому что оно также имеет свой международный и всякий иной вес. А в науке, по хорошему счету, не имеет значения, сделано или не сделано имя в науке в официальных структурах. Сегодня оно предстает в скромном каком-нибудь мальчике, который что-то здесь скажет,

а нам всем, и старым и средним и совсем молодым, придется к этому отнести иначе.

Ситуация приобретает проблемный, теоретический характер двух представленных различных новаций в области изучения России. Подход Юрия Сергеевича и Ирины Игоревны представляет нам некоторый наднациональный, надцивилизационный подход, в рамках которого Россия мыслится как целое – исторически и во всех своих проявлениях. Мне особенно импонирует у Юрия Сергеевича тот аспект, где свободная человеческая воля показывает себя как основное направление, которое в человеческой жизни все-таки есть. Есть оно – есть и человеческая история. Нет ее – все объективные наши процессы можем бросить на свалку, нам они окажутся ненужными.

Илья Владимирович говорит очень интересно о внутренней колонизации России. У него были предшественники в области исторической географии, исторической науки. Я в данном случае говорю о нем как представителе этой группы. Но возникает вопрос. Есть новые неиспользованные модели, близкие к тому, о чем он говорил. Виктор Павлович будет делать доклад, не знаю, скажет он о них или нет. Напомню о модели первичной географической экспансии, которые использовал М.К. Петров. Он не использовал слова «колонизация», зато приоткрыл немного большее понимание. Стоит убрать слово «внутренняя колонизация» и сказать о каких-то миграционных процессах и темах управленческих практик. Соотношение высших и нижних, попыток восстановить империю, вооружиться против нее, – они как-то повисают в воздухе. Но главное – повисает в воздухе та исходная модель, в силу которой Россия берется не как целое, а как фрагмент, часть, например, как внутренняя колонизация. А потом от нее плясать, выходить на Англию, Францию, на что-то другое колониальное; сравнивать, противопоставлять, говорить о разнообразии. О том, что впереди много возможностей для изучения. Все прекрасно, кроме одного.

Возьмем простой факт, который уже прозвучал. Юрий Сергеевич раньше прореагировал на слова Гаспарова о России без Возрождения, но России с Иваном Грозным. Во-первых, даже России с Иваном Грозным менее полутысячи лет. Если вся концепция, которую мы увидели в этой книге, полезна и ценна в своих частных проявлениях, представляет нам эту Россию, то так и надо говорить. Что это взгляд на какую-то Россию, избранную, отделенную от России. А другая Россия насчитывает более полутысячи лет. И эта Россия не фигурирует. Стыковка как раз-таки этих

двух России и происходит в эпоху Грозного. Но как блестяще показал Леонид Баткин, и в Европе Возрождения не было. Настоящее Возрождение было только в Италии. Весь комплекс его работ и работ его школы направлен на обоснование этой идеи. Я хочу напомнить, что не только у России не было Возрождения, его не было и в Европе. Если его не было и в Европе, то это уникальный исторический тип. Если это уникальное явление, то как мерить такие же уникальные вещи посредством этого? У России не было такого Возрождения. Но давайте пригласим сегодня специалистов по истории, истории русской философии, специалистов по древнерусской культуре. Если хотя бы один из них услышал, что здесь говорится, они бы ахнули от научной необразованности всего того, что здесь звучит. Как это в России не было Возрождения? Много работ показывает, что возрожденческие элементы, тенденции, линии были и в Белоруссии и в Украине. Это, так сказать, внешняя привязка, не надо жестких радикальных высказываний. Не было – было; в какой степени – в слабой. Но было, это в науке доказано. А было ли что-то аналогичное Возрождению в смысле значимости культурного социального мировоззренческого явления в России? Это Возрождение иного рода. Разве этого не было? И разве соответствующая культура, разве Рублевская троица не появилась? Так чем же это Возрождение хуже того, которое было в Италии? Да ничем. Оно не хуже и не лучше. Оно – наше русское Возрождение с восточно-христианским оттенком, восстанавливающее личность в ее полноте и ценности.

Из двух подходов, в этих книгах обозначившихся, мне явно импонирует россиеведческий общетеоретический подход, очень мягкий, очень научный в строгом смысле этого слова, допускающий множество всяких вариаций, без жесткого настаивания на каких-то восточных, западных, евразийских вариантах. Он больше обеспечивает наднациональный, надцивилизационный взгляд на Россию как целое в ее исторически-временной и содержательно-культурной полноте, чем подход фрагментарный, выбирающий из России что-либо и выставляющий его как важную метафору. Она ценна и многое здесь было сказано великолепно, под многим можно подписаться. Но как крупная теоретическая модель для понимания России – это явно вещь другого рода, не допускающая общего взгляда на Россию.

В.П.Макаренко: Юрий Сергеевич, Илья Владимирович, вы будете отвечать на эти возражения?

Ю.С.Пивоваров: Нет. Главное, чтобы другие говорили.

В.П.Макаренко: Прекрасно, что все завязалось и запылало. Надеюсь, это превратится в ровный пожар, на который стоит посмотреть. Турецкий писатель Орхан Памук пишет, что он любил смотреть, как пылают ветхие дома старого Стамбула. Это было целое культурное явление в этом городе – ходить любоваться на пожары. Но как говорил мой студент: «А нищим пожар не страшен, взял котомку и пошел в другую деревню». Разрешите предоставить слово Сергею Алексеевичу Денисову, Екатеринбург, Россия, Гуманитарный университет. Должен сказать, что мы с Сергеем Алексеевичем коллеги. Он тоже занимается изучением бюрократического или административного общества, написал интересную книжку, которую я целиком, к сожалению, еще не проштудировал, но непременно это сделаю, спустя некоторое время. Хочу также напомнить, что в ноябре месяце у нас из Екатеринбурга была Елена Германовна Трубина – главный докладчик на семинаре «Город как объект теории». Постепенно завязываются теплые связи с Уралом.

С.А.Денисов: Я вынужден сделать маленькую поправку, мы с Виктором Павловичем не очень договорились. Я не смогу представить издания в сфере гуманитарных наук Урала. Расскажу о трех книгах, которые написал. Первая называется «Административизация правовой системы. Влияние обособленных управленческих групп на правовую систему общества». Вторая – «Общая теория административного государства», обе вышли в 2010 году. Все издано в Екатеринбурге, в нашем гуманитарном университете, который я представляю. Хочу пояснить, зачем они нужны. Я юрист по образованию, в юриспруденции есть теория государства и права. Объект ее исследования самый широчайший, происхождение правовой системы государства, начиная с самых основ до современных явлений. Отсюда ясно, какое разнообразие обществ, государств, правовых систем надо оценить. Ни один историк с этим не справится. Это такой очень абстрактный и поверхностный подход, когда все огромное многообразие надо очень сжато описать. И возникает проблема: как мерить будем!? Какими единицами будем измерять все это многообразие, чтобы его описать и структурировать? Я хотел вспомнить старый советский мультфильм, там удава мерили слоненками либо попугаями. И я бы хотел обратить внимание на то, что само измерение имеет ценность. Помните, удаву понравилось мерить себя в попугаях, он сказал – «я буду гораздо длиннее так, в попугаях». Всем известна старая советская попытка поделить все многообразие по формациям – рабовладельческой, феодальной, буржуазной и социалистической. При таком делении полу-

чалось, что советское общество, о котором мы сегодня говорим, гораздо длиннее. Она оказывалось на вершине цивилизации. Такое измерение имело идеологический вывод. Когда формационный подход зашел в кризис в 1990-е годы, возник опять вопрос: как мерить? Историки скажали, что великих рабовладельческих государств не бывает, все это выдумки марксизма.

Здесь я начинаю впадать в психологизм. Как говорят женщины, «я отдала тебе лучшие годы своей жизни». А я лучшие годы своей жизни был чиновником – в армии и после армии. То есть, в лучшие годы моей жизни я был чиновником, всегда представлял этот социальный слой. В науку я пришел в 1980-е годы, когда появилась работа Виктора Павловича о бюрократии. Это соединилось: моя классовая принадлежность к чиновникам и его книга. И я подумал: а давайте попробуем померить все это многообразие по тому, какое место в определенном обществе и в правовой системе государства занимает управленческий слой. Получилась примитивная дихотомия. Бюрократия – это социальная прослойка, которая служит буржуазии, что наше поколение хорошо знает. Другая противоположность получается там, где управленческий слой возвышается и превращается в самодержавный. Жалко, что нет доски, я бы представил эту дихотомию. Я делю это пополам. С одной стороны, у нас управленцы превратились в господствующий класс, выше их нет ничего. А в западном обществе управленцы всего лишь социальный слой. Дальше я использую диалектико-материалистический подход, воспитан на марксизме. И буду достраивать эту систему. Откуда она берется? Берем экономику: за счет чего господство управленцев у нас? За счет государственной собственности. А в западном обществе господствуют частные собственники. У нас в административном обществе получается распределительная система; в капиталистическом – рынок, конкуренция и т.д.

У юристов есть понятие народ, который не может быть сувереном как субъект власти. В административном обществе нет народа, есть население, занимающее определенную территорию. Это масса, которую ведет управленческая элита. При капитализме появляется гражданское общество, которое контролирует бюрократию через политиков, через выдвиженцев, и подчиняет ее себе. Следующий показатель: административное общество порождается административным государством, которое всегда недемократическое. Оно не может быть демократическим, потому что над всеми и ведет всех. Мы говорим, что современный Запад – это частнособственническая демократическая система. Но я ду-

маю, это необязательно. Пиночет показал, что частнособственническая система может быть недемократической. Тут различия в надстройке уже получаются. Административное общество порождает административную и правовую систему, которая служит управленцам. Юристов здесь, наверное, нет, я не буду рассуждать о ней. Общими чертами в романо-германской правовой системе были частное право и публичное право. В административном обществе развито публичное право. Если кто-то помнит ленинские слова в письме, которое юристы наизусть изучали раньше: нет ничего частного у нас, все публичное. Вот одна сторона. С другой стороны, в частнособственнических системах, наоборот, развито частное право, гражданское право. Публичное там в подчинении у частного права. Вот такая дихотомия получилась.

Понятно, что это веберианские модели. Это не реальность, это дихотомия, черное и белое, север и юг получается. С помощью этой дихотомии можно описать весь окружающий мир, неважно – Китай, Голландия или еще что-нибудь. Оно либо черное, либо белое; либо административное либо частнособственническое. В этом многоцветном мире могут быть какие-то пропорции, присутствовать та или другая модель или усиление одной из них. Если мы возьмем сегодняшнюю Америку, то там, в первую очередь, сильны частнособственнические моменты, но административные элементы тоже присутствуют. А если возьмем Россию, то все согласятся, что здесь всегда будет дихотомия. Но за исключением истории, тут уже нужны факты. Что было с Киевской Русью? Какой там элемент присутствовал – частнособственнический, купеческий, которому надо было караваны водить по рекам или княжеский? Я не историк, но все-таки думаю, что частнособственнический элемент там присутствовал. А если верить сведениям, что князей пригласили для того, чтобы они просто помогали решать частнособственнические вопросы? Потом получается усиление княжеской власти, явный пошел уклон в административную сторону. Новгород и Псков откололись и представляли частнособственническую систему, то-есть, там были все элементы. Московская Русь уже административная, мы сейчас говорили о колонизации, об особом положении управленцев, которые уже ведут страну. И Ключевский говорил, что они строили под себя свои княжества, приглашали население с юга. Господство административного элемента явно усилилось. Если кратко пробежать по истории России, то с помощью этой дихотомии легко сказать, что февраль 1917 года – это попытка уйти в частнособственническую систему. Далее большевики создают классическую и

даже развитую административную систему и советское общество. Что такое Ельцин? Как можно сказать сейчас, это неудачная попытка перейти к частнособственнической системе. Что такое путинское государство? Попытка вернуться к административной системе.

Модификации подвидов этой системы могут быть самые разнообразные. Я читал выступления докладчиков на предыдущих конференциях, Ирина Игоревна говорила там о «дворцовом обществе». Она сравнивала его с петровским государством. Петровское государство – это для меня административное государство, которое мобилизует все население на решение задач. А дворцовое государство имеет тенденцию к частнособственническому государству. Когда дворяне превращаются из служивых людей в частных собственников, хозяйственников.

Дальше обращаю внимание на следующее. У меня внутри две тенденции. С одной стороны, я как гражданин имею определенное мировоззрение и какое-то чувственное отношение, а как исследователь я считаю, что ни в коем случае нельзя сказать, что одна система хорошая, а другая – плохая. Если вспомнить идеи Маркса об азиатском способе производства, то это фактически административное общество. Административное советское государство, особенно 1960-70-х годов напугало весь мир и показало, что административная система может модернизироваться, а не является застойной. Маркс сказал, что с административным обществом и государством можно покончить. А оно вылезло в большевистской модификации, под прикрытием марксизма. И напугало весь мир. В 1960-70-е годы американцы испугались, пол Азии было на стороне СССР. Фукуяма говорил о «конце истории», что закончилось административное государство. Но посмотрите сегодня на Китай, которого уже опять все боятся. Китай – это административное общество и государство, он всегда был таким, никогда частнособственническим не был. До ХУІ века Китай показывал свою экономическую эффективность и мощь. И сейчас известно, чем закончится. Конечно, мы говорим: у них кризис будет, им плохо будет. Это нам так хочется, посмотрим, как на самом деле будет.

Фактически получается, что история дает как бы две модели, борющиеся между собой, которые по-разному решают одни и те же проблемы. Например, Запад решал проблему индустриализации своим экстенсивным путем, через частную собственность; Россия – своим путем, путем давления на крестьянство, мобилизации всех и вся на решение данной проблемы. И для того периода это решило проблему. Китай сегодня тоже решает своими гибридными методами, когда на административное

общество прививается частнособственническая система. Под колпаком у компартии, пожалуйста, занимайтесь своим предпринимательством. Голову мы отрубить в любое время можем, как курице.

Подхожу к завершению. Я административные общества иногда сравниваю с фермерским хозяйством. Вот ферма, которая с утра пашет на свиней и коров, заботится о них, убирает за ними навоз и несет им пищу. Кто здесь хозяин, кто кому служит? – непонятно. В административных системах также сложно понять, кто кому служит. Видимо, я не очень понятно рассказал, но я думаю, будет повод почитать. Все эти книги я отдаю Виктору Павловичу, они будут в библиотеке, а Виктор Павлович мне что-нибудь свое подарит.

(Продолжительные аплодисменты)

В.П.Макаренко: К нам пришла Марина Александровна Боровская, наш уважаемый ректор *(Аплодисменты)*. Пожалуйста, Марина Александровна, как вам удобно, сидя или стоя.

М.А.Боровская: Большое спасибо! Я стоя, потому что с большим почетом и уважением отношусь к сегодняшнему мероприятию. И знаю, что сегодня день политолога, да?

В.П.Макаренко: Не исключено...

М.А.Боровская: Правда же? Сегодня с утра в новостях по радио «Маяк» было сказано, что сегодня день политолога. Честно говоря, я впервые слышу, не знала.

В.П.Макаренко: Значит, впервые празднуют.

М.А.Боровская: Правда!? Вот видите. Я тоже очень удивилась, в первый раз слышу. Понимаю, что сегодняшнее мероприятие было запланировано и укладывается в этот день. Наверное, будет и задача поддерживать этот праздник регулярно. Надеюсь, что сегодняшняя конференция сможет обрисовать для научного сообщества те задачи и идеи, которые мы могли бы реализовывать на практике. Мы понимаем, что советский период жизни России имеет целый ряд системных важных и серьезных решений. В результате длительного советского периода развития нашего государства поменялась не только система управления, но и система организации. Это позволило изменить подходы в мировом сообществе. Поэтому то, что делают коллеги сегодня, обсуждая этот опыт и пытаясь выбрать для изучения и анализа те подходы в социальных системах и в управлении социальными системами, – мне кажется, что это серьезное, хорошее, комплексное исследование. Не надо забывать достижения и завоевания, которые в разные периоды

жизни были в экономике и в социальной системе нашей страны. Формируя и развивая опыт для решения новых задач, мы должны опираться на системные решения, которые были в нашей стране. Я хочу сказать сегодня, что и система образования, проходя новый путь модернизации, тоже нуждается в качественном и грамотном отборе тех решений, которые были в советской системе высших школ. Этот отбор заставляет серьезно задуматься о том, как решаются сегодня проблемы качественного образования. Действительно, пришедшие в систему российского образования методы ЕГЭ и другие методы, – улучшили ли они систему российского образования? Мы понимаем, что попытка примерить на себя опыт других систем – это не лучшая практика. Нам важно осознать это. Любая модернизация и обновление должно начинаться с серьезного изучения опыта прошлого, чтобы действительно улучшать эту систему. Помимо научных заслуг и успехов вы связаны с подготовкой молодых кадров. Поэтому надо внимательно относиться к системному представлению знаний, которые мы доводим до молодежи. Я надеюсь, что во всех сферах науки и образования научные коллективы постепенно подойдут к тому, что учебно-методическое обеспечение тоже должно быть системным. Мне бы хотелось, чтобы учебники, по которым будет обучаться молодежь, были сформированы мощным научным коллективом и научным сообществом, которые действуют в соответствующей сфере. Я надеюсь, что решения вашей конференции будут исполнены в течение года. Хочу пожелать вам такого совместного системного изучения, которое можно будет ввести в учебный процесс. Может быть, историкам есть смысл сделать историю Юга России, которая будет основываться на научных фактах? Думаю, в обществе социологов и политологов такие решения тоже не помешают. Неплохо было бы взвесить весь советский опыт и совместно изложить его в учебно-методических трудах и изданиях для молодежи. Мне кажется, это будет серьезным результатом вашей сегодняшней конференции и вашего комплексного опыта. Я благодарю Александра Георгиевича Дружинина и Виктора Павловича Макаренко за приглашение на эту конференцию и ее организацию. К сожалению, я не смогла услышать пленарную часть докладов, но надеюсь, что я смогу познакомиться с материалами, которые у вас появятся. Благодарю всех, желаю вам успешной работы и хочу, чтобы ваши решения были ориентированы на процветание и развитие нашего будущего. Спасибо!

(Аплодисменты)

Ю.С.Пивоваров: Очень важную вещь сказала Марина Александровна по поводу истории Юга России. Я председатель экспертного совета ВАК по истории. Президент РФ тоже поставил перед нами – людьми, имеющими отношение к исторической науке, – задачу написать учебник. Сейчас идет дискуссия, я не буду касаться этой темы. Наверное, учебник будет создан. С одной поправкой, – безусловно, регионы России, республики должны иметь то, о чем говорите вы. Один единый учебник истории будет сначала касаться школы, а потом, надеюсь, и до ВУЗов дойдет. Но один общий учебник от Владивостока до Калининграда не сработает. Так что ваш ректор высказывает очень важную точку зрения. Я буду ссылаться на мнение ректора одного из семи федеральных университетов (*Аплодисменты*).

Н.С.Авдулов. Виктор Павлович, вы очень ценные рекомендации высказали. Как нам надо учиться и подходить к изучению нашего прошлого. К вашим рекомендациям я всегда прислушивался. Но есть еще рекомендации. Для меня лично важными являются подходы и работы по истории советского периода Вадима Кожина. Прежде чем изучать прошлое, надо хорошенько изучить источники, подвергнуть их критическому анализу. У нас в университете этим занимается известнейшая школа профессора Пронштейна. Я думаю, что такого подхода и наследия больше нет нигде. Полагаю, что эту школу забывать нельзя. Второй этап – это историография. У Кожина дается перевод всех известных на то время течений, школ, направлений, мыслей по этому вопросу. Разбор этих направлений детальный, с чем он согласен, с чем не согласен. Затем он на основе источников формирует свое понимание, не претендуя на абсолютную истину. Когда мы обсуждаем ту или иную тему, то складывается впечатление, что здесь больше игры ума. И мы представляем продукты игры ума, а не результат изучения источников вчерашнего дня, других концепций, из которых вырастает какое-то приближение к истине. Поэтому такие встречи полезны, нужны, необходимы. Пусть даже здесь много игры ума, но они обостряют наш ум (*Аплодисменты*).

В.П.Макаренко: Конечно, Кожин – авторитет, но стулья ломать не надо. Здесь есть профессиональные историки, которые смогут мастерски возразить тем концепциям, которые развивает Кожин. В том числе сказать о его способе анализа источников и выводах из этого анализа. Пусть об этом скажут сами историки в своих докладах. Большое спасибо за одно из предложений, толкающее нас в сторону концепций Кожина

и подобных ему «спецов». Но на таких «спецов» надо завести племя своих «спецеедов», если воспользоваться жаргоном сталинского времени. Есть же различные подходы, о чем прекрасно говорит и пишет Илья Владимирович в своих выступлениях и статьях.

Теперь разрешите приступить к **первому заседанию**. Посовещавшись между собой, мы определили следующий порядок: вначале выступает Виктор Макаренко, затем Илья Кукулин, а затем Юрий Пивоваров. Такой порядок. Но мы постараемся несколько его

А.Н.Ерыгин: ...нарушить...

В.П.Макаренко и Ю.С.Пивоваров (в унисон): Наоборот! (*Общий смех*)

В.П.Макаренко. Эффект ретроспективы и проработка советского прошлого: эвристический потенциал концепции М.К.Петрова.

Термин «эффект ретроспективы» принадлежит М.К.Петрову, а термин «проработка прошлого» выработан в дискуссиях германских мыслителей и историков для описания определенного отношения к нацизму. Начну с Петрова.

В 2011 году я выпустил книжку «Научно-техническая контрреволюция: идеи М.К.Петрова как источник мысли». В феврале 2012 г. было обсуждение книжки. Я работаю дальше. Написал новые главы. Фрагменты из них образуют содержание моего доклада.

Если верить Маяковскому, проблема проработки советского прошлого наступила на второй день существования советской власти. В поэме «Хорошо» есть строчки:

Ленты по мосту вызмеив
Гонку свою продолжали трамы
Уже – при социализме.

Поэт описывает ситуацию, которая сложилась на следующий день после штурма Зимнего дворца. Значит, Маяковский работал в предположении, что смена всего социального бытия следует за переходом власти из одних рук в другие. Хотя многие свидетели этих событий писали, что никто не заметил перехода власти из рук в руки. Присутствующие здесь историки могут это подтвердить. Есть и особая проблема: насколько поэт Маяковский был искренен в своем восприятии этого события десять лет спустя, т.е. тогда, когда советская власть уже укрепились?

Но я на этом останавливаться не буду. Здесь сидит литературовед, пусть он выскажется, если сочтет это достойным внимания. Историография прошлого, в том числе советского, неисчерпаема. И в обозримом будущем она будет пополняться. Ждать единомыслия или надеяться на него бесполезно. В этом я вполне солидарен с Ильей Кукулиным. Но без определения позиции в этой бесконечной дискуссии не обойтись. А поскольку я – патриот Ростова-на-Дону, постараюсь положить свой кирпич в углубление творческой связи между ростовчанами и москвичами.

Михаил Константинович писал об эффекте ретроспективы, который существует во всех очагах культуры на любых уровнях и в любых формах знакового общения. Эффект ретроспективы – это комплекс ограничений человеческого знакового общения, которое относится к объяснению или социализации. Акт общения не обладает однозначностью и вероятностью восприятия нового именно в том смысле, в котором ему хотел сообщить объясняющий. Вот Илья Владимирович вынужден был разъяснять, что он имел в виду. Этому было посвящено определенное время. Возникло как раз то явление, о котором писал Петров. Прошрое не обладает однозначностью, это современники пытаются приписать ему это качество. При анализе эффекта ретроспективы надо искать опоры на слова-предшественники, включая всю глубину текста и учитывать глубину оперативной памяти (7 плюс минус 2 знака, больше мы не в состоянии запоминать). Все истории пишутся с ориентацией на пики цитирования. Революции завершаются переписыванием истории в рамках новой парадигмы и в ее терминах. Интерпретация истории дисциплины видит в прошлом то, чего там не было. Все дисциплины накапливают знания, не считаясь с ментальными ограничениями человека. Таковы основные моменты эффекта ретроспективы.

Моя задача – выявить в творчестве Петрова сюжеты, важные для применения эффекта ретроспективы в проработке советского прошлого. При этом я буду исходить из иронического определения Петровым философии как иллюзии эффекта ретроспективы. Философия – это неиссякаемый и слабopарадигматизированный фонтан меняющихся слов вокруг неизменных и вечных проблем. Вот этот «фонтан слов» я превращаю в рабочую метафору анализа.

Прежде всего сошлюсь на недавно опубликованные записки известного писателя-ростовчанина Виталия Семина. Как-то мы затрагивали эту тему, когда ехали в автомобиле с Юрием Романовичем. Повесть Семина «Семеро в одном доме» мало уже кто помнит. Когда она была опублико-

вана в «Новом мире», я служил в армии. Тогда же я ее прочел в первый раз и навсегда этого писателя полюбил. Сергей Чупринин, бывший выпускник РГУ, а теперь главный редактор журнала «Знамя», в предисловии к запискам Виталия Семина пишет, что в советской провинции жилось гаже, чем в столице. Он имеет в виду Ростов-на-Дону как раз в то время, когда здесь работал Михаил Константинович. Чупринин пишет: «Удушье таланты здесь умели так, что никто даже и предсмертного хрипа не услышит». И вот В. Семин описал вонючую среду в ростовской писательской организации, а также разбор персональных дел в партбюро КПСС РГУ. Попутно дал портрет Ю.А.Жданова, который вы (*обращаясь к С.А.Кислицыну*) почему-то не учли в своей книжке о Жданове. Интересна характеристика известного советского философа Ю.А. Жданова не менее известным советским писателем В. Семиным. Я ее воспроизводить сейчас не буду, это займет много времени. А резюме сообщу.

Ю.А.Жданов принадлежал к советскому идеологическому аппарату. В постсоветское время он упорно защищал все сталинские шаблоны мысли и поведения. Чтобы убедиться в этом, достаточно хотя бы один раз прочесть книжку Жданова «Взгляд в прошлое: воспоминание очевидца». Кто-то из университетских мне сказал: «Это не взгляд в прошлое, это взгляд из прошлого». В этом есть большая доля правды. Поэтому я думаю, что стоит прислушаться к Виталию Семину, его характеристике Жданова. К тому же Жданов многократно заявлял и писал о себе как о гегельянце. Но вдвойне интересно, как советский писатель воспринимал советского философа. Жданова приглашали в Ростовскую писательскую организацию, он там делал доклады, проводил какие-то беседы. И вот восприятие писателя, причем это было написано по свежим следам. Писатель Виталий Семин определяет ум философа Жданова как множество свойств.

Первое – отсутствие чувств, второе – машинный язык, третье – повествование с апломбом о банальных вещах. Четвертое – квалификация высказываний советских вождей (в данном случае изречений Сталина) как гениальных истин. Пятое – использование анекдотов или, как я их называю, историй из бюрократической рутины, для убеждения слушателей. Шестое – отрицательная квалификация писателей и поэтов (Жданов имел в виду Солженицына и Мандельштама), репрессированных советской карательной машиной, а также продуктов их творчества и героев их произведений. Седьмое – злопамятность под видом идеологической чистоты. Восьмое – дегуманизация трудов классиков мысли и философ-

ских категорий. Девятое – пренебрежение к людям и бытовым условиям их жизни. Наконец, стремление выглядеть демократом.

Думаю, каждый может согласиться или не согласиться с этой характеристикой, дополнить ее или пожать плечами. Но вряд ли стоит недооценивать значимость высказываний Сергея Чуприна, Виталия Семина и Юрия Жданова для извлечения нехитрого следствия: общие типы советских людей (описанные в работах Левада-Центра) существовали и в Ростове-на-Дону, в РГУ и среди коллег Петрова по философскому цеху. Такова первая предпосылка.

Вторая предпосылка для ответа на вопрос является творчество самого Петрова. В его повести «Экзамен не состоялся» скрыта главная идея повести: советская идеологическая система в три раза хуже идеологии Победоносцева. Возникает вопрос: не являются ли члены этой системы трижды Победоносцевыми? Этот вопрос ориентирует на определенную оценку, как минимум, трех явлений: идей самого исторического Победоносцева; идей советской философии; моды на ностальгию за советским прошлым, которым переполнены нынешние средства массового огулпления. Так бывший консультант ЦК КПСС и выпускник РГУ А. Бовин предлагает называть нынешние средства массовой информации.

В этом смысле повесть Петрова злободневна, поскольку позволяет описать ряд явлений сегодняшнего дня (*Аплудисменты*).

И.В.Кукулин. Методологические проблемы применимости термина «проработка прошлого» к обсуждению советской истории.

Термин «проработка прошлого» – это перевод немецких слов *Vergangenheitsverarbeitung*, которые выработаны для другой ситуации, для оценки прошлого в послевоенные годы в Западной Германии. Когда мы говорим о переносе данного термина, возникает процесс коррективга. Подобные вопросы возникали много раз. Например, когда российские ученые или ученые из других культур обсуждали с помощью аппарата теории феминизма ситуацию с положением женщин, женскими репрезентациями в современном российском обществе и т.д. Это не раз порождало реакции такого рода: «Выработанные на Западе методы неприменимы к российской действительности, ибо Россия совсем другая». Я думаю, иллюзия полной инаковости России весьма преувеличена из-за долгой принудительной научной изоляции. Причем, изоляция не была полной, но достаточной для того, чтобы затруднить методологический обмен.

Существуют обширные дискуссии о том, применимы ли выработанные в англоязычной среде методологические подходы к Франции и Британии. Эти дискуссии плодотворны, так как помогают понять меру универсальности понятий и методов. Я имею в виду первую часть сегодняшнего заседания, когда обсуждались те ассоциации, которые влечет за собой применение английского термина *state* к немецкому *Staat*. Именно поэтому в последние годы большое значение приобрела история понятий, разработанная великим немецким историком Райнхартом Козелеком и его учениками. Мне кажется намного плодотворнее обсуждать его разработку, чтобы не ругаться о применимости или неприменимости к России концепций, выработанных в других странах. Надо вести именно разговор о том, в чем применимы, а в чем неприменимы эти понятия к России. И таким образом корректировать концепцию Козелека. Это позволит нам, российским исследователям, включиться в международный диалог о жизненно важных вопросах современного мира. Включиться не только научно, но и социально-нравственно.

Концептуальной основой моего сегодняшнего доклада являются две концепции: 1. Работы французской исследовательницы Барбары Кассен по историко-политической риторике. Они не переводились на русский язык. Но появилась первая ласточка – перевод ее небольшой статьи на сайте gefter.ru. 2. Работы современного германского историка Лутца Нитхаммера, одного из пионеров устной истории в Германии и во всем мире. Я искренне рекомендую всем присутствующим – историкам, политологам и социологам его работу «Вопросы к немецкой памяти».

В настоящее время в научном сообществе обсуждается вопрос о том, что делать в научном и нравственном смысле с травматическими, шокирующими или катастрофическими эпизодами советского прошлого, с памятью о репрессиях, ГУЛАГе. Сама постановка этого вопроса встречает сопротивление со стороны нынешних политических элит. Например, министр культуры не раз высказывался о том, что не надо было его ворошить. Правда, до назначения министром он был депутатом Государственной думы. И высказывался в том духе, что «вы еще вспомните, что было при Иване Грозном». Президент России Владимир Путин тоже не раз говорил, что не надо нам навязывать комплекс вины. В этом и проблема: что происходит с комплексом вины, зачем вспоминать про травматические эпизоды, как работать и как не работать с термином «проработка прошлого»?

Я бы хотел поставить эпиграфом такого обсуждения строфу из давней песни барда Ю. Кима.

Зачем былое ворошить?
Кому так легче будет жить?
Новое время по нашим часам!
Пойдем лучше в гости:
У наших соседей
Родился чудный мальчик!
Назвали – Чингисхан.

Прежде чем непосредственно обсуждать применимость термина «проработка прошлого» надо проговорить терминологические и методологические ограничения. Использование или неиспользование тех или иных терминов всегда имеет методологические коннотации. Я предпочитаю не использовать слово «народ» иначе как в этнографическом смысле, так как в российском политическом языке оно слишком мифологизировано и принудительно наделено возвышенными коннотациями. Они были хорошо спародированы в стихотворении Дмитрия Александровича Пригова

Народ он делится на не народ
И на народ в буквальном смысле
Кто не народ – не то чтобы урод
Но он ублюдок в высшем смысле
А кто народ – не то чтобы народ
Но он народа выраженье
Что не укажешь точно – вот народ
Но скажешь точно – есть народ. И точка

Еще один опасный термин – «свидетель эпохи». Это специально анализирует Нитхаммер. В его книгу включено интервью российской исследовательницы Щербаковой, члена общества «Мемориал». Нитхаммер говорит: сам термин «свидетель эпохи» лишает нас права на критическую оценку. В большинстве передач на историческую тему то, что было на глазах очевидцев, подается как непреложная истина. Специалист-историк оказывается как бы и не нужен. Телевидение вечно все упрощает, но меня не оставляет ощущение, что выпихивание на первый план очевидца мешает нашей работе. Потому что в результате такой человеческой памяти предстает в весьма примитивном виде. В наших исследованиях мы всегда стремились показать, что память по своей природе не обладает единством. Что у нее много разных функций, помимо собственно запоминания. Что при работе с ней некоторые функции памяти следует

рассматривать комплексно, а в некоторых случаях даже противопоставлять друг другу. Значит мы имеем дело не со свидетелем эпохи, а с участником истории, взгляд которого всегда опосредован теми событиями, теми поступками и той самооценкой, которую он давал себе именно как участнику событий. И сейчас важно об этом говорить, потому что мы видим, почему не верна мысль о неких «свидетелях эпохи».

Прошлое имеет свойство не кончаться, оно рядом с нами. Подобные явления есть и в Германии, а в России мы их видим на примере споров о Сталине. Например, когда общественный фонд, организованный крайне правым политическим деятелем Виктором Логиновым, запустил в разных городах России «сталинобусы» – автобусы с изображением Сталина. Или когда ставится вопрос о переименовании находящегося здесь неподалеку Волгограда. При этом опросы Левада-Центра показали, что респонденты, которые даже высказывают положительное отношение к Сталину, не хотели бы жить при Сталине. Очевидно, Сталин выступает здесь в роли фигуры, интегрирующей некие смыслы. Какие? Это требует исследования. Но уже ясно, что эта символически интегрирующая фигура влечет за собой и определенное представление о том, как можно людьми управлять, что можно с людьми делать в интересах той или иной идеологии. Поэты-шестидесятники много говорили, чтоб Сталин не встал, но за Сталиным прошлое (Стихотворение Евтушенко «Наследники Сталина»).

Он лишь отдохнуть прикорнул.
И я обращаюсь к правительству нашему с просьбой:
удвоить,
утроить у этой плиты караул,
чтоб Сталин не встал
и со Сталиным – прошлое.

О том же писал Чичибабин. Но сейчас ассоциация такого рода менее актуализирована в общественном сознании.

В.П.Макаренко: Сейчас, наверно, уже никто не знает Чичибабина. (*Обращаясь к аудитории*) Не знает? Где он родился и жил?

Ю.С.Пивоваров: В Харькове.

В.П.Макаренко: Вот видите, только мы с вами, наверное, и помним...

И.В.Кукулин: Существует очень важный тест, который, скорее, известен специалистам в области истории психологии, нежели истории политической мысли. Это интервью знаменитого немецкого психолога Густава Юнга, которое он дал через три дня после капитуляции Герма-

нии. Оно было опубликовано в газете *Die Weltwoche* 11 мая 1945 года. Это интервью вызывает сегодня смешанные чувства. Ведь Карл Густав Юнг на протяжении многих лет поддерживал германский нацизм, и только в конце войны начал его резко осуждать. Несмотря на такой поворот позиций, в этом интервью он высказал глубокую мысль. Его спросили, что будет с Германией. Что будет с обществом? От отвечал так: У меня лежат два больных невротика, они явные антинацисты, и говорят, что за всей благопристойностью еще жива нацистская психология со всей ее насильственностью и жестокостью. И он говорит, что предстоит изгнание бесов из послевоенной Германии. Что такое изгнание бесов? Дело в том, что – говорит он – нацистская пропаганда описывала русских и вообще противников Германии как людей невероятно жестоких и иррациональных. Действительно, работал такой механизм психоанализа, как проекция. Это приписывание противникам Германии тех, как выражался Юнг, «демонов», которые существовали в общественном сознании. Сейчас очень важно, говорил Юнг в этом интервью, избавиться от ощущения немцев как жертвы. Оно стремительно формировалось в последние годы войны из-за того, что на территории Германии уже шла война. С востока – советские войска, с запада – войска союзников, а сверху непрерывно бомбила авиация. От этого возникло ощущение жертвы, причем жертвы невинной. Немцы считали, что виновата партия, а не армия и не немецкое государство. Предстоит изгнание бесов и признание себя связанными со всем тем, что произошло, говорит Юнг. Эта связь должна нам помочь и только через эту связь, через это понимание того, что все общество оказалось поражено этой виной, мы можем как-то исцелиться.

Но что тут важно? Виктор Павлович упомянул работу Карла Ясперса «Вопрос о виновности». Это курс лекций, который был прочтен в Гейдельбергском университете в 1945-1946 годах. Самое главное, что интервью Карла Юнга и некоторые другие тексты такого рода были обращены к тому поколению, которое привело к власти Гитлера. А также к тем, кто пришел с фронта, потерпев поражение. Это непосредственное предъявление претензий высказано в пьесе «За закрытой дверью» выдающегося немецкого прозаика и драматурга Вольфганга, который написал ее в 1947 году. Главный герой унтер-офицер Бекман обращался к генералам, которые проиграли эту войну. Он жаловался: мне постоянно являются во сне сестры, жены, дети тех солдат, которые были убиты под моим началом. Они спрашивают: Где мой муж? Где мой брат? Где мой сын, унтер-офицер Бекман? А вы теперь мне ответьте на этот вопрос. Вот эти люди,

вернувшиеся с фронта, и подраставшие дети тех, кто голосовал за Гитлера, они все больше и больше предъявляли им претензии. Однако это происходило не сразу. После войны этот призыв поддержали только интеллектуалы, но не все германское общество, несмотря на старания, в первую очередь, американских оккупационных властей, продемонстрировать, что произошло.

В американской зоне оккупации была такая социально-воспитательная мера: постоянные экскурсии всех слоев общества в концлагерь. В зоне советской оккупации была создана ГДР, жители которой были обеспечены, так сказать, доктринальным антифашизмом. Было сказано, что фашизм остался в прошлом, которое никогда не должно вернуться. ГДР была застрахована тем, что там у власти находятся социалисты, связанные с СССР. При этом на уровне повседневного сознания жители ГДР ощущали себя захваченными и эксплуатируемыми СССР. В частности, когда советский космический аппарат спустился на Луну и выбросил там выпел с красным знаменем, тогда среди жителей ГДР, при перешептывании на кухнях использовалось фольклорное двухстишие:

Ohne Butter, ohne Sahne
Auf der Mond die rote Fahne
Без масла, без сливок
А на луне – красный флаг²⁵.

В ФРГ вопрос о памяти фашизма, памяти о коллективной вине был на время отнесен вопросами физического выживания, надо было отстраивать страну. Все это поразило ощущение, казалось, что ужасы фашизма остались в прошлом. На этот вопрос бывшие жители Германии в 1950-60-х годах не отвечали. Что они не покупали вещи казненных евреев. Что никто не имел отношения к перераспределению собственности, награбленной германской армией в оккупированных странах. Об этом написана замечательная книга двух (жаль, не переведенная на русский язык) немецких психологов, супругов Митчерлих «Неспособность скорбеть» (*Die Unfähigkeit zu trauern. Grundlagen kollektiven Verhaltens* Александр Митчерлих и Маргарета Митчерлих-Нильсен). В значительной мере ощущение расставания с прошлым началось в 1968 году со студенческих волнений, которые частично отражали волнения во Франции. Они проходили и в Германии, но совсем под другими лозунгами.

²⁵ В статье Корей Росс «Восточные немцы и берлинская стена: общественное мнение и социальные изменения до и после закрытия границы в августе 1961 года» подробно описана эта частушка.

В России при советской власти жило несколько поколений. Когда мы говорим про «проработку прошлого» России, мы обращаемся к ныне живущим людям. Они – наследники нескольких поколений, которые поддерживали советскую власть пассивно или ругали начальство про себя, но считали, что против лома нет приема. Это порождает ощущение коллективной исторической пассивности, которая выражается в формулировках: «Мы тогда не жили, мы не можем судить...пожили бы вы тогда, поняли бы...» Здесь нужен очень важный поворот в «проработке прошлого, который является частью истории уже не в Германии, а Израиля. Сколько у меня еще времени?

В.П.Макаренко: Я не фиксирую, а слушаю.

Ю.С.Пивоваров: У всех по два часа!

И.В.Кукулин: Возможно, некоторые из присутствующих знают, что в 1961 году в Иерусалиме проходил судебный процесс над одним из палачей еврейского народа Адольфом Эйхманом, который после войны скрылся в Аргентине. Он был выдан израильской разведке и привезен в Иерусалим. Надо сказать, что в России мало известно, насколько тот процесс был важен именно для Израиля. Потому что очень многие евреи, спасшиеся от уничтожения нацистами, не могли об этом разговаривать вслух. Это была слишком тяжелая травма, они старались про все забыть. Процесс над Эйхманом был первым масштабным мероприятием, многое было проговорено вслух. Во время процесса постоянные репортажи из зала суда для ведущего журнала Time вела Ханна Арендт. Она написала об этом книгу «Банальность зла». Но кроме того, что вошло в книгу, есть еще ее полемика о юденратах с выдающимся философом и историком культуры Гершомом Шалемом, жившим в Израиле. Юденраты – это еврейские советы, созданные в гетто для управления евреями. В их состав входили евреи, которые были готовы сотрудничать с немцами за то, чтобы прожить немного подольше. По принципу: ты убит сегодня, а я – завтра. Ханна Арендт очень резко высказалась о членах юденратов, даже более резко, чем следовало говорить о людях в безвыходной ситуации. Гершом Шалем сказал ей, что мы не можем поставить себя на их место, и слава Богу. Они были в невыносимой ситуации. В ответ на это Ханна Арендт сказала важные слова. «Если не брать на себя ответственность за суждения, мы не можем вступить в диалог с прошлым, мы окажемся от него отрезанными». Мы обязаны взять на себя право давать нравственные оценки поведения людей в прошлом, понимая, что мы такие же люди как они. Мы могли бы оказаться на их месте. Иначе мы не можем вступить в этот диалог.

В беседе с Лутцем Нитхаммером Ирина Щербакова сказала: «Вы представляете очень объемный взгляд на немецкое прошлое». Он, действительно, единственный человек, – даже лучше сказать не единственный, а первый, кто попытался сравнить память о нацистской эпохе у жителей ФРГ и ГДР. Он старался понять как вообще люди, которые были апологетами нацизма, жили после нацизма и чувствовали себя. Он сказал: «Я никогда не думал, что я не смог бы стать нацистом. Всегда помню, если бы я жил в это время, я мог бы поддаться всеобщему увлечению и этими экстремистскими идеями». Мы тоже могли бы быть такими же.

Одна из важнейших предпосылок «проработки прошлого» в германском случае – это Нюрнбергский процесс. Его материалы широко публиковались. Они и по-русски изданы в 1957 г.

Но в России состоялась иная история. Еще со времен Ленина палачи уничтожали других палачей. От этого в памяти репрессии воспринимаются как природный катаклизм или повторение абстрактного или абсолютного зла. Еще одна важная вещь состоит в том, что в России, как и в Германии, в действиях палачей могли быть совершенно разные мотивы. Сейчас это необходимо исследовать. Были люди, которые все сваливали на начальство. «Это была моя работа». Были палачи, которые были подвижны (как они тогда полагали) высоким освободительным пафосом. Пример тому – известный деятель Михаил Мясников, один из участников убийства царской семьи. Потом он бежал за границу, работал в Париже. После войны был выманен советской разведкой в Москву и казнен.

Самая большая проблема связана с многопоколенческим процессом прошлого. Он устроен вот как. Фактически с основания СССР советская пропаганда отождествляла общество и государство, а интересы общества отождествлялись с интересами государства. Сделать это удалось благодаря такой конструкции сознания, которую Гефтер называл «завет с историей». Подобно союзу библейских иудеев с Богом, советское общество заключало завет с историей. Предполагалось, что это приведет в рай советское общество, все народы Советского Союза. Материальным воплощением такого прогресса является большевистская партия и лично товарищ Сталин. Из-за этого насильственная модернизация многократно объявлялась «успехами общества». Поэтому объявление партии антиобщественной и нелегитимной вызывает вопрос, который, как я полагаю, является некорректным, хотя распространенным. Зачем жили три поколения при Российской власти, если все, что они построили, в определенном смысле не нужно?

Мне кажется, игнорирование этого вопроса в 1990-е годы привело к тяжелым психологическим последствиям, которые мы пожинаем до сих пор. Я полагаю этот вопрос некорректным, потому что насильственная модернизация – все эти построенные заводы и пароходы – вовсе не была «успехом общества». То были достижения государства, а не общества. Достижения общества заключались в другом: обеспечение семьи, устройство быта, сохранение горизонтальных связей, хотя в извращенной форме. Но были и потери в обществе, не связанные с государством: постепенное размывание трудовой этики, – не трудовой дисциплины, а именно трудовой этики. Отношение к результату собственного труда, сохранение патриархальной модели семьи, которая сейчас оказывает влияние на российское общество и вызывает истерические протесты несуществующей в России справедливой юстиции. Постоянная надежда на блат и ксенофобия. Эти моральные потери во многом вынужденные. Частью они унаследованы от имперского прошлого и законсервированы с того времени, но от того не менее болезненные.

Еще один важный вопрос. Многолетнее существование в условиях репрессивной власти вызвало явление, которое историки и политологи называют «самовиктимизация» (комплекс жертвы). Этот вопрос хорошо изучен на примере восточно-европейских народов, а не России. Он связан с особенностями возникновения восточно-европейского национализма: чешского, венгерского и т.д. Указанные общества ощущали власть как не свою. Они требовали создания своего моноэтнического государства. В условиях такой самовиктимизации говорить о том, что люди должны вспоминать о том, что они были не правы – очень трудно.

Приведу свежий пример, не российский, а польский: дискуссия вокруг книг живущего в Америке польского историка еврейского происхождения Яна Гросса. Он много пишет и публикует в Польше книг, подчеркивая, что его книги не научные, а этико-публицистические. Он пишет о сотрудничестве поляков и нацистов во время второй мировой войны в деле истребления евреев. В частности, он описал страшный эпизод, – как поляки вырезали все еврейское население в польской деревне Едвабне. Нацисты к этому не имели никакого отношения. Очень важная дискуссия по книге Яна Гросса состоялась в газете *«Речь Посполитая»* – одной из главных польских газет.

Польский историк Анна Скибиньска – гораздо сдержаннее по тону, чем темпераментный Ян Гросс – отвечает на важный вопрос корреспондента. Почему Ян Томаш Гросс не может рассказывать об этих вещах так,

как это делаете вы? Вам не кажется, что он делает серьезным историкам неблагодарную услугу? Он пользуется вашими исследованиями ради того, чтобы на их основе делать свои преувеличенные выводы и вызывает у поляков отторжение. Нет! – отвечает Скибиньска – я очень ценю Гросса. Благодаря ему об этих серьезных проблемах спорит все общество, о них пишут многотиражные газеты, снимают телевизионные программы. Благодаря Гроссу книги о польско-еврейских отношениях публикуются тиражом не в 500 экземпляров и не ограничиваются дискуссией узкого круга специалистов.

У меня нет претензий к Гроссу – говорит корреспондентка – потому что он хотя бы пишет. Речь идет о том, как он пишет. Его радикальные выводы не побуждают поляков к размышлению, а возбуждают и вызывают только возмущение.

Это метод, на который он имеет полное право – говорит Скибиньска – в наших условиях только то, что вызывает споры, совсем не обязательно может вызвать широкую общественную дискуссию.

Зачем нужна такая дискуссия? Те, кто читал газеты в период перестройки, – я обращаюсь к людям, которые постарше, – помнят, что тогда много обсуждали сначала фильм «Покаяние», потом быстро переехали на то, что покаяние по-гречески обозначается термином метанойя, что означает изменение ума. В 1990-е годы об этой терминологии говорить перестали. И здесь я возвращаюсь к началу своего выступления, а именно: действительно ли нам навязывают комплекс вины?

Есть замечательная книга английского религиозного писателя Клайва Льюиса «Письма баламута». В ней описана переписка двух чертей, в буквальном смысле слова. Находящийся в аду старый черт пишет письма своему племяннику, который работает на земле персональным чертом-искусителем. Как поработить душу молодого человека, который выдан ему в качестве подопечного? Там есть замечательный эпизод, где этот молодой человек совершил простительный грех. Дальше черт-инструктор пишет ему: «Пусть эта свинка повалится в своем раскаянии». Что это означает? Человек должен черту внушить представление о раскаянии как навязанном действии, не требующем никаких индивидуальных реакций.

Теперь перехожу к размышлениям Барбары Кассен. «Проработка прошлого – пишет она, – связана с учреждением нового политического сообщества». Подчеркиваю: не новой политической элиты, а осмысления себя как сообщества граждан, которые требуют нового гражданско-

го самопонимания. Связано это с тем, что память об общих проблемах и катастрофических эпизодах прошлого является коммуникативным процессом, который может существовать как коммуникативное поле, а не как индивидуальные воспоминания. Однако в случае России это достаточно сложно. Потому что Россия – и я настаиваю на этом – является имперской множественностью обществ. Упомяну эпизоды, которые обсуждались в дискуссиях об общероссийском учебнике истории в различных медиа. А именно: в Татарстане память о завоевании Казани Иваном Грозным неизбежно будет совсем другой, чем в Москве. Я вижу из этого другой выход, чем создание единого общенационального учебника, какими бы благими намерениями не руководствовались его авторы.

Я полагаю, что учебник должен представлять память именно как коммуникативный процесс, открывающий множественность и конфликтность видов памяти о прошлом. Конфликтующие памяти имеют право на сосуществование, потому что это сосуществование не является шизофренией и не плюрализмом, как любили говорить в 1990-е годы. Необходимо постоянный диалог, в котором выясняются не только взаимные претензии, но и то, что народы дали друг другу в результате долгой и мучительной притирки.

И еще одна важная вещь. На мой взгляд, проработка прошлого не связана ни с каким обещанием внутреннего экономического процветания. Но не исключено, что в будущем проработка прошлого может принести какой-то социальный или экономический успех. Многие общества отказались от проработки прошлого. И они являются вполне благополучными. Япония минимизировала проработку прошлого после второй мировой войны. Турция до сих пор отказывается признать вину правительства....

В.П.Макаренко: За исключением Орхана Памука...

И.В.Кукулин: Не только за исключением Орхана Памука. Недавно в Турции убили армянского журналиста. На следующий день десятки молодых турецких интеллектуалов вышли на улицы со значком «Я – армянин!». Однако турецкое общество и государство до сих пор отказываются признать вину за геноцид армян и ассирийцев (не будем их тоже забывать) в 1915-1916 годах.

Повторяю, все это общества достаточно экономически процветающие, особенно Япония. Но здесь я хотел бы обратиться к недавнему письму, которое опубликовано на сайте телекомпании ВВС. Японская женщина-историк получила образование в Австралии. В Японии история XX ве-

ка изучается так, как в России литература XX века. В конце 11 класса часто вообще эта тема съедается, поскольку все готовится к экзаменам. И на весь учебник истории XX века, на историю поражения в войне Японии отводится всего несколько страниц. Хотя там все написано. Это приводит к тому, что японские политические элиты часто совершенно неадекватно оценивают бурную реакцию стран, против которых действовала японская армия во второй мировой войне. Аналогичные истории происходят в Австрии, которая после второй мировой войны выставила себя как «страна-жертва нацизма». Однако на сохранившихся фотографиях, когда нацистские войска торжественно вступают в Вену, мы видим огромные толпы людей, вздымающих руки в нацистском приветствии. Короче говоря, отказ от проработки прошлого ведет к отложенным воздействиям, которые внешне не являются катастрофическими, но приводят ко все более тяжелым последствиям общественных ситуаций. Австрия – это устойчивый успех ультраправых на выборах, который пугает всех приезжающих в эту страну людей ксенофобской риторикой.

Мне кажется, для России крайне важна проработка прошлого, хотя Россия будет явно отличаться от Германии. В России травмы имеют многослойный характер, копились десятилетиями. Помимо собственно ГУЛАГа существует катастрофическая проблема Гражданской войны, во время которой фактически половина людей стреляла в другую половину и наоборот. Травмы Гражданской войны можно видеть и в Ростове. На библиотеке Южного федерального университета висят две таблички: здесь находился штаб белых; здесь находился штаб большевиков. То есть, это все было на узком пяточке. Люди готовы были истреблять друг друга до последнего. Эти травмы до сих пор не проговорены.

И последнее. Я замечаю сейчас, что советское в среде молодежи воспринимается как нечто безвозвратно утраченное. Оно становится виртуальным представлением о России, которую мы потеряли. Для людей 1980-х годов виртуальной утраченной историей была Россия, которую мы потеряли до 1913 года. Если даже мы будем восстанавливать представление о русской истории как непрерывной, то она все будет равно изборождена кровавыми ранами, метафорически говоря. Их придется исцелять, но по-другому. Реальную историю своего общества пересоздать невозможно. Благодарю за внимание! *(На последних 5-7 минутах в зале слышен гул и брожение. Бурные овации).*

В.П.Макаренко: Большое спасибо, Илья Владимирович! Юрий Сергеевич сам назовет название своего доклада.

Ю.С.Пивоваров: Я без названия. Буду краток, потому что чувствую – зал устал. Слишком много уже было сказано. Хорошо, что выступаю последним, потому что Виктор Павлович и Илья Владимирович говорили совершенно о другом.

Вначале скажу о проработке советского прошлого. Если дословно переводить этот термин с немецкого языка *Vergangensheitverarbeitung*, то он означает переработка прошлого. Что касается проработки, то я вспоминаю проработку на комсомольском собрании. Переработка – это что-то другое. Переработка – это какая-либо перерабатывающая промышленность.

Теперь по поводу советского и по поводу прошлого. Во-первых, я считаю советское не прошлым, а настоящим. Мы находимся в советском: в советской системе, в советском режиме, как угодно. Речь не идет о прошлом, речь идет о настоящем. Здесь возникает серьезная проблема.

И.В.Кукулин: Да!

Ю.С.Пивоваров: Теперь по поводу немцев, их проработки прошлого. Я просто хочу вам напомнить, в какой ситуации это было. В Германии тогда стояли американские, английские и французские войска. Немцы проиграли войну, комплекс вины, комплекс поражения – это все понятно. В 1942-ом году было принято окончательное решение по еврейскому вопросу, они решили ликвидировать европейское еврейство. После этого начались массовые бомбардировки Германии американскими и английскими летчиками, у Сталина тогда не было такой авиации. Советские войска были далеко на Востоке. Наши союзники бомбили детские дома, родильные дома, то, что у нас называется детские сады. Я знаю ряд немецких профессоров, родившихся в те годы. Они выжили в этих бомбардировках. То, что сделали союзники с Германией, не менее чудовищно, чем фашистские зверства. Я не апологет. Просто мы должны понимать, что такое бомбардировка Дрездена, одного из самых красивых городов. И надо иметь в виду, что удар был нанесен по восточной Германии. До войны она была более развита, чем Западная Германия. Это уже после войны западная Германия ушла вперед. Там все было сложно.

8 мая 1985-года президент ФРГ Рихард фон Вейцзеккер произнес речь о том, что 8 мая не только день поражения Германии, но и день освобождения. Это вызвало многолетнюю полемику. Уже в 1985 году западные немцы были не готовы согласиться. А между тем Вейцзеккер – это христианский демократ, либеральный просвещенный человек. По сегодняшний день у меня есть немецкий знакомый профессор. Он гово-

рит: «Юрий, хватит говорить, что немцы против евреев, давайте о чем-нибудь другом поговорим. Сколько мы, немцы, спасли евреев от Гестапо?». В Германии на эту тему написаны книги. А как повели себя западные немцы, когда воссоединили Германию? Весь комплекс вины они перенесли на восточных немцев. Это тоже очень серьезные проблемы. С ними надо быть крайне осторожным.

Франция до сих пор не решила вопрос о коллаборационизме начала 1940-х годов. Ведь сами французы, а не немецкое Гестапо, арестовывали евреев и направляли их в германские концлагеря. А ситуации во французских колониях? Короче говоря, ни в Париже, ни на оккупированной немцами территории никакого саботажа не было. Французы стыдливо прикрывали свой коллаборационизм.

Я хочу сказать, что проблема переработки прошлого страшна и деликатна. Всегда, когда мы сравниваем СССР с Германией, надо помнить – немцы потерпели поражение в войне и были оккупированы. Советский Союз не потерпел поражение в войне и не был никем оккупирован. Советский Союз сам распался и народы Советского Союза сами сбросили с себя коммунистическую стену. Это принципиально иная ситуация.

Теперь о том, почему я говорю, что мы живем в советской системе? У меня есть статья, которая называется «Советская посткоммунистическая Россия». Мы живем в посткоммунистической России. Оказалось, что коммунизм, коммунистическая идеология иллюзорна, ненадежна и всегда кончается везде одним и тем же. Это сформулировал русский поэт Бродский:

Пролетарии всех стран
маршируют в ресторан.

Все кончается примерно этим. Ни один политический эксперимент не удался. Сейчас мне скажут: а в Китае можно проводить... Я не китаец, но думаю, что и там все закончится примерно тем же. Что я имею в виду, когда говорю: советское существует и сейчас!? Что такое советское для меня? Это прежде всего вопрос: каковы были главные цели у коммунистической или социалистической революции? Я их кратко перечислю: отказ от религии (предполагалось, что к 1936 году будут ликвидированы все религии и церкви), собственности, права, семьи, государства в любом смысле этого слова. СССР – это название несуществующей страны, это не слово Россия или что-либо подобное. Первая советская Конституция 1924 года впервые в истории человечества закрепила государство,

не имеющее границ. Потому что там прямо сказано: любая республика в Африке или где-то еще готова войти в состав Советского Союза. Связанность государства территориальными границами – основа любого национального государства. Значит, отмирание государства связывалось с некой неслыханной и невиданной в истории человечества цивилизация. Причем, для меня главное в этом советском – безрелигиозность.

Что же значит не религиозное и не христианское государство? Отказ от идеи первородного греха. Может это вам покажется странным или диковинным. Мы – обществоведы, а не теологи. Но это отказ от того, что зло коренится во мне тоже. Это то, что лучше всего сформулировал философ Сартр: «Ад – это другие». Виноваты они – буржуи, жидамасоны, Антанта, вредители – не важно. Такова построенная на этом цивилизация. Это цивилизация, построенная на насилии – чуть ли не единственном решении всех вопросов. А также цивилизация, построенная на упрощении. Плеханов не зря назвал Ленина гением упрощенчества. Что такое минимализм? Это упрощение ситуации до предела. Весь мир поделен на красных пролетариев и белых буржуев, поскольку пролетарии – это носители прогрессивной истины. Я окарικатуриваю, конечно. Но!..

На мой взгляд, советское пережило два принципиально различных этапа развития. Первый советский режим я называю «Коммунистический режим – 1 (один)». КР-1 – здесь своеобразная аллюзия. Что это такое? Это ленинско-сталинский режим всеобщей переделки. Когда все вещи, о которых я говорю, были вброшены прямо в общество вброшены. Виктор Павлович упоминал работы Александра Эткинда. В одной из них Эткинд приводит потрясающую вещь, хотя я нигде не могу найти подтверждение этого. У большевиков был опыт создания не только Института Крови для выведения нового состава крови (опыты Богданова). Они действительно положили Ленина в Мавзолей потому, что хотели его потом оживить. Надежда Константиновна приходила в Мавзолей и говорила: «Я в старуху превратилась, а ты все такой же молодой. Когда мы встретимся, ты не узнаешь меня». Это не слухи, это известные вещи. Они хотели оживить Ленина, для этого положили его в Мавзолей. И даже велись работы где-то на Юге, в обезьяньем питомнике...

И.В.Кукулин: Сухуми!

Ю.С.Пивоваров: ...в Сухуми пытались скрестить человека с обезьяной...

В.П.Макаренко: Это у Шишкина прекрасно описано...

Ю.С.Пивоваров: И Эткинд об этом тоже пишет. Курировал все эти проекты Троцкий. Самым важным до атомного проекта был проект переделки природы человека. Хотели город и деревню соединить, мужчин и женщин. Это был режим – полный передел. Мой тезис таков: КР-1 погиб, не выдержал ударов нацистов, в 1941–42-ом гг. То были годы фактического разгрома Красной армии. Сегодня нашли документы, что в ночь с 30 ноября на 1 декабря 1941 года немцы выбросили десант в Нескучном саду в Москве, это 4 км по прямой до Кремля и на Воробьевых горах – 7 км. Задача была войти в Кремль, арестовать Сталина и на этом кончить войну. Пошел полк НКВД с Лубянки и разгромил немецкий десант. Ситуация была на волоске. Все могло кончиться тогда, потому что Сталин мог находиться в этот момент в Кремле и все могло закончиться на этом. Я считаю, что ленинско-сталинский режим не выдержал испытаний войны.

Но в его недрах располагался другой режим, который я называю «Коммунистическим режимом-2» (КР-2). Для меня Великая Отечественная война является не только подвигом русского народа, который уничтожил нацизм и спас Родину. То была эмансипационная, самоэмансипационная война для русского народа от тотального режима переделки всего и вся. Благодаря войне возродилось какое-то самосознание. Оно укреплялось в течение восьми послевоенных лет. После смерти Сталина окончательно стало ясно, что режим изменился. Здесь говорили, что в России не было Нюрнберга. Да, но зато в России был XX съезд. Я думаю, что это одно из самых замечательных событий в русской истории за ее тысячелетие. Причем, в моих устах эта похвала звучит странно, поскольку я никогда не был связан с КПСС. Но для меня здесь нет противоречия.

XX съезд не стал русским Нюрнбергом. Можно сказать: «Как можно сравнивать!?» А все же можно. Дело в том, что Нюрнберг провели союзники. Никакие немцы никогда бы не провели никакого Нюрнберга. В Германии после Нюрнберга начался ряд процессов, когда судили МИ-Довцев, людей из министерства промышленности, врачей и т.д. Немецкие адвокаты очень жестко защищали, немецкое общество защищалось. Здесь неважно, по какой причине руководство КПСС решило действительно заняться покаянием. Почитайте выступление Хрущева – это покаяние, насколько это было возможным. Открытие лагерей – это отказ от массового террора как основной меры политики, экономики и т.д. И это также заявление о том, что мировая война закончилась. Они по существу закончили горячую войну. Война стала холодной, все менее и менее

опасной. Я должен сказать, что с научной точки зрения затею XX съезда очень точно определил известный американский исследователь Мартин Малия...

В.П.Макаренко: Абхазского происхождения...

Ю.С.Пивоваров: Он говорит, что десталинизация означала защиту партии от произвола любого первого секретаря. Когда Хрущева сместили, номенклатура как коллективная единица превратилась в нового высшего руководителя системой. Была уничтожена сердцевина сталинской системы – Сталин. Начался новый период – период номенклатурного господства, но и не только. Что такое 1950-60-е годы? Это не только господство номенклатуры и отказ от массового террора как основного способа управления обществом, это также зачатки и попытка воссоздания российского гражданского общества. Это подъем русского искусства, кино, театра, поэзии, литературы; подъем диссидентского и правозащитного движения и многие другие элементы, которые можно описывать.

А что такое номенклатура? Это то, что создал Сталин в 1920-м году, когда провел реформу управления страной, и были созданы так называемые учетно-распределительные отделы. После этого родилась система номенклатуры. В чем же ее суть? В том, что впервые в истории человечества появился класс управляющих, который не обладал собственностью. Класс, который не опирался на собственность. Номенклатура была пролетарием, в этом смысле победил пролетариат. Как вы понимаете, такая ситуация долго продолжаться не могла. Дело в том, что коммунистическая идеология не поняла двух важных вещей. Первое: в обществе должна быть правильно организованная система трансляция власти. От одного человека власть переходит к другому. У коммунистов не было никакого закона о трансляции власти, поэтому смерть каждого генсека была маленькой гражданской войной.

Второе – тема трансляции собственности. Собственность должна передаваться от одного к другому. Как? Большевики сказали, пусть собственности вообще не будет, она общенародная. То есть, этой темы вообще нету. Знаете, был такой Каданников, который создал автомобиль ВАЗ и был зампред Совмина. Он в своих воспоминаниях пишет, что когда он работал на FIATe, он подумал: «Я создам такой же завод fiat у себя. Они вот свой завод передадут внукам, детям; а мой сын не будет этим владеть. Я подумал, это неправильно». То же самое пишет Черномырдин. В России на рубеже 1980-90-х годов прошла номенклатурная революция. Номенклатура, отбросив мешавшую ей коммунистическую систему,

по существу пришла к власти окончательно, овладела собственностью и разделила ее. Но в период 1990-х годов, когда вторгались Березовские, Абрамовичи, их поставили на место. И по существу советская система сохраняет все эти качества и сегодня.

Например, не случайно нынешние властители говорят, что главное историческое событие – это война. Они не скрывают этого. Они безразличны к революции, коллективизации. Хотя Молотов говорил, что для нас победа в коллективизации была важнее, чем победа в войне. Сегодняшний режим не случайно видит свои корни в Великой отечественной войне, именно тогда сформировался, по моей терминологии, КР2. Но это не тот режим, который Ханна Арендт и вслед за ней сравнивали с нацистским режимом. В этом и заключается проблема. Если нацистский режим был таким и мы его описали, то мы его знаем; а советский, не погибнув в войне, превратился в иной. По существу, мы являемся наследниками этого иного режима. Который, безусловно, советский.

И еще один момент. Дело в том, что в рамках советской системы произошло превращение России из сельской страны в страну городскую. Россия стала поголовно грамотной урбанистической цивилизацией. Россия вступила в modernity, современность. Человек переходит в города. На днях в Центре Россияведения ИНИОН выступал известный режиссер Кончаловский. И он мне сказал: «Да какие это города? Плохие это города». Но не в этом дело. Плохие в том смысле, что не очень уютные. Дело не в этом. Человек уже живет в новом социальном времени, живет как современный человек, а не как человек традиционного общества. В этом смысле проработка советского прошлого для меня является проблемой.

Я убежден в том, что современный русский человек, рожденный советской системой, и в целом советская система означают нечто совсем другое, чем нацизм для немцев. Гитлеризм продержался всего двенадцать лет, и мы не знаем, что с ним делать. А здесь семьдесят четыре года – и нет никакого поражения. При Гитлере не была отменена частная собственность. Частная собственность была. Наоборот, если ты был членом нацистской партии, ты фактически, когда началась война, не мог быть руководителем. Численность Гестапо по отношению к численности НКВД была в сотню раз меньше. На деле в нацистской Германии было больше свободы, чем у нас. В 1943 год один из немецких профессоров получил премию Прусской академии наук (это типа нашей академии наук СССР) за опровержение основ арийской физики. Мог ли в 1948 году ка-

кой-нибудь Вавилов, которого к этому времени убили, получить золотую медаль Академии наук СССР за то, что он опроверг основы советской науки? Тот же Ясперс, о котором сегодня говорили, потеряв кафедру, у себя дома устроил семинар. Мог ли Бердяев или Флоренский устроить такой семинар в СССР? Понятно, этого не могло быть. Было нечто схожее – террор, господство партии и прочее.

В этом смысле я считаю, что мы продолжаем жить в советском. Это не прошлое. Я не оправдываю и не радуюсь. Я хочу сказать, что это не прошлое, а настоящее. То, что происходит сегодня, это реализация очень многого, что накопилось в 1950-е, 60-е, 70-е и продолжается до сих пор. К сожалению – для людей либерального толка. В том виде, о котором говорил предыдущий оратор, для переработки или проработки прошлого я сейчас просто не вижу ни возможности, ни оснований. Дело в том, что советское – это создание современной урбанистической России. Другой, к сожалению, нету. И нам не к чему апеллировать. Вот в чем проблема. Я совершенно в этом смысле не пораженец. Нужно поднимать руки и катиться по рельсам, на которых сейчас находится Россия. Как ученые, мы должны иметь это в виду. У нас все-таки особый случай. Нацизм не был процессом осовременивания человека; советский коммунизм стал им. Конец 1960-начало 70-х годов вообще в истории России были самым благоприятным временем. Происходит рост экономики, рост науки, постепенная эмансипация общества. Мы не должны недооценивать эффект потенциала гражданского общества. В этом смысле я с трудом представляю, как мы все вслед за немцами этим займемся. Я не представляю, что и немцы бы этим занялись, если бы их не поставили в эти условия, а потом не интегрировали в Европу. Вопрос заключается в том, что нас никто никуда не хочет интегрировать. Мы по-прежнему одиноки. Без союзников на Востоке и на Западе. В России отвратительная антизападническая риторика. Но я вам должен сказать, что есть и высокомерие Европы по отношению России и неуважения Запада к национальным интересам России. Тем не менее нас никто никуда не берет и в ближайшее время не возьмет.

А что касается единого учебника, то это учебник для 12-летних детей. Если мы им будем давать концепции, они сойдут с ума и ничего не поймут. Студенты, может быть, школьники 16-17 лет уже поймут, но сейчас речь не об этом. Я не сторонник инициатив В.В. Путина, вообще не его дело лезть в преподавание, президент должен заниматься другим делом. Но такова русская традиция. С другой стороны, я не могу себе

представить огромную страну, где будут абсолютно разные учебники. Тогда на чем будет базироваться консенсуальность общества? Я не сторонник единого учебника, но и то, что все будет отдано на откуп властям, регионам – Уфе, Москве, Ростову... Тогда не будет общероссийской идентичности (*Овации*).

Н.С.Авдулов: Илья Владимирович, наш президент говорил, что хвастит навязывать вину нашему народу за прошлое. Один деятель первой половины XX века одного государства, как помнится, говорил: «Я освобождаю вас от химеры по имени совесть». Эти утверждения идут в одной плоскости и по одной линии...

И.В.Кукулин: Мне кажется, нужно развести и сопоставить то и другое. Сходство состоит в том, что один человек является главой страны и берет на себя полномочия выносить нравственные суждения от имени всей страны, которой он руководит. В дальнейшем начинаются отличия. Потому что освобождение от химеры, называемой совестью – это индульгенция на будущие преступления. Как писал Высоцкий в песне от лица нацистского солдата:

Не надо думать – с нами тот,
Кто все за нас решит.

Что касается нынешних высказываний по поводу чувства вины – тут ситуация иная. Впрочем, сейчас и оппозиционные деятели (например, журналист Олег Кашин или Герман Садулаев) говорят, что не надо копаться в прошлом потому, что сейчас гораздо важнее решить, как идут дела в настоящем. Один из аспектов этой проблемы осветил Юрий Сергеевич. Настоящее – это и есть наше прошлое, в котором мы должны разбираться. Они неотделимы друг от друга.

Вторая проблема заключается в том, что мне кажется очень важным то последнее, что сказал Юрий Сергеевич. Я думаю, не в школе и не посредством школьных учебников определяется идентичность. Хотя этим словом я стараюсь не пользоваться при анализе отношения общества к прошлому. За учебниками и даже за некоторыми политическими решениями стоит общественный консенсус или отсутствие одного по отношению к истории. В России сейчас консенсуса нет. Его отсутствие не может быть компенсировано учебником и даже множеством учебников. Оно все равно остается отсутствием консенсуса. Необходима общественная работа.

Я позволю себе одну реплику по поводу того, что сказал Юрий Сергеевич. Мне представляется, что эта работа необходима не для того, чтобы

нас приняли в Европу или не приняли в Европу. Она необходима в первую очередь России, независимо от того, есть ли у нее союзники или нет.

Ф.Г.Камкия: Хочу выразить благодарность участникам, организаторам конференции, особенно докладчикам. И у меня вопрос скорее ко всем. Возможен ли консенсус относительно истории, если общество не определилось в консенсусе относительно образа будущего? Мне кажется, эти вещи должны быть связаны.

И.В.Кукулин: Я полагаю, что ситуация устроена наоборот. Общество не определится относительно образа будущего, пока не разберется с прошлым, если (как сказал Юрий Сергеевич) оно настоящее. Мне кажется, одна из важнейших общественных проблем современности такова: под воздействием политических элит происходит чрезвычайное сворачивание горизонта планирования. То есть представления о будущем, как это сказать....

В.П.Макаренко: Я это называю отсутствие перспективного мышления.

И.В.Кукулин: Я бы сказал – минимализация представлений о том, что может быть в будущем. Минимализация любого планирования. Переход от стратегических решений к сугубо тактическим. Отказ от обращения к памяти как к коммуникативному процессу, от разноречивости взгляда на прошлое. Только после того, как будет налажена демократическая дискуссия, станет возможным планирование будущего, потому что планирование будущего не есть дело единое. В обществе всегда существует рынок проектов будущего. Эти занимаются партии, футурологи и фантасты. Люди должны выбирать. И эти проекты будущего применяются и на выборах и в характере движений. Такова проблема всего современного мира. Но в России она усилена благодаря разного рода неблагоприятным политическим условиям.

Ю.С.Пивоваров: Я тоже отвечаю на этот вопрос. Хочу продолжить то, о чем говорил Илья. Вот вы говорите о будущем. Сегодня вся борьба вокруг исторического материала и все споры о Сталине – это только разговор о будущем. Споры идут не о Сталине. Сталин – это некий псевдоним определенных поступков побед, поражений, но не более того. Речь идет о том, какое у нас будет национальное будущее. Был такой англо-американский поэт, он получил Нобелевскую премию, который сказал: «Не только настоящее является под воздействием прошлого, но и прошлое находится под воздействием настоящего». И это вовсе не кокетливая фраза. Дело в том, какое прошлое себе Россия выберет. Что она ска-

жет по поводу сталинских репрессий, что она скажет по поводу 1930-40-х годов. Я не говорю, хорошо это или плохо. Важно, что именно скажет. Здесь есть два опасных момента: 1. Закрывать на все глаза и сказать: я не виноват; так было; я тогда не жил. 2. Но есть и вторая опасность. Есть довольно известный поэт Юрий Кублановский. У него был более известный друг Иосиф Бродский. Однажды Кублановский написал Бродскому стихотворение, там есть такая фраза:

Друг, я спрошу тебя самое главное
Друг, я спрошу тебя самое главное:
ежели прежнее все – неисправное,
что же нас ждет впереди?
Скажешь, мол, дело известное, ясное.
Красное – это из красного в красное
в стынувшей честно груди.

Вот есть такая опасность, которую поэтически передал Кублановский. Если мы скажем, что все советское неисправное, – это конец всему. Вот такое и будет будущее, если наша история все время догоняющая, опаздывающая, неправильная. Если же мы прочтем русскую историю по-другому, другими глазами, прочтем ее как историю нормативную... Было или не было Возрождения – не в этом даже дело, можно спорить, но это наша история, наша тысячелетняя история и другой быть не может. Я не вижу другого подхода. Бросание из крайности в крайность ни к чему не ведет. Нельзя все ставить на точку постоянного самобичевания. Здесь нужно быть в высшей степени осторожным. Как говорил ваш ректор, все мы здесь с вами преподаватели и в преподавательском процессе, конечно, должна быть золотая середина. Иначе, – а что получится тогда иначе, я не представляю.

В.П.Макаренко: У меня есть вопрос. Моя жена Тата, когда я ей зачитываю отрывки исторических книг, убегает от меня как черт от ладана. Как я могу относиться к нашей истории иначе, – например, к той истории России, которая написана князем Петром Долгоруковым?

Ю.С.Пивоваров: Зависит от того, как смотреть на историю – через «Двенадцать стульев» или тексты Салтыкова-Щедрина. Да, конечно, метко, хлестко сказано, но это далеко не вся правда. К тому же это очень односторонне.

И.В.Кукулин: Я бы хотел несколько возразить, мне кажется, что это разговор об очень важных вещах, поэтому я позволю себе вклиниться. По поводу того, что прошлое все неисправно. Вот был мальчик, поэт Ле-

онид Киселев, погиб совсем молодым. В десятом классе поместил в «Новом мире» подборку, где были строки:

За долгую историю России
ни одного хорошего царя.

Ему отвечал кто-то из академиков наших исторических, что все не так плохо. А вот то, что прошлое все неисправное, возникает от ощущения того, что самое главное из всей истории России и вообще всего, что происходит в истории – это решения начальства. Может, сейчас я спровоцирую дискуссию, значит, у меня такая судьба. Я полагаю, что с начальством в России действительно не повезло. По какой причине? Сейчас это обсуждать не буду. Этот предмет разговора интересный, но, к сожалению, не для нас. Я полагаю, что в истории России было много хорошего, связанного не с политическими решениями и не с политическими репрессиями. Полезно провести инвентаризацию того, что у нас есть. Я повторяю еще раз, что работа Ключевского, опыт Древней Руси, хотя и давний, был началом такой инвентаризации. В России всегда была много хорошего, связанного с культурой, наукой. Иногда это процветало, иногда подвергалось таким репрессиям, которые описаны в известной повести Лескова «Левша». Я думаю, что истории талантов, которые оказались частично загублены, а частично расцвели, еще не собраны и не изучены.

В.Ю.Попов: Вопрос к Юрию Сергеевичу Пивоварову. Советский период – это осовременивание России и русского человека, но можно ли считать его отчасти демодернизацией? Возьмем идею колхозов. Она восходит к идее больших агропромышленных комплексов, которая возникла в США в конце XIX – начале XX века. Ваш тезис каким-то интересным образом входит в конфликт с трендом, который можно назвать ликвидацией современности в России. Это совокупность идей архаизации, традиционализма, сохранения традиций. И надо еще разобраться, что именно понимается под традициями. Я ощущаю перспективу конфликта сторонников идеи ликвидации, а в их лагере часто есть люди, которые оценивают позитивно именно советское прошлое. Вот этот конфликт идей советского как осовременивания и идеи советского как традиционного. Об этой перспективе вы могли бы что-либо сказать?

Ю.С.Пивоваров: Я понимаю, что вопрос принципиальный. Но так случилось в русской истории, что именно через страшный сталинский режим и гораздо менее страшный и даже приемлемый хрущевский, брежневский периоды произошло рождение русской modernity, русской современности. Это значит, что произошла варварская модерниза-

ция. Осовременивание действительно произошло в отрыве от высокой культуры. Мы собственную культуру практически полностью уничтожили, убили, выслали, запретили. Оно произошло вне религиозных рамок. Я могу вам сказать, когда спрашиваешь западных профессоров, которые преподают: в чем отличие между студентом из бывшей ГДР и бывшей ФРГ? Ум и талант примерно одинаков. Но студентов из бывшей ГДР называют «Те варвары с востока». А почему? Мы 40 лет жили в нерелигиозной ситуации. Речь не идет о том, что верующие практикующие католики или протестанты не жили в контексте христианском.

И современный русский человек тоже каким-то образом складывался. Конечно, его мировоззрение чудовищное, это обрывки каких-то устаревших представлений, и в этом смысле это демодернизация. Я говорю об ином, о вещах более массового типа. Массовое поголовно грамотное урбанистическое общество – таков результат советской системы. С всеобщими социальными и медицинскими гарантиями, пусть низкого качества. Недооценивать это нельзя. Недооценивать не в том смысле, что как здорово это было, что мы должны все это учитывать. Сейчас, напротив, это разрушается, идут какие-то другие процессы. Конечно, все гораздо сложнее, чем предложенная мной схема, ведь невозможно все это представить.

В этом-то и вся трагедия для нас сегодняшних: назад в прошлое мы не пойдем, но это прошлое является нашим настоящим. Нацизм кончился в Германии, а советское никуда не ушло, оно осталось здесь. Не случайно у власти стоит когорта офицеров госбезопасности, я прекрасно понимаю психологию этих людей. Потому что сам из этого поколения. У меня судьба почти путинская. Мне тоже после окончания учебного заведения предлагали работать в разведке в Германии. Я мог уехать в Германию в Потсдам. Но я отказался и пошел в аспирантуру, понимая ментальность этих людей. И на самом деле: они действительно не знают, что делать. Все может развалиться, ко всему прочему.

Еще один момент, о чем говорит Илья: Европа – не Европа. Германия оказалась в системе европейских и евроатлантических связей, и восстановление шло менее болезненно. Это как если болеть в больнице или болеть в степи. Проблема заключается в чем? Мы одиноки. Мы геополитически оказались заложниками в этой мировой ситуации. Сегодня весь водный ресурс Сибири работает на развитие экономики Китая. У нас нет промышленности, мы уже стали экономическим придатком Китая. Вот где проблема возникает. Запад совершенно не хочет учитывать наши

интересы. По всем мелочам нас кусают. Например, тема получения виз. Сейчас не только американцы, но и немцы говорят то же самое. Это все такие мелкие придирки. Главное в том, что в нас не видят партнеров. Не видят людей, с которыми можно разговаривать. Но нам никуда не деться от советского периода. Вот как современная Франция – это детище эпохи Наполеона III: дома были построены тогда, основные законы были приняты тогда. Мы – детище советской России, нам из этого не вырваться в ближайшее десятилетие. Я бы хотел, но не вырваться.

В.Ю.Попов: Вы сказали очень важную фразу: «Я отказался...» Вот если бы вы сказали, почему вы отказались, это был бы узловой момент для всей конференции (*Зал разразился смехом, даже нервным сдавленным хохотом*).

Ю.С.Пивоваров: Могу рассказать. Я родился в 1950-м году в Москве. И к нам после 1956 года стали приходить люди, не родственники, а так – переспать и поехать дальше. Я уже в 8 лет все понял. Абсолютно! Я знал, что никогда не стану членом КПСС. Мы в молодые годы, в МГИМО, где я учился, создали подпольный антисоветский кружок, в который входил нынешний министр иностранных дел Сергей Лавров. Мы хотели заниматься антисоветской деятельностью. Меня арестовывал постоянно КГБ с 1971 по 1988 год. Могу сказать, что я был законченный антисоветчик.

И.В.Кукулин: Есть несколько уровней в дискуссии, которая сейчас завязывается. Я хотел бы прокомментировать: для меня самое важное в этой истории – реакция общества. Потому что безобразные истории происходили всегда. Я решал для себя вопрос: как студентам отвечать? Студенты говорят: Генрих VIII и английская Мария Шотландка, она же кровавая Мэри, погубили кучу народу. А в России Иван Грозный. Почему история отличается, почему в Англии одна, а в России другая? Потому что в Англии это вызвало серьезную политическую реакцию. В России она была подавлена жестокими мерами. Я хотел бы также дезавуировать одно из своих резких высказываний. В России не то, чтобы не повезло с начальством, а для меня чрезвычайно важно отказаться от взгляда на историю, по которому в центре стоит политика и политические решения. Они являются только частью.

Ю.С.Пивоваров: Конечно!

И.В.Кукулин: И еще одна важная вещь, которую я хотел сказать: о модернизации. В отличие от Юрия Сергеевича я полагаю, что в истории России было несколько моделей модернизации. Мы пожинаем плоды большевистской модернизации, но она была не единственной. Есть

странная статистика. Надо посмотреть процент неграмотных, но не только при советской власти, но и в конце XIX-начале XX века...

В.П.Макаренко: Это делал Борис Николаевич Миронов в двухтомнике по социальной истории...

И.В.Кукулин: Да-да! Количество неграмотных быстро сокращалось. После революции оно резко выросло. Большевики ликвидировали ту неграмотность, которая была порождена гражданской войной, которую они сами и развязали. И была другая модернизация, чем та, которая происходила до революции. У нас было минимум две модели модернизации, но я полагаю, что неявным образом их было больше. Произвести учет этих моделей модернизации – такова наша задача как историков.

А.В.Лубский: А как вы относитесь к идее о том, что России не повезло с народом?

И.В.Кукулин: На самом деле я не знаю (*Смех и гудение междусобойных разговоров*).

Б.А.Камкия: Меня, как и всех, касается стабильность. Конечно, роль истории в этом громадная. Как бы не впасть в какую-то крайность. Не так давно я общался с англичанином. В разговоре был такой эпизод. Он меня удивил тем, что не сказал, а ведь наша страна пережила еще более страшные трагедии, страшную историю. Возможно, мы сегодня смотрим на свою историю сквозь призму европоцентризма?

Ю.С.Пивоваров: Я думаю, этот англичанин ничего не понял и ничего не понимает. Не то, что англичанин или француз, он конкретно не понимает. То, что произошло с Россией в XX-ом столетии, – величайшая трагедия. Меня уже много раз ругали в разных местах, но это не мои слова, это слова Солженицына, которые он очень точно сказал: «Россия проиграла XX век». Как не крутись, мы, русские, должны признать, что мы проиграли XX век. Сторонники коммунистической идеи вынуждены это признать, сторонники белой идеи, федералы, почвенники, безусловно, все. Но мне хочется ответить на вопрос, что России с народом не повезло...

А.В.Лубский: Это шутка!

Ю.С.Пивоваров: Нет, это не шутка.

А.Н.Ерыгин: Достоевский что сказал?

Ю.С.Пивоваров: По поводу – повезло России с народом или нет. Был такой человек Струве. Мне кажется, он уже упоминался сегодня. Незадолго до своей смерти году в 1939-40-м, в письме госпоже Кусковой. Помните, такая была дама? Он ей написал: У нас привычно ругают кого? у нас можно ругать, кого угодно – церковь, царя, бюрократию, интелли-

генцию, офицерство, кого угодно. А так называемое простонародье ругать нельзя. Руки оторвут. Вот, как народ решит. Захотел украсть у барина, не знаю, курицу, сжечь дом – сожжёт. А не захочет – не будет. Сегодня красные – хорошо. ...Завтра белые? Тоже прекрасно. Почему же у нас тогда никто об этом не скажет? Струве был большой патриот. Не важно, что он этнический немец. Он большой русский патриот. Народ священный...церковь, царя, интеллигенцию – все ругать можно, а народ нельзя. Это серьезная проблема.

А.В. Лубский. Этическое и идеологическое в интерпретации советского прошлого

К советской истории применимо модное ныне противопоставление истории как «science» и истории как «art», строгой науки и нарративной логики историописания. История как строгая наука предполагает, что в рассудочном историческом знании не должно быть ничего того, что не относится к предмету познания; в нарратологии, наоборот, историческое знание рассматривается как проекция экзистенциальной интенции и воображения самого историка.

В настоящее время в исторической эпистемологии сформировалось такое направление, как радикальный конструктивизм. Его представители считают, что мир прошлого вне различных социокультурных практик не играет никакой роли в производстве исторических знаний, и поэтому историческое прошлое сводится ими к множеству случаев установления социокультурных конвенций относительно тех или иных исторических событий и ситуаций. Исторические знания, полученные в соответствии с определенными социально санкционированными понятийными схемами, проходят социокультурный селективный отбор, который осуществляют различные социальные группы, прежде всего группы давления на производителей исторического знания.

В рамках радикального конструктивизма история, лишенная статуса строгой науки, сводится к нарративной логике историописания. В исторической эпистемологии нарратив как особая форма и способ презентации исторической реальности оказался предметом особого внимания, благодаря лингвистическому повороту в историческом познании. Этот поворот актуализировал различия между научным историческим исследованием как производством исторических фактов и историописанием как рассказом, в котором воображение историка на основе конфигуративного замысла упорядочивает исторические факты и наполняет

их значением и смыслом, исходя из культурно-символического контекста. В этом плане исторический нарратив, содержащий правдоподобные высказывания фактического характера, является продуктом культуры и языка познающего субъекта, которому заранее известен финал исторического повествования, стягивающий все сюжетные векторы его рассказа в общий фокус. Поэтому исторический нарратив является не столько описанием исторической реальности, претендующим на адекватность, сколько «инструкцией» по определению и пониманию прошлого.

Непосредственно с радикальным конструктивизмом в исторической эпистемологии связано такое течение в нарратологии, как нарративный идеализм. В рамках этого течения исторический нарратив, в отличие от описания и объяснения прошлого, рассматривается, с одной стороны, как его интерпретация, т.е. нахождение единства в разнообразии, с другой – как презентация в виде гештальта, автономного по отношению к исторической действительности. Исторический нарратив как интерпретация и презентация, обращаясь к прошлому, не корреспондирует с ним, а обозначает его с помощью языка познающего субъекта как средства интерпретации исторической реальности, и добавляет к картине прошлого все то, в чем нуждается историк для его осмысления и представления.

В нарративном идеализме прошлое – это не текст, который переводится историком в нарратив, а повод для создания исторического нарратива как метафорического заявления, служащего связующим звеном между прошлым, которое в нем описано, и структурами, конвенционально используемыми в культуре, для того чтобы наделять значениями и смыслами незнакомые события и ситуации. Поэтому исторический нарратив относится не к прошлому, а к историческому дискурсу по поводу конкурирующих исторических интерпретаций. В рамках нарративного идеализма различные интерпретации истории согласуются не через соотнесение их с фактами, а с аргументами текстов нарративов, и поэтому допускается, что исторический нарратив обладает своего рода правом насилия над исторической реальностью. В этом смысле исторический нарратив как конструкт исторической реальности – это образ возможного прошлого и его концептуальное предпочтение.

В условиях нарративизации советской истории особое влияние на конструирование ее образов в настоящее время оказывают различные риторические и идеологические стратегии, используемые авторами для усиления «эффекта объяснения». При этом можно выделить четыре ри-

торических стратегий объяснения советского прошлого посредством построения сюжета: героизация, драматизация, трагизация и демонизация; посредством идеологического подтекста – три стратегии: консерватизм, национализм и либерализм. Риторические и идеологические стратегии способны возбуждать массовое историческое сознание значительно сильнее, чем академические исторические изыскания, придавая ему конфронтационный характер.

Кроме того, образы возможного прошлого и их концептуальные предпочтения складываются как проекции различных исторических дискурсов: метафорического, метонимического, синекдохического, иронического. Метафорический дискурс представляет текст как мифологическую структуру. В метонимическом – текст понимается как отражение реальной действительности. Синекдохический дискурс рассматривает текст как фрагмент более общей системы, а иронический – как возможность стилизации и пародии другого текста.

В связи с этим исторические знания о советском прошлом могут быть всегда «размонтированы» и преобразованы в другие интерпретации. При этом существенное влияние на производство знаний и отбор «истинных описаний» оказывают насилие, власть, деньги, авторитет, репутация ученых, их способность пойти на сделку с властью и собственной совестью, множество существующих конвенций, убеждение, уговоры, внушение, риторика. Этим обусловлена актуальность понимания этических и идеологических акцентов в интерпретации советского прошлого.

В последнее время история как как «art» и нарративная логика исторического описания становится, с одной стороны, «опиумом для народа», с другой – «идеологией, обращенной в прошлое». Это касается и современной России, в которой интеллектуалы, не договорившись о будущем страны, продолжают бескомпромиссно спорить о ее прошлом. При этом они стремятся не только спорить, но и приватизировать историю России, создавая различные ее «коллективные образы» прошлого, поскольку, как говорил Дж. Оруэлл, кто распоряжается прошлым, тот распоряжается будущим. Любой «коллективный образ» прошлого – это паттерн условный и абстрактный. Но эта абстракция воплощается во вполне конкретных вещах: в публичных политических и нравственных оценках исторических событий, государственной политике, межнациональных отношениях.

В советское время история СССР рассматривалась с научной точки зрения как формационный прорыв к вершинам социального прогресса,

с нарративной – как героическая эпоха. Для самосознания большинства граждан постсоветской России история Советского Союза неотделима от ее собственной истории, правда, без особых претензий на то, что СССР был «вершиной» прогрессивного развития человечества и эпохой героических свершений. Российское государство объявило себя правопреемником СССР, и отчасти поэтому оно оказалась удобным объектом для ряда соседних стран, на который можно возложить историческую ответственность за все свои исторические и современные «беды». Для этого достаточно отождествить сегодняшнюю Россию со сталинским СССР и указать на нее как на источник своих национальных трагедий.

Россия, со своей стороны, нашла особый способ облегчения ноши, возложенной на нее историей. Вместо попыток научного осмысления истории XX в. происходит ее нарративизация, в рамках которой наблюдаются две крайности: с одной стороны, возрождается, с небольшими изменениями, советский державно-патриотический миф об отечественной истории как череде славных героических свершений, а с другой – происходит либеральная демонизация советской истории.

В связи с этим возникает проблема этического и идеологического в интерпретации советского прошлого. При этом можно выделить две сферы взаимодействия истории и этики: первая связана с использованием результатов деятельности историков (исторических знаний) прежде всего в политике и повседневной жизни; вторая – с производством исторических знаний и поведением историков в академическом сообществе.

Рассматривая проблему этического и неэтического в той сфере, которая связана с использованием исторических знаний следует отметить, что этические императивы существуют не сами по себе, они дают о себе знать, когда встречаются два или более субъектов. Уже то, что этические императивы актуализируются только в «местах встречи» субъектов, делает их относительными, ибо то, что безнравственно для одних, очень даже нравственно для других.

Отечественные историки, утратив топику «советского марксизма», сохранил и прагматику, и стилистику его интеллектуальной работы. В свое время В.И. Ленин считал, что «нравственно все, что служит построению коммунизма, делу революции». Надо полагать, что «все» включает и научную деятельность историков. Поэтому сегодня, например, для некоторых историков нравственно «все», что способствует этнической мобилизации (национализму), великодержавному патриотизму (консер-

ватизму) или выходу России на цивилизационный путь развития (либерализму).

Кроме того, следует подчеркнуть, что сами по себе научные исторические знания не бывают нравственными или безнравственными. Они становятся таковыми (в русле конкретных этических ориентаций), когда их начинают использовать в определенных целях. Так, боевой темой современной российской историографии является сталинский режим в СССР. Одни (с позиций радикальных либеральных ориентаций) считают, что неэтично историкам писать о Сталине в «хороших» тонах, имея в виду аморальность сталинского режима. Другие (с позиций прагматически консервативного этатизма), наоборот, считают неэтичным писать о Сталине в плохих тонах, имея в виду превращение СССР в мощную индустриальную державу.

Сейчас на Западе этическим императивом и признаком хорошего тона является говорить об идентичности тоталитарных режимов в Германии и СССР. При этом западные интеллектуалы и политики исходят из либерального понимания тоталитаризма и его универсальных признаков, сформулированных еще в 50-х гг. прошлого века. При этом они не обращают внимания на разную природу тоталитаризма в СССР и Германии, на то, что в нашей стране был – используя модное выражение – «суверенный» тоталитаризм. Не берется в расчет и историческая судьба тоталитаризма в СССР и Германии: Германия проиграла войну, и искоренение тоталитарного наследия в ней носило не столько органический характер, сколько было навязано победителями. Этим во многом объясняется менее негативное, например, отношение к Гитлеру в Австрии или Восточных землях Германии, а также позитивное отношение значительной части современного российского общества к Сталину, хотя большинство россиян не хотело бы жить в сталинскую эпоху. В таких ситуациях этично, неэтично – это проблема индивидуального выбора и прагматических оценок сталинского режима.

Неэтичность в другом: неэтично игнорировать «чужую» историческую память, делая вид, что ее не существует вовсе, огульно объявляя ложными те факты и толкования, которые за ней стоят. Не этично превращать страдания и несчастья собственного народа в род нравственного преимущества перед другими народами, якобы (или в действительности) не так сильно пострадавшими, использовать эти страдания как политический капитал, конвертировать их в списки претензий к соседним странам и народам.

Рассматривая проблему этического и неэтического в той сфере, которая связана с производством исторических знаний и поведением историков в академическом сообществе, отметим, что неэтичным выглядит в историческом познании методологический сепаратизм. Этот сепаратизм сопровождается, с одной стороны, гносеологическим ригоризмом, т.е. решительным неприятием представителями той или иной парадигмы других возможных способов познавательной деятельности, а с другой – признанием в качестве универсального только своего способа изучения исторической реальности.

В результате историческая наука начинает походить на коммунальную квартиру, а научное сообщество – на «интеллектуальных пауков в банке», которые не хотят понимать друг друга и отчаянно сражаются, доказывая научную несостоятельность соперника. При этом борьба концепций трансформируется в борьбу личностей, их самолюбий, и тогда в ход идут отнюдь не моральные средства, такие как напрасные обвинения, ложь, клевета, высокомерная издевка. Практикуется также замалчивание результатов, полученных «противной стороной», игнорирование ее успехов. Сторонники одной концепции насмеются над аргументами другой, изображают идеи своих оппонентов, да и их самих в неприглядном свете, величая их фальсификаторами или лжеучеными. При этом стороны очень часто начинают апеллировать к вождям и президентам как арбитрам в научном споре.

В этом плане неэтично отказывать другим, кто мыслит иначе, в праве на стремление к истине. Не этично навязывать свою версию советской истории, даже если она «проверена и одобрена» государством в качестве единственно правильной и не подлежащей научной фальсификации.

Неэтично также специально производить исторические знания для их использования в далеких от науки целях. В этом плане неэтична деятельность историков, связанная с осознанной фальсификацией прошлого.

Осознанная фальсификация в деятельности историка – это сознательный отказ от поиска истины в историческом познании или сознательное искажение исторических фактов и их тенденциозная трактовка в целях, не имеющих отношения к исторической науке. Мотивы осознанной фальсификации в историческом познании могут быть самыми разнообразными: 1) политическими и идеологическими, связанными с легитимацией политических режимов или идеологических проектов; 2) личностно-психологическими, основой которых выступает желание са-

могут утвердиться, получить общественное признание путем подготовки сенсационных «разоблачений» или «открытий» в исторической науке, способных перевернуть существующие представления о советском прошлом; 3) коммерческими, обусловленные стремлением приобрести не только славу, но и деньги.

Можно выделить также внешние и внутренние причины осознанных фальсификаций в «проработке» советского прошлого. Внешние причины осознанных фальсификаций, или когнитивных измышлений, заключаются в том, что в условиях политизации или этнизации советской истории спрос на научную историю в локальных сообществах всегда значительно меньше, чем спрос на исторические мифы, выступающие средством национальной интеграции или этнической мобилизации. Фальсификации советской истории и связанные с ними разного рода сенсационные «открытия» в историческом познании, закрашивание «белых пятен» в истории привлекают обывателя своей доступностью и анти-академическим шармом.

Кроме того, различные фальсификации советской истории *очень часто становятся политическим ресурсом: политики то и дело используют отдельно взятые исторические факты и их пристрастные интерпретации для обоснования своих популистских амбиций и политических действий. Поэтому неэтично превращать историю советского общества в инструмент для достижения сиюминутных политических целей, «дубинку» в руках людей, которым, в сущности, нет дела ни до национальной памяти других народов, ни до трагедий, пережитых их собственными народами, ни до прошлого вообще.*

Внутренние причины осознанных фальсификаций истории обусловлены такими негативными, в том числе и с этической точки зрения, тенденциями в современном историческом познании, как: 1) ангажированность, 2) антрепренерство, 3) нашествие «околонаучного маргинала».

Историческое познание всегда носит ангажированный характер, поскольку еще ни одному историку не удалось, как говорил М. Вебер, избавиться от идолов собственного сознания, или, как сейчас говорят, фреймов восприятия прошлого. Однако существует другая ангажированность исторического познания, которая проявляется в предвзятом отношении к историческому прошлому, обусловленному сознательно выбранной идеологической или политической позицией.

Ангажированность исторического познания сопровождается производством исторических знаний, носящих идеологическую или поли-

тическую окраску. В результате история превращается в первом случае в проекцию идеального будущего, а во втором – в «политику, опрокинутую в прошлое». Такая ангажированность формирует порой диаметрально противоположное отношение к советскому прошлому.

Советский период некоторым представляется вообще выпадением из человеческой истории и лакуной в культуре. «Я воспринимаю то, что произошло с этой страной в результате Октябрьской революции 17 года как выход из времени, из истории и из жизни», – говорил известный советский интеллектуал М.К. Мамардашвили 1990 г. на французском радио. Другим советская история представляется органическим периодом российской истории, материальными и духовными достижениями которого надо гордиться. Третьи предлагают сделать советскую историю предметом открытой национальной дискуссии. Четвертые – поводом для коллективного покаяния. Пятые рассматривают советскую историю как предмет произвольных толкований или сырье для непрестанных фальсификаций.

Среди российского руководства, стремящегося использовать различные интерпретации советского прошлого в качестве символического капитала власти, также нет единства в понимании советской истории. Так, на встрече с делегатами Всероссийской конференции преподавателей гуманитарных и общественных наук в 2007 г. Президент РФ В.В. Путин, предлагая державно-патриотическую интерпретацию советской истории, отмечал: «Что же касается каких-то проблемных страниц в нашей истории – да, они были. Так они были в истории любого государства! И у нас их было меньше, чем у некоторых других. И у нас они не были такими ужасными, как у некоторых других. Да, у нас были страшные страницы: давайте вспомним события начиная с 1937 года, давайте не будем об этом забывать. Но и в других странах было не менее, пострашнее еще было. Во всяком случае, мы не применяли ядерного оружия в отношении гражданского населения. Мы не поливали химикатами тысячи километров и не сбрасывали на маленькую страну в семь раз больше бомб, чем за всю Великую Отечественную [войну], как это было во Вьетнаме, допустим. У нас не было других черных страниц, таких как нацизм, например. Да мало ли чего было в истории каждого государства и каждого народа! И нельзя позволить, чтобы нам навязывали чувство вины, – о себе пускай подумают. Но мы для себя должны не забывать об этом – и мы не будем об этом забывать».

Спустя год, Президент РФ Д.А. Медведева, сторонник либеральной интерпретации советской истории, в «Послании к Федеральному собранию» подчеркнул: «В России на протяжении веков господствовал культ государства и мнимой мудрости административного аппарата. А отдельный человек с его правами и свободами, личными интересами и проблемами воспринимался в лучшем случае как средство, а в худшем – как помеха для укрепления государственного могущества. Повторю, так было на протяжении веков... Поэтому принятие в 1993 году Основного закона, провозгласившего высшей ценностью человека, его жизнь, его права и собственность, стало беспрецедентным событием в истории российской нации».

На следующий год в «Послании к Федеральному собранию» Президент РФ Д.А. Медведев подчеркнул, что «престиж Отечества и национальное благосостояние не могут до бесконечности определяться достижениями прошлого». «Вместо архаичного общества, в котором вожди думают и решают за всех, станем обществом умных, свободных и ответственных людей. Вместо сумбурных действий, продиктованных ностальгией и предрассудками, будем проводить умную внешнюю и внутреннюю политику, подчиненную сугубо прагматичным целям. Вместо прошлой построим настоящую Россию – современную, устремленную в будущее молодую нацию, которая займет достойные позиции в мировом разделении труда».

М. Джилас, говоря об идеологической ангажированности истории, отмечал, что идеолог, если и не пишет непосредственно в пользу власти и движения, всегда держит в уме их «высшие интересы». К этому его обязывает сама природа идеологии – ее действенная роль в изменении чуждого мира, в усилении своего течения и сохранении своего устройства. Вот почему в идеологически написанной истории значительное место занимают интерпретации – прошлое «загоняют» в «истину» движения и потребностей власти.

Об идеологической ангажированности наглядно говорят, например, названия разделов в ряде современных российских учебников истории: «Поиски обретения свободы»; «Крестьянство на Голгофе»; «Партийный диктат и культура»; «Партия – ядро тоталитарной системы»; «Промышленная модернизация в тоталитарном исполнении»; «Крах плановой экономики»; «Мировая революция и мировая война»; «Советско-германский сговор»; «Советская тюрьма народов». Идеологический компонент здесь обнаруживается со всей очевидностью: это – идеоло-

гия либерализма. У государственников-консерваторов названия другие: «Русь», «Россия», «Российская империя», «СССР», «Новая Российская государственность».

Большую роль в «проработке» советского прошлого играет политическая ангажированность. При этом в зависимости от развития политического режима в России возможны различные варианты интерпретации советского прошлого. В случае усиления авторитарных тенденций, неизбежным будет глорификация Сталина и его режима, как вершителей индустриализации и победы. В случае либерализации нынешнего режима, возможно сосуществование двух радикально отличающихся версий оценки советского прошлого (государственнически-консервативной и радикально либеральной).

В связи с этим государственная историческая политика в России, скорее всего, будет сохранять некий привкус амбивалентности, когда курс на реставрацию советской героики и великодержавного патриотизма будет сопровождаться непринципиальными идеологическими реверансами и уступками в адрес тех общественных групп, которых не устраивает ни «хороший Сталин», ни «Великая Победа», приведшая к экономическому триумфу побежденных.

Антрепренерство в историческом познании связано со стремлением некоторых историков братья за решение любых познавательных задач и искажать полученные результаты в угоду заказчику. Антрепренерство часто обусловлено «этосом» государственной или этнической сервильности, определяющим институциональные каноны познавательной деятельности историков. В этой деятельности на первый план выходит не стремление к истине, а удовлетворение запросов со стороны государства или этнических групп в ракурсе исторического «прозелитизма», т.е. стремления «обращать других в свою веру».

В связи с этим следует указать на некоторые черты современной государственной исторической политики в России, которая базируется на четырех политических/идеологических постулатах, артикулируемых ее авторами и промоутерами: во-первых, история является объектом политической борьбы (в том числе, и международной), значит, ее нельзя оставлять только историкам; во-вторых, поскольку «все делают это», то проводники исторической политики, разными средствами (от финансовых до административных), маргинализируют неугодных им историков и поддерживают выгодную им версию прошлого; в-третьих, эксплуатируется тезис о внешней угрозе, перед лицом которой «наши» историки

должны сплотиться и мобилизоваться на защиту «нашей» истории, которая является объектом нападков извне; в-четвертых, используется тезис о «недостатке патриотизма» в школьной истории и учебниках, что ведет к необходимости пересмотра содержания школьной истории, ее унификации именно с целью гражданского воспитания; в-пятых, поскольку нам нужны не бездумные патриоты, а думающие, то изучая советскую историю, школьники должны знать разные точки зрения и учиться думать.

«Нашествие околонучного маргинала» – это появление в сообществе историков дилетантов без специальной профессиональной подготовки, но жаждущих признания и претендующих на «переворот» в исторической науке. Типичным примером их продукции является «фолк-истори» – своего рода номинация для обозначения претендующих на научность литературно-публицистических трудов, а также идейно-теоретических концепций на исторические темы, созданных с позиций негационизма как разновидности исторического ревизионизма, при котором «новая» концепция строится на полном отрицании предшествующих теорий и выборочном использовании подходящих фактов.

В связи с этим историки обращают внимание, например, на сенсационные разоблачения В. Суворовым агрессивных планов Сталина накануне Великой Отечественной войны, которые появились в России в начале 90-х гг. XX в. «Ошарашивающая истина» преподносится автором в гипертрофированной, экзальтированной форме. Если «неготовность», то обязательно «полная», «нехватка» – «чудовищная» и «катастрофическая», «трусость» – «всеобщая», «академии, ученые, учебники, эксперты» – обязательно «все в мире». Книги В. Суворова проникнуты весьма специфическим отношением к источникам, которое можно выразить формулой: «что надо, то и вижу». Соответственно, все то, что не укладывается в заданные концепцией рамки, этим автором просто не замечается. Тенденциозный отбор фактов, потребовались автору для иллюстрации уже готового и сформулированного им еще до начала «исследования» вывода: коммунистический Советский Союз – самая агрессивная страна в мире, готовившая насильственное распространение коммунизма по всему демократическому миру. Если бы не превентивный удар Гитлера, пожертвовавшего судьбой Германии в неравной борьбе с колоссальным монстром РККА, весь мир был бы поработен Сталиным.

Представьте себе российского обывателя. Все знают, что была тяжелейшая Великая Отечественная война, что Германия являлась агрессором

и Советский Союз лишь через полтора года смог переломить ход военных действий, а затем одержать победу. Однако нюансы – удел специалистов. И вдруг на обывателя, как обухом по голове, сваливается «открытие» – неудачи советских войск в 1941–1942 гг. связаны с тем, что СССР готовился к нападению на Европу и не ожидал превентивного удара. Все эти «открытия» снабжены ссылками, цитатами из авторитетных источников и т.д. Как быть обывателю? Ошарашивающая «истина», переворачивающая систему привычных представлений, – обязательный атрибут такого рода концепций.

Разумеется, у каждого автора не только может, но и должен быть свой взгляд на советскую историю. Но он не должен строиться на «понаравившихся» фактах и навязываться остальным в качестве истины в последней инстанции. В противном случае борьба за историческую Правду превращается в войну идеологий и политических языков, в которой не может быть победителей и побежденных. Стремление к исторической Правде должно стать полем порождения смыслов, расширяющее пространство intersubъективных значений. Современная историография советского прошлого должна заниматься не столько его «проработкой», сколько стать пространством intersubъективных значений, открытым для новых смыслов.

А.М.Старостин. Метод М.Ферро и проблемы изучения советской истории

Проблемы, представленные на обсуждение конференции «Проблема проработки советского прошлого» вызвали у меня интерес не только как у ученого, философа, претендующего на новации в философско-методологической сфере («философская инноватика»), но и как у эксперта в области политики, который, работая в Президентской академии, должен предлагать определенные рекомендации в политико-управленческой сфере. А также как у гражданина, погруженного в очень сложный, конфликтный социально-исторический ценностно-смысловой контекст усилиями СМИ, политтехнологов, партийных идеологов и общественных деятелей нашего времени – Времени, как долгое время говорили, транзита. А ныне социально-политическая лексика обновляется и говорят не о трендах, а о турбулентности и лиминальности.

Сразу же хочу напомнить, что известным русским поэтом Александром Полежаевым применительно к нашему Отечеству, которое время от времени попадает в зоны турбулентности и лиминальности, уже 200 лет

назад были высказаны поэтически образные, но очень точные, касательные отношения к нашему историческому прошлому, слова:

Была страна под небесами,
 Была великая страна –
 Страна чудес, ... но времена
 Враждуют страшно с чудесами!

Понятное дело, что ностальгическое представление о «стране чудес» значительно усиливается и охватывает большие массы людей в периоды разорительных и мучительных социальных преобразований и сразу после них. В XX веке эти потрясения накрывали Россию трижды: страшная волна Первой мировой, Гражданской войн и иностранной интервенции; не менее опустошительная волна Второй мировой и изматывающей «холодной» войны; и, наконец, современный период, начавшийся с Перестройки и все еще идущий по сценарию – траектории, которые в конце 80-х годов метафорически были обозначены как: «перестройка – перестрелка – перекличка». В каждом таком водовороте вряд ли уцелело бы какое-либо еще государство. А Россия была в центре, в воронке. Еще в начале 20-х гг. XX в. знаменитый Герберт Уэллс, много размышлявший о прошлом и будущем человеческой цивилизации, писал: «К 1920 г. Россия являла собой еще невиданное до сих пор зрелище современной цивилизации, пришедшей к полному краху». И еще, о конце периода, связанного с Первой мировой войной: «Вследствие ее было убито множество людей. Мир обеднел, все страны пришли в расстройство, а Россия была совершенно разорена». А впереди были еще не менее двух разрушительных потрясений. В итоге все «скелеты в шкафу», которые в развитых странах хранят, а то и лелеют столетиями, в России выбрасывались на общее обозрение по меньшей мере трижды. Перемешались все их кости и имена их хранителей. Неоднократно злодеи становились героями, а герои объявлялись злодеями. По многу раз переименовывались города, улицы, да и страна в целом. Менялись праздники. Горели и исчезали по несчастью или умыслу архивы и миллионы документов и свидетелей. А смысловые ключи к пониманию множества документов утеряны или находятся на грани утери. И это не меньшая проблема, чем ключи к пониманию древних культур.

Я говорю об этом постольку, поскольку число идеологизированных и политизированных историков у нас не стало меньше. И хотя мы за короткое время смогли освоить немалое число новых для нас доктринальных и документальных исторических источников, но истори-

ческое профессиональное и массовое сознание не поднялось на новый уровень. Даже известные авторы, претендующие на объективность, слишком спешат с итоговыми выводами, не давая себе труда «отремонтировать» старую машину по производству исторических знаний. Вот небольшой фрагмент из научно-популярной 700-страничной книги известного историка Роя Медведева. Резюмируя сказанное на этих страницах, он подчеркивает: «Одни авторы перечисляют только достижения, другие только пороки советской модели социализма. Следует быть более объективными. Советский союз был уникальным государством с необычной общественной системой. Многие цели и задачи, которые ставились перед нами в программах КПСС, были не только разумными, но и благородными. Однако этими целями нельзя было оправдать примененные лидерами КПСС порочные или даже преступные средства. Такие средства не только дискредитировали цель, но и делали ее недостижимой».

Интересное суждение, в особенности относительно преступности средств. Особенно интересное, если более четко соотнести в историческом времени благие намерения и «преступные» (с чьих-то оценочных позиций – чьих спрашивается?) средства. Получается, что периоды наибольшего задействования «преступных» средств давали наиболее существенное продвижение к благим целям. Иными словами, можно доказывать (и это, разумеется, делается другими, не менее известными историками) противоположную теорему. Но самое главное, что ни те, ни другие, не предлагают новые фундаментальные концепции, которые помогли бы углубить наше понимание собственной (и не только) истории. Гораздо ближе к истине стоят представители науки, опирающиеся на ироничный фольклор, например, такой:

Первое правило переходного периода истории: на каждого историка найдется историк такой же величины с противоположным мнением.

Второе правило переходного периода истории: и оба они неправы.

Но какая же дорога ведет к «Храму исторической истины?» – Ответ на данный вопрос не прост, и он связан с реконструкцией эволюции системы исторического познания. А коль скоро мы выходим на вопросы, связанные еще и с историческим образованием и распространением исторических знаний, то – с углубленным их изучением, причем сопряженным с развитием исторического познания.

Вспоминая работы профессора А.В. Потемкина по истории филологии и эволюции философского знания, правомерно говорить и о

диатрибической традиции не только в философии, но и в историческом познании.

Реконструкция эволюции системы исторического познания и сознания в первую очередь опирается на исследования в области философии истории. Ибо здесь прежде всего обращается внимание на основания главных парадигм в познании истории. В их числе субстанционалистская трактовка, релятивистское понимание истории, экзистенциальное вопрошание о смыслах истории.

В качестве парадигмальных новаций, которые выявляются с помощью инструментария философской инноватики, следует указать на историческую диатропику в рамках глобально-эволюционного подхода, а также применение синергетических и математических моделей к анализу социально-исторических систем. Впрочем и возможности уже известных парадигмальных подходов могут быть углублены и дополнены. На наш взгляд, следовало бы также реконструировать концепцию социального – информационного кодирования М.К. Петрова, обещающую выход на более существенные обобщения в области социально-информационной картины мира, что обещает и реализацию идеи ноосферы и так же, в свою очередь, перевода исторического развития и исторического познания в глобально-эволюционный контекст.

Существенным дополнением понимания сложности и многомерности исторических процессов (политическая история, экономическая история, социальная история в глобальном, региональном и локальном преломлении) и их погруженности в социально-информационное пространство выступает изучение эволюции исторического образования и исторического массового сознания (включая и проблему «исторической памяти»). В этом аспекте я бы подчеркнул значимость «метода М. Ферро». Как известно, Марк Ферро – известный французский историк, представитель знаменитой историографической школы «Анналов» и редактор одноименного журнала. Специализировался в 60-е гг. XX в. на советской истории, защитив докторскую диссертацию о русской революции 1917 г. С начала 80-х гг. XX в. широко известна его книга «Как преподают историю в разных странах мира» (В нашем переводе – «Как рассказывают историю детям в разных странах мира» – издание 1992 и 2010 гг.). Он показал исключительную роль исторического образования и деятельности СМИ в формировании этих феноменов. В частности, применительно к историческому образу недавнего прошлого, который изучался М. Ферро в более чем 50 странах мира, с помощью «Ме-

тода М. Ферро» установлено существенное влияние на образ прошлого страны, нации, крупной общности таких ценностных факторов, как: этноцентризм, идеоцентризм, лидероцентризм, событийный центризм. М. Ферро показал на примере, в том числе преподавания истории в ряде бывших республик СССР, наличие тенденций аберрации (искажений) исторической памяти в виде существенного преувеличения исторической значимости «успешных» событий (военно-политические победы, экономические и социальные достижения) и преуменьшение или исключение из событийного поля поражений, потерь, большой цены успеха. А также подчеркивание решающей роли страны, нации, этноса в «Большой истории», что иногда в нашей культуре обозначают в виде ряда ироничных метафор («Глобус Украины», «Россия – родина слонов» и т.п.).

В частности, в Предисловии к указанной книге М. Ферро указывает на несколько примечательных примеров:

«Все общества Юга деколонизируют свою историю, и часто теми же средствами, какими пользовались колонизаторы, т.е. конструируют историю, противоположную той, что им навязывали прежде. Сегодня у каждой нации есть несколько историй, накладывающихся одна на другую и сопоставляющихся одна с другой».

И далее: «Истории, независимо от ее тяги к научному знанию, присущи две функции: врачевание и борьба... Что касается функции истории как борца, то тут на ум приходят прежде всего манипуляции, практиковавшиеся в СССР. Долгое время предавался забвению Троцкий, а говорилось только о Сталине. Затем имя Сталина исчезло или почти исчезло, а Троцкого стали цитировать часто, но лишь для того, чтобы осудить. С началом перестройки вновь появился Бухарин, стали мягче писать о Троцком, вспомнили Мартова... Еще более радикальна эволюция образования в США. Она состоит в переходе от идеологии *melting-pot* (Америка, как «плавильный котел», в котором перемешиваются народы, превращаясь в единое целое) к идеологии *salad-bowl* («салатница»), согласно которой каждая культура сохраняет свою самобытность. Однако несмотря на все изменения, существует своего рода матрица истории каждой страны: это доминанта, запечатленная в коллективной памяти общества. И очень важно знать суть этой матрицы».

Тенденции исторического образования, показанные М. Ферро еще в 80-е гг., мало поменялись к нашим дням. Показательны в этом плане материалы большой дискуссии о преподавании истории Второй мировой войны в разных странах мира. Здесь, в дополнение к уже известным

со времен М. Ферро феноменам, отмечались такие вещи, как заметные проявления фальсификации истории. К примеру, в докладе известного финского историка Йохана Бекмана подчеркивается: «Фальсификация истории имеет определенную географию. Такие страны, как Финляндия, Польша, Эстония, Латвия, Литва и Украина искажают историю Второй мировой войны сообразно собственным интересам. К тому же относится непрерывная психологическая война против России и русских. Цель этих действий заключается в стремлении уничтожить всё, что может напоминать о Советском Союзе, – т.е. уничтожить Россию. Агрессивные атаки против русских имеют прежде всего психологический смысл, поскольку их объединяет одна задача – заставить русских испытывать вину, растерянность и гнев против руководителей своей страны».

Что касается острых проблем отечественного исторического образования, то наиболее характерные из них – это: работа по «заемным» когнитивным лекалам (соросовские программы); безмерное расширение числа рекомендуемых для преподавателей и учащихся учебников; а также ничтожное число учебных часов, отводимых на изучение Второй мировой войны (4 часа за все годы обучения) и других наиболее значимых исторических событий. Например, федеральный перечень учебников, рекомендованных и допущенных к использованию в образовательном процессе общеобразовательных учреждений, утвержденный Минобрнауки РФ (список действует до 2014 г.) насчитывает 108 учебников.

Понятна озабоченность Президента РФ и его рекомендации о значительном сокращении подобных списков и выработке более четких, сбалансированных подходов к историческому образованию и ориентации на более четко сформулированные цели образовательного процесса в области отечественной истории, включая и советский ее период.

Заклячая сказанное применительно к реконструкции советского прошлого, подчеркнем, что образы его задевают интересы ряда влиятельных социальных и политических групп, которые лоббируют действия, направленные на аберрацию восприятия и фальсификацию недавней истории.

Своеобразным «противоядием» против подобных исторических аберраций выступает метод полицентричной подачи в репрезентации исторических образов, основанный на информировании (в политкорректных формах) массового субъекта о существовании параллельных и альтернативных образов одних и тех же процессов и событий.

Привычки и навыки полицентричного исторического восприятия позволяют снизить эмоциональный накал в историческом восприятии и сформировать более сбалансированное, взвешенное отношение к прошлому.

С.А.Кислицын. Инакомыслие и оппозиция в советскую эпоху

Я сделаю доклад по моей свежей книге. В ее основе лежат взгляды трех человек: Юрия Андреевича Жданова, Михаила Александровича Шолохова и Сергея Сырцова о реалиях советской жизни. Однако на момент написания своих произведений Шолохову было не так много лет. Поэтому крайне сомнительно, чтобы столь юный человек мог обладать достаточным объемом информации и умением ею оперировать, не говоря уже о жизненном опыте. Я придерживаюсь здравого скептицизма и считаю, что даже гениальность может иметь свои пределы. Поэтому надо сделать попытку разобраться с вопросом: не стоял ли за спиной юного писателя кто-то ещё (и кто именно) кем может данная личность (-ти) являться), или всё же дело обстоит в писательском таланте автора «Тихого Дона»? Такой подход не является новаторским, поскольку указанный факт был подмечен уже давно.

В.П.Макаренко: Насколько точна дата рождения Шолохова?

С.А.Кислицын: Никаких неточностей или ошибок быть не может. Именно поэтому создается впечатление, что за фамилией Шолохова скрывается какой-то другой человек, старше и опытнее. Тем самым создается своеобразное «наложение биографий». Тем не менее, следует отметить тот факт, что Шолохов был в советской России очень влиятельной фигурой. Он был фактическим «главой Дона», занимал достаточно высокий партийный пост на «всесоюзном уровне». Я хотел бы сделать автобиографическое уточнение на основе воспоминаний одного из доцентов, с которым я в советское время работал на одной кафедре. Он говорил: «Влиятельнее Шолохова на данный момент на Дону нет никого». Поэтому любые возникающие замечания и любая критика в адрес донского писателя пресекались на корню. В ответ на любую попытку «усомниться» в законности и компетентности Шолохова один из партийных секретарей сказал: «Таких, как вы у нас тысячи, а Шолохов один». Разговор на этом заканчивался.

Безусловно, это было связано с тем, что помимо «Тихого Дона» Шолохов зарекомендовал себя как ярый коммунист, приверженец и последователь советских идей. Причем, последователь искренний и яро увле-

ченный, а не подхалим. Именно поэтому советское руководство было к нему столь благосклонно. Но несмотря на это Шолохов был всё же инакомыслящим человеком, правда, в рамках советской системы. Одним из доказательств служит тот факт, что писатель очень уважал Н.С.Хрущева, но почти в открытую презирал Брежнева.

Начну с того, что роман «Тихий Дон» – один из первых фактов инакомыслия Шолохова. Как известно, автор не скрывал (и даже не делал попыток) скрыть «подвиги» Красной армии и всей советской верхушки, а иногда от имени своих героев позволял слова критики в их адрес. За что сам был нещадно этой самой верхушкой раскритикован.

Итак, первый факт инакомыслия: роман «Тихий Дон», который если не являлся прямой критикой советского режима, то уж явно не способствовал укреплению позиций власти, ибо представленные в нем персонажи-коммунисты если и не выглядели нелепо, то уж явно не способствовали, как говорят сейчас, «поднятию рейтинга» советской верхушки.

Второй факт инакомыслия – письма Шолохова Сталину, в которых он открыто сообщал о бедственном положении крестьянского класса (это явление впоследствии будет названо «голодомором») и критиковал процесс коллективизации. На что Сталин, в свойственной ему резкой манере, ответил: «Не лезь не в своё дело, это политика».

Третий факт инакомыслия – Шолохов едва не стал жертвой «чисток» 1930-х годов (лучше всего данные события описаны в книге Козлова) из-за того, что выступал в защиту глав некоторых райкомов.

Четвёртый факт состоит в том, что в романе «Они сражались за Родину» писатель снова позволял себя критику сталинского режима, так как не мог согласиться с методами правления Сталина, хотя, безусловно, уважал его как выдающегося политического лидера.

Пятый факт – открытое осуждение расстрела протестной демонстрации новочеркасских рабочих. Причем выступил в гневной, открытой форме: «Какое право вы, как партия рабочих, имели для расстрела этих людей?».

Но в конечном счете Шолохов не был оппозиционером. Он был представителем писательской фронды и не имел желаний менять советскую систему.

Теперь о Юрии Андреевиче Жданове. Я категорически не согласен с тем, что Жданов был сталинистом. Жданов не был сталинистом потому, что он избирательно критиковал сталинский режим, но вслед за Шолоховым отдавал должное исторической роли Сталина. Жданов также не

был согласен с некоторыми аспектами деятельности вождя всех народов. За что изгнан в Ростов, где он был назначен ректором Ростовского госуниверситета. Данное назначение благотворно повлияло на наш ВУЗ: в скором времени РГУ стал пятым лучшим университетом страны. Его нововведения также благотворно влияли на работу философского факультета, который при нем был создан. Жданов был партийным человеком. Он отрицал свою принадлежность к либеральной диссидентской мысли, активно выступал за партийность «настоящую», за «партийность как материалистическое понимание истории», «партийность как экономический детерминизм». Выступал за социалистическую культуру во всей широте данного понятия.

Иначе говоря, Жданов придерживался более «левого политического курса», чем современная ему партийная верхушка. Жданов был диссидентом «левого толка». Инакомыслие его заключалось в следующем. Его сталинские взгляды носили более личный характер, то есть не годились для массового употребления, как взгляды Шолохова. В отношении науки он придерживался взглядов В.И.Вернадского. Однако Жданов столь же критически относился и к современной демократической власти в России. Он находился с ней в открытой морально-нравственной оппозиции, но, как и Шолохов, не считал необходимым вступать с ней в деятельный конфликт по причине своего возраста.

Сергей Иванович Сырцов – представитель политической интеллигенции, «политический импрессионист». В отличие от Жданова и Шолохова он находился в открытой оппозиции к власти, за что впоследствии был расстрелян. Кроме того, он был одним из персонажей «Тихого Дона» в первой версии романа, что неудивительно, так как во времена Гражданской войны он активно занимался рассказыванием на Дону. Однако в своем манифесте в 1925 году, который был посвящен данной проблеме, он попытался расставить все точки над «i». Именно поэтому я считаю, что неправильно утверждение о геноциде казачества. Такие предпосылки действительно имели место, но как раз-таки данное выступление Сырцова доказывает обратное.

Один из аспектов инакомыслия Сырцова заключался в том, что он в своей партийной деятельности придерживался линии Рыкова, а не Сталина. Сырцов почти в открытую выступал против верхушки власти. Например, в вопросах коллективизации Сырцов практически параллельно возражал Сталину. Когда Сталин призывал ускорить процесс, Сырцов говорил совершенно противоположные слова. В узком кругу этот полити-

ческий деятель призывал сменить политический курс и даже сместить главу партии с его поста. Его весьма революционное заявление заключалось в том, что Сырцов открыто заявил о невинности Зиновьева в убийстве Кирова. Разумеется, за такие слова он был арестован, подвергнут пыткам и расстрелян. Я думаю, самым печальным является тот факт, что Сырцов впоследствии так и не был реабилитирован. О нем отзывались крайне негативно. А по сути дела он был человеком своего времени и совершил не больше и не меньше ошибок, чем любой другой советский политический деятель.

Из всего сказанного вытекает общий вывод. Описание жизни и деятельности трех героев доказывает, что есть некая общая основа в формировании оппозиционного и инакомыслящего течения и взглядов. Следует также иметь в виду, что формирование подобных взглядов является процессом творческим, мало уловимым и потому не всегда поддается должному осмыслению в силу выше перечисленных факторов. Не следует рассматривать революцию как «войну всех против всех» и относится к её современникам, как к «паукам в банке». Как и в любом другом историческом событии там были свои герои, «антигерои», но они были прежде всего людьми, поэтому нет необходимости сталкивать их лбами, навешивая на ярлыки «хороший», «плохой» и пр.

Т.А.Марченко: В любую эпоху есть свои пауки в банке. Поэтому нет необходимости в оценочных суждениях, необходимы исследования, и данный доклад является примером такого исследования. В нем были представлены соответствующие факты. Я думаю, доклад был социологически осмыслен.

Ю.С.Пивоваров: Большевики намерено уничтожали население страны. Не имея возможности грабить колонии, они занимались грабежом собственного народа. Ленин, Сталин и все остальные были палачами собственного народа. Они вели политику криминала, уголовщину.

С.А.Кислицин: Я думаю, не совсем правильно говорить, что большевики издевались над собственным народом. Подобные прецеденты были и в других странах. Ленин был не палач, а скорее фанатик собственных идей. Независимо от того, кто пришел к власти, всё равно были бы применены насильственные меры: у противоборствующей «белой» стороны были точно такие же планы расстрела и высылки семей большевиков и других, несогласных с ними. Позицию гражданской войны надо рассматривать с её же позиций, а не с позиций современности.

Ю.С.Пивоваров: Я отношусь к гражданской войне с позиции «белых». Я думаю, невозможно сравнить Троцкого и Деникина. В 1930-40-х годах не было никакой войны и предпосылки для расстрелов и ссылок.

В.П.Макаренко: Надо сменить тему беседы, перейти от оценок личностей к анализу концепций, соответствующих теме дискуссии. Я думаю, докладчик совершил серьёзную методологическую ошибку, вовлекая нас в обсуждение вопросов, не относящихся к теме переработки советского прошлого. Ошибочно переносить концепции истории КПСС на почву современных реалий. Короче говоря, весь доклад можно определить как апологетику официальной советской историографической концепции. Ясно, что данная концепция обладает политическими следствиями. Не мешает об этом задуматься, в том числе при обсуждении судеб трех фигурантов советской истории, о которых рассказал докладчик.

И.И.Глебова. *Память против истории: использование советского прошлого в России 2010-х.*

Виктор Павлович сказал, что наша дискуссия уходит в песок. Она не нужна и не показательна. В ней мы не достигнем согласия. Действительно, то, что происходит здесь и происходило после обсуждения, – это и есть актуализация той проблематики, которую называют проблематикой памяти. Это и есть срез того, что происходит в нашем обществе. Это и есть «войны памяти», в которых, как показывает опыт, в нашем обществе сейчас примирение невозможно. И это во многом характерно для нашего общества.

Вообще, проблематика памяти не есть история. Память – это не о том, как и что было. Память это не о вчера, память это о сегодня. Память – это диагностика современного общества, его болезней, травм, идентификации, легитимации. Память – это то, как общество представляет свое прошлое, как определяет то, что оно хочет или не хочет знать. Память определяет, травматично прошлое или нет. Процитирую знаменитого историка, который занимается проблематикой памяти: «То, что люди помнят о прошлом, а также то, что они в нем забывают, является одним из ключевых элементов их неосознанной идеологии». И это верно.

Память – это проблема сегодняшнего дня, память находится на стыке собственной истории и общественно-исторических представлений. Память находится на стыке воображения и прошлого, того, как оно представлено в сознании людей, в публичной сфере, в сфере СМИ, политики, искусства. Всё это вместе формирует нашу память, информационные и

художественные образы, которые ничем не объяснить. Исследователи говорят, что сейчас произошла телевизация памяти. Память – это вопрос представления, вопрос ценности и идентичности. Татьяна Александровна сказала, что когда мы будем говорить о ценностях, мы тоже не придем к согласию. Это разговор субъективный и ненужный. Это ценностные суждения. Память – это о ценностях и идентичности.

Память – это коллективный проект. Такая идея возникла в середине 1920–х годов, французский историк и социолог М.Хальбвахс придерживался данной идеи. Он сказал, что социальные группы строят свои образы и выстраивают согласованные версии прошлого. Группа образуется этим прошлым. Само общество – это его прошлое, и мы можем говорить, что сообщества нет, если в нем нет консенсуса по базовым ценностям, которые зафиксированы в прошлом. Сейчас мы можем сказать, что в России общества нет. Есть конгломераты обществ, есть большие общества, есть некая среда, которая достаточно индифферентна по отношению к проблемам прошлого. Но есть самоопределение по поводу прошлого, которое отражается в памяти, в этих принятых проектах. Это неизбежно в массовых обществах, потому что в массовых обществах история перестает быть профессиональной. История имеет функцию некого влияния на память, некой коррекции памяти или некоего оздоровления памяти. И это очень важно, это характеристика коррекции общества. Того, насколько история мыслит за собой эту функцию, насколько эффективно её выполняет, насколько общество позволяет историкам выполнять эту функцию.

Это некие признанные воспоминания, которые рождаются в обществе; это могут быть официальные или теневые воспоминания, которые выдавливаются, уходят. Это стало известно в отношении нашей памяти в 1990–2000-е годы. Выяснилось, что официальная советская картина памяти – война, героизм, отсутствие негативных элементов прошлого – не сходятся с той картиной событий, которая присутствует в памяти неофициальной. И она представлена как тень. Когда человек выходит в общество, он начинает мыслить по официальной картине. А как выглядит неофициальная картина?

Первое в сознании людей – это коллективизация как опыт массового террора, опыт массовой репрессии. Здесь 1937 год занимает далеко не первое место и рассматривается людьми как репрессия против элит, как внутриэлитарный и поверхностный конфликт. Главное – коллективизация идет как память о раскулачивании. Такова память крестьянской России, которая в этом процессе была переформатирована, искореже-

на, разорвана. Эта память воспринимается как травматичная, тень, её нельзя выносить на публику.

Следующее – это война, но не в героически-победном ореоле, а как такой же тяжелый, травматичный опыт. Как опыт лишений, потерь, утрат и выживания, опыт смертей, который тоже не выносится на свет дня.

Существует различные культуры памяти, они отличаются от общества к обществу. Сама эта проблематика возникла при изучении немецкого прошлого, памяти жертв, памяти о Холокосте. Как раз здесь появились термины, о которых мы вчера говорили. Проработка прошлого – это проработка травматического опыта. Это не замалчивание и примирение, а рассказ, вызывающий ужас и скорбь. Это самокритический рассказ, в который вовлекается всё общество, это публичные дебаты о травматическом прошлом. Обществом это было воспринято как травма. Сама проработка есть изобретение обществом вакцины против варварства. Опыт, с которым нельзя примириться, ставит проблемы морально-нравственного выбора: что есть добро и зло?

Есть более высокий термин из арсенала культуры памяти: преодоление травматического опыта. Преодоление травматического опыта – это взгляд, отношение к прошлому как необремененному оправданиями. Этот опыт связан с возникновением понятия стыда, вины, коллективной вины и коллективной ответственности, преодоление себя, но не преодоление прошлого. Именно такую высокую планку предложили немцы. Можно сказать, что планка для них оказалась слишком высока, что они с ней не справляются, они то преодолевают её, то нет, то жалеют жертв войны, то свою нацию определяют жертвой. Эта планка в немецком обществе замкнута.

Память – это социальная функция истории, вопрос социального существования истории, вопрос, с какой именно историей идентифицирует себя общество. Это вопрос о том, какую историю оно хотело бы иметь. Когда мы говорили сегодня об истории, мы говорили о неких воображаемых проектах, с которыми мы бы хотели солидаризироваться.

Что касается советского прошлого и опыта советской памяти, то, безусловно, это не история как цепь событий, а историческая память, которая сделала советского человека. Можно сказать, что это память власти, с которой солидаризируется советский человек. Отказ от прошлого – такова первая советская традиция.

Вторая традиция возникла в сталинские времена, в 1930–40-е годы. Это конструирование прошлого прежде всего для легитимации системы под нужды власти. Есть несколько терминов для описания этой тради-

ции: монополизация прошлого, национализация, агрессивное подчинение властью прошлого. Пространство памяти – это пространство борьбы общества с властью за свою самостоятельность.

Есть такой термин – политическое использование прошлого. Можно сказать, что в советское время весь опыт работы с прошлым свелся к политическому использованию прошлого. И мы это видим сейчас. Советские традиции все еще живы, они работают и в 1990-е и в 2000-е годы. Сильно сузилась зона публичности. Общество изменилось, в нем есть энергия. И она уходит в зону памяти, прошлого. Это становится способом самоопределения, что традиционно для России. Вспомните западников и славянофилов. Они же определяли повестку дня, а говорили о прошлом. Таков традиционно русский взгляд на прошлое.

Я хочу предложить схему моего представления о том, что происходит в нашем обществе с памятью и по поводу памяти. Если с этой позиции посмотреть на происходившее в 1990 – 2000-е годы, то очевидно, что мы пережили несколько этапов нашего прошлого. Вначале были 1980-е, это эмансипационный и встречный взрыв: либерализация общества и либерализация власти совпали в этом пространстве. Этот взрыв связан с раскрытием истории, её разгерметизацией, появлением разных сил с разными взглядами. Когда говорят о переработке прошлого, то речь идет о снятии запретов на травматическое прошлое. Оно является таковым, потому что травмирует людей, является опасным для общества. И чем проще мы даем ответы на поставленные вопросы, тем примитивнее становится общество.

В.П. Макаренко: Наше обсуждение входит в регрессивную фазу. Она состоит в том, что будем ограничивать время. Попрошу не выходить за рамки 20-ти минут. Я буду следить за временем и выполнять репрессивную функцию.

С.А.Денисов. *Советское общество как идеальная реализация модели административного общества.*

Я буду говорить о более простых вещах, чем говорилось ранее. Когда я вас слушал, я представлял себя заблудившимся в лесу: куда идти, где восток, где запад, ничего не вижу, всё перепутано, там и здесь страшно, здесь страшно. А я как теоретик пытаюсь всё упростить, понимаю, что это примитивизм, меня можно за это критиковать. Но я воспитывался всё-таки на ленинских трудах и всё время вспоминаю его фразу: «За деревьями желаете увидеть весь лес».

В.П.Макаренко: Но это не его слова, это русская поговорка (*смех*).

С.А.Денисов. Да, я признаю, что вырос именно в той науке, и всё, что здесь говорили, – повторяли Маркса или Ленина! Я постараюсь нарисовать примитивную картинку, о которой начал рассказывать вчера. Я предлагаю дихотомию, в этой дихотомии я вчера нарисовал образ административного общества. Это научная модель, я сочинил модель административного общества, где мой класс, из которого я вышел, стал господствующим. Моя сегодняшняя задача – посмотреть, насколько советское общество соответствует идеальной картине административного общества.

Модель административного общества появляется в Китае. Китай представляет собой общество, в котором успешно реализовалась административная модель. В пользу этого говорит тысячелетняя история Китая, в процессе которой они выжили. Продуктивно данная модель работает в человеческой истории. Поэтому советское общество можно сравнивать с Китаем и другими странами Востока и говорить о том, что из себя оно представляет. Дальше я иду по пунктам и сравниваю свою модель с советским обществом. Надеюсь, историки меня поправят, если отступлю от фактов.

Первый пункт – форма собственности. Госсобственность обеспечивает как раз господство управленческого класса. Только отличие в том, что такой степени тотальности госсобственности ни одно общество в мире не знало, когда даже невозможно было определить, кому принадлежали квартиры. А ведь в конституции писалось, что это народная госсобственность, может быть, это всё – таки не госбюрократическая, а народная? Я продолжаю верить в построение народной собственности.

Далее. Когда большевики пришли к власти, они пытались создать народную собственность, фабрики были захвачены рабочими. Но вот что получилось: зарплата выросла в несколько раз, производительность и дисциплина упали, и возникли задачи советской власти: хватит советской демократии, вводим диктатуру, хозяйственную бюрократию. Можно сказать, что попытки реализовать народную собственность предпринимались, но показали, что общество не готово к тому, чтобы собственность сделать народной.

Теперь сравним тотальную редиистрибуцию (распределительную политику) в СССР с восточным, азиатским типом. Маркс с Энгельсом говорят, что главное ведомство на Востоке – это финансовое, потому что производство организовано общинами, и возник вопрос: как отнять часть

продукта, земельную ренту земельную у общины? При советской власти этой проблемы не возникало потому, что производство находилось в руках государства. Процесс отнятия у работника произведенной продукции не представляет никакого труда, поскольку сам работник присоединен к продукту временно. Продукт не переходил в собственность рабочего коллектива или самого работника, а оставался в руках государства. Соединили технику с рабочим и продукт остался в руках государства. С крестьянами было тяжелее. На вопрос: как отнять продукт? – научились отвечать с помощью колхозов. Кроме того, вся редистрибуция была направлена на поддержание господства самого административного класса. Надо защищаться от внешнего агрессора, огромные средства идут на поддержание внутреннего порядка и на пропаганду.

Дальше я хотел бы обратить внимание на то, что характер распределения был основан на интересах самого административного класса. И хотя административный класс жил очень скромно, привилегии были. В отличие от административного общества в древнем Востоке или Средневековье специфика советского периода всячески скрывалась. Специфика советской собственности состояла в том, что она была корпоративной, а не частной. Её распределение шло по должности: чем выше должность, тем выше твой социальный статус. Принцип иерархии распространялся не только на управленческий аппарат, но и на население всей страны. В книге Кондратьевой подробно описано, как распределялись блага внутри самого рабочего класса. Хотя большевики провозгласили равенство классов, фактически были установлены страты: у работников ВПК были одни привилегии, у крестьянства привилегий было меньше всех остальных.

В.П. Макаренко: Самое важное в ее книжке то, что полицейские были приравнены к врачам.

С.А. Денисов: На мой взгляд, советская власть использовала все известные в мире опыты эксплуатации, которые только возможны, но не эксплуатацию человека человеком (за исключением армии). Например, форма эксплуатации крестьян носила характер практически крепостнический. Крестьянину невозможно было уйти со своей земли на фабрику для получения более серьёзного заработка. Следующий элемент эксплуатации – способ заинтересовать в труде. Этот элемент был развит при Хрущеве, благодаря косыгинским реформам. Ещё один замечательный способ эксплуатации, который в древнее времена был служением Богу, – это построение коммунизма.

К формам эксплуатации можно отнести также патернализм, который типичен для административного общества. Он тоже хорошо работал в СССР. Фактически этот патернализм воспитал то население, которые мы с вами продолжаем сейчас иметь. Ведь если отвлечься от советского времени, то не Путин захватил власть, а население сказала: хочу хозяина. Люди оказались не способны выживать, они не в состоянии быть свободными. Но разве могут быть свободны люди, которые воспитаны в патерналистском обществе? Я думаю, значительная часть административных обществ выживают за счет природной ренты (как древние империи вроде Месопотамии), к которой можно отнести и рабочих как бесплатную рабочую силу.

Теперь я хочу обратить внимание на то, что везде, где исторически проявлялись административные государства, они выигрывали соревнования с частно-собственничеством за счет мобилизации и кумулятивного эффекта. Если перейти от экономики к социальной опоре, то административное общество держится на административном классе, образованном, организованном, экономически мощном. Но я думаю, что здесь мы преувеличиваем как бюрократоведы. Я полагаю, что известная доля принадлежит тому обществу, о котором мы говорили, которое нуждается в хозяине, опекуне и не способно к самоуправлению. Это население является опорой современного общества, потому что в случае конфликта такое общество будет говорить о том, что безвластие плохо, что свобод нет, но всё равно, дайте нам одного хозяина, пускай правит страной.

В.Ю. Попов: Сергей Алексеевич, я хочу уточнить. Вы сказали, что первоначально большевики хотели создать народную собственность. Мне кажется, здесь неточные данные, что рабочие захватывали сами предприятия. Для меня это было полной неожиданностью. Ведь Ленин в работе «Что делать» говорил партии не сближаться с рабочими, поскольку среди них существуют хаотические настроения.

А.Н. Ерыгин: К 1917 году эту работу закрыли, если вообще знали.

В.Ю. Попов: В 1917 году Ленин написал работу «Государство и революция», в которой именно эту практику рабочих приветствовал. Но этому производству предшествовала дискуссия Ленина с Люксембург, Коллонтай, которые говорили, что не нужно относится к рабочим как к массам...

В.П. Макаренко: Подожди, Вадим, ты путаешь. Ты сейчас ссылался на работу «Государство и революция», а дискуссия с Коллонтай и ей подобными была в 1920-х годах, при жизни Ленина. Люксембург к тому вре-

мне уже не было. Правда, оставалась кобыла Роза Люксембург, но и то в виде героини романа Андрея Платонова (*общий смех*).

В. Ю. Попов: Я говорю о том, что Люксембург написала работу про профсоюзы и стачки, где она говорит, что нельзя относиться к рабочим так, как относился к ним Ленин, то есть как к массе. У Ленина была четкая установка: что мы наверху сидим и контролируем власть.

В.П. Макаренко: Нет, это ты упрощаешь...

С.А.Денисов: Заводы захватывались, другое дело, что это была иллюзия! Я хочу обратить внимание, что мы никогда не поймем, что хотел этот класс, то есть элита. Когда я пришел в 20 лет в милицию, у меня не было стремлений, у меня был инстинкт власти. Когда Ленин захватил власть, неясно, хотел ли он пользу стране принести?! Но инстинкт власти у него был мощный. Никто не думал, что большевики долго продержатся у власти. А они создали мощную структуру, мощный госаппарат, мощную армию восстановили вопреки всем своим обещаниям, и удержали власть.

В.А.Шкуратов. Советский Союз как параллельная языковая реальность.

Коллеги, я психолог, а происходящее дает пищу для размышлений. В немецком языке существует разделение между *Erleben* и *Vergangenheit*, «проживаемым» и «прошлым». Мы здесь проживаем, но не можем отделиться от некоего прошлого, не можем сделать его прошлым. Ещё один немецкий термин *Durcharbeitung*, проработка, является психоаналитическим. Это термин Фрейда. Здесь идет речь о том, что существует некий избыток комплексов, который непрерывно воспроизводится. Задача психоаналитика состоит в том, чтобы заставить пациента «отреагировать» – проговорить, а затем выйти из цикла непрерывных повторений, за которыми стоит некий комплекс – перегруженность аффектами нашего опыта. Этот метод применяется к индивидуальным пациентам. Но какая-то модель психоаналитического реагирования применяется и к обществу. Я буду говорить не о клиентерапии, хотя клиентерапия это тоже терапия. В целом исторические концепты двусторонни: они травмируют или наоборот. Я буду говорить о том, что выражается в языке. То-есть об СССР как параллельной языковой реальности, но слово «реальность» буду употреблять не по Марксу, а по Жаку Лакану. А реальность там самая непонятная: «-само». Это такой психический регистр, который все имеют в виду, но вкладывают совершенно разные смыслы.

Советский Союз имеет значение как территория и как государство, но порождаемые нашим языком смыслы диверсифицированы. Психоаналитик стал бы анализировать конкретный опыт индивида, но поскольку я не психоаналитик, а занимался историей психологии, то перейду к схемам реагирования и комплексам, которые имеют более универсальный характер.

Здесь необходима двойная оптика: есть языковые средства, которые подходят для проработки современности; есть такие же языковые средства для отражения наших комплексов в плане антисовременности. Это два проблемных дискурса. Поэтому оптика получается объемной. Что такое наши современные дискурсы? Это достаточно понятно. А вот что такое наши несовременностные дискурсы? Я на этом и останавлиюсь. Я их назову просто и банально: это Средневековье. Советский Союз как параллельная языковая реальность есть средневековье. Что я понимаю под средневековьем? Это антропокультурная, а не социэкономическая формация. Она дуалистична. В ней существует верх, жесткий идеологический верх религиозного или квазирелигиозного характера. И в ней существует низ. А низ – он народный, это тело. Он отчасти фольклорный, карнавальный. Они сообщаются, но все же весьма жестко разделены.

В.П.Макаренко (обращаясь к В.А.Шкуратову): Володя, я смотрел на тебя, вспоминал-вспоминал, на кого ты похож. Наконец, вспомнил – на Бальмонта.

В.А.Шкуратов: Спасибо. Но я вспоминаю Бахтина. И перейду к персоналиям, но начну не с Бахтина, а с Люсьена Февра, одного из основоположников истории ментальности, и его знаменитой книги «Проблема неверия в ХУ1 веке». Там он описывает все феномены карнавальной культуры, но интересно, как он их описывает. Он их описывает как современный человек. Говорит, что средневековую ментальность нам до конца не понять. Она в себе. Мы можем отчасти её описывать, до конца она непонятна. Потому что у них иные физиологические условия, иной образ жизни, а мы современные люди. Вот это очень интересно. Книга Февра вышла в свет в Париже, в 1942 году. Условия не самые комфортные.

В.П. Макаренко: Я верно тебя понимаю: книга Февра вышла позже, чем свои концепции сконструировал Бахтин?

В.А.Шкуратов: Нет, Февр написал её раньше.

В.П.Макаренко: Ну да, в 1930-е годы он её писал.

В.А.Шкуратов: Да, а вышла она в 1942-м году в Париже. Он подходит к средневековью со стороны либерального европейца XX века. А те-

перь обращаюсь к Бахтину. В его книге «Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса» критике Февра посвящено 5 страниц. Бахтин утверждает, что Февр ничего не понял, не понял, кто такой средневековый человек. Бахтин не говорит, почему у него сложился такой вывод, но вполне понятно, откуда он берет свои аргументы. Бахтин живет в советском средневековье. Его книжка полна таких аллюзий.

В.П.Макаренко: Да, это верно.

В.А.Шкуратов: Там содержится описание празднование праздника первого мая 1262 года в городе Аррасе. Каков этот праздник? Сначала проходит торжественное заседание, – то-есть, звонит колокол, прихожане с серьезными лицами идут в церковь, слушают проповедь. Потом народ расходится по более интересным местам. К вечеру всем уже хорошо: кто шатается, кто упал под стол, кто лежит в канаве. Начальство сняло свои облачения и тоже пирует в своих кельях и кабинетах. Безусловно, это аллюзия советских праздников. Несомненное сходство. Но что интересно: Бахтину достаточно хорошо в этом обществе. Хотя он гоним советской властью, он калека, он голодал, но постоянно обличал Февра с позиции цивилизованного человека XX-го века. За то, что тот не понял свободу, которую скрывает данное общество. А у Бахтина есть свой «фольклорный» низ. Он туда уходит, он в нем скрывается.

Теперь перехожу ещё к одному персонажу. Вот Николай Александрович Бердяев и его работа «Новое средневековье», опубликованная в 1924 году. В ней описан православный синдикализм и итальянский фашизм как главная движущая сила Европы. Интересно отношение Бердяева к Европе и к покинутой Родине. Европа ему активно не нравится. Для него слово «демократия» ругательное. Понятное дело, большевизм ему тоже не нравится, но он ему более близок. Бердяев прямо так и говорит: России суждено место в новом сражении между дьяволом и архангелом Бога. Ему нравится, что Россия получила некое эсхатологическое место в истории, ему нравится Средневековье. Он так и говорит, что современности конец, и это очень хорошо, потому что современность – это разложение человечества. Почему большевизм кажется ему более родственным, чем западная демократия? Потому что он находится в одних координатах со способом мысли Бердяева. Большевизм он называет сатанократией и правлением дьявола. Но дьявол будет справлять эту последнюю битву попущением Бога, и поэтому они находятся с Богом в одних координатах.

Бердяеву очень не нравится язык науки. Он считает язык рационалистической психологии признаком упадка мышления. Если взять вер-

тикальную аксиологию, то вертикаль «верх – середина – низ» не современная, она платоно – аристотельско – птолемеева. Бердяев откровенно говорит, что оккультные науки ему ближе, чем современные. И в этой аксеологии выражена позиция естественного человека, его взгляд на мир. Верх – низ-середина; вверху бог, внизу ад, посредине человек, который является полем сражения между Богом и дьяволом. А в современной картине мира этой аксеологии не может быть, потому что совершенно бессмысленно спорить, что выше: земля или солнце. Бердяев видит, как эта средняя точка на древе мира вытягивается и превращается в горизонталь. То есть, человеческий взгляд на мир секуляризируется, становится практичным, избавляется от аксеологии – и Бердяеву это чрезвычайно не нравится.

Теперь перехожу к третьей части моего сообщения: почему в России так получается? Почему в России средневековая картина мира (т.е. определенный комплекс) оказывается устойчивой? Может, я скажу здесь еретическую вещь, но с моей точки зрения Россия опоздала к столу раздачи научных дискурсов.

В.П. Макаренко: Это аллюзия на Ленина, в ранней работе он писал, что Германия слишком поздно села за стол капиталистических яств.

В.А. Шкуратов: Нет, извините, я не по Ленину.

В.П. Макаренко: А кто тогда? Это цитата из Ленина.

В.А. Шкуратов: Я говорю о научно-языковых средствах, а не о капитализме.

В.П. Макаренко: Ну, хорошо, извини.

В.А. Шкуратов: С моей точки зрения, так называемый научный объективный язык науки является национальным языком Запада. Наука, какой она сформировалась в Новое Время, естественно имеет национальное происхождение. А России достался замечательный кусок литературного пирога. Но поскольку российские приоритеты и амбиции, геополитические и культурные, были столь велики, то наши идеологи стали отстаивать наши русские приоритеты в области этих самых дискурсивных средств. Это отзывается до сих пор. Но видимо, русскому человеку и России следует примириться с тем, что писать статьи по физике или химии лучше все-таки на английском. Знаете, у меня есть знакомые, такие совершенно вестернизированные русские, которые живут на Западе. Я слышал от них такие вещи, что не хочу я писать статью по-русски, это такой расплывчатый язык...

В.П. Макаренко: Все европейцы так говорят...

В.А. Шкуратов: Да, английский получается значительно лучше. Но это касается естественных наук. Гуманитарные – совершенно другое дело. Потому что гуманитарный язык исходит из национальных смыслов. И эти смыслы преодолеть нельзя. Если мы их выдадим, то гуманитарная наука вообще исчезает. Возникает острая антиномия: то ли нам лишаться своей национальной идентичности в гуманитарной области (а гуманитарность, естественно, поддерживает идентичность), то ли нам входить в некоторую общую струю. Естественно, я очень люблю могучий и великий русский язык, но, повторяю, этот великий и могучий язык постоянно насыщает нас некими аффектами. Он в своем существе является средневековым. На этом я закончу.

Ю.С.Пивоваров: Я с восхищением прослушал Ваш доклад. И вот что хочу сказать: работа Бердяева «Новое средневековье», как и «Философия неравенства» – это для него работа проходная, не мейнстримская. Бердяев в вашем изображении представлен в период запоя, ну, запил человек, а потом снова стал трезвенником, в семью вернулся. В этот период он в Москве голодал, ему тяжело было. В этот момент все писали. Кончилась война в стране революция, разруха, ему казалось, что всё кончилось, потом, когда он во Франции оказался, всё стало нормально, стал писать нормальные вещи. Стал там очень модным, популярным, как Маяковский в советской поэзии, так и он стал представителем религиозной философии, его везде приглашали, всё было хорошо.

В.А.Шкуратов: Я думаю, его не очень хорошо понимали, его принимали за экзистенциалиста

Ю.С.Пивоваров: Он сам себя таким считал, он считал себя персоналистом. Поэтому я думаю, что эта часть Бердяева общенародная, понимаемая. Теперь по поводу ваших друзей, которые не хотят писать по-русски, поскольку русский язык такой-сякой. Я вот о чем подумал: о чем могут писать физики и математики? Там слов нет, там одни формулы. Они одинаковы для всех, пажоны они просто. Во-вторых: как они могут, живя на Западе, писать по-русски? Они же в западные журналы пишут.

В.А. Шкуратов: Нет, они пишут для русских журналов.

Ю.С.Пивоваров: Для русских... Я могу сказать, что я не имею естественно – научного образования, но я абсолютно точно знаю, что, например, все наши журналы, которые издает издательство «Наука», со страшной силой популярны в Америке. Теперь относительно того, что у нас язык средневековый. Я думаю, это не так. Если бы здесь были филологи, они бы Вам тоже сказали, что это не так. Что русский язык является сов-

ременным со времен Карамзина. Этот язык дает нам возможность создавать не только литературу, но и выражать свою мысль на общественно-политические темы. Что мне показалось очень ценным в Вашем докладе – это конец, когда вы сказали, что проблема России заключается в том, что она пользуется прежде всего социальными науками, наработками Запада. А эти наработки являются способом самопознания. При переносе на неевропейскую почву возникает проблема, но это не значит, что она нерешаема. Например: в свое время некто по фамилии Кузен написал человеку по имени Гегель письмо с вопросом: нельзя ли вашу философию изложить попроще, покороче и по-французски? Гегель ответил: нет, нельзя попроще, покороче и по-французски.

Смотрим на XX-й век... И ничего. Французские философы, которых вы знаете в сто раз лучше меня, стали писать так, что уже немцы повесили нос, не знали, что делать... То есть, Франция в XX-ом столетии взяла реванш у немецкой философии. В таком же смысле можно говорить о России. Русский язык – это один из европейских индоязыков, прошедших ту же самую школу модернизации и осовременивания, что и все современные языки. Я вообще думаю, что язык – это единственное (в отличие от нефти и газа) богатство, которое мы уже никогда не потеряем. Я не знаю ни одной нации, которая бы не потеряла свой великий и современный язык.

В.А.Шкуратов: Ну, русская литература, да...

Ю.С.Пивоваров: Я думаю, не только русская литература, но и русская гуманитарная наука. Вот вы всё время упоминали Ключевского. Это участь абсолютной всех историков мирового уровня, который создал специальный язык для исторического дискурса. Язык, который ничем не уступает своим современникам из Германии и Франции. Я не думаю, что Россия – страна какого-то запоздавшего развития, что она отсталая, что советская власть была подобием Средневековья. Мне кажется, это красивые и очень абстрактные представления о том, чем она была. Она была совершенно другой. Это прорыв, а не отступление назад и не уход из истории. Это новое, невероятно сложное, пока что ещё всеми нами не понятое явление. А если сказать, что это своеобразный рецидив Средневековья, в какой-то персоналистской отставшей стране, то тогда и говорить не о чем, потому что ничего иного быть не может. Это был разрыв с прошлым, полный разрыв. А то, что были некоторые моменты воспроизведены – они всегда воспроизводятся всеми обществами. Есть концепция политической культуры, и она показывает, что в любом обществе,

кроме американского и английского, процентов 10 языка ХУ11-ХУШ веков. Я думаю, ваша концепция очень красива, что ее стоит взять на вооружение и поучиться. Но вот, например, историк рядом сидит, он видит совершенно по-другому. Я понимаю, что наши видения дополняют и обогащают друг друга.

В.А.Шкуратов: Юрий Сергеевич, во-первых, оптика двойная: я Вам представил один план, во-вторых – современность. Но я просто о ней не говорил. Теперь эта схема имеет терапевтическую функцию, речь идет не об объективности, а о некотором нашем внутреннем мире. Но я Вам по поводу немецкой и французской философии всё-таки возражу: у меня есть такая привычка: я читаю время от времени «Критику чистого разума» Канта...

В.П. Макаренко: В качестве молитвенника? Каждый день?

В.А. Шкуратов: Да, но не всё время. Сначала я читал в переводе Лосского, а когда вышел двухтомник, параллельный текст, изданный Институтом философии РАН, проблемы снялись сами собой. Я её стал читать и по-немецки. И знаете, там есть места в «Трансцендентальной дедукции чистых понятий», где ОДНО предложение по 200 слов. Но русский переводчик с такими предложениями не справляется, он начинает эти слова терять...

В.П. Макаренко: Делить?

В.А. Шкуратов: Да, просто членить. Англоязычный переводчик тем более не справляется. И если мы почитаем англо-американское кантоведение, то там Кант очень понятен. Понимаете, это же дайджест...

В.П. Макаренко: Дайджест?

В.А. Шкуратов: Да, когда вы начинаете осиливать его на его же языке, возникает вопрос: что это такое вообще? Потому что по нормальным правилам ксенолингвистики предложение в 200 слов не может быть. Там нарушаются все правила сложного высказывания. Субъекты, предикаты, всё такое. Я придерживаюсь своей версии, ее Герцен высказал, по по-моему неправильно. Что Сартр это всё-таки лирически-философская эссеистика. Это не систематизированная мысль, которую вы найдете у Канта. У Гегеля сложное построение некоторых мыслительных конструкций. А вот английский аналитическая философия... Виктор Павлович ее хорошо знает, это такая комбинаторика.

А.Н.Ерыгин: Я продолжу то, о чем сказал Юрий Сергеевич. Я в целом придерживаюсь той же позиции в оценке советской власти, которую он высказал. Россия времен Советского Союза – это не традиция. Это мо-

дери, а **какой** модерн – это другой вопрос. Теперь о параллели немецкой и русской философии. Относительно Канта и Гегеля могу сказать, что тоже пользуюсь тем же самым переводом, и также заметил несоответствие переводов. Но если эту разницу повести дальше, например, сравнить классический перевод «Пролегеменов» В. Соловьева с переводом Лосского, то не надо выстраивать наших с вами собственных дополнений к тому, как обстояло дело у настоящего Канта. Перевод В. Соловьева – это блестящий текст, который читается на одном дыхании, как и тексты самого Соловьева, несмотря на то, что это всё же перевод Канта. Что касается Лосского: возьмите любую его работу: их же читать невозможно! Лосева тоже читать невозможно! Николай Ануфриевич был, конечно, хорошим мыслителем по существу дела, но писал он, как и многие наши философы, очень тяжело. Отсюда и перевод «Критики чистого разума».

Теперь второй момент: возьмите «Науку логики» Гегеля, которая считается зубодробительным упражнением для любого даже на русском языке. Но стоит взять её на немецком, как ситуация сразу меняется. Предложения короткие, в отличие от того, что вы говорите, нормальная речь, которая легко понимается. Элементарные формулы, элементарные тезисы. Переводчик наворотил так, что трудно себе представить. Возьмите «Лекции по философии истории», наши общие, так сказать, забавы времен 1960-х годов. Где ещё можно придумать более жуткий перевод, чем тот, которым мы обладаем? Если взять подлинники этих лекций, то совершенно нормальный текст, кроме некоторых случаев, лекция есть лекция. Но они элементарно прочитываются. Когда читаешь наш сегодняшний перевод «Философии истории» – просто диву даешься: тот ли это Гегель, который писал «Науку логики»?!

Теперь по существу языков. Я поддерживаю высказанную в общих чертах точку зрения Юрия Сергеевича. Но не потому, что это он высказал, она существенно отражает положение дел. Давайте возьмем концепцию Петрова: мы начинали семинар с доклада, который представил Виктор Павлович. Если в представленную им концепцию добавить элемент, касающийся самой языковой реальности, на которой существует наука, то мы обнаруживаем совершенно четкий, зафиксированный на фактах, хорошо проверяемый вывод: наука держится не на современных языках, а на греческом и латыни. И кризис современной парадигмы науки как раз с этим и связан. Мы разбежались по разным дорогам. Вот эта ситуация и рождает кризис, который Гуссерль искал в других причинах. Но оба они выходят на одно и то же. Крах единого глобального фе-

номена науки – это факт, который никуда не денешь. По Петрову, он связан он с языковыми реалиями.

Теперь по поводу английского языка. Здесь доля правды у Юрия Сергеевича есть. Я думаю, он согласится: скорее, ребята играют. Это больше всего напоминает игру элитных, вырвавшихся вперед ученых. Настоящая наука и философия существуют на том же языке, на котором человек родился и мыслит. Есть поистине уникальные случаи, когда двуязычие становится нормой. Но всё равно, как бы ни был гениален человек, он мыслит на своем родном, национальном языке. Прав Юрий Сергеевич во второй части: какой бы не была основа, пусть даже англоязычная, но в классических языках науки (французском, итальянском, русском, немецком) она уравнивает эту ситуацию. И англоязычные основы спокойно соединяются с этими вещами. Поэтому я думаю, эта поправка была хорошей.

Ю.С.Пивоваров: Скажу несколько слов в подтверждение того, что говорил. Я дважды участвовал в проектах перевода очень сложных текстов. Есть работа крупнейшего юриста XX-го столетия Ганса Кельсена «Чистая теория правды». Он неокантианец, а для юриста XX-го века это всё равно, что работы Канта. Я участвовал в её переводе на русский язык. Для того чтобы перевести, нам пришлось создать новый русский юридический язык. Кельсен был австрийским евреем, затем эмигрировал в Штаты. Там под его руководством группа американских юристов, хорошо знавших немецкий язык, пыталась перевести. Не получилось потому, что русский язык находится в системе континентального права. И второй опыт перевода – я переводил Карла Шмита, государственоведа Третьего Рейха. Это гениальный человек, типа Хайдеггера. Шмитт, как и Хайдеггер, придумал свой политический язык, которого не только не было ни на одном языке, его не было и по-немецки. Поэтому я сначала должен был долгие месяцы консультироваться с немцами, чтобы они мне объяснили, что это по-немецки означает. Я сделал перевод на тройку. Гениально перевел Шмитта Филиппов, известный московский социолог. Он смог перевести этого даже для немцев плохо понятного Карла Шмитта на русский путем создания нового русского политико-философского языка. Но переводы Шмитта на английский тоже не пошли, поскольку русская традиция находится в рамках немецкой традиции. То есть, здесь проблемой оказывается не только язык. Русские и немцы намного ближе в этом плане (потому что мы шли за немцами и учились), чем англосаксы, у которых самостоятельная традиция.

В.А. Шкуратов: Юрий Сергеевич, немецкий и русский – это рефлексивные языки, а английский и французский – аналитические.

Ю.С.Пивоваров: Я согласен!

А.Н. Ерыгин: Да, совершенно верно!

В.П.Макаренко: Вставляю тоже реплику. Мы три недели назад обсуждали перевод проблем политической философии и возникли такие же сюрпризы. Прозвучавший сейчас мотив вынуждает поразмыслить: может быть, нам устроить семинар, в котором обсуждать дельные предложения Александра Николаевича, Юрия Сергеевича, Владимира Александровича? Может быть, начать не с общей проблемы, а на основе переводов конкретного источника?

В.А.Шкуратов: Знаешь, ведь транслейшенс стадия может оказаться нам не по зубам...

В.П. Макаренко: Вот уже второй раз в течение месяца возникает эта тема. У нескольких человек, здесь присутствующих, уже есть опыт перевода на русский работ закордонных коллег. Вырисовывается какой-то микроколледж. Спасибо за подсказку участникам сегодняшней дискуссии.

Н.А.Мининков. О проекте введения исторического единомыслия

Прежде всего хочу поблагодарить организаторов за возможность выступить на этой конференции, а также всех докладчиков, особенно наших гостей, за очень интересные доклады. В отношении своего доклада скажу: у меня будут кое-какие переключки с тем, что говорила Ирина Игоревна. Разве что с большим уклоном в сторону в такую проблему, которая сейчас приобретает значительное общественное звучание: школьное образование.

Еще со времен М.Е.Салтыкова-Щедрина (некоторые произведения его ныне признаны частью чиновников от образования вредными и опасными для молодого поколения граждан нашей страны) известно, что если начальство озаботилось о патриотизме народа, а также, можно добавить, о его нравственности, духовности и тому подобных высоких материях – «значит, проворовалось».

Подобная забота за последние годы наблюдается постоянно, причем идет рука об руку с нарастающим валом известий о воровстве и коррупции, в том числе на самых верхах властной вертикали, принявших невиданные размеры даже для много повидавшего за тысячу с лишним лет нашего отечества. Наглядным выражением такой заботы стало внедре-

ние в школьное образование «Основ православной культуры», при том, что такая дисциплина, как астрономия, «сокращенная» два десятка лет назад, так и не нашла своего места в современной российской средней школе. Позднейшим из таких выражений стало стремление внести коррективы в курс русской литературы. В частности, это относится к объявленным нежелательными для школьной программы произведениям. К ним отнесены «Письмо к Гоголю» В.Г.Белинского, а также «Отцы и дети» И.С.Тургенева, под сомнение поставлены «Гроза» А.Н.Островского и «Анна Каренина» Л.Н.Толстого, или такие произведения, без знания которых трудно было бы представить некоторые существенные черты истории и культуры России XIX-XX вв.

Несколько ранее была поставлена задача создания нового и единого для всей страны учебника истории. Такой единый учебник в качестве сути российского исторического процесса должен был выставлять последовательное формирование и развитие государства. В результате изложение должно строиться в соответствии с единой концепцией, при тесной взаимосвязи всех этапов его развития. Кроме того, в нем должно не допускаться внутренних противоречий и оснований для двойных толкований. И, пожалуй, самое главное, что этот учебник должен быть проникнут уважением ко всем страницам нашего прошлого. Такого учебника еще нет. Однако прообраз его в прошлом году появился, он представляет собой учебник для учителей истории, созданный авторским коллективом под руководством В.Э.Шириянца и научного редактора С.С.Сулакшина. По своей структуре данное произведение делится на главы, соответствующие основным этапам отечественной истории. В свою очередь, каждая из глав делится на несколько разделов, в которых переплетен объяснительный и фактический материал. Не обошлось без освещения некоторых вопросов историографии. В заключительной части глав – особый раздел «Осторожно, россиефобия».

Все эти разделы присутствуют в главах шестой – восьмой, относящихся к истории России XVI-XVII вв. Вся шестая глава посвящена истории царствования Ивана Грозного, причем сам царь оказался в центре внимания авторов. По-видимому, подобное построение главы было бы уместно не в стандартном учебнике по отечественной истории, но в литературе, которая историю страны дает через историческую биографию ее царей, императоров и вообще носителей высшей власти. Однако такое построение главы дала авторам возможность сформировать такую направленность главы, которая ставит своей задачей не изложение и

анализ фактического материала, но полемику, причем не с научными оппонентами, но с идеологическими противниками.

В историографической части шестой главы, посвященной Ивану Грозному, это в полной мере проявилось. Оказывается, что в отечественной историографии, по неуклюжему авторскому выражению, уже «с начала XIX в. сложился едва ли не антигрозненский пасквиль». Авторы, наверное, не ведают, что самая резкая критика Ивана Грозного имела место до XIX в. и содержится в труде князя М.М.Щербатова «История Российская с древнейших времен». Истоки же этой критики лежат еще в русской исторической мысли второй половины XVI в., и были высказаны князем А.М.Курбским. Таким образом, еще до Н.М.Карамзина традиция негативного отношения к первому русскому царю уже существовала. Но продолжение этой традиции в исторической мысли России после смерти выдающегося историографа авторами объясняется воздействием его труда «История государства Российского». Совершенно очевидно, что такое объяснение сложных процессов в развитии отечественной историографии выглядит более чем примитивным. Но далее – еще больше. Негативное отношение к царю авторами объясняется тем, что XIX в. был временем «популярности идей конституционализма». Связь между критикой Ивана Грозного и этими идеями весьма сомнительна, поскольку критическое отношение к этому царю высказывали далеко не только те, кто стремился к введению в России конституционного строя. При этом вовсе не только в дореволюционной, но и в советской историографии, а также в современной, такая негативная оценка, и в первую очередь причины, также имела и имеет самое широкое распространение. В том числе она содержится и в той литературе, которая приведена в списке из конца главы. В этой связи негативное восприятие Ивана Грозного вполне органично для отечественной исторической мысли, для русской культуры вообще, тогда как апология этого царя является маргинальным ее направлением, в котором удивительно видеть такую личность, как К.Д.Кавелин. В доказательство же органичности апологии Ивана Грозного для русской культуры авторами утверждается, что царь «в народной памяти» почитался «в качестве святого». В самом деле, в русском фольклоре имеет место положительное восприятие царя и некоторых его деяний, в том числе в фольклоре донских казаков. Но речь шла в фольклоре вовсе не о его святости, идея эта носит скорее не народный, но церковный характер. В то же время к народной культуре относится также самое суровое осуждение «царя-собаки» с его «кромешниками» и «зло-

деем Малютой Скурлатовичем», что имеет место в русском фольклоре. Однако об этом авторами не упоминается. Зато приводится утверждение, приправленное для придания наукообразности специальной терминологией, что в будущем «такой же индикативной фигурой в столкновении западной и почвеннической парадигм станет И.В. Сталин». В таком случае совершенно очевидно, что апология московского средневекового тирана нужна авторам для обоснования апологии советского диктатора новейшего времени, оставившего страну с атомной бомбой. Но еще, кроме того, и с голодающей деревней, с возрождением крепостничества в его колхозной форме, с низким уровнем жизни населения, с огромным количеством заключенных, с железным занавесом, отделявшим народ от цивилизованного мира. В этом идеологическая направленность историографического экскурса. Но в нем нет ничего от научного анализа действительного развития исторической науки, в том числе историографии эпохи Ивана Грозного.

Авторы исходят из того, что «дифференциация на опричные и земские владения носила формальный характер, но она отражала факт существования идеи о нетождественности понятий "государство" и "государственное". А потому о вотчинной природе российского государства не могло идти речи». Почему из посылки о «нетождественности понятий» делается вывод об отсутствии в России времени Ивана Грозного состояния вотчинного государства, совершенно не ясно. Утверждения В.О.Ключевского в 43 лекции «Курса русской истории», Г.В.Плеханова в «Истории русской общественной мысли», современного исследователя И.П.Ермолаева в монографии «Становление Российского самодержавия. Историк и условия его формирования: Взгляд на проблему» (Казань, 2004) о существовании в России вотчинного государства значительно более убедительны, чем обратное и невнятное утверждение в учебнике. Как отмечал И.П.Ермолаев, в Московском государстве «вотчинный правитель просто-напросто не признает за подданными этого права и считает их не субъектами, не гражданами общества, а вполне зависимыми от государства (т.е. фактически от него) единицами, "винтиками" государственного организма». Заявляя: «В вотчинном государстве нет ни официальных ограничений политической власти, ни законопавия, ни личных свобод, т.е., фигурально говоря, это более "деспотическое государство", чем сама "деспотия"», И.П.Ермолаев поддержал мысль Г.В.Плеханова. По словам И.П.Ермолаева, понятие «"вотчинный режим"» лучше всего определяет тот политический строй, который сложился в России к концу XV в.

и определил ее развитие в XVI, XVII и последующих столетиях». Взгляд с позиций существования в России времен Ивана Грозного неизжитых традиций вотчинного государства значительно больше дает для понимания особенностей устройства власти и взаимоотношений ее с разными слоями населения, чем бездоказательное отрицание вотчинного государства, как это делается в учебнике.

Столь же неясно даются демографические показатели, относящиеся к оценке численности населения России. Утверждается, что «к концу XVI века население Московского царства насчитывало 9 млн. человек. Причем основная часть населения была сосредоточена на северо-западе (Новгород) и в центре (Москва) страны». Это не дает представления о процессах, имевших место в демографии этого столетия и свидетельствующих об общих тенденциях в развитии России. Так, в первой половине XVI в. действительно имело место экономическое развитие страны и рост ее населения. Однако с последней четверти столетия обозначился экономический кризис, который, начиная с исследований Н.А.Рожкова, признается как очень глубокий. В пособии упоминается об этом кризисе, правда, очень вскользь и в следующей, седьмой, главе, посвященной Смутному времени. Но и при этом прослеживается стремление оправдать царя. «Темп, взятый Иваном Грозным, оказался слишком стремительным для Московского государства», – написано в учебнике. Иначе говоря, Грозный царь хотел блага для своей страны, но только лишь не рассчитал ее возможностей. При этом ни слова нет ни об известном в историографии «запустении Центра и Северо-Запада», ни, тем более, о не менее известном опричном погроме Новгорода в январе 1570 г. Без серьезной характеристики экономического кризиса и демографического запустения в стране этого времени невозможно правильно понять процессы, которые привели к Смуте. И политика Ивана Грозного, который вел двадцатипятилетнюю Ливонскую войну, прямо вела к уходу населения из наиболее развитых территорий страны от постоянно возрастающего податного гнета, что вполне прослежено в историографии. Также она вела к росту населения на южной окраине, а к концу века и рядов донского казачества, по существу, того самого населения, которое приняло в событиях Смуты самое активное участие. Но связь между политикой Ивана Грозного и Смутой в учебнике не отражена.

Удивительным представляется построение восьмой главы, посвященной истории России XVII в. Видно это начиная с самой ее формулировки: «Русский религиозный раскол и Московское царство XVII сто-

летия». Конечно же, сама по себе церковная реформа в царствование Алексея Михайловича, проводившаяся царем вместе с патриархом Никоном, а также раскол как реакция на нее были и в самом деле исключительно значимыми социокультурными явлениями не только второй половины этого столетия, но и последующего времени. Вместе с тем сводить все богатство внутренней и международной жизни страны к расколу совершенно неправильно, поскольку не дает представления об этом богатстве.

Так, за пределами авторского внимания оказался период царствования Михаила Романова, когда происходили некоторые важные процессы, которым в историографии традиционно и вполне правомерно уделяется значительное внимание. Это процессы экономического развития, с которыми был связан выход из кризиса, тянувшегося с последнего периода царствования Ивана Грозного. Также это был период, когда нарастали социальные противоречия, и особенно в городах, между посадским населением черных и белых слобод, что послужит в первые годы царствования Алексея важнейшей причиной городских восстаний. Это также кризисное состояние войска, которое потребовало уже после неудачной Смоленской войны 1632-1634 гг. создавать полки нового строя. Это также нарастание кризиса податной системы, основанной на сошном письме, что вело к поискам выхода из этого кризиса путем введения в тридцатых годах «живущей четверти», а с 1679 г. замену сохи подворным обложением. Упомянуто о продвижении русских землепроходцев в Сибирь, что за первую половину XVII в. было заметным явлением в жизни страны. Имеется при этом самый краткий очерк о С.Дежневе, деятельность которого протекала при царях Михаиле и Алексее. Но из него о подвиге выдающегося землепроходца почти ничего узнать нельзя, несмотря на существование литературы о нем. Зато есть фраза о том, что «нашлись инициативные люди, взявшие великую миссию расширения на Восток границ православной цивилизации в свои руки». Это совершенный нонсенс, если иметь в виду, что к мотивам, которые двигали продвижение казаков-землепроходцев в Сибирь, подобное совершенно не относилось, и о православии и его продвижении думали они менее всего. В то же время нет экономического и социокультурного анализа предпосылок продвижения их на восток, хотя на эту тему существует литература. Ничего нет о положении на южной окраине страны и на ее южных рубежах, что во многом определяло общее ее положение и стало одной из причин поражения в Смоленской войне. Это оборона южной

окраины от крымских татар, а в дальнейшем строительство Белгородской черты, кроме общего упоминания о ней, а еще позже, в конце XVII в., Изюмской черты. Ничего нет также о героической борьбе донских казаков за Азов и об Азовском осажденном сидении 1641 г.

Более тщательно и подробно рассмотрены явления времени царствования Алексея Михайловича. В то же время обращает на себя внимание отсутствие упоминания о том, что в его царствование произошло завершение процесса юридического оформления крепостного права, что выразилось в главе 11 «Суд о крестьянах» Уложения 1649 г. Между тем, это сказалось не только на положении крестьян. Необходимость сыска беглых вызвала изменения в судебной и розыскной системе. Однако в седьмой главе авторы упоминали крепостное право. При этом справедливо подчеркивалось: «Крепостничество, само по себе, вряд ли возможно было номинировать в качестве национальной ценности». В этом правильном заявлении диссонансом выглядит только оговорка «вряд ли». Более верной была бы другая оговорка – «несомненно». Но далее следует вдохновенный гимн авторов тому же крепостничеству: «надо понимать, что его установление определялось объективной необходимостью государственного существования. Государству нужен был воин и налогоплательщик, механизм рекрутинга которых и предоставляло собой крепостное право». С одной стороны, правильно, поскольку и в самом деле крепостное право крестьян и вообще всеобщее закрепощение сословий было условием существования государства в России. Это признавали и основоположники указной теории формирования крепостного права, и исследователи конца XX в. В.Б.Кобрин и А.Л.Юрганов, ставившие вопрос о цене за объединение, которое пришлось заплатить русскому обществу и проводившие мысль, что негативные последствия объединения русских земель были очень значительны. Но, с другой стороны, государство как ценность стоит для авторов на несравненно большей высоте, чем свобода в качестве ценности. Отсюда такое объяснение ими крепостничества, которое выдержано в духе его апологии. Оно соответствует аргументации чиновников, выступавших против отмены крепостного права.

Авторы уделили значительное внимание связи между расколом и Разинским восстанием. Конечно же, выявлять влияние раскола на это крупнейшее в России XVII в. народное восстание необходимо. Но значительно важнее выявить связь между полным закрепощением крестьян и этим восстанием, о ходе и развитии которого в учебнике вообще со-

держится слишком мало сведений, так же, как и о богатейшей историографии восстания, хотя в его изучении за последние два десятка лет обозначились принципиально новые подходы. Если же брать только старообрядческие мотивы Разинского восстания, то сущность и характер этого события понять будет невозможно. Известно также, что С.Разин посещал Соловецкий монастырь. Но судить на этом основании о связях между восставшими и соловецкими старцами невозможно, нет для этого сведений. Несомненно, что на восстание значительно большее влияние оказывал не далекий Соловецкий монастырь, а обстановка на Дону, сложившаяся к шестидесятым годам. Но об этом, как и об изменениях в положении донского казачества, в учебнике ничего нет.

Вызывает удивление, что положение об отсталости России от западноевропейских стран в раннее новое время вообще отнесено в раздел «Осторожно, россиефобия». Известно, что это положение очень широко распространено в отечественной историографии, в российской общественной мысли. Факт этого отставания очень хорошо осознавали современники, в том числе Петр I, для которого мотив преодоления отсталости был важнейшим движущим мотивом проведения реформ. Выходит, таким образом, что, согласно авторской логике, Петр I тоже был «россиефобом»? Еще интереснее приведенное в этом разделе доказательство отсутствия отставания. Указано на «наличие более 200 тыс. наемных рабочих на мануфактурах, транспорте и промыслах». Но не говорится о степени распространения принудительного труда, что составляло важнейшее социальное отличие русских мануфактур XVII-XVIII вв. от мануфактур в странах Западной Европы, где мануфактурная промышленность развивалась целиком и полностью на основе вольнонаемного труда. Количественный показатель, относящийся к численности вольнонаемных рабочих, может быть внушителен сам по себе. Но вне историко-экономического контекста этот показатель мало о чем говорит и не позволяет судить о сущности такого сложного явления, как характер мануфактурного производства в России, и еще более сложного – соотношение между уровнем развития России и западноевропейских стран. Впрочем, сами авторы несколько выше признают совершенно очевидный факт: «положение в российской экономике наглядно демонстрировало отставание России от передовых стран Западной Европы, гораздо раньше ставших на путь модернизации своих экономик». Это совершенно справедливо. Но тогда, выходит, что авторы сами себя зачисляют в россиефобы?

Все сказанное выше не значит, что из трех глав учитель ничего не может взять для подготовки к уроку. Но ярко выраженная ориентация авторов на начала этатизма, монархизма и православной религиозности как на определяющие ценности, откровенное их антизападничество крайне обедняет содержание учебника и делает концепцию его не соответствующей уровню современного развития исторической науки, когда они стремятся навязать человеку и обществу рассмотренной ими эпохи русской истории свое видение мира.

Еще более опасным представляется создание в духе этого учебника единого учебника для средней школы. Опыт создания такой единой учебной литературы был неудачен. Стоит вспомнить «Краткий курс истории ВКП(б)» при Сталине или единые учебники советского времени. Подобная затея привела в конечном счете к конфликту между советским обществом на последней стадии его существования и исторической наукой. В результате значительная часть общества, знакомая с исторической наукой только через подобные учебники, стала воспринимать саму историческую науку как придаток официальной идеологии, которая в тот период терпела крах. Неизбежным следствием такого положения стало то, что значительным общественным вниманием стали пользоваться далекие от исторической науки сочинения, которые в наукообразной форме несли идеи, не соответствовавшие данным науки. Поэтому начальственная затея с новым единым учебником истории может вновь привести к чему-то подобному. Историк, осознающий свою ответственность за судьбы своей науки, не может не быть обеспокоен появлением подобной затеи.

Своего читателя, российского учителя, авторы предупреждают: «Осторожно, россиефобия». При этом представляется необходимым предупредить учителя, возможного читателя этого учебника: «Осторожно, демагогия».

Ю.С.Пивоваров: Я Вам очень благодарен за доклад, потому что я заведу кафедру в МГУ, а напротив меня находится кафедра Шириянца, Сулакшина, Якунина...

В.П. Макаренко: Я знаю, кто такой Сулакшин. И эту тройку авторов тоже знаю.

Ю.С.Пивоваров: Я должен сказать, что Сулакшину нужно обратиться к хорошему психиатру (смех). Это бывший депутат, но человек неопасный. Якунин и Сулакшин утверждают, что есть «Ассоциация российской политической науки». А Российскую ассоциацию политических наук, ког-

да я был её президентом, они называли прозападной, существующей на деньги Рокфеллеров и Ротшильдов. Они создают российское политологическое общество, пытаются на якунинские деньги купить «Полис» – главный политологический журнал, поскольку у него денег нет. Они проповедует всю эту ерунду. Крупнейшие политологи уже резко выступили против этой кампании.

Н.А. Мининков: Я беру только XVI-XVII век...

Ю.С. Пивоваров: Шириянц – специалист по русской консервативной мысли второй половины XVII-го века. Но он в последние годы тоже с ума сошел. Видимо, потому что нерусский. И русским должен быть больше, чем этнический русский (*гул согласия*). Они с Сулакшиным составили такой дуэт, от которого трясет уже далеко не либеральный русский университет (*гул согласия*). Вещь это очень опасная, громадное влияние и громадные капиталы. Якунин – глава Российских железных дорог. И они будут все это продвигать (*гул согласия*). Вы еще вежливо и интеллигентно с ними поступили. То, что они говорят и пишут, просто бред!

Н.А. Мининков: Вот что бывает, когда историей начинает заниматься сапожник или железнодорожник!

А.Н. Ерыгин: Молодец, хорошо сказал! (*смех, реплики...*)

В.П. Макаренко: В дополнение к Юрию Сергеевичу хочу сказать: прошлым летом я прочел книжку, которую написали эти трое авторов. И озадаченно чесал затылок: стоит на это реагировать или не стоит? Потому что стиль письма целиком соответствует концепции внутреннего шпионажа как элемента бюрократического управления государством. Про это я писал детально в своих книгах. И я до сих пор раздумывал, стоит или не стоит. Большое спасибо, Николай Александрович и Юрий Сергеевич, что Вы меня вдохновляете на сочинение нового текста (*аплодисменты*). Кроме того, в последние годы создан ряд структур типа Института стратегических исследований при президенте РФ. Недавно я познакомился с людьми, там работающими, и их продукцией. Все это хуже советских агитаторов...

А.Н. Ерыгин: Дай мне пять минут, у меня одна страничка!

В.П. Макаренко: Одна страничка?..

А.Н. Ерыгин: Я взял только тезисы.

В.П. Макаренко: Хорошо, но не больше, а то народ пугается, говорит, что ты ...

А.Н. Ерыгин: Нет-нет, я обычно говорю долго, но теперь буду говорить кратко!

А.Н.Ерыгин Крах «азиатского способа производства» в России: зигзаги мысли и маскировка реальности.

Азиатский способ производства – тема двух больших дискуссий в советской науке. Если мы желаем заняться проработкой советского прошлого всерьёз, то эта тема весьма показательная. Таков мой первый тезис.

Второй тезис: зигзаги мысли в России – тема богатая, но далекая от ясности и определенности. Она таит любопытный парадокс: я его обнаружил в 1960-е годы, во время второй дискуссии. Ее участников я узнал, будучи ещё студентом. И сделал свою первую публикацию. Она называлась «О значении исследований Плеханова для понимания сущности азиатского способа производства». С тех пор держу эту тему в сознании.

Так вот, поразительная вещь: как только кто-нибудь в советской науке начинал говорить об азиатском способе производстве вообще или о его трактовке Марксом, приводились любые примеры, но одновременно исчезал СССР и Россия. Но как только начинали говорить о взглядах Маркса на Россию, на её способы производства, на её ход движения, – исчезал азиатский способ производства. Что угодно, феодализм, первобытный строй, что угодно появляется, азиатского способа производства нет. Я подумал: с чего бы это? Плеханов мне приоткрыл глаза: в 1918 году он закончил блестящую работу по истории русской общественной мысли. Первый огромный том посвящен способам производства, основам русской истории. Там ответ простой: азиатский способ производства и способ России (он пишет в 1919 году) продолжает существовать. Вот мой основной тезис.

Но если в 1918-м году азиатский способ производства существовал в России, то какова его судьба? Витфогель в своих работах описывает административную систему или общество с восточной деспотией и азиатским способом производства как основой этого общества. Это та же самая реальность, которая во все советские годы существовала в нашей стране. Это общество одного и того же типа. Такова загадка.

Мой ответ на нее таков: нет, это неправда, это ложь. Это ложь и в отношении нелюбимого мною азиатского способа производства и в отношении советского строя, который сформировался в 1930-е годы. Здесь далеко ходить не надо, можно сослаться на то, что говорил вчера и сегодня Юрий Сергеевич. Он сказал: перед нами Коммунистический режим-1, затем Коммунистический режим-2 и современный строй. Это один из вариантов описания советской реальности.

К этому можно добавить, что это не средневековый строй, а прорыв в будущее, это общество модерна. Тогда спрашивается: куда делся ази-

атский способ производства? Ответ простой: давайте не фантазировать, не придумывать за Маркса то, что он вложил в понятие азиатского способа производства. Плеханов великолепно прослеживает два критерия: 1. Сращенность промышленности и сельского хозяйства (такова характеристика примитивных обществ). 2. Отсутствие частной собственности на землю.

Маркс пишет: наличие сельских общин с этой сращенностью порождает чаще всего восточный деспотизм. Но не только. Детали сейчас меня не интересуют. Маркс писал также о крестьянах как основе, над которой возникает что-то вроде деспотизма. Но не деспотизм. Можно сравнить, сопоставить. Если мы так понимаем Маркса, ответ элементарный: в 1929 году грянул гром. Первый раз русские общины задрожали. Они устояли против Столыпина, против Советской власти, но в 29-м году начался великий перелом. За 30-е годы колхозная система уничтожила почву азиатского способа производства.

Второе: произошла индустриализация. Появилась крупная промышленность, которая оторвалась от сельского хозяйства, выбросила в города советское население и создала то совершенно новое население, которое основало совершенно новый социальный фундамент, на котором формировалась административная система нового образца.

Но для чего я здесь излагаю такие примитивные вещи? Как ни странно, мои студенты и высокобровые профессора часто путаются в простых вещах и не замечают этой простоты. Простое всегда кажется подозрительным для ученых. А вместе с тем оно открывает глаза. Вторая причина: я всё это затеял для ответа на вопрос: почему Петров написал повесть «Экзамен не состоялся», почему он так изобразил советский строй? Макаренко всё это хорошо написал, не буду повторять. Почему же в 1960-е годы Петров с такой силой пытался представить советскую Россию не просто индустриальной, городской, урбанистической страной модерна, а страной самой передовой науки? Его концепция онаучивания общества – это одна из самых мощных моделей урбанистических концепций. Эта концепция предполагала гласность и свободу. Она переродила бы наше общество, если бы утвердилась. Но человека отправили на условные Соловки. Хорошо, что Жданов приютил Петрова на наших Соловках. Петров остался живой и работал, его труды выходят, мы можем их читать.

Почему Петров считал Советскую Россию – при всех ее административных чертах – не обществом восточного типа с азиатским способом

производства, а первоклассной европейской страной с огромными способностями и ужасными недостатками? Первоклассной европейской державой, которая стояла на гребне передового развития, соперничая с Соединенными Штатами и уверенно догоняя, а может быть, имея возможность перегнать их? Почему он придерживался этого взгляда? Эту загадку я оставляю здесь неразгаданной. Расскажу о ней на Петровских чтениях 30–31 мая.

В.П. Макаренко: На это я могу отреагировать украинской поговоркой: «Не дав Бог нашому теляти та й вовка зысти». Не буду сейчас в дискуссию вступать по поводу марксовой версии азиатского способа производства, но меня удивляет: зачем ломиться в открытую дверь? Дорогой Александр Николаевич, в 1986 году В.П.Илюшечкин, известный востоковед и историк, выпустил книжку «Социальная структура и общество древнего Китая». В первом разделе этой книги он детально разобрал взгляды Маркса и Энгельса на Китай и показал, что они не являются оригинальными и целиком зависят от историографии XVIII-XIX века. Во втором разделе книги показано, что эти взгляды не соответствуют современной исторической науке. Почему ты не прочел эту книжку, прежде чем строить свою халабуду?

А.Н. Ерыгин: Отвечаю сразу, во-первых, книга лежит на полке, во-вторых, ничего там такого, о чем ты говоришь, с такой мощной силой не связано...

В.П. Макаренко: Вся теория формаций, элементом которой является азиатский способ производства, там подвергнута...

А.Н. Ерыгин: Витя, послушай, я же не делаю ответ на твой вопрос! На полке книжка у меня стоит, труды Илюшечкина знаю, это хорошие труды, но не идеальные. Я имел 5-6 минут, поэтому не ссылаясь на авторитеты. Но главный ответ такой: Илюшечкин написал это в 1986, а я еще в 1966, будучи студентом...

В.П. Макаренко: Да ну? Тогда с ним свяжись и поспорь...

А.Н. Ерыгин: Да зачем мне спорить, с ним связываться! Был Васильев, у которого более солидные взгляды, чем у Илюшечкина!

В.П. Макаренко: Но зачем ломиться в открытую дверь?

О.Ю.Мамедов. *Проработка прошлого: советская системность против постсоветской фрагментарности.*

Уважаемые коллеги, я никогда не знал, что Александр Николаевич Ерыгин обладает таким страстным темпераментом оратора, что он сор-

вет мне все лавры!.. Почему же я решился выступить, хотя представляю другую область знаний, в отличие от гуманитарных? Я экономист, поэтому, может быть, будет полезен взгляд со стороны. Но если бы здесь были экономисты, они бы с ума сошли. Они бы ничего не поняли, я бы их водил сюда целыми ротами, что бы они слушали всё это. Я уже говорил нашему коллеге Кислицину, что от всех экономистов пахнет солидолом. Они бьют по колесам нашей экономики на слух. И вы видите, как она идет.

В.П. Макаренко: Они смазки, что-ли?

О.Ю. Мамедов: Да! А между тем им надо знать то, о чем вы говорите. Если бы я по образованию не был историком, я бы ничего не понял, но я ушел в экономику. Для облегчения я вам буду демонстрировать текст, если удастся увидеть. Мне кажется, это позволяет улучшить восприятие.

Уважаемые коллеги, проработка или переработка прошлого – это фундаментальный элемент общей методологии социального знания. Благодаря которому научное обществознание противостоит спекулятивному и этим отличается от него. Проработка прошлого в равной степени актуальна для экономики. Правда, она об этом не ведаёт, но для экономистов это очень актуально. Собственно, только такой проработкой занимается научное обществознание. Которое тем самым реализует социальное познание. Самая гениальная фраза: «Мы знаем только одну науку – науку истории». В то же время эта общность не должна застыть, чтобы понять развитие прошлого в рамках традиции. Это в каждой социальной науке. Различие в понимании прошлого каждой социальной науки диктуется вовсе не прошлым, не совокупностью исторических фактов, а только одним: предметной спецификой данной области социального знания которое диктует, в свою очередь, специфику, формируемых здесь объяснительных концепций.

Я хотел бы привлечь ваше внимание к трем моментам: особенностям античной методологии проработки прошлого; общенаучным принципам такой проработки; общеметодологическим аспектам проблем переработки прошлого на примере экономического знания и экономической науки. Позвольте мне высказаться об особенностях отечественной методологии проработки прошлого.

Проработка прошлого сложна сама по себе. Но в советско-российском обществознании (мы уже не советское, но ещё не российское) возникла ещё одна дополнительная проблема, которая имеет административное значение. С тех пор как ВАК, подобно неведомому Демиургу, разделил специалистов на языки, с тех пор историки, социологи, поли-

тологи, культурологи, экономисты стали представлять не разумно обособившееся части единого социального знания, а некие самостоятельные науки. И пока они будут так думать, нам единого социального знания не добиться. Мне кажется, это стало одной из причин, которая погубила отечественное обществознание: по своему повторилась библейская история о строительстве Вавилонской башни, когда строители стали говорить на разных языках, и перестали понимать друг друга. Более того, внутри каждой специальности были введены паспорта, которые возвели дополнительные перегородки. С тех пор каждый наш обществовед съезжился до разрешенной ему строчки в паспорте специальности. Вот почему нужно мужество, чтобы социологам прийти к экономистам, а экономистам к историкам, политологам, и так далее. Ходить надо к другу! И демонстрировать в интернете, а вы, экономисты, слушайте.

Позвольте сказать несколько принципов о научной проработке прошлого. На мой взгляд, проработка прошлого реализуется в рамках семи методологических императивов. Прошлое всегда сильнее настоящего и будущего. Ибо это единственная уже состоявшаяся история. Это единственная реальная действительность. Тогда как настоящему ещё надо закрепиться в прошлом, что бы утвердиться объекты и субъекты социального познания, а будущему вообще состоятся. Во-вторых, прошлое сильнее настоящего и будущего, ибо вся методология познания строится уже на основе состоявшегося, и концептуальные трактовки прошлого. Трактовки можно изменить, но историю изменить невозможно. Это означает, что историк – единственный обществовед, который твёрдо стоит на почве фактов. Тогда как представители всех других отраслей социального знания балансируют между прошлым и будущим, настоящим и будущим, и чем больше элементов настоящего и будущего, тем больше домислов и спекуляций. Ещё один момент: закон трансформации прошлого. Чем отдалённее от современности прошлое, тем оно сильнее мистифицируется. И ещё несколько моментов: мистификация прошлого всегда враждует в его системности, то есть, приобретает такие качества, которые, может быть, в реальности никогда не существовали. Например, когда мы думаем о советскости, она всегда предстает в нашем сознании системой. Дальше: настоящее всегда воспринимается сознанием современников как фрагментарное, разорванное, несистемное. И на этом поле прошлое всегда имеет конкурентное преимущество с настоящим. Наконец, ключом проработки прошлого является закономерности развития экономики – единственно объективного в структуре социального. Поэтому

попытка понять прошлое вне экономического подхода, не опираясь на знание экономических закономерностей и тенденций, обречена на спекулятивность. Другое дело, что экономисты тоже мало озабочены прошлым; они не знают истории, они далеки от философии, политологии и культурологии, не могут помочь своим коллегам. Они сами нуждаются в помощи.

Теперь выскажу свои соображения об общеметодологических аспектах проблем проработки прошлого на примере экономической науки. Прошлое можно изучать только тогда, когда оно действительно стало, ушло в основание общественного устройства. Например, уже триста лет насчитывает традиция сосредоточения отечественных экономистов на ситуации в российской экономике, на ситуации в российской экономической науке и на положении российского экономического образования. Экономисты заиклились на этих ситуациях, но плоды этой сосредоточенности удивительны.

Всякий раз позиции ведущих экономистов страны оказывались настолько противоположными, что возникало вообще сомнение в научном характере экономического знания. Думаю, это присуще и другим областям социального знания. Другой момент: уход прошлого в основание ещё не означает его исчезновения. Оно таится в углу и образует угрозу воскрешения при определенных условиях. Например, все присутствующие прекрасно знают, что в прошлом веке произошли две мировые экономические катастрофы: Великая депрессия ознаменовала гибель капиталистической организации производства; социалистическое преобразование завершилось крахом антирыночной организации российской экономики. Однако причины этих катастроф принципиально различны: Великая депрессия была стихийным результатом развития капитализма; наша катастрофа имела рукотворное происхождение, будучи результатом принудительного впихивания гигантской экономики в догматически трактуемую теорию непосредственного экономического производства. То же самое сделали со всеми другими сферами. И политику впихивали в определенные границы, всё было впихнуто в жесткие рамки. Но западные коллеги извлекли уроки из этого. По причине страха повторения Великой депрессии они крайне осторожны в своих концептуальных рекомендациях. А нашим экономистам страх повторения рукотворных катастроф чужд. Не знаю, насколько избежали этого представители других отраслей социальных знаний.

Наши экономисты с прошлековым задором строят новую идеологическую лавку российской экономики, настаивая на уже однажды погубившем российскую экономику суперэтатизме и запрещая неведомый им либерализм. Не аналогична ли ситуация и в других областях социального знания? Между тем пора уже понять, что у экономики свои императивы развития и надо прислушиваться к самой экономике. Ещё один момент: расхождение между временем в экономической теории и временем в хозяйственной практике. Если теория этого не осознала, она застревает на прошлом. И пока она его не познает, она не может двигаться дальше. В этом отличие познания. Общество реально уже может уйти от сознания, в котором оно пребывало, но теоретики не могут перепрыгнуть и заняться новым, поскольку прошлое становится условием движения вперед теоретического знания.

Я хочу сказать, что существует множество рецептов, как повысить эффективность экономики. Но в реальности главным является совершенно другое: наша гигантская экономика требует всего. Точно так же, как и наше общество, экономика после революции не пошла в стойло непосредственно общественного производства, точно так же и сегодняшняя экономика не пойдет туда, куда её насильно впихивают.

В заключение я хотел сказать, что переработка прошлого – профессиональное занятие ученых. Мы это делаем ради истины, а не для переработки памяти. Пусть народ и дальше будет пребывать при всех своих иллюзиях и мифах. Нас это не касается. Наша задача – познать прошлое, а пойдет оно на пользу народу, – это совершенно другая вещь. Я почувствовал, что вы работаете с общественным сознанием, но почти не слышал обращения к общественному бытию. Это опасный путь к спекулятивности. Он сильно подрывает научные отрасли экономического общественнознания. И, ещё одно: главная проблема, на чем настаивал Виктор Павлович, и ради чего затеяна была эта конференция – репрезентативное, фактологическое измерение прошлого. Вот эта сторона концепции может опираться только на репрезентативную фактологию, но об этом я почти ничего не услышал.

С.А.Денисов: Я хотел поблагодарить нашего докладчика, потому что он высказал важную идею, которая для обществоведения является принципиальной: все разошлись по своим квартирам. Это колоссальная проблема современного общественного сознания. Ещё одна идея: только интегрированное знание, которое базируется на выводах разных на-

ук, может дать объемную картину. Не менее важно то, что вы и Виктор Павлович сказали об исторической науке.

О.Ю.Мамедов: Действительно, история как сумма состоявшихся фактов неизменна. По существу, познание только комбинирует, отстаивает приоритет. Но это уже другое. Сама история никогда не будет меняться. И то, что состоялось, когда-нибудь всё равно найдет адекватное отражение.

Реплики из зала: Может быть, она никогда и не найдет.

В.П. Макаренко: Опять меня вынуждают заниматься ликбезом. Дорогие коллеги, к настоящему времени существует, как минимум, три конкурирующих концепции факта. Я их не буду перечислять. Достаточно было бы прочесть классический труд Людвиг Флека о генезисе научного факта. Эта работа является поворотной в методологии и понимании самого факта. А здесь говорят о фактах, не оговаривая, что конкретно имеется в виду. И сваливают в эту корзину исторические факты. Юрий Сергеевич, может, вы меня поддержите?!

Ю.С.Пивоваров: Я вас хочу поддержать со всей большевистской принципиальностью. Вы знаете, был такой историк французский Фернан Бродель?

В.П. Макаренко: Конечно!

Ю.С. Пивоваров: Как молодежь говорит: культовый философ. У него есть выражение: события это пыль...

В.П. Макаренко: Пыль повседневности, точно...

Ю.С. Пивоваров: Это сказал человек, который как раз занимался повседневностью. События – это пыль. Есть ещё хорошее высказывание Шпенглера по поводу истории: история – это всё равно, что высшая математика, её нельзя исчислить. И очень хороша строчка у Б. Пастернака:

История не в том, что мы носили,
А в том, как нас пускали нагишом.

Здесь вспоминали Ключевского. Ключевский – это человек, который всё время думал по поводу истории, это толкователь истории, это философ истории и прочее и прочее. А факты придут потом. Вспомните, как нас в школах, а потом учили в ВУЗах учили о 2-ом съезде РСДРП. Нам казалось, что вся история русской революции – это съезды РСДРП. Но если взять другую оптику, то они вообще незаметные явления истории того времени. Где-то, какие-то люди, зачем-то собрались, что-то обсуждали... Никто про них знать не знал, какую роль они играют... То есть, это

не просто события и факты: история обязательно предполагает взгляд. Или, как говорил Эйнштейн: самая практическая вещь на земле – это хорошая теория. Я абсолютно убежден, что без теоретического глубокого осознания истории ничего не получится. Я абсолютно убежден, что информационный и цивилизационные подходы абсолютно неадекватны современному человеку. И его желанию понять прошлое. Нужны какие-то иные критерии. Скажем, персоналистский подход, когда человек ставится в центр всего. (*Обращаясь к В.П.Макаренко*) Я имею в виду двухтомник А.Зубова, о котором вы говорили. В нем сделана попытка понять советскую историю. Ведь это самое главное.

Именно на этот подход нападают всякие Степан Степанычи Сулакшины и им подобные. Поэтому я думаю, что история это не только факты. Давно вышла замечательная книжка замечательная Леонида Милова «Великорусский пахарь». В которой написано о том, что наши предки пили, ели, потом страниц двадцать заключения. Ради этого всё написано. Не ради рациона питания крестьянина...

Реплика из зала: Это великая книжка.

Ю.С.Пивоваров: Это великая книжка... Там сами выводы потрясающее, которые открывают совершенно новое видение российской истории. Ещё я прошу обратить внимание на книгу не специалиста по русской истории, по фамилии Кульпин. Может быть, кому-то знакома. Он изучал русскую историю как человек экономики, демограф. И совершенно другой взгляд на русскую историю. Которую мы не найдем ни в классической историографии, ни дореволюционной, ни в советской, эмигрантской и прочее-прочее. То есть, очень многое зависит от взглядов на одно и то же событие. И когда я говорю, что в 1930-е годы всё уже состоялось... А мы ничего не знаем: что состоялось, в каком соотношении, в какой иерархии состоялось? Причем, очень многое, что нам не было видно тридцать лет назад, сейчас начинаешь видеть. Я, например, только в 1993-м году, когда прочел проект Конституции, который сейчас у нас есть, понял, что они готовят ту Конституцию, которая уже была в 1906 году(а до этого почти за сотню лет её написал Сперанский). То есть, в 1930-е годы нельзя было понять, что такое так называемая Конституция. Каждая новая эпоха требует нового прочтения. Нужен новый контекст. Новое событие, которое показывают.

Действительно, кто знал, что Россия рухнет в 1917-м году? По существу, выигранная война. Хороший, свободный тыл без карточек. Что за проблема? И вдруг Россия рухнула. Нет ни одного историка серьёзного,

который бы, проанализировав всё, сомневался бы в этом. Известный историк написал в Казани в работе 1921 года «Кризис исторической науки»: «Вся наша теория раньше обосновывала, почему наше государство поднялось. Сперва, мы должны объяснить, почему оно рухнуло». И, между прочим, российская дореволюционная наука постсоветская и эмигрантская ещё до конца не разобрались с ситуацией революции, что там произошло, не говоря уже о событиях 1991, 1993 и конца 80-х годов. Здесь, к сожалению одной нефтью или предательством Шеварднадзе не обойдешься. Так почему Россия XX-ом столетии дважды рухнула? Что такое? Ни с того ни с сего – бах и нету?! Было всё плохо, но не было так, чтобы кранты...

В.П. Макаренко: Уважаемые коллеги, мы сейчас должны завершить нашу конференцию, хотя почти треть докладов осталась не заслушанной. Благодарю всех за содержательное участие и за активность. А также укоряю тех, к кому это относится, за незнание некоторых элементарных фактов, из-за чего дискуссия вынуждена идти извилистыми ходами и попадать в тупики. Пусть те, кто их предлагает, выдумает для интеллектуальных тупиков красочные названия. Мы их используем в наших следующих заседаниях.

НАСЛЕДИЕ КОМУНИСТИЧЕСКОГО ПРОШЛОГО В СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ РОССИИ И РОССИЙСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ЛЕВОГО ДВИЖЕНИЯ

(СТЕНОГРАММА СЕМИНАРА-ДИСПУТА) 18–19 МАЯ 2013 Г.

В.П. Макаренко: Уважаемые коллеги, начинаем нашу очередную акцию. Ее проводит Центр политической концептологии Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем совместно с факультетом социологии и политологии, кафедрой теоретической и прикладной политологии Южного федерального университета, Исследовательским комитетом по политической концептологии Российской ассоциации политических наук, клубом «Интеллектуальный Ростов», при финансовой поддержке Фридриха Эберта и при участии РОО «Кеннан». Напомню, что недавно переиздана книга Джорджа Кеннана «Сибирь и ссылка». Кто не читал – рекомендую взять книгу в библиотеке и прочесть, хотя бы для прочки ума.

Э.И. Паин: Это первый американский руссолог...

Е.В. Цымбал: Но Институт Кенана организовал его внук, тоже чрезвычайно интересный человек, который провел в Советском Союзе почти 20 лет. Одно время он был послом, как раз во время войны он был послом США в СССР, а потом представителем без мандата.

В.П. Макаренко: Разрешите мне представить наших гостей. В первую очередь даму – Галину Владимировну Левину, координатора РОО «Кеннан». К нам приехали также известный специалист-политолог, профессор Эмиль Абрамович Паин и известный кинорежиссер, выпускник Ростовского государственного университета, обладатель премии Британской академии кино и телевидения Е.В. Цымбал. Прежде чем переходить к повестке дня, скажу сотню или больше вступительных слов.

В 1989 году я завершил первую программу по исследованию бюрократии и издал книжку «Бюрократия и сталинизм». Это – одна из наиболее известных моих книг. Проблемой бюрократии я занимаюсь с 1974 года. В период перестройки темы сталинизма и бюрократии были одним из популярных тем того, что я называю «временно-официальной идеологией». Под временно-официальной идеологией я имею в виду любые интеллектуально-политические моды, которыми в ситуациях неопределенности пользуется правительство, чтобы заткнуть политические, социальные, экономические и прочие дыры, которые образовались в ре-

зультате его деятельности. И вот книжка вышла. Летом 1989 года я прогуливался по улице Энгельса, возле парка имени Горького. Потом прошел на другую сторону Буденовского проспекта, в известный всем ростовчанам книжный магазин. Привезли несколько контейнеров моей книги. Я стоял в сторонке и смотрел, как мою книжку расхватывали прохожие – первые попавшиеся люди, а не адресные читатели. И во мне зыграла гордыня – вот до чего дожил! Я преисполнился громадного вдохновения. «Смотри-ка, – подумал я, – как расхватывают, наверное, усвоят все то, что там написано». Но то была моя далеко не последняя иллюзия. В то время темы сталинизма и бюрократии вроде бы пользовались официальной поддержкой.

И вот Советский Союз крахнул, если пользоваться жаргоном Ленина. В России осталась примерно половина его населения. Зато численность бюрократии возросла в два раза по сравнению с Советским Союзом. Об этом вы можете прочесть в статистических сборниках. То же самое можно сказать о теме сталинизма. Ряд политических сил страны реанимируют сталинскую идеологию. По-прежнему существуют институты, которые созданы при Сталине и по его программам.

Недавно переведена книга «Насилие и социальные порядки», одним из авторов которой является Нобелевский лауреат Дуглас Норт. В этой книге есть несколько упоминаний о России. В том числе то, что путинская Россия – это вариант древней Месопотамии и Англии эпохи Тюдоров. Для обоснования этого вывода Дуглас Норт вводит понятие естественного государства. Естественное государство как раз предполагает господство тех лиц и структур, которые сложились при Сталине. Но их господство ведет к последующему краху естественного государства.

Конечно, дело не в Сталине. Время «сталинских соколов» – т.е. людей, лично ему обязанных карьерой, прошло. Но созданные им институты воспроизводят блок проблем, которые пытаются осмысливать интеллектуально честные экономисты, юристы, историки, социологи, кинорежиссеры. С этой точки зрения особую актуальность сегодня имеет представление той художественной продукции, которую привез с собою Е.В. Цымбал.

В заключение скажу, что профессор Паин сообщил: его доклад будет посвящен более широкой тематике, а не только левому движению.

Е.В.Цымбал: Уважаемые зрители, слушатели, коллеги и мои однокашники! Я очень рад видеть здесь Анатолия Владимировича Лубского, с которым мне довелось прожить три года в одной комнате, хотя и в раз-

ных местах, по разным адресам. Не менее рад Николаю Мининкову, с которым мы вместе учились. Здесь есть Феликс Тодоров, тоже мой однокурсник, и Октай Мамедов, с которым мы сотрудничали. Простите, если я кого-то не назвал, все-таки я уже 39 лет не живу здесь, хотя считаю себя по-прежнему ростовчанином.

Сейчас мы посмотрим два фильма. Первый называется «Обыкновенный большевизм», он был снят в 1999 году. Возможно, некоторые вещи и некоторые акценты за это время изменились. Кино стареет быстрее, чем тексты, но иногда бывает наоборот. Первый фильм идет около 80 минут. Потом у нас будет перерыв. Второй фильм называется «Защитник Седов», он идет 44 минуты. После фильмов я готов буду ответить на ваши вопросы.

После просмотра фильмов звучат аплодисменты.

Е.В.Цымбал. Первый фильм был снят 25 лет назад, при советской власти. Пожалуйста, какие будут вопросы.

В.П.Макаренко: В последних кадрах – это Микоян?

Е.В.Цымбал: Да, это Микоян, в кадре находится 20-летие ВЧК в Большом театре, на котором должен был выступать Сталин. В последний момент Сталин позвонил и сказал, что занят делами, пусть выступит Микоян. Микоян совершенно не был готов к выступлению. Как вы видите, он импровизировал, нес всякую чушь в духе своего времени.

Голос из зала: А не было кадров по поводу того, как самого Ежова погнажи?

Е.В.Цымбал: Как правило, такие вещи не снимали. О борьбе с ежовщиной не было фильма.

Голос из зала: Но в кадрах он есть.

Е.В.Цымбал: Да, есть.

Голос из зала: Ваши источники все советские. Не приходило ли вам в голову, что есть достаточно репрезентативные английские, немецкие источники?

Е.В.Цымбал: Вы знаете, наверняка есть. Беда в том, что в те времена зарубежная хроника стоила в сотни раз дороже нашей. А сейчас уже и наши приближаются по стоимости к той цене, которая существует на Западе.

Голос из зала: А что Евгений Васильевич делает сейчас?

Е.В.Цымбал: Я могу вам назвать три фильма. 4 года назад снял фильм «Остановивший время» о Владиславе Микоша. То был один из лучших наших операторов, человек, который начинал снимать в 1932 году. Бу-

дучи студентом ВГИКа, он снимал взрыв храма Христа Спасителя, потому что считался лучшим студентом на операторском факультете. Рядом с ним стоял чекист, и как только кончалась пленка, он под расписку сдавал этот материал. А увидел он этот материал спустя 54 года, в 1988 году. Он был фронтовым оператором, снимал всю оборону Севастополя, был в осажденном Севастополе до последнего дня. Его увезли контуженного. После этого он подлечился, и его послали на съемки американско-английских конвоев в Архангельск. Потом он с конвоями попал в Англию. Из Англии они поплыли в США. Конвой шел вдоль Гренландии, обходными путями, чтобы обмануть немцев. Как выяснилось, немцы не обманывались, они просто шли тихо вместе с ними и выжидали удобного момента. В конвое было 113 судов, и когда до Нью-Йорка оставалось три дня пути, немцы атаковали их, у них это было очень хорошо отработано. Они подбивали первое и последнее судно, потом правое и левое. Так весь конвой оказывался в квадрате горящих судов, естественно, начиналась неразбериха, паника. А немцы ходили по кругу и уничтожали. В Нью-Йорк пришло 45 судов из 113. Когда они приехали в Нью-Йорк, достали сразу камеры, чтобы снимать. Но в посольство пришла телеграмма: любые съемки в Америке категорически запрещаются. Потому что Сталин подумал и сказал: наши будут снимать там, и мы должны будем пустить их оператора, но нам не надо никаких съемок. Правда, когда не было никого из посольства, они снимали втихаря маленькими камерами.

Там была забавная история. Когда они приехали в Америку, выяснилось, что никаких документов на них не пришло. Их тут же арестовали. После этого был суд, где было вынесено решение об их депортации. Но судья сказал: у нас сейчас идет война, и вы наши союзники; я вынесу приговор о вашей депортации с правом на обжалование; у вас есть 75 дней на то, чтобы обжаловать. 75 дней вы можете находиться в США. Добро пожаловать в Америку! Они провели там достаточно долгое время, консультировали несколько американских фильмов, посвященных России. У Владислава Микоши был роман с актрисой Хейди Ломар. Это была выдающаяся женщина. Помимо невероятной красоты у нее еще было физическое образование. Она придумала что-то такое, что явилось основой радиолокационной техники и нынешних сотовых телефонов.

После этого они из Лос-Анджелеса двинулись во Владивосток, но в 2-х днях пути до Владивостока их остановил японский крейсер. С японцами у нас был вооруженный нейтралитет, они имели право досматривать наши суда, чтобы в наших судах не было оружия. Естественно, паро-

ход был набит американским оружием, хотя на ящиках было написано «станки» и что-то такое. Когда пришли японцы, выяснилось, что у нас не до конца точно оформлены документы. И капитан сказал, что да, я с удовольствием вас пущу, вот я связался с нашими властями, и они сказали, что пока не будет этих документов, мы вас пустить не можем. Хорошо! – сказали японцы, мы вам завтра эти документы привезем. Отошли буквально на 300 метров и сказали: вы здесь стоите и никуда не деваетесь. Ночью лег туман, команда вручную выбрала якорь, шлюзы, из которых цепи шли, были укутаны телогрейками, чтоб не было лязга. И они ушли в тумане и пришли во Владивосток. Когда этот пароход пошел обратно, японцы его потопили. Микоша со своими коллегами приехал в Москву на Центральную студию документальных фильмов, сдал более 30 коробок отснятого материала, больше этого материала никто не видел и не слышал. Потом он долго еще воевал и закончил войну съемкой капитуляции Японии на крейсере «Миссури».

После этого у меня был фильм «Дневник из сожженного гетто». Мы нашли девушку, которая, как Анна Франк, вела дневник в каунасском гетто. К счастью, она осталась жива. Но этот дневник он остался совершенно неизвестным, потому что всех, кто ее спасал, посадили за участие в гестаповско-сионистском заговоре. Все они получили по 10 лет, уехали в Амурскую область, на Колыму. Она жила в Советском Союзе до 1971 года, ее зовут Тамара Ростовская. Можно найти в Интернете это имя и дневник. В 1974 году дневник был опубликован в Израиле в переводе на иврит, в 1994 году издан в Литве в переводе на литовский. После нашей картины я связался с исследователем Павлом Поляна и надо отдать должное его энергии, нам удалось издать впервые этот дневник на русском языке.

Мой последний фильм называется «Юргис Балтрушайтис – последний рыцарь Серебряного века». Это история литовца, русского поэта, одного из выдающихся деятелей культуры XX века и создателей русского символизма, человека, который знал два десятка языков и перевел на русский язык Ибсена, Инберга, Гамсуна, Уайлда. Он жил в Москве. В 1920 году литовцы предложили ему стать представителем, а потом послом Литвы в России. Он пробыл на этом посту до 1939 года, то есть прожил в Москве 47 лет. Была неизвестная глава в его деятельности – он стал давать выездные визы деятелям Серебряного века. Мне лично удалось установить, что он дал визы Марине Цветаевой, Ходасевичу, Берберовой, Бальмонту, Вячеславу Иванову, Борису Зайцеву, Алексею Ремизову, Шимону Дубнову, Мстиславу Добужинскому, Коровину. Скорее все-

го по литовским визам уехали также Шаляпин, Кандинский, Рерих, семья Пастернаков, Андрей Белый и Борис Пастернак, которые быстро вернулись и т.д. и т.п. Могу сказать, что среди них родители политического обозревателя Познера, дочери Александра Скрябина, мать Мария. В общем, это еще поле для исследования. Вот три моих последних фильма, что будет дальше – не знаю.

В.П.Макаренко: Как имя Микоши?

Е.В.Цымбал: Владислав, он саратовский поляк.

Э.И.Паин: Вопрос у меня такой: это наследие коммунистического прошлого или какого-то другого? Коммунистический – это один или один из возможных псевдонимов или это уже другая тема?!. Если позволите, я выскажу также несколько ремарок по поводу того, что увидел. Меня уполномочил не Сталин, но совесть и личный интерес. Я все видел в первый раз, фильм художественный и документальный. Документальный мне в начале сильно не понравился. Многие вещи сняты так, как будто текст написал белый эмигрант с известными фобиями. И советский период, большевизм, который вторгся в Афганистан, а потом туда вторгся американский не большевизм...

Е.В.Цымбал: Но это уже было после фильма.

Э.И.Паин: Для такого дела не обязательно, чтобы это был большевизм. Ко многому можно бы было придаться, но если соединять два фильма, что для меня было важнее всего, то в них речь идет о неких заражениях, процессах схождения и взаимовлияния большевизма и нацизма. И не только. Речь идет о факторе радикализма, который переходил из большевизма в нацизм и наоборот. На этой основе возникло массовое заражение, эпидемия. Вот это вещь чрезвычайно важная: как это происходит и как это может быть опасно и незаметно. После того, как власть демонстрирует, что суд, право и закон как дышло... Если эту народную мудрость подкрепить двумя-тремя примерами, то в принципе можно довольно быстро создать ситуацию поиска врагов народа. Художественный фильм просто замечательный. Особенно концовка. Все ждали, что Седова поведут в наручниках, а он оказался героем. Это все очень интересно и важно. А что же это, если не коммунизм?! Что это такое?

Я думал об этом, когда в начале документального фильма говорили, как высоко и широко шагала Россия к 1913 году, что уровень достиг уровня Франции, что она опережала по темпам Америку. Опережала, но это была абсолютистская монархия. Первый парламент в России был создан на 60 лет после соседней Османской империи. Там уже 60 лет был, когда

у нас появилось нечто похожее. В этих условиях все время существует опасность. В документальном фильме была фраза: улица была во власти толпы. Абсолютизм дает право власти толпы. И если нет общества, если оно не структурировано, то получается выбор из огня да в полымя. Этот вариант возвратных движений и его природы – чрезвычайно важная вещь. Я совсем недавно выступал по радио, у меня вышла заметка в «Огоньке». Множество радиостанций решили взять у меня интервью, паре я дал, в том числе Русской службе новостей. Вот и Женя слышал. Закончилось все это тем, что один из слушателей сказал: мы хотели бы, чтобы вы сплотились в газовой камере.

Причем, никто со мной не спорил по сути. Никто не говорил, что написал автор правильно или неправильно. Слова «газовая камера», «натянуть кожу на абажуры» и им подобные присущи отнюдь не только советскому мышлению. Оказывается, нужно всего лишь чуть-чуть разозлиться на человека, чтобы узнать, что он планирует взрыв в метро или нашего товарища Сталина или шести доярок с помощью быков. Все легко происходит и легко производится; и природа этого понятна. Не формируется гражданское общество, нет того, что называют гражданской нацией. Даже никакого интереса к этому нет, это не обсуждается. Я не буду сравнивать фильмы с научными исследованиями, это нелепо. Но польза таких фильмов чрезвычайно важна, это заслон от инерции воспроизводства массовой паранойи. Проблема воспроизводства массовой паранойи под любым идеологическим названием крайне важна. Это может быть названо как угодно, не обязательно коммунизм, нацизм, фундаментализм. «ИЗМов» может быть бесконечное множество, но такая возможность существует всегда. Я очень жалею, что этот фильм забыт. Его нужно было многократно пускать по телевидению, чтобы его смотрели. Ведь примерно похожее делается сегодня. Этот фильм стоит обсуждать и показывать. Но если даже два человека в каждой аудитории вынесут что-то для себя после всего этого, то это уже будет хорошо, уже заслон, уже какая-то защита.

Е.В.Цымбал: Спасибо всем большое! Конечно, у этих фильмов была разная судьба. По сведениям Мосфильма, «Защитник Седов» купили 862 управления кинофикации и кинопроката. А его производство обошлось всего в 60000 рублей. Деньги были поделены на две части, я очень опытный кинематографический волк. Тюрьма снималась в подвале Мосфильма; кабинет следователя и кинотеатр – в проходной автобазы. Фильм снят за 18 дней в городе Серпухове. Квартира Седова была снята в чужой

декорации, которую я переобставил. В подвале Мосфильма был пустой и заброшенный народный театр, там ничего нет, кроме шкафов. Мосфильм продавал этот фильм по 100000 рублей и продал 862 копии. Мне заплатили как за две части, так как планировался 2-хчастевый фильм. «Защитник Седов» имел достаточно шумный резонанс. В газете «Правда» была опубликована статья, что фильм создан по худшим рецептам геббельсовской пропаганды, что Цымбал – это Иуда, который сполна отработал свои тридцать серебряников, а в скобках добавлено: можно только догадываться, сколько ему щедрой рукой заплатили сионисты и американские империалисты за поливание нашей истории.

В.П.Макаренко: Кто автор этой статьи?

Женский голос: Скажите, пожалуйста, предположим, вы сейчас, в 2013 году снимали бы свой документальный фильм. Изменились ли аксиологические акценты и внутреннее ощущение художника – кинематографического волка, как вы сами себя назвали?

Е.В.Цымбал: Вы знаете, мы, конечно, все меняемся. Если бы сейчас я делал эти фильмы, в «Седове» я ничего бы не стал менять. В «Обыкновенном большевизме» я, наверное, больше уделил бы внимания не индоктринации народа, а его собственной психологии и тем механизмам, которые заставляют нас ходить по этому кругу. Я бы больше внимания уделил социально-психологическим моментам, массовой психологии, психологии толпы, если хотите.

Женский голос: Эмоциональному интеллекту?

Е.В.Цымбал: Я не думаю, что там много интеллекта. Я думаю, что есть много стереотипов или идиотизмов национальной истории и национального характера. Они существуют внутри каждой нации и страны. Это невероятно устойчивая вещь. Чтобы они изменились, нужны очень многие годы. Когда меня упрекали за то, что я снял такой фильм; я сказал: «Простите, прокоммунистических фильмов сняты десятки тысяч, можно снять и один антикоммунистический фильм». Беда наша в том, что это направление и тенденция не получили развития. Чтобы исправлять какие-то ошибки, нужно хотя бы их осмысливать или воспринимать рационально. Я имею надежду, что кино прежде всего имеет отношение к искусству. А искусство всегда обращается не к рассудку, а к эмоциям. Как говорил Владимир Набоков, у искусства одна цель – потрясать. Не знаю, насколько это мне удалось.

А.М.Старостин: Первый фильм не могу оценить, он в мое мировосприятие не входит, и не потому, что я человек левых убеждений. Эгалита-

ризм там подвергнут очень грубой обработке. Мы знаем теперь гораздо больше, чем знали даже в конце 1980-х. Более того, в России сама политическая практика, история и политическая история была, как правило, не кумулятивной. Выводов из прошлого не делается, опыт не накапливается, гражданская культура не идет своим путем. Поэтому я думаю, что сюжет документального фильма отработал свое. Ведь есть вещи и заказные. А «Защитник Седов» – это пример художественной философии. На коротком промежутке с помощью емких образов, многомерно показана суть сталинизма. Хотя какая-то одна нитка совпадает с первым фильмом. Но есть не только эта нитка, а и множество других, которые потом проявились. Фильм зафиксировал времена 1930-х и те надежды, с позиций которых этот фильм снимался. Да и вообще трудно в России быть Богом...

Е.В.Цымбал: Да в России трудно просто быть...

А.М.Старостин: Как-то мы очень спешим и увлекаемся большими проектами. Едва мы к этим проектам обращаемся, в конце получается совсем не то, что было задумано в начале. То ли народ неправильный, то ли главные конструкторы опыта не имеют; то ли глобальные обстоятельства мешают. У меня тоже нет ответа.

Е.В.Цымбал: А у меня реплика на реплику. Для меня лично большевизм – не столько политическое и философское явление, сколько этическое и социологическое явление. Я рассматриваю его прежде всего с этой стороны. Например, в нынешней ситуации идеологии большевизма у нас нет, а этики и социальной психологии большевизма очень много. Я считаю, дело не в народе, но народ ведь нужно воспитывать. Ему нужно постепенно прививать какие-то образцы, цивилизованные пути существования, а это очень длительный кропотливый тяжкий процесс. Многим из нас преподавали материализм, теорию партии, мне в том числе. Вы понимаете, у нас нет понятийного аппарата для описания каких-то других возможностей. Поэтому мы волей-неволей вынуждены возвращаться на тот же путь, на те же круги. Плюс ситуация с отношением народ и власть. Я считаю, что это не изменилось толь со времен Киевской Руси, то ли со времен монголо-татарского ига. Если ты – власть, тебе все дозволено. Если вы – народ, то вы знаете что...

В.П.Макаренко: Какие еще есть вопросы, реплики, высказывания? Тогда у меня сначала реплика, а затем высказывание по поводу того, что здесь прозвучало. Конечно, потрясают вещи, которые пытаются изнутри описать репрессивную машину с помощью художественных средств.

Мне кажется, тут нужна целая государственная политика, чтобы каждый представлял, что такое государство и люди, которые выполняют роль элементов или винтиков в государственной машине. Тут рациональности и рассудочного восприятия недостаточно. Конечно, оно необходимо, но лишь после того, что Роман Ингарден в его классической работе «О познании литературного произведения» назвал предварительной эмоцией. Если предварительной эмоции нет, то ее можно создать. Евгений Васильевич это делает и создает, и это прекрасно. На этой базе можно изучать нашу квазисобственную историю.

Теперь скажу о сравнении с 1913-ым годом. Почему-то профессиональные отечественные историки мало фиксируют следующую цепь вполне определенных событий, начиная с 1850-х гг. до настоящего времени. Россия проиграла Крымскую войну 1853–56 гг. В 1904–1905 году она проиграла войну с Японией – небольшим островным государством. Первую мировую войну Россия тоже проиграла. На протяжении чуть больше полувека монархическая Россия проиграла три войны. В 1920-м году Советская Россия потерпела сокрушительное поражение под Варшавой. В финской войне 1939–1940 Советский Союз тоже потерпел поражение. В любом случае его людские потери не идут ни в какое сравнение с потерями Финляндии. В 1986 г. СССР пришлось ретироваться из Афганистана после семилетней войны. Какова была наша техника и качество вооружений в войнах между Кореей и США, Израилем и Египтом – особая тема. Холодную войну СССР тоже проиграл. На протяжении 150 лет страна изменила политический строй и понесла при этом сколько поражений – пусть каждый посчитает сам. Эта связь событий нуждается в углубленной рефлексии. На нее мало обращают внимания. Опять звучат победные фанфары.

Если стоять на почве фактов, то история государства не есть только история побед, но и история поражений. Истории без поражений не бывает. Евгений Васильевич прекрасно сказал, что если снято сто апологетических фильмов про советскую власть, то не грех снять хотя бы десяток против этой власти. Тут я абсолютно с ним согласен, хотя и в этом случае будет явная диспропорция. Независимо от того, идет ли речь о надеждах или трагедиях, мы в любом случае отступаем от исторических реалий, исторической правды.

А.М.Старостин: Виктор Павлович, но это же не научный, а идеологический подход.

Е.В.Цымбал: Должен сказать, что авторское название первого фильма было «Краткий курс истории ВКП(б)». Его переименовали продюсеры.

В.П.Макаренко: По поводу истории ВКП(б) сейчас тоже скажу. Спасибо, что вы эту тему зацепили. В 4 года я научился читать. Первая книжка, которую я в своей жизни прочел, был «Краткий курс истории ВКП(б)». Дома почти не было никакой литературы. Отец ходил на занятия, изучал краткий курс, а я вместо букваря учился читать на этом кратком курсе. Целые фразы оттуда до сих пор помню. Могу цитировать, но не буду этим заниматься. Вы затронули социальную психологию. А я с удовольствием сошлюсь на мою супругу Татьяну Александровну. Она краткий курс ВКП(б) сегодня носит студентам на лекции, зачитывает оттуда фразы студентам. Сам текст у большинства студентов вызывает рвотный позыв.

Е.В.Цымбал: А у кого-то вызывает и энтузиазм!

В.П.Макаренко: Вряд-ли можно добиться того, чтобы пропорция восхищения и отвращения при восприятии этого текста была бы одинаковой. Мне понравилось ваше высказывание о социально-психологических корнях большевизма. В этом смысле большевизм жив до сих пор. Приведу примеры.

В постсоветской России причиной авторитарных тенденций является связь экономики с политикой. Под предлогом модернизации страны власть транслирует советско-монархическую связь политического угнетения с экономической эксплуатацией людей и природы. Драма посткоммунистической трансформации – это борьба между поклонниками рынка и рантье. Государственные рантье поставили задачей переходного периода сохранить условия для извлечения ренты в любых обстоятельствах. Существуют ли параллели между ситуацией в России и ситуацией в других странах? С удовольствием сошлюсь на Дугласа Норта, который в своей классической работе показал, что институты армии, церкви и бюрократии – главные действующие лица latino-американского пути зависимости от траектории предшествующего развития. В результате испаноязычные страны навсегда отстали от других стран Запада. Движение России сегодня по latinoамериканскому пути подтверждено. Довольно много есть исследований, фиксирующих параллели между Россией и испано-язычными странами. Так что предпосылки для анализа влияния армии, церкви и бюрократии на социальную жизнь страны уже появились. Мне кажется, нужен детальный анализ влияния этих политических институтов на социальную психологию России.

Эту проблему можно ставить и решать по-разному. В том числе на основе прозрений Андрея Платонова об универсальности двоемыслия. В научной литературе обычно при описании двоемыслия связывают эти явления либо с Оруэллом, либо с Владимиром Кормером, считая что оно характерно только для Советского Союза. Однако Андрей Платонов считал этот феномен следствием и причиной поведения и появления особого социально-антропологического типа, возникшего в СССР после революции. Приведу здесь главные констатации Платонова.

Первая рубрика: общая характеристика человека. Давайте вслушаемся, что писал Платонов. Типичный человек нашего времени – это голый и без имущества в предбаннике истории, готовый на все, но не на прошлое. Не Иван-дурак, а Иван-аспид, Иван-хитрец – вот сущий тип нашего времени. Сознание себя Иваном-дураком – это самосознание народа или класса. Каждый человек с детства вырабатывает социальную маску, чтобы гарантировать себе наибольший успех. Уже с детства человек впадает в уродство, люди на самом деле замаскированы. Такова характеристика материала, на котором растут социально-психологические предпосылки сталинизма.

Е.В.Цымбал: Если я не ошибаюсь, в Ростове в 1987 или 1988 году, на Северо-Кавказской студии кинохроники, Ростовской студии кинохроники был снят замечательный фильм Сергея Стародубцева. У меня лично он есть, где его найти в Ростове, пока не знаю, но, наверное, можно. Фильм совершенно потрясающий. Жаль, что Сережа безвременно погиб

В.П.Макаренко: Я помню эту фамилию, он работал на телевидении.

Е.В.Цымбал: Именно так.

В.П.Макаренко: Спасибо за подсказку. Второй сюжет я обозначаю так: связь революции и контрреволюции. Я считаю, что у людей, подобных Евгению Васильевичу Цымбалу – т.е. у публицистов и художников, ных как у охотничьего пса. Они раньше других должны фиксировать явления, за которыми должна следовать теоретическая мысль. Поэтому для меня художественные вещи важнее. Андрей Платонов писал, что революция была задумана в мечтах о никогда несбывшихся вещах. Такие мечтания он называл тайными идеями и указывал три таковых: устранение религии как народной религиозности; устранение нечистой совести: *«Жизнь состоит в том, что она исчезает. Ведь если жить правильно по духу по сердцу подвигом жертвой долгом, то не появится никаких вопросов не появится желание бессмертия и т.п. Все эти вещи являются от нечистой совести»*; использование философии для освобождения чело-

века: *«Вся философия есть способ самозащиты угнетенных людей против угнетателей, путем поисков такого слова, чтоб их угнетали не до смерти, чтоб слово это подействовало на угнетателей особым, неизвестным магическим образом, – но чёрта с два это выйдет»*.

Не менее значима «...мечта о государстве, где население бьет, издевается, колотит полицию, власть и пр. – и население наслаждается».

Нетрудно понять, что все эти цели не достигнуты до настоящего времени. Проблема смещается к обсуждению меры их утопичности или реализуемости.

Непосредственная цель революции: уничтожение буржуазии – «великой гниды земного шара». Средство: «Только деклассированные, выродившиеся из своего класса, «ублюдки» истории и делали прежде революции... Да здравствуют безымянные «ублюдки» и всякие «отбросы» человечества!». «Без мучений нельзя изменить общество: ведь социализм получил в наследство мещанство, сволочь... «Сознание, не закрепленное в чувстве, это действительно контрреволюция, т.е. непрочное слишком состояние». «Если нельзя сплотить людей на основе родства, то можно их соединить на основе мучительства».

На деле великая гнида и ублюдки играют роль исторического навоза: «В революцию выигрывает «боковая сила», т.к. главные уничтожают друг друга, а боковая остается при здоровье и забывает все». «Мещанин, а не герой вывезет историю». Иначе говоря, реальная революция – это мучительство масс ради победы мещан под видом революционных преобразований.

«Советская власть опирается на приспособленческие элементы, страстно цепляющиеся за жизнь и готовые на все». «Удивительно, что люди жались к жакту, конторе, к справкам, хотя в городе были мировые театры и в мире вечные вопросы мучения». «Люди связаны между собой более глубоким чувством, чем любовь, ненависть, зло, мелочность и т.д. Они товарищи даже тогда, когда один из них явный подлец, тогда подлость его входит в состав дружбы. Отчего это? Оттого, что человек интересен лишь с «говном». Устраивали праздники по случаю получения паспортов, справок, воинских билетов и т.д.».

Из всего перечисленного вытекает бюрократическая природа советского государства – это «...государство, держащееся на чтении книг, газет». Жизнь в таком государстве есть непрерывное напряжение приспособленчества и безошибочности. «Учреждения ничего не делают, сознавая бесполезность большинства дел, но взаимосвязь, прослежки,

страх перед неисполнением пустяка такие сильные, что все плетется мелочью, трется и тихо выходит дело. Так что учреждения полезны, но не работой, а суетой». «В начале класса – чиновничий героизм; смерть на далеких бурьянных полях с портфелем и преданностью; героизм более мощный, чем военный, более глубокий и жуткий». Бюрократический героизм в СССР стал массовым явлением: «Чтобы истреблять целые страны, не нужно воевать, нужно лишь так бояться соседей, так строить военную промышленность, так третировать население, так работать на военные запасы, что население все погибнет от экономически безрезультатного труда, а горы продуктов, одежды, малин и снарядов останутся на месте человечества, вместо могильного холма и памятника». Как известно, все население страны не погибло, но СССР распался. Советская власть провозгласила социалистическую демократию, а постсоветская назвала ее «суверенной». Однако «...происхождение демократии – это переодетая полиция, это штатскость – для конспирации наблюдения».

В этом смысле А. Платонов оказался пророком. Ни цели революции, ни тайные мечтания наших соотечественников не осуществились до сих пор. Мне кажется, что проблемы, поставленные Андреем Платоновым, остаются до сих пор актуальными.

Е.В.Цымбал: Вы знаете, если начать с конца вашего выступления, то это напоминает старый анекдот. Армянское радио спрашивают «Будет ли новая всемирная война?» Ответ «Войны не будет, но будет такая борьба за мир, что камня на камне не останется».

Это раз. Во-вторых, лет 15 назад, когда я делал этот фильм, я, может быть, в большей степени согласился бы с Андреем Платоновым, нежели сейчас. Потому что царская Россия тоже была бюрократическим государством. Я думаю, дело в принципах, на которых строится государство. Потому что должны быть какие-то выходы, каналы для публикации и учета других мнений. Если этого не происходит, получается не плавильный, но паровой котел, который время от времени взрывается. При всей ненависти Платонова к мещанству нужно сказать, что мещанство – носитель здравого смысла в большой степени. При всей его пошлости, глупости и т.п. Что такое средний класс? Это образованное мещанство. Сейчас средний класс – основа более или менее стабильных государств. Что касается чтения газет, то я думаю, что это сейчас вообще уходящее. Сейчас властитель дум, правительство у тебя в квартире, гипнотизер, индоктринатор – это телевидение. А дальше мы вступаем в мир интернета. Что это такое? Это уже некая мозаичность социальной психологии, моза-

ичность политических систем. Мне кажется, мы с вами оказываемся в совершенно новой ситуации, аналогов которой в прошлом не было.

Э.А.Паин: Это так кажется. А потом оказывается, что ничто не ново под луной. Базовые вещи воспроизводятся. Давайте не будем рассказывать об интернете. Но вы бросили реплику, что *а вы знаете какая цель?* Это существенный вопрос. Есть ли некий общий путь или у каждого он свой? В вашем фильме герой едет в поезде и говорит, что граф Мирабо говорил: я готов признать любой суд, даже самый подкупленный и нечестный, но он должен быть публичный. Значит, есть какой-то набор свойств... Если вы не хотите диктатуры, то 1000 лет назад, 200 лет назад, сегодня и завтра – сделайте публичный суд, всего-то. Не так уж сложно определить набор условий, который можно задать в качестве общей для нас цели или ценности. Скажем, права человека являются существенно важными. Обычно против прав человека выступают те, кто не принимает прав другого человека. Например, Сурков написал о нашем времени как о времени долгожданной жесткости. Это было за несколько дней до его отставки. Когда я прочитал про отставку, то понял: вот прекрасный образец. Против своих прав человека ни один живущий человек не выступает. Против каких-то абстрактных и вообще – может.

Теперь по поводу Платонова. Один Платонов может написать столько, что сотни философов потом не разгребут. Писатель он и есть писатель, и я бы не возводил это...

В.П.Макаренко: Вы имеете в виду, что писатель более безответственный, чем философ?

Э.А.Паин: Это все можно делить на 226. Каждую фразу не только великого Платонова, но даже величайшего Пушкина. В каждой фразе можно усомниться. Даже Блаженного Августина.

Е.В.Цымбал: Это правильно. В трудах любого великого писателя, как в Библии, можно найти совершенно взаимоисключающие вещи.

В.П.Макаренко: Хорошо-хорошо, но я не то имел в виду. Если вникнуть хотя бы немножко в биографию и тексты А. Платонова, то там совершенно определенно конструируется представление о возможности построения идеального общества. Он примкнул к советской власти в надежде на то, что эта утопия будет реализована. И он поверил в эту власть. А ведь именно такая вера породила массовый большевизм, что прекрасно описано в его рассказе о лампочке Ильича, как гонят самогонку, чтобы заливать ее в двигатель, чтобы он работал и давал свет лампочке Ильича. Он верил в это...

Е.В.Цымбал: Я с вами согласен.

(Поднялся шум)

Э.А.Паин: А я не согласен...

Е.В.Цымбал: А как же быть с идеальным и гармоничным миром? Быть может, этот мир вытекает из Платоновской пещеры? Ведь он имеет мало общего с реальными вещами, институтами и т.д.

Э.А.Паин: Утопия – это абсолютно необходимый образ для человеческой мысли. Без утопии, без некоего представления о счастливом будущем нет никакого движения. Да, утопия – это неадекватное выражение мира, но она абсолютно необходима человечеству как воздух. Отдельный вопрос: какими бывают утопии? Но наличие утопии не является несчастьем. Я с этим не согласен.

В.П.Макаренко: Завтра мы про утопию поговорим специально. Но дело не только в утопии. Оно сложнее, если речь вести об А. Платонове. Я это хорошо помню – вырос на железной дороге. Вы помните такой прекрасный зеленый паровоз СУ, который возил пассажирские поезда? Я им был восхищен. А потом это детское восхищение паровозом встретил в образе Захара у Платонова. Он верил, что с помощью такой техники можно переделать и совершенно изменить мир. Убеждение, что с помощью технических средств и соответствующих им методов управления можно изменить мир, входит в состав технократической идеологии. Сегодня ее называют социальной технологией. Куча книг про это написано, защищаются диссертации, правительствующие особы говорят о том же в надежде, что они открывают некую истину. Вот о чем идет речь. Не является ли этот поток слов и действий разнovidностью платоновского Захара?

Е.В.Цымбал: Может, кто-то еще хочет что-то сказать, а то мы узорпировали...

В.Ю.Попов: В вашем фильме присутствует известный музыкант Гарик Сукачев. Если не секрет, по каким мотивам Вы его взяли в этот фильм?

Е.В.Цымбал: В «Защитнике Седове» есть два актера, которые были до этого практически неизвестны: Владимир Ильин, который в эпизодических ролях снялся в 20-25 фильмах, а что касается Гарика Сукачева, то я его увидел летом 1987 года на московском кинофестивале, был профессиональный клуб, там играла его группа Бригада С. Я посмотрел на него, он мне показался человеком из того времени. Я исходил только из внешних параметров. Не знал, какой он актер, есть ли у него какие-то способности. Мне казалось, что я сумею передать ему свою концепцию,

то, что мне от него нужно. Я доволен, он был очень дисциплинирован на съемках и никаких проблем с ним не было. Я его первый стал снимать, после меня его взял Александр Митта в фильм «Затерянный в Сибири».

В.Ю.Попов: В качестве продолжения этой темы чуть-чуть скажу. Как ни странно, как раз в интересах исторической репрезентации, на мой взгляд, получилась интересная штука. Сукачев смотрится в этом фильме как отдельное произведение, а вы его брали как типаж из того времени. Его все знают, как известного современного человека, но никак не человека тех лет. Получилось наоборот. И это тоже интересно.

Е.В.Цымбал: Вы знаете, это в вашем восприятии.

В.П.Макаренко: Это восприятие твоего возраста.

Е.В.Цымбал: Он абсолютно вписался в этот портретный ряд. Для меня это очень важный момент, потому что у каждого времени есть свои лица. Если ты смотришь хронику, то у тебя вдруг останавливается взгляд. Вот человек из нашего времени. А вот эти лица попадают в 1920-е-30-е годы. Но и в наше время попадают лица из тех времен. Это непостижимый для меня феномен, но я всегда стараюсь много внимания уделять исключительно внешним параметрам. Я считаю, если человек не бездарен, то совсем необязательно он должен быть великим артистом, чтобы сыграть какую-то роль. Достаточно взаимопонимания между этим человеком и режиссером. И умения режиссера объяснить, чего он хочет.

Женский голос: Мы знаем, что у вас первое образование истфак. Не мешает ли вам образование историка?

Е.В.Цымбал: Наоборот, очень помогает. Умение работать с источниками – вот главное, что я вынес из университета. Умение знать, где что и как надо искать. Когда ты смотришь хронику, в описях трудно что понять. Например, 1 мая 1925 года. Ты начинаешь думать, что там может быть и прикидываешь, может ли это быть интересно.

В заключение хочу сказать вам большое спасибо. Я очень благодарен. *(Аплодисменты)*. Я не отношу себя к режиссерам, которые любят только слова: «Это гениально», «это восхитительно», как Никита Михалков. Я люблю, когда мне говорят честно. Это дает повод задумываться.

Э.А.Паин *Российские идеологические течения в эпоху безвременья (по материалам Рунета)*

О «партии Интернета» и «партии телевизора»

Западные исследователи давно уделяют внимание Интернету как инструменту формирования общественного мнения и как его отражению.

Российские ученые обратили внимание на Интернет и на его российскую ветвь Рунет только в последние годы. На это есть две главных причины.

Во-первых, Россия именно в эти годы продемонстрировала чрезвычайно быстрый рост числа интернет-пользователей, которое на весну 2012 года достигло 59,5 млн человек (это более 51% взрослого населения России). При этом по количеству времени, проведенного в социальных сетях, россияне оказались одними из самых активных пользователей в мире (третье место после Израиля и Аргентины)²⁶.

Во-вторых, массовые акции протеста, которые произошли зимой-весной 2011–2012 годов, заставили обратить внимание на возможную роль Рунета в формировании оппозиционных движений и координации действий участников акций.

Эти движения, как и предшествовавшие им «цветные революции» на постсоветском пространстве и «арабская весна», привели некоторых исследователей к мысли о необычайных политических возможностях Интернета. Ряд исследований указывает на пропасть между дискурсами, разрабатываемыми в социальных медиа, и тем, что в западных исследованиях принято называть *mainstream media* (прежде всего телевидение). Например, социолог М. Кастельс рассматривает Интернет как единственный инструмент «производства» и совершенствования демократии, которая перерастает в развитие социальных связей и протестов против некоторых действий власти²⁷. Традиционным клише стало выделение противостоящих друг другу в политическом плане «партии телевизора» и «партии Интернета»²⁸. Образ телевидения, воспринимаемого как наиболее контролируемое государством и ограниченное политикой телеканалов СМИ, дополняется образом Интернета в качестве независимой информационной среды. И это при том, что телевидение статистически остается главным источником информации для подавляющего большинства россиян²⁹.

Кроме того, социологические исследования интернет-аудитории («Левада-центр», 2012 год) показали, что соотношение идеолого-полити-

²⁶ Интернет в России. М.: Фонд «Общественное мнение», весна 2012. Вып. 37 [<http://runet.fom.ru/files/download/1387>].

²⁷ Байдакова А. Социолог Мануэль Кастельс – о неизбежности новой демократии // Радио Свобода. 2012. 16 ноября [<http://www.svoboda.org/content/article/24620450.html>].

²⁸ Захаров М. «Партия телевизора» живет и побеждает // Полит. ру. 2012. 5 июня [http://polit.ru/article/2012/06/05/internet_tv/].

²⁹ Источники информации: откуда черпают информацию представители разных социальных слоев. М.: Фонд «Общественное мнение», 2012 [<http://fom.ru/SMI-i-internet/10481>].

ческих групп в интернет-сообществах мало чем отличается от того, что социологи фиксируют во всем обществе или в среде избирателей. Численно во всех случаях пока преобладает группа провластных (пусть и не с таким отрывом, как на последних выборах президента), далее идут объединенные левые и замыкают список националисты и «демократы-либералы»³⁰.

Общий вывод, который можно сделать относительно связи интернет-активности и протестных выступлений, заключается в том, что Интернет не более чем средство связи между людьми, не всегда способствующее консолидации оппозиции и развитию социальных связей. Интернет оказывает как позитивное, так и деструктивное влияние на рост реальной гражданской активности, пока не перекрывая влияния других медийных каналов.

По мере спада эйфории по поводу чудодейственных возможностей Интернета как коллективного организатора и вдохновителя демократизации в России, растет уверенность исследователей в том, что социальные медиа могут рассматриваться как новый и важный источник знаний о процессах, которые происходят в российском обществе, и прежде всего об отражении в нем реальной картины идеолого-политического размежевания. Только здесь представлен весь спектр политических сил России, поскольку многим политическим течениям, таким как националисты, новые левые, религиозные фундаменталисты и др., нет места в *mainstream media*.

Именно на изучение этих вопросов было нацелено коллективное исследование идеологических течений современной России, проявляющихся в зеркале Рунета. Первый его этап назывался «Этнополитические процессы в российской блогосфере» (январь – сентябрь 2012 года), второй (сентябрь 2012 – апрель 2013 года) – «Российское идеологическое безвременье в зеркале социальных медиа». Исследование проводилось под руководством Эмиля Паина (НИУ ВШЭ, Москва) и при научном консультировании Галины Никипорец-Такигава (Университет Кембридж). Методология исследования достаточно подробно изложена в коллективной статье участников проекта³¹.

³⁰ Волков Д. Протестное движение в России в конце 2011 – 2012 гг.: истоки, динамика, результаты. Доклад. «Левада-Центр», сентябрь 2012 [<http://www.levada.ru/sites/default/files/movementreport.pdf>].

³¹ Пайн Э., Мохов С., Поляков Е., Федюнин С. Этнополитические процессы в зеркале Рунета // Политическая наука. 2013. № 1. С. 133–160.

Идеологическое размежевание по исторической памяти

На основе анализа массовых интернет-сообществ и элитарных групп в блогосфере наша исследовательская команда пыталась определить идеологический портрет современной России. Вырисовались четыре узнаваемых «лица»: либеральное, левое, националистическое и провластное. Это те идеологические течения, которые проявились в России еще в начале XX века и сохранились в исторической памяти, несмотря на более чем семидесятилетнюю монополию в СССР одной партии – коммунистов. Восстановившееся идеологическое разделение российского общества весьма аморфно, что понятно: люди самоопределяются на основе тех признаков, которые сохранила наша историческая память, а кроме левых – правых, либералов – державников мы вряд ли что-то помним. В массовом Интернете («ВКонтакте») идеологическая направленность групп узнаваема уже по названию, вроде «Я русский», «Наша Родина – Советский Союз», «Коммуна» и т. п. Их изучение позволило нам сосредоточиться на тех социальных феноменах, которые обычные опросы общественного мнения оставляют незамеченными. Анализ контента Рунета позволяет анализировать не только сиюминутные оценки и настроения респондентов, но и устойчивые идеологические объединения, обладающие специфическим самосознанием и особым языком. Именно с составления словаря такого сообщества начиналось наше исследование. Мы выделили наиболее популярные и устойчивые тематики обсуждений в различных интернет-сообществах, а также ключевые, специфические только для данного сообщества слова и семантико-смысловые конструкции их дискурсов.

Наибольшую группу в Рунете формально составляют сторонники действующей власти. Однако после детального изучения мы дали ей другое название – «материковая масса советских людей». Это те люди, которые всегда в большинстве и всегда составляют опору власти, даже если политический режим радикально изменяется. Сегодня они поддерживают партию «Единая Россия» и близкие ей партии типа партии В. Жириновского (ЛДПР), а также религиозно-православные группировки, но многие из этих людей в 1990-е поддерживали партию «Наш дом – Россия», созданную Б. Ельциным, а в свое время – и либералов Е. Гайдара и А. Чубайса. Конформизм – вот свойство, которое прежде всего отличает данное сообщество, использующее для самоописания, в качестве главного признака, словесную конструкцию «мы большинство» или «мы как все». Единая инертная масса имперского, советского общества, являющаяся

основным объектом манипуляций, ныне диверсифицируется, постепенно, крайне медленно и болезненно, но расслаивается. Это не так заметно в самой массовой социальной сети «ВКонтакте», а вот анализ Facebook и Twitter показал, что здесь уже во всех идеологических течениях появляется множество дробных элитарных ячеек, которые сильно усложняют, раскалывают идеолого-политические течения, хотя они все же продолжают называть себя обобщенно «левыми» или «националистами».

Прежде всего *изменения коснулись группы левых*. Именно в ней проявились совершенно новые для России течения, отчасти доказывающие справедливость вывода Фрэнсиса Фукуямы о том, что левые (пока больше на Западе) ныне сменили основной объект любви и защиты. Их больше не интересует рабочий класс, обуржуазившийся и не нуждающийся в их поддержке. Они поддерживают сегодня колониальные народы, культурные меньшинства, ЛГБТ-группы и т. д. Мы видим и в России это гигантское различие между людьми, которые называют себя марксистами, левыми. Все они выступают вроде бы за идею эгалитаризма, социальной справедливости, но между ними, между ультрасенсифобами из партии Г. Зюганова и защитниками меньшинств «антифа»; между левыми Pussy Riot и советскими коммунистками, патриархальными бабушками, которые борются с теми, кого называют «кошунницы», мало общего. Впрочем, новые левые и в Рунете численно составляют ничтожное меньшинство по сравнению со сторонниками коммунистов (КПРФ).

Очень серьезные перемены наблюдаются в группе националистов. Русские националисты рождались как группа, защищающая империю и самодержавие. Поэтому их политические объединения, появившиеся в начале прошлого века («Черная сотня», «Союз русского народа»), были настроены ультрамонархически и проимперски. Ныне же мы видим в среде русских националистов нарастание антиимперских настроений, проявляющихся в лозунге «Долой Кавказ!» С этого начинаются расхождения русских националистов с властью, ставящей в качестве одной из главных своих задач сохранение империи. Антивластные настроения усиливаются и разрастаются, проявляются не только в Петербурге и Москве, но и на периферии. Причем в некоторых районах России, например в Ставропольском крае, русский национализм выступает в качестве основной оппозиции власти.

Меньше перемен в группе либералов. Кстати, у них и меньше различий между массовой и элитарными группами. Можно выделить три основные особенности этой группы.

Первая: либеральное интернет-сообщество – самая атомизированная, разобщенная группа. Это проявляется уже на уровне самоидентификации в силу отсутствия единого термина для самоопределения. Так, скажем, слово «либерал» по отношению к самим либералам употребляется довольно редко. Из специфических самоопределений можно назвать либо сугубо этические: «мы рукопожатные», а они «нерукопожатные», либо такие негативные по своей природе самоназвания, как «антиселигер» (очень популярный, между прочим, термин).

Вторая особенность этого интернет-сообщества состоит в крайнем пессимизме в отношении реализации либерального политического сценария как некоего европейского пути для России. Господствуют представления о том, что либералы – это меньшинство, которое существует в некоем враждебном социальном окружении, среди народа с «рабским сознанием», поэтому это меньшинство обречено на поражение.

Из этого вытекает и третья особенность – эта группа самая некреативная, она не предлагает общей для страны повестки дня – единой программы действий. В лучшем случае делаются предложения только для «своих».

Впрочем, некоторые политические деятели, позиционирующие себя как либералы, пытаются расширить свой электорат за счет привлечения внимания к себе со стороны русских националистов. Таких персон совсем немного (единицы), и среди них наиболее заметен Алексей Навальный.

Исследование показало, что разделение общества на идеологические группы можно считать свершившимся фактом. Отчасти это позитивный сдвиг – по сравнению с эпохой доминирования аморфной массы советских людей. Теперь тотальная мобилизация общества в мирных условиях исключена. Значительно меньше возможности манипуляции людьми. Однако у каждой медали есть и обратная сторона. Международные сравнительные исследования интернет-сообществ показывают, что российское – самое раздробленное, его идеологические «кусты» слабо связаны друг с другом, умение разговаривать и договариваться так и не появилось. При всех различиях просматривается несколько признаков, общих для всех течений. Во-первых, негативная консолидация во всех группах превалирует. Так, для самоидентификации интернет-сообщества чаще используют негативные определения («мы – не они») и объединяются только перед лицом общих врагов. Ни одна из идеологических групп, включая провластную, не выражает удовлетворенности теку-

щим положением дел и нынешнюю власть оценивает в лучшем случае как меньшее из зол. В-третьих, во всех группах преобладает скепсис в отношении позитивных перемен. Мало кто верит, что у нас может стать лучше, и уж тем более, что скоро станет лучше. Сравнение массовой интернет-аудитории с элитарной показывает, что чем выше уровень интеллектуализма, тем больше проявляется критическое отношение к современным условиям, но при этом у всех групп впечатление бесперспективности. Одни не хотят перемен, боятся их, другие хотят, но не верят в возможность благоприятных перемен. Для большинства групп *настоящее безобразно, будущее бесперспективно. И это сущность того безвременья, о котором мы сегодня говорим.*

Что нас ждет после конца «безвременья»?

Эпоха безвременья постепенно уходит. Это еще не очень заметно – как наступление утра зимой: пять часов утра в декабре мало отличаются от трех часов ночи, однако язык все-таки говорит нам, что одно – утро, а другое – ночь. И вот сейчас по ряду признаков уже можно угадывать приближение хмурого утра.

Фундаментом безвременья была политическая стабильность, пусть и застойная. В таких условиях большинство идеологических группировок оставались пассивными и могли позволить себе абстрактно размышлять на тему, а нужны ли им программы действий. Но это была шаткая конструкция, и стоило какой-то из ее частей проявить активность, как равновесие нарушилось. После серии митингов в 2011–2012 годах включилась власть. Ее новую стратегию Владислав Сурков, бывший главный идеолог Кремля, назвал «долгожданной жесткостью», а политическая оппозиция (практически всех ее оттенков) – репрессиями. Так или иначе, возникает цепная реакция – действие рождает противодействие. То, что Сурков назвал «однозначной победой» власти, может быть всего лишь естественным запаздыванием ответа оппозиционных сил на действия властей. В начале прошлого века этот ответ растянулся на 12 лет (между 1905 и 1917 годом), сегодня сроки способны сжиматься, а варианты «отдачи» – быть еще более непредсказуемыми. Оппозицию буквально провоцируют к росту напряжения: в 2010 году, когда футбольные фанаты вышли на Манежную площадь, Путин с ними встретился. Через год, после целой серии многократно больших по численности митингов, власть отказалась от диалога. Оппозиция, дескать, не конструктивная. Действительно, куда ей до футбольных фанатов. Но ведь и провластные силы не

получили успокоения. Напротив, именно они стали основными потребителями потока антизападной истерии. Мобилизовать с ее помощью население нельзя, не получается, а вот страхи и фобии возрастают, а это плохая опора для стабильности. К тому же все это происходит в условиях экономического спада. За период 2012 года динамика ВВП снизилась в России примерно в четыре раза. Приток иностранных инвестиций в экономику России уменьшился и, по прогнозам, в 2013 году еще сократится. Правительство РФ выдвинуло задачу улучшения инвестиционного климата. Но стратегия «долгожданной жесткости» вряд ли будет способствовать этому. Вся система сдержек и противовесов, обеспечивавшая состояние застойной стабильности, деформируется. Нас ждет интересное будущее.

Чтобы оценить, какой будет идеологическая палитра России в ближайшем будущем, стоит обратить внимание на способность к самоорганизации и объединению сторонников каждой из представленных групп. Когда все находится в становлении, эта способность очень важна. И в этом аспекте расстановка сил иная. Наибольшую способность и готовность к самоорганизации проявили левые и националисты. Заметно отстают провластные (их организуют сверху). А наименьший интерес к самоорганизации у либералов. Соответственно, у них же самые безрадостные перспективы. Кроме того, в этом исследовании мы выделили тематические блоки дискуссий каждой из четырех групп – новости, самоорганизация, идеология, развлечения и т. д.

Идеология – это то, чем интересуются в основном левые. Они рассуждают, что такое марксизм новый, что такое марксизм старый, что такое отчужденность, справедливость, интересы. На втором месте по этому пункту оказались русские националисты. Меньше всех идеологией интересуются российские либералы. У них лидирует блок «иное» – это та «каша с гвоздями», которой даже названия не найти: личные фотографии, обсуждение книг, споры о киногероях и котиках... Собственно политический контент сведен к минимуму. Интерес к приватной жизни понятен, но обратите внимание: мы рассматривали политические интересы-сообщества. Справедливо заметить, что и на Западе сегодня либеральная идеология сравнительно размыта. Но почему? Потому что там основная либеральная идея – о главенстве прав человека – стала общим местом. Ею воспользовались почти все существующие партии. Либералам осталось бороться за частности. Однако у нас иная ситуация. Права человека в России ценностью не считаются. Более того, именно сейчас

они подвергаются целенаправленной травле, постулируется мысль, что Запад использует идею прав человека для вмешательства во внутренние дела России. Казалось бы, в этих условиях именно либералы должны сплотиться под знаменем защиты прав человека, но, увы, и в этом лагере идут дискуссии (пусть и в иносказательной форме) о пользе соблюдения таких прав. Случается, что либералы (даже такие заметные, как Владимир Милов) предлагают с пониманием отнестись к призывам «Хватить кормить Кавказ!» и «считаться с устойчивыми стереотипами против “выходцев с Кавказа”». Какие уж тут права человека.

Идея гражданской нации, полтора века назад высказанная Э. Ренаном, в либеральном сообществе даже не упоминается. Непонятыми для идеологов российского либерализма остались и идея Э. Геллнера о нации как основе экономической и политической модернизации, и мысль Д. Растоу о том, что национальное единство – главное предварительное условие для демократии. Народ может стать источником власти, однако сначала нужно договориться, кто же такой народ. Россия решила обойти ответ на этот щекотливый вопрос, в результате у нас ведутся споры между либералами-космополитами и этническими националистами – заранее тупиковые споры. И наконец, главный грех современного русского либерализма – это склонность его сторонников к идее исторической предопределенности. В двух ее разновидностях. Во-первых, в пессимистической. В России, мол, сложилась такая авторитарная политическая культура, рабское сознание. «Плохой народ» не способен отказаться от «исторической памяти» и поддержать либеральный курс. Во-вторых, предопределенность сквозит и в натушно оптимистических выступлениях. Этот мотив преобладает на митингах, когда собравшихся убеждают, что исторический прогресс сам собой приведет Россию к торжеству свободы и демократии. Непонятно лишь, о каком масштабе истории идет речь – о веках, тысячелетиях? Если говорить о текущем историческом моменте, то он показывает, что победа из рук либералов ускользает. Положим, они многое сделали для того, чтобы внушить большинству населения святую ненависть к «партии жуликов и воров». Но вот публикуется список министров-миллионеров, охарактеризованных как сторонники экономического либерализма, и тут же в Интернете появляется пост: «Хорошо устроились либерасты: сами воруют, а на Путина сваливают». Доверия к либералам нет.

Не структурированные, расколотые, донациональные общества в течение долгого времени оказываются во власти либо диктатур, либо

толпы, и трудно оценить, какое из зол большее. В 1979 году после свержения монархии в Иране к власти пришла исламская теократия. В 2011–2012 годах после революций так называемой «арабской весны» в ряде арабских стран были свергнуты застойные диктатуры, но власть захватили идеологи исламского фундаментализма. В современной России в случае ослабления авторитарных тенденций и нарастания нестабильности не исключено, что претендентами на политическое лидерство станут совершенно новые силы – идеологические мутанты, возникшие из сочетания ксенофобного национализма и левого социального популизма. Их появление вызвано запросом снизу. Наше исследование показало, что единственная идея, общая для массовой аудитории каждой из четырех групп, – это ксенофобия. Исламофобия, кавказофобия, мигрантофобия распространены даже среди либералов, а в других течениях они еще сильнее. Также растет популярность идеи социальной справедливости. Согласно последним соцопросам, россияне все большее значение придают условиям жизни, комфорту и защищенности по сравнению с тем же увеличением зарплаты. А власти, конечно, гораздо легче прибавить зарплату и индексировать пенсии, чем разбираться с ЖКХ. Назревает недовольство. Подстраиваясь под эту реальную повестку дня, националисты и левые мутируют. Самые активные ячейки слева и справа подхватывают лозунги друг друга, сливаясь в своеобразный национал-социализм российского розлива. В одном из информационных листовок партии «Воля», отнюдь не самой популярной, но весьма показательной, собраны все ударные лозунги: критика власти – «Наша страна умирает. Ее убивают как раз те, кто должен “по должности” о ней заботиться, – чиновники»; национализм – «Народное движение “За Иванов!”» (это значит в защиту коренного населения России против колонизации страны); левая риторика против иностранной буржуазии – «Заводы и предприятия за годы перестройки были отданы на откуп Западу, грабительство названо “приватизацией”». Подобные лозунги в современной России вполне перспективны. История в таких ситуациях, как сегодняшняя российская, предлагала два варианта сплочения граждан на общей платформе. Либо испанский сценарий – пакт Монклоа, когда разные политические силы после смерти генералиссимуса Ф. Франко объединились в неприязни диктатуры и выработали «дорожную карту» демократического транзита; либо сценарий эволюции Веймарской республики – от авторитаризма к диктатуре. Во втором случае, как мы помним, объединение происходило не за счет диалога и учета мнений оппонентов, а за счет уничтожения

или выдавливания всех противников режима. Я не говорю, что в России невозможен первый сценарий. Однако опасность второго налицо: он гораздо проще, и, если ничего не предпринимать, в силу исторической инерции может осуществиться именно он.

В.А.Шкуратов: Спасибо, Эмиль Абрамович, за сообщение о фундаментальном исследовании. Но ваши результаты очень порадовали бы левых постмодернистов, Делеза и Гваттари. Они написали знаменитый «Шизоанализ». Их цель состояла в том, чтобы ни грядущая бюрократия, ни правые и левые никогда не смогли использовать правую и левую идею. Идея нации была использована левыми бюрократиями. Делез и Гваттари писали, что «тело без органов» использовать нельзя. А вы описали непрерывную текучесть дискурсов, некую реальность саму по себе, неформализованную семантику. Можно ли сравнивать этот самостоятельный, автономный фундаментальный слой постсовременной культуры с политическими ландшафтами?

Э.А. Паин: Мы как раз и пытались провести такое сравнение. Мне потребовалось бы куда больше времени и многочасовая лекция, чтобы рассказать о всех аспектах нашего исследования. Я же не приводил объяснительных схем, а просто сообщил, что мы получили. Я занимаюсь проблемами наций не только в этническом смысле, но и в гражданском и политическом. На мой взгляд, исторически длительное отсутствие политической гражданской наций в России приводит к задержке процессов политической модернизации. Общество не выступает как субъект политических отношений, а по-прежнему является лишь объектом манипуляций, электоральным ресурсом. Наше исследование показало, что какие-то пусть и пока слабые перемены происходят в российском обществе, проявляется какое-то идеологическое самоопределение разных групп населения. Этому процессу идеологического самоопределения сильно мешают, государство пытается его затормозить. Но это совершенно бессмысленная затея, ни одну из появившихся групп уничтожить нельзя. С каждой из них придется договариваться. Проблема развития общества как политического субъекта и его национально-гражданская консолидация еще слабо осознается не только массами, политическим истеблишментом, но и экспертным сообществом. В 1970-м году Данкварт Рас-тоу отметил: «Единственным предварительным условием демократии является национальная консолидация». Это очень важное теоретическое положение, но о нем знают буквально несколько человек, которые занимаются политологией. Это один из примеров и одно из объяснений

разрыва между политическими процессами и дискурсивными практиками. Но я полагаю, что рано или поздно они должны быть преодолены, если успеем. Ни человеку, ни стране вечного существования никто не гарантировал.

В.Ю. Попов: Эмиль Абрамович, вы обрисовали методологическое поле, в котором речь идет о семантике. Меня интересует проблема размежевания семантического поля и персонифицированных отношений, которые в России очень сильны. Какова независимость концепций от реальных людей и их авторитета? Ведь немаловажны здесь личные связи идеологов, авторитетов в этой системе с правительствами, со спецслужбами, с фейс-структурами и зависимость идеологии от персональных связей.

Э.А. Паин: Это большая тема. Я не знаю, как это все затронуть в рамках одного семинара. Быстро и коротко отвечаю, иначе затянем время. О независимости концепций от реальных людей. Я человек старомодный и, по-прежнему, считаю, что практика – критерий истины, поэтому последняя и не зависит от личности. Например, сторонники супермодных идей говорят: в России не надо никаких лидеров, каждый из них претендует на власть, никто не хочет уступить, мы не будем бороться за этих лидеров, где вы их найдете? Другие люди вроде меня говорят, что есть правило: если вы вышли удить рыбу, то вам на крючок нужно надеть, не то, что любите вы, а то, что любит есть рыбка. Так вот, надо исходить из того, что наше сообщество пока не способно ориентироваться без поводырей-лидеров. Оно сильно персонифицировано. Интернет показывает, что идеологические течения группируются не только вокруг идей и лозунгов, но и вокруг популярных лидеров, ярких персон. Мне кажется, что это экспериментальное доказательство справедливости одной из концепций в упомянутой дискуссии и ее независимости от персон. Я не знаю, насколько я ответил на ваш вопрос. Может быть, я в кулуарах постараюсь ответить подробнее.

Голос из зала: Спасибо, очень интересный был доклад. Привел в порядок мои представления как неополитолога и как симпатизирующего либеральной идее. Но как мне показалось, что у вас было одно противоречие. В начале доклада вы сказали, что возможности для манипуляций сокращаются. В конце доклада вы упомянули об антиамериканизме, который соответствует манипуляции. Существующие формы психоза есть результат манипуляций.

Э.А. Паин: Я сказал: невозможно в мирное время мобилизовать весь народ на борьбу с Западом или с кощунниками. Из этих попыток получа-

ется только раскол общества. Но еще не было такой страны, где у власть имущих не было бы возможности манипулировать общественным мнением. Есть такая возможность даже в самых передовых и развитых странах. В нашей же вертикально устроенной стране возможностей для манипуляции побольше, но эффект достигается очень слабенький. Власть использует страхи, и все же и у неё ограниченный ресурс манипуляций этими страхами. Наше исследование показало, что она не увеличивает зону своей поддержки, а лишь нагнетает больший масштаб страхов и фобий среди тех, кто и без этого ее поддерживает.

В дополнение скажу: я привез с собой книгу «Идеология особого пути в России и Германии». Очень дорожу этой книжкой, которая выпущена институтом Кеннана. На неё всё больше позитивных отзывов людей, которые её прочитали. И ещё несколько книжечек, самых последних, которые выпущены нашим институтом в рамках любимой мной темы: «Антропология идеологических течений», по которой я веду семинар совместно с Высшей школой экономики.

О.Ю. Мамедов: Конечно, доклад блестящий, я должен сказать, что такого рода исследования для нас обладают новизной. Мы ещё никак не привыкнем, что появляются новые формы социальной реальности. Мы не готовы к исследованию. Я рад, что был упомянут экономический базис, но об экономике не было сказано ни слова. Имеет право это исследование быть таким? Имеет. По существу, речь идет об анализе вторичной реальности, поскольку речь идет не столько о реальности, сколько об интеллектуальном отражении реальных процессов. Но вы будете поражены, если узнаете, насколько представленные в докладе умонастроения отражают реальную ситуацию в экономике. Они буквально показывают удельный вес каждого сектора. Чтобы знать тенденцию будущего и снять безвременье, надо знать тенденцию развития каждого сектора. Первый премьер-министр Италии сказал: «Мы создали единую Италию, теперь нам надо создать итальянцев». Это универсальный закон. Мы создали новую Россию, теперь нам нужно создать новых россиян. Мы хотим построить рыночную экономику. Теперь нам нужно ее создать. Если бы у меня было время, я бы вам нарисовал экономическую модель, которая показывает, что настоящий, свободный рынок сам вербует своих сторонников. Только не надо мешать рынку. Вся проблема в том, чтобы создать рыночную экономику. Мы никогда не пойдем вперед, поскольку сегодня рынок в основной массе не выгоден. Таков результат обрубания гайдаровских реформ – шаг вперед, два шага назад. Для меня существ-

венно то, что доклад стимулирует работу не только социологов, политологов, но и экономистов. Я посчитал важным, что бы вы нашли бы ещё обоснование всему этому. Давайте заключим союз с экономистами: мы вам обязуемся сделать обоснование экономическое, и все эти выводы встанут на твердый фундамент. Чудесный доклад!

В.П. Макаренко *Уроки Орхана Памука или как выйти за грань приличий?*

По программе мне предстоит сделать доклад под названием «Проблемы анализа сталинизма. Эффект трагикомедии». И я готов об этом говорить. К сожалению, я откладываю эту тему. Скажу кратко, почему. В 1989 году я выпустил книжку «Бюрократия и сталинизм». Тогда мне казалось, что правительство СССР всерьез заинтересовано в обсуждении и решении этой проблемы. Но всякая излишняя серьезность вредна. К любой правительственной деятельности надо относиться с элементами юмора, сатиры и иронии. Таковы уроки М.Салтыкова-Щедрина и А.Платонова. В 1990 г. я опубликовал публицистическую книжку «Революция и власть». В ней есть глава «Шут или клоун?», в которой я проанализировал 13 томов сочинений Иосифа Виссарионовича Сталина под углом зрения комического эффекта. Напомню, что тогда вышел на экраны фильм Тенгиза Абуладзе. Мне он тоже показался излишне серьезным. А согласно одной из мудрых мыслей, человечество должно смеяться, расставаться со своим прошлым. В советское время был распространен такой книжный жанр «В мире мудрых мыслей». Еще в старших классах школы мы туда заглядывали и нередко хохотали от того, что сплошь и рядом там можно натолкнуться на обычные банальности в упаковке «мудрых мыслей». Я хорошо помню, что толпа выходила после просмотра фильма «Покаяние» из кинотеатра «Ростов» с озадаченным видом. Большинству было непонятно, чего от них хотят и как реагировать на фильм. Непонятно было, кого выкидывать из гроба, кого считать полудураком или идиотом? Власть в советское время не вышучивалась, а тут вдруг фильм Абуладзе.

Видимо, под влиянием фильма я попытался показать, что тексты батеньки Сталина можно интерпретировать как разновидность клоунады, а его самого рассматривать как клоуна. Я не согласен с концепцией покаяния, предложенной Тенгизом Абуладзе. Короче говоря, Евгений Васильевич (*обращается к Е.В.Цымбалу*), если модернизировать эффект трагикомедии, то я готов показать, что и нынешняя власть в России про-

износит речи и публикует тексты, которые могут рассматриваться как разновидность шутовства и клоунады. Сошлюсь для пущей важности на Маркса, Бертрана Рассела, лорда Актона и др. Все они в один голос говорят: без элемента иронии в отношении прошлого, особенно прошлого своей страны, и актуального политического режима гражданское сознание невозможно. Вот этот элемент комедии многократно отработан. Могу сослаться на бравого солдата Швейка, на Ивана Чонкина, на героев Брехта и т.д. А сейчас выскажу некоторые исходные соображения по поводу идей, которые я лансировал 25 лет назад...

В.А.Шкуратов: То есть, это сейчас уже ваш новый доклад?

В.П. Макаренко: Да, и я его условно называю так: «Как выйти за грань приличий». Сформулирую общий проблемный контекст: в начале 20-го века в мире существовало 65 государств. В конце столетия их было уже около 240. За сто лет число политических «холодных чудовищ», если воспользоваться определением Фридриха Ницше, выросло примерно в 4 раза. Одновременно произошли 2 мировые войны. В результате первой распалась Османская империя и Австро-Венгерская империя. В результате второй мировой войны рухнул Третий рейх в Германии. Примерно тогда же начался распад Британской империи. А в конце 20 века распался СССР. За сто лет произошли эти глобальные процессы. Тенденция распада больших государств зафиксирована в середине 20 века. Я имею в виду книгу Леопольда Корра «Распад государств». Одновременно происходил рост диктатур в малых и средних странах. Общее число войн и военных жертв в мире на протяжении 20 века оказалось больше, чем во всей предшествующей истории. Возникает вопрос: следует ли считать все эти явления, произошедшие за сто лет, нормой социально-политического развития?

Теперь сделаю конкретизацию. В контексте глобальных процессов юг России можно рассматривать как результат противоборства между Османской и Российской империями на протяжении последних 500 лет. В 2000 году в «Социсе» я опубликовал статью «Кавказ: концептологический анализ», которая получила премию за наилучшее сочетание фундаментальных и прикладных возможностей социологии. Вчера прозвучала идея сходства между турками и русскими. В русском менталитете к туркам принято относиться пренебрежительно, но парламент там возник почти на полста лет раньше, чем в России. Есть сходство и в процессах военной, административной и политической модернизации. Обращаю внимание на книгу Доминика Ливена «Российская империя и её

враги с 17 века до наших дней». В ней детально прописано сходство Российской, Османской и Австро-Венгерской империй. С.Орешкова в статье «Османская империя и Россия в свете их геополитического различия» проанализировала южную политику России с 18-го века до настоящего времени и сделала вывод: для Южной политики России 19-20-го веков характерен отказ от позиции здравого смысла: «Российские национальные интересы в это время приходят в противоречие с имперским авантюризмом, овладевшим российской имперской верхушкой и приведшим, в конце концов, к национальной трагедии и крушению Российской империи».

Такова постановка проблемы. Под таким углом зрения я прочел роман выдающегося современного турецкого писателя Орхана Памука «Биография Стамбула». Он разработал концепт любви-ненависти в отношении родного города и родной страны. Мне понравилась у него ирония по отношению ко всем привычкам, накопленным в прошлом. Дух города – это творческая связь между прошлым и современностью, Востоком и Западом, совмещение любви к книгам и искусству с принадлежностью к культуре города. Неповторимость и уникальность города вытекает из множества случайных встреч, слов, воспоминаний, цветов, образов жителей города. Популярная история формируется на стыке истории и литературы, истории и личной жизни в контексте событий, оставшихся в прошлом.

Как нам – постсоветским людям – подходить к своему и стране проживания? Я думаю, можно использовать концепт «любви-ненависти». Для адекватного описания города и страны надо изображать то, что прячется за его кулисами. Нищие дальние кварталы не менее важны, чем достопримечательности центра. Характер города определяется тем, что можно увидеть и рассказать о нем только за гранью приличий. Надо усвоить критические суждения о родном городе иностранцев и иногородних. Эта информация намного интереснее банальных восторгов по поводу красоты и своеобразия любого города. Записки иностранцев о своей собственной стране и городе надо читать как собственное воспоминание. Особенно важны такие указания на особенности местной жизни, которую аборигены не замечают из-за специфической слепоты.

Короче говоря, нам надо вырабатывать привычку смотреть на свое место-развитие (если использовать евразийский жаргон) глазами чужака, чтобы обладать возможностью калейдоскопического или стереоскопического восприятия. Каждый живущий на стыке культур Запада и

Востока должен стать своим собственным иностранцем. Концепт «любви-ненависти» позволяет дистанцироваться от политики и существующим здесь и сейчас идеологиям национального и этнического патриотизма. Особенно важно отвергнуть изображение истории своего государства как истории побед. Изучать связь между идеологиями и возможностью сделать карьеру в данной стране.

Следует ли отсюда, что каждый государственный житель, если использовать термин Платонова, должен выработать свой вариант любви-ненависти к городу, стране рождения и проживания? – так можно конкретизировать проблему.

В этом контексте я хочу предложить тему для обсуждения: «Новороссия: концепт роковой чепухи». Недавно издан дневник Ивана Сергеевича Аксакова, одного из основателей славянофильства. В этом дневнике я обнаружил много интересного, созвучного нынешним российским дискуссиям. Этот дневник имеет непосредственное отношение к Ростову-на-Дону. Он писал этот дневник почти 50 лет. И.С.Аксаков объезжал с инспекционной поездкой огромный регион от Волги до Дуная, был и в Ростове-на-Дону. По ходу путешествия он высказал интересные суждения о судьбе Одессы, судьбе евреев (предсказывал, что они непременно перейдут в православие), о сравнительном трудолюбии и уме молдаван, хохлов и русских мужиков, о поповской касте России, о русских купцах, специфике российской книжной торговли, об официальной лжи России и сравнительном воровстве в гражданском и военном ведомстве, о тайной полиции, о православных холуях правительства, сути славянофильства и т.д.

Один сюжет выделяю особо. Ростов-на-Дону – часть Новороссии, в которой, по мысли Аксакова, произошло политическое соединение Великой, Малой и Белой Руси. Но именно здесь уже в середине 19-го века обнаружились следствия правительственного вмешательства в естественные процессы. О них можно говорить специально и длительно. Но весь предмет описания И.С.Аксаков резюмирует в формуле «Все народы Новороссии давно угнетены роковой чепухой современной российской жизни». Я предлагаю использовать метафору «роковой чепухи» для описания нынешней всероссийской, новороссийской и ростовской роковой чепухи.

Дискуссия должна быть трансграничной в том смысле, что наши соседи (наследники Малой и Белой Руси) тоже имеют суждения на этот счет. Их можно связать с социологией пограничья – направлением сов-

ременной социологии. Что касается нас как наследников Великороссии, то я особо обращаю внимание: у Ивана Сергеевича Аксакова проведено различие между общим российским типом и российско-лакейским типом или московско-лакейским типом. Производство всей роковой чепухи он связывал как раз с московско-лакейским типом человека. Подтверждаются ли его прогнозы в отношении советского времени и сталинского периода в особенности?

Для ответа можно использовать монографию покойной Наташи Козловой «Советские люди: сцены из истории». Она много написала статей в 1990-е годы в журнале «Знание-сила». Она обрабатывала народный архив – письма, которые советские люди в разные периоды советской власти писали в ЦК, в правительство, товарищу Сталину. Они не только описывали свою жизнь, но и хотели удовлетворить свое естественное и неистребимое чувство справедливости. Здесь возникает попутный вопрос: можно ли провести различие между таким письмом, жалобой и доносом? Этот вопрос Н.Козлова не рассматривает. Короче говоря, надо изучать эту сферу советской письменной практики. Она интересна сама по себе, может быть предметом фельетона, фильма и научного исследования.

Н.Козлова проанализировала дневники советских людей. Я использовал ее книгу как эмпирический материал для описания советского московско-лакейского типа человека. Н.Козлова создала целую ментальную карту типов советских людей. Скажу о них кратко.

Тип сознательного нигилиста. (*Обращаясь к Е.В.Цымбалу*). Он частично пересекается с тем, что вы делаете в кино. Сознательный нигилист после революции срывал иконы, потом поумнел. Стал читать Библию.

Тип верноподданного офицера. Тот после войны служил в политотделе и читал лекции на тему «Роль товарища Сталина в организации ремонта бочек на фронте». Очень интересная тема для анализа советской системы общества «Знание».

Тип профсоюзного деятеля с полностью атрофированной социальной памятью. Наверняка все мы встречались с людьми, у которых вообще отсутствует чувство истории. Тем паче – критическое отношение к своей собственной истории. Речь идет о естественном мемуарном синдроме приукрашивания прошлого. Этот синдром с успехом использует государство в официальной историографии. Атрофию социальной памяти вполне можно утилизировать, в том числе и в кино.

Тип председателя колхоза, ярого сталиниста.

Тип осведомителя НКВД. У него была интересная привычка – носить под мышкой «Диалектику природы» и «Капитал», чтобы производить впечатление на окружающих. Дорогие коллеги, в юности, в возрасте 18 лет у меня тоже был такой бзик: с серой лошастью («Историей философии» под редакцией академика Александрова) я тоже ходил к одной девице, надеясь произвести на неё впечатление: какой умный мужик, уже в 18 лет читает историю философии... Но осведомителем я никогда не был, а «Диалектику природы» и «Капитал» читал неоднократно. Тогда как описанный в книге Н.Козловой тип осведомителя НКВД текстов классиков марксизма так и не осилил, а под культурой (вот популярное представление о культуре!) понимал покупку костюма, мандолины и часов, чтобы гулять с ними с форсом. Это особый предмет разговора, поскольку на советских семейных фотографиях нередко приходилось видеть выставленные для обозрения наручные часы... К тому же из документальных источников известно, что советские солдаты в 1945 в Европе грабили прежде всего часы и велосипеды. Так они понимали культуру...

Тип тупоголового партийно-профсоюзного работника, который жил и мыслил в языке советских плакатов. Вот сейчас Вадим Попов задал интересный вопрос: как провести различие между дискурсами и персонами? По крайней мере, язык плакатов укоренен глубоко. Провести различие между реальным и действительным содержанием популярной лингвистики довольно трудно.

Тип простой советской женщины, для которой письмо наверх и «Отче наш» выступали в одной и той же функции взывания к Богу.

Тип жертвы режима. Жена заключенного была художницей и стала элементом советского истеблишмента – клепала портреты советского великого кормчего как самый ходовой товар. Хорошо известно, что заработки на портретах и скульптурах Ленина, Сталина и фильмах о них были вполне хлебным делом.

Тип «бывших людей» – сложившихся до 1917-го года деятелей искусства (Булгаков, Горький, Чуковский, Сейфуллина, Корин, Шостакович и т.д.). Эта публика славилась советскую власть за деньги, дачу, квартиру.

Тип молодежи периода застоя – это те кому сегодня уже за 50 лет. Именно эта молодежь превратила труд в абстрактную категорию, а досуг в главное пространство общения. Возникает попутный вопрос: то, что мы сегодня имеем в интернете, «фейсбуках» и «твиттерах», не является ли следствием указанного превращения? Часто наблюдаю студентов, которые стоят и трепяются. Но не приходилось видеть, чтобы они посвя-

щали этот треп научным проблемам. Говорят преимущественно о вещах, посторонних науке. Иначе говоря, противоположность между трудом и общением стала массовой нормой поведения. Быть может, интернет сознательно эксплуатирует эту норму?

Тип деятелей советской номенклатуры, буржуа, писатели, художники.

Моя гипотеза будет чисто классификационной. Я предлагаю воспользоваться учением о базисе и надстройке, которая содержалась в советских учебниках по философии. Базисом пусть будут 11 типов советских людей, которых я перечислил. Но обращаю внимание: «советские чеканы и образцы» (так называет советское время и советскую цивилизацию Глеб Павловский) состоят преимущественно из маленьких и больших начальников, их бессловесных рабов и идеологической obsługi. Эту когорту советских людей уцелевший князь Сергей Михайлович Голицын (недавно вышли его «Записки беспогонника»), один из рядовых участников войны, предлагает назвать особым термином: «Беззаветных труженников возглавляла всевозможное начальство: уполномоченные, особо уполномоченные, культурники, агитаторы, политработники, комиссары и всякие другие *главнюки*»³². Обращаю внимание: в состав главнюков входят осведомитель НКВД, который привлекает внимание людей книгами классиков марксизма. Для обозначения этого типа можно использовать также описание А.Зиновьевым «легавого марксизма».

Надстройку я предлагаю обозначить типами советских философов по типологии Леонида Столовича. В результате мы получаем грубо сколоченную табуретку, с которой уже можно работать. Мы получаем классификационную сетку для описания антропологических типов постсоветских людей и постсоветских специалистов в сфере гуманитарных наук и философии.

Чтобы связать внутреннюю политику с внешней, послушаем выходы Н.Козловой. В заключении она пишет, что все эти типы готовы были всё простить государству в любой момент времени. Вот здесь объекты научного и кинематографического интереса (в том числе фильмы Евгения Цимбала) пересекаются. Речь идет о феномене прощения государству и превращении бывших страдальцев в его холуев, лакеев.

Взгляните, как всё превращается в противоположность: новая ментальная карта типов советских людей, которую предложила Козлова в результате 15-и летнего исследования советского «народного архива»,

воплощает старую гегелевскую идею о тождестве государства и типов людей. Правда, Гегель ограничивал это тождество формулами политического мышления. В его философии права три типа (политическое умонастроение, корпоративный дух и государственный разум) образуют предпосылку разумного государства. Но поскольку советское государство распалось, то можно ли считать разумным его и его разнообразную obsługу? При любом ответе следует учитывать готовность сохранившихся типов советских людей и их наследников всё простить государству. Интересно: элемент всепрощения имеет религиозное или политическое происхождение или карьерные соображения или просто соображения элементарного физического выживания?

Предлагаю вдуматься в этот промежуточный вопрос. Если человек незаслуженно нанес нам вред, мы используем необходимую оборону. И не только кровная месть (типичный обычай первобытных обществ), но и уголовный кодекс на нашей стороне, хотя толкование провозглашения соответствующей статьи – тоже специальная тема. В Британии и США господствует прецедентное право. Там анализ судебных решений составляет одно из важнейших направлений юридической практики. А в России, если нас обидели «государевы люди», мы обязаны им прощать, а не привлекать к ответственности. Парадокс в том, отмечает Н.Козлова, что советский модерн – это аппарат надзора, и монополия государства на средства насилия. Социальные технологии повседневного сопротивления ведут к службе государству. Вполне возможно все это истолковать так, как предлагает Эмиль Абрамович. Но в любом случае надо выделять особый московско-лакейский тип. В постсоветской России происходит регенерация этого типа, включая Рунет.

Теперь обозначу другую проблему. Я говорил, что взгляд иностранца на место обитания чрезвычайно важен. Под этим углом зрения я прочел, а затем проштудировал «Кавказские заметки» Эрнста Юнгера, в которые входит его характеристика Ростова-на-Дону. Он определял Ростов-на-Дону как Восток, лишенный всякой магии: «Глаз должен притерпеться к виду невыносимо тягостному, нет ничего, на чем бы он мог успокоиться. В порядке только техника: железные дороги, машины, самолеты, громкоговорители, и, разумеется, всё, что относится к вооружению. И, напротив, недостаток в самом необходимом: в питании, в одежде, в тепле, в свете. Ещё очевиднее в отношении более глубоких сфер жизни, того что нужно для радости, счастья, веселья, для щедрой, любя-

³² Голицын С.М. Записки беспогонника. М., Русский мир, 2010, С. 31–32

щей творческой силы; для творчества как такового. И все это в одной из богатейших стран на земле»³³.

Мне это было интересно потому, что знаю на основе своего жизненного и педагогического опыта – многие коллеги, дослужившиеся до профессуры, не знают, что такое когнитивное удовольствие, удовольствие от познания. «Любящая творческая сила» – это часть того, что я называю когнитивным чувством. У Эрнста Юнгера есть интересные наблюдения и фиксация тех вещей, которые мы не в состоянии фиксировать, живя здесь и сейчас в Ростове-на-Дону. При таком подходе возникает ряд сюжетов, которые условно можно назвать «Как выйти за грань приличий при изображении топоса, в котором мы существуем». Нам надо стать иностранцами в собственных городах и стране. Этот сюжет входит в рамки политической концептологии, которую я развиваю. Мой способ работы включает использование художественной литературы, научных исследований, исторических сочинений, повседневных наблюдений.

Е.В.Цымбал: Я думаю, ни Марксу, ни Энгельсу, ни Ленину со Сталином вместе взятыми не довелось быть столько цитируемыми, сколько вы ссылаетесь на меня. Ей-Богу, я в этом не виновен.

В.П. Макаренко: В кулуарах обсудим и это.

Голос из зала: А почему выделяется 11, а не 111 типов?

В.П. Макаренко: Эта типология предложена Н.Козловой на основе детального изучения «Народного архива» – писем и дневников, которые наши деды и отцы посылали в центральные органы власти. Типы выделены на основе частоты, с которой они встречаются в этой фольк-истории. Хочу сказать, что когда я сравнительно часто публиковался в газетах, одна газета мне предлагала это сделать. В центральные газеты письма приходили целыми мешками. Вот на этой основе построена ментальная карта советских людей.

Голос из зала: Если повторить нельзя, то это уже не метод. И на каком основании делается вывод, что именно эти типы могут всё простить власти? Особенно меня интересуют бессознательные нигилисты и обиженные властью. Это чисто авторские предпочтения: если вы почитаете эти письма, вы увидите совершенно другие типы.

Э.И.Паин: Есть люди, которые при любых раскладах всегда верят в те инициативы, которые идут сверху. Типы приблизительно одинаковы.

В.П. Макаренко: Проблемы методологии всегда останутся спорными.

³³ Юнгер Э. Излучения (февраль 1941 – апрель 1945). Пер. с немецкого Н.О.Гучинской, В.Г.Ноткиной. СПб., изд. «Владимир Даль», 2002, С. 221–222

А.В. Лубский Коллективная идентичность в СССР и сталинизм

Практика общественных дискуссий о социальной природе советской системы показывает, что из всех этапов ее истории наибольший интерес и наибольший полемический накал до сих пор вызывает именно сталинский период. Причем такое предпочтение характерно как для либералов, так и для консерваторов – и не только левых (сталинистов), но и правых.

Вместе с тем следует отметить, что полемический ракурс дискуссий постепенно смещается с социального на персональное, акцентируясь на фигуре вождя. В этой «персонификации» эпохи можно отметить ментальное сходство между постсоветскими сталинистами и либералами. Оно обусловлено тем, что выход на фигуру Сталина дает возможность сократить радиус приближения и приобщения к тому, кто сам являл собою символ абсолютной власти.

Здесь важно подчеркнуть, что для либералов, как и для сталинистов, Сталин – символ силы, а с этим отечественные либералы считаются в силу своих ментальных предпочтений, независимо от своего личного отношения к нему. Кстати, какой персонаж из «Мастера и Маргариты» вызывает у современных поклонников этого романа наибольший интерес, независимо от идеологических или политических их пристрастий? Мастер? Маргарита? Нет. Воланд – тот, кто символизирует силу власти над другими, а какова при этом природа такой власти – это уже не столь для них важно. Культ силы власти выше культа самой власти.

Интерес к эпохе сталинизма не угасает. Сталинизм бросил вызов всем: и «левым», и «правым», и интеллектуалам, и обывателям. Почему интерес к этой эпохе не только не угасает, но и заметно растет?

Еще совсем недавно некоторым интеллектуалам казалось, что после того, как они скажут всю правду о Сталине, о его эпохе, назовут преступления преступлением, а зло злом, уже не будет серьезных препятствий для десталинизации массового сознания. Однако это оказалось не так.

Социологические опросы 2012–2013 гг., проведенные «Фондом Карнеги» показывают особенности восприятия сталинизма и отношения к Сталину в массовом сознании россиян. На вопрос, какие ассоциации у вас вызывает слово «сталинизм», 60 % респондентов ответили – построение социализма в СССР, 25 % – репрессии, беззакония, лагеря, 20 % – дисциплина и порядок во всем. «Сталин скорее жив, чем мертв» – такой вывод делают эксперты «Фонда Карнеги» в докладе, опубликованном

накануне 60-летней годовщины кончины советского вождя. На вопрос "Согласны ли вы с тем, что Сталин был мудрым лидером, который привел Советский Союз к процветанию и благосостоянию?" 15% опрошенных россиян ответили "однозначно да", 32% сказали "да" и 25% ответили "в основном согласны". Итого – 72 % позитивных ответов. Если в 1989 г. «рейтинг» Сталина в перечне величайших исторических личностей был минимальным (12%, Ленин – 72%, Петр I – 38%, Пушкин – 25%), то в 2012 г. он оказался на первом месте с 49%. Сходные данные приводят эксперты «Левада-Центра»: 49% россиян заявили социологам, что Сталин, по их мнению, сыграл положительную роль в жизни страны.

Соблазнительно искать причины этого в усилении авторитарных и державно-патриотических тенденций, которые усилились в последнее время в России. Но отмеченные тренды общественного сознания имеют место и в Украине, и в странах Закавказья. Число граждан, желающих видеть во главе государства политика, подобного И.В. Сталину, составляет существенную величину. «Наш народ никогда не сможет обойтись без руководителя такого типа, как Сталин, который придет и наведет порядок» – убежден почти каждый третий участник опроса в РФ и Грузии, в Армении такого мнения придерживается 39% опрошенных. При этом 55% опрошенных сказали, что для них смерть Сталина ассоциируется с прекращением репрессий.

Таковы данные, полученные социологическими центрами либеральной ориентации. Я специально подобрал данные именно этих центров, поскольку предлагаемые ими анкеты содержат целый ряд вопросов, которые подталкивают респондентов к ответам в антисталинском духе.

Следовательно, дело не в текущей политической ситуации, связанной с обострением идейного противостояния по поводу нашего прошлого или усилением державно-патриотических и авторитарных тенденций в современном российском обществе? Дело, по-видимому, еще и в архетипических основаниях российской ментальности.

Интересно, что изучая современных российских респондентов, начинаешь лучше понимать советских людей, живших при сталинском режиме. В этом плане материал для размышлений дают данные об отношении российских респондентов к Сталину и современным реформаторам. Эти размышления наводят на мысль об особенностях менталитета этих респондентов.

Этот менталитет как совокупность рефлексивных и нерефлексивных представлений (образов), ценностей (предпочтений), аттитудов (устано-

вок) носит бинарный характер, обнаруживающий несовпадение между его осознанными и неосознанными структурами. В таком менталитете в зависимости от ситуации активизируются то рефлексивные (осознанные), то нерефлексивные (неосознанные) структуры, что сказывается на отношении его носителей к тем или иным социальным явлениям и персонажам. Так, многие респонденты считают, что, не смотря на репрессии, мудрый Сталин сыграл положительную роль в жизни страны. Это наглядно проявляется также в негативных оценках россиян результатов реформ в постсоветской России, рефлексивно соотнесенных с собственными жизненными целями и ценностями, а также в позитивном отношении к нынешним реформаторам, не сумевших, однако, преодолеть негативные последствия преобразований на рубеже веков, как проекции неосознанных структур их менталитета.

В связи с этим следует обратить внимание на особенность национального дискурса о Сталине и сталинизма, которая связана с его нарративизацией. Нарратив – это рассказ, в котором воображение автора на основе конфигуративного замысла упорядочивает исторические факты и наполняет их значением и смыслом, исходя из культурно-символического контекста. В этом плане исторический нарратив, содержащий правдоподобные высказывания фактического характера, является продуктом культуры и языка познающего субъекта, которому заранее известен финал исторического повествования, стягивающий все сюжетные векторы его рассказа в общий фокус. Поэтому исторический нарратив является не столько описанием исторической реальности, претендующим на адекватность, сколько «инструкцией» по определению и пониманию прошлого. В результате национальный дискурс о Сталине и сталинизме становится проекцией идеологической ангажированности, экзистенциальной интенции и воображения того или иного дискурсанта.

В целом надо сказать, что исторический дискурс в современной России, утратив топику «советского марксизма», сохранил и прагматику, и стилистику его интеллектуальной работы. И это присуще и левым, и правым, и либералам, и консерваторам. Это проявляется и в отношении к сталинизму. Мы продолжаем сохранять его риторику: нетерпимость к чужому мнению и сотворение и ниспровержение кумиров. В результате две крайности: с одной стороны, героизация с другой – демонизация советской истории.

Аргументы исторических нарративов всегда окончательны, а нарративные приговоры обжалованию не подлежат. Поэтому споры между

нарративами бессмысленны и бесполезны, они – не примиряют, а ожесточают. Но понять сталинизм как исторический феномен все же хочется. При этом я употребляю понятие «феномен» не в значении уникального исторического явления, а как продукта сознания.

В связи с этим я против некоторых упрощенных трактовок сталинизма, основанного на насилии, актах поклонения, покорности, «забвении» себя в кумире, как результата сознательного обмана масс. Сталинский режим мог стать исторической реальностью только при наличии соответствующего общественного сознания, с одной стороны, «санкционирующего» происходящее в стране, с другой – выступающего в качестве духовной основы воспроизводства и сталинизма и сталинского режима.

Сталинизм – это не только практика, но и метафизика. Надо изучать сталинизм как отношение Вождя, Системы и Общественного. Одним из шагов в этом направлении может стать исторический анализ «коллективной идентичности в СССР»

Коллективные идентичностям, или «Мы-идентичности», могут формироваться на различных основаниях. Например, на культурных основаниях формируются коллективные идентичности, принадлежность к которым члены определенной группы не столько осознают, сколько духовно ощущают. Это – различного рода «Мы-идентичности», объединенные идеей общности «почвы» или «крови», культурной или исторической судьбы. Коллективные идентичности формируются прежде всего на различении «своих» и «других», поэтому в их структуре можно выделить три взаимосвязанных компонента: 1) определение «мы» («свои»); 2) определение «они» («другие»); 3) определение границ между «мы» и «они».

«Мы-идентичности» – это воображаемые коллективные идентичности. «Воображаемые» не в том смысле, что они не существуют как социальные реальности, а в том, что они как результат коллективных воображений представляют собой особого рода ментальное гипостазирование абстрактных сущностей. Ментальное гипостазирование – это представление о реальном существовании того, что зафиксировано в понятии или образе. При этом следует учитывать, что абстрактные понятия или образы как презентации таких идеальных предметов, как коллективные целостности, навязывают определенное видение социальной действительности, благодаря чему появляются люди, заявляющие о своей принадлежности к идеальным сущностям, делая их социально реальными.

Таким образом, люди, гипостазировав абстрактные понятия или образы, начинают рассматривать коллективные целостности как реальные, а

«если люди определяют ситуации как реальные, то, – согласно теореме У. Томаса, – они реальны по своим последствиям». Воображаемая социальная реальность выступает средством и формой семантической реинтерпретации внешнего социального мира, обуславливая тем самым социальные взаимодействия и социальные измерения. Воображаемая социальная реальность – это символическое пространство, которое замещает социальную действительность. Поэтому воображаемые социальные реальности играют большую роль в процессе социального взаимодействия и формирования коллективных идентичностей.

Коллективные идентичности являются результатом и информационного воздействия (конструктивистских усилий), и культурной актуализации (эссенциалистских предпосылок). В силу этого, коллективные идентичности выступают, с одной стороны, проекцией осознанных представлений индивидов, рассматривающих себя в коммуникационном пространстве определенной группы как «Мы», о своей коллективной принадлежности, с другой – проекцией неосознаваемых ментальных образов, предпочтений и установок.

Коллективная идентичность в 20–30-х гг. формировалась, с одной стороны, сталинским режимом, обладавшим значительным символическим капиталом власти и мощными информационными ресурсами, с другой – благодаря менталитету советских людей. Большая роль в формировании коллективной идентичности в СССР отводилась идее «нового человека» как презентации новой коллективной целостности. Уже в 20-х гг. прошлого века советские писатели стали уделять особое внимание формированию образу этого человека.

Для «нового человека» были характерны стихийность, цельность, страстность, непосредственность, прямолинейность, инстинктивная тяга к справедливости, жадность к жизни, наивность, невежество, любознательность, непочтительное отношение к дореволюционным ценностям, коллективизм, неприязнь к интеллигенции. На этой основе сформировался, например, массовый тип руководителя из числа рабочих и крестьян, который обладал «психологией прямого действия»: уверенностью в безграничных возможностях «революционных мер» при решении любых проблем. О.Ф. Берггольц нарисовала такой типичный портрет мелкого управленца: «Да, это государственный деятель, но деятель именно того типа. – Ее называют «хозяйкой села»... Т.к. все в основном держится на страхе, – а она проводник этого страха, его материализация, ей подчиняются. Она ограничена и узка, и совершенно малограмотна. Усвоен-

ные ее ограниченным, малограмотным умом догмы низшей политграмоты – т.е. база «идейная» ее деятельности. Она употребляет разные термины и слова без точного понимания их значения. Но это бы полбеды. Как все чиновники, держащиеся за эту систему и смутно понимающие, что она – основа их личного благополучия, – она бессердечна, черства, суха к людям. Об этом говорили решительно все... И вот со всем этим сочетается в этой женщине – темное, языческое суеверие... Она говорила ему об этом с той же непоколебимой самоуверенностью, как в райкоме о чем либо. «Надо поворожить, спросить у одной женщины».

Во второй половине 30-х гг. предпринимаются особые усилия по созданию «нового человека», надленного «новым сознанием». Вступает в самостоятельную жизнь первое поколение советских людей, родившихся либо незадолго до Октября, либо вскоре после революции, людей, социализация которых происходила в основном в условиях сталинского режима, которые не помнили (либо даже вовсе не знали) ни дореволюционного прошлого, ни развития революции на ее первом, ленинском этапе, ни действительной истории партии, ни истории Отечества, ни его культуры. Людей, чья память была «чистой доской», на которой Система и Вождь, выступавший в роли главного «инженера человеческих душ», могли начертать «нужные» фигуры.

Конечно, говоря о сознании советского общества 20–30-х гг. и более позднего периода, когда соотношение поколений все более менялось в пользу генераций «нового типа», не следует забывать, что оно вовсе не было тем «монологичным сознанием советского народа», каким его пыталась представить официальная пропаганда и каким его, по-видимому, действительно хотели видеть Сталин и «операторы» Системы. И все же, начиная с 30-х гг. доминирующая роль постепенно переходит к «новому – счастливому – сознанию», этому имманентному атрибуту «нового человека», героического энтузиаста, которому «нет преград ни на море, ни на суше», стойкого, скромного, патриота, коллективиста, готового к самопожертвованию ради дела социализма.

Таким образом, «Новое сознание» выросло из установки на полный разрыв с прошлым, традицией и историей. Старый мир должен был быть «разрушен до основания», а затем на его месте надлежало построить «наш, новый мир», в котором если не все, то многое обращалось в свою противоположность. Так, председатель ревкома уездного города Чевенгура (из одноименного романа Андрея Платонова), где утвердился «коммунизм», объявляет собеседникам: «...У нас всему конец. Чему ж ко-

нец-то? – недоверчиво спрашивал Гопнер. Да всей всемирной истории – на что она нам нужна?»

Это была, другими словами, установка на переход в иную систему пространственно-временных координат, на формирование принципиально нового типа бытия и создание нового человека, порывающего со «старой» человеческой моралью в понимании добра и зла. Время, вперед! «Мы движемся, как тень, с запада на восток. Мы возвращаемся с востока на запад, как солнце.... (В. Катаев. Время, вперед!)

Однако в этом светлом «новом – счастливом – сознании» просыпалась и его «старая – темная сторона», обусловленная ментальностью русского человека как нормативной личности, «принуждавшая» его добровольно вступить в интимную связь с Идолом-вождем. В этом плане «новый человек» в СССР был человеком политическим и авторитарным.

«Человек политический» как тип нормативной личности является историческим продуктом эволюции российской цивилизации и социалистического общества, в котором человек поглощен государством. «Человек политический», скорее, ощущает, чем осознает, что вне государства и той социальной ниши, которую он занимает, ему нет места в этом мире. Поэтому единство социалистического общества, заключающееся в том, что у «человека политического» нет иного выбора, кроме как принадлежать государству и выполнять предписанные ему социальные роли, – это не принцип, провозглашенный государством, а ментальная установка и даже нравственный императив.

В ментальной структуре «человека политического» доминируют политические ценности, а также установки перемещать решение всех жизненных проблем, в том числе частных, в государственно-политическую сферу. В основе ценностей и установок «человека политического» лежат эгалитарно-патерналистские представления о том, что государство является «творцом» всех общественных отношений и должно опекать общество и человека. Эти представления складывались на основе воспроизводства патриархальной идеи отношения человека и власти как отношения детей и родителей, подразумевающей хорошее, отеческое и справедливое правление доброго «хозяина-отца».

У «нового человека» в условиях неуклонного усиления роли государства как ядра сталинского режима, подминающего под себя и индивида, и общества, постепенно выкристаллизовывается – под видом «коллективистского», ориентированного на гармонизацию отношений между частью и целым, – эгалитарное сознание. Сознание, ориентирую-

щее его субъекта на отчуждение личного интереса и личной свободы в пользу государства. Сознание со слаборазвитой или даже вовсе атрофированной установкой на свободу выбора и самостоятельное принятие решений, лишенное активного критического отношения к социально-политическому миру, пропитанное духом конформизма.

Формируется также патерналистско-иждивенческое сознание, считающее – как бы в обмен на полную растворенность индивида в Целом (Государстве) – на всестороннюю опеку «сверху», на «заботу государства». Сознание, презирующее «своеволие» личности и оперирующее только категориями «героя» и «массы» («единица – ноль, единица – вздор»). Герой повести А. Платонова «Город Градов» (написанной еще в 20-х гг.) бюрократ Шмаков «умер от истощения, работая над большим социально-философским трудом «Принципы обезличения человека с целью перерождения его в абсолютного гражданина с законно упорядоченными поступками на каждый миг бытия».

Можно сказать, что такой «абсолютный гражданин» и появился в 30-е гг. в миллионах копий. Он был способен на «беззаветное служение делу» и подчинение строгой дисциплине, на самоотверженный труд в тяжелейших условиях. Он был готов без малейших колебаний одобрить любое решение партии и государства, даже если из двух одновременно одобренных им решений одно противоречило другому и оба – здравому смыслу.

В «Новом – радостном – сознании» «Нового человека» Сталин становится символом субстанции бытия. Эффект ослепления Сталиным имел не только метафизические корни. Сталинизм не мог игнорировать идею субъектности – слишком мощным был энтузиазм революционных масс. Но это противоречие он разрешил по-своему: сталинизм отчуждает от революционного субъекта такую форму его самосознания, при которой бы он воспринимал себя в качестве непосредственного субъекта истории и подменяет ее другой, согласно которой понятие «творец истории» теперь связывается с именем Сталина. Другими словами, сталинизм породил превратную форму императива революции – освобождение от власти бога, царя и героя; теперь сам Сталин стал символом и бога, и царя, и героя. Более того, со временем Сталин воспринимается вообще как символ субстанции всей советской реальности. Поэтому «Новый человек», готовый служить государству и все ему прощать, является симулякрот социальной субъектности.

Вот почему символ Сталина в сталинский период воспринимался главным образом как субстанция всего и вся, то есть как некое едва ли не божественное начало. Одним из примеров такого восприятия может послужить дневниковая запись К. Чуковского от 22 апреля 1936 г., которую приводит в своих мемуарах литературовед Э. Герштейн: *«Вчера на съезде (ВЛКСМ) сидел в 6-м или 7-м ряду. Оглянулся: Борис Пастернак. Я пришел к нему, взял его в передние (рядом со мной было свободное место). Вдруг появляются Каганович, Ворошилов, Андреев, Жданов и Сталин. Что сделалось с залом! А ОН стоял, немного утомленный, задумчивый, величавый. Чувствовалась огромная привычка к власти, сила и в то же время что-то женственное, мягкое. Я оглянулся: у всех были влюбленные, нежные, одухотворенные и смеющиеся лица. Видеть его – просто видеть – для всех нас было счастьем. К нему все время обращалась с какими-то разговорами Демченко. И мы все ревновали, завидовали, – счастливая! Каждый его жест воспринимался с благоговением. Никогда я даже не считал себя способным на такие чувства. Когда ему аплодировали, он вынул часы (серебряные) и показал аудитории с прелестной улыбкой – все мы так и зашептали: "Часы. Часы, он показал часы", – и потом расходясь, уже возле вешалок вновь вспоминали об этих часах. Пастернак шептал мне все время о нем восторженные слова, а я ему, и оба мы в один голос сказали: "Ах, эта Демченко заслоняет его (на минуту)". Домой мы шли вместе с Пастернаком и оба упивались нашей радостью».*

Так что не только сталинисты подпадали под власть этого ослепления. Впрочем, можно ли говорить о власти ослепления применительно к таким крупным художникам, как Мандельштам, Пастернак, Булгаков, которых сегодня подают исключительно как беспомощных жертв сталинского режима? Да, их могли не печатать (что действительно бывало), но представить, чтобы кто-то, даже сама власть, могла заставить их творить под диктовку, – это кажется почти невозможным. Но как тогда объяснить следующие факты? Осип Мандельштам пишет «Оду Сталину», после долгого перерыва Михаил Булгаков берется за пьесу о Сталине («Батум»), в ноябре 1936 г. в «Известиях» был опубликован стихотворный цикл Б. Пастернака, посвященный Сталину. Что за всем этим – в действительности? Вопрос сложный. Но не думаю, что Сталина славили только из-за страха или стремления к эфемерной славе.

«Человек политический» также полагает, что «власть рождает ответственность», поэтому для него нормой являются антисобственнические настроения и отсутствие правовых гарантий неприкосновенности час-

тной собственности. Это порождает у «человека политического» склонность к перманентному перераспределению общественного богатства, что является также индикатором коллективной идентичности совестливых людей.

Другим концептом, позволяющим понять «Нового человека» в СССР, «человек авторитарный». Этот концепт синкретически вбирает в себя и склонность «человека авторитарного» в России к подавлению других – «нижестоящих», и предрасположенность к подчинению другим – «вышестоящим». «Человек авторитарный», в ментальной структуре которого доминирует установки подавления/подчинения, представляет собой тип нормативной личности социоцентристского общества, с характерной для него разбойничье-холоульской моралью – разбойничьей по отношению к нижестоящим и холоульской – по отношению к вышестоящим.

Особенностью культуры такого общества является растворение человека как личности в некоем «Мы», т.е. «своей» общности, которая выступает по отношению к человеку в качестве высшей власти и высшей силы. При этом надо подчеркнуть, что речь идет о добровольном и зачастую самим человеком не замечаемом усвоении принятых в данной общности стереотипов мышления и образцов поведения, которые рассматриваются как единственно возможные. Принадлежность к «Мы» избавляет человека от ответственности за поиск собственных решений, мучительных сомнений, тягостного бремени свободы. Одновременно причастность к «Мы» («своим») наделяет человека гордостью и чувством превосходства.

Другой особенностью культуры социоцентристского общества является постоянное присутствие в сознании человека представления о неких «чужих» («Они»). Чем могущественней и угрожающей выглядят «Они», тем сильнее потребность сплотиться, раствориться в «Мы». Деление людей на «своих» и «чужих» в культуре социоцентристского общества придает ей конфронтационный характер. Специфика конфронтационной культуры наиболее наглядно проявляется в способах разрешения конфликтов. Участники этих конфликтов не просто отрицают друг друга, а стремятся стать единственной социальной целостностью, что сопровождается глубоким социальным расколом в обществе. Поэтому конфликты в российском обществе, как правило, не разрешаются путем консенсуса (согласования интересов), а завершаются подавлением одной из социальных сторон. Специфика социальных конфликтов в России состоит также в том, что зачастую они не разрешаются, а откладываются,

для того чтобы вспыхнуть с новой силой, как только возникнут подходящие условия. Отсюда в конфронтационной культуре сложилась и своеобразная трактовка понятия свободы, как признания только собственного права на выбор и отказ другим в таком праве. Свобода по-русски – это воля как «свобода для себя» и подавление других.

Склонность «человека авторитарного» к подавлению проявляется в агрессивности по отношению к «чужим» и безответственности по отношению к «своим», догматизме, следовании стереотипам, завышении уровня притязаний и самооценки, предельном субъективизме, слабой рефлексии и «закрытости» сознания. Предрасположенность «человека авторитарного» к подчинению проявляется прежде всего в терпимости и терпеливости, пассивности и конформизме, в нетерпимости к социальной неопределенности и нарушению социального порядка.

«Человек авторитарный» чувствует себя комфортно лишь в ситуации социальной определенности, где существуют конкретные предписания, что и как делать. Поэтому в его менталитете доминируют такие ценностные ориентации, как «страсть к порядку» и «ориентация на кумиров». При этом «порядок» ассоциируется с наличием определенных социальных предписаний и необходимостью их строгого выполнения. Эти предписания наделяются, как правило, административным смыслом: тот или иной способ жизнедеятельности должен быть разрешен «сверху» инструкциями, стандартами и законами. Эти предписания должны касаться всех сторон жизни человека: чем больше предписаний, чем шире сфера их деятельности, чем сильнее они охватывают каждого человека, чем меньше у него свободы выбора – тем больше порядка в обществе.

«Страсть к порядку» в менталитете «человека авторитарного» сопряжена с этатизмом и порождает в нем, с одной стороны, антиличностную установку, нетерпимость ко всякой индивидуальности, к не таким, «как все», а с другой – готовность всегда поддерживать государственную власть в деле «наведения порядка».

У «человека авторитарного» идеалом государственной власти выступает в первую очередь власть единоличная (ответственная), сильная (авторитетная) и справедливая (нравственная). Этот идеал государственной власти, который всегда сочетался с коллективным демократизмом охлократического толка, был ориентирован на «кумиров», не способных «ошибаться» и готовых давать «правильные» ответы на все «вопросы жизни», что и делает их предметом всеобщего восхищения и преклонения.

Однако у «человека авторитарного» существует двоякое отношение к «кумирам». С одной стороны, это – вера в «кумиров», наделяемых чертами харизматических лидеров, ожидание от них «чуда», сопровождаемое постоянной готовностью подчиняться. С другой – это постоянное соотнесение деятельности «кумиров» с общей идеей, которой они должны обязательно следовать и которая сообща переживается людьми. Если эта деятельность начинает идти вразрез с «идеями» и «переживаниями», то авторитет «кумиров» падает и их свергают, а иногда и жестоко с ними расправляются.

Одной из интенций «человека авторитарного» выступает державность, т.е. ориентация на могущественность и величие, которая формировала у него склонность к монументализму, к грандиозным проектам самовыражения. Отсюда у «человека авторитарного» склонность к размаху, «широте души», вплоть до размашистости и невнимания к деталям и «досадным мелочам» жизни.

Такой человек ощущает свою непредсказуемость, и поэтому всегда боится настоящего, и живет больше прошлым, чем настоящим, и уж очень любит помечтать о будущем. Мечтательность такого человека – это возвышенная устремленность в будущее. Она сочетается с «идеоманией» как способом снятия напряженности от глубоких общественных потрясений или извечных забот и переживаний. «Идеомания» представляет собой также форму перераспределения ответственности за происходящее между «личным» и «трансцендентальным». Все это порождает в менталитете «авторитарного человека» такие устойчивые духовные доминанты, как консервативный синдром и утопические иллюзии.

Утопизм проявляется в широко распространенном и оказавшемся весьма устойчивым представлении о социализме (коммунизме) как немедленном осуществлении вековых мечтаний о «праведной земле», «земном рае» или «справедливом обществе».

Он проявляется в «потолочном» планировании соответствующими инстанциями показателей экономического, социального и культурного развития; в умозрительном конструировании «законов» развития общества. Утопизм обнаруживается в любезной догматическому уму трактовке перспектив планетарной эволюции, согласно которой все нации раньше или позднее должны устроить свою жизнь по советскому образцу, в представлениях о том, что капитализм и социализм относятся друг к другу примерно так, как «ад» к «раю».

Утопический способ миропроектирования неизбежно влек за собой манихейскую, но сути, интерпретацию контекста, в котором находился утопист. Мир с его сложной системой связей, оттенков, переходов, полутонов упрощался до примитивной биполярной модели, где, с одной стороны, находились и действовали силы «света» и «добра», с другой – силы «тьмы» и «зла», по одну сторону – «свои», по другую – «чужие». «Свои» непременно должны были победить «чужих», «добро» – одолеть зло; это их предназначение и моральный долг, их «миссия». Но «зло» само не отступит, против него требуется «мобилизоваться» (проявляя при этом железную дисциплину и «монолитное единство») и вести с его носителями – «врагами» – беспощадную борьбу.

Воспитанное на таком контрастном мировосприятии «черно-белое» сознание могло уже сравнительно легко, без шока воспринимать и сам факт постоянного воспроизведения внутри страны «вредителей», «шпионов», «диверсантов», «врагов народа», равно как и совершенно иррациональные на взгляд здравомыслящего человека «разоблачения», «судебные процессы», уничтожение людей, которые еще вчера входили в пантеон новых мифологических героев, окружавших Вождя и требовавших своей «порции» поклонения.

Утопизм и манихейство разрывали, разыми противоречивый мир на части, задавая онтологическую основу «борьбы за светлое будущее». Но они требовали дополнения их объединяющим, синтезирующим началом, ибо «борьба» могла вестись только «объединенной армией» людей, «чувствующих локоть друг друга», верящих в общность судьбы, в непобедимость ведущих их героев. Такой объединяющей силой всегда служил миф.

Одним из самых ярких проявлений мифотворческого духа стало издание в 30-х гг. «Краткого курса истории ВКП(б)», который был, в сущности, не чем иным, как сводом мифов. Реальные исторические события подменяются в нем «преданиями», в которых действуют не живые люди, а «боги», «герои» и «злые демоны». Эти «предания» предназначались для многократного повторения каждым гражданином. В них требовалось верить, как в Библию. Они не подлежали никакому рациональному анализу и критическому осмыслению. Десятки миллионов людей снова и снова повторяли сакральные тексты, как бы заново их переживая. Историческое сознание вытеснялось мифосознанием.

Объектом целенаправленной мифологизации становится и марксизм. Сочинения К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина превращаются в

канон, интерпретация которого становится исключительной прерогативой Вождя, а для остальных – в источник веры и ритуального цитирования. При этом сами основоположники лишаются реальных человеческих черт и предстают в роли своего рода секуляризированных святых, которые, как и Вождь, именовавшийся «продолжателем» их дела, никогда не развивались как мыслящие личности, не заблуждались, не ошибались.

Одновременно складывается пантеон новых мифологических героев, прообразом которых были живые, нормальные люди, но которые, войдя в этот пантеон, лишаются своих земных черт, становятся объектами обожествления, подражания и поклонения. Венчает пантеон сам Вождь. Для абсолютного большинства людей, которые никогда не сталкивались с ним лично, лицезреть его лишь на трибуне Мавзолея в дни празднеств, на бесчисленных портретах и в скульптурах, на страницах журналов и газет, он превратился в конце концов в сверхличность, живое божество, наделенное абсолютными качествами: всевидением, всезнанием, всемогуществом. И отношение к нему со стороны людей, его сограждан не могло строиться на чем-либо ином, кроме слепой веры и поклонения.

Формированию массового мифосознания способствовало и превращение политических и социальных мероприятий (митингов, собраний, манифестаций и т. п.) в своеобразные гражданские литургии: присутствие им церемониал и аранжировка призваны были показать величие живого бога и окружавших его героев, бессмысленность попыток рационального постижения их речений и деяний, укрепить веру в их мудрость и всеилие.

Рассмотрение сталинизма в контексте коллективной идентичности в СССР позволяет выявить их метафизическую связь и феноменологическое единство. Поэтому я не сторонник объяснений отношения народа и Вождя в эпоху сталинизма формулой «жертвы и Палача». Она проста и удобна, ибо снимает ответственность с человека. В этом плане следует обратить внимание на то, что если подчинение человека радостно-ослепляющей власти сталинизма носило характер массового действия, то освобождение от этой формы отчуждения, как правило, имело сугубо индивидуальный характер. Вот почему высвобождение от этого внутреннего ослепления Сталиным проходило у каждого через свою трагедию. А у некоторых этого высвобождения не произошло и до сих пор, они продолжают жить в эпоху Вождя.

В.Ю. Попов: Вы хорошо рассказали о конструировании коллективной идентичности и конструировании технологии по формированию авторитарного сознания. Но вы несколько раз упомянули, что всё это было возможно только в силу некой культурной подсознательной, на уровне юнговских архетипов. Каким образом ваша гипотеза архетипов как посылок сталинизма связана с тем, что аналогичный спрос на вождя возникает не только в русской культуре, но и в армянской, и в грузинской? При чем здесь русские архетипы, если то же самое хотят в Грузии и Армении? Это первое. И второе: как это всё связывается с вчерашним разговором о «новом» человеке? Ведь теми же методами и почти с теми же результатами построили государство в третьем Рейхе? При чем здесь культурные архетипы?

В.П. Макаренко: Скажи, что ты ошибочно использовал слово «архетипы»...

А.В. Лубский: Нет-нет, я не настаиваю ни на чем, потому что моя позиция заключается в следующем: особенность гуманитарного познания заключается в том, что мы, думая, что мы, изучая социальную реальность в настоящем, на самом деле имеем дело с моделями, которые были созданы до нас, и оперируем этими моделями. Эти модели мы иногда выдаем за социальную реальность. К чему я это говорю? Поэтому я исхожу из того, что каждый исследователь обладает правом выбора тех конструкций, с помощью которых они изучает ту или иную социальную реальность. Я не конструктивист, а в данном случае являюсь представителем конструктивного реализма. Я не отрицаю того, что было в советскую эпоху, не отрицаю того, что творится у нас за окном, то есть я релятивист. Но я исхожу из того, что мой методологический выбор и мой аппарат понятийный позволяют мне выявлять то, что я хочу изучать. И я создаю такие картины социальной реальности, которые презентуются не только социальной действительностью, но и я сам. И в любой этой картине узнается почерк самого познающего. Я исхожу из этого. Поэтому я использую такой конструкт.

Я исхожу из идентичности. Откуда берется идентичность? Есть две противоположные установки: конструктивизм утверждает, что она конструируется человеком; эссенциализм полагает, что есть некие присущие человеку доминанты, о которых он не рассуждает и не рефлексировать. Эти доминанты содержатся в культуре. Культурные архетипы не имеют никакого отношения к юнговским архетипам. Они не передаются естественно-генетически, а усваиваются в процессе коммуникации и социализации.

зации. Армяне, грузины, украинцы прошли свою социализацию. Человек может быть обманут в том случае, если он предрасположен к этому. Если он к этому не предрасположен, то его обмануть трудно. Архетипические начала человека я выразил в концепте нормативной личности. Это то, что свойственно человеку, выросшему в условиях данной культуры, что передается из поколения в поколение, о чем человек не задумывается. Если бы у человека не было архетипических неререфлексивных начал, то можно было бы сконструировать любого человека.

Возникает вопрос: почему фашизм, гитлеризм и сталинизм появились в этих ареалах? Я уже говорил о том, какие коллективные идентичности формируются в культурах, основанных на общности крови, почвы и т.д. Имперская идентичность в России формировалась на общности почвы, в Германии на общности крови. Немцы и русские по некоторым ментальным характеристикам очень близки, несмотря на популярное убеждение: что для русского хорошо, то для немца смерть. Культурные основания позволяют говорить о том, что они являлись предпосылкой возникновения таких режимов.

В.Ю. Попов: Анатолий Владимирович, можно говорить о каких-то архетипах, но почти не было сказано о том, что Сталину предшествовало время большого террора, войны и разрухи. Очень много насилия.

А.В. Лубский: Мы тогда просто начнем проводить аналогии с фашистской Германией, тоже период разочарования, разрухи, насилия. Я не касался этих вопросов. Если автор рассматривает сталинизм с позиции парадигмы злого клоуна, вождя, палача, народа или с каких-то других позиций, то это его право. Реализация любого подхода позволяет лучше понимать то, что происходило, то, что происходит сейчас, дает нам поле большого выбора. Но дело в другом. Если одна из этих версий становится главной или кто-то назначит ее главной, то она отчуждается от носителей, становится самостоятельной реальностью. Это та абстрактная реальность, сквозь призму которой люди начинают смотреть на мир. Представьте себе, что в рамках определенной парадигмы напишут официальный российский учебник истории и издадут его 10-миллионным тиражом, по которому будут учить учеников. Сквозь призму этого учебника будут смотреть уже дети этих учеников.

Т.А.Марченко: Если мы возьмем Карла Густава Юнга, то его учение о коллективном бессознательном привело его к сотрудничеству с фашизмом.

А.В. Лубский: Татьяна, я вам обещаю, что увлечение архетипами культурными не приведет меня к идеологии сталинизма.

Н.А.Мининков. Модели поведения историков при тоталитарном и авторитарном режимах

Прежде всего хочу поблагодарить организаторов за возможность присутствовать на такой интересной конференции и послушать интересные доклады. Мое сообщение связано с развитием исторической науки и процессами, которые в ней происходили. В центре внимания будут не столько события научной жизни, сколько отношения, которые складывались на почве развития науки между историками и государством, историками и общественными структурами, а также в самой академической среде. Первоначально я думал ограничиться рамками тоталитарного режима. Но потом расширил рамки, поскольку имеются интересные образцы поведения отдельных личностей в посттоталитарный период. Возможно, эти образцы появятся и в современный период, когда будет написан единый учебник истории, в связи с этим будут высказываться различные точки зрения и разные отношения к нему. Это выявит новые особенности личностных взаимоотношений и личностей историков.

Поведение историка – исходный концепт, который я использовал. Это комплекс действий в профессиональной и общественной сфере, который определяется особенностями личности и культуры историка. Вместе с тем модель поведения определяется не только особенностями личности и характера историка, но также и социокультурной ситуацией, которая имела место в обществе в то время, когда он жил. В истории отечественной науки при тоталитарном и авторитарном режимах выработалось несколько моделей поведения, из которых весьма условно можно выделить следующие:

1. Историк вписывается в рамки научно-политической элиты, становится ее частью, занимая свое место в рамках сложившегося аппарата.
2. Историк в эти рамки напрямую не вписывается, но улавливает исходящие от власти идеологические тенденции и воспроизводит их в отдельных моментах своих трудов, которые могут носить черты нормального исторического исследования.
3. Историк специально и особо подчеркивает свою аполитичность и отстраненность от идеологии, резко и принципиально отделяет науку от идеологии. Идеология – это одно, а наука нечто совершенно другое. Но в советских условиях это не исключало наличия необходимого количества цитат из классиков марксизма-ленинизма. Он занимается наукой и подчеркивает, что его исследования не имеют отношения ни к политике, ни к идеологии. Однако некоторые историки, поведение которых

вписывается в третью модель, могли сочетать интерес к науке и научную работу с участием в идеологических кампаниях против историков. От этого иногда было трудно удержаться или уклониться. В условиях массовых репрессий такие историки могли подвергаться гонениям, арестам и т.д.

4. Историк отстаивает свои научные воззрения, готов вступать в конфликт с официальной идеологией ради их защиты. Иногда осторожно, а иногда резко. Чем ближе к концу советского периода, тем выступления становились более заметными и более резкими.

Типичный пример первой модели М.Н. Покровский. Тот самый который занимал первое место в ряду советских историков 20-х годов.

В.П.Макаренко: Разрешите по поводу Покровского попутно задать вопрос, а то потом забуду. Сейчас историки развивают идею казачьей революции?

Н.А.Мининков: Не видно...

В.А.Шкуратов: Я сейчас скажу – Борис Кагарлицкий...

Н.А.Мининков: Как-никак, М.Н.Покровский был заместителем комиссара народного просвещения с 1918 года до своей кончины, усидел на таком посту столько времени. Можно говорить о том, что он вписался в поведенческую модель советского времени. В этом отношении на меня особое впечатление произвел выход в свет большого сборника документов, относящегося к академическому делу 1929-1931 гг., в период установления тоталитарного режима. В первом томе были следственные дела, посвященные академику С.Ф. Платонову. В предисловии Б.В.Ананьич и В.М.Панеях пишут о том, что материалы этого дела отправлялись на просмотр М.Н.Покровскому. Он был в курсе, воспринимал это дело как естественное. Так было в 1933-м году, когда он был с почетом похоронен, потом все изменилось.

Случай второй модели более типичный, это такая известная личность, как Яковлев Н.Н. Одна его книга содержит идею иудеомассонского заговора против России. С одной стороны, эта концепция не соответствовала советской идеологии. С другой стороны, она была весьма симпатична для существенной части идеологической верхушки, несмотря на несоответствие официальной марксистской идеологии. Для этой части основу идеологических воззрений представляли не отвлеченные положения марксизма-ленинизма, но махровый и шовинистический национализм. Имеются и более поздние примеры такой модели поведения. Одной из них было активное участие В.Т.Пашуто в борьбе с так называ-

емым остфоршунгом. Пашуто – действительно крупный историк-медиевист. С другой стороны, он явно и активно участвовал в борьбе с так называемым остфоршунгом, который развивался в ФРГ, Австрии, и носил далеко не научный характер.

Еще один пример из сегодняшнего времени. Это современный антинорманизм, на позициях которого стоит Сахаров, недавний директор Института отечественной истории РАН. Еще одна более яркая фигура в этом направлении – липецкий историк Вячеслав Васильевич Фомин. Следующий пример этого направления, которое существует в современной исторической науке и ярко выражено на историческом факультете ЮФУ, это идеализация политики самодержавия на Кавказе, завоевание Кавказа и последующей политики на Северном Кавказе в период буржуазных реформ. На эту тему только что, в этом году защищена докторская диссертация, в ходе которой автор собрал большой материал и обследовал множество архивов, но в теоретическом отношении его позиция ожидает желать лучшего.

Третья модель поведения представлена более широким кругом историков. Типичным примером может служить основоположник концепции истории Киевской Руси Б.Д. Греков. Он создал эту концепцию, подчеркивал свою научность, отстраненность от каких бы то ни было идеологических начал. С другой стороны, есть современные исследования, посвященные Грекову, например, Н.А. Горской в Москве. Греков сам не избежал репрессий, он опасался по поводу того, что подумают о том, что им написано по истории Киевской Руси. Было широко известно, что он интересовался историей. Наиболее яркий пример, когда крупный историк не избежал участия в идеологических кампаниях, – это участие Нечкиной в сборниках против своего учителя Покровского. Эти сборники выходили в свет в 1937-1939 гг. и назывались «Против исторических концепций Покровского». Хотя Нечкиной принадлежит ряд серьезных трудов по Ключевскому. Даже в рамках современной культуры исторического нарратива ее книги читаются с интересом.

Можно найти немало аналогичных примеров. Не избежал в 1949 году репрессий известный санкт-петербургский историк Д.Н. Альшиц, который умер в прошлом году. Вскоре после того, как он вернулся с фронта, он создал труд, в котором привел ряд обоснований того, что поправки к лицевому летописному своду всеобщей истории были сделаны самим Иваном Грозным. В 1947 году это исследование в научной среде было встречено с большим интересом. Но наступил 1949 год, и Альшиц был

арестован. Главное обвинение было таким: оказывается, он таким образом подавал сигнал к подрыву авторитета вождя, он создал пародию на редакторскую работу товарища Сталина над «Кратким курсом истории ВКП(б)». Это все у Альшица опубликовано. Никаких пародийных начал там и близко нет. Он подходил к предмету как чистый историк. Он избегал характерной для того времени апологетики Ивана Грозного. Получил 10 лет, вышел по амнистии и был реабилитирован.

Было также немало случаев, когда историк стремился яростно отстаивать свою позицию. Классический пример – академик С.Б. Веселовский, который еще в 1940-е-начале 50-х гг. резко отмежевался от апологетов Ивана Грозного и отстаивал свою научную позицию. Следующий случай такой: в 1970 году вышел труд И.Д. Ковальченко и Л.В. Милова. Там весьма осторожно было опровергнуто одно из основных положений советской историографии: начало формирования российского рынка происходило в XVII веке. Ни в XVII веке, ни даже в первой половине XVIII века Ковальченко и Милов не находили оснований для такого вывода. Этот важный экономический процесс начался только во времена Екатерины II, но никак не раньше. Что же произошло? Несмотря на то, что положение о начале формирования российского рынка в XVII веке опиралось на ленинское высказывание, ничего не произошло. Потому что оно не имело особого идеологического значения. Оно имело значение для узкого круга специалистов по истории России эпохи позднего Средневековья.

Еще один случай был тогда, когда Волобуев и Тарновский поставили под сомнение идеологически важный тезис советской политики о том, что Октябрьская революция 1917 года носила социалистический характер. Ряд историков, в числе которых были Ю.О. Серый и П.В. Крикунов, поддерживали Волобуева и Тарновского. Но времена уже были не тоталитарные, а авторитарные. Волобуева сняли с поста директора Института истории АН СССР, больше ничего против него не предпринималось. Понятно, что против этого положения власть и идеология пройти уже не могла, так как оно было основой советской системы.

Еще один пример с А.Я. Гуревичем. В 1970 году вышла его книга о средневековой культуре. Годом раньше вышла книга, посвященная западному феодализму. Узкой группой специалистов по западной медиавистике она была встречена с большим интересом. Что касается самого Гуревича, то хотя он был доктором исторических наук, долгое время аспирантов ему не давали, лишили возможности развивать свое научное

направление и научную школу. Таковы примеры того, что историки четко отстаивали свою позицию.

Здесь я только наметил наличие указанных моделей поведения, может это вызовет интерес. Эти положения нуждаются в доработке, в том числе фактическим материалом (*Апلودисменты*).

Э.А.Паин: Понятно, когда власть вмешивается в дело истории. А как вы отличаете историка добросовестного от историка-пропагандиста?

Н.А.Мининков: В профессиональной среде это различие чувствуется сразу и понятно по многим показателям, хотя бы по историографии: каков историографический обзор, как поставлена проблема, какова база источников, каковы методы исследования. И тогда это сразу становится заметно. Допустим, историк, говоря о завоевании Россией Кавказа, не использует огромный массив нарративных источников и основывает свой анализ только на источниках, написанных с официальной позиции.

А.В.Лубский: Вы приводили примеры тех, кто считался апологетами. Они использовали одни и те же источники, но давали разную интерпретацию, рисовали другие картины. Какая из этих картин более реальна?

Н.А.Мининков: Возьму для примера современного историка ливонской войны Филюшкина, который работает в Санкт-Петербургском университете. Ливонская война – существенная часть эпохи Ивана Грозного. Давно известна связь между этой войной и налогообложением, экономическим кризисом, предпосылками смуты и т.д. Он сам говорит так, что ему известны практически все эти источники войны, которые находятся в России. Но ему известна только часть зарубежных источников, относящихся к этой войне. То-есть, в этом отношении кое-что еще можно найти. Историки казачества нередко указывают на то, что отечественным историкам практически неизвестны богатые турецкие архивы, которые могут дать немало. В этом отношении наращивание материала может иметь перспективы. Что касается интерпретаций, то все зависит от того, как они обоснованы.

В.А.Шкуратов. Левая идея как символический капитал

Коллеги, когда Виктор Павлович меня ангажировал для участия в семинаре, то я стал изучать, что такое левая идея и какое она отношение имеет для России. Но Виктор Павлович перевел меня из категории докладов в категории сообщений...

В.П.Макаренко: Ну, что ты, Володя...

В.А.Шкуратов: И если я прервусь от того, что не очень хорошо знаю то, что знаю хорошо – прошу меня не винить. Капитал по Марксу – это самоумножающаяся ценность, а символический капитал адресует нас к Бурдые – это некое восполнение нашей материальной недостаточности статусно престижных предпочтений. Но не буду останавливаться на Бурдые. А начну с анализа трудов левого оксфордского профессора Терборна о состоянии левой идеи в мире. Он дал резюме и прогнозы этой идеи на 2013 год. С его точки зрения левая идея в Европе и США терпит поражение и не имеет особых перспектив, несмотря на состояние социального кризиса. Даже несмотря на то, что на волне протестных настроений левые правительства прорываются во власть, например, во Франции. Находясь в рамках неоллиберальной системы Евросоюза, они неизбежно начинают проводить нелевую неоллиберальную политику. На других континентах положение не лучше. В Азии весьма консервативные и стабильные режимы нисколько не склонны к левым экспериментам. А наилучшее положение левого движения и левой идеи сейчас в Латинской Америке. С его точки зрения Латинская Америка является классическим примером социал-демократической политики. Что касается России, то профессор ее даже и не упоминает, тут все понятно. Кремлевский режим проводит политику неоллиберального курса, в рамках которого он периодически склоняется то к поддержке своей номенклатуры, то к популистским демаршам. Такова политика качелей в рамках неоллиберального курса. Профессор не вполне точно отвечает, почему так происходит, но я думаю, что здесь стоит обсудить саму симметрию правого и левого.

Я приведу определение правого и левого, которое сформулировал итальянский политик и политолог Норберто Боббио. Он определил, что левый принцип – это принцип равенства и эгалитарности, а правый принцип – это принцип иерархии и порядка. Существуют некие полюса левого и правого. Эти полюса заданы самой природой политических движений и политической мысли. Но внутри континуума существует огромное разнообразие различных комбинаций. Действительно, нас ожидают сюрпризы и даже загадки при попытке определить политический режим.

Вспомним Оруэлла. 1984 год, Ангсоц. Он что, описывает левый режим? Нет, он описывает крайне правый консервативный режим. Он изображает утопию по Платону. Государство, которое построено на почти неизменных кастах. И в такой чрезвычайно английской манере, я бы это назвал тоталитаризмом по Юму. Чрезвычайно большое значение прида-

ется внутренним интроспективным комплексам, которые подвергаются разработке власти. И это очень похоже на сталинизм.

Что такое сталинизм? Левый режим, но не похоже. Очень иерархичный режим, все носят мундиры. И приходится вести некую историческую последовательность этих переходов демократизации, движения левой идеи на разных исторических площадках. Сначала принцип демократизации и левое движение существует в хилиазме – левом христианстве. Затем буржуазно-демократические движения XVIII века, Декларация прав гражданина – это равенство. Либерализм является очень левым, но равенство... Затем социалистические, социал-демократические, коммунистические идеи XIX века, где равенство должно быть имущественным и классовым. А сейчас на крайне левом фланге находятся уже не социалисты и демократы, а сторонники биологической эмансипации, то есть биологического равенства. Борцы за права сексуальных меньшинств, за права детей и т.д. На их фоне социал-демократическая идеология уже не кажется левой. И если мы спросим здесь левое в основном население, то его придется анализировать с точки зрения классических концепций XIX века. То есть равенство по имуществу – да, но с точки зрения биологического, биосоциального равенства – нет.

Значит, мы определяем успешность или неуспешность левой идеи на разных исторических и социальных площадках. Латинская Америка по своей классовой структуре максимально близка к европейским обществам периода индустриализации. А в Европе уже очень мало рабочего класса, там в промышленных классах занято около 10%. Поэтому опоры классические левые идеи там уже не получают, несмотря на кризис и появление новых бедных. А в Китае сейчас количество индустриальных рабочих в 2 раза превышает количество индустриальных рабочих в странах большой семерки, вместе взятых. Но китайские рабочие совсем не стремятся организовывать профсоюзы и принимать самостоятельное участие в политике.

Третья часть моего сообщения посвящена обсуждению идентичности и сущности русской элиты. Чем для нее является символический капитал, особенно капитал левой идеи? Почему в России левая идея получила такое значение среди интеллигенции? Вот здесь именно идентичность. Именно символический капитал, а элита становится элитой в той степени, в какой она не является туземной, выделяется из туземной массы. Поэтому я думаю, что рассматривать петровские преобразования как сугубо модернизационные односторонне. Спрашивают: зачем Петр I

переодел все городское население в немецкое платье? Отвечают: чтобы победить в войне с Швецией. Но разве для победы над шведами дворянам было обязательно курить табак, пить грог, а их женам переодеться из сарафанов в платье с декольте!? Нет, здесь скорее всего дело состоит в умножении символического капитала. В том, что русская элита должна была опять выделяться из массы, поскольку она приобрела большой символический капитал при Крещении Руси, когда она стала сильно отличаться от массы. И таким образом получила рычаги управления ею. Можно долго продолжать, потому что здесь начинается гонка преследования, соперничество между двумя группами элиты. Сначала она общая государственная элита. Затем внутри нее выделяются фракции: правительственная элита и оппозиционная элита, которые наращивают капитал по-своему. Оппозиционная элита за счет левой идеи, а правительственная за счет правой. Но то и другое они сначала заимствуют со стороны. Сегодня первый случай, когда символический капитал уже не импортируется, а экспортируется капитал левой идеи. Пожалуй, это бакунизм, который является очень левой идеей, левее марксизма, но уже с международным весом. То есть, внутрь народовольческих движений анархизм бакунистского толка уже импортируется, пройдя там оборот и получив некоторый престиж. (*Аплодисменты*).

Э.А.Паин: Я все время задаю вопрос насчет символического капитала и фактора смены одежды. Эта гипотеза не хуже других, но возникает одна сложность. Нечто похожее происходило и в соседней стране, которая на нас очень сильно похожа. В соседней Османской империи было все как у нас, реформа, контрреформа. Там вплоть до XX века существовала связь модернизации и реформы одежды. Ататюрк потратил свой огромный капитал на то, чтобы убрать феску.

В.А.Шкуратов: Там это встречало сопротивление...

Э.А.Паин: Если это так, может гипотеза и в России неверна? И более верно понимать модернизацию по Петру, чем по Ататюрку?

В.А.Шкуратов: Она состоит в расходах на предметы одежды, роскоши. Например, русское дворянство в XVIII веке тратит огромные суммы на западные предметы роскоши и быта, обогащая всяких архитекторов, композиторов и прочих «французики из Бордо». Это уже является показателем. Есть интересные исследования, когда появляются в России собственные дома модной одежды. Они появляются только в конце XIX века, когда российская элита настолько уже накопила капитал внутри, что она позволяет внутри страны создавать и потреблять свое. Эта сфера ис-

следований дает некоторые основания перехода к сырьевой экономике. Почему элита предпочитает продавать сырье, но не создавать эту индустрию у себя? Вот интересный момент.

Э.А.Паин: Как вы оцениваете гипотезу Ходорковского и Зюганова о том, что в ближайшие годы именно левая идея будет доминировать в России?

В.А.Шкуратов: Два года тому назад я на это даже надеялся. Но сейчас нет. Сейчас мне кажется, что путинский век является долгим.

Е.В.Цымбал: Я так заслушался, что забыл вопрос. Но в качестве реплики хочу сказать, что был очень обрадован, услышав мое любимое слово «хилиазм», но неиспользуемое в кинематографических кругах. Кроме того, я понял, что капитал – это не только реальный капитал, но и еще и символический. Если идти дальше, то я хотел бы связать появление русских модных домов с развитием нашей текстильной промышленности. Монополистом в этом до XIX века была Великобритания. В Англии до 1848 года существовал закон, предусматривающий смертную казнь за вывоз из страны текстильных машин и технологий. Когда его отменили, то первыми это дело подхватили немцы и прежде всего персонаж по фамилии Кноп. Он рьяно взялся за дело. Города центральной России – Иваново, Москва, Кострома и Подмосковье – так быстро и успешно стали применять машины, что примерно к 1868 году, т.е. спустя 20 лет, Россия стала главным конкурентом британского текстиля на мировом рынке. Случилось это потому, что близко были сырьевые базы. Бурное развитие текстильной промышленности стало выгодно. Появилась реальная потребность в создании продукта из этого текстиля. Это впоследствии повлекло создание модных домов и текстильных промыслов...

А.В.Лубский: И этим потом занимались старообрядцы...

Е.В.Цымбал: Да, совершенно верно! Это очень точное дополнение.

В.А.Шкуратов: Собственно русские модные дома возникают на грани XIX-XX веков. Эта модель предполагает понятия экспорта и импорта. А культурный экспорт из России начинается во второй половине XIX века, с экспорта русской литературы, кстати...

Е.В.Цымбал: Я думаю, что все-таки с Тургенева. Никто столько русскости не привнес...

В.А.Шкуратов: Да, русская культура в начале первой мировой войны уже модная на Западе. Уже наступает следующий цикл – не импорт, а экспорт культуры. И большевики это культивируют.

В.В.Вольчик: Я хотел бы сказать по поводу левой идеи, об этом почему-то никто не сказал. Мне кажется, что левая идея развивается параллельно исламскому возрождению. Исламское возрождение – это левая идея. Может быть, будущая левая идея – это исламское возрождение? Может она просто примет другие формы? С одной стороны, мы говорим, что она проиграла, но неизвестно еще, как повернется исламская идея.

В.А.Шкуратов: Я не специалист в исламской идее. Хотя революция 2011 года на арабском Востоке и потерпела поражение, но это временное явление, вероятно, в форме исламского социализма.

В.П.Макаренко: На этом завершаем. Всем большое спасибо!

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ М.К.ПЕТРОВА:
СТЕНОГРАММА ОБСУЖДЕНИЯ КНИГИ В.П.МАКАРЕНКО
«ПРАКТИКУЮЩИЕ ГЕГЕЛЬЯНЦЫ И СОЦИАЛЬНАЯ ИНЕРЦИЯ: ФРАГМЕНТЫ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ М.К.ПЕТРОВА».
РОСТОВ-НА-ДОНУ, МАРТ, 2013, 536 С.
29 МАРТА 2014 Г.

В.П. Макаренко: Уважаемые коллеги, сегодняшняя наша встреча посвящена обсуждению моей книги «Практикующие гегельянцы и социальная инерция: фрагменты политической философии М.К.Петрова» и статьи «Решенные вопросы»: повесть М.К.Петрова «Экзамен не состоялся». Она опубликована в журнале «Вопросы философии» (2014, № 1) и выполнена по гранту Южного федерального университета. 7 и 14 марта 2014 г. по каналу «Россия-24.Дон» состоялась телепередача. Мы сейчас ее посмотрим, потом я кое-что добавлю и приступим к обсуждению.

ВЕСТИ-ИНТЕРВЬЮ

Иван Афонин (ведущий): Мы продолжаем традиционные встречи с директором Центра политической концептологии Южного федерального университета, экспертом Российской ассоциации политических наук профессором Макаренко Виктором Павловичем. Виктор Павлович, добрый вечер!

В.П. Макаренко: Добрый вечер!

И.Афонин: Виктор Павлович, сегодня мы затронем тему философии. Поговорим о значимой фигуре Михаила Константиновича Петрова.

В.П. Макаренко: Да, это выдающийся современный философ, наш земляк. Скажу об информационном поводе, в связи с чем состоялась наша сегодняшняя передача. На протяжении нескольких лет в России издавалась серия книг «Философия России второй половины XX-го века». В этой серии вышла книга о единственном ростовчанине – философе Михаиле Константиновиче Петрове. Книга издана в 2010 году в Москве, под редакцией Светланы Сергеевны Неретиной. Это сборник статей, в котором семь статей о Петрове написано москвичами, пять – ростовчанами.

В 2011 году я выпустил книгу под названием «Научно-техническая контрреволюция: идеи М.К.Петрова как источник мысли». В ней реконструирован концепт научно-технической контрреволюции, который описан Петровым почти пятьдесят лет назад и существует в России в насто-

ящее время. Это моя первая книга о Петрове. До нее я делал доклады на ежегодных чтениях его памяти. Потом доклады приобретали форму статей, затем я издал их в виде книги. В феврале 2012 г. состоялось обсуждение книги. На основе этого обсуждения я расширил первую книгу, дописал в нее шесть новых глав. В прошлом (2013) году мы отмечали 90-летие со дня рождения Михаила Константиновича Петрова. Была всероссийская конференция. На этой конференции я курировал секцию под названием «Политическая философия М.К.Петрова». Эта моя книга называется «Практикующие гегельянцы и социальная инерция: фрагменты политической философии М.К.Петрова». Речь идет о научном направлении, которым я занимаюсь давно.

Я не буду сейчас длинно говорить, что такое политическая философия. Скажу кратко: это размышление и обсуждение следующих основных тем: что такое власть, политика, государство, война, революция. Эти темы являются ключевыми для политической философии. А чем отличался Михаил Константинович Петров от «своры» советских философов, если использовать его же терминологию? Как известно, в советское время философия была канонизирована, являлась частью государственной идеологии. Она обязывала всех ходить по протоптанным следам-дорожкам. Михаил Константинович всегда торил свою дорогу в философии. Имел мужество показывать, в чем ошибались классики марксизма. Более 50 лет назад он писал, что марксизм как источник мысли иссяк.

Вот в этой книге я сделал микрооткрытие. До сих пор о Михаиле Константиновиче писали как о выдающемся философе, историке и социологе науки, культурологе. А о Петрове как о политическом философе ещё не писали. Я попытался проанализировать его повесть «Экзамен не состоялся», которую он написал в 1959 году и послал в Центральный Комитет Коммунистической Партии Советского Союза. Он поверил, что тогдашние руководители партии и государства действительно заинтересованы в осуществлении реальной десталинизации всей сферы общественного бытия и общественного сознания, включая философию, от всего того наследия, которое сложилось в период Сталина. Повесть вернули по месту его работы (он тогда работал в Ейском высшем военном авиационном училище летчиков), за написание повести его исключили из партии, а Ростовский Обком КПСС проштемпелевал это решение. До решения повесть отдали на рассмотрение сотрудникам Ростовского государственного университета, которые среди прочего обвинили его в троцкизме.

Петров был выдающимся человеком, владел несколькими живыми и мертвыми языками. Он был восстановлен на работе, преподавал английский язык в университете. Один из первых в Советском Союзе начал заниматься науковедением, историей и теорией науки. Он перевел на русский язык книгу «Наука о науке». Она вышла в издательстве «Прогресс» в 1966 году. Авторами книги были специалисты мирового ранга – науковеды, историки и социологи науки, культурологи, на уровне Нобелевских лауреатов. С перевода и публикации этой книги началось советско/российское науковедение. В 1967 году Петров защитил кандидатскую диссертацию «Философские проблемы науки о науке». Он был мужественным человеком в том смысле, что всегда шел против течения. Именно поэтому я пишу о том, что духовно-нравственное его влияние на последующие поколения ученых пока ещё не стало предметом разбора. Я закладываю только первый кирпич в здание, которое еще предстоит строить. После его смерти осталось около 500 печатных листов неопубликованных рукописей. Пишущий человек знает, что такое 500 печатных листов. Один печатный лист – это 40 тыс. знаков, примерно 23,5 машинописных страниц. Умножьте и представьте себе, что это такое.

И.Афонин: Объемы потрясают...

В.П. Макаренко: Да, к настоящему времени уже опубликовано около 10 томов. Проводятся регулярно посвященные ему конференции. Я в этой книжке впервые проанализировал его повесть «Экзамен не состоялся», о которой еще никто не писал. Мое микрооткрытие состоит в том, что в повести я обнаружил первую формулировку тех идей, которые Петров развивал в истории науки, культурологии, науковедении, социальной философии. Эти идеи как бы скрыты в этой повести. Можно спорить относительно того, был ли он марксистом. Но бесспорно то, что он был творческим человеком. Он говорил: «Если мы не будем развивать социальную теорию и социальную философию, то общество, которое было создано в 1917 году, погибнет». Он предсказал это почти за 40 лет до факта гибели СССР.

Сегодня всем известно, что власть пытается регулировать развитие науки в стране вообще и Российской академии наук в частности. В своих работах Петров ввел понятие «научно-технической контрреволюции». Речь идет о том, что если наука вступает в слишком близкий контакт с государством, оно рано или поздно задушит науку в объятиях. То, что происходит в России в последние 20 лет – это и есть объятия государственного удава и, возможно, последние судороги российской науки.

И.Афонин: Значит, основные мысли Михаила Константиновича до сих пор остаются актуальны. Даже для общества, в котором мы сейчас живем.

В.П. Макаренко: Абсолютно верно! В журнале «Вопросы философии» (2014, № 1) опубликована моя статья о М.К.Петрове на материале главы из книги «Практикующие гегельянцы и социальная инерция». Вот то, что я к сделал в связи с наследством Михаила Константиновича. Готов ответить на другие вопросы.

И.Афонин: Любые вопросы будут касаться творческого пути огромной фигуры мировой философии Михаила Константиновича Петрова. Что из его наследства применимо к ситуации в современной России и политической концептологии, в которой Вы главный эксперт?

В.П. Макаренко: В сентябре 2007 года мы провели первую всероссийскую конференцию в Ростове-на-Дону «Идеи М.К.Петрова и политическая концептология». Создали центр, журнал, исследовательский комитет Российской ассоциации политических наук. В этих исследовательских и организационных структурах мы регулярно обсуждаем проблемы развития наследства Михаила Константиновича. Главное здесь – его нравственно-политическое влияние. Он был отважным человеком, имел смелость и мужество в самых, казалось бы, неподходящих обстоятельствах реализовывать нехитрую идею: если философия и социальная наука зависят от денежного мешка, власти и идеологии, – то она находится в состоянии холуя. Это кажется грубо, зато честно. И.Сельвинский однажды заметил:

Правдивость гениальности сродни,
А прямота пророчеству подобна.

Эту же идею можно переформулировать: какие условия надо создать, чтобы социальная, философская, экономическая, юридическая и вообще всякая мысль развивались независимо от внешних воздействий? Речь идет не только о власти и политике. Платон считал «неисцелимые обыкновения» (т.е. комплекс накопленных привычек поведения) губительными для всей системы философии и социальных наук. Это остается актуальным до настоящего времени. Потому что любители услужить денежному мешку и властям предрежающим еще не перевелись. Это обычно делается за счет истины и откровенного разговора. Существует такое не писаное правило до сих пор.

И.Афонин: Вы сказали, что кладете первые кирпичи в огромное здание, которое следует возводить. Что будет следующим кирпичом?

В.П. Макаренко: Об это надо спросить у других специалистов. Прежде всего у Светланы Сергеевны Неретиной (я её особо хочу поблагодарить) – она создала традицию изучения творчества Петрова. Я хочу поблагодарить также Александра Павловича Огурцова. Они в крутую минуту имели мужество поддерживать М.К.Петрова. Этих людей я знаю по 30-40 лет, в известном смысле они тоже являются нравственными эталонами. Есть еще ряд неизученных сфер наследства Петрова: проблемы социальной философии, слабо изучены его идеи о религии как элементе культуры, идеи сравнительного анализа палубной культуры Средиземноморья и русской культуры. В 2002 году в Ростове-на-Дону, проходил Всероссийский философский конгресс. Я там делал доклад о Михаиле Константиновиче и показал, что его наследство можно развивать в десяти разных направлениях. Я пока успел сделать немножко. Всякий крупный мыслитель является многовекторным. Его наследство можно развивать в самых различных направлениях. В том числе использовать его идеи для анализа современной российской реальности.

И.Афонин: Виктор Павлович, благодарю Вас за нашу сегодняшнюю беседу.

В.П. Макаренко: Передаю слово Анатолию Владимировичу Лубскому.

А.В. Лубский: Коллеги, Виктор Павлович сказал, что он уже двадцать лет работает над проблемой изучения творчества Петрова. И двадцать лет продолжается борьба, за то, кто лучше понимает творчество Петрова. К сожалению, я не вижу здесь основных оппонентов Виктора Павловича – А.Н.Ерыгина и Г.В.Драча. Видимо, они испугались, не выдержали конкуренции. Это, конечно, шутка, но действительно, творчество Петрова настолько открыто, что позволяет высказывать различные суждения. Как вы знаете, в нас еще сидит тот самый принцип, который осуждал Петров: есть мое мнение и есть мнение неправильное. Сегодня для обсуждения предложены свежая книга и статья Виктора Павловича. Часть книги мы уже обсуждали в феврале 2012 г. Поэтому мы должны показать, что нового внес Виктор Павлович по сравнению с предыдущей книгой. А также особо обсудить статью В.П.Макаренко – квинтэссенцию новой книги. В связи с этим я думаю, что мы в начале предоставим слово Виктору Павловичу для небольшого вступления.

В.П. Макаренко: Я дал предельно общий очерк политической философии М.К.Петрова. В книге 12 глав, и в каждую из них можно углубиться. Сейчас отмечу два пункта, о которых не говорил в интервью.

Михаил Константинович был профессиональным разведчиком. В своей книге я пишу, что он сформулировал интересный концепт ком-

муниста-философа-разведчика. Одна из его идей состоит в соединении разведывательной и исследовательской деятельности. На мой взгляд, очень интересное направление анализа. Приведу пример из моей личной жизни.

У меня была достойная теща, к сожалению, уже покойная. Вначале нашего знакомства она смотрела на меня недоверчиво, ей трудно было понять, чем я занимаюсь. Но она обладала житейской мудростью, которая есть у многих, независимо от образования. И вот, она смотрела на мой образ жизни, что я читаю, чем занимаюсь, о чем думаю, говорю, читала мои книги и т.д. Наша исследовательская деятельность вписана в быт, книги, библиотеки, мысли, идеи, домашние беседы и публичные доклады, лекции, комментарии, споры и пр. И вдруг теща неожиданно сказала: «Виктор Павлович, а вы ведь разведчик». То-есть, она увидела в быту исследователя, в научном поиске нечто, связанное с разведывательной деятельностью. Теща моя прошла войну, знала о разведке не понаслышке.

Однако Петров не имел в виду разведывательную деятельность как вынюхивание разных секретов, как шпионаж, сексотство, соглядатайство и доносительство разного типа. В своей повести он пишет, как в пивных обсуждают тему отмены шпиков после смерти Сталина. К топунам он относился презрительно. Под разведывательной деятельностью, соединенной с философией, он имел в виду надежное, основанное на науке, прогнозирование общественного развития. То, что потом воплотилось во множестве методов, включая экспертный метод, метод сценариев, методы мозговой атаки и т.д. Он ни в коем случае не имел в виду ту разведывательную деятельность, которая ведется реальными людьми на потребу реальных государств, корпораций или частных людей. Вот это чрезвычайно важный пункт и продуктивная идея, которую я хотел бы отметить.

Этот пункт наследия Петрова можно связать с конкретными исследованиями шпионской деятельности Советского государства. Карл Шлёгел написал капитальную книжку «Берлин. Восточный вокзал», в которой проанализирована разведывательная деятельность Коминтерна в 1920-30 годы. К.Шлегель показал, что в истории СССР можно выделить два типа и поколения разведчиков. Мне кажется, что Петров принадлежал к первому типу. Это те люди, которые считали, что поскольку законы истории известны, то выступающие от имени этих законов люди обладают абсолютной исторической и политической правотой, независимо

от обстоятельств. Можно указать целую библиотеку, в которой описана деятельность таких людей. В этом смысле они были негибачемы. Второй тип и поколение уже прошло через школы КГБ и им подобные учебные учреждения. Этот тип ничем не отличается от выпускников высших партийных школ. Они работают за деньги, а не за идею.

Короче говоря, у Михаила Константиновича есть свой подход к тому, что называется «социология спецслужб». Думаю, этот подход чрезвычайно важен. Его духовное содержание рано или поздно проявится. Нам нужно уже сегодня думать о том, как увековечить его память. Его концепция может быть поставлена в конфронтацию с тем, что делал А.И.Солженицын – тоже один из наших земляков. Под конфронтацией я имею в виду совершенно разные интеллектуальные традиции М.К.Петрова и А.И.Солженицына.

Я бы хотел также обратить внимание еще на один факт, о котором не писал в этой книжке. У Петрова есть концепт «человек-государство». Недавно я перечитывал и штудировал заново многотомник Александра Александровича Зиновьева. И обнаружил совпадение: Зиновьев тоже неоднократно называл себя «Я сам себе государство». И обосновывал, казалось бы, в совершенно неподходящих обстоятельствах, идею радикального разрыва индивида с тотальным обществом и государством. Есть определенные параллели между концептом «человек-государство» М.К.Петрова и концептом «Я сам себе государство» А.А.Зиновьева. Мне это направление исследований тоже кажется интересным.

В своих лекциях Михаил Константинович не раз использовал образ айсберга. Он говорил: исследование должно быть как айсберг, то есть «над водой блестит одна седьмая, а глыбун уходит в глубину», как писал Илья Сельвинский. Вот эти шесть седьмых нам надо изучать. Там могут обнаружиться чрезвычайно интересные вещи.

Они могут объединить интеллектуальное сообщество Юга России. Быть эталоном или указующим перстом, как нам работать в разных направлениях. Наследство Михаила Константиновича – это шахта, в которой есть главный ствол и множество штоков. Нам нужно научиться в нее опускаться, чтобы поднимать на гора новые тонны горючего материала.

А.В. Лубский: Коллеги, есть ли у вас вопросы для прояснения к Виктору Павловичу?

В.А.Шкуратов: Вопрос про айсберг. Это напомнило Хемингуэя, его идею о том, что рассказ – это айсберг, вершина которого возвышается над водой, а всё остальное под водой. Это вообще его стилистика.

В.П. Макаренко: Володя, извини, я тебя прерву. Я многократно уже хотел тебе высказать комплимент, да все забывал. Теперь выскажу публично. Ты однажды назвал Петрова «потаенным мыслителем». Поэтому я частично обязан тебе в стремлении раскопать творчество Петрова. За это тебе спасибо. Действительно, Петров – мыслитель потаенный. Кто написал «Потаенный Радищев»?

В.А.Шкуратов: Не знаю...

Из зала: Плимак...

В.П. Макаренко: Нет, не Плимак, а Георгий Шторм. На эту тему в «Новом мире» была серия публикаций в 1960-е годы.

В.А.Шкуратов: Петров каким-то образом имел в виду Хемингуэя? Его стилистика как-то оказала на него влияние?

В.П. Макаренко: Не могу сказать. Если чисто внешне подходить, то можно только сравнивать художественный стиль Хемингуэя и стиль повести Петрова. Это вещи разные. А если иметь в виду стиль философского письма, то у Петрова длинные предложения, на полстраницы, особенно в последние годы жизни. С точки зрения политического мировоззрения Хемингуэй примыкал к левой интеллигенции Запада...

В.А.Шкуратов: Он был индивидуалист, к сожалению, пил...

В.П. Макаренко: Михаил Константинович тоже пил и выпивал, но это к делу не относится. Надо смотреть специально, я только зацепил тему интеллигенции. Сложно судить об этом, на бегу не ответишь. Ясно лишь то, что Петров описывал сходство между русской и европейской критикой действительности на основе реликта антично-христианского мировоззрения. К такому реликту относится убеждение: объем знания возрастает пропорционально месту во властно-когнитивной иерархии. Это убеждение выражено в русской пословице «Начальство лучше знает»...

Из зала: «Начальству виднее...»

В.П. Макаренко: Да. А различие между Россией и Европой проводил такое: в Европе объектом критики является наука, поскольку она способствует овеществлению, омертвлению, машинизации, мясорубке талантов. А русская критика направлена против фигуры властвующего идиота, активного деятеля социального строительства. Поэтому русская критика продуктивнее. Здесь он ссылаясь на Салтыкова-Щедрина. Властвующие идиоты живут под сенью директив и указаний, увлекаются административными методами управления, вдохновляются административным восторгом. Вот здесь, на мой взгляд, есть материал для сопоставления интеллигенции европейской, русской, левой, правой и т.д.

В.А.Шкуратов: Ну, а идея свободно парящей интеллигенции, ради кого осуществлять разведку? Кто субъект?

В. П. Макаренко: Нельзя утверждать, что Петров вслед за Карлом Мангеймом утверждал идею «свободно парящей интеллигенции». Напомню эпизод из повести: Петров иронически упоминает о песне «Все дороги ведут к коммунизму». По его мнению, к коммунизму ведет одна-единственная дорога. И коммунист-философ-разведчик должен ее обнаружить. Здесь тоже есть предмет для обсуждения.

Вопрос из зала: Виктор Павлович, как бы Вы оценили идейную основу творчества Петрова? С одной стороны, вы утверждаете со ссылкой на Петрова, что марксизм как источник мысли иссяк. С другой стороны, только что сказали, что он был убежденным марксистом. Как эта диалектика соотносится? Что было его идейной основой? К кому он был ближе из мыслителей? К марксистским ревизионистам или у него был самобытный подход? Он же был европейски образованным человеком.

В.П. Макаренко: Здесь я согласен с Юрием Романовичем Тищенко. Термин «марксизм» связан с таким множеством негативных аннотаций, что от него лучше отказаться. А пользоваться понятием «философия Маркса». Это сразу меняет предмет разговора. Потому что в термин «марксизм» вкладывалось столько всяких модификаций и интерпретаций марксизма, что разбираться в них пустая трата времени. Например, сегодня в рамках христианства функционирует более двухсот сект и всякая выступает от имени Христа. Но можно утверждать совершенно определенно, что нужно прежде всего отбросить те версии марксизма, которые считались официальной идеологией в странах, в которых коммунистическая партия выполняла ведущую роль. Я имею в виду СССР и страны советского блока, хотя формально там существовала «народная демократия». Сегодня эта демократия в России переквалифицировалась в суверенную и тоже хочет создать государственную идеологию.

Можно также провести различие между господствующими партиями, которые называли себя марксистскими, и теми левыми политическими партиями, которые стремились к власти в рамках капиталистического общества. Кто из них состоял на денежном довольстве КПСС? – тоже надо рассматривать конкретно.

А когда мы говорим: философия Маркса, – мы тогда встраиваем эту философию в классические интеллектуальные традиции рационализма. Например, современная аналитическая философия ввела интересный и продуктивный концепт «сущностной оспариваемости всех политичес-

ких понятий». С этой точки зрения марксизм не менее спорен, чем другие ориентации. И мы относимся к нему как к одной из современных философских ориентаций, у которой нет монополии на абсолютное знание. Если он нам нравится больше, мы развиваем его идеи с помощью обычных научных методов. Короче говоря, на основании горького опыта существования марксизма в виде государственной идеологии невозможно утверждать, что одна версия марксизма предпочтительнее другой.

В.А.Шкуратов: Это модификация принципа фальсификации.

В.П. Макаренко: В этом смысле Петрова можно считать представителем критического марксизма в европейской версии. Можно найти параллели между идеями Петрова и идеями Л.Альтюссера об идеологическом аппарате, а также идеей Антонио Грамши о культурной гегемонии «современного князя» (под которым Грамши имел в виду коммунистическую партию). Петрову принадлежит идея: чем в большей степени партия становится правящей, тем более она стоит перед опасностью множества отрицательных явлений. Отсюда вытекает его главный вопрос: как сделать так, чтобы партия была мощной интеллектуальной силой? Этот вопрос остался без ответа.

В.А.Шкуратов: Так он же не был антипартийным человеком? Он пытался что-то сделать внутри партии. Он не был антикоммунистом ни в коем случае.

В.П. Макаренко: Да, он был последовательным марксистом. Предсказал, что советское общество погибнет неизбежно, если мы к наследству Маркса, Ленина и прочих святых из марксистского прихода будем относиться догматически. В этом смысле марксизм как источник мысли иссяк. Это справедливо только для догматически, а не критически мыслящих умов. И вся система образования, пропаганды, агитации, СМИ, вплоть до ЦК КПСС, – все это он отвергал. Кстати сказать, содержание его небольшой повести можно сопоставить с анализом идеологической машины в «Зияющих высотах» А.А.Зиновьева. Я уже говорил о совпадениях по поводу государства. Есть еще множество совпадений. О них как-нибудь в другой раз. Вопрос Юрию Романовичу: был ли знаком Петров с Зиновьевым?

Ю.Р. Тищенко: Могу сказать, что вполне вероятно.

В.А.Шкуратов: Живи они в 1920-30-е годы, были бы троцкистами...

В.П. Макаренко: Юрий Романович может лучше сказать. Петрова как раз таки обвиняли в троцкизме, причем, профессора Ростовского университета. Так что если использовать терминологию Сталина, – этот тренд не иссяк...

А.В. Лубский: Поскольку Виктор Павлович больше сейчас говорил о повести Петрова «Экзамен не состоялся», то целесообразно начать наше обсуждение со статьи Виктора Павловича «Решенные вопросы». Это небольшая, злободневная и умная работа. Текст достаточно открытый, в некотором роде эпатажный. Публицистичный, поскольку Виктор Павлович проводит постоянные аналогии с сегодняшним днем. У кого есть желание поучаствовать в обсуждении проблем, которые поднимает Виктор Павлович в связи с его реконструкцией текста повести Петрова?

В.А.Шкуратов: У меня опять вопрос не по существу. Витя, там есть герой Шатов, это не относится к Достоевскому «Бесы»?

В.П. Макаренко: Да, относится, я об этом пишу в книжке. Героем повести выступает аспирант Шатов. Это автобиографический след наверняка. Он сдает экзамен по философии в Институте философии АН СССР. У Достоевского в «Бесах» Шатов тоже колебался, и партия его потом ликвидировала. В терминологии Петрова Шатов – это «чистой души романтик».

В.А.Шкуратов: У Достоевского он тоже романтик...

В.П. Макаренко: Я давно не перечитывал «Бесы»...

А.В. Лубский: Шатов в «Бесах» разуверился в революции, герой Петрова тоже разуверился...

В.П. Макаренко: Нет, в революции он не разуверился. Он разуверился в советском варианте марксизма. В моей статье этот сюжет опустили, а в книге перечислены символические фигуры повести. Имена, отчества и фамилии выдающихся докторов наук. Одна из них – Викторина Никифоровна Победоносцева. Из текста повести вытекает вопрос: не является ли марксизм в виде государственной идеологии в три раза хуже, чем идеология Победоносцева? Эта самая Викторина сделала из марксизма способ зарабатывать хорошую копейку и приобретать официальный статус. Она писала, что жены декабристов вполне сознательно спали с жандармскими офицерами для того, чтобы передать выведенные у них сведения революционерам. Символика повести – особая тема разговора. Затем там есть фигура циника Полумакаева и придворного философа Модестова. Если сравнить это с социологией научного и философского сообщества советского времени, то возникают любопытные выводы. В 1997-м году вышла статья всем известного Леонида Наумовича Столовича «Юмор в советской философии». Он там тоже указывает типы людей, нашедших пристанище в советской философии: глупый марксист, умный марксист, циник и бравый солдат Швейк, который верил в марксизм в духе молодого Маркса. Любопытно бы это сопоставить с научно-ведческими и конкретно-социологическими исследованиями.

А.В. Лубский: Позвольте мне высказать некоторые соображения в связи со статьей Виктора Павловича «Решенные вопросы» по повести «Экзамен не состоялся». В аннотации написано, что в статье предпринимается попытка историко-социологического анализа типов профессиональных философов на основе анализа статьи Петрова. Таков один из методов работы Виктора Павловича. Он рассматривает повесть в контексте того советского менталитета, носителем которого мы в определенной мере продолжаем оставаться...

В.П. Макаренко: Извини, я прерву по поводу менталитета. В книжке есть несколько страниц о советском менталитете. В журнальной статье они опущены. Я опирался на 4-х-томник Бориса Андреевича Грушина «Четыре эпохи в жизни россиян», к сожалению, незаконченный. Я сопоставил результаты социологического исследования советского менталитета по десяти параметрам Б.А.Грушина с тем, что писал в своей повести Петров. Грушин проводил свои социологические исследования 1960-х гг. в Таганроге. Поэтому в целях локальной привязки я ввожу понятие таганрогско-ростовской ментальности, чтобы акцентировать ее общесоветские параметры.

А.В. Лубский: Сейчас исследования продолжает «Левада-центр», они время от времени публикуют интересные материалы, свидетельствующие о живучести советского менталитета в современной российской действительности. Второй метод исследования ментальности связан с деконструкцией текста. То-есть, автор говорит о том, что он погружается в зашифрованный смысловой пласт повести. Пытается опуститься к нижней части айсберга с целью провести параллели между советским прошлым и нынешней реальностью. Здесь он рассматривает те проблемы, которые так волновали в то время Петрова. На этой основе Виктор Павлович конструирует типы философов того времени и показывает актуальность, злободневность предлагаемой им типологии для наших дней. Повесть Петрова сама по себе достаточно сатирическая, но она злободневна ещё и потому, что я недавно прочитал в интернете соображения по поводу развала факультета социологии и политологии. Я об этом чуть позже скажу, но она мне почему-то мне всплыла на ум, когда я читал вашу статью. Объектом сатиры у Петрова является советский философский бомонд 1950-х годов и история революционного движения. Какие же типы выделяет Виктор Павлович?

Позволю себе тоже заняться деконструкцией. Первый тип – это вивисекторы духа, которые делают операции живым организмам, чтобы

посмотреть, как они на это реагируют. Вивисекторам духа марксизм не нужен. Среди этой своры философов Петров, а вслед за ним Макаренко выделяют два типа: придворные философы и философы-циники. Им противостоят романтики духа и философы-разведчики, к которым Виктор Павлович относит автора повести. Они являются необходимым звеном между философией и практикой. Такова функция философа-разведчика.

Критерий выделения указанных типов и видов – отношение к решенным вопросам. Для вивисекторов духа после выхода «Краткого курса истории ВКП(б)» все вопросы были решены. Вот на что следует обратить внимание. Я историк и хорошо это знаю. Интерес к реальному положению дел был утрачен. Более того, интерес к реальному положению дел после выхода «Краткого курса истории ВКП(б)» рассматривался как преступление против партии и народа. Поэтому период 1930 – середины 1950-х годов – темное место в исторической науке и философии. Поскольку вопросы оказались уже решенными, они, с одной стороны, затасканы по кафедрам, учебникам, статьям, пропагандистским листовкам. С другой стороны, каждый решенный вопрос оказался очень скользким, на котором была сломана не одна голова. То есть, он вроде бы решенный, но опасный. Лучше не притрагиваться к решенному вопросу, потому что ситуация может измениться в любой день. И то, что было решено сегодня, окажется вредным завтра. Поэтому от вивисекторов духа требовалось колебаться вместе с линией партии, то-есть вовремя переходить от одного решения вопроса к другому.

Я как историк этим вопросом специально занимался, в начале 1990-х гг. выпустил книжечку о том, как изучали в советской исторической науке империализм в России. Официальные историки опирались на Ленина, который в борьбе с народниками (кстати, они отрицали развитые формы капитализма в России) явно завышал уровень развития капитализма в России. Вслед за Лениным официальные историки доказывали, что в России капитализм достиг уже монополистической стадии, что он был такой же, как и на Западе. Это делалось для того, чтобы показать, что в России есть предпосылки социалистической революции. Однако когда в СССР в середине 1930-х годов по сталинскому указанию победил социализм, и когда надо было противопоставить СССР Западу, то аргументы были такие: Россия – это деревня, соха; СССР – это город, трактор, индустриализация, Днепрогэс и так далее. Чтобы показать героические свершения, необходимо было показать, что дореволюционная Россия была нищей и убогой. Появилась школа М.Н.Покровского, которая пока-

зывает, что капитализм в России – это другой капитализм по сравнению с Европой, что это капитализм шапки Мономаха.

В.П. Макаренко: Недавно переизданы лекции Покровского, очень интересные.

А.В. Лубский: У меня его книжка есть. И книжка Покровского, и две книжки против школы Покровского. В начале против «антиисторической», потом против «антимарксистской» концепции Покровского. Но тогда возникает другая проблема: откуда взялись пролетарские революционеры в России, если в ней господствовали феодально-крепостнические пережитки? Уж не привезли их в вагоне? Школу Покровского разгромили, но он успел к тому времени умереть. Затем его идеи реабилитировали. Всё это произошло на протяжении буквально 10 лет.

В повести Петрова объектом сатиры становится история революционного движения в России. Я хочу сказать, что действительно, в 1930–50-х годах мало кого интересовало, как это было на самом деле. Главное было – как думают по этому поводу вожди? А это было изложено в кратком курсе истории ВКП(б) и сопутствующих брошюрах. Поэтому в изображении истории революционного движения в России господствовали идеологические и риторические трагедии. Идеологические заключались в том, что пролетарские революционеры-марксисты изображались как идеальные революционеры, а риторические заключались в героизации этих революционеров. Идеология была доминантной в изображении революционного движения. Пролетарские революционеры изображались как гиганты мысли и действия, в отличие от мелкобуржуазных революционеров. После «Краткого курса истории ВКП(б)» вышла книжка Ярославского «Разгром народнического марксизма», которая подписала приговор всем историкам, которые занимались изучением народничества в России. Тема была закрыта, народников все перестали изучать. Всё ясно с ними.

Методы работы историков были соответствующими. Вначале это было оперирование цитатами, надерганными из работ Ленина и других классиков марксизма. Потом это безобразие прекратили, был издан краткий курс, где стало ясно, какие цитаты можно и нельзя использовать, и вообще, как правильно интерпретировать нашу историю. В 1950-е годы, особенно после XX-го съезда КПСС, одни историки продолжали жить в эпоху краткого курса, а некоторые продолжают жить и сейчас; другие стали предпринимать попытки интерпретации трудов классиков марксизма-ленинизма. Этим занимались шестидесятники прошлого ве-

ка. Они поставили перед собой задачу перейти от сталинского марксизма к истинному марксизму.

В.П. Макаренко: В том числе и к описанию жертвеннического начала в истинном марксизме. Я имею в виду книжную серию «Пламенные революционеры», повести Ю.Трифонов, Ю.Давыдова...

А.В. Лубский: Это уже революция – переход от сталинизма к особой интерпретации марксизма, к истинному марксизму. Но когда ставится задача: выявить истинную сущность любого учения, то всегда появляются те, которые присваивают себе право на правильную трактовку и те, которые в эту правильную трактовку не вписываются. То есть, появляется фундаментализм и ереси. Все попытки движения к истинному марксизму 1960–70-х годов закончились разгромом в исторической науке так называемого «нового направления». Было издано постановление ЦК КПСС о том, как правильно надо изучать историю. П.В.Волобуева и его компанию разогнали. Всё это было признано ересью. В 1970 году появился целый огромный пакет различного рода сборника статей, монографий под названием «Ленин». Партия испугалась. Почему? Там уже не просто шла игра в цитаты, там каждая цитата Ленина подтверждалась фактическим материалом. За 15–20 лет историки накопили много в архивах фактического материала, в этом плане была более-менее свобода. Открылись архивы. Но вы понимаете, что любую цитату можно подкрепить фактическим материалом.

В.П. Макаренко: Конкурирующие концепции все опирались на ленинские цитаты.

А.В. Лубский: Абсолютно! Все ссылались на Ленина, трактуя его так, как каждому было выгодно его трактовать. Я не говорю о том, что это плохо или хорошо, это была такая привычка. Помню, мы с Александром Павловичем Пронштейном написали статью по массовым историческим источникам. Я ему принес, говорю: «Вот, смотрите». Он читал-читал, говорит «Нет. Тут XXIV съезд КПСС состоялся, вначале напиши». Я говорю: какое отношение имеет XXIV съезд к этому вопросу? Он отвечает: «Ты почитай внимательно и напиши, иначе нас не опубликуют». Так это было. Действительно, я приплел призыв изучать конкретное, историческое к методике изучения массовых источников.

Тот же самый пример из истории революционного движения в России. Со второй половины 1950-х годов стали призывать к преодолению культа личности Сталина во всех сферах, в том числе и исторической науке. Вновь проявился интерес к тем самым народникам, которых запре-

тили изучать. Возникло два типа: Модестовы – авторитеты старой советской историографии, которые продолжали рассказывать о том, что народники были идеалистами, что их методы борьбы были неправильные, что ни террора, ни массового политического действия не должно быть. Но тут же появились и романтики духа, которые выступали за пересмотр самой концепции, поскольку она не базируется на исторических источниках. Действительно, они в то время накопили в архивах очень много интересного фактического материала. У них возникла совершенно иная концепция народничества: народники – никакие не идеалисты, а материалисты; они не были догматиками; они хотели взбудоражить общество и не считали метод террора основной формой борьбы; они считали, что это подтолкнет общество к учредительным собраниям.

Но кто в конечном счете одержал победу? На том этапе ее одержали Модестовы; и в годы перестройки об этих романтиках духа знали, никто их никуда не разгонял, но время от времени их приводили в качестве примера не совсем исторического подхода к изображению российского прошлого. Зато в период перестройки они оказались на коне.

Я привел примеры для того, чтобы понять лучше контекст, в котором была написана повесть Петрова. Кроме этого меня особо заинтересовал сюжет, связанный с образованием. Согласно Петрову, экзамен есть разновидность исповеди, поскольку он требует предельной искренности. Между тем, советская школа и общество в целом эту искренность систематически подавляли. Но мне кажется, дело не только в искренности. Дело в том, что на экзамене надо было говорить не то, что думаешь, а то, что надо. А сегодня? Я хочу, чтобы вы задумались. Студенту надо говорить то, что думаешь, или то, что надо? Я работаю уже много лет с преподавателями высшей школы, которые приезжают к нам на повышение квалификации. Я обратил внимание: как они выставляют отметки. Отвечает студент. Отвечает-отвечает, преподаватель спрашивает: «Где это ты взял?» «В интернете»; «А я, – говорит, – не так тебе объяснял. Три, иди.» То-есть, опять надо говорить не то, что думаешь, а как надо. А что значит, как надо? Как надо – это «на запоминание». Отсюда вытекает не знание, а вера. Значит, обучение – это школа памяти и веры. Об этом писал Петров, говорит Макаренко, о том же свидетельствуют наши сегодняшние реалии. Это не школа мышления и поиска истины. Именно в связи с этим появилась работа Э.Ильенкова «Школа должна учить мыслить».

Конечно, мыслить вряд ли кого-то можно научить, но создать условия, чтобы студент учился мыслить, – вполне возможно. А у нас что? Мы

продолжаем учить студентов. Как нас учили наши учителя, как их учили учителя ещё в эпоху индустриализации. Нам кажется, что мы передаем им знания. Ничего мы им не передаем, кроме информации, которую, в силу своих интеллектуальных способностей, они могут превратить в знания. Но чаще всего ни в какие знания они информацию не превращают, а сдают экзамены и говорят: «Ну, слава Богу, можно этот ужас забыть». И благополучно забывают. Никаких остаточных знаний у них просто нет, как не пытаются их проверить.

Вы можете это проверить на своем опыте. Я как-то пошел на лекцию по политологии, тема: «Политические институты». Молодой преподаватель радостно говорит: «Вы же изучали социологию, знаете, что такое социальные институты? Давайте вспомним». А они не вспомнили. «Да кто вам социологию читал?». Но когда узнал, кто читал, сказал: «Вы, наверное, на лекциях не присутствовали». Это распространенное явление. То-есть, вуз – это школа памяти. Естественно, человек не может всё запомнить. Так вот, авторитарная педагогика связана с тем, что преподаватель действительно объявляет себя «Кратким курсом истории ВКП(б)». Я хочу, чтобы над этим задумались. У меня эти мысли появились от чтения книги и статьи Виктора Павловича. А также на основе собственной ментальной программы, которая формировалась в результате чтения умных и глупых книжек, социального опыта.

Резюмирую. Все решенные вопросы подлежат пересмотру. В этом смысле, позиция Петрова однозначна. Никакой монополии правительств на решение социальных проблем он не признавал. Необходима также ликвидация двоемыслия и разрыва между словом и делом. Такова сверхзадача не только Шатова, но и сегодняшнего дня. Виктор Павлович пишет, что Петров отвергал лично-именной (характерный для традиционного общества) и профессионально-именной (характерный для капиталистического общества) принцип строительства партии, и настаивал, что только абстрактно-понятийный принцип, то-есть всеобщая анонимная политическая дискуссия может решить проблему партии как средства строительства коммунизма. Если этот вывод немного расширить и распространить на науку, то оказывается, что у нас продолжает ещё господствовать лично-именной принцип – мы постоянно обращаемся к авторитетам. Мне понравилось выражение: «Восторги перед всплесками руководящего мышления пока не закончились». Да, мы продолжаем жить в ситуации потребности единомыслия. Я всегда говорил: единомыслие – это мысли, а другие не знают, чем занимаются.

Нам надо найти нормы, которые обязательны для всех. В 1990-х годах развернулась дискуссия о методологическом плюрализме в исторической науке. Я описал эту дискуссию. В чем она проявляется? Многие историки участвовали в дискуссии, заявили о необходимости единого подхода к истории, отражающую одну-единственную теорию исторического процесса. И требовали, чтобы им дали такую единственно-правильную теорию.

В.П. Макаренко: Они просто не хотят читать, изучать, а хотят талдычить один учебник на протяжении всей жизни. Я называю это «трамвайным мышлением».

А.В. Лубский: Но никто после официального отказа от марксизма такую теорию не дал. На практике получилось так, что ребята, работавшие в Институте научной информации по общественным наукам АН СССР, которые занимались критикой буржуазных теорий, слово «критика» убрали и на рынок выбросили целую серию работ, посвященных теоретической зарубежной мысли полувековой давности. Некоторые наши ученые, впервые прочитав и сами работы и их изложение, догматически усвоили некоторые из них и возомнили себя обладателями всей истины. После этого наша историческая наука превратилась в коммунальную квартиру. Не только историческая наука, но и все социальные науки. Где каждый считал, что он обладатель истины, потому что он опирается на...

В.А. Шкуратов: Как говорила одна дама, «я опираюсь на Зиновия Фрейда»...

А.В. Лубский: Идеологическая ангажированность проявляется в нашествии околонучного маргинала. Это все те же самые негативные тенденции современного монизма. Еще у Петрова мне понравилась характеристика диалектики как кнута для сталинского управления. Однако сейчас никто из руководителей к диалектике не обращается. Сейчас к ней апеллируют сами ученые. Не найдя достаточных аргументов, они сразу же говорят о диалектике. То-есть, апелляция к диалектике превратилась в прикрытие убожества мысли.

В.П. Макаренко: Да почти всегда так было, особенно в советское время. За исключением нескольких серьезных мыслителей...

А.В. Лубский: Теперь стали рассуждать о триолектике, квадриолектике, и так далее и тому подобное. И наконец, по поводу того, что гомо-советикус жил не только в мире повседневности, но и в сфере духа. Иначе говоря, пишет Виктор Павлович, согласно Петрову, нормальное общество предполагает таких индивидов, которые отвергают любой культ

личности, постоянно рассуждают о высоких материях, руководствуются авторитетом истины, а не мнением начальства. И функция коммунистов-философов-разведчиков состоит в критике практики, чтобы от критики практики перейти к теории, которая продвигает нас к истине. Не практика есть критерий истины, а практика как объект критики для развития теории, продвигающей истину.

Я пообещал вам в заключение сказать несколько слов о размещении в интернете материала по поводу развала факультета социологии и политологии. Я против использования термина «развал» и негативно отношусь к тем, кто разваливает, кого разваливают, кто употребляет слово «развал». Может, это влияние моего биографического опыта. В 7-м классе я был председателем совета дружины, один мальчик нехорошо поступил с девочкой, а я дал ему в лоб...

В.П. Макаренко: Наверное, тебя за это исключили из пионеров!

А.В. Лубский: Нет, мне вынесли выговор за развал пионерской организации. И не послали в «Артек», хотя обещали. Послали того, кому я дал по шее – он был сыном завуча школы. Но я от этого выиграл. После этого я выявил тенденцию, что с каждым наказанием я становился умнее. Теперь по поводу размещенного материала. Некто выражает протест против того, что был факультет социологии и политологии, а теперь руководство университета его разваливает. Что они хорошо устроились, в том числе помощником президента...

В.П. Макаренко: А, это статья Сухаря...

А.В. Лубский: Меня не интересует, кто писал, меня интересует сам стиль. Он как раз такой, против которого выступал Петров. Автор этого материала выступает от имени народа. Он пишет, что все выпускники против. Но главное – выступая от имени народа, он оставляет за собой право обращаться к высшей инстанции. Вы понимаете, что от имени народа выпускники напишут письмо, кто-то приедет, рассудит, и кого-то накажет. Вот это тип гомо советикус, который живет у нас во всех, но в разной мере. Наверное, Виктор Павлович уже по капле выдавил его из себя, не знаю. Может, какие-то капли ещё остались. Но он жив, и вот типичный пример. Если появляется в интернете такой материал – вот вам и вивисекция духа, и придворная философия, и многое-многое другое. Иначе говоря, эта форма протеста восходит к эпохе Сталина. И последнее: высшая школа – это школа мышления, а не школа памяти. Особенно это важно для Южного федерального университета, который должен претендовать не просто на выпуск высококвалифицированных кадров,

а на то, чтобы выпускать национальную элиту. Пока у нас не будет национальной элиты, которая отвечает за прошлое, за настоящее, за новации, за традиции, ничего у нас путного не будет. Нам нужны не только философы-разведчики, но и интеллектуалы, в хорошем смысле слова. Интеллект – это способность ставить задачи и решать их. Для этого интеллектуалы имеют особое значение.

В.П. Макаренко: Кстати, есть книжка Пола Джонсона, английского консервативного историка. Она до сих пор не переведена на русский язык, хотя кучу других книг этого автора перевели. Там описана целая плеяда интеллектуалов, включая Льва Толстого.

А.В. Лубский: В заключение позвольте привести шутиливую историческую ремарку. В повести Петрова описана пивная, в которой герои выпивают, закусывают, беседуют и обсуждают факт отмены шпиков после смерти Сталина. Виктор Павлович пишет: похоже, современная российская мода пить на троих – продукт отмены шпиков при Хрущеве. Виктор Павлович, как историк хочу тебе заметить, что мода выпивать на троих появилась действительно при Хрущеве...

В.П. Макаренко: Я перебую, я задавал этот вопрос академику Ю.С.Пивоварову в прошлом году, поскольку он занимался советской историей.

А.В. Лубский: Сейчас я скажу. Привычка или потребность пить на троих не является продуктом отмены шпиков после смерти Сталина. Она появилась в эпоху Хрущева. После денежной реформы у нас водка стала стоить 2 рубля 87 копеек. Поскольку денег на целую бутылку не хватало, то работага выходил из проходной или приходил в пивную и показывал из-под полы палец, что у него есть один рубль, требуется ещё два. И вот, они втроем собирались, покупали бутылку водки за 2.87, оставалось 13 копеек. Покупали 2 пирожка по 5 копеек, а когда выпивали, то, один, как правило, отказывался от пирожка, говорил, что ему надо домой ехать, а два продолжали искать третьего. Чтобы прекратить эти безобразия, когда после работы работаги на троих соображали, это стало уже привычкой, правительство СССР выпустило негласное постановление: наладить производство чекушек!

В.Ю. Попов: Вот эта формула «коммунист-философ – разведчик». Мне кажется, в тексте Виктора Павловича предлагается уточнение фигуры критика или национального самокритика. Получается интересная штука: если соединить философа-разведчика с критиком, то исчезает коммунизм. А если коммунизм понимать как некую солидарность? Пред-

ставление об обществе, где люди хотят быть вместе, тут вступает в противоречие с наличием у людей разных стратегий. В том числе приспособительных, осуждаемых и неприемлемых. Так вот, разведчик ведь не только должен добывать информацию, он ещё и должен скрывать её. Но в школе советского человека приучили: «спрашивают – отвечай»; если не отвечаешь – санкции, наказание. На мой взгляд, это одна из вреднейших вещей, порожденных эпохой. Солидаризироваться с людьми, у которых иные социальные стратегии, очень сложно. Что в формуле национальной самокритики заменит идею коммунизма или вы вообще отвергаете эту интерпретацию? Этот вопрос я адресую также Виктору Павловичу.

А.В. Лубский: Виктор Павлович сейчас расскажет, что он пишет о коммунистах-философах-разведчиках. Я же пытался провести аналогию, убрав слово «коммунисты». Какова функция современных философов-разведчиков? Это я увязал с критикой практики. Никто из нас не избавлен от идолов собственного сознания. В значительной степени мы все ангажированы – идеологически, политически и т.д. Позитивистского идеала ещё никому не удалось осуществить, чтобы в научном знании ничего не было такого, что не относится к предмету исследования. Понятно, в научном знании присутствует сам субъект познания. Отсюда проявляется множество картин реальности. Но когда я говорю о философе-разведчике, я имею в виду то, что философ-разведчик в первую очередь исходит из презумпции критики. Преимущество критики социальной реальности. Мы долгое время считали, что практика – критерий истинности знания. Но в научном дискурсе речь идет о картине социальной реальности. И эти картины социальной реальности начинают транслироваться. Тот, кто обладает большим психологическим капиталом власти, у того больше шансов, что его картина социальной реальности станет доминирующей. Эту картину социальной реальности усваивают те, кому она предназначена, начиная от обывателя, и заканчивая профессионалами. И эта картина социальной реальности начинает замещать собственно реальность. Люди начинают жить в той реальности, которая им была навязана. И поэтому практика как критерий истины становится очень и очень условным.

И поэтому, философ-разведчик – это критик, практик. Для того, чтобы понять и объяснить теорию. А поскольку Петров был в этом плане сторонником Маркса, то он и считал, что критика практики дает возможность разрабатывать теорию движения к истине. Вот что я хотел по этому поводу сказать.

В.Ю. Попов: Если в этой формуле все компоненты равнозначны (для Шатова или для самого Петрова) и если все они одинаково весомы, то они не композитны. Фактически в развитие темы вы говорите о национальной самокритике, как бы уточняя эту позицию. Наверное, фигура национального самокритика близка идеям Петрова, но коммунистическая компонента, – это что, в вашем понимании или в понимании современного общества? Что приходит ей на смену? И как в понимании Петрова понимать коммунизм?

В.П. Макаренко: Мне кажется, Петров под коммунизмом имел в виду солидарность всех в поиске истины. Или постоянный поиск единомыслия. Он говорил: коммунисты – это единомышленники, а не единоверцы. А значит проблема коммунизма помещается в противопоставление веры и знания. В состав этой классической и до сих пор не решенной проблемы. Есть разные варианты ее решения и все они спорны. В христианской философии есть несколько версий решения проблемы взаимодействия между верой и знанием. И коммунизм, даже индивидуализированный, является попросту одной из версий. Петров с этой точки зрения апеллировал к знанию, но не вере. Значит, его смысл термина «коммунисты» – это те, для которых мысль является главным авторитетом, а не вера. Это одно из решений классической проблемы о соотношении веры и знания. В рамках христианской схоластики существовало несколько школ: одни ближе к рационализму, другие к вере, третьи к интуиции, четвертые к экстазу и т.п. В православии есть еще исихазм. Единого ответа нет.

В.А.Шкуратов: Да это элементы гностицизма, причем, проблема гностицизма чрезвычайно сложна. Да, ты прав совершенно, Петров был гностиком и анабаптистом. В том смысле, что творческий порыв, экстаз, начало преобразования действительности был одним из центральных пунктов его философии. Анабаптизм – это массовое движение, отвергающее существующую институционализированную веру, которая воплощена в попах, идеологах, политических, идеологических структурах.

В.П. Макаренко: Однако согласно Петрову коммунисты ни в коем случае не являются единоверцами, в отличие от гностиков и анабаптистов. Это можно утверждать совершенно определенно.

М.С. Константинов: Я не очень понимаю, как соотносятся несколько тезисов, которые Вы выдвинули. В статье речь идет о том, что сверхзадачей Шатова является преодоление разрыва между словом и делом. При этом ставится задача продвижения европейского универсального

единого планирования и критика практики. Если мы уберем этот разрыв между словом и делом, которое лежит в основе европейской культуры, тогда нужно продвигать универсально-понятийный способ кодирования и тем более критиковать практику.

А.В. Лубский: Отвечу, как я понимаю. Виктор Павлович рассматривает вопрос о единстве слова и дела в плане трех видов критики: традиционное отношение к критике (когда она отождествляется с нанесением кому-то вреда); идеологическая болтовня под видом критики («оголтелая и злобная критика»); презентизм – концепт мира, наилучшего из возможных, который существует здесь и сейчас.

М.С. Константинов: Дело в том, что по Петрову универсально-понятийный способ кодирования возникает в результате разрыва между словом и делом. Поэтому, если мы ставим сверхзадачу преодоления этого разрыва, возникает вопрос об основании европейской культуры, и, соответственно, универсально-понятийного способа кодирования. Я не вижу в таком случае способа критиковать практику, если этого разрыва нет.

В.П. Макаренко: Нет, подожди! Ты знаешь, что у Петрова есть формулировка: связь философии (теории) с практикой через курятник. Речь идет обо всех способах, существовавших в Советском Союзе, по связи философии (теории) с общественной жизнью.

А.В. Лубский: Есть более широкий теоретический вопрос. Если задача сводится к преодолению разрыва между словом и делом, то тогда исчезнет основание для критики практики. Поэтому разрыв между словом и делом – необходимое условие развития теории. Почему? Потому что на практике существует слово и дело.

В.П. Макаренко: Петров настаивает на том, что должна существовать связь слова с делом. По его мнению, в этом состоит исток палубной (европейской) культуры. Светлана Сергеевна Неретина в своей статье развивает версию, что в этом пункте Петров не совсем правильно излагает суть христианского мировоззрения. Но я не знаю: правильно или нет. На этот вопрос сейчас ответить не могу. Требуется специальное изучение. Причем, не просто на уровне каких-то общих каких-то дедукций, как сказал бы Кант, а на основе конкретных примеров взаимосвязи философии с жизнью. Теория суждения разработана, требуется детальный анализ убеждений. В них ведь воплощается как раз связь слова с делом. При этом надо отвергнуть то, к чему нас приучила советская жизнь: человек говорит одно, думает другое, а делает третье. Нужен анализ действующих, невербальных, бессловесных, непубличных убеждений. Всей

сферы того, чем человек пронизан, чем он реально живет, и о чем он даже в последнюю минуту – в условиях выбора жизни и смерти – готов сказать или молча подумать: «На этом я стою и готов за это умереть». Вот о таких убеждениях идет речь.

А.В. Лубский: Слово и дело имеют моральный смысл. Известно выражение Ельцина: «Мое слово: хочу дал – хочу взял назад». В отличие от Ельцина я думаю: повесть Петрова надо обязательно изучать на первом курсе. В плане формирования универсальных компетенций, связанных с нравственной позицией будущего представителя элиты. Не просто изучать, а чтобы они поняли, а не на уровне запоминания того, что там написано.

Ю.Р. Тищенко: Я согласен с этим предложением. Надо опубликовать повесть Петрова в виде небольшой книги. Не журнал, в котором повесть Петрова, а повесть Петрова. Тогда студенты, может быть, прочитают, потому что это в интернете. Надо, чтобы была повесть сама по себе, кто будет читать журнал?

В.П. Макаренко: На сайт нашего журнала в сутки ходит до 200 человек.

Ю. Р. Тищенко: Весь юмор заключается в том, что, несмотря на фундаментальное значение этой повести для дальнейшей творческой, философской, социологической работы она практически неизвестна. Какую роль сыграла эта повесть в дальнейшей жизни Петрова? Есть два эпизода в жизни Петрова, которые исковеркали всю его последующую жизнь: написание этой повести и связанные с ней события; написание статьи в журнале «Вопросы философии» и связанные с этим события. Я сейчас вам назову некоторые даты, которые весьма интересны. 1959 год: написана повесть. В 1960-м году она послана в Центральный комитет Коммунистической партии Советского Союза, на имя первого секретаря Никиты Сергеевича Хрущева. На одной из страниц письма Петрова излагается мотив, почему он написал, а самое главное: зачем послал. Петров писал: «Я считаю, что содержание этой повести, если она будет опубликована, будет иметь значение для обсуждения целого ряда диалектико-политических проблем, связанных, с предстоящим XXII-м съездом партии. Я считаю, что эта повесть может послужить началом, вызвать широкую дискуссию». Из ЦК КПСС эту повесть переслали в Ростов. Куда именно – это тоже проблема. Скорее всего, в Ростовский ОК КПСС. Во всяком случае, повесть сразу же дана была на рецензию профессорам ЮФУ. Один из них – специалист по современной литературе, другой – специалист по

философии. Как потом заявляли рецензенты, повесть поступила к ним без сопроводительного письма на имя Хрущева. Некоторые даже таким образом старались не только объяснить, но и оправдать свою позицию. Затем эта повесть была направлена в Ейск. В летное училище, где Михаил Константинович Петров был заведующим кафедрой иностранных языков. У меня в руках (и не только у меня) было так называемое дело коммуниста Петрова (об исключении его из партии). Дело началось при Хрущеве. В деле был текст повести на машинке и протокол заседания партийной группы кафедры, где рассматривался вопрос об ответственности Петрова. Я впервые прочитал эту повесть по тому тексту, который был в партийном деле. Что характерно, вопрос обсуждался предварительно на заседании партгруппы кафедры философии. На дверях кафедры было написано «Кафедра философии». Когда меня пригласили для беседы в партийный комитет, связанной с обсуждением этой повести, то заместитель партийного комитета меня спросил: «Как называется ваша кафедра?». Я ему отвечаю: «Кафедра философии». «Ничего подобного!». Я на него вылупил глаза. «Она называется «Кафедра марксистско-ленинской философии»». Недавно я ради интереса проверил документы: она действительно так называется.

В.П. Макаренко: Да, я помню!

Ю.Р. Тищенко: Хотя на двери висела табличка «Кафедра философии». Два слова об обсуждении этой повести: кафедра философии Ростовского государственного университета поставила вопрос о восстановлении его в партии. Это делалось на партийной группе кафедры, потому что тогда не было никаких социологических и психологических служб. Поэтому кафедра была на правах первичной партийной организации. Также обстояло дело на кафедре истории партии. Я кое-что помню из своих впечатлений, из того, что было на собрании. На собрание кафедры пришли почти все. Я тоже там выступал, страшно был возмущен: как можно было Петрова за эту повесть исключить с такой формулировкой после XX-го съезда партии? В моей голове это не укладывается. Я высказывал там свое возмущение. Характерный момент: после моего выступления (собрание было закрытое) один из уважаемых доцентов, сказал мне такую вещь, хотя доброжелательно: «Юрий Романович, ты много не понимаешь». И здесь же обратился к Алексею Васильевичу Потемкину: «Это ты виноват, Алеша!». Потом, спустя время, сейчас мне уже многое становится ясно. В том числе некоторые факты моей с Алексеем Васильевичем биографии. Во всяком случае, партком Ростовского госуни-

верситета решил восстановить Петрова в партии, Кировский райком это подтвердил; и только на уровне городского комитета партии с нашим решением не согласились. Сейчас я напомним, с какой формулировкой в Ейске исключили. Никто там повесть не рассматривал, просто согласились с общей формулировкой, что она носит антипартийный характер. Так вот, в Ейске было записано: «Исключить за недостойное поведение, выразившиеся в написании и посылке в ЦК КПСС повести антипартийного содержания». Ростовский городской комитет КПСС, а затем Ростовский областной комитет КПСС по существу подтвердили решение парткома Ейского училища. Но при этом извратили формулировки. Вслушайтесь, что написали в Ростовском областном комитете партии. «В своей повести, устами её героев, выступил с клеветой на коммунистическую партию, на советский общественный строй, на социализм и коммунизм. Подверг ревизии учение марксизма-ленинизма. И не вывел при этом положительных героев, которые бы разоблачали эту клевету на наше советское общество, на нашу действительность». Такое решение было вынесено в 1965-1966 годах.

Чтобы было ясно, для чего я сейчас это говорю, отвлекусь на секунду и попрошу обратить внимание на даты, связанные с тем периодом жизни. В 1959 г. Петров написал повесть. В 1960 г. послал Хрущеву. В 1961 г. его исключили из партии. Есть ещё характерный эпизод: в летнем училище его обвиняли в том, что он учит студентов не по произведениям классиков марксизма-ленинизма, а читает современные американские и английские журналы. Заставляет студентов переводить эти тексты. В 1965 году отказали в восстановлении в партии. И только через пять лет, в 1970-м году его уволили из университета. Но увольнение было вызвано статьей 1969 года. Получается, что исключенному из партии можно было пять лет работать в университете. Никто не ставил вопроса о его исключении из университета. А после написания статьи в 1969 году уже в 1970 году его из университета изгнали. Здесь возникает много вопросов: кто, где, когда, какую роль сыграл?

У меня вместе с Виктором Николаевичем Дубровиным есть одно из предисловий к работам Петрова, где мы подробно анализируем ход обсуждения в Институте философии Академии наук СССР его статьи в «Вопросах философии». Характер обсуждения был зафиксирован одним из старейших работников журнала «Вопросы философии» Ц.Г.Арзаканяном. Он опубликовал в «Вопросах философии» очень точный, подробный, не

вызывающий никаких сомнений отчет. Только три человека выступили в защиту Петрова – Мамардашвили, Субботин и ещё кто-то, не могу вспомнить. Мамардашвили сказал, что это всё безобразие выдумывают участники обсуждения. То, что они преподносят как характерное содержание статьи Петрова, и здесь же начинают его опровергать. В таком стиле обсуждать невозможно.

Самый главный вопрос у меня – как можно было человека за эту повесть исключить из партии? Думаю, Макаренко Виктор Павлович был вторым после меня человеком, который внимательно прочитал эту повесть. Рецензенты – не читатели. В момент публикации повести в журнале «Дон» ее прочитал и выступал при обсуждении в РИСХМе Савелий Петрович Липовой. Он же написал отзыв о ней в журнале «Дон». Я не исключаю, что в жизни многие к ней обращались. И многие недоумевали, почему за эту повесть Петрова исключили из партии. Высказываются догадки о каких-то иных причинах этого акта. Тут можно сказать: устами младенца глаголет истина. Для меня остается самым важным и открытым вопросом: если в 1965 году решением областного комитета партии его не восстановили в партии, то почему лишь через 5 лет уволили из университета? И нашли основание для этого в статье в «Вопросах философии»? Это смешно. Я уверен, что его уволили не из-за статьи. Кого это интересует по существу дела, можете сами перечитать статью.

С.А.Кислицин: Да она наукообразная, тяжелая.

Ю.Р. Тищенко: Нет, она не наукообразная, вы, видимо Петрова не читали

С.А.Кислицин: Нет, я её читал.

Ю.Р. Тищенко: Ну, возможно, вы прочитаете статью в «Вопросах философии». Она написана в лапидарном стиле, очень интересная. Многие заявляют так, в том числе и вы: «Я не могу читать Петрова». Текст действительно читать трудно, я с вами здесь полностью согласен. Но остается вопрос: как это могло случиться?! Пять лет в университете держали исключенного из партии человека и никаких претензий не предъявляли. Я присутствовал на заседании трех кафедр, где один человек из Ростовского обкома КПСС пытался подать голос при обсуждении этой статьи и сказал так: «Ну, если Петров не хочет читать марксистско-ленинскую философию...». Вот, собственно, главное, что я хотел сказать.

А.П.Окусов: Коллеги, я журнал со статьей Петрова читал и знаю, что Ю.А.Жданов помог Петрову.

Ю.Р. Тищенко: Роль Жданова в судьбе Петрова преувеличена.

А.П.Окусов: Допускаю, поэтому с интересом вас послушал. Я хочу сказать по поводу того, почему обрушились на Петрова. Я занимался проблемой: почему разоблачение сталинизма и культа личности, если оно делалось коммунистами, вызывало значительно большие гонения, чем на обычных людей? Почему одновременно публиковали сочинения Солженицына многотысячными тиражами? Тогда как произведения коммунистов, которые разоблачали, не только не публиковали, а обрушивали на них всевозможные гонения и обвинения. Приведу ещё один пример. Был такой писатель Лев Овалов, автор бессмертной эпопеи о майоре Пронине. Его посадили в лагерь, он там отсидел, но эта целая эпопея, я сегодня не буду её рассказывать. Он был очень талантлив; по природе своей талантлив, хотя майор Пронин – это произведение определенного характера и типа. Выйдя из лагерей, Овалов написал произведение, в котором главный персонаж, коммунист, остается коммунистом и в лагерях, и выйдя из лагерей...

Да, он написал на эту тему произведение обобщающего плана... И в ЦК тоже послал, как Петров. И так же сильно получил по голове, был наказан. Это было произведение о коммунисте, который прошел через ужасы ГУЛАГа. И сохранил веру в партию – это было преступление. Написать «Ивана Денисовича» показалось преступлением меньшего уровня. Понимаете? И здесь то же самое. Что сделал Петров? Он написал с позиции коммуниста, разоблачал это наследие коммунизма, и это было очень опасно. Это не просто возбуждало дискуссии в стране, это наносило удар по самим устоям сталинизма, по ценностям, по лидерам сталинизма. Я думаю, если бы публикация состоялась, это было бы как маленькая атомная бомба. И с этой точки зрения я понимаю власть предрешающих и их позицию. Для них это было абсолютно недопустимо.

Ю.Р. Тищенко: Почему же пять лет после этого терпели в качестве преподавателя?

А.П.Окусов: Это другой разговор, я об этом сейчас не говорю. Я сейчас насчет «Майора Пронина». Это произведение было самой главной опасностью для той партии. Ещё было одно произведение, оно приблизительно того же уровня – «Жизнь и судьба» В.Гроссмана. Я удивляюсь, что его не расстреляли за эту повесть. Там он напрямую сравнивает коммунизм с фашизмом. Представляете? То есть всё это логично в той системе власти. Я был абсолютно удивлен, как с ними поступили. А вот то, что вы сказали, можно удивиться, почему это все терпели, на работе держали. Тут уже много вопросов. Кто ему покровительствовал? Кто его де-

ржал? Но это уже отдельный разговор. Но и хотелось бы ещё закончить по поводу Петрова. Я считаю, что Петров, и второй был у нас диссидент, Егидес, помните?

Ю.Р. Тищенко: Ну, они не сопоставимы!

А.П.Окусов: Да, я понимаю, что Петров тоньше, глубже, и основательнее, грубо говоря, умнее, но уважаю и Егидеса.

Ю.Р. Тищенко: Не умнее! Егидес вообще по сравнению с Петровым не существует! Я их лично знал, работы того и другого читал. Это со стороны так кажется. Ему даже дали Орден французского легиона...

А.П.Окусов: Я иначе считаю, но не буду спорить с уважаемым Юрием Романовичем. Восприятия событий опытным доцентом, понимающим суть сформировавшихся острых проблем и студентом-вечерником, который все воспринимал на сугубо эмоциональном уровне, должны отличаться.

Для меня Петр Маркович Егидес был простым, доступным, понятным преподавателем, грубовато, но увлекательно комментирующим самые скучные проблемы. Я до сих пор вижу объемную картину общественно-экономической формации с ее Базисом-Надстройкой, формами сознания, отношениями и т.д. старательно нарисованную на доске.

Он также добросовестно и понятно объяснял и суть проблем реального социализма, начиная с трудностей городского транспорта и кончая комментариями мер по укреплению философского потенциала РГУ М.М.Карповым, В.Е.Давидовичем и Е.Я. Режабеком.

Конечно, Петров был во всех отношениях сложнее, но вместе с тем, скучнее и непонятнее. Он мог, например, подобно Егидесу, за 2 часа изрисовать всю доску замысловатой системой грамматики английского языка. Но осмыслить и удержать это в памяти было невозможно. Или, например, он мог объяснить почему, имея свое оригинальное мнение, лучше сопоставлять противоположные позиции других авторов. Не всем тогда было понятно, почему передовую статью «Правды» нельзя считать научным аргументом и т.д.

Да, эти два человека, как бы их не оценивали, – это гордость, украшение нашего Ростовского университета, наравне с Юрием Андреевичем Ждановым. Эти три человека, которые являются звездами университета. Ну и последнее. Я очень благодарен, что вы, Виктор Павлович, написали эту книгу. Вы лично сделали то, о чем я давно мечтал. Вы это сделали, вы опубликовали, вы комментарии написали, вы обозначили свои позиции. Я просто восхищен этим вашим деянием. Вы сделали то,

что давно напрашивалось, но почему-то как-то раньше никто этого не делал. Прошло сколько лет, да, почти пятьдесят лет, когда всё это получило, наконец, положительную оценку. Я считаю обсуждение и анализ повести Петрова незаконченным, его нужно продолжать, я не со всеми позициями согласен. Было бы странно, если бы мы соглашались друг с другом, зачем тогда собираться и беседовать. Продолжим эту полемику в другой раз, спасибо!

А.В.Лубский: Коллеги, я хочу обратить ваше внимание на то, что это повесть, а не научный трактат. Она интересует нас как факт политической жизни, но больше всего свидетельствует о формировании в то время новых моральных концептов. Повесть демонстрирует, что уже появились философы, которые пытались в обществе формировать новые моральные концепты. Мне кажется, этот момент самый главный в повести. Я вчера до утра сидел, читал повесть. Она проникнута этим пафосом – необходимостью в первую очередь сменить мораль в обществе и приписать ей политическое звучание.

Ю.Р.Тищенко. До сегодняшнего дня я перечитывал повесть Петрова четыре раза, и постоянно находил там новое для себя. В последний раз я пришел к выводу, что все характеристики философской элиты того времени там описаны. Вот люди, которые делали нашу историю вплоть до сегодняшнего дня. Поэтому через 20 лет еще почитайте...

А.В.Лубский: Это понятно, каждый читает в рамках своей биографии. Я с Петровым один раз выпил и все.

С.А.Кислицин: Хотелось бы поблагодарить организаторов, на такой дискуссии я давно не был, она интересная, побуждает мыслить. Ильенков был прав: школа должна учить мыслить. Научная дискуссия тоже должна этому учить. Я не философ, но интересно слушать философов. Мамардашвили на вопрос «можно ли научиться философии?» отвечал «нет». А я думаю, что да: ходить к философу, слушать его и так будет проходить обучение. Мне бы хотелось обратить внимание на пару идей, которые рельефно прозвучали в процессе обсуждения: решенные вопросы подлежат пересмотру, переоценке и критическому анализу; научный скепсис должен стать основой методологии, это надо подумать.

Л.Г.Берлявский. (Обращается к С.А.Кислицину). Сергей Алексеевич! Относительно поиска методологии. Лет 10 назад на историческом совете вы сказали о том, что искали работы по методологии, и выписали одну работу, автора не буду называть, но он доктор философских наук. Вы тогда сказали, что внимательно прочитали и пришли к выводу: это ахи-

нея, там нет никакой методологии. Действительно, есть масса интерпретаций, и мы не видим решений, особенно когда речь идет о методологии. А то, что мы слышим сегодня заставляет мыслить. Особенно то, как сегодня уважаемый Виктор Павлович представил Петрова как мыслителя. Вторая вещь, о которой я давно думаю: образ или тип философа-разведчика, которого вывел Петров и прекрасно интерпретировал Виктор Павлович. Процитирую фильм «Монолог», там академик Сретенский говорит о двух типах ученых. Первый тип – это те, которые пробивают дорогу к новому знанию, вторые – те, которые подчищают за первыми. Академик Сретенский говорит: «Я из подчищал». Но нам интересен именно первый тип, кто продуцирует новое знание. Эта идея продуктивна не только с точки зрения методологии, но и с точки зрения методики, потому что сравнение ученого с разведчиком практически стопроцентное. У меня была статья об очень похожем человеке – Иосифе Григулевиче.

В.П.Макаренко: Он был натуральный сталинский шпион.

Л.Г.Берлявский: В эпоху моей юности я его видел дважды и познакомился потом с его архивом. Написал статью «Иосиф Григулевич: имена в истории советской науки и внешней разведки». Это стопроцентное попадание. Потому что поиск новой информации проходит этапы и он очень сходный с работой ученого именно того типа, который вычленяет новизну. Все этапы идентичны с работой ученого: поиском информации, поиском источников, вычленением новизны, анализом, который абсолютно такой же. Но есть разница: один из его коллег, у которого я имел честь учиться, говорил, что тут как в преферансе – карта валит пять минут. Если за пять минут это сделаешь – хорошо. А ученый может всю жизнь осмысливать

В.П.Макаренко: Не надо путать божий дар с яичницей. У Петрова речь идет о критически мыслящих философах-революционерах. А Григулевич, по характеристике М.Гефтера, «В науке был субъект еще тот. Глядя на него, доброго не скажешь – скользкий тип и пройдоха»³⁴. Может быть, скользкость и есть характеристика первого поколения сталинских шпионов или вообще всех сотрудников КГБ? Кроме того, у Петрова есть понятие таймированных проблем, которые должны решаться в определенный период, если они за это время не решены – пиши пропало. Ничего такого у отставных шпионов, которые пишут (или им пишут) мемуары, я не встречал.

³⁴ См.: Павловский Г. 1993: элементы советского опыта. Разговоры с Михаилом Гефтером. – М.: изд. «Европа», 2014, с.53

Л.Г.Берлявский: Абсолютно верно. Еще на один фильм сошлюсь, который всем прекрасно известен – «17 мгновений весны». Когда сталкиваются философ и политик, дуэль Штирлица с Мюллером. Бронебой, говорил, что когда снимали эти сцены, там все время присутствовал человек известно откуда и что-то подсказывал. Особенно когда они спускаются в подвал Мюллера и этот человек говорит ему, что здесь не годится, надо чтобы вы кого-то пытали. Вы ничего не поняли – отвечает ему Бронебой – это фильм не об этом. Это фильм о столкновении идеологий. Вот тот самый философ разведчик. На многое наталкивают наши сегодняшние размышления, не только на методологию и методику.

И последнее, что мне хотелось сказать: Петров, безусловно, крупнейший мыслитель. Его место должно быть почетным, без всякого сомнения. Кто-то посчитал, что у нас в Ростове сорок докторов философских наук. Но пародист Иванов говорил: «Поэтов масса, но настоящих поэтов можно пересчитать на пальцах одной руки». Петров – это колоссальная школа мысли.

В.П.Макаренко: Хорошо, что не сорок сороков, как церковью было в Москве, по преданию. Уже и так эти сорок ронинов дерутся за паству...

А.В.Лубский: Доктор философских наук и философ – это абсолютно разные вещи.

В.П.Макаренко: Однозначно.

(Шум, реплики, смех).

В.А.Шкуратов: К стыду своему даже не имею право здесь говорить, потому что я повести не читал. Но я ее обязательно прочитаю. Но вот что меня от Петрова все время отталкивало – что он и философ-разведчик и философ разведки. По Фуко, наука исходит от инквизиции, слово совершенно однокорневое. И Петров работает внутри этой системы. Он очень любознательный человек, но внутри системы. Я вспомнил такой случай. На первом съезде Союза советских писателей обсуждали незаконно выпущенные произведения Лосева, которые он в 1931–32 годах сам публиковал, когда уже нельзя было ничего публиковать. Сначала Бухарин выступил и сказал: «Ну, не будем его осуждать, это же все-таки такие оттенки». А потом выступил Киршон (кстати, тоже бывший ростовчанин) и сказал: «За такие оттенки надо ставить к стенке». Вот исторический парадокс, ирония истории: через три или четыре года самого Киршона поставили к стенке, а Лосев прожил до 90 лет. Понимаете!? Потому что Киршон был внутри системы, он же был писатель-партиец, секретарь партийной организации. Эта структура очень тщательно следила, чтобы ее изнутри

не разлагали. Почему Солженицына опубликовали? Потому что он писатель, не картинной совестью выступал, а просто выступал от имени русской литературы. А здесь было построено все по партийной линии.

А.В.Лубский: Это назидание...

В.А.Шкуратов: Назидание... Хотелось, чтобы мы работали не в системе, а в большом свободном пространстве. И где мы в значительной степени будем независимыми мыслителями, а не членами тех или иных организаций. Ведь разведчики в самом общем виде – это специалисты...

Голос из зала: ...узкие...

(Смех, шум, публика устала)

Ю.Р.Тищенко: Слово разведчик здесь прозвучало более десяти раз. В связи с этим я хочу напомнить: Петров был обычный армейский разведчик. Он не тот разведчик, о котором мы привыкли говорить в широком смысле слова. Сталин был прозорлив, он молодых разведчиков посылал в военный институт иностранных языков.

А.В.Лубский: Виктор Павлович в связи с этим в книжке показывает различие между шпионом и разведчиком.

В.А.Шкуратов: Но Петров просто был очень смелый человек.

Л.Г.Берлявский: Можно маленькую ремарку? Судя по всему, в то время, когда Петров попал в институт иностранных языков – это был пик развития этого заведения. Его возглавлял генерал-лейтенант Н.Н.Биязи – это бывший военный атташе в Италии. Он был глубокий интеллектуал, знал десять языков. Как сказали мне выпускники, после Биязи уже руководители института ни одним языком не владели. Так что это был пиковый легендарный выпуск военной поры и неслучайно многие мыслители вышли оттуда. Об этом я прочел у Р.К.Миньяр-Белоручева, заведующего военной кафедрой в МГИМО.

С.П.Поцелуев:

А.В.Лубский: Коллеги, если нет желающих больше выступить, то давайте поблагодарим Виктора Павловича за то, что он написал эти две работы. И доставим этими работами нам возможность поучаствовать, как Герасимов говорит, в интеллектуальном пиршестве.

В.П.Макаренко: Интересней, конечно то, что еще не написано. Интересен материал, над которым работаешь. Как сказал бы постмодернист, надо исходить из текста повести. Однако чтение и изучение – это процедуры не всегда совпадающие. Если бы я сейчас заново прочел повесть Петрова, то, естественно, увидел бы уже немножко иначе. Хотел бы предложить вам элементы самокритики в отношении той вер-

сии, которую я дал в этой книжке и статьях. Обращу ваше внимание на два пункта.

Частично идею первого пункта подал Владимир Александрович Шкуратов. Он провел различие между разведкой и инквизиционной деятельностью со ссылкой на Фуко. Здесь есть интересный ход, в том числе для критики М. Фуко. Есть материалы дневникового характера, которые позволяют не согласиться с тем различием, которое делал Фуко. Я сейчас говорю о том, чего еще не писал, но штудировать – штудировал. Есть очень интересный человек и интеллектуал А.С. Черняев – советник, профессиональный историк, истфак заканчивал Московского университета. Он постоянно вел дневник во время работы в ЦК КПСС.

Ю.Р.Тищенко: Помощник Горбачева?

В.П.Макаренко: Да, но это уже на склоне лет он был помощником. Он долго работал в международном отделе ЦК КПСС и вел дневник. Этот дневник больше 1000 страниц. И он описывает деятельность этого отдела и между тем сообщает интересную идею, которая может быть развита и она имеет отношение к тем вещам, о которых мы говорим. Он анализирует склад ума людей, вовлеченных в пропаганду идей. Например, он так пишет о Б.Н.Пономареве: Полицейско-пропагандистский склад ума уничтожает само содержание ума. Иначе говоря, человек, руководящий идеологической структурой, оказывается если не глупцом, то предлагаю подумать – кем? Если под этим углом зрения прочесть дневник А.И.Черняева, то оттуда можно извлечь вывод: внутри идеологической структуры различие Фуко не работает. Потому что человек, казалось бы, находящийся в инквизиционной структуре, фиксирует ее вымышленный, снимающий содержание ума смысл. Связь полиции с пропагандой – это как раз то, против чего и Петров в своей повести выступал. Отмечу, что они почти ровесники с Черняевым. Это люди одного поколения. Интересен сам духовно-практический феномен: связь полиции с пропагандой может быть предметом социологического анализа. Сегодня этот стереотип мысли широко воспроизводится. Надо его выписать детальным образом. Обратите также внимание на отличие естественной разведывательной деятельности от полицейско-пропагандистского склада ума.

Второй пункт связан с концовкой повести Петрова. Описывается пивная на Арбате. Появляется фигура плотника – работяги, который делал революции, а сейчас пашет как лошадь и проповедует лошадиную философию. С ним спорит молодой человек, который собирается поступать на философский факультет. Я думаю, что в образе плотника и фило-

софа воспроизведен библейский сюжет Иосифа и его сына Иисуса Христа. И фигура будущего студента философского факультета отменяет как раз официальный взгляд на всю советскую историю. Здесь есть о чем подумать.

А.В.Лубский: По поводу понятия полицейское государство. Оно появилось на рубеже XVII-XVIII веков и носило позитивный смысл.

В.П.Макаренко: Короче говоря, моя задача скромная, но важная: реконструировать все идеи Петрова и одновременно показать их созвучие сегодняшним проблемам. Таков предмет размышлений. Спасибо за участие в них.

УЧАСТНИКИ ДИСКУССИЙ

- Абросимов Д.В.**, кандидат политических наук, доцент (ЮФУ)
- Авдулов Н.С.**, кандидат исторических наук, профессор (Северо-Кавказский научный центр высшей школы ЮФУ)
- Архипов А.Ю.**, доктор экономических наук, профессор (ЮФУ)
- Байлов А.В.**, кандидат исторических наук, доцент (ЮФУ)
- Бардаков А.И.**, доктор политических наук, доцент (Волгоград, Поволжский Институт-филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы)
- Берлявский Л.Г.**, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор (Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)).
- Боровская М.А.**, доктор экономических наук, профессор (ЮФУ)
- Буйло Б.И.**, доктор философских наук, профессор (ЮФУ)
- Венков А.В.**, доктор исторических наук, профессор (ЮФУ)
- Владимирский Б.М.**, доктор биологических наук, профессор (ЮФУ).
- Вольчик В.В.**, доктор экономических наук, профессор (ЮФУ)
- Глебова И.И.**, доктор политических наук, профессор (Москва, Институт научной информации по общественным наукам РАН)
- Громов Р.А.**, кандидат философских наук, доцент (ЮФУ)
- Гудков Л.Д.**, доктор философских наук, профессор (Москва, Левада-Центр)
- Денисов С.А.**, кандидат юридических наук, доцент (Екатеринбург, Гуманитарный университет)
- Денисова Г.С.**, доктор социологических наук, профессор (ЮФУ)
- Драч Г.В.**, доктор философских наук, профессор (ЮФУ).
- Дружинин А.Г.**, доктор географических наук, профессор (Северо-Кавказский НИИ экономических и социальных проблем ЮФУ)
- Дубин Б.В.**, зав.отделом социально-политических проблем Левада-Центра (Москва)

- Ерохин Н.Е.**, ученый секретарь вузов Южного федерального округа РФ (ЮФУ)
- Ерыгин А.Н.**, доктор философских наук, профессор (ЮФУ)
- Захаревич В.Г.**, доктор технических наук, профессор (ЮФУ)
- Иванников И.А.**, доктор юридических наук, профессор (ЮФУ)
- Камкия Б.А.**, кандидат философских наук, доцент (Сочи, Сочинский институт Российского университета дружбы народов)
- Камкия Ф.Г.**, кандидат юридических наук, доцент (Сочи, Сочинский институт Российского университета дружбы народов)
- Капустин Б.Г.**, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН, ординарный профессор Йельского университета США
- Кирой В.Н.**, доктор биологических наук, профессор (ЮФУ)
- Кислицин С.А.**, доктор исторических наук, профессор (Южно-Российский институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ)
- Козерь В.**, учитель истории средней школы г.Ростова-на-Дону
- Константинов М.С.**, кандидат политических наук, доцент (ЮФУ)
- Константинов М.С.**, кандидат политических наук, доцент, старший научный сотрудник (СКНИИЭиСП ЮФУ)
- Коротец И.Д.**, доктор философских наук, профессор (ЮФУ)
- Коротец И.Д.**, доктор философских наук, профессор (ЮФУ)
- Кукулин И.В.**, кандидат филологических наук, доцент (Москва, Научно-исследовательский университет – Высшая школа экономики, Москва)
- Куликов А.Н.**, кандидат философских наук, доцент (ЮФУ)
- Левина Г.В.**, координатор программ РОО «Кеннан» (Москва)
- Лешкевич Т.Г.**, доктор философских наук, профессор (ЮФУ)
- Лешкевич Т.Г.**, доктор философских наук, профессор (ЮФУ)
- Лубский А.В.**, доктор философских наук, кандидат исторических наук, профессор (ЮФУ)
- Лубский А.В.**, доктор философских наук, профессор (ЮФУ)

Макаренко В.П., доктор философских наук, доктор политических наук, профессор, заслуженный деятель науки России, академик Национальной академии педагогических наук Украины (СКНИИЭиСП ЮФУ)

Мамедов О.Ю., доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки России (ЮФУ)

Мартиросов М.А., аспирант (ЮФУ)

Марченко Т.А., доктор социологических наук, профессор (ЮФУ)

Миллер Б.Н., посетитель

Мининков Н.А., доктор исторических наук, профессор (ЮФУ)

Митина И.В., доктор философских наук, профессор (ЮФУ)

Морозова Н.О., кандидат экономических наук, доцент (Астраханский государственный университет)

Москаленко С.Г., кандидат исторических наук, доцент (Ростовский юридический институт МВД РФ)

Муза Д.Е., доктор философских наук, профессор (Донецкий национальный технический университет, Донецк, Украина).

Николаев И.В., аспирант (ЮФУ)

Оболонский А.В., доктор юридических наук, профессор (Москва, Научно исследовательский университет – Высшая школа экономики)

Окусов А.П., доктор философских наук, профессор (Ростовский юридический институт МВД РФ)

Паин Э.А., доктор политических наук, профессор (Москва, Научно-исследовательский университет – Высшая школа экономики)

Пивоваров Ю.С., доктор политических наук, профессор, академик РАН (Москва, Институт научной информации по общественным наукам РАН)

Понеделков А.В., доктор политических наук, профессор (Южно-Российский институт-филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы)

Попов В.Ю., младший научный сотрудник (Северо-Кавказский НИИ экономических и социальных проблем ЮФУ).

Порус В.Н., доктор философских наук, профессор (Москва, Научно-исследовательский университет – Высшая школа экономики)

Поцелуев С.П., доктор политических наук, доцент, ведущий научный сотрудник (СКНИИЭиСП ЮФУ)

Проценко Н.П. аспирант (ЮФУ)

Рожковский В.Б., кандидат философских наук, доцент (Ростовский юридический институт МВД РФ)

Семин Д., студент (ЮФУ)

Старостин А.М., доктор политических наук, профессор (Южно-Российский институт-филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы)

Субботин А.И., кандидат философских наук, доцент, младший научный сотрудник (ЮФУ)

Тищенко Ю.Р., кандидат философских наук, доцент (ЮФУ).

Ткаченко В.Н., доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент (Киев, Национальная академия педагогических наук Украины)

Узнародов И.М., доктор исторических наук, профессор (ЮФУ)

Цымбал Е.В., кинорежиссер (Москва)

Швец Л.Г., доктор философских наук, профессор (СКАГС)

Шипилова Р.А., кандидат исторических наук, доцент (ЮФУ)

Шкуратов В.А., доктор философских наук, профессор (ЮФУ)

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редактора	3
Система русской власти: диссонансы или созвучия концептов? (стенограмма творческой мастерской, 28–29 мая 2009 г.).....	12
Современность: дилеммы и парадоксы (стенограмма «круглого стола» 17 июля 2009 г.).....	130
Политическая бюрократия и господствующие меньшинства:случай сегодняшней России (стенограмма творческой мастерской, 27–29 апреля 2010 г.).....	223
Обсуждение книги В.П. Макаренко «Научно-техническая контрреволюция: идеи М.К. Петрова как источник мысли. Ростов-на-Дону, Ростиздат, 2012» (10 февраля 2012 года, стенограмма).....	273
Русская власть и бюрократическое государство (стенограмма российско-украинской конференции, 26–27 марта 2012 г.)	318
Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований в информационном и научном пространстве региона и страны (круглый стол 5 июля 2012 г.).....	421
Концепт катастрофы и российская реальность (круглый стол, 6 июля 2013 г.)	442
Проблема проработки советского прошлого (стенограмма конференции 23–24 марта 2013 г.)	475

Наследие коммунистического прошлого в современной жизни России и российские перспективы левого движения (стенограмма семинара-диспута) 18–19 мая 2013 г.	591
Политическая философия М.К.Петрова: стенограмма обсуждения книги В.П.Макаренко «Практикующие гегельянцы и социальная инерция: фрагменты политической философии М.К.Петрова». Ростов-на-Дону, Март, 2013, 536 с. 29 марта 2014 г.	655
Участники дискуссий.....	690

Научное издание

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ РОСТОВ:
книга дискуссий

Монография

Ответственный редактор В.П.Макаренко